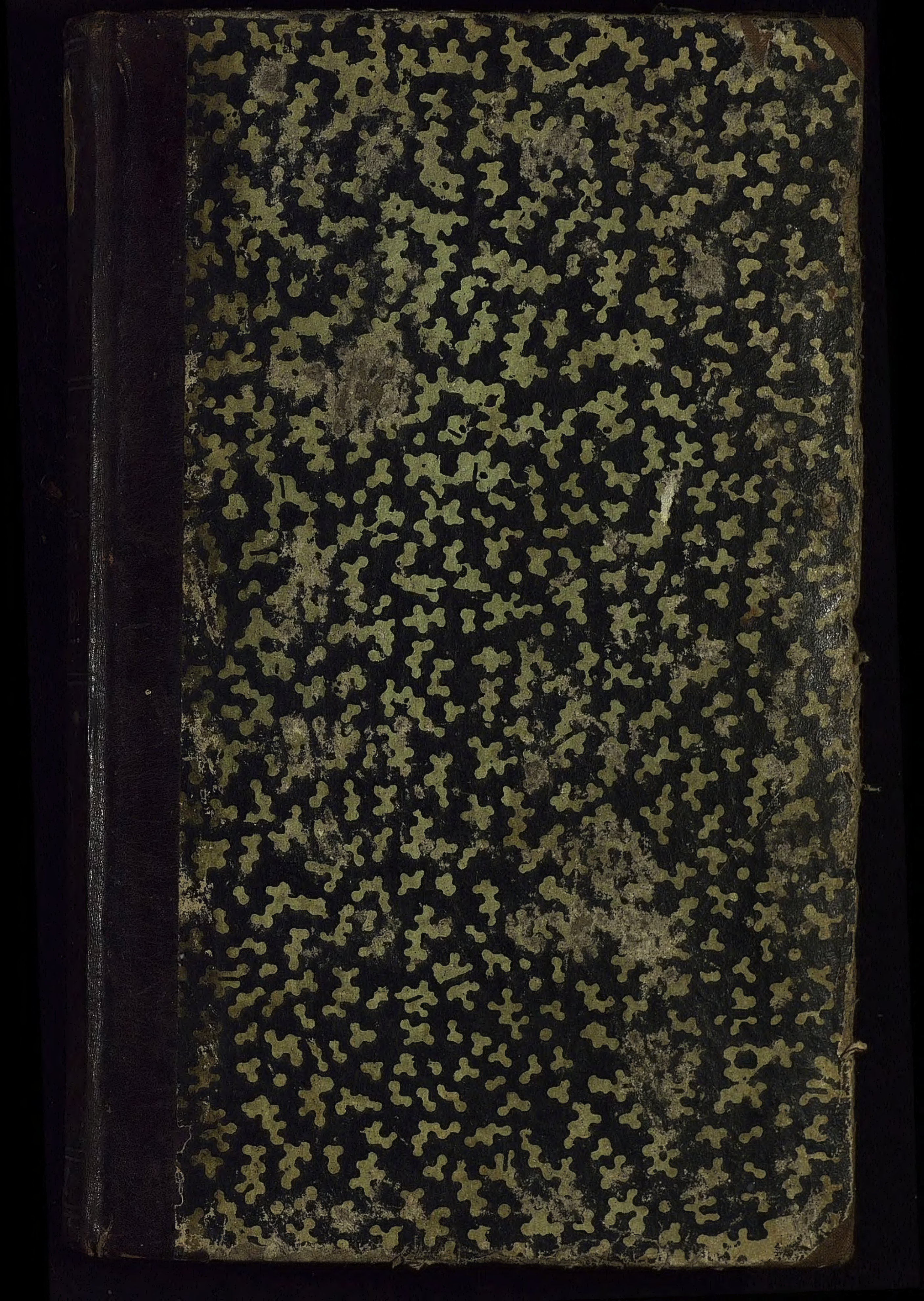
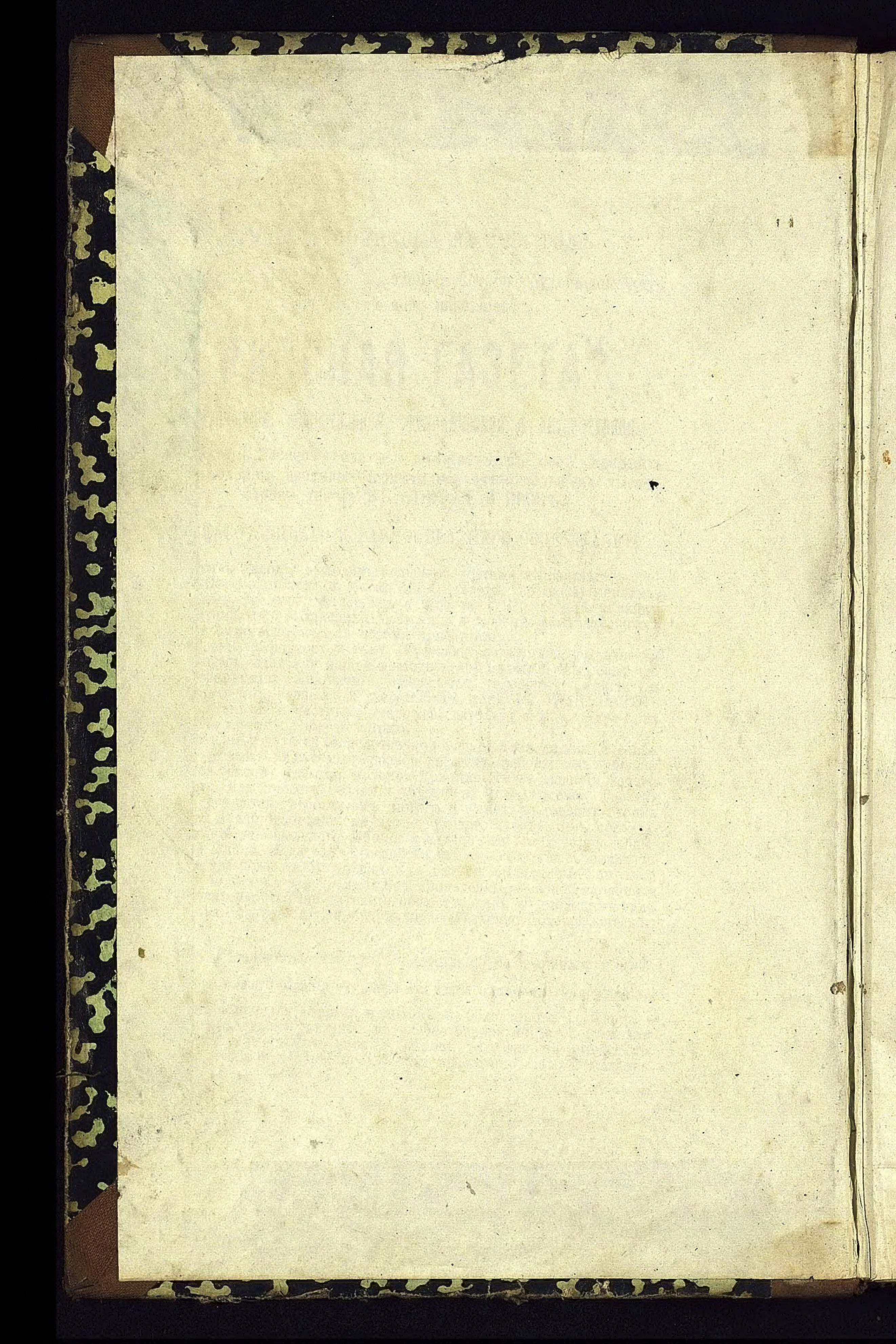
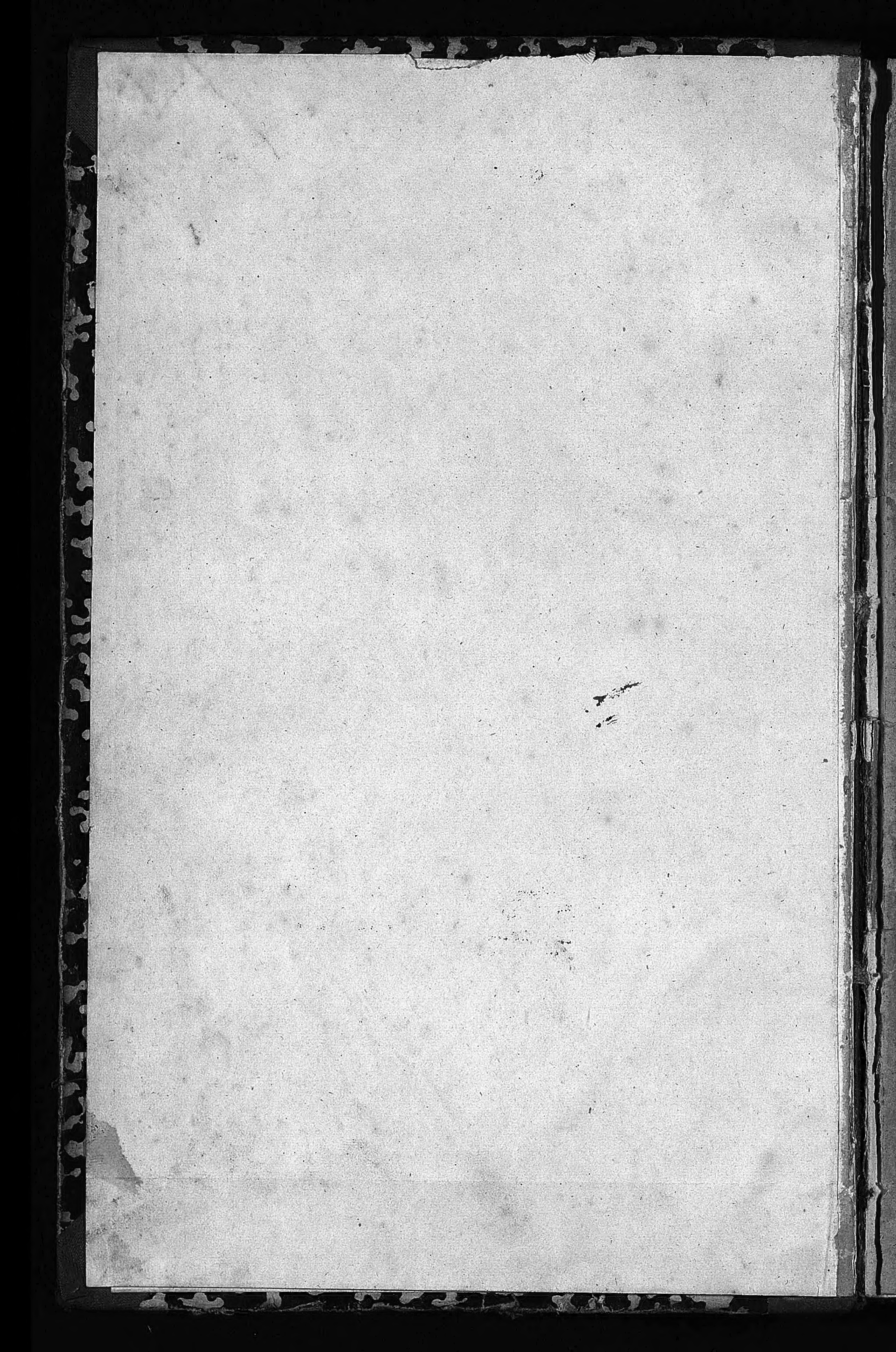
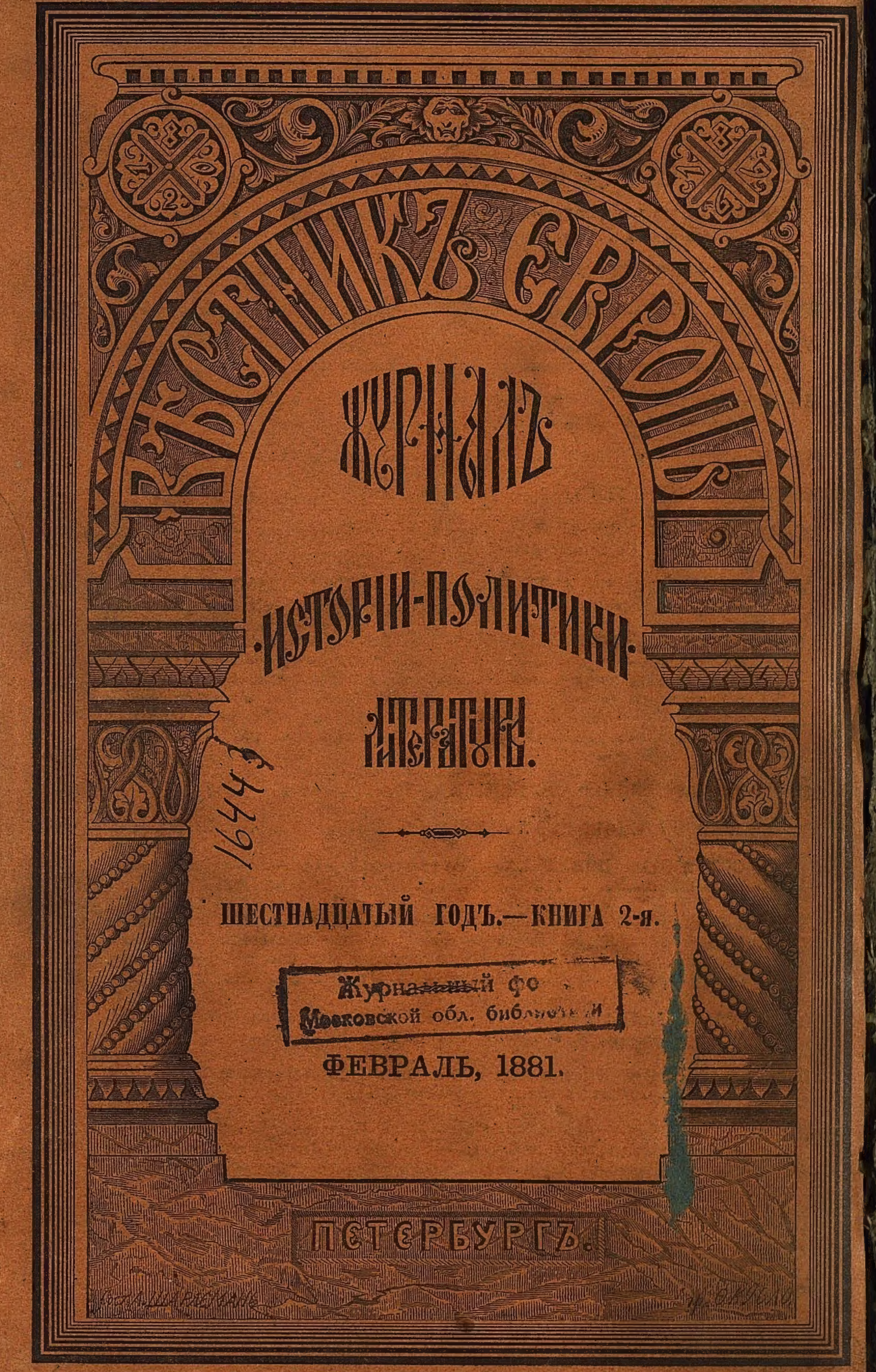

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1881.

Стр.

I.—ПРІЕМЫШИ.—Очеркъ изъ жизни брошенныхъ дѣтей.—**Н. Полоцкаго** . . . 453

II.—ПРЯМЫЕ НАЛОГИ ВЪ РОССІИ.—Опытъ устройства ихъ на подоходномъ основаніи.—**Ю. Г. Жуковскаго** . . . 485

III.—ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА.—X.—Серафимъ Ежиковъ.—**А. И. Эртеля** . . . 526

IV.—НОВАЯ БІОГРАФІЯ БАЙРОНА.—Byron, by John Nichol. — **А. С.** . . . 561

V.—МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ.—X-XII.—**В. Д. Спасовича** . . . 608

VI.—ИЗЪ ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ.—Письма Пушкина о „Борисѣ Годуновѣ“,— Съ замѣчаніями **В. П. Гаевскаго** . . . 643

VII.—РУССКІЕ РАЦІОНАЛИСТЫ.—1. Субботники.—2. Духоборцы.—**Е. Р.** . . . 650

VIII.—ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.— **В. С. Лихачева** . . . 690

IX.—РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО. — Романъ миссъ Брэддонъ. — Часть первая. VII—XIV.—Съ англійскаго . . . 691

X.—ХРОНИКА.—ТЕОРІЯ ДОСТАТОЧНОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛОВЪ. —По поводу статьи Д. Ѳ. Самарина въ газетѣ „Русь“.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова**. 773

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Государственный бюджетъ на 1881 годъ.—Общія соображенія.—Очеркъ нашихъ послѣднихъ финансовыхъ системъ.—Экономія, какъ основная черта новаго бюджета.—Предполагаемые доходы на 1881 г., и особенности въ ихъ вычисленіи.—Прямые налоги.—Подушная подать.—Поземельный налогъ.—Промысловый налогъ.—Питейный, табачный и сахарный акцизы.—Таможня.—Желѣзныя дороги.—Государственные расходы и долги.—Кредитные билеты . . . 794

XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Назадъ или впередъ?—**К.** . . . 827

XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. **G. R. G.** . . . 851

XIV.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Политика и народъ.—По поводу ирландскаго вопроса . . . 870

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I.—Масоны. Романъ А. Ѳ. Писемскаго.— Ю. Добрынинъ, Пейсъ-Паша и его консорты.—Русскіе простонародные травники и лечебники, В. М. Флоринскаго.—II.—Святе письмо Нового Завіту, малорусскій переводъ П. А. Кулиша и И. Пулюя . . . 882

XVI.—НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА, г. Исакова, подъ редакціей П. Ефремова—N. N. . . . 899

XVII.—ИЗВѢСТІЯ.—Отъ Общества любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ, объ открытіи подписки на памятникъ Гоголю . . . 917

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — И. А. Гончаровъ, Четыре Очерка. — П. Огородниковъ, Страна Солнца. — Цицеронъ и его друзья. Соч. Гастона Буассье. Переводъ Маріи Корсакъ.—Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.—Основы гигіены. Сост. Я. Симоновичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объ изданіи, подъ общею редакціею, въ 1881 г., журнала „Вѣстникъ Европы“ и ежедневной газеты „Порядокъ“—см. ниже, на оберткѣ.

ПРІЕМЫШИ

Очеркъ изъ жизни брошенныхъ дѣтей.

По пустынной улицѣ, раскаленной лѣтнимъ полуденнымъ жаромъ, раздается сильный дѣтскій плачъ. Этотъ крикъ, врываясь сквозь закрытыя жалузи солиднаго барскаго дома, сливается со звуками шопеновскаго вальса, только-что начатаго Юлинькой, и мѣшаетъ ей играть.

— Однако какъ они долго ревутъ, Nathalie,—говоритъ Юлинька, отходя отъ фортепьяно, на которомъ бренчала съ ранняго утра, то начиная одну пьесу, то бросая ее и начиная другую. Nathalie, очень занятая вышиваньемъ малороссійской рубашки, разглаживаетъ свое шитье, дѣлая какія-то соображенія, и ничего не отвѣчаетъ. У ногъ ея, свернувшись клубкомъ, лежитъ громадная меделянская собака на красной постелькѣ, изящно сдѣланной Nathalie. Нѣсколько поодаль, въ темномъ углу, сидитъ, точно закаменѣлая, третья сестра — Зина; сидитъ она часа уже три, сжавши губы, держа руки на колѣняхъ и безсмысленнымъ взглядомъ смотритъ вдаль передъ собой. Въ другомъ углу, въ широкомъ креслѣ, дремлетъ мать, закрывши лицо большой газетой.

— Непремѣ-ѣнно, непремѣнно уѣду въ Швейцарію... Ненавижу Россію!..—прерываетъ Зина внезапно свое молчаніе, съ жестомъ упорства ударяя рукой въ колѣно.

А дѣтскій плачъ все раздается на улицѣ.

Юлинька подходитъ къ окну и распахиваетъ зеленыя жалузи. Нагрѣтый воздухъ врывается въ прохладный залъ; яркіе лучи солнца заиграли на паркетномъ полу, на пестро-вышитой мало-

россійской рубахѣ Юлиньки, на ея черныхъ, какъ вороново крыло, волосахъ.

— Чего тебѣ, мальчикъ, что ты кричишь?—спрашиваетъ она нараспѣвъ, высовываясь изъ окна.

Но отвѣта нѣтъ и крикъ все тотъ-же.

— Nathalie, смотри, смотри, пожалуйста! Какіе милые!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ Nathalie, подбѣгая и тоже высовываясь изъ окна вмѣстѣ съ своимъ вышиваньемъ.— Особенно мальчикъ... Какія неуклюжія манеры! Ха-ха-ха!

Тотъ, котораго хвалили, былъ бѣлокурый, босоногій мальчикъ, лѣтъ шести, одѣтый въ одну лишь нанковую рубашонку. Онъ былъ безъ шапки и, почесывыя себѣ спину, ревѣлъ во все горло. Ему вторила, держась за него, трехлѣтняя дѣвочка, одѣтая въ такой же костюмъ, какъ ея старшій братишка.

— Тять-а-а!.. Тять-ка!—кричалъ мальчикъ въ пространство, переставъ плакать. Дѣвочка прислушалась немного къ крику братишки и потомъ снова залилась уже вмѣстѣ съ нимъ.

— Нѣтъ, надо пойти ихъ взять! Ужасная жара; ils auront mal à la tête.—Юлинька схватила маленькій шолковый зонтикъ, подбѣжала къ лѣстницѣ, быстро сбѣжала во дворъ, отворила калитку и очутилась передъ дѣтьми.

— Скажи-ка мнѣ, мальчикъ, чего тебѣ? Кто васъ обидѣлъ?— говорила она, садясь на корточки передъ ними и беря ихъ за руки.

Увидѣвъ передъ собою разряженную барышню, дѣти сразу перестали ревѣть; дѣвочка выпучила большіе глаза, которые терла одной ручкой, тогда какъ другой она продолжала крѣпко держаться за брата. Юлинька вытерла мальчику платочкомъ его загорѣлое и грязное лицо и повела дѣтей на верхъ.

Собака, почуявъ приближеніе чужихъ, подняла голову и сердито зарычала.

— Цыцъ, Русланъ,—пригрозила Наташа, бросившись на встрѣчу къ дѣтямъ, которые, между тѣмъ, робко и дико оглядывали непривычные для нихъ предметы. Мальчикъ на все смотрѣлъ исподлобья, а дѣвочка грызла кулакъ.

— Quels yeux, Nathalie, quels beaux yeux! Zina, regarde!— кричала Юлинька въ восторгѣ отъ своей находки.

Зина апатично поворачиваетъ свои безсмысленные, но злые глаза и произноситъ: «Quels idiots!..»

— Чей ты?.. Чей ты?—продолжали между тѣмъ въ одинъ голосъ Юлинька съ Наташей разспрашивать мальчика.

— Ѳе-до-та...—отвѣчалъ мальчикъ, глядя исподлобья.

— Какого Ѳедота?

— Ѳе-до-та.

— А ка́къ тебя звать?

— Вань-ка-а.

— А тебя какъ звать, дѣвочка?

— Е-на Маш-ка-а,—отвѣтилъ Ванька вмѣсто сестры, которая продолжала молча и удивленно смотрѣть на все большими глазами.

— А гдѣ твой папа, Ваня?

— Гдѣ *тятя*, Юлинька, надо спросить. «Тятя, тятя, наши сѣти притащили мертвеца»—помнишь?!

— Гдѣ твой тятя?

— Тятька мой?.. За баранками... поѣхалъ... Вонъ куда!..

При упоминовеніи баранокъ, Маша, успѣвшая придти въ себя отъ перваго изумленія, начинаетъ тереть кулакомъ глаза и вдругъ залилась вновь.

— Ужо́ тятька привезетъ... баранокъ-то!—внезапно поборовъ волненіе и робость, утѣшилъ Ваня сестру.—Дай ей... хлѣбца-то... Мой тятька пріѣдетъ, *отдасъ!*—храбро обратился онъ, въ заключеніе, къ Юлинькѣ.

Дѣвушки расхохотались.

— Comme il est drôle!.. Милый, славный... голубчикъ!—приговаривали онѣ, бросившись его цѣловать съ двухъ сторонъ.

— Mais, Julie, que fais-tu? Il est sale!.. И потомъ, кто знаетъ... скверная болѣзнь!—проговорила мать, отрываясь отъ газеты.—Horreur, horreur!—внезапно вскрикиваетъ она, блѣднѣя —Regarde!

По лбу Вани, лѣниво переваливаясь, спускалось жирное насѣкомое. Дѣвушка инстинктивно отшатнулась.

— Уведи, уведи его!.. Дай имъ гривенникъ и оставь, гдѣ взяла...

— Mais, maman, il fait chaud! Что́ съ вами?!

— Онъ загадитъ домъ...

— Я ихъ сейчасъ вымою... Акулина, Акулина!—кричитъ Юлинька, высовывая свой изящный бюстъ въ окно, выходящее на дворъ.

— Чего-съ?

— Есть теплая вода?

— Есть, барышня.

— Пойдемте,—говоритъ Юлинька,—подобравъ юбки и взявши осторожно дѣтей за руки, спускается съ ними съ лѣстницы въ кухню.

Несмотря на косые взгляды прислуги, Юлинька собственноручно взялась за мытье дѣтей, предварительно приказавъ смотрѣть, не пріѣдутъ-ли за ними. Юлинька терла съ большимъ усердіемъ, совершенно такъ, какъ она это дѣлала, когда мыла любимыхъ собаченокъ. Она перемѣнила воду не меньше четырехъ разъ.

— Это ужасъ, ужасъ—какая грязь!—восклицала она, чувствуя, какъ ея красивое личико покрывалось краской негодованія... противъ безжалостныхъ родителей Вани.

Дѣти вели себя во время всѣхъ этихъ операцій очень терпѣливо. Теплая вода и намыленная мочалка пріятно щекотали ихъ маленькія тѣла, не привыкшія къ такой роскоши. Только Машѣ, когда ей намылили лицо, сдѣлалось вдругъ страшно оттого, что она не видитъ около себя Вани; она раскрыла одинъ глазъ, чтобъ убѣдиться въ его присутствіи, но мыло начало щипать ея глазокъ и она начала кряхтѣть.

— Ну ты!.. толкнулъ ее Ваня, и она тотчасъ замолчала.

— Никогда такой грязи не видала!—продолжала, между тѣмъ, негодовать Юлинька, снова принимаясь за голову Вани.— Гдѣ твоя мама?

— Мамка моя... въ гробикѣ!—отвѣтилъ Ваня, отфыркиваясь отъ мыла, которое залѣзло ему въ ротъ.

Когда дѣли были вымыты, Юлинька хватилась, что одѣть ихъ не во что. Надѣть на чистое тѣло грязныя лохмотья—ей показалось ужасно. Она стояла въ недоумѣніи передъ дѣтьми, закутанными въ простыни, когда вошедшая Наташа выручила ее изъ затрудненія.

— Пошли-ка къ Лидіи Васильевнѣ; у нея для Вани найдется платье. А Машѣ мою кофту можно дать.

Черезъ полчаса Ваня и Маша сидѣли въ столовой передъ ѣдой. На Ванѣ была нѣсколько длинная, но превосходная малиновая рубашка, подпоясанная кушакомъ и бѣлые панталоны; Маша была одѣта тоже въ очень длинную, но красиво вышитую ночную кофту Наташи. Дѣти ѣли очень много, запихивая въ ротъ обѣими руками колбасу и бѣлый хлѣбъ. Ваня нѣсколько разъ отдыхалъ, утомленный жеваніемъ, а Юлинька съ Наташей смотрѣли на него теперь съ восторгомъ.

Но возвращенія отца дѣтей ждали напрасно. До самаго вечера и Юлинька съ Наташей и горничная Дуня высматривали въ окно, когда кто-нибудь проходилъ по улицѣ, но никакого мужика не было видно. Разъ Юлинька спросила даже проходившаго артельщика въ фартукѣ:

— Вы дѣтей ищете?

Артельщикъ въ отвѣтъ только ухмыльнулся въ бороду, отвѣтивъ:—На что они мнѣ?!

Когда полуденный жаръ спалъ и солнце стало закатываться за крыши высокихъ домовъ, барышни вышли съ дѣтьми даже за ворота—выглядывать Ванина отца. Но онъ не приходилъ. Становилось свѣжо. Пришлось дѣтей опять ввести въ комнаты, потому что имъ захотѣлось спать. Тогда барышни рѣшили уложить ихъ, справедливо полагая, что если отецъ оставилъ дѣтей у ихъ дома, то можетъ и справиться объ нихъ тамъ же. Ваню и Машу передъ сномъ снова накормили, причемъ Ваня взялъ кусокъ булочки для «тятьки». Маша немедленно послѣ ѣды уснула, а Ваня остался, сидя на кровати, «посторожить покель тятька придетъ». Но скоро сонъ сталъ смыкать глаза ребенка, голова его склонялась на грудь, онъ схватывался, раскрывалъ глаза съ изумленіемъ, но тотчасъ снова засыпалъ, продолжая однако держать кусочекъ булки въ рукахъ. Наконецъ голова его спустилась ниже, упала на тюфякъ и Ваня заснулъ крѣпчайшимъ сномъ у ногъ своей сестренки.

Юлинька и Наташа зашли навѣдаться къ дѣтямъ и, увидѣвъ эту картину, освѣщенную луной,—пришли въ восторгъ.

— Какъ это живописно, неправда-ли?—сказала Юлинька, затрудняясь найти слово.—Правда?

— Ахъ да, ужасно, ужасно живописно! Наташа нагнулась и осторожно поцѣловала мальчика въ лобъ.—Надо-бы его подстричь—замѣтила она.

— Да, но его отецъ... знаешь, мнѣ бы очень хотѣлось оставить ихъ у насъ. Что же такое? У насъ много мѣста... Все равно—такая скука!

— Pourquoi pas? Навѣрно отецъ ихъ бросилъ... Это подкидыши.

— Нѣтъ, я думаю, отецъ ихъ пьянъ... въ кабакѣ; утромъ онъ можетъ пріѣхать.

— Что-же, можно сказать, что у насъ ихъ нѣтъ...

— Ахъ, нѣтъ... знаешь, я бы ихъ воспитала... Можно бы отдать ихъ въ гимназію... et puis, qui sait?.. изъ Вани, можетъ быть, выйдетъ прокуроръ... comme Serge.

Дѣвушки съ восторгомъ посмотрѣли другъ другу въ глаза. Долго говорили они на эту тэму, разгорячая все болѣе и болѣе свое воображеніе. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онѣ разстались далеко за полночь, крѣпко поцѣловавшись на прощанье. Юлинька осталась спать въ одной комнатѣ съ дѣтьми. Наташа же спала вмѣстѣ съ Зиной. Въ комнатѣ Юлиньки постоянно стояли двѣ

кровати, потому что нерѣдко случалось, что Зина прогоняла Наташу изъ своей комнаты и тогда та уходила спать къ Юлинькѣ.

Ваня проснулся на зарѣ, когда въ домѣ еще всѣ спали. Въ комнатѣ было довольно темно отъ опущенныхъ занавѣсокъ. Ваня сѣлъ на кровати, оглядываясь съ изумленіемъ, не понимая, гдѣ находится. Но потомъ онъ ощупалъ около себя кусокъ вчерашней булки и сейчасъ же все вспомнилъ. Первымъ желаніемъ его было найти отца. Онъ мужиковато спустился съ кровати и черезъ полуотворенныя двери комнаты прошелъ въ корридоръ. Но тутъ двери оказались затворенными, замки же были слишкомъ высоки, чтобъ онъ могъ ихъ достать рукою. Ваня забился въ темный уголъ и сталъ смотрѣть въ скважины двери, но оттуда ничего не было видно, тогда онъ нагнулся и, глядя подъ дверь, сталъ ласковымъ шопотомъ, звать отца: — «Тятя, тят-я-я!.. На́ булочки-то... А я съ Машей у барыни... Тятя!..»— позвалъ онъ наконецъ громко. Отвѣта не было. Въ полутьмѣ корридора слышно было только тихое, нѣсколько жужжащее всхрапываніе горничной Дуни. Ваня началъ тихо рыдать. Сердитое рычаніе, раздавшееся почти надъ его ухомъ, заставило его вздрогнуть. Передъ нимъ, свирѣпо оскаливъ зубы, съ поднятымъ горизонтально хвостомъ, стоялъ въ воинственной позѣ Русланъ. Ваня попятился въ уголъ. Собака продолжала рычать, дѣлая голосомъ какія-то переливы. Ванѣ стало страшно, онъ робко махнулъ ручкой, проговоривъ:—Пошелъ! Русланъ отступилъ, но немедленно бросился на ребенка, залаявъ. Ваня заревѣлъ не своимъ голосомъ. На крикъ выбѣжала полуодѣтая Дуня, изъ другой двери показалась заспанная Юлинька въ одной рубашкѣ, которую она придерживала около груди.

— Чего ты, чертёнокъ, ревешь?—крикнула Дуня съ порога.

— Кушъ, кушъ,—раздался въ то же время голосъ Юлиньки, которая отогнала собаку и взяла Ваню за руку. Ребенокъ, продолжая всхлипывать, прижался къ ея тѣлу.

— Охота вамъ, барышня, возиться съ этими чертенятами! Покою отъ нихъ не будетъ!—замѣтила полусонная Дуня.

— Не твое дѣло, Дуня, уйди!

— Julie,—крикнула томно изъ своей спальни мать—у меня мигрень, а ты тамъ поднимаешь возню!.. Oh! mon Dieu!..

Но Юлинька увела уже мальчика въ свою комнату и захлопнула дверь. Мальчикъ продолжалъ тихо плакать, приговаривая:—Гдѣ мой тятька?.. Отведи меня къ тятькѣ!..

Въ это время проснулась Маша. Оказалось, что простыня изъ-подъ нея—хоть выжми... Это очень опечалило Юлиньку.

Она сама, хотя съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, перемѣнила ее, но никому о томъ не сказала. Ей очень хотѣлось оставить дѣтей у себя, и она знала, что если недостатокъ Маши сдѣлается извѣстнымъ, то всѣ, даже Наташа, будутъ противъ этого. Семейство Коротовыхъ было очень чистоплотно.

Чай пили на террассѣ, выходившей въ садъ. На широкомъ столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, шипѣлъ серебряный самоваръ съ такимъ же чайникомъ, стояли большіе граненые стаканы, корзины съ сдобными сухарями и булками. Сама барыня сидѣла въ большомъ соломенномъ креслѣ, разсматривая, по своему обыкновенію, планы имѣнія. Уже десять лѣтъ тянулся раздѣлъ этого имѣнія и конца ему не предвидѣлось изъ-за разныхъ семейныхъ исторій и дрязгъ. Госпожа Коротова казалась весьма разстроенной; она внезапно открыла, будто планъ составленъ въ ущербъ ея семейству остальными наслѣдниками. Поэтому Юлинька сочла необходимымъ повести атаку издалека. Прежде всего она подучила Ваню «подойти къ ручкѣ» матери. Старуха была очень тронута.

— Представьте, maman, этотъ Русланъ чуть не съѣлъ мальчика!—начала Юлинька, откусывая сухарикъ.—Такой гадкій!

— Отецъ-таки не пріѣхалъ за ними! Oh! ces paysans russes. Ce sont des bêtes fauves... Что-жъ дѣлать, надо ихъ отвезти въ полицію.

— Что вы, что вы, maman!—заволновалась Юлія, не выдержавъ роли.—Бѣдныя сиротки, всѣ ихъ бросили!.. Нѣтъ, maman, je vous supplie, оставьте ихъ! Vous savez... вы сами говорите—Богъ, ну такъ вотъ... Что же имъ теперь дѣлать, не на улицу же...

— Mais, Julie, ты забываешь, расходы... Кто съ ними будетъ возиться?..

— Я, я сама буду за ними ходить... Nathalie, tu m'aideras, n'est-ce pas? Oh! maman! Богъ... Вотъ увидите, вотъ увидите.

Госпожа Коротова расчувствовалась и промолчала.

Вошла стремительно Зина, съ шумомъ отодвинула стулъ, зазвонила стаканами, пролила крынку съ молокомъ.

— Sont-ils encore ici?—спросила она, бросивъ злой взглядъ въ пространство. Потомъ она съ гадливостью посмотрѣла на Ваню, который почему-то ея боялся и смотрѣлъ на нее исподлобья.—Какой онъ идіотъ!—Зина безсмысленно засмѣялась.

Въ тотъ же день Юлинька съ Наташей усердно взялись за составленіе гардероба своимъ пріемышамъ. Дѣвушки только и говорили о нихъ, ежеминутно желали ихъ видѣть. Но Ваня этого желанія, повидимому, не раздѣлялъ. Онъ дичился своихъ благодѣтельницъ, не любилъ ихъ поцѣлуевъ и постоянно норовилъ уйти съ Машей во дворъ или въ садъ. Тутъ они ѣли всякую дрянь, обрѣзки яблокъ, дынь; играли въ пескѣ и пачкали платье до невозможности. Это очень надоѣдало Юлинькѣ, тѣмъ болѣе, что и прислуга и мать всегда пилили ее за это. Съ дѣтьми было очень много возни. Однажды Ванѣ дали вишень. Ваня взялъ и намазалъ ими лицо, чтобъ позабавить сестренку. Дѣвочка очень рада была и закатывалась со смѣху. Ваня къ величайшему ея восторгу намазалъ и ее—и потомъ повелъ въ комнату показать барышнямъ. Мать сидѣла въ это время съ дочерьми на балконѣ. Едва показались на лѣстницѣ красныя лица дѣтей—старая барыня вскрикнула—и съ ней чуть не сдѣлался обморокъ.

Дня черезъ два послѣ поступленія дѣтей къ Коротовымъ, пріѣхала Лидія Васильевна съ своимъ маленькимъ сынкомъ. Это былъ прелестный, стройный мальчикъ съ черными волосами, завитыми въ локоны. Онъ былъ съ голыми икрами, въ легкой лѣтней рубашкѣ. Соломенная шляпа оттѣняла его прозрачное матовое личико, которое какъ будто освѣщалось его прекрасными бѣлыми зубками, когда онъ улыбался. Мать чрезвычайно гордилась своимъ маленькимъ «итальянцемъ», котораго всѣ баловали. Особенно же онъ былъ любимцемъ барышень. У Жана были гибкія, длинныя руки, которыми онъ охватывалъ шею барышень и крѣпко цѣловалъ ихъ. Жанъ вообще любилъ ласкаться ко всякимъ «тётямъ». При всемъ этомъ онъ былъ весьма послушенъ и искрененъ.

— Voilà des пріемыши,—кислосладко улыбаясь, сказала старуха, когда Юлинька почти насильно втащила дѣтей въ залъ.— Julie, охота возиться съ ними... Des sentiments généreux, vous savez...

— О, ея мужъ будетъ счастливъ съ нею. Она будетъ идеальная мать,—отвѣтила Лидія.—Да, мальчикъ недуренъ, но какой волченокъ.

— Нѣтъ, вы посмотрите, какіе чудные глаза!—восторгалась Юлинька.

— Да... но дѣвочка... elle a l'air d'une idiote... Гдѣ твоя мать, голубчикъ.

— Померла,—отвѣтилъ Ваня исподлобья.

— Pauvres petits!—вздохнула Лидія, слегка отталкивая дѣтей.

— Mais ces paysans, quels monstres! Придти бросить, такъ-сказать, кровь свою... Невинныхъ младенцевъ... На улицѣ... C'est atroce!

— Ужасно! звѣрь и тотъ... У насъ, напр., Белла такъ-то огрызается, когда трогаютъ щенятъ.

Между тѣмъ Юлинька повела дѣтей въ садъ поиграть. Ей очень хотѣлось, чтобъ Ваня подружился съ Жаномъ. Грубыя манеры Вани, особенно его нелюдимость очень были непріятны Юліи, и она надѣялась, что общеніе съ маленькимъ «итальянцемъ» подѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ на Ваню благотворно. Сначала Ваня стоялъ въ отдаленіи, слегка конфузясь, но съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями барчонка. А барчонокъ бѣгалъ по саду, изящно и даже съ нѣкоторымъ кокетствомъ играя въ серсо́. Барышни залюбовались его движеніями. Въ Ванькѣ стали просыпаться смутныя чувства симпатіи къ Жану.

— Играйте вмѣстѣ, Жанъ!—сказала Юлинька, когда Жанъ, утомившись, живописно облокотился на ея колѣно, перекинувъ ногу на ногу.—Играйте вмѣстѣ! Son père l'a abandonné!

Жанъ беретъ веревочку, приближается къ Ванѣ и начинаетъ машинально прыгать, смотря на него.

— Ты тятькѣ-то твоему скажи, чтобъ не сѣкъ мово... заработаетъ—отдасъ... Енъ отдасъ...—внезапно выпаливаетъ Ванька.

— Тётя, тётя!—бѣжитъ Жанъ къ Юлинькѣ:—онъ проситъ, чтобъ папа не сѣкъ его отца... Фюить! фюить! ха-ха-ха!

Юлинька тоже смѣется:—глупый!

— Твой отецъ пьяница, грязный!.. Правда, тётя?—говоритъ Жанъ, помолчавъ.

— Нѣтъ, ёнъ не пьяница... Акулькинъ—тотъ пьяница... Енъ утопъ,—начинаетъ Ванька вновь послѣ нѣкотораго молчанія:—наши парни смотрятъ, а ёнъ плывё-ё-ётъ... Акулькинъ-то тятька! Сапоги-то, небось, стащили—босой!..

Наивное лицо Вани внезапно воодушевилось и покраснѣло. Хорошее выраженіе приняли его большіе, нѣсколько сконфуженные глаза. Жанъ подошелъ поближе къ Ванѣ, который смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— А я былъ въ Парижѣ съ мамой,—говоритъ Жанъ.

— А я былъ у дяди Микиты,—хвастаетъ также Ванька.

Жанъ опять бѣжитъ къ Юліи:

— Тётя, тётя,—говоритъ онъ, охватывая руками ея шею:— я ему говорю: я былъ въ Парижѣ, а онъ говоритъ—былъ у Никиты... ха-ха-ха! Онъ думаетъ—все равно!.. Глупый!..

Но Юлинька разговариваетъ о чемъ-то очень оживленно съ Наташей и не слушаетъ своего любимца.

— Зачѣмъ у тебя патлы какъ у дѣвки?—говоритъ Ваня, дѣлаясь все смѣлѣй и трогая шелковые волосы Жана.

— Оставь, негодяй!—отвѣчаетъ безъ злобы, но съ нѣкоторымъ презрѣніемъ Жанъ, отталкивая Ваню локтемъ.—Хочешь, давай въ лошадки играть?—предложилъ онъ вдругъ.

— Давай,—согласился Ваня.

— Она будетъ лошадкой, я кучеромъ, а ты бариномъ; ты бѣги сзади. Жанъ немедленно запрягъ Машу, всунулъ ей въ ротъ веревочку; Ваня сталъ сзади. Жанъ, въ позѣ лихого кучера, сталъ дергать возжи, но дѣвочка продолжала стоять, не трогаясь съ мѣста. Жанъ пришелъ въ азартъ, началъ сердиться на импровизированную лошадку и тянуть сильнѣе; наконецъ онъ сообразилъ и палочкой отъ серсо ударилъ ее по ногамъ. Дѣвочка страшно заплакала; въ ту же минуту стоявшій сзади Ваня, забывъ свою роль, вцѣпился въ роскошные волосы Жана. Жанъ, въ свою очередь, неистово заревѣлъ. Перепуганныя барышни бросились къ ребятишкамъ и съ трудомъ оторвали Ваню отъ барчонка. Когда Жанъ увидѣлъ, что онъ не одинъ, то съ яростью бросился на Ваню и началъ его бить въ животъ ногами. Разсерженная Юлинька оттащила наконецъ за руку Ваню.

— Пошелъ вонъ, гадкій мальчишка,—сказала она:—останешься безъ обѣда за это; пошелъ, я уже не люблю тебя.

Затѣмъ она притянула къ себѣ Жана, который продолжалъ всхлипывать, и начала поправлять его растрепанные волосы и бѣлый воротничокъ.

— Вотъ ужъ правда, сколько волка ни корми — все въ лѣсъ глядитъ!—важно сказала Наташа, помогая Юліи.

На Ваню теперь уже не обращали вниманія, и вотъ, воспользовавшись этимъ, онъ рѣшилъ уйти отъ барышень къ себѣ въ деревню и найти тятьку. Маша, уцѣпившись за рубашку брата, тащилась за нимъ. Ваня свернулъ съ аллеи между деревьями, пробрался между кустами, сквозь которые онъ видѣлъ высокую бѣлую стѣну. Маша зацѣпилась за розовый кустъ, Ваня дернулъ,

желая освободить ее, но при этомъ вѣтка сильно ударила дѣвочку по лицу. Маша заплакала.

— Ну ты... не реви!—шопотомъ сказалъ ей братъ.—Вонъ тамъ нашъ тятька!—и онъ показалъ таинственно на бѣлую стѣну. Но, добравшись туда, Ваня увидѣлъ, что тамъ не пройти. Онъ прошелъ вдоль стѣны взадъ и впередъ, смотрѣлъ на-право и на-лѣво, полѣзъ опять въ кусты и назадъ, но выхода не было. Приведенный въ отчаяніе, уставши искать, Ваня усѣлся у стѣнки, и горячія, горькія слезы полились изъ его глазъ.

Между тѣмъ вѣтеръ колыхалъ вѣтви старыхъ деревьевъ, зашептавъ широкой листвой; сѣрыя тучи понеслись по небу, застилая солнце. Ваня ничего почти не видитъ и не слышитъ. Машѣ сдѣлалось холодно, она прижалась къ брату, положивъ на его колѣни свою голову, и начала дремать. Ваня вспоминаетъ деревню съ покосившимися деревянными крышами домовъ и гладкую бѣлую дорогу, которая широкою лентой вилась между домами и терялась въ лѣсной дали. Бывало, захочетъ—и грязными, босыми ножками онъ мчится, свободный какъ птица, по утоптанной тропинкѣ далеко за деревню—въ лѣсъ. Съ нимъ и Ѳедька, и Груша, и Пантелѣй. Мчатся они съ крикомъ и визгомъ, никого не боясь, ни о чемъ не думая. Ваня забылъ, что дома нѣтъ хлѣба, нѣтъ матери... нѣтъ тятьки. Черезъ часъ онъ будетъ голоденъ и Маша тоже. Будутъ они плакать отъ голода и, не доплакавшись ни до чего, засыпать голодными, чтобы, проснувшись ночью, начинать свой концертъ. Ваня забылъ свои деревенскія горести теперь, а ихъ у него уже было много...

Была глубокая мартовская полночь. Высоко на блѣдно-синемъ холодномъ небѣ стояла луна, обливая мягкимъ свѣтомъ маленькую деревушку. Морозъ сковалъ громадныя лужи въ зеркала, блиставшія алмазными переливами, вонючую навозную грязь превратилъ въ камень и посыпалъ серебряной морозной пылью. Въ этотъ часъ домовой играетъ на просторѣ, заплетая и расплетая гривы лошадямъ. Ихъ топотъ да хрустѣніе сѣна на зубахъ прерываютъ могильную тишину. Собаки не лаютъ, имъ холодно. Свернувшись калачикомъ, онѣ спятъ у амбаровъ подъ крылечкомъ или на стогахъ сѣна. Изрѣдка какая-нибудь изъ нихъ зарычитъ, поднимая голову и опять свернется... Все спитъ глубокимъ полуночнымъ сномъ. Только въ избѣ, что стоитъ особнякомъ на выѣздѣ изъ деревни—нѣтъ сна.

На полу, въ томъ углу, гдѣ Христосъ въ полинялой синей

ризѣ смотритъ скорбными глазами во мракѣ комнаты на серебряный лунный столбъ, который ворвался сквозь заплѣсневѣлое маленькое оконце,—въ томъ углу на тряпкахъ ворочается человѣческое существо. То мать Вани лежитъ въ горячкѣ. Около нея спокойно спитъ маленькая Маша, разрумянившись и сопя. Ваня въ одной рубашкѣ сидитъ у ногъ матери, проснувшись отъ ея стоновъ.

— Охъ, охъ, охъ! — раздаются замирающіе стоны больной. —Охъ!—внезапно вскрикиваетъ она, поднимаясь. Лунный свѣтъ озарилъ ее желтое лицо, обрамленное черными сбившимися волосами, которые падали ей на плечи; старый армякъ, закрывавшій ее до шеи, — спалъ, обнаруживъ рубашку, тощую шею и костлявую грудь.

— Господи Іисусе Христе!.. Іисусе Христе, помилуй... помилуй насъ! — кричитъ больная отчаяннымъ, почти злобнымъ, хриплымъ голосомъ.—Уфъ!—и она безпомощно повалилась назадъ.

— Небось, мамка, полегчаетъ!—повторяетъ Ваня чьи-то слова, дрожа отъ холода.

— Испить, Ваня, испить!..

Ваня встаетъ и неуклюжей походкой идетъ къ ушату съ водой. Большимъ деревяннымъ ковшикомъ онъ набираетъ немного воды и несетъ, расплескивая ее на ноги, къ матери. Она облокачивается на руку и жадно глотаетъ оставшуюся влагу. Вотъ она бросила взоръ на блѣдное лицо дрожащаго отъ холода ребенка и повисла на его маленькой головкѣ.

— Испить, Ваня, охъ!.. — кричитъ она опять. Но прежде чѣмъ онъ подноситъ воду, больная валится на постель. Ее начинаетъ трясти и подергивать. Она принимается какъ-то странно стонать и выть. Такъ воютъ недобитыя собаки. Ваню охватываетъ ужасъ. Онъ начинаетъ не своимъ голосомъ ревѣть:

— Перестань... мамка!.. Мам-ка-а-а!..

Мамка не перестаетъ и воетъ. Ваня ревѣтъ изо всей мочи, какъ-бы желая своими рыданіями заглушить страшные стоны матери... Но эти звуки дѣлаются все тише и рѣже... Вотъ еще одна страшная судорога, и мать какъ-то вытянулась, голыя ноги ея показались изъ-подъ армяка. Ваня, усталый, жалобно плачетъ, прислушиваясь изрѣдка къ своимъ собственнымъ рыданіямъ. Ковшикъ, съ расплескавшейся водой, стоитъ около него. Наступило тяжелое могильное молчаніе. Ваня натягиваетъ армякъ на похолодѣвшія ноги матери.

— Мамка, мамка!—начинаетъ онъ вновь. Наступившая ти-

шина пугаетъ его. Отвѣта нѣтъ. Ваня опять заревѣлъ, но уже слабымъ, усталымъ голосомъ, часто прислушиваясь къ своимъ собственнымъ рыданіямъ. Отяжелѣвшая голова его стала опускаться все ниже и ниже; наконецъ, усталый, измученный, онъ повалился на ноги трупа и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Луна по прежнему освѣщала эту картину, но теперь тутъ все успокоилось...

Это было ранней весною. Отецъ Вани ушелъ на чугунку работать. Вѣрнѣе, даже не «ушелъ», а погналъ его староста вмѣстѣ съ прочими недоимщиками къ подрядчику, который внесъ за нихъ подати.

Ваню и Машу кормили сосѣди, какая-то безродная старуха ходила къ нимъ ночевать, чтобъ не страшно имъ было однимъ. Ванѣ сказали, что мать его у «божиньки». Онъ видѣлъ, какъ ее снесли на кладбище, но это не произвело на него особеннаго впечатлѣнія, скучалъ первое время, но скоро привыкъ къ своему новому положенію и только больше привязался къ своей сестренкѣ. Онъ, по прежнему, цѣлые дни проводилъ, играя на улицѣ, и всегда Маша держалась за его рубашку или стояла около какъ тѣнь. Когда ей нужно было что-нибудь, она требовала это отъ него или начинала плакать. Ваня немедленно являлся на помощь и гордился тѣмъ, что могъ унимать и защищать ее.

Онъ сталъ себя чувствовать большимъ и даже манеры усвоилъ себѣ такія въ отношеніи къ ней.

— Машка! — кричалъ онъ ей часто черезъ дорогу, стоя у воротъ Авдотьиной избы:—подь обѣдать-то!.. Ай не слышишь?!.. И когда дѣвочка начинала ковылять въ его сторону своими маленькими ножками, онъ дѣловито шелъ ей на встрѣчу, бралъ за руку и, еще болѣе согнувшись и переваливаясь съ боку на бокъ, по-мужицки, вводилъ въ избу.—Ишь, дѣвка загулялась и про ѣду забыла!—объяснялъ онъ компаніи бородатыхъ мужиковъ, уплетавшихъ пустыя щи.

Мѣсяца три спустя пришелъ отецъ Вани, больной лихорадкой, съ палкой и котомкой на плечахъ.

— Мать-то померла, Ванька?—спросилъ онъ, останавливаясь у дѣтей, игравшихъ на улицѣ.—Сиротки, стало быть! и затѣмъ онъ поплелся къ дому. Ванька побѣжалъ за нимъ:

— Хлѣбца принесъ ли?

Отецъ, кряхтя, медленно, съ роздыхами снималъ котомку и рыжій армякъ. Ванька сѣлъ на отцовскую палку верхомъ, съ любопытствомъ глядя на него. Маша пряталась за брата.

— Чего хоронишься, тятька это! Боится она тебя, думаетъ — чужой.

— Чего бояться, хворый я.

— Били тебя?

— Не били, а хворъ,—говорилъ отецъ, очутившись въ бѣлой рубахѣ и развязывая съ трудомъ котомку. Ванька догадался, въ чемъ дѣло и смотрѣлъ со вниманіемъ на руки отца.

— Наткось вотъ!—сказалъ отецъ, вынимая два разныхъ и очень черствыхъ кусочка хлѣба: одинъ бѣлый, французскій, а другой, тоже бѣлый, но домашній. Дѣти жадно набросились на лакомство, раскрашивая хлѣбъ на полъ. Отецъ нагнулся, собралъ крошки и слизнулъ съ ладони своимъ бѣлымъ языкомъ. Затѣмъ онъ легъ, кряхтя, на скамейку. Ваня остался около, все еще продолжая сидѣть верхомъ на палкѣ. А ты, тятька, гдѣ былъ?

— Верстъ двѣсти буде!.. Въ т—й губерніи... Работашь, работашь, по поясъ въ водѣ... а ѣды не даютъ... Хреста на ихъ нѣту!.. Народу мретъ—стрась...

— А ты-то не померъ?

— Нѣтъ... Заболѣешь—гонятъ: «поди вонъ, дармоѣды»... Шелъ, шелъ; спасибо, добрые люди... не то померъ бы безъ покаянія.

— Испить, хочешь ли?

— Дай ковшикъ, Ваня! — Отецъ притянулъ рукой дѣвочку и погладилъ ее по головѣ.

— Ты, тятька, не уходи. Ужð выросту—вмѣстѣ пойдемъ!

— Выростешь, долго ждать!

— А у меня скоро борода будетъ, тогда и выросту.

— Годовъ пятнадцать еще до бороды-ты... Податей-то вотъ не выплатилъ... За двѣ души плати! Сказывалъ староста — недоимщиковъ сѣчь.

— А на что подати, тятька?

— Платить ихъ надо-ть, не то сѣкутъ... Вотъ какъ!

— А кто тебя сѣчь-то будетъ?

— Баринъ пріѣдетъ такой, тогда и будутъ. Да я отпрошусь, заработаю—отдамъ!.. Я имъ отдамъ.

Такъ произошла встрѣча между родителемъ и Ванькой. Ванька не отходилъ отъ отца, который ему разсказывалъ разныя разности, совершенно какъ взрослому. Ванѣ было бы даже очень весело, еслибъ не голодъ, дававшій себя часто чувствовать. Котомка оказалась не неистощимой и скоро въ ней настала пустота. Сначала занимали у сосѣдей, но у нихъ самихъ ничего не было. Почти всѣ мужики разбрелись изъ села на заработки, остались старики да бабы, которые бóльшею частью ходили по сосѣднимъ

селамъ и даже въ городъ уходили побираться. Отецъ Вани и хотѣлъ, да не могъ ходить, у него дѣлалась одышка отъ слабости. Разъ дѣти расплакались отъ голода; достать чего-нибудь съѣстного было негдѣ. Отецъ лежалъ мрачный, раздумывая какъ бы утолить голодъ.

— Ваня!—сказалъ онъ наконецъ ласково.—Подь въ усадьбу къ барину... Христовымъ именемъ... Проси, небось,—дасъ... Хлѣбецъ-то у нихъ бѣлый—ничаво.

— Енъ прибьетъ...

— За что тебя бить!.. Ручку-то такъ-отъ протяни: «Подайте милостыньки, Христа ради!» При этомъ отецъ, привставши на лавкѣ, сдѣлалъ униженный поклонъ, протянувъ руку. Его сурово-серьёзные сухіе глаза не гармонировали съ этимъ движеніемъ. Большіе бѣлки этихъ глазъ какъ-то странно отдѣлялись на измож-денномъ грязно-желтомъ фонѣ лица, обрамленномъ рѣдкой клочковатой бородой.

— Что-жъ, подь! Да Машку съ собой возьми! — добавилъ отецъ, молчаливо смотрѣвшему на него Ванѣ. Машу онъ посылалъ изъ хитро придуманнаго плана разжалобить барина.

— Я те картузъ свой дамъ, — продолжалъ онъ соблазнять ребенка. Ѳедотъ взялъ картузъ (ему подарили его на дорогѣ), ударилъ объ колѣни, чтобъ выбить пыль, и затѣмъ, подозвавъ сына, надвинулъ ему картузъ на затылокъ, иначе онъ закрылъ бы ему не только глаза, но и носъ и ротъ. Почувствовавъ картузъ на своей головѣ, Ванька возгордился и даже расхрабрился. Ему захотѣлось непремѣнно пройтись по деревнѣ въ отцовскомъ картузѣ, чтобъ его увидѣли деревенскіе мальчишки. Выйдя изъ дому, Ваня побѣжалъ прежде къ своему пріятелю Петькѣ и, захвастав, забылъ совсѣмъ о цѣли своего путешествія. Но отецъ, слѣдившій за нимъ изъ окна,—крикнулъ ему:—«Ванька-а-а! ай забылъ?!» Тогда Ванька на самомъ дѣлѣ отправился по направленію къ усадьбѣ.

Усадьба эта находилась недалеко отъ деревни, на горкѣ, откуда она кокетливо показывала одну свою красную крышу, потонувши въ зелени. Домъ находился въ глубинѣ просторнаго, чистаго и вымощеннаго двора, по которому бродили индюки, цесарки, бѣлые гуси, голландскіе пѣтухи и кохинхинскія куры. При входѣ, на лѣстницѣ, стояли большія кадки съ олеандрами, розами, левкоями. Посреди двора стояла щегольская, четырехмѣстная карета, налѣво были службы.

Дойдя на почтительное разстояніе отъ воротъ, Ванька съ сестренкой остановились.

— Глянь, Машка, куры-то какія!—сказалъ братъ, указывая на цесарокъ и съ боязливымъ любопытствомъ заглядывая во дворъ. Въ это время индюки надулись, распустивъ по шеѣ свои красныя ожерелья и закудахтали. Ваня со страхомъ попятился назадъ. Но такъ какъ индюки затѣмъ повернулись и величественно ушли прочь, то Ваня снова приблизился, перейдя черезъ дорогу, къ другой сторонѣ воротъ. Но войти Ваня не рѣшился и все вертѣлся около воротъ, то приближаясь, то удаляясь. Вотъ вышелъ толстобрюхій кучеръ въ бѣлой рубахѣ съ красными ластовицами и сталъ закладывать въ карету вороныхъ лошадей съ серебряной упряжью. Ванька совсѣмъ вытаращилъ глаза на этихъ невиданныхъ коней. Убѣдившись, что кучеръ не обращалъ на него вниманія, онъ осмѣлился даже войти во дворъ и оперся о ворота. Онъ такъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями коней и кучера, что совсѣмъ не замѣтилъ, какъ на крыльцѣ показалась фигура бѣлокураго молодого человѣка, изящно одѣтаго въ легкій лѣтній костюмъ и въ шолковой красной рубашкѣ. Около него стояла красивая стройная барыня. Они подошли къ дѣтямъ, ласково смотря на нихъ и говоря что-то между собою непонятное. Мужчина, натягивая перчатки, нагнулся къ Ванѣ и спросилъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Хлѣбца дайте... Тятька у Христа возьметъ — отдасъ... Ванька отвѣчалъ тихимъ-тихимъ шопотомъ, испуганно смотря ласковому барину въ глаза. Баринъ не понялъ и тщетно нѣсколько разъ переспросилъ. Въ это время подали карету; молодой человѣкъ погладилъ Ваньку и пустился догонять барыню. Быстро покатилась щегольская карета, увлекаемая парой могучихъ, какъ львы, лошадей. Мальчикъ слѣдилъ глазами, какъ она исчезла въ облакѣ пыли, затѣмъ повернулся... и ушелъ домой. Въ домъ онъ не вошелъ. Онъ даже представленія не имѣлъ о томъ, что ему можно войти туда, внутрь. Онъ воображалъ, что, разъ войдя, онъ оттуда никогда не выйдетъ — провалится въ пропасть какую-нибудь и конецъ. Возвращался онъ домой, не спѣша, останавливаясь то тамъ, то сямъ, и, наконецъ, около завалинки дома затѣялъ съ Петькой какую-то безконечную игру.

А Ѳедотъ, между тѣмъ, былъ очень голоденъ и считалъ минуты, когда дѣти возвратятся съ хлѣбомъ. Услыхавъ голосъ Ваньки, онъ бросился на улицу.

— Что же, не дали хлѣбца?

— Не даютъ.

— Ты кого видѣлъ?

— Барина и барыню.

Ѳедотъ не спрашивалъ дальше и невѣрной походкой, безъ шапки, самъ отправился куда-то прямо, по улицѣ, то почесывая себѣ спину, то опуская руки по бедрамъ, какъ плети. Барина было очень трудно видѣть; это былъ молодой человѣкъ, недавно женатый, у котораго съѣзжалось много гостей, устраивались охоты и т. д. Попроси Ѳедотъ у него, то навѣрное получилъ бы не только хлѣба, но, можетъ быть, и гривенникъ въ придачу. Но пришлось обращаться къ управляющему, къ экономкѣ или кухаркѣ, которымъ надоѣли нищіе и они безъ дальнихъ церемоній гнали ихъ вонъ со двора. Это было очень тяжелое время для односельцевъ Ѳедота. Голодъ царилъ во всей деревнѣ.

«Эхъ, кабы я одинъ-то былъ — прожилъ бы!» думалъ въ особенно скверныя минуты Ѳедотъ. Пошелъ бы опять на чугунку, тамъ хлѣбца бы вволю... тоже шшей бы, кашицы — охъ, ну-тя! Въ бѣдномъ ртѣ его показалась слюна, въ носу щекоталъ запахъ воображаемыхъ щей съ саломъ. Онъ забылъ совсѣмъ, что на чугункѣ работаютъ въ лужахъ, что тамъ онъ свою лихорадку нажилъ, что тамъ его обираютъ, что тамъ люди мрутъ... Въ его воображеніи были только обѣды, подававшіеся имъ въ первые дни поступленія къ подрядчику. Счастливое время! Подъ вліяніемъ этихъ картинъ въ голову Ѳедота закралась мысль: въ воспитательный домъ дѣтей отдать. Когда эта мысль врѣзалась ясно въ его головѣ, онъ самъ испугался ея: «Господи Іисусе Христе... помилуй мя окаяннаго!—говорилъ онъ, осѣняясь большимъ крестомъ.—Лукавый соблазняетъ... тьфу... тьфу!»... Но ѣсть, ѣсть хочется—ужасъ! Онъ встаетъ, выпиваетъ громадный ковшикъ съ водой, ложится и засыпаетъ.

И снится ему, что сидитъ онъ передъ низенькимъ круглымъ столомъ, на которомъ дымится громадная миска со щами, жирными, вкусными; въ другой мискѣ—каша, желтая, прежелтая отъ громаднаго количества сала. Цѣлый большой ржаной хлѣбъ передъ нимъ, да большая вычурно врѣзанная деревянная ложка. Нѣкоторое время онъ сидитъ, не вѣря глазамъ своимъ; большая, блаженная улыбка озаряетъ лицо его. Наконецъ онъ бросается къ хлѣбу, отрѣзываетъ себѣ громадную краюху, придвигаетъ миску, со щами, поглядывая въ то же время на кашу, беретъ ложку и... вдругъ передъ нимъ встаетъ блѣдный образъ Матрены съ горящими черными глазами; волосы ея распущены, она пришла *оттуда*.

— Сальце-то во щахъ—Ванино, говядинка—Машина! Съѣлъ ты дѣтушекъ своихъ безвинныхъ, аспидъ, аспидъ, аспидъ...

Кровь застыла въ жилахъ Ѳедота, ротъ судорожно сжался, а волосы начали шевелиться на головѣ. Онъ хочетъ открыть ротъ, сказать что-то Матренѣ, но нижняя челюсть только стучитъ, дрожа, объ верхнюю и не даетъ ему слова вымолвить...

— Съ нами крестная сила! съ нами крестная сила!—кричитъ Ѳедотъ, вскакивая:—Оставь меня, Матренушка, уйди, *туда*, уйди!..

Онъ садится на печкѣ и крестится долго, долго. «Согрѣшилъ я помысломъ, окаянный! Это мать ваша, дѣтушки, заступница!.. А-ахъ!»—приклонилъ Ѳедотъ свою голову къ стѣнкѣ, а горячія слезы полились градомъ по его лицу—заплакалъ онъ крѣпко, какъ баба, приговаривая:—Господи, Господи, помози мнѣ!

Плакалъ онъ долго и мысленно молился. Черезъ нѣкоторое время онъ усталъ. На душѣ его сдѣлалось какъ-то легче, свѣтлѣе. Его вновь стало клонить ко сну.

Прошло еще нѣсколько дней голода. Впечатлѣніе ночного видѣнія изгладилось. Ѳедотъ сталъ строить различные планы, вступать въ различныя сдѣлки съ совѣстью.

Разъ утромъ, послѣ безсонной ночи, всталъ онъ рано и пошелъ къ кумѣ Авдотьѣ, старостиной женѣ:

— Что, лошадка-то у васъ слободна?—спросилъ онъ.

— На́ что тебѣ?

— Надо-ть,—угрюмо отвѣтилъ Ѳедотъ и, помолчавъ, прибавилъ:

— Ребятишекъ въ воспитательный хочу... Не въ моготу мнѣ...—Голосъ его прервался и онъ посмотрѣлъ на Авдотью взоромъ, который выражалъ: «Что-жъ, рѣжь меня, коли охота, мнѣ все едино».

— И тамъ люди живутъ, ничаво!—также сурово отвѣтила Авдотья.—Сивку-то бери... Да ты когда обернешься?

— Къ вечеру обернусь.

— А то самимъ надо-ть будетъ.

Ѳедотъ молча сталъ запрягать веревочной упряжью Авдотьину клячу и минутъ черезъ пять подъѣхалъ къ воротамъ своей избы. Молча, не говоря ни слова, онъ взялъ изодранную женину кофту, полотнятые штаны Ваньки, тоже изодранные на колѣняхъ, постоялъ, осмотрѣлъ тупымъ взглядомъ комнату и вышелъ. Дѣти играли во дворѣ. Онъ также молча взялъ ихъ, посадилъ на телѣгу, перекрестился, взялъ возжи и, направляя лошадь, тихо пошелъ возлѣ телѣги, выѣзжая изъ села.

— Ѳедотъ Иванычъ, Ѳедотъ Иванычъ! Стой!..—раздался издали чей-то голосъ. Ѳедотъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ назадъ. Сзади, запыхавшись, бѣжала Авдотья, неся что-то въ рукахъ...

— Наткось, нá!—говорила она, тыкая дѣтямъ какія-то лепешки. На глазахъ ея застыла крупная слеза. Она перекрестила дѣтей и, не говоря ни слова, пустилась бѣжать назадъ. Тогда Ѳедотъ сѣлъ на телѣгу и погналъ клячу по пыльной кочковатой дорогѣ.

Все время онъ сидѣлъ къ дѣтямъ спиной, не проронивъ ни слова и стараясь не смотрѣть на нихъ даже тогда, когда подавалъ имъ пить изъ цыбарки. Онъ какъ-бы боялся, что одинъ взглядъ на нихъ могъ измѣнить его намѣреніе. Со своей стороны и дѣти почему-то молчали, робко оглядываясь по сторонамъ.

Часовъ черезъ шесть ѣзды телѣга стала подъѣзжать къ городу.

Ванька, къ удивленію своему, увидѣлъ блестѣвшіе на солнцѣ купола церквей, каменныя глыбы домовъ и глаза его разбѣжались. Отецъ думалъ-было въ началѣ спросить какого-нибудь прохожаго, гдѣ воспитательный, но почему-то побоялся и сталъ вертѣться между узкими переулками, не рѣшаясь выѣхать на большую и оживленную улицу. Когда Ѳедотъ очутился противъ дома Коротовыхъ, онъ торопливо оглянулся, остановилъ лошадь посреди улицы и торопливо высадилъ дѣтей на мостовую.

— Погодьте... за баранками сбѣгаю...—обратился онъ суетливымъ шопотомъ къ Ванькѣ. Затѣмъ онъ вскочилъ обратно на облучокъ телѣги, и въ то время, какъ дѣти стали съ удивленіемъ разсматривать невиданные дотолѣ громадные городскіе дома, онъ завернулъ, не оглядываясь, за уголъ, надвинувъ шапку на брови и хлеща съ ожесточеніемъ клячу свою.

— Будешь ты трижды, анаѳема, проклятъ!... Будь ты проклятъ!.. Будь ты проклятъ!—раздается надъ нимъ чей-то громовый торжественный голосъ изъ-за стука и скрипа колесъ; въ зеленой полутьмѣ, застилающей его зрѣніе, два острыхъ черныхъ огненныхъ глаза покойницы Матрены впились въ него съ ненавистью. Ѳедотъ сильнѣе хлещетъ свою лошадь, которая тщетно дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы выполнить требованія своего хозяина. Она высоко вздымаетъ свои тощія ноги, ужъ не бѣжитъ, а какъ-то смѣшно переваливается съ заднихъ ногъ на переднія, но Ѳедотъ все хлещетъ и хлещетъ. Все ему кажется, что кто-то гонится за нимъ. Сзади, какъ будто, Ванька бѣжитъ теперь за нимъ, все выростая и выростая до размѣровъ гиганта, а самъ Ѳедотъ съ своей клячей дѣлается меньше и меньше.

Бѣжитъ Ванька по сѣрой дорогѣ на своихъ длинныхъ, босыхъ ногахъ, свѣтлые волосы его, цвѣта спѣлаго ржаного колоса, высятся въ синемъ воздухѣ, а ротъ его точно большая черная пропасть, въ которую сейчасъ имѣетъ провалиться Ѳедотъ вмѣстѣ съ своей клячей. «Вернуться-бы?... Нѣтъ, нѣтъ, не вернуться!» въ собачьемъ ожесточенiи реветъ какъ-то нутромъ Ѳедотъ. Прежде онъ боялся и трусилъ, теперь—кончено! Когда собаки гонятся за звѣремъ, онъ сначала бѣжитъ, спасается; но когда его догонятъ, тогда звѣрь оборачивается къ преслѣдователю и съ какой-то отчаянной храбростью, оскаливъ зубы, рычитъ и защищаетъ себя... Такъ вотъ и Ѳедотъ теперь оскалилъ зубы. Холодный потъ льется по мертвенно-блѣдному лицу, глаза съ какимъ-то сквернымъ огонькомъ безсмысленно уперлись въ пространство, а телѣга стучитъ и прыгаетъ по изрытой мостовой, поднимая цѣлое облако пыли...

Быстро прискакалъ Ѳедотъ обратно въ деревню и опять разнемогся. Стала его опять трясти лихорадка всю ночь, но онъ не обращалъ на нее вниманiя. Рано утромъ на другой день онъ всталъ, обмоталъ котомку вокругъ спины, взялъ въ руки посохъ и ушелъ шатающейся походкой вонъ изъ села. Черезъ нѣсколько дней онъ затерялся въ черной массѣ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ...

А Ванька все сидитъ у стѣнки сада и горько, задумчиво плачетъ.

— Глупый Ванька! Чего ты жалѣешь ее, эту сѣрую деревню, гдѣ твое маленькое, какъ у птички, сердце столько выстрадало, чего тебѣ въ ней, зачѣмъ она тебѣ?..

Но Ванька въ отвѣтъ роняетъ слезы и кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Тять-а-а! Тятька-а, приходь!

Не придетъ онъ! Въ тифозной палатѣ земской больницы онъ лежитъ теперь на «абчественный» счетъ и видитъ огненные языки, которые лижутъ его голову и грудь и руки.

— Святые ангелы, заступники, помилуйте меня, окаяннаго!—лепечетъ онъ своимъ одеревенѣлымъ языкомъ, разметавшись на зеленой койкѣ. «Typhus abdominalis», гласитъ дощечка на его кровати. И больше ничего не знаетъ о немъ добрый докторъ, который лечитъ его.

Съ Машей барышнямъ было чрезвычайно много хлопотъ. Она никакъ не могла привыкнуть къ условiямъ цивилизованной

жизни. Никто въ домѣ не хотѣлъ убирать послѣ нея. Горничная, которую Юлинька пробовала заставить это дѣлать,—отвѣчала:

— Стану я съ этакими тварями возиться!.. Не токмо восемь, двадцать рублей давайте и то не хочу!—Но за то и кухарка, и горничная и прачка—всѣ давали совѣты, какъ отъучить дѣвочку отъ ея порока.

— Баловство это, вотъ что!—говорила прачка, у которой у самой были дѣти:—какъ только такое дѣло съ моими приключится, я сейчасъ вотъ что: на́-на́-на́, стерва!—и она иллюстрировала свои слова...

— Оставь, оставь!—заступалась Юлинька...

— Наша барышня деликатныя, станутъ онѣ это дѣлать!—замѣчала горничная прачкѣ.—А все-таки, барышня, я вамъ скажу: ежели не учить, такъ она всегда такъ будетъ. Вы бы ее, примѣрно, безъ обѣда оставляли, право! Али-бы хотя въ уголъ ставили!

— Ну, ты... я те поставлю!—нахмуренно отзывался изъ угла Ваня, показывая Дунѣ свой маленькій кулачокъ.

— Молчи, чертёнокъ! А то я тебя живо отшлепаю! Ишь, дрянь!..

— Мой тятька пріѣдетъ, онъ-те задастъ! Онъ васъ однимъ пальцемъ поборетъ. Вотъ что!

Кухарка, которая по своей спеціальности стояла ближе другихъ къ медицинѣ, предлагала какую-то траву. Но трава, которой по ея совѣту поили дѣвочку на ночь, обнаруживала обратное дѣйствіе...

Но непріятность присутствія въ домѣ Маши не ограничивалась только этимъ. Недостатокъ ея скрывался отъ старой барыни и Зины. Юлинька стала подкладывать подъ нее клеенку, простыни же выносилъ въ амбаръ Ваня. Машу ненавидѣла Зина. Возненавидѣла она ее съ перваго взгляда. Каждый день она говорила за столомъ:

— Et la petite il faut la renvoyer.

— Pourquoi donc?

— Elle a l'air si méchant, si méchant.

Юлинька съ Наташей смѣялись, глядя на мать.

— Богъ знаетъ, что ты, Зина, говоришь! Дѣвочкѣ всего три года...

— Ненавижу, ненавижу ее. Она... подлая!—произносила Зина съ какимъ-то усиліемъ отъ сильной злобы.

Юлинька съ Наташей опять смѣялись. Но мать холодно прерывала ихъ смѣхъ:

— Разумѣется, ихъ надо отправить...

— Où donc?

— Dans un пріютъ, конечно. Гдѣ же намъ съ ними возиться зимою.

— Ни за что, ни за что не отправлю!—утверждала Юлинька.

— Нѣтъ, ты отправишь!—хлопала кулакомъ по столу разъяренная Зина.—Je suis malade... Она мнѣ разстраиваетъ нервы, твоя вонючая дѣвчонка!

Юлинька съ Наташей уходили изъ-за стола. Тогда Зина начинала разговоръ съ матерью.

— Tu me donnera de l'argent.

— Зачѣмъ?—спрашивала мать, сжимая губы.

— Je vais partir изъ этой сутолоки.

— Куда?

— Въ Швейцарію.

— Незачѣмъ тебѣ туда.

— Нѣтъ, есть зачѣмъ; есть, есть!—кричала Зина.—Ты не имѣешь права такъ дѣлать. Отецъ намъ деньги оставилъ. Онѣ не твои, не твои!

Поднималась страшная буря; стаканы звенѣли, столъ трясся. Мать уходила съ разстроенными нервами жаловаться къ Юлинькѣ. Она находила, что для успокоенія Зины слѣдуетъ отправить дѣвочку. Мальчикъ же пусть останется, ничего.

— Ахъ, мама, будто она сегодня въ первый разъ. Ей лишь бы капризничать. Сегодня дѣвочку отослать, завтра Руслана прогнать потребуетъ. Вѣдь это невыносимо!

Мать въ отвѣтъ только закатывала глаза и охала. Юлинька собственно не за Машу заступалась. Дѣвочка ей никогда особенно не нравилась. Да и никому она не нравилась. Видъ имѣла глупый и даже тупой. Но Юлинькѣ не хотѣлось исполнять капризовъ Зины, и потомъ ей были непріятны хлопоты съ опредѣленіемъ дѣвочки въ пріютъ. Пока происходили эти переговоры, произошелъ случай, который еще болѣе обострилъ ненависть сердитой барышни къ дѣтямъ. Выше уже сказано, что Зина ѣла очень много и всегда отборные куски, которые брала на счетъ другихъ. Часто она забиралась въ кладовую, сольетъ себѣ сливки, остальное молоко прольетъ (потому что вниманіемъ она вообще не могла похвалиться), потомъ усядется за изящный бюро и начинаетъ меланхолически ѣсть часа два-три подъ-рядъ. Кухарка увидитъ это и летитъ къ старой барынѣ, требуетъ разсчета. Мать обращается къ Зинѣ съ упреками:

— Зачѣмъ же ты всѣ сливки слила? Вѣдь это для масла...

— Потому что мнѣ захотѣлось.

— Что же ты одна въ домѣ, что ли?

— Оставьте меня,—стучитъ Зина кулакомъ, опрокидывая чашку со сливками на бюро; это приводитъ ее въ сильнѣйшее раздраженіе.—Все копите... Вы не имѣете права... Это все наше... Все копитъ, все копить!—обращается Зина уже къ стѣнкѣ.— Хочется ѣсть и ѣшь, а то ждать! Кому хочется, тотъ и ѣшь!..

Мать, хлопнувъ дверью, уходила. Часто Зина съѣдала всѣ лакомства, предназначенныя для другихъ. Тогда она забирала нѣсколько тарелокъ, до-верху наполненныхъ разными разностями, садилась передъ ними, идіотски улыбалась, увѣрившись, что одна владѣтельница всѣхъ тарелокъ, и начинала какъ мышка грызть своими маленькими зубками. Зина все дѣлала или старалась дѣлать изящно. Послѣ ѣды она начинала чистить зубы, на что уходило не менѣе часа. Стоитъ передъ тазомъ въ своей комнатѣ (гдѣ можно было задохнуться отъ сильнаго запаха камфоры; камфорой были обсыпаны всѣ вещи Зины), стоитъ, подтыкавши платье, засучивши рукава, и третъ зубы щеточкой, которую держитъ двумя пальцами.

Разъ, когда Зина сидѣла передъ лакомствами, Ваня съ сестренкой зашли въ комнату и стали смотрѣть барышнѣ въ глаза какъ собачонки. Дѣти съ жадностью слѣдили за длиннымъ процессомъ того, какъ Зина брала двумя пальчиками конфетку, облизывала ее сначала вообще и потомъ маленькими грызками отправляла въ ротъ. При входѣ дѣтей Зина опустила въ тарелку свои злые глазки, чтобы показать дѣтямъ, что она не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Дѣти подумали, что она дѣйствительно ихъ не видитъ и стали заходить съ разныхъ сторонъ. Когда они подошли ужъ очень близко, она подобрала платье какъ-бы для того, чтобы не запачкаться. Наконецъ Ваня не вытерпѣлъ и тономъ взрослаго мужика сказалъ:

— Чтó Машкѣ-то не дашь? Ишь ты кобыла какая, а она махонькая!

— Сволочь!—выронила Зина, не оглянувшись и продолжая грызть конфетки.

— Ца-рю помочь, а ты чорту кочерга!—неуклюже и резонерски отвѣтилъ Ваня.

— Ахъ, ты мерзавецъ!—вскочила разъяренная барышня. Носъ и щеки вокругъ него побагровѣли, въ тупыхъ глаза ея мелькнулъ огонекъ. Она толкнула мальчика въ плечо. Онъ оттянулъ руку, не уступая поля сраженія. Тогда она схватила его за шиворотъ, дотащила къ порогу и сильно толкнула. Мальчикъ хлоп-

нулся объ полъ носомъ, изъ котораго полила кровь. Ваня заревѣлъ. Дѣвочка въ это время оставалась около стола. Зина схватила ее и ударила нѣсколько разъ по спинѣ. Поднялся страшный гвалтъ, на который сбѣжался весь домъ. Зина впала въ истерику. Едва она пришла въ себя, какъ она стала ревѣть слабымъ голосомъ.—Сейчасъ, сейчасъ эту подлую дѣвчонку вонъ!..

Судьба дѣвочки была рѣшена. Въ тотъ же день Юлинька съ Катей собрались съ ней въ сосѣдній городъ. Ванѣ не сказали, куда ее везутъ. Заложивъ руки за спину, съ сильно распухшимъ носомъ, онъ молча смотрѣлъ, какъ совершались приготовленія къ отъѣзду. Въ возокъ сначала юркнулъ одинъ маленькій чемоданчикъ, потомъ другой—побольше, потомъ нѣсколько ящичковъ и узелковъ, наконецъ вышли барышни въ сопровожденіи матери и начали усаживаться. Когда онѣ усѣлись и помѣстили между собою молчаливо вылупившую глаза Машу, старуха Коротова заботливо перекрестила ихъ. Бѣдная старуха считала себя всегда наканунѣ несчастья, все считала, что надъ ней «разразится». Затѣмъ Юлинька улыбнулась мальчику, крикнула:— «Прощай, Ваня!» и лошади дернули. Прекрасный Русланъ, завидѣвъ, что его любимица Наташа уѣзжаетъ, со всѣхъ ногъ бросился ее догонять.

Барышни возвратились только на другой день къ вечеру. Наташа вошла блѣдная, сильно взволнованная. Юлинька шла за нею, печально потупивъ глаза. «Свершилось! Да будетъ воля Твоя», подумала мать, полумертвая отъ испуга.

— Qu'est ce qu'il est arrivé? Parlez donc, parlez!—трагически проговорила она наконецъ.

— Ah, mamam, un grand malheur: j'ai perdu Rouslane!.. Ah, c'est ma faute, c'est ma faute! Юлинька мнѣ говорила, чтобы посадить его съ нами...—Наташа залилась горькими слезами, причитывая: «c'est ma faute, c'est ma faute!»

— Гдѣ, гдѣ вы его затеряли? Сейчасъ послать Ѳедора... Не плачь, ma chère, не волнуйся!.. Онъ свищетъ хорошо... Мы его найдемъ... Авдотья, Дуня! Позовите Ѳедора... Да можете дьякона съ нимъ послать... у него голосъ здоровый.

Поднялась страшная суматоха. Кто побѣжалъ за Ѳедоромъ, кто за дьякономъ. Но когда все было готово, Наташа рѣшила ѣхать сама, увѣряя, что Русланъ ее узнаетъ скорѣе, чѣмъ другихъ. Всю ночь продолжались розыски и только къ утру увѣнчались успѣхомъ. Это было большое ликованіе.

На Ваню никто въ это время не обращалъ вниманія. Онъ не кричалъ, не плакалъ, никого не разспрашивалъ. Безъ Маши ему сдѣлалось очень скучно. Но онъ думалъ, что она скоро пріѣдетъ назадъ. Въ ожиданіи этого онъ апатично переходилъ съ мѣста на мѣсто. Когда ему шатанье надоѣло, Ваня брался за свои игры, т.-е. рылся въ пескѣ или раскладывалъ домики изъ бревнушекъ, подаренныхъ ему Юлинькой. Но и въ играхъ онъ не забывалъ свою сестренку, и представлялъ себѣ, что она присутствуетъ тутъ же, около него. «Сиди, Машка, тутъ, стряпай, а я поѣду въ лѣсъ дрова рубить!» говорилъ онъ ей какъ старый мужикъ, взваливая на плечи воображаемый топоръ. Но такая игра скоро надоѣдала Ванѣ; онъ бросалъ ее, выходилъ на улицу, постоитъ немного, затѣмъ опять неуклюже взбирался по лѣстницѣ на верхъ, походитъ по балкону, снова спустится внизъ, забредетъ на кухню, гдѣ смотритъ на огонь, пока кухарка не прогонитъ его вонъ.

Когда Юлинька возвратилась, то почувствовала какой-то особенный приливъ нѣжности къ Ванѣ, начала его шумно цѣловать, дергать и поворачивать.—Уфъ, какой ты сонный!—смѣялась она, думая своимъ дерганьемъ развеселить ребенка.

— Гдѣ Машка?—апатично спросилъ онъ ее.

Юлинька въ отвѣтъ стала разсказывать ему быстро-быстро и притомъ очень шумно и длинно, что «Машѣ теперь будетъ очень-очень хорошо; такъ хорошо, такъ хорошо, потому что очень хорошо». Ее будутъ учить, она будетъ «все, все, все умѣть. Она будетъ славная дѣвочка; барышней будетъ». Ваня слушалъ вяло эти рѣчи, и когда Юлинька кончила, онъ спросилъ:

— А спать она здѣсь буде?

— Нѣтъ, милый, тамъ и спать будетъ.

Ваня посмотрѣлъ на Юлиньку апатичнымъ взглядомъ и отошелъ. Черезъ минуту раздались его громкія, жалобныя рыданія. Юлинькѣ стало его очень жалко. Она подбѣжала, стала его цѣловать, принесла ему конфектъ и заглушила его рыданія. Ваня посмотрѣлъ на нее глазами, на рѣсницахъ которыхъ дрожали слезы, и спросилъ:

— А она придетъ сюда?

— Какъ же, милый; на Рождество мы возьмемъ ее; она тогда будетъ большая, большая, какъ ты.

Съ тѣхъ поръ Ваня сталъ ждать. Все, что́ давали ему, онъ пряталъ, чтобъ отдать Машѣ. Каждый день и даже нѣсколько разъ на день, онъ приставалъ къ Юлинькѣ съ разспросами: «что́ нынче Рождество длинное такое? Ужъ Машка будетъ съ

меня!» А то онъ разсуждалъ такъ: «а я сегодня посплю, да завтра, да еще завтра, да еще, еще, еще, такъ потомъ и будетъ Рождество?» Юлиньку очень тѣшили эти вопросы; она пользовалась ими, чтобы научить Ваню считать. А то онъ все считалъ такъ: «разъ, два, три, пятнадцать, стонадцать». Но онъ былъ очень разсѣянъ и учился плохо. Печать какой-то горькой, безысходной тоски легла на блѣдномъ личикѣ Вани. Подъ его тонкой черепной покрышкой совершалась какая-то дѣятельная работа, которая была совсѣмъ не по силамъ ребенка. Иногда, непосредственно послѣ ласкъ Юлиньки, его нижняя губа внезапно начинала дрожать, печальные глаза наполнялись слезами, рука, въ которой было зажато пирожное, приготовленное для Маши, разжималась и онъ начиналъ жалобно рыдать. Его рыданія были какія-то не-дѣтскія, въ нихъ была такая грусть, которая передавалась самой Юлинькѣ. Онъ плакалъ, не закрывая лица, поднявъ глаза къ верху.

— Чтò съ тобой, Ваня?—спрашивала Юлинька. Но Ваня въ отвѣтъ только жалобнѣе и горше рыдалъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Машу увезли, онъ все больше и больше сталъ вертѣться около Юлиньки. Бывало, она сидитъ за фортепьяно, а онъ блуждаетъ по паркетнымъ поламъ, вялый, скучный; подойдетъ къ вазѣ съ цвѣтами, долго смотритъ на нее, потомъ подойдетъ къ окну, пройдется по діагонали комнаты и вдругъ обернетъ голову къ Юлинькѣ:

— Машка-то... ёна что дѣлаетъ таперича?

— *Теперь*—надо сказать, Ваня.

— Таперь...

— Нѣтъ,—тéперь.

— Те-пé-рь!—силится выговорить ребенокъ.

Юлинька утѣшаетъ его, что ей тамъ хорошо.

— Раслана тамъ нѣту?

— Нѣтъ; тамъ попъ есть, тамъ хорошо; тамъ очень-очень хорошо!

— А Зинка есть?

Юлиньку коробитъ немножко отъ этого вопроса; она отвѣчаетъ сухо—нѣтъ! и начинаетъ перебирать клавиши.

Ваня задумчиво слѣдитъ за ея пальцами:

— А Ванька-то тамъ есть?

— Какой Ванька?

— Какъ я, такой.

Юлинька смѣется:—нѣтъ, голубчикъ!

— Нѣту-ти?—переспрашиваетъ онъ сквозь слезы. Лицо его

опять начинаетъ искривляться отъ задержанныхъ рыданій:—вотъ я лошадку-то куплю, я поѣду къ ей... къ Машкѣ-то къ нашей!..

Эти вѣчныя слезы ребенка очень разстраивали Юлиньку. Ребенокъ видимо таялъ изо-дня въ день. Его всё перестало интересовать, даже игры, даже конфекты... Лицо его стало какъ-то особенно блѣдно и прозрачно, что́, хотя дѣлало его красивѣе, несомнѣнно доказывало однако присутствіе какой-то болѣзни. Это замѣтила прежде всѣхъ прачка и разъ, смотря на него, сказала Юлинькѣ:

— Не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ; вотъ убей меня Богъ, увидите. Видала я такихъ!.. Вотъ посмотрите, барышня,—добавила прачка, тыкая пальцемъ на переносицу Вани,—ежели эта синяя жила покажется,—ну, значитъ, поминай какъ звали. Это Богъ знаменіе свое показуетъ.

— Ну, оставь глупости! Еще при ребенкѣ говоришь такія вещи!..

— Да оно не пойметъ!.. А померъ бы и вамъ руки бы развязалъ, право!..

— Оставь, тебѣ говорятъ!—топнула ножкой Юлинька.—Кто тебя спрашиваетъ!.. Юлинька очень разсердилась. «Какіе эти мужики грубые, вотъ ужъ правду про нихъ!.. Руки бы развязалъ... Руки бы развязалъ!» Завертѣлось у нея въ головѣ. «Нѣтъ, я его очень, очень люблю!» Юлинька повернула голову къ Ванѣ, который, обернувшись къ стѣнѣ, апатично водилъ пальцемъ по обоямъ. «Какія манеры только, Богъ знаетъ что̀! И какой онъ неласковый! Все еще мужикъ не выдохся. Впрочемъ, теперь онъ ужъ не такой волчонокъ, какъ прежде... Ваня, иди сюда!» Ваня посмотрѣлъ на Юлиньку, постоялъ у стѣнки и потомъ неуклюже заковылялъ къ ней. Юлинька стала его цѣловать въ припадкѣ нѣжности, но онъ продолжалъ стоять какъ пень, не отвѣчая на ласки. Юлинька разсердилась, ей показалось это неблагодарностью со стороны ребенка. У Юлиньки были въ это время нервы нѣсколько разстроены. Дѣло въ томъ, что отправка Маши вовсе не успокоила Зины. Она по прежнему продолжала воевать и требовать денегъ для поѣздки въ Швейцарію. Мать не давала и, благодаря этому, въ домѣ происходила постоянная война, въ которой волей-неволей приходилось принимать участіе.

Въ разгарѣ этой баталіи Коротовыхъ посѣтила Лидія Васильевна, пріѣхавшая изъ деревни. Хотя эта молодая барынька имѣла всегда весьма цвѣтущій видъ, но почему-то она всегда лечилась у разныхъ знаменитостей. Одна изъ нихъ присовѣтовала теперь

Лидіи Васильевнѣ отправиться въ Парижъ къ еще бо́льшей знаменитости. (Вѣроятно русская знаменитость знала, что Лидія Васильевна была въ очень хорошихъ отношеніяхъ со своимъ старикомъ мужемъ). Но такъ какъ красивая барынька имѣла много враговъ, то не рѣшилась ѣхать въ Парижъ одна и пригласила съ собой Юлиньку. Искушеніе было очень велико (когда еще поѣдешь на свой счетъ!) и Юлинька немедленно согласилась.

Въ тотъ же вечеръ Юлинька при помощи Наташи стала приготовляться къ отъѣзду.

— Ты присмотришь за нимъ, le petit Ваня,—n'est-ce pas? —говорила ликующая Юлинька, отрываясь отъ укладки цѣлой груды бѣлья въ свой громадный сундукъ.

— О, разумѣется, разумѣется!—отвѣчала Наташа, подавая ей безконечное количество воротничковъ.—Je ferai pour toi tout ce que je peux... Mais enfin, по правдѣ сказать, je le trouve un peu сонливымъ... А пелеринку куда?

— Mets la du côté... Я ее одѣну въ дорогу.

— Ахъ, да; не забудь же, пожалуйста, les mouchoirs, какъ у Лиды... три дюжины. Она покупала въ Grands magasins du Louvre... Не забудешь!

— Ахъ, милая, вѣдь это всякій ребенокъ знаетъ—«Magasins du Louvre».

— Какъ бы мнѣ хотѣлось съ тобой, какъ я тебѣ завидую! Ты уже второй разъ въ Парижѣ.

— Да поѣдемъ теперь, право! Что тебя удерживаетъ?

— А Русланъ—mon pauvre petit, мнѣ жалко его оставить.

— Вѣдь я же оставляю Ваню.

— Да, Ваня—человѣкъ, и потомъ Руслана могутъ украсть... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, ни за что не оставлю его... Ахъ, Боже мой, чуть не забыла! Ошейникъ же не забудь Руслану.

Барышни разговаривали такъ до разсвѣта, а утромъ Юлинька укатила, заказавъ Ванѣ быть веселымъ и не плакать. За это она обѣщала ему навезти много гостинцевъ изъ Парижа.

Почему-то въ послѣднее время Ваня сталъ очень часто простуживаться. Правда, лѣто было на исходѣ, пошли дожди и настали очень холодные вечера. Но прежде Ваня никогда не былъ такъ воспріимчивъ къ холоду. Теперь онъ сильно кашлялъ по ночамъ, въ груди его сильно хрипѣло. Наташа обложила ему шею ватой съ камфорой и обмотала теплымъ платкомъ. Простуда проходила на нѣсколько дней, но потомъ снова появлялась.

Иногда утромъ Ваня закашливался такъ, что все его блѣдное личико синѣло, глаза выступали изъ орбитъ. Глаза его въ послѣднее время какъ-то ввалились, зрачки расширились и лихорадочно блестѣли. Бѣлки же были очень красные. Сонъ Вани сдѣлался неспокоенъ. Все ему снились съ нѣкотораго времени тяжелые сны, отъ которыхъ онъ просыпался съ тяжелой головкой.

Едва онъ закрывалъ глаза, какъ передъ нимъ выросталъ его врагъ Русланъ и, сердито рыча, оскаливалъ зубы. Ваня прогоняетъ его, но Русланъ выросталъ все больше и больше, закрывая все его поле зрѣнія. Зубы его зловѣще блистали, а красные глаза смотрѣли такъ, что Ванѣ дѣлалось холодно, и онъ пускался бѣжать. Но что-то помимо воли заставляло его оглянуться назадъ и онъ видѣлъ, какъ Русланъ, тряся головой и ушами, располагался надъ какой-то добычей, которую придерживалъ передними лапами; разгрызаемыя кости хрустѣли на зубахъ его. Ваня протягиваетъ шею и видитъ, что Русланъ прогрызетъ Машу. Ваня съ ужасомъ отшатывается назадъ и просыпается. Въ комнатѣ все тихо и темно, но Русланъ все что-то грызетъ да грызетъ. Ужасъ Вани растетъ все сильнѣй и сильнѣй и вдругъ онъ страшно заревѣлъ. Наташа просыпается, чиркаетъ спичкой и, зажигая свѣчку, пугливымъ шопотомъ спрашиваетъ:

— Что съ тобой?.. Тише, маму разбудишь. Что̀ съ тобой?

— Боюсь,—отвѣчаетъ ребенокъ, заглушая рыданія.

— Что̀, тебѣ приснилось что-нибудь?—спрашиваетъ Наташа, оглядываясь.

— Да! — говоритъ мертвенно - блѣдный ребенокъ. — Сядь здѣсь!

Наташа садится и ребенокъ крѣпко жмется къ ней своимъ горячимъ, вспотѣвшимъ тѣломъ.

— Наташа, твой Русланъ Машку не съѣстъ?—продолжаетъ съ ужасомъ ребенокъ. Этотъ ужасъ сообщается молодой дѣвушкѣ.

— Н-нѣтъ,—медленно отвѣчаетъ она и ей дѣлается какъ-то нехорошо.

— А кто вотъ это? — съ еще бо̀льшимъ ужасомъ спрашиваетъ Ваня.

— Гдѣ?..—и Наташа боится слѣдить по направленію, указываемому глазами ребенка.

— Вонъ... вонъ... у двери...

— Гдѣ?!.. Наташѣ дѣлается холодно и страшно. Передъ

ней во мракѣ полурастворенной двери медленно шатается что-то бѣлое.

— Наташа, это ёнъ... ёнъ пришелъ...

— Кто?!—шопотомъ спрашиваетъ дѣвушка.

— Ёнъ насъ зарѣжетъ!—вскрикиваетъ ребенокъ, впиваясь въ нее руками. Наташа вырывается отъ него и въ ужасѣ бѣжитъ со свѣчкой, крича:—Авдотья! Дуня!..

Вбѣгаетъ растрепанная и заспанная Дуня. Наташѣ немного стыдно своего страха.

— Что-то Ваня какъ-будто разболѣлся. Ужасъ, что̀ онъ такое говоритъ!

Дуня бросаетъ на него сердитый взглядъ, но, разсмотрѣвши блуждающіе и раскраснѣвшіеся глаза его, ставитъ свѣчку и нѣкоторое время молчитъ:

— Сглазили его, должно быть, —рѣшаетъ она.

— Кто?

— А я почемъ знаю!

Ваня между тѣмъ успокоивается немного и лежитъ, смотря на свѣчку. Наташа шопотомъ разсказываетъ Дунѣ бредъ ребенка.

— Сглазили и есть,—рѣшаетъ она окончательно.—Обмыть надо...

Всю ночь горѣла свѣчка. Дуня легла тутъ же въ комнатѣ, чтобы придать больше храбрости Наташѣ. Подъ утро ребенокъ забылся въ полуснѣ, но много и сильно стоналъ.

Утромъ ему сдѣлалось какъ будто лучше; онъ всталъ, но ѣсть ничего не могъ и скоро слегъ снова. Впрочемъ, онъ ни на что не жаловался. Жару у него не было.

— Зачѣмъ же ты лежишь?—спросила Наташа.

— Такъ!—отвѣтилъ онъ. Наташа подарила ему красивенькій кошелекъ съ нѣсколькими серебряными монетами, и это его очень заняло. Онъ сѣлъ на кровати и забавлялся тѣмъ, что перекладывалъ изъ кошелька на ладонь и наоборотъ.

— А я себѣ лучше лошадку куплю. Куплю и уѣду, правда?

— Купи, купи, голубчикъ!—отвѣчала Наташа.

Она думала, что тѣмъ болѣзнь Вани кончится, и потому не звала доктора. Кромѣ того, она боялась испугать мать, если та увидитъ въ своемъ домѣ доктора. Утромъ Зина сдѣлала такую сцену матери, что разстроила ее ужасно. Цѣлый день та пролежала съ мигренью и Наташѣ пришлось все возиться около нея. Но къ вечеру у Вани жаръ страшно усилился. Онъ опять сталъ сильно бредить и никого не узнавалъ. Всю ночь Наташа

съ Дуней не спали, прикладывая къ головѣ его мокрыя полотенца. На другое утро, хотя ему опять сдѣлалось легче, но вставать онъ уже не могъ. Лицо его еще больше осунулось и его трудно было узнать. Послали за докторомъ.

Докторъ явился только къ вечеру. Это былъ молодой и очень добросовѣстный человѣкъ и потому онъ очень долго изслѣдовалъ своего маленькаго больного.

— Плохо!—сказалъ онъ наконецъ, многозначительно оттопыривъ губы.—Meningitis acuta! Организмъ и безъ того очень истощенный. Что́, у него былъ испугъ, душевное волненіе какое-нибудь?

— Нѣтъ, никакого, кажется. Мы его держали какъ родного... Онъ пріемышъ...

— Ммм... такъ, такъ!—промычалъ докторъ.—Exitus letalis несомнѣненъ, а впрочемъ, давайте вотъ... Позвольте перышко и бумаги!—Онъ прописалъ какое-то питье, расшаркался, отказался отъ платы и ушелъ.

Прошло два дня, въ теченіи которыхъ Ваня не приходилъ въ себя. Въ бреду онъ вспоминалъ деревню, Машку, Грушку, представлялъ себѣ, что онъ на улицѣ родного села играетъ съ дѣтишками. — Сюды, ребятки, сюды! Го-го-го! — заржалъ онъ однажды ночью громко, на всю комнату...

Весь домъ говорилъ о скорой смерти мальчика. И, странно! на кухнѣ говорили теперь о немъ не иначе, какъ о «Ванѣ-сироткѣ». А прачка увѣряла даже молчаливо слушавшую ее братію, что душа Вани вознесется прямо на небо и будетъ радоваться между свѣтлыми ангелами. Старая барыня не выходила изъ своей комнаты. Она очень боялась близости умиравшаго и нервы ея еще болѣе разстроились.

Однажды вечеромъ, Наташа подошла къ постели больного Вани и была поражена осмысленнымъ взглядомъ его большихъ сѣрыхъ глазъ.

— Наташа,—сказалъ Ваня,—мой тятя пріѣхалъ съ Машкой?

— Нѣтъ, милый, онъ не пріѣхалъ.

— Нѣтъ, пріѣхалъ; я ихъ видѣлъ... Я съ ними поѣду... Вотъ какъ!

Наташа постояла и вышла. Она уже не спала въ одной комнатѣ съ Ваней. На ея мѣстѣ поселилась Дуня.

Часовъ въ 11 ночи Дуня, блѣдная, вбѣжала въ кухню, гдѣ вся прислуга сидѣла за самоваромъ, и, запыхавшись, проговорила:

— Померъ!

Присутствующіе, какъ одинъ человѣкъ, осѣнили себя широкимъ крестомъ.

Было свѣжее солнечное утро начала сентября, когда изъ растворенныхъ вратъ дома Коротовыхъ двинулась маленькая кучка прислуги вслѣдъ за кучеромъ Степаномъ, который несъ бѣлый атласный гробикъ Вани. У воротъ стоялъ больной мужичонко; при видѣ похоронной процессіи, онъ, блѣднѣя, снялъ истертый картузъ; при этомъ движеніи волосы его разсыпались на его тощей головѣ. Онъ подошелъ къ одной бабѣ въ шали и робко спросилъ:

— Кого, матушка, хоронятъ?

— Пріемыша, голубчикъ, пріемыша, — отвѣчала та. — Барышни двухъ пріемышей взяли: сестру да брата; мальчикъ-то вотъ померъ. Вишь, гробикъ-то какой снарядили... Господь-Богъ наградитъ за это... О-охъ, наградитъ!

— А дѣвчонка жива-ли?—продолжалъ спрашивать мужикъ, еле раздвигая свои сухія, бѣлыя губы.

— Быдто жива! Въ пріютъ ее отдали...

Мужичонко отошелъ и, понуривъ голову, тихо поплелся за красивымъ бѣлымъ гробикомъ.

Этотъ мужикъ былъ отецъ Вани.

И. Полоцкій.

ПРЯМЫЕ НАЛОГИ

ВЪ

РОССІИ

Опытъ устройства ихъ на подоходномъ основаніи.

I.

Расходы государственные, точно также какъ и частные, представляютъ два отличные вида. Первый составляютъ расходы *текущіе, оборотные*, поступающіе на содержаніе учрежденій и предпріятій уже существующихъ. Таковы расходы государственной росписи на содержаніе наличнаго состава войска, чиновниковъ, суда, существующихъ почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеній и пр. Второй составляютъ расходы на основаніе новыхъ учрежденій, предпріятій и пр. Таковы расходы на учрежденіе новыхъ путей сообщенія, портовъ, казенныхъ фабрикъ, заводовъ, новыхъ военныхъ сооруженій. Этого рода расходы могутъ быть названы *основными*, въ отличіе отъ текущихъ или оборотныхъ.

Всякое развивающееся государство нуждается въ расходахъ того и другого рода точно такъ же, какъ и всякое частное хозяйство. На счетъ оборотныхъ расходовъ поддерживается государственный строй въ его насущномъ видѣ. Безъ вклада основного капитала немыслимо улучшеніе какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства.

Расходы перваго рода составляютъ безусловную необходимость, безъ которой не можетъ продолжаться ни государственная жизнь, ни частное хозяйство. Расходы основные суть такіе, примѣненіе которыхъ происходитъ въ болѣе ограниченныхъ случаяхъ и оправдывается улучшеніями и выгодами, которыя ожидаются отъ такихъ капитальныхъ затратъ.

Источникомъ тѣхъ и другихъ расходовъ въ частныхъ хозяйствахъ служатъ доходы. Изъ этихъ доходовъ прежде всего уплачиваются такъ-называемые текущіе расходы; остатокъ составляетъ такъ-называемый чистый частный доходъ, который частью проживается и истрачивается, частью служитъ источникомъ сбереженій и новыхъ основныхъ расходовъ.

Чѣмъ меньшая часть чистаго дохода проживается и чѣмъ бо́льшая часть его сберегается или обращается на извѣстныя предпріятія, тѣмъ быстрѣе, конечно, возрастаетъ и національное богатство.

Источникомъ тѣхъ и другихъ расходовъ для государства служатъ *налоги*.

Налоги эти (за исключеніемъ нѣкоторыхъ чисто хозяйственныхъ операцій самого государства) не имѣютъ другихъ источниковъ, кромѣ средствъ подданныхъ государства; поэтому величина чистаго національнаго дохода сокращается еще на всю сумму налога, который взыскивается въ государствѣ.

Налогъ, смотря по его величинѣ, можетъ уплачиваться страной или изъ суммы частныхъ доходовъ, которая именуется національнымъ доходомъ, или, за недостаткомъ его, обращается на самый національный капиталъ.

Пока текущіе расходы покрываются національнымъ доходомъ, до тѣхъ поръ государственное богатство поддерживается на разъ достигнутомъ имъ уровнѣ, но въ немъ не основывается ни новыхъ частныхъ, ни государственныхъ предпріятій; государство можетъ быть не богатѣетъ, но и не бѣднѣетъ.

Если за покрытіемъ такихъ текущихъ расходовъ національный доходъ оставляетъ еще избытокъ, то этотъ избытокъ можетъ быть (оставаясь частнымъ доходомъ) употребленъ на новыя частныя предпріятія; или, обращаясь въ налогъ, на новыя государственныя предпріятія, и государство можетъ богатѣть. Если этого избытка не остается, то налогъ взимается уже не иначе, какъ съ національнаго капитала; и хотя могутъ быть исключительные случаи, въ которыхъ можетъ оправдываться обращеніе частнаго капитала въ средства государства, тѣмъ не менѣе случаи эти должны быть лишь исключительные и временные.

Но если національный доходъ не покрываетъ даже текущихъ расходовъ и налогъ захватываетъ часть національнаго капитала для текущихъ расходовъ, то страна, какъ говорится, проживаетъ свой капиталъ и стремится къ объдненію.

Отсюда вытекаетъ то первое положеніе для всякой раціональной теоріи налоговъ, что обыкновенный текущій налогъ долженъ падать исключительно на національный доходъ и не долженъ выходить изъ его предѣловъ.

Но такой налогъ, который бы поглощалъ весь чистый доходъ частныхъ лицъ, не оставлялъ бы ничего ровно, никакихъ средствъ для развитія частной предпріимчивости. Между тѣмъ эта предпріимчивость составляетъ непремѣнный членъ и условіе развитія во всякой странѣ, какъ бы она ни была груба и первобытна. Поэтому очевидно, что всякая правильная система налоговъ не только должна быть основана на чистомъ доходѣ страны, но размѣръ налога долженъ быть таковъ, чтобы налогъ поглощалъ въ суммѣ лишь извѣстный % этого чистаго дохода, оставляя свободное поле и средства для развитія на счетъ остатка новыхъ частныхъ предпріятій.

Въ большинствѣ по крайней мѣрѣ европейскихъ государствъ, не исключая и Россіи, оно дѣйствительно такъ и есть. Но, прежде чѣмъ мы обратимся къ самымъ численнымъ отношеніямъ налога къ чистому доходу отдѣльныхъ странъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ формахъ, въ которыхъ взыскивается обыкновенно налогъ,—такъ какъ въ нашихъ разсчетахъ мы очевидно должны имѣть въ виду всѣ виды налога, и такъ какъ налогъ не всегда имѣетъ явную, а иногда принимаетъ скрытую форму, которая, очевидно, не можетъ быть оставлена безъ вниманія.

Правильный явный налогъ, налогъ въ собственномъ смыслѣ, о которомъ мы должны разсуждать, прежде всего представляетъ два вида. Онъ взыскивается или съ расхода частныхъ лицъ въ моментъ совершенія расхода, и въ этомъ случаѣ носитъ названіе косвеннаго налога—въ видѣ всякаго рода пошлинъ, акцизовъ и проч.; или же взимается въ видѣ опредѣленнаго платежа съ дохода частныхъ лицъ, и въ такомъ случаѣ носитъ названіе прямого налога.

Первая форма налога имѣетъ болѣе удобства по своей простотѣ, избавляя государство отъ предварительнаго приведенія въ ясность платежныхъ средствъ потребителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ и свою слабую сторону.

Такъ какъ расходы, производимые частными лицами, могутъ производиться и дѣйствительно производятся какъ изъ дохода,

такъ и изъ капитала, то и налогъ этотъ взимается въ первой инстанціи также какъ съ доходовъ, такъ и съ капитала безразлично и покрытіе его въ общей сложности національнымъ доходомъ, или нѣтъ,—вполнѣ зависитъ отъ благоразумія или разсудительности самихъ потребителей. Поэтому и возвышеніе этихъ сборовъ ничего не говоритъ еще о возвышеніи національнаго дохода, а можетъ быть только слѣдствіемъ растраты національнаго капитала и временнымъ возвышеніемъ, за которымъ слѣдуетъ упадокъ величины тѣхъ же сборовъ.

Прямой налогъ представляетъ болѣе практическихъ затрудненій въ самомъ его распредѣленіи, но онъ за то можетъ быть прямо разсчитываемъ съ дохода.

Какъ бы то ни было, практика европейскихъ государствъ удерживаетъ до сихъ поръ обѣ формы налога и такой порядокъ имѣетъ за себя болѣе теоретическихъ основаній, чѣмъ обыкновенно думаютъ спеціальные сторонники того или другого рода налоговъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оба вида налоговъ составляютъ своего рода систему, въ которой каждый является существеннымъ членомъ и дополненіемъ другого.

Ограниченіе всей системы податей одними косвенными налогами представляется несостоятельнымъ уже потому, что налоги эти не могутъ распространяться на всѣ разнообразныя статьи потребленія или расхода гражданъ, а ограничиваются всегда только извѣстными.

Облагая преимущественно предметы роскоши, система косвенныхъ налоговъ съ перваго взгляда какъ будто дѣйствительно захватываетъ избытки или ложится на дѣйствительный чистый доходъ отдѣльныхъ лицъ; но по этому самому она должна быть строга въ выборѣ предметовъ обложенія и не захватывать предметовъ перваго потребленія, составляющихъ необходимый расходъ хозяйства, а только такіе предметы, потребленіе которыхъ можетъ обращаться въ сбереженіе.

Понятно однако, что въ этомъ видѣ она захватываетъ лишь ту часть чистаго дохода, которая обращается на потребленіе предметовъ роскоши или избытка, ею обложенныхъ, и не касается чистаго дохода, истрачиваемаго какъ на предметы ею необложенные, такъ и вовсе не истрачиваемаго, а сберегаемаго. Съ этой стороны система прямыхъ налоговъ имѣетъ именно цѣлью пополнить эти недостатки и подчинить налогу тѣ виды и части чистаго дохода, которые остаются нетронутыми косвенными налогами.

Точно также невозможно ограничиться и одними прямыми

налогами, потому что опредѣленіе чистаго дохода отдѣльныхъ лицъ на практикѣ не только связано съ большими затрудненіями, но какъ бы оно ни было выполнено, всегда представляетъ извѣстную сумму ошибокъ и можетъ быть только приблизительнымъ. Поэтому система косвенныхъ налоговъ является такимъ же неизбѣжнымъ дополненіемъ прямого налога и служитъ ей въ то же время весьма удобной практической повѣркой. Такъ какъ она распространяется преимущественно на предметы избытка, то возвышеніе и пониженіе дохода казны отъ косвенныхъ сборовъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ барометромъ тягости окладныхъ налоговъ. Пока косвенные налоги возрастаютъ (не случайно и временно конечно), до тѣхъ поръ это можетъ служить признакомъ неотяготительности существующей величины окладныхъ сборовъ; и наоборотъ, сокращеніе дохода отъ косвенныхъ сборовъ можетъ служить указаніемъ на непосильные итоги прямыхъ податей.

Искусство финансоваго законодателя и должно состоять въ такомъ сочетаніи этихъ двухъ видовъ налога, при которомъ, взятые вмѣстѣ, они даютъ казнѣ наибольшій доходъ. Поэтому же въ странѣ, въ которой прямые налоги часто на долгое время остаются неизмѣненными, естественно ожидать возрастанія косвенныхъ сборовъ и перевѣса послѣднихъ надъ первыми въ итогахъ казеннаго дохода.

Этотъ наибольшій доходъ, конечно, не долженъ выходить изъ предѣла чистаго дохода страны, но не стѣснять сбереженій и частной предпріимчивости, то-есть можетъ во всякомъ случаѣ быть расчитанъ лишь на извѣстную долю чистаго дохода. Нужно сказать, что эта доля въ странахъ съ различнымъ развитіемъ частной предпріимчивости должна быть различна: въ странахъ съ слабо-развитой предпріимчивостью она можетъ быть выше, въ странахъ съ болѣе развитой—ниже.

Иными словами, въ Россіи, напримѣръ, гдѣ значительная доля почина въ дѣлѣ предпріимчивости должна принадлежать еще государству, эта доля можетъ быть значительнѣе, чѣмъ въ Англіи и даже западной Европы вообще.

Кромѣ указанныхъ явныхъ формъ, которыя носятъ названіе налога, въ наукѣ и въ росписяхъ есть формы скрытыя: такую составляетъ, между прочимъ, произвольный выпускъ бумажныхъ денегъ или принудительный безпроцентный заемъ.

Если такой выпускъ дѣлается на покрытіе особенныхъ капитальныхъ расходовъ, то онъ можетъ еще оправдываться,—въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ,—цѣлью послѣдующихъ, хотя бы отдаленныхъ, результатовъ такой затраты національнаго

капитала; но когда онъ употребляется на покрытіе текущихъ расходовъ, то это равносильно проживанію государствомъ національнаго капитала, ибо очевидно—все равно, въ какой формѣ поступаетъ въ руки и израсходуется казной эта часть національнаго капитала—въ формѣ ли открытаго налога или скрытаго.

То, что мы сказали сейчасъ о принудительныхъ безпроцентныхъ займахъ, примѣняется косвенно и къ той массѣ процентныхъ займовъ, которые, въ случаѣ ихъ употребленія на текущіе расходы, представляютъ еще худшую форму проживанія національнаго капитала, скрывающую обѣднѣніе страны, ибо неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ является прибавка къ расходамъ государства на проценты по этимъ долгамъ. Затраты ведутъ неизбѣжно къ еще большему дефициту въ бюджетѣ, а слѣдовательно къ новымъ дальнѣйшимъ долгамъ на покрытіе такихъ дефицитовъ. Поэтому, разъ начавшись, уплата текущихъ расходовъ долгами представляетъ покатую плоскость, по которой государство стремится съ усиленной скоростью къ все большимъ и большимъ недочетамъ, а долги его растутъ какъ лавина.

Независимо отъ этого, безпроцентный долгъ производитъ всегда и извѣстное перераспредѣленіе въ системѣ явныхъ налоговъ.

Простой примѣръ объяснитъ дѣло. Положимъ, что рѣчь идетъ о прямомъ налогѣ, который взыскивается съ дохода. Для всѣхъ лицъ, состоящихъ на пенсіи или жалованьи государства или частныхъ лицъ, опредѣляемомъ постоянными окладами, этотъ налогъ опредѣляется извѣстною частью ихъ оклада. Пока расходы покрываются налогомъ, до тѣхъ поръ эта доля остается соразмѣренной съ платежами, взимаемыми съ другихъ доходовъ; но разъ являются суррогаты въ видѣ выпуска бумажныхъ денегъ, ведущихъ или къ паденію курса бумажнаго рубля или вздорожанію продуктовъ, дѣло измѣняется, и всѣ лица, получающія опредѣленное содержаніе, оказываются уплачивающими возвышенный налогъ: они платятъ, во-первыхъ, налогъ явный, въ видѣ оклада, и, во-вторыхъ, налогъ скрытый, въ видѣ лажа; ибо на нихъ падаетъ прежде всего тяжесть безпроцентнаго долга.

Спрашивается, можно ли подъ цифрой налога разумѣть въ этомъ случаѣ одну его явную цифру, или слѣдуетъ также принимать въ соображеніе его дополненіе, проистекающее отъ безпроцентнаго долга? Очевидно, что цифра явнаго налога ничего не скажетъ въ этомъ случаѣ о всей величинѣ уплачиваемаго налога.

Но этого мало: присутствіе лажа и безпроцентные долги могутъ вліять даже на величину явныхъ налоговъ. Съ перваго взгляда можно было бы думать, что если названныя лица

и платятъ теперь въ сущности бо́льшую часть своего дохода, то государство, получая налогъ кредитными деньгами, само получаетъ теперь въ сущности менѣе; но это не совсѣмъ вѣрно. Въ видѣ прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ по опредѣленнымъ прежнимъ окладамъ, государство получаетъ теперь въ сущности менѣе вслѣдствіе паденія курса денегъ; но косвенные его налоги обыкновенно при этомъ возростаютъ, такъ какъ средства или доходы производителей обыкновенно возростаютъ, по крайней мѣрѣ номинально, пропорціонально вздорожанію цѣнъ на продукты. Чѣмъ меньшей долей налогъ, взыскиваемый въ разъ установленной нормѣ съ опредѣленныхъ окладовъ лицъ или дворовъ и проч., входитъ въ общій итогъ налоговъ, тѣмъ менѣе теряетъ при этомъ государство и въ суммѣ можетъ даже и не терять, а даже выигрывать, то-есть получить теперь въ сущности и бо́льшій явный налогъ.

Итакъ, всякій государственный долгъ составляетъ всегда такую прибавку къ налогу, которая, въ случаѣ безпроцентной формы этого долга, помимо этой прибавки, непремѣнно вноситъ еще положительную путаницу въ распредѣленіи налога. Въ случаѣ же процентной его формы, хотя и не вліяетъ на распредѣленіе налога, но ведетъ собственно къ увеличенію явныхъ налоговъ для покрытія % отъ этихъ долговъ.

Послѣдствія безпроцентныхъ долговъ становятся особенно ощутительны, когда эти долги входятъ въ систему, составляютъ явленіе хроническое, ибо тогда перераспредѣленіе налоговъ, которое они вызываютъ, и измѣненіе цѣнъ на продукты начинаетъ совершаться непрестанно и податная система государства окончательно спутывается съ его кредитной системой,—такъ что при безпрестанномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ становится невозможнымъ какое-либо точное разсужденіе о дѣйствительныхъ налогахъ, уплачиваемыхъ страной, и ихъ распредѣленіи.

Все это еще ухудшается тѣмъ, что безпроцентные долги обыкновенно не слѣдуютъ одни, а перемежаются съ процентными долгами, такъ что государство является обыкновенно обремененнымъ и тѣми и другими долгами, причемъ одни вызываютъ другіе.

Все это представляетъ столько неудобствъ, что лучшимъ средствомъ для государства, вступившаго на такой путь, считается выдти изъ него какъ можно скорѣе черезъ замѣну такихъ неявныхъ налоговъ явными.

Насколько это бываетъ возможно—это зависитъ отъ платежныхъ средствъ націи, отъ отношенія между ея чистымъ дохо-

домъ и существующими налогами явными и распредѣленіемъ этихъ налоговъ, но оно также зависитъ отъ взгляда, который принимается, на безпроцентный долгъ.

Если смотрѣть на него не какъ на настоящій долгъ, а какъ на взятый уже налогъ,—какъ это и слѣдуетъ по нашему мнѣнію,—то выходъ этотъ упрощается, такъ какъ дѣло главнымъ образомъ сводится къ тому, чтобы не дѣлать такихъ долговъ вновь, то-есть не выпускать вновь бумажныхъ денегъ, а дефициты покрывать путемъ налоговъ явныхъ. Но существуетъ мнѣніе, по которому безпроцентные долги разсматриваются какъ настоящіе долги, подлежащіе возврату; и въ такомъ случаѣ дѣло, конечно, значительно усложняется, но, какъ слѣдуетъ думать,—усложняется безъ надлежащей причины, ибо на самомъ дѣлѣ едва ли представляется даже возможнымъ отнестись къ безпроцентному долгу какъ къ настоящему долгу. Долгъ заключается добровольно и уплачивается лицу ссудившему. Безпроцентный заемъ не только берется принудительно, но въ рукахъ лица, его уплатившаго, не осталось никакого слѣда, по которому долгъ этотъ могъ бы быть возвращенъ тѣмъ, кому онъ слѣдуетъ или ихъ наслѣдникамъ. То же, что̀ въ подобныхъ случаяхъ называется возвратомъ, не представляетъ вовсе возврата тѣмъ, кому слѣдуетъ, а чистый подарокъ случайнымъ обладателямъ кредитныхъ билетовъ во время возврата. Такъ, мы видѣли выше, что первые плательщики безпроцентныхъ долговъ бываютъ всегда всѣ лица, получающія опредѣленные оклады; они и несли на себѣ всю тяжесть этихъ долговъ во все время низкаго курса и дороговизны, вызванной бумажными деньгами.

Напротивъ того, производители или торговцы страдали при этомъ гораздо менѣе, а можетъ быть даже и выигрывали. Между тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находятся тѣ деньги и капиталы, которые въ случаѣ *возврата* будутъ обмѣнены на золото, какъ не въ рукахъ производителей и торговыхъ классовъ; они, слѣдовательно, только и воспользуются возвратомъ и послѣдній составитъ во всякомъ случаѣ только подарокъ этому классу, тѣмъ болѣе несправедливый, что онъ можетъ быть сдѣланъ лишь на счетъ особаго налога, взимаемаго съ народа въ то время, когда существующихъ налоговъ оказывается и безъ того недостаточно на покрытіе дефицитовъ въ текущихъ расходахъ и болѣе существенныхъ нуждахъ.

При такихъ условіяхъ возвратъ этотъ является простой обрядностью, ради которой государство приноситъ своему самолюбію въ жертву истинные интересы своего народа.

Послѣ такихъ предварительныхъ объясненій, мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя существуютъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ между величинами налоговъ и чистыми доходами.

Къ сожалѣнію, всѣ наши соображенія касательно отношеній между величинами національныхъ доходовъ съ одной стороны и налоговъ—съ другой, могутъ быть только приблизительными. Причина лежитъ въ трудности получить точныя свѣдѣнія о величинѣ доходовъ. Болѣе точныя свѣдѣнія относительно этой величины имѣются только для Англіи; для остальныхъ государствъ они уже болѣе гадательны; для Россіи ихъ не существуетъ вовсе. Поэтому для того, чтобы составить себѣ о нихъ хотя въ какой-либо степени приблизительное представленіе, мы должны будемъ прибѣгнуть къ болѣе искусственному окольному способу ихъ опредѣленія и довольствоваться результатами, предполагающими возможность ошибки въ довольно широкихъ предѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ эти результаты все-таки должны имѣть свою степень вѣроятія, то мы считаемъ ихъ, за неимѣніемъ болѣе точныхъ, все-таки не безполезными, тѣмъ болѣе, что пока они должны служить лишь для самыхъ общихъ соображеній.

Національный доходъ Англіи, выведенный на основаніи данныхъ подоходнаго налога и др. и капитализируемый по способу англійскаго статистика Роберта Грифена, представляется профессоромъ Нейманомъ Шпалартомъ въ слѣдующемъ видѣ:

	Національный доходъ въ 1,000 ф. ст.	Коэффиціентъ для капитализаціи дохода.	Въ 1,000 ф. ст. національный капиталъ.
Земли	66,911	20	2.007,300
Зданія	34,638	15	1.419,570
Доходы арендаторовъ .	66,752	10	667,520
Кредитныхъ бумагъ (кромѣ государственныхъ долговъ)	20,767	25	519,175
Желѣзныхъ дорогъ . .	26,215	25	655,375
Торговыхъ и промышленныхъ предпріятій . .	35,000	15	525,000
Всѣ остальные виды дохода.	67,303	—	849,150
Всего на основаніи income-tax	377,586	—	6.643,120
Предпріятія торговли и промышленности, не подчиненныя подоходному налогу	107,000	(Средній % капитализаціи). 5,66%	1.905,000
Всего	484,586		8.548,120

Національный капиталъ Франціи по опредѣленію политико-эконома Фовилля (Econ. fr. 1878 № 52 и № 1 и 3, 1879 г.) опредѣляется въ 200 милліардовъ франковъ.

Земли	100
Зданія	25
Чистый вывозъ	15
Запасъ благородныхъ металловъ	8
Движимости и произведенія искусства	10
Земледѣльческій оборотный капиталъ	4
Домашнія и полевыя животныя	5
Земледѣльческія орудія	5
Капиталы, вложенные въ торговлю	5
Капиталы, вложенные въ ремесла	20
Арсеналы и морскія сооруженія	3
Всего	200

Самъ Фовилль принимаетъ это исчисленіе точнымъ до 10-ти милліардовъ, т.-е. ошибка не можетъ превосходить, по его мнѣнію, этой цифры.

Эти 200 милліардовъ фр. по 5,7% должны составить доходъ въ 11,4 милліардовъ фр.

Для Австріи Нейманъ Шпалартъ принимаетъ въ 1874 г. (Die Ernten und Wohlstand in Oestreich und Ungarn. Berl. 1874) національный доходъ отъ 5,500 до 6,000 милліоновъ гульденовъ, между тѣмъ какъ въ 1867 году тотъ же доходъ опредѣлялся въ 4,300 милл.

Но цифры эти, очевидно, слишкомъ высоки, если сравнить ихъ съ національнымъ доходомъ Англіи и Франціи, и потому едва ли могутъ быть употреблены съ дѣло безъ такой оговорки.

Для Соединенныхъ-Штатовъ на основаніи данныхъ оффиціальной статистики для 1870 г. тотъ же авторъ приводитъ слѣдующія данныя:

Населеніе	Націон. капиталъ въ милліонахъ доллар.	Капиталъ на душу.
38.558,000	30,069	776,96

что́ по среднему проценту дохода 5,7% доставитъ 1,714 милліоновъ долларовъ.

Раздѣливъ величину дохода на величину населенія, получимъ слѣдующую таблицу для дохода на душу въ національной монетѣ и рубляхъ:

	Національный доходъ.		Населеніе.	На душу.	Въ рубляхъ.
Англія . . .	484.586,000 ф. ст.	(1871)	32.016,592	15,10 ф. ст.	94,93
Франція . . .	11.400.000,000 фр.	(1872)	36.102,921	310,22 фр.	77,56
Австрія . . .	5.500.000,000 гул.	(1877)	37.351,420	147,73 гул.	91,21 к.
Сѣв. Ам. . . .	1.714.000,000 дол.		38.558,000	44,286 долл.	59,20 к.

Для Австріи національный доходъ, выраженный въ гульденахъ, долженъ быть собственно пониженъ пропорціонально существовавшему въ 1877 г. лажу на гульденъ, но и въ этомъ случаѣ онъ составитъ все-таки 82 р. 9 к. на душу, что̀ еще очевидно преувеличено. Поэтому, если оставить вовсе въ сторонѣ сомнительныя данныя для Австріи, то окажется, что вытекающій изъ приведенныхъ выше чиселъ, національный доходъ на душу возростаетъ съ населенностью,—какъ это и слѣдовало думать a priori. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній, которыя бы дозволяли допустить, что такое возростаніе можетъ идти не только прогрессивно, но даже въ прямомъ отношеніи къ численности, а, напротивъ, существуютъ причины, заставляющія думать, что такое возростаніе можетъ быть только убывающее или замедляющееся. Первую изъ нихъ составляетъ неизбѣжный усиленный ростъ населенія, сопровождающій обыкновенное возвышеніе дохода. Такъ что если возростаетъ абсолютная величина капитала и дохода, то въ то же время увеличивается и число лицъ, на которыхъ приходится распредѣлять какъ капиталъ, такъ и доходъ; если же ростъ капитала даже опережаетъ ростъ населенія, то съ увеличеніемъ капитала, причитающагося на душу, уменьшается %, а съ нимъ вмѣстѣ, слѣдовательно, и доходъ. Иначе, впрочемъ, оно не можетъ быть, ибо въ противномъ случаѣ мы должны бы были допустить возможность безпредѣльнаго возростанія дохода на душу или національнаго богатства, что̀ совершенно невѣроятно.

Отсюда слѣдуетъ само собой, что возростаніе дохода на душу пропорціональное населенію и постоянство дохода составляютъ двѣ одинаковыя крайности, изъ которыхъ одна отвѣчаетъ наибольшему предѣлу, въ которомъ можно только допустить à priori возростаніе дохода на душу, вторая—наименьшему. При первомъ предположеніи государство должно было бы безпредѣльно богатѣть и ростъ его населенія могъ бы быть по меньшей мѣрѣ одинаково быстрый при всѣхъ градусахъ населенности, что̀, какъ извѣстно, невозможно. При второмъ, государства не могли бы вовсе богатѣть, что̀ также не оправдывается практикой. Поэтому наиболѣе вѣроятное будетъ среднее предположеніе, по которому доходъ на душу, хотя и возростаетъ съ населеніемъ, но съ за-

медляющейся быстротой, такъ что возростаніе это въ концѣ-концовъ имѣетъ свой предѣлъ, къ которому и приближается по мѣрѣ роста населенности. Предположеніе это равносильно допущенію, что доходъ этотъ возростаетъ не пропорціонально населенности, а какой-либо дробной степени ея, и такъ какъ въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія останавливаться спеціально или избрать преимущественно какую-либо изъ всѣхъ дробныхъ степеней, какія только заключаются между 0 и 1, то самая вѣроятная будетъ средняя изъ нихъ, т.-е. половина. Иными словами, мы должны допустить такое возростаніе пропорціональнымъ корню квадратному ихъ населенности, что̀, какъ сейчасъ увидимъ, оправдывается и числами предъидущей таблицы.

Какъ ни произвольно такое допущеніе, однако оно имѣетъ значеніе хотя грубаго приближенія къ дѣйствительности, которымъ мы можемъ пока довольствоваться за неимѣніемъ болѣе точнаго.

Допустивъ, что доходъ на душу возростаетъ пропорціонально корнямъ квадратнымъ населенностей, по извѣстнымъ населенностямъ въ числѣ душъ на 1 квадратный километръ,—получимъ слѣдующія величины національнаго дохода на душу для отдѣльныхъ государствъ [1]).

	Населеніе въ душахъ на 1 квадр. килом.	Доходъ на душу въ рубляхъ.
Великобританія и Ирландія . .	101	94,86
Франція	65,7	76,84
Австрія	57,2	71,74
Германія	79,0	84,31
Италія	81,0	85,39
Россія (Европейская)	14,4	36

Таблица эта даетъ числа, совпадающія съ вышеприведенными для Англіи и Франціи, для Германіи же и Италіи она даетъ числа слишкомъ высокія, что̀ прямо указываетъ на зависимость національнаго дохода не отъ одной населенности. Оно, впрочемъ, такъ и слѣдовало ожидать. А такъ какъ причины, понижающія въ дѣйствительности чистый доходъ въ такихъ второстепенныхъ государствахъ относительно экономическаго развитія,

[1]) Доходы эти опредѣлены по формулѣ:

$$p \sqrt{\quad = an},$$

гдѣ p доходъ на душу, n населенность въ числѣ душъ на 1 квадратный километръ, а a—постоянная опредѣленная изъ данныхъ для національнаго дохода Великобританіи, которыя болѣе всего точны, и принятая равной *90 руб.*; $\sqrt{a} = 9,486$.

какъ Германія и Италія, должны быть приблизительно однородны съ тѣми, которыя слѣдуетъ допустить и для Россіи, то и 36 руб. на душу, полученные для нашего національнаго дохода, по всей вѣроятности превышаютъ нашъ дѣйствительный доходъ. Поэтому доходъ этотъ мы можемъ разсматривать только какъ такой, какой могъ бы имѣть мѣсто въ случаѣ, еслибы прочія условія, помимо населенности, благопріятствовали ему настолько же, какъ въ Англіи и Франціи. Вычисляя ниже тотъ же доходъ эмпирически, для обложенія, мы убѣдимся, что онъ едвали превышаетъ размѣръ 20 р. на душу.

Величина налоговъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, какъ она дана въ «Hofkalender» за 1880 г., представляется по разрядамъ въ слѣдующемъ видѣ, въ 1,000-хъ марокъ:

	Прямыхъ налоговъ.	Косвенныхъ.	Таможен. сбора.	Всего.	На душу.
Великобританія	289,149	485,964	409,985	1.185,098	36,78
Франція	364,175	785,129	203,925	1.353,233	77,45
Австрія	347,431	405,038	53,970	806,439	21,6
Германія	265,227	241,993	114,788	613,008	14,33
Италія	309,421	281,708	93,200	684,329	25,49
Россія	425,122	775,547	241,049	1.441,718	16,92

Здѣсь населеніе Россіи принято общее въ 85.138,754.

Въ общемъ итогѣ налоговъ на отдѣльные виды налоговъ приходится въ %:

	Прямыхъ налог.	Косвенныхъ.	Тамож. сбор.	Сумма косвенныхъ и тамож. сб.
Великобританія и Ирландія . .	0,24	0,41	0,35	0,76
Франція	0,20	0,58	0,22	0,80
Австрія	0,43	0,50	0,07	0,57
Германія	0,43	0,39	0,18	0,57
Италія	0,43	0,41	0,16	0,57
Россія	0,29	0,53	0,18	0,71

Пользуясь этими процентными данными, опредѣлимъ величину прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и ихъ сумму на душу, въ маркахъ и рубляхъ:

	На душу марокъ:			
	Прямые налоги.	Косвенные налоги.	Сумма марки.	Рубли.
Великобританія и Ирландія. . .	8,83	15,08	23,91	7,38
Франція.	7,49	21,72	29,21	9,
Австрія и Венгрія.	9,29	10,80	20,09	6,20
Германія	6,16	5,59	11,75	3,62
Италія	10,96	10,45	21,41	6,61
Россія	4,91	8,97	13,88	4,28

А сопоставляя эти данныя съ вычисленнымъ выше доходомъ для отдѣльныхъ государствъ на душу, получимъ для общей величины налоговъ въ доляхъ душевого дохода:

Великобританія и Ирландія		0,077
Франція		0,117
Австрія		0,086
Германія		0,042
Италія		0,077
Россія	отъ	0,118 до 0,224

Первая цифра для Россіи соотвѣтствуетъ предположенію для ея дохода на душу 36 руб., вторая въ 20 руб.; откуда должно слѣдовать, что общая сумма налоговъ въ Россіи вообще выходитъ изъ предѣловъ обложенія другихъ странъ, и во всякомъ случаѣ не изъ низкихъ. Вообще же обложеніе европейскихъ государствъ колеблется между 12% и 8,5% съ чистаго дохода.

Приступая къ преобразованіямъ или нововведеніямъ въ существующей системѣ податей, прежде всего слѣдуетъ опредѣлить себѣ цѣль, съ которою обдумывается преобразованіе.

Цѣль эта можетъ быть двоякая: во-первыхъ, возвышеніе существующаго дохода казны, или же болѣе уравнительная и совершенная раскладка и взиманіе уже существующихъ величинъ сборовъ.

Въ настоящемъ случаѣ мы спеціально займемся окладными или прямыми налогами, преобразованіе которыхъ считается необходимымъ въ виду обѣихъ названныхъ цѣлей. Въ этихъ видахъ мы и считали необходимымъ прежде всего предпослать вышеприведенныя разсужденія и изслѣдованіе о величинѣ этихъ налоговъ у насъ и въ другихъ государствахъ, объ отношеніи ихъ къ другимъ налогамъ и къ національному доходу.

Многое говоритъ дѣйствительно въ пользу возможности ожидать увеличенія государственнаго дохода при такомъ преобразованіи.

Во-первыхъ, продолжительная неизмѣнность, въ какой находились у насъ окладные сборы, если не считать налога на городскія имущества и земскихъ сборовъ. Во-вторыхъ, замѣтное возвышеніе косвенныхъ налоговъ за послѣднее время и успѣхъ нѣкоторыхъ вновь введенныхъ видовъ косвеннаго налога, какъ напр., гербоваго сбора.

Полученныя нами численныя данныя также показываютъ, что хотя величина обложенія у насъ на душу оказывается выше чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, но не выходитъ изъ возможныхъ предѣловъ, оставляя въ распоряженіи націи 78%

чистаго дохода,—конечно пока мы не беремъ въ разсчетъ ни выкупныхъ платежей, ни земскихъ сборовъ. Но вѣдь мы не брали въ разсчетъ подобныхъ расходовъ и для другихъ государствъ.

Отношеніе же прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ у насъ столь же незначительно, какъ въ богатѣйшихъ государствахъ Европы—Англіи и Франціи, не нуждающихся собственно въ возвышеніи фискальнаго дохода и по превосходному положенію ихъ финансовъ и по развитой уже частной предпріимчивости; такъ что въ первой изъ нихъ, то-есть въ Англіи, подоходный налогъ разсматривается даже прямо какъ временный суррогатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обѣихъ изъ этихъ странъ прямой налогъ могъ быть увеличенъ въ случаѣ нужды безъ ущерба національному богатству. Но если въ такомъ увеличеніи представляется потребность въ этихъ странахъ, то нѣсколько въ иномъ положеніи находится Россія, гдѣ, съ одной стороны, бюджетные дефициты регулярно покрываются новыми долгами и выпусками бумажныхъ денегъ, между тѣмъ какъ успѣшность и даже возростаніе косвенныхъ сборовъ прямо указываетъ на присутствіе свободно тратящихся избытковъ. При такихъ условіяхъ одна замѣна новыхъ долговъ на покрытіе дефицитовъ податными средствами была бы значительнымъ улучшеніемъ нашего финансоваго положенія.

Но если въ общемъ итогѣ наши налоги представляются всетаки высокими въ сравненіи съ прочими государствами Европы, то они страдаютъ, съ другой стороны, еще одной особенностью, отъ которой главнымъ образомъ и должна зависѣть ихъ несомнѣнная тягость для плательщиковъ. Въ то время, какъ въ Европѣ общая сумма налога распредѣляется на всѣ сословія, прямые налоги имѣютъ форму подоходной подати въ тѣсномъ смыслѣ, сообразующейся съ платежными средствами отдѣльныхъ лицъ,—у насъ вся тягость налоговъ лежитъ почти исключительно на низшихъ сословіяхъ и падаетъ преимущественно на поземельные и промысловые заработки крестьянъ.

Поэтому никакое возвышеніе налоговъ немыслимо у насъ иначе, какъ подъ условіемъ введенія новой, болѣе раціональной системы ихъ распредѣленія, и разрѣшеніе вопроса объ ихъ распредѣленіи на новыхъ основаніяхъ должно предшествовать вопросу о доставленіи казнѣ высшаго дохода отъ налоговъ.

Такое равномѣрное распредѣленіе можетъ доставить лишь система, не только одинаково подчиняющая налогу всѣ сословія, не допускающая привилегій въ пользу того или другого класса, но система, въ которой распредѣленіе налога совершается про-

порціонально чистому доходу отдѣльныхъ видовъ промысловъ и занятій.

Это не отнимаетъ, однако, права у государства, особенно, когда рѣчь идетъ о возвышеніи налоговъ, сосредоточивать послѣднее на такихъ промыслахъ, которые представляются болѣе развитыми и находящимися вообще въ болѣе благопріятномъ положеніи, и, напротивъ, облагать въ меньшей степени такіе виды занятій и производствъ, которыя нуждаются въ поощреніи и находятся въ малоразвитомъ или переходномъ положеніи.

Путь, котораго слѣдуетъ держаться въ этомъ отношеніи при предполагаемомъ преобразованіи нашихъ прямыхъ налоговъ, опредѣляется весьма простымъ соображеніемъ.

Само собою разумѣется, что въ настоящее время не представляется болѣе основаній къ устраненію отъ обложенія въ надлежащей мѣрѣ такихъ отраслей народной экономической жизни и предпріимчивости и частныхъ доходовъ, которыя до сихъ поръ или вовсе не облагались или въ весьма скромной мѣрѣ или частью возникли и окрѣпли подъ вліяніемъ такихъ благопріятствовавшихъ имъ обстоятельствъ, а въ теченіи послѣдняго двадцатилѣтія получили еще бо́льшее развитіе, благодаря исключительнымъ условіямъ нашей денежной системы и предпріимчивости правительства. Къ числу такихъ слѣдуетъ отнести всю ту часть общественной предпріимчивости и доходовъ, въ центрѣ которыхъ стои́тъ въ настоящее время значительная система учрежденій — краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита, какой мы не знали еще весьма недавно и которая, сосредоточивая въ своихъ рукахъ свободныя средства страны путемъ учета векселей и ссудъ подъ залогъ бумагъ и земель, можетъ направлять эти средства къ оживленію торговли и промышленныхъ предпріятій.

Вокругъ этихъ кредитныхъ и развившихся при ихъ посредствѣ торговыхъ и промышленныхъ учрежденій образовывался неизбѣжно цѣлый многочисленный классъ, съ одной стороны —учредителей и акціонеровъ, съ другой—биржевыхъ дѣятелей, маклеровъ, явныхъ и скрытыхъ, директоровъ, высшихъ и низшихъ служащихъ, получающихъ значительные оклады. Вся эта жизнь, кромѣ налога на шелковыя ткани, французскія вина и гильдейскія свидѣтельства, не платитъ почти ничего государству.

Рядомъ съ этими учрежденіями и лицами, дѣятельностью правительства и на счетъ его долговъ создана серія новыхъ учрежденій и предпріятій, хотя не дающихъ ему дохода и содержимыхъ на его счетъ, каковы желѣзныя дороги, но которыя несомнѣнно

способствовали развитію той же торговли и промышленности и вокругъ которыхъ группируется также свое число лицъ, получающихъ значительное вознагражденіе за свой дѣйствительный или мнимый трудъ и также не подчиненныхъ никакому прямому налогу. Таковы профессіи коммиссіонеровъ, поставщиковъ желѣзныхъ дорогъ, директоровъ и служащихъ этихъ дорогъ, адвокатовъ и пр. Таковы заводы, работающіе для этихъ дорогъ скупщики лѣсовъ и поставщики шпалъ и дровъ и проч.

На счетъ доходовъ акціонеровъ названныхъ учрежденій и лицъ, ихъ составляющихъ и около нихъ группирующихся, на счетъ самыхъ этихъ предпріятій развилась городская жизнь въ центральныхъ пунктахъ и увеличилась цѣнность поземельной собственности и пр. Естественно, что всѣ эти доходы прежде всего могутъ быть подчинены новому налогу.

Въ нѣсколько иномъ положеніи осталась сельская промышленность или собственно земледѣльческая. Нельзя до сихъ поръ сказать, чтобы она не только получила такое же развитіе за послѣднее время, но даже вышла изъ не совсѣмъ опредѣленнаго положенія, въ которое вступила послѣ освобожденія крестьянъ.

Благодѣянія земельныхъ банковъ могли коснуться ея весьма мало, ибо собственно земледѣліе рѣдко гдѣ могло вынести ихъ высокій процентъ. Поэтому ихъ услуги могли оплатить развѣ скупщики лѣсовъ или основатели заводовъ и другихъ промышленныхъ предпріятій. Притомъ крестьянство вовсе не могло ими воспользоваться. Ненормальность разселенія, затрудненіе передвиженія, недостатокъ надѣловъ и величина выкупныхъ платежей мѣстами съ одной стороны, отсутствіе капитала и недостатокъ рукъ—съ другой, поэтому сдача земель исполу и ихъ продажа лицамъ, выступающимъ изъ средняго и низшаго класса, — стѣсненіе крестьянскихъ хозяйствъ извѣстными формами и упадокъ помѣщичьихъ, отливъ денегъ и дѣятельности къ болѣе выгоднымъ краткосрочнымъ городскимъ и промысловымъ операціямъ, благодаря болѣе легкому здѣсь доходу—все это не позволяетъ въ настоящее время разсматривать наше земледѣліе какъ источникъ, который могъ бы служить рессурсомъ новаго налога безъ ущерба своему развитію. Напротивъ, все заставляетъ видѣть здѣсь переходное, неустановившееся положеніе, въ виду котораго обложеніе этого источника должно быть наиболѣе осторожнымъ.

Вслѣдствіе этого наиболѣе правильный путь заключался бы, кажется, въ разложеніи прежде всего настоящаго итога прямыхъ налоговъ, почти исключительно упадающаго на земледѣліе, на всѣ виды промысловъ, то-есть, въ преобразованіи существующаго

прямого налога изъ подушной формы въ болѣе раціональную, упадающую не на однихъ крестьянъ, а на всѣ виды доходовъ: отъ земли, торговли, промысла, капитала, городской собственности и личныхъ профессій — и въ обращеніи затѣмъ увеличенія дохода казны отъ прямыхъ налоговъ на тѣ виды чистаго дохода, которые всего болѣе могутъ быть обложены въ высшей мѣрѣ, что̀ можетъ быть сдѣлано затѣмъ уже просто черезъ возвышеніе % обложенія этихъ доходовъ въ нормѣ, необходимой для избѣжанія дефицитовъ.

II.

Мы должны обратиться теперь къ разсмотрѣнію самой формы установленія прямыхъ налоговъ и опредѣлить порядокъ, которымъ они всего удобнѣе могли бы быть устроены у насъ. Для этого мы, по общепринятому порядку, остановимся надъ способами взиманія этихъ налоговъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ и численными результатами, которые они здѣсь даютъ. Этому предмету мы и посвятимъ настоящую главу, хотя предупреждаемъ читателя, что коснемся этого предмета лишь настолько, насколько это представляется необходимымъ въ виду нашей цѣли, и не думаемъ вовсе входить въ подробности отдѣльныхъ законодательствъ.

Всякій налогъ долженъ ограничиваться, какъ мы сказали, лишь извѣстнымъ % съ чистаго дохода страны, не захватывая всего этого дохода, и потому въ существѣ дѣла всякій налогъ долженъ быть собственно налогомъ подоходнымъ. Но самая форма взысканія и исчисленія дохода можетъ быть различна. Такъ, у насъ существуетъ до сихъ поръ форма исчисленія и взысканія прямого налога *по душамъ*.

Способъ этотъ, хотя самый первобытный и простой,—замѣтимъ здѣсь же,—не столь несообразенъ, какъ можно было бы думать на первый взглядъ, ибо разъ между богатствомъ и доходомъ страны и ея населеніемъ существуетъ извѣстное отношеніе, до сихъ поръ въ точности не установленное, но признаки котораго очевидны,—подушное обложеніе до извѣстной степени все-таки согласуется съ чистымъ доходомъ страны. Напомнимъ, что у насъ еще недавно, при крѣпостномъ правѣ, самая цѣнность имѣній опредѣлялась не иначе, какъ по числу душъ или числу готовыхъ рабочихъ. До сихъ поръ у насъ существуютъ плодородныя мѣстности, которыя даютъ мало, или не даютъ вовсе дохода

вслѣдствіе недостатка населенія. Поэтому разсчетъ дохода по числу рабочихъ рукъ, а не по качеству и количеству земли или силъ природы составляетъ естественный удѣлъ въ странахъ мало заселенныхъ—и до тѣхъ поръ, пока земля имѣетъ малую цѣнность въ сравненіи съ цѣнностью рабочихъ рукъ, пока послѣднихъ недостаточно для ея эксплуатаціи.

Второй способъ—это разсчетъ дохода по количеству имущества, земли или силъ природы. Способъ этотъ, по замѣчанію многихъ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что при немъ налогъ взыскивается, подобно обложенію по душамъ—не съ дѣйствительнаго дохода, а воображаемаго, что могутъ быть земли и имущества, не приносящія дохода, между тѣмъ какъ таковыя подчиняются налогу наравнѣ съ прочими. Замѣчаніе это однако, по крайней мѣрѣ въ странахъ, густота населенія которыхъ достигла степени, на которой не остается или почти не остается земель, не приносящихъ дохода и неимѣющихъ цѣнности, какъ въ западной Европѣ (гдѣ является избытокъ рабочихъ рукъ и только небрежность или случайность обращаетъ имущество, какъ исключеніе, въ мертвый капиталъ),—не имѣетъ того вѣса, который ему приписываютъ. Не имѣетъ вѣса—потому, что собственно налогъ не можетъ да и не долженъ имѣть дѣла съ дѣйствительнымъ чистымъ доходомъ частныхъ лицъ, а только съ чистымъ доходомъ страны въ сложности. Онъ не можетъ этого, потому-что въ каждой странѣ есть извѣстный % людей, проживающихъ не чистый доходъ, а свои капиталы, и потому налогъ всегда будетъ захватывать часть этого дохода, хотя бы въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы налогъ въ его сложности оставлялъ свою долю для сбереженія и предпріятій націи вообще, а не всякаго отдѣльнаго частнаго лица. Но упомянутое замѣчаніе пріобрѣтаетъ серьёзное значеніе въ примѣненіи къ такимъ малонаселеннымъ мѣстностямъ, какія встрѣчаются въ предѣлахъ Россіи, въ которыхъ земля и имущество имѣютъ сами по себѣ весьма малую цѣнность по недостатку населенія, и гдѣ мѣрой дохода служитъ пока еще рабочая сила. Здѣсь можно впасть въ весьма грубую ошибку, исчисляя доходъ по землѣ или имуществу, не принимая въ соображеніе рабочихъ силъ; ибо здѣсь бездоходность земли и имуществъ составляетъ явленіе не исключительное, а часто естественное и неустранимое. Во всякомъ случаѣ очевидно, что разсчетъ налога по одному количеству земли составляетъ способъ столь же приблизительный, какъ и разсчетъ его по душамъ,—только одинъ разсчетъ болѣе подходитъ къ мѣстности, достаточно густо заселенной, другой болѣе

справедливъ для мѣстностей недостаточно заселенныхъ. Но тотъ же способъ становится гораздо болѣе точнымъ, если принимаютъ въ соображеніе не одно количество, но качество и вообще доходность отдѣльныхъ облагаемыхъ мѣстностей и статей. Въ такомъ случаѣ имущественный налогъ обращается уже собственно въ подоходный и онъ еще ближе сливается съ такимъ, если самое обложеніе устанавливается не по цѣнѣ имущества, а по величинѣ дохода, хотя такой налогъ въ практикѣ иногда и не носитъ названія *подоходнаго.* Европейскія государства придерживаются до сихъ поръ такого усовершенствованнаго имущественнаго налога по отношенію къ недвижимой собственности. Такой налогъ по отношенію къ землѣ и недвижимостямъ существуетъ во Франціи, Австріи и Италіи, и даже Англіи, а у насъ въ видѣ поземельнаго сбора и подымной подати въ царствѣ польскомъ.

Названіе подоходнаго налога было спеціально присвоено нѣкоторымъ видамъ налоговъ, введеннымъ въ позднѣйшее уже время для обложенія такихъ доходовъ, которые не облагались ранѣе. Подоходной налогъ введенъ въ Англіи для всякаго вида дохода, какъ отъ земли и недвижимыхъ имуществъ, такъ и движимыхъ и личныхъ заработковъ; во Франціи, Италіи и Австріи — съ имуществъ движимыхъ и личныхъ профессій; въ Пруссіи — классный и классифицированный налоги.

Общимъ основаніемъ такого налога во всѣхъ названныхъ государствахъ служитъ чистый доходъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ имуществъ, который опредѣляется или собственными показаніями плательщиковъ, повѣряемыми затѣмъ спеціальными лицами, или прямо особыми лицами и учрежденіями съ правомъ обжалованія распоряженій послѣднихъ въ высшія инстанціи.

Затѣмъ въ однихъ государствахъ доходъ этотъ опредѣляется въ общей суммѣ на каждое лицо со всѣхъ его имуществъ, капиталовъ и пр. — такъ въ Пруссіи; въ другихъ — Италіи, Австріи — онъ опредѣляется по отдѣльнымъ видамъ имуществъ и заработковъ. Въ первомъ случаѣ онъ взыскивается съ общей суммы съ отдѣльныхъ лицъ, во второмъ — съ общей суммы имуществъ каждаго разряда.

Въ общей суммѣ съ дохода каждаго лица прямой налогъ взыскивается изъ названныхъ государствъ только въ Пруссіи; въ остальныхъ государствахъ налогъ этотъ слагается изъ отдѣльныхъ налоговъ, взыскиваемыхъ съ доходовъ отъ имуществъ различныхъ категорій. Категоріи эти въ сущности однѣ и тѣ же и сводятся къ тремъ доходамъ, отъ торговли и промысловъ, отъ процентныхъ бумагъ и капиталовъ, и отъ личныхъ занятій; а

въ Англіи, гдѣ подоходная подать распространяется на доходы отъ земледѣлія, къ этимъ категоріямъ присоединяются доходы отъ земель и строеній, и арендъ.

При этомъ вездѣ извѣстные доходы исключаются вовсе отъ обложенія. Въ Австріи отъ подоходнаго налога на торговлю и промыслы избавлены лица, получившія простыя свидѣтельства на фабричныя и ремесленныя занятія, мелочные торговцы, разносчики, всѣ свободные ремесленники въ городахъ, художники, частные преподаватели и занимающіяся перевозкой вещей и людей. Отъ налога на доходъ съ капиталовъ освобождены: проценты сберегательныхъ кассъ, сиротскіе капиталы, а въ категоріи личныхъ занятій—второстепенные рабочіе и поденщики, оклады солдатъ и офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, вообще такіе доходы этого рода, которые не превышаютъ 630 гульденовъ въ годъ на одно лицо. Наконецъ, изъемлются всякіе виды дохода, не превышающаго 315 гульденовъ въ годъ на одно лицо.

Въ Италіи—доходъ отъ торговли и промышленности и личныхъ профессій, когда сумма ихъ вмѣстѣ съ суммою дохода отъ ипотечныхъ долговъ или иныхъ обязательствъ не превышаетъ 400 лиръ; военные чины ниже офицера, и суммы, предоставленныя должностнымъ лицамъ на обязательные расходы.

Во Франціи—жители общинъ, въ которыхъ нѣтъ налога на потребленіе, доходъ которыхъ менѣе 400 фр., граждане въ какихъ бы то ни было общинахъ съ населеніемъ менѣе 25,000, если доходъ ихъ менѣе 800 фр. Кромѣ того: задѣльная плата рабочихъ, содержаніе нижнихъ чиновъ военнаго, морского и таможеннаго вѣдомствъ, наконецъ, учрежденія благотворительныя и воспитательныя.

Въ Англіи—вообще доходы ниже 100 фунт. ст., кромѣ доходовъ отъ пожизненныхъ рентъ, процентовъ и дивидендовъ, получаемыхъ изъ общественныхъ кассъ или состоящихъ подъ общественнымъ надзоромъ; зданія и земли, заведенія благотворительныя, госпитали, пріюты, общественныя школы, университеты и ученыя учрежденія, благотворительныя общества и учрежденія, сберегательныя кассы, учрежденія взаимной помощи, фонды которыхъ не превышаютъ 200 фунт. ст. и годичныя выдачи 30 фунтовъ.

Въ Пруссіи—лица, не имѣющія сполна 16 лѣтъ, состоящія на службѣ, рядовые и унтеръ-офицеры съ семействами, бѣдняки, пользующіеся общественнымъ вспоможеніемъ.

Отсюда видимъ, что изъятія отъ подоходнаго налога во всѣхъ

государствахъ приблизительно вращаются около одинаковыхъ разрядовъ лицъ и доходовъ.

Что касается самаго *размѣра* подоходной подати, то онъ слѣдующій:

Въ Австріи, для доходовъ отъ торговли, промысловъ и доходовъ съ капиталовъ и съ государственныхъ процентныхъ бумагъ налогъ составляетъ 5% съ чистаго дохода. Съ дохода же отъ личныхъ профессій чиновниковъ, адвокатовъ и пр., а также пенсій, налогъ этотъ — прогрессивный, составляя для дохода отъ 630 до 1050 гульденовъ 1% съ чистаго дохода; для доходовъ отъ 8,400 до 9,450 гульденовъ онъ взыскивается въ размѣрѣ 9%, а свыше 9,450 гульденовъ въ размѣрѣ 10% съ чистаго дохода.

Въ Италіи, подоходный налогъ какъ съ торговли, такъ и капиталовъ и личныхъ профессій взыскивается вообще въ размѣрѣ 8% съ чистаго дохода.

Во Франціи, налогъ съ доходовъ отъ движимыхъ имуществъ въ размѣрѣ 3%.

Въ Англіи, по 4 пенса съ фунта или $^{4}/_{240} = 1,6\%$, съ арендаторовъ же земель половина этой нормы.

Въ Пруссіи: налогъ этотъ представляетъ два вида: 1) *классный* налогъ дѣлится на три разряда, смотря по величинѣ дохода: доходъ перваго разряда платитъ отъ 13 пфениговъ до 76 пфениговъ въ мѣсяцъ, второй отъ 100 до 250 пфениговъ, третій отъ 3 до 6 марокъ; 2) *классифицированный* налогъ составляетъ отъ 7 марокъ до 1,800 марокъ въ мѣсяцъ, смотря по величинѣ дохода съ тѣмъ условіемъ, чтобы годовой размѣръ не превышалъ 3% съ чистаго дохода.

Такимъ образомъ %, въ которомъ подоходный налогъ взыскивается въ различныхъ государствахъ, весьма различенъ и въ этомъ отношеніи изъ приведенныхъ данныхъ нельзя вывести какого-либо общаго правила, кромѣ развѣ того, что % этотъ не превышаетъ въ крайнихъ случаяхъ 8 или 10%, такъ что обложеніе отдѣльныхъ доходовъ до этихъ предѣловъ не можетъ считаться противорѣчащимъ общепринятымъ пріемамъ.

Разнообразіе же въ процентахъ обложенія происходитъ частью оттого, что подоходный налогъ нигдѣ не составляетъ всей суммы прямыхъ налоговъ и входитъ только какъ часть въ общую систему другихъ прямыхъ налоговъ, взыскиваемыхъ съ имущества, и притомъ въ различныхъ государствахъ въ различной степени, такъ что величина % обложенія, принятая въ томъ или другомъ государствѣ для подоходнаго налога, собственно ничего не говоритъ о мѣрѣ или тягости обложенія, въ нихъ существующаго.

Что касается, наконецъ, самыхъ способовъ опредѣленія и взысканія, то они въ различныхъ государствахъ также не одинаковы.

Въ Австріи, доходъ каждаго лица, подлежащаго обложенію, опредѣляется прежде всего его личнымъ показаніемъ; но при этомъ изъемлются доходы отъ капиталовъ, отданныхъ въ ссуду, рентъ, государственныхъ и общественныхъ фондовъ, дивидендовъ, налогъ съ которыхъ взыскивается непосредственно, посредствомъ удержанія слѣдующаго процента кассами и учрежденіями или лицами, которыя получаютъ означенный доходъ и затѣмъ вносятъ его въ казну.

Въ Италіи, общая сумма подоходнаго налога, подлежащаго сбору, раскладывается по провинціямъ, которыя распредѣляютъ ихъ между отдѣльными общинами; распредѣленіе же на отдѣльныхъ лицъ основывается на показаніяхъ отдѣльныхъ лицъ объ ихъ доходахъ. Исключеніе дѣлается для опредѣленныхъ окладовъ, получаемыхъ изъ государственной казны, налогъ съ которыхъ прямо удерживается казной.

Во Франціи, по проекту національнаго собранія, основаніемъ взиманія должны были служить окладныя вѣдомости спеціальныхъ для каждаго кантона коммиссій, которыя, собирая необходимыя для обложенія свѣдѣнія, опредѣляли бы сумму слѣдующую съ каждаго плательщика.

Въ Англіи, общимъ основаніемъ обложенія служатъ собственныя показанія отдѣльныхъ плательщиковъ: на основаніи ихъ слѣдующіе съ отдѣльныхъ лицъ платежи опредѣляются фискальнымъ коммиссаромъ.

Въ Пруссіи, отнесеніе отдѣльныхъ лицъ къ тому или другому изъ трехъ классовъ для классной подати производится коммиссіями, состоящими изъ начальниковъ общинъ и членовъ, избираемыхъ общинными совѣтами. Оцѣнка отдѣльныхъ доходовъ для *классифицированной* подати производится особыми коммиссіями подъ предсѣдательствомъ особаго, назначеннаго отъ окружнаго начальства, коммиссара и членовъ, $^1/_3$ коихъ принадлежитъ къ окружному или общинному представительству и $^2/_3$ изъ подлежащихъ налогу жителей.

Такимъ образомъ въ однихъ государствахъ дается болѣе широкое примѣненіе началу взиманія съ общаго дохода отдѣльныхъ лицъ, какъ въ Пруссіи; въ другихъ — Италіи и Австріи — это начало ограничивается лишь тѣми случаями, гдѣ налогъ не можетъ быть опредѣленъ и взятъ непосредственно съ отдѣльныхъ видовъ дохода.

Обращаясь къ числамъ, которыя доставляются въ различныхъ государствахъ отдѣльными видами прямыхъ податей, взыскиваемыхъ съ имуществъ или доходовъ отъ нихъ, приводимъ ихъ отдѣльно для налоговъ отъ недвижимыхъ имуществъ, и движимыхъ.

Налоги съ недвижимыхъ имуществъ, земель и домовъ:

	Земли.	Дома.	Особыя подати: подоходная подать	Всего.
Англія	6.884	10.067	съ недвижимыхъ. . 18,973 съ арендаторовъ. . 2,00	37,924
Франція	43,37	10,41 (окна и		53,78
Австрія	22,78	14,6 двери)		37,38
Пруссія	12,048	6,293		18,341
Италія	30,95	15,33		46,28

Налогъ съ движимыхъ имуществъ, промысловъ, торговли и профессій:

Англія.		Франція.		Австрія.	
Съ рентъ и дивиденд.	4,790	Съ лицъ и движ.	15,340	Подоходной подати	20,80
Съ ремеслъ и торгов.	25,792	Съ пром. и торг.	30,010	Прочихъ сборовъ	9,73
Съ должностн. лицъ	3,009	Прочіе сборы	0,146		
	33,591		45,496		30,53

Пруссія.		Италія.	
Классный налогъ	12,446	Съ движимостей и капиталовъ вообще	43,396
Классифицированный	9,405	Съ промысловъ и личныхъ занятій	38,612
Ремесленныя подати	5,624		
Съ желѣзныхъ дорогъ	0,904		
Прочихъ сборовъ	0,177		
	28,556		82,008

Таблица эта показываетъ, что налогъ отъ земель для приведенныхъ государствъ почти равняется удвоенному налогу отъ строеній; затѣмъ сумма тѣхъ и другихъ, кромѣ Пруссіи — гдѣ онъ ниже, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ — колеблется отъ 37 до 53 милл. руб.

Налоги же съ движимостей, торговли и промысловъ и прочихъ профессій въ Англіи, Франціи и Австріи почти равны налогамъ съ недвижимостей или нѣсколько менѣе ихъ; въ Италіи же и Пруссіи превышаютъ налогъ отъ недвижимости вдвое. Иными словами, въ общихъ суммахъ прямыхъ налоговъ не встрѣчается вовсе того разнообразія, какого можно было бы ожидать на основаніи различія въ процентахъ обложенія, принятыхъ для подоходной подати въ отдѣльныхъ государствахъ. Напротивъ, эти суммы и даже отношенія между итогами податей съ различныхъ видовъ имущества представляютъ

нѣкоторую правильность. Въ общихъ же ихъ суммахъ налоги эти очевидно гораздо болѣе сообразуются съ доходами, которыхъ стараются достигнуть отдѣльныя государства, или съ величиной потребностей государствъ, чѣмъ съ относительнымъ богатствомъ отдѣльныхъ странъ. Поэтому же проценты обложенія неизбѣжно должны быть выше, и самые налоги тяжелѣе въ болѣе бѣдныхъ государствахъ, чѣмъ болѣе богатыхъ; такъ оно по-крайней-мѣрѣ есть на самомъ дѣлѣ въ государствахъ Европы. Но эти общіе, вытекающіе изъ всей суммы прямыхъ налоговъ, проценты обложенія для отдѣльныхъ странъ не имѣютъ ничего общаго съ процентами, принятыми въ нихъ для *подоходной* подати, потому именно, что подать эта существуетъ только какъ дополненіе другихъ видовъ податей и входитъ въ общую сумму налоговъ въ различныхъ государствахъ въ различной степени.

Общій выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ предыдущаго изложенія, заключается въ слѣдующемъ:

Существующія системы прямыхъ налоговъ въ европейскихъ государствахъ представляютъ историческое наслоеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ видовъ налоговъ, между которыми подоходный налогъ составляетъ послѣднее звено. Послѣднее не только по времени установленія этого налога, но по самому его принципу; такъ какъ здѣсь начало обложенія по доходу нашло наиболѣе точное примѣненіе.

При такихъ условіяхъ, когда рѣчь идетъ о преобразованіи системы прямыхъ налоговъ во всемъ объемѣ, не можетъ быть, конечно, рѣчи о подражаніи какой-либо изъ западныхъ системъ обложенія въ точности, а только о наиболѣе совершенномъ приложеніи къ новой системѣ русскихъ прямыхъ налоговъ общаго начала подоходности.

При этомъ нельзя не обратить вниманія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начало подоходности можетъ быть проведено въ болѣе строгомъ видѣ, именно въ тѣхъ, гдѣ самый дѣйствительный доходъ составляетъ величину явную и легко уловимую, какъ, напримѣръ, относительно дохода отъ % бумагъ, акцій, жалованья и окладовъ чиновниковъ и пр.; въ другихъ, чистый доходъ можетъ быть опредѣленъ только приблизительно и болѣе или менѣе гадательно,—такъ относительно доходовъ отъ земли, фабрикъ, дохода докторовъ, маклеровъ, адвокатовъ и пр.

Въ этихъ случаяхъ естественное обложеніе можетъ основываться только на предполагаемомъ доходѣ. Въ этомъ выводѣ заключается общее начало, которое должно быть положено въ основаніи нашей системы обложенія. Что же касается самаго

способа подоходнаго обложенія, то изъ двухъ возможныхъ при этомъ порядковъ обложенія отдѣльныхъ видовъ имущества и ихъ дохода и обложенія отдѣльныхъ лицъ по всей суммѣ ихъ дохода, осторожность и удобство заставляютъ несомнѣнно остановиться на первомъ, т.-е. послѣдовательномъ обложеніи отдѣльныхъ видовъ имущества и доходовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ способъ есть господствующій и въ податныхъ системахъ европейскихъ государствъ.

Опредѣленіе налоговъ по доходу, получаемому лицами отъ извѣстныхъ предпріятій, основанное на спеціальномъ предварительномъ опредѣленіи дохода отъ такихъ предпріятій, представляется неизбѣжнымъ для нѣкоторыхъ видовъ предпріятій по невозможности учесть и обложить этотъ доходъ инымъ путемъ. Таковы, напримѣръ, всѣ заводы и фабрики не-акціонерные, не имѣющіе открытыхъ балансовъ, и личные доходы отдѣльныхъ профессій. Но въ распространеніи этого способа на всѣ доходы отдѣльныхъ лицъ не представляется вовсе необходимости, такъ какъ этотъ доходъ опредѣляется проще иными путями, для цѣлаго ряда доходовъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется и пользы отъ установленія налога по полному доходу отдѣльныхъ лицъ отъ различныхъ видовъ имущества. Способъ этотъ, хотя и принимается въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, не соединяетъ однако тѣхъ совершенствъ, которыя ему приписываютъ à priori, а напротивъ, страдаетъ тѣми недостатками, которые ставятъ его ниже способовъ обложенія отдѣльныхъ статей и заставляетъ прибѣгать къ нему только въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣлить налогъ невозможно инымъ путемъ.

Способъ этотъ, во-первыхъ, слишкомъ сложенъ, обходится дороже, сопряженъ съ естественнымъ уклоненіемъ значительной части дохода отъ налога, злоупотребленій, и наконецъ все-таки неравномѣренъ, ибо доходъ отдѣльныхъ лицъ, какъ бы онъ ни былъ точно опредѣленъ, измѣняется. Основываясь на личныхъ показаніяхъ каждаго, провѣряемыхъ затѣмъ фискальными чиновниками, онъ долженъ быть естественно сопряженъ со всѣми приведенными недостатками. Онъ представляетъ излишнее усложненіе тамъ, гдѣ налогъ съ дохода можетъ быть опредѣленъ и взятъ проще инымъ путемъ и потому сопряженъ съ меньшимъ расходомъ по взиманію. Наконецъ, онъ представляетъ довольно широкое поприще для утайки доходовъ умышленныхъ или даже естественныхъ, такъ какъ не всегда самое лицо можетъ опредѣлить въ точности свои доходы изъ года въ годъ измѣняю-

щіеся, вслѣдствіе чего способъ этотъ доставляетъ казнѣ менѣе налога.

У насъ же, по его новизнѣ и сложности процедуры, всѣ эти недостатки должны были бы сказаться еще въ бо́льшей степени, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ что въ результатѣ, тратя много, казна получила бы менѣе, чѣмъ можно, и недостаточно все-таки уравнительное обложеніе. Вслѣдствіе этого мы и полагаемъ, что форму эту слѣдуетъ вообще отвергнуть. Вообще же слѣдуетъ принять за основаніе самостоятельное обложеніе отдѣльныхъ статей дохода по ихъ категоріямъ.

Въ такомъ случаѣ спеціальное изслѣдованіе дохода окажется необходимымъ только для такихъ имуществъ и статей, доходъ которыхъ не опредѣляется иначе; такъ, напримѣръ, частныхъ фабрикъ, промысловыхъ заведеній, конторъ и нѣкоторыхъ личныхъ профессій. Но и здѣсь, по крайней мѣрѣ, что́ касается личныхъ профессій, изслѣдованіе можетъ ограничиться предѣлами, необходимыми для опредѣленія лишь общихъ суммъ, которыя могутъ быть взяты съ той или другой категоріи профессій по мѣстностямъ; самое же распредѣленіе этихъ суммъ по отдѣльнымъ лицамъ можетъ быть предоставлено самимъ обществамъ и корпораціямъ, къ которымъ принадлежатъ эти лица.

III.

По приложенію къ государственной росписи на 1880 г. вся сумма прямыхъ налоговъ, взыскиваемыхъ по департаменту окладныхъ сборовъ, равняется 118.838,520 руб. Изъ этой суммы нашему обсужденію должны подлежать:

1. Подушная подать съ сельскихъ сословій, состоящихъ на общихъ окладахъ; 2. Окладной сборъ съ мѣщанъ.

съ бывшихъ госуд. крестьянъ	25.596,054
„ „ помѣщичьихъ	23.634,042
„ „ удѣльныхъ	2.631,037
	51.861,133
	1.360,868
	53.222,001

Затѣмъ изъ общей суммы прямыхъ налоговъ исключаются: 1) Оброчная подать государственныхъ крестьянъ и лѣсной налогъ, включенный во владѣльческія записи; половинная оброчная подать, платимая переселенцами на томъ же основаніи, какъ и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, состав-

ляя особую экономическую статью дохода отъ государственныхъ земель (35.370,000). 2) государственный поземельный (подесятинный налогъ на государственныя повинности) 7.515,091 р.— Впрочемъ, что касается оброчной подати для государственныхъ крестьянъ и государственнаго подесятиннаго сбора на земскія повинности, то они могутъ быть преобразованы на тѣхъ же началахъ, которыя будутъ приняты и для общихъ податей одновременно съ преобразованіемъ послѣднихъ и исключаются нами, какъ спеціальныя статьи для того, чтобы не усложнять разсчета. Далѣе, 3) Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. 4) Окладные сборы съ лицъ и мѣстностей, состоящихъ на особомъ положеніи. 5) Прямые налоги царства польскаго,—всѣ три какъ не входящіе въ систему предполагаемаго преобразованія. Изъ означенной суммы, на сельскія сословія, т.-е. крестьянъ, упадаетъ почти вся, кромѣ окладного сбора съ мѣщанъ (1.365,868 р.), т.-е. 51,861,133 р. или круглымъ счетомъ 52 милл. руб. Сумма эта, еслибы она дѣйствительно уплачивалась съ дохода отъ земли, подлежала бы раскладкѣ по землѣ между крестьянскимъ и землевладѣльческимъ сословіемъ. Но главное затрудненіе, рождающееся при ея распредѣленіи, заключается въ томъ, что собственно крестьянскія земли никогда не въ состояніи были бы вынести этого налога и что значительная его часть лежала бы на постороннихъ заработкахъ крестьянъ. Теперь извѣстная часть этого налога должна перейти на землевладѣльческій классъ, но только часть, соотвѣтствующая доходу этого класса отъ земли, не принимая въ разсчетъ промышленныя предпріятія этого класса, какъ-то: сахарныхъ заводовъ, винокурень, сыроварень, лѣсопиленъ, мельницъ и проч., подлежащихъ особому обложенію; на крестьянахъ же должна остаться часть, соотвѣтствующая какъ ихъ доходу отъ земли, такъ и отъ заработковъ.

По первоначальному проекту податной коммиссіи предполагалось возможнымъ обратить на землю не болѣе 8.057,278 руб., но при этомъ вводилась особая подворная подать съ крестьянскихъ дворовъ, которая собственно и должна была относиться къ крестьянскимъ заработкамъ и на послѣдніе обращался почти весь остальной крупный остатокъ прямого налога на однихъ крестьянъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ: 1) почти вся подать оставалась на тѣхъ же крестьянахъ, ибо на землевладѣльцевъ переводилось всего, въ видѣ поземельной подати, остальные 2,5 мил. руб.

Очевидно, что распредѣленіе должно быть установлено на совершенно новыхъ основаніяхъ, болѣе отвѣчающихъ дѣйствительнымъ доходамъ отдѣльныхъ классовъ отъ земли; и такъ какъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о распредѣленіи общей суммы налоговъ на самыя общія категоріи, а не о распредѣленіи ихъ по мѣстностямъ и лицамъ, то оно и не можетъ представить особенныхъ затрудненій. При этомъ лучше всего принять за основаніе такой способъ, который, соблюдая интересы обоихъ классовъ, между которыми сумма налога подлежитъ распредѣленію, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчалъ бы дѣйствительному положенію, въ которомъ находится въ настоящее время сельское хозяйство. Въ этомъ смыслѣ, основаніемъ для разсчета дѣйствительнаго чистаго дохода, получаемаго землевладѣльцами, можетъ ближе всего служить выработанный самой жизнью и распространившійся особенно среди переходнаго положенія, въ которомъ находится наше сельское хозяйство за послѣднее время,— способъ отдачи помѣщиками своихъ земель крестьянамъ изполу. Этотъ способъ, къ которому прибѣгаютъ землевладѣльцы, конечно, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они не надѣются получить высшаго дохода при иномъ способѣ эксплуатаціи своихъ земель, долженъ поэтому служить средствомъ опредѣленія минимальнаго, получаемаго землевладѣльцами, дохода. Иными словами, доходъ съ владѣльческихъ земель, разсчитанный этимъ способомъ, во всякомъ случаѣ долженъ быть ниже дѣйствительнаго. Придерживаясь его, мы прежде всего и опредѣлимъ часть налога, которая можетъ быть переложена на собственно помѣщичьи земли.

Общее количество всей земли, бывшей у помѣщиковъ и крестьянъ, опредѣляется круглой суммой въ 105.200,000 десятинъ. Одна треть этой суммы, 35.779,014 дес. перешла къ крестьянству, а 69.421,094 десятинъ или $^2/_3$ остались у помѣщиковъ.

Количество земли, равное собственно крестьянскому надѣлу, составляетъ въ этой суммѣ 31.839,547 дес. или менѣе половины, оставшейся у землевладѣльцевъ земли. Если примемъ, что только эта земля обработывалась ранѣе и продолжаетъ обработываться теперь, и представимъ на минуту, что она отдана изполу, то чистый доходъ отъ нея при трехпольномъ хозяйствѣ по среднемъ урожаѣ въ 4,2 на десятинѣ, доставитъ

$$^2/_3 \frac{32}{2} \text{ милл. } 4{,}2 = 44{,}8 \text{ милл. четв. ржи,}$$

которыя по 5 руб. за четверть дадутъ

224 милл. рублей.

Среднiй урожай для помѣщичьихъ земель принятъ въ 4,2 по слѣдующему разсчету. Чистый сборъ хлѣбовъ съ пищевой площади Европейской Россiи по Янсону [1]) составляетъ (за вычетомъ посѣва) 246.983,300 гектолитровъ пшеницы. Пищевая поверхность 52.456,780 дес.
или 4,7 гектол. или 2,23 четверти пшеницы на 1 дес., и слѣдовательно по $\frac{10}{8}$. 2,73 = 2,8 четверт. ржи съ десятины.

Допуская, что чистый урожай на крестьянскихъ поляхъ составляетъ $1/2$ урожая на помѣщичьихъ, и что пространство всей пахатной крестьянской земли, какъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ и государственныхъ, взятое вмѣстѣ, составляетъ 60 м. дес., т.-е. превышаетъ вдвое предположенную только-что подъ обработкой землю помѣщиковъ, получимъ для средняго урожая 2,8 со всѣхъ земель слѣдующее выраженiе:

$$2{,}8 = \frac{x + \frac{1}{2}x - 2}{3}$$

гдѣ x урожай на помѣщичьихъ земляхъ. Откуда урожай на помѣщичьихъ земляхъ 4,2, а на крестьянскихъ 2,1 четв.

Ниже выведенной нормы нельзя положить земледѣльческiй доходъ землевладѣльцевъ, такъ какъ затѣмъ въ ихъ распоряженiи остается еще 30 слишкомъ милл. свободной земли и, слѣдовательно, доходы отъ луговъ, лѣсовъ, молока, масла, садовъ и проч. вовсе не приняты въ разсчетъ.

Такая же сумма, т.-е. другая половина дохода съ помѣщичьей земли, остающаяся крестьянамъ, и представляетъ очевидно сумму всѣхъ крестьянскихъ заработковъ на частныхъ земляхъ отъ земледѣлiя и притомъ возможныхъ въ лучшемъ случаѣ, т.-е. предполагая, что испольная система распространена на всѣ помѣщичьи земли. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ эти заработки должны быть меньше, такъ какъ помѣщикъ, очевидно, въ тѣхъ случаяхъ, когда не сдаетъ земли исполу, а обработываетъ ее руками тѣхъ же крестьянъ по найму, въ результатѣ долженъ находить это выгоднѣе и, слѣдовательно, получить долю урожая бóльшую, чѣмъ половина. Поэтому, принимая доходъ крестьянъ отъ ихъ заработка на владѣльческихъ земляхъ равнымъ чистому доходу на тѣхъ же земляхъ самихъ владѣльцевъ, мы во всякомъ случаѣ скорѣе преувеличиваемъ, чѣмъ уменьшаемъ этотъ доходъ. Поэтому сумма 224 милл. и должна собственно выразить максимумъ дохода крестьянъ всѣхъ наименованiй отъ земледѣльческихъ заработковъ на помѣщичь-

[1]) Сравнительная Статистика. Т. II.

ихъ земляхъ, на который можетъ быть обращенъ нами налогъ. Затѣмъ остается опредѣлить ихъ чистый доходъ отъ собственной земли.

Земельные надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ едва-ли были-бы достаточны для ихъ прокормленія; а если принять въ разсчетъ, что на нихъ должны лежать притомъ еще выкупные платежи, земскіе сборы и, сверхъ того, значительная сумма косвенныхъ налоговъ, то ихъ, очевидно, слѣдуетъ вовсе исключить изъ разсчета, какъ не оставляющіе чистаго дохода.

Дѣйствительно у помѣщичьихъ крестьянъ земли 32 милл. десятинъ. Если даже $^2/_3$ ихъ подъ посѣвами, то при урожаѣ въ 2 четверти онѣ доставятъ

$$32 . {}^2/_3 . 2 = \frac{128}{3} = 42,7 \text{ милл. четв.}$$

Помѣщичьихъ крестьянъ обоего пола около 19 милл., и такъ какъ для прокормленія одной души считается не менѣе 2,3 четвертей, то урожая ихъ дѣйствительно почти только достаетъ на одно прокормленіе.

Остаются земли крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, въ общей сложности на душу превышающія почти вдвое земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Число душъ.	Колич. земли.
Крестьяне государственные . . .	8.531,346	58.007,549 (надѣла) 2.003,634 (собственной)
Удѣльные	851.334	3.565,899
Бывшихъ помѣщичьихъ.	9.795,163	35.779,014

Для того, чтобы опредѣлить, какой придатокъ къ означенной чистой выработкѣ могутъ доставить государственные крестьяне, нужно опредѣлить предварительно, какое количество рабочей силы потребуется для вычисленнаго выше заработка на помѣщичьихъ земляхъ, и какое останется свободнымъ. 40 милл. крестьянъ обоего пола по 2,5 четверти потребятъ 100 милл. четвертей хлѣба по 2,1 четверти урожая съ десят., они потребуютъ 100 милл. десятинъ земли или 66 милл. дес. пашни (въ остаткѣ у крестьянъ $100 - 66 = 34$ милл. десятинъ). Для обработки ихъ потребуется не менѣе 8 милл. работниковъ или 4 милл. для бывшихъ государственныхъ крестьянъ и 4 милл. для б. помѣщичьихъ. Считая по 18 милл. обоего пола тѣхъ и другихъ, и изъ нихъ 50% рабочихъ и полурабочихъ, у тѣхъ и другихъ остается около половины свободныхъ рабочихъ рукъ, т.-е. по 4 милл., и всего 8 милл. Обработка 30 милл. десятинъ помѣ-

щичьей земли займетъ (по формулѣ для одной дес. $4,8 + 6,7.4,2 = 33$ дес.) [1]): $30.33 = 990$ милл. десят., или $\frac{990}{150} = 6,9$ милл. рабочихъ, остается 1,3 милл. рабочихъ, которые на земляхъ государственныхъ крестьянъ, остающихся отъ прокормленія свободными, могутъ обработывать $\frac{1,3.150}{18,2} = 10,7$ милл. десятинъ. Они доставятъ (на крестьянской землѣ) $10,7.2.{}^2/_3 = 14,3$ милл. четвертей ржи или по 5 руб. за четверть—71,5 м. руб. Слѣдовательно, весь чистый доходъ:

1) помѣщиковъ отъ ихъ земли	224	милл. руб.
2) крестьянъ отъ заработковъ на помѣщичьихъ земляхъ . .	224	„ „
3) государственныхъ земель	71,5	„ „
Всего доходъ крестьянъ. . . .	295,5	„ „

Изъ этой суммы крестьяне уплачиваютъ питейный и соляной сборъ по меньшей мѣрѣ по 190,5 милл. рублей, остается 95 милл. руб., на которые можетъ быть обращенъ поземельный налогъ съ крестьянъ, который долженъ быть распредѣленъ на бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ пропорціонально количеству ихъ пахатной земли.

У бывшихъ помѣщ. крестьянъ 30 милл. десят.

У государственныхъ » $30 + 10,7 = 40,7$ милл. дес.

Слѣдовательно, приходится дохода:

На долю бывшихъ помѣщ. крестьянъ $\frac{30}{70,7} 95$ м. $= 39$ милл.

На долю государ. и удѣльныхъ $\frac{40,7}{70,7} 95 = 56$ милл. руб.

Если же изъ дохода помѣщиковъ исключить 4 милл. на косвенные налоги, то на ихъ долю придется все-таки 220 м. р. дохода. Если 50 милліоновъ подушной подати должно быть разложено на эти три разряда лицъ пропорціонально ихъ чистому доходу отъ земли, то придется налога:

На долю:

Помѣщиковъ . . . . $\frac{220}{315} 50$ м. $- 0,7.50 = 35$ милл.

Государств. и удѣльныхъ . . . $\frac{56,50}{315}$ $0,17.50 = 8,5$ милл.

Бывшихъ помѣщ. крестьянъ . . $\frac{39,50}{315}$ $0,13.50 = 6,5$ милл.

---

[1]) Число рабочихъ рукъ, потребное для обработки, опредѣлено по слѣдующей формулѣ стоимости обработки 1 дес. урожая при трехпольной системѣ въ рабочихъ дняхъ:

$$4,8 + 6,7x,$$

гдѣ x урожай, и первый членъ выражаетъ приготовительныя работы, второй—уборочные; затѣмъ 1 земледѣльческій работникъ принятъ равнымъ 150 днямъ.

При этомъ налогъ долженъ былъ бы составить 15% чистаго дохода отъ земли.

Такое обложенiе въ сравненiи съ существующимъ въ Европѣ было бы слишкомъ высоко. Конечно, можно сказать, что и при этомъ обложенiи крестьянъ 15-ю милл. налога, вмѣсто 50-ти, которые они платятъ въ настоящее время, было бы чистымъ благодѣянiемъ, что для землевладѣльцевъ налогъ этотъ разсчитанъ собственно по доходу отъ ½ находящейся въ ихъ распоряженiи земли, что мы должны принять еще доходъ отъ помѣщичьихъ лѣсовъ.

Несмотря на то, мы считаемъ такое обложенiе все-таки слишкомъ высокимъ. Земля и земледѣлiе даютъ вообще болѣе низкiй % въ сравненiи съ капиталомъ движимымъ, и должны облагаться поэтому вообще слабѣе. У насъ же, гдѣ земледѣлiе находится въ переходномъ положенiи, должна быть приложена особенная забота къ его охраненiю. Поэтому мы считаемъ правильнымъ опредѣлить налогъ съ поземельнаго дохода въ возможно низшемъ % и не выше 5% съ чистаго дохода. Въ этомъ размѣрѣ онъ доставитъ:

Отъ владѣльческихъ земель.	5%	220=11	милл. р.
Отъ земель б. помѣщичьихъ крестьянъ	5%	39= 1,95	„ „
Отъ земель крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ . .	5%	56= 2,8	„ „
Итого. . . .		15,75	мил. р.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить налогъ отъ землевладѣльческихъ лѣсовъ; но, оставивъ даже вовсе въ сторонѣ эту статью, оказывается, что вообще съ земель можетъ быть получено не менѣе 16 мил. налога.

Изложеннымъ способомъ опредѣляются общiя суммы, которыя будутъ подлежать взысканiю съ трехъ главныхъ разрядовъ землевладѣльцевъ; затѣмъ распредѣленiе общихъ суммъ по губернiямъ должно производиться министерствомъ финансовъ на основанiи имѣющихся данныхъ объ относительной доходности отдѣльныхъ мѣстностей въ землевладѣльческомъ смыслѣ. Распредѣленiе же итоговъ, опредѣленныхъ для губернiй по уѣздамъ и затѣмъ по обществамъ и лицамъ, должно составить дѣло земскихъ учрежденiй тѣмъ же порядкомъ, какимъ производится раскладка земскихъ сборовъ.

За вычетомъ изъ 50 миллiоновъ прямого налога общей суммы 16 милл., которая можетъ быть взята съ земли, остается 34 милл. р., которые подлежатъ сбору съ другихъ источниковъ, то-есть съ

дохода отъ движимаго имущества, капиталовъ и заработковъ лицъ различныхъ профессій.

IV.

Налоги, которые намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, могутъ быть раздѣлены на три категоріи:

1) Налоги отъ промысловъ и торговли.

2) Налоги отъ денежныхъ и другихъ движимыхъ капиталовъ. Налоги отъ кредитныхъ операцій.

3) Налогъ отъ личныхъ промысловъ.

Въ каждой изъ этихъ категорій мы отдѣлимъ статьи, которыя могутъ быть обложены не требуя для этого приблизительнаго и спеціальнаго изслѣдованія дохода ихъ, и статьи, требующія такого изслѣдованія.

Обращаясь прежде всего къ промышленности и торговлѣ, слѣдуетъ замѣтить, что извѣстные виды предпріятій этого рода должны быть исключены изъ счета, такъ какъ они подлежатъ уже давно обложенію. Таковы промыслы табачный, винокуренный; а затѣмъ существуетъ цѣлая серія заводовъ, фабрикъ и промысловъ, не обложенныхъ до сихъ поръ вовсе.

Всѣ эти предпріятія ведутся въ двухъ различныхъ формахъ: личной, доходъ которой скрытъ отъ публики, или въ формѣ акціонерной, при которой доходы частью и капиталы во всякомъ случаѣ составляютъ извѣстную величину. Очевидно, что всѣ акціонерныя предпріятія могутъ быть обложены непосредственно.

Обложеніе ихъ возможно установить всего лучше по ихъ чистому доходу въ тѣхъ случаяхъ, когда таковой извѣстенъ, или же по ихъ основному капиталу. На этомъ основаніи не трудно опредѣлить величину налога, какую можетъ доставить эта часть промышленныхъ предпріятій. Предпріятія эти представляютъ 5 видовъ: банковыя, торговыя и промышленныя въ собственномъ смыслѣ, страховыя, пароходныя и желѣзно-дорожныя. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ подъ рукою, касаются только 1876 г. Чистый же доходъ намъ извѣстенъ только для банковъ, и притомъ за 1875 г.

Слѣдующая таблица представляетъ итоги основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій по категоріямъ, какъ они показаны въ «Ежегодникѣ» министерства финансовъ за 1877 г. въ милл. руб.

	Основной капиталъ.	
Банковъ коммерческихъ	90400,000 бум. руб.	Итого 715.040,810 руб. бум. и 1.297.364,716 руб. мет.
„ земельныхъ	29.700,000	
Торговыхъ и промышленныхъ обществъ	371.880,700 бум. руб.	
	51.725,500 мет. „	
Страховыхъ	42.240,000 „ „	
Пароходныхъ	48.109,000 бум. „	
	3.600,000 мет. „	
Желѣзныхъ дорогъ.	133.414,381 бум. „	
	1.242.039,216 мет. „	

Чистая прибыль банковъ (въ 1875 году) была:

Банковъ коммерческихъ и акціонерныхъ . .	10.843,000
Взаимнаго кредита.	1.863,000
	12.706,000
Банковъ земельныхъ акціонерныхъ	2.176,000
Взаимнаго кредита.	5.116,000
	7.292,000
	19.998,000

Чистый доходъ другихъ акціонерныхъ обществъ мы опредѣлимъ приблизительно по ихъ основному капиталу. Для этого замѣтимъ, что биржевая или дѣйствительная цѣна акцій всѣхъ обществъ должна вообще опредѣляться и дѣйствительно опредѣляется по одному и тому же для всѣхъ %, заключающемуся въ ихъ дивидендахъ. Процентъ этотъ въ настоящее время 8. Поэтому для всѣхъ акцій, стоящихъ не ниже капитальной цѣны, 8% отъ ихъ основного капитала представятъ минимумъ дохода, и въ дѣйствительности гораздо выше. Понятно однако, что только предпріятія, удовлетворяющія этому условію, дѣйствительно могутъ существовать на коммерческомъ основаніи, то-есть безъ искусственной посторонней поддержки; поэтому приведенное положеніе мы можемъ принять вообще справедливымъ для всѣхъ существующихъ частныхъ обществъ безъ правительственной гарантіи, или даже съ гарантіей, но дающихъ означенный % съ основного капитала. Противное можетъ быть только исключеніемъ, ибо недающія этого дохода общества собственно должны ликвидироваться. Слѣдовательно, налогъ, разсчитанный по основному капиталу, выразитъ во всякомъ случаѣ только минимумъ налога, который можетъ получить и въ дѣйствительности получитъ казна отъ предпріятій этой категоріи.

Доходъ отъ обществъ этого рода изъ 8% на основной капиталъ составитъ:

	Основной капиталъ.	доходъ.
Общества торговыя и промышленныя		
кредитными руб.	371.580,700	44 м. кред.
металлическ. „	51.725,500	
или	(83.278,000 кред.)	
страховыя.	42.240,000	
пароходныя кредит.	48.109,000	
„ метал.	3.600,000	
	(5.796,000 кред.)	
Итого въ кредит. руб.	551.000,700	

Металлическіе рубли переведены въ кредитные по курсу 62 коп. за рубль, или при помноженіи на 1,61.

Искусственно существуетъ на средства правительства почти вся серія желѣзно-дорожныхъ обществъ, исключая нѣкоторыхъ: николаевской, московско-рязанской и курско-харьковской дороги; чистый доходъ для всей этой серіи, кромѣ названныхъ, опредѣляется по размѣру гарантіи и вообще можетъ быть принятъ какъ отъ акцій, такъ и облигацій, въ 5% съ основного капитала.

Основной капиталъ.		Чистый доходъ.
133.414,381	кредит. руб.	
1.242.039,216	метал. „	
	или	106.654,876 руб. кред.
1.999.683,132	кредит. „	
2.133.097,113	кредит. руб.	

Опредѣляя налогъ въ размѣрѣ 7% отъ чистаго дохода, получимъ:

	Чистый доходъ	Всего налога.
Отъ банковъ	20 милл.	
Акціонерныхъ обществъ:		
Существующихъ на коммерч. основ.	44 „	11.945,500 руб. кр.
Желѣзныхъ дорогъ.	106,65 „	
	170,65 милл.	

Опредѣленіе дохода и обложеніе частныхъ заводовъ и фабрикъ, устроенныхъ не на акціонерномъ основаніи, въ дѣйствительности возможно лишь черезъ опредѣленіе въ частности дохода каждаго отдѣльнаго заведенія. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ примѣненіе тяжелаго способа опредѣленія каждаго частнаго дохода, отдѣльно связаннаго съ подоходнымъ налогомъ въ тѣсномъ смыслѣ, представляется неизбѣжнымъ.

Для предварительныхъ же соображеній о величинѣ налога, который можетъ доставить эта часть промышленности, можно

руководствоваться данными относительно промышленныхъ заведеній, имѣющимися въ министерствѣ финансовъ.

Въ нашемъ распоряженіи находятся данныя лишь за 1873 годъ, напечатанныя въ «Ежегодникѣ» министерства финансовъ, т. VIII. Общая сумма производства всѣхъ промышленныхъ заведеній, необложенная налогами, равняется 332 мил. Принимая ихъ чистый доходъ только въ 30% этой суммы, получимъ для нихъ 99,60 милл. чистаго дохода, который по 7% налога отъ чистаго дохода доставятъ 4,9 милл. налога.

Переходимъ къ обложенію торговыхъ предпріятій.

Пошлина или косвенные налоги за право торговли и промысловъ доставляютъ въ настоящее время 14,5 милл. руб. круглымъ счетомъ. Обложеніе это, при которомъ не принимается вовсе, или почти вовсе, размѣръ торговыхъ операцій, относится къ тому положенію нашей торговли, въ которомъ она находилась лѣтъ 20 тому назадъ, до того оживленія оборотовъ и расширенія торговаго кредита, которое произошло въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря усиленному выпуску бумажныхъ денегъ и образованію цѣлой системы банковаго коммерческаго кредита.

Несомнѣнно, что эта система банковъ, развивавшаяся въ такой мѣрѣ, конечно, благодаря усиленному выпуску кредитныхъ билетовъ, служила той сокровищницею, въ которую собирались свободныя деньги и которая приводила ихъ въ обращеніе, переводя въ распоряженіе торговли путемъ учета векселей и ссудъ подъ залогъ бумагъ. Отсюда получилось такое расширеніе кредита, которое было немыслимо прежде и которое прямо служило торговлѣ.

За такое расширеніе кредита торговля не платила и до сихъ поръ не платитъ казнѣ ничего ровно, ибо прежняя система обложенія путемъ гильдейскихъ и торговыхъ свидѣтельствъ не только не сообразовалась съ размѣромъ операцій, образовавшихся благодаря расширенію системы предпріятій, но и съ размѣрами операцій въ ихъ прежнемъ видѣ.

Только отчасти, косвеннымъ образомъ, путемъ гербоваго сбора за вексельную бумагу, коммерческій кредитъ облагался до извѣстной степени, но и то только въ той его части, которая имѣла учетно-вексельную форму; ссуды же подъ залогъ бумагъ и пр., не облагались вовсе. Поэтому, если существующая система обложеній и можетъ быть признана достаточною для торговли болѣе мелкой, не пользующейся банковымъ кредитомъ, то обложеніе болѣе крупной торговли, путемъ обложенія учетно-ссуд-

ныхъ операцій банковъ, представляется вполнѣ справедливымъ и раціональнымъ.

Учетно-ссудныя операціи государственнаго и коммерческихъ банковъ представляютъ въ теченіи года съ 1 августа 1879 года по 1 августа 1880 г. сумму, колеблющуюся между 482,6 и 442,5 милл. или среднимъ счетомъ въ 467,5 милл. руб., которые находимъ въ распоряженіи торговли.

Учетъ векселей и ссудъ обществъ взаимнаго кредита равняется 142,27 милл.,—ссудъ земельныхъ банковыхъ акціонерныхъ равняется 142,894 мил.,—взаимнаго кредита 621,822 милл.

Поэтому общая сумма настоящаго кредита, доставляемая всѣми этими банками торговлѣ и промышленности, составитъ:

Банками коммерческ. акц. . .	467.500,000	
Взаимнаго кредита	142.270,000	
		609.770,000
Земельными акціонерными . .	142.894,000	
Взаимнаго кредита	621.822,000	
		764.716,000
	1.374.486,000	

Если положить средній чистый доходъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ 10%, то чистый ихъ доходъ отъ такого кредита при учетѣ въ 7% будетъ 40,2 милл. р., облагая который въ размѣрѣ 7%, получимъ 2.818,000 налога.

Переходимъ къ налогамъ на капиталъ. Капиталъ, подлежащій обложенію, заключается или въ наличныхъ деньгахъ, или въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ.

Изъ наличныхъ денегъ могутъ, да и должны, подлежать обложенію лишь приносящія доходъ ихъ обладателю, какъ вложенныя на текущіе счеты банковъ и обращающіяся на покупку закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ.

Такъ какъ это именно тѣ суммы, которыя обращаются банками на учетно-ссудныя операціи или ссужаются земельными банками ихъ закладчикамъ, то сумма этихъ вкладовъ должна быть по меньшей мѣрѣ равна суммѣ ссудъ какъ коммерческихъ, такъ и земельныхъ банковъ; въ дѣйствительности же она больше. Поэтому и налогъ на эту часть капитала, положенный въ томъ же размѣрѣ, какъ и на ссуды — долженъ доставить по меньшей мѣрѣ тѣ же 2.818,000 руб.

Государство платитъ по своимъ долгамъ ежегодно сумму % или чистаго дохода владѣльцамъ государственыхъ процентныхъ бумагъ—170 милл. руб., обложеніе которыхъ въ размѣрѣ 7% доставитъ 12,6 милл.

Складывая теперь всѣ суммы налога, которыя должны получиться отъ промышленности, торговли и капиталовъ, получимъ:

	милл.
Отъ банковыхъ, промышленныхъ и торговыхъ обществъ, акціонерныхъ и взаимнаго кредита	12
„ частныхъ промышленныхъ заведеній	5
„ учетно-ссудныхъ операцій	2,8
„ частныхъ капиталовъ	2,8
„ госуд. бумагъ	12
	34,6

Если къ нимъ прибавить 16 милл., которые доставятъ крестьяне и землевладѣльцы, то въ суммѣ получится уже 50,35 милл.

Но въ дѣйствительности должно получиться, конечно, болѣе, такъ какъ мы вообще старались брать въ основаніе нашихъ разсчетовъ доходы ниже дѣйствительныхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ результатѣ вся подлежащая распредѣленію сумма прямыхъ налоговъ, если оставить въ сторонѣ окладной сборъ съ мѣщанъ, оказывается уже покрытою одними разсмотрѣнными до сихъ поръ налогами отъ земель, торговли, промысловъ и капиталовъ.

Затѣмъ полученная сумма должна еще увеличиться на счетъ неразсмотрѣнныхъ видовъ налога, а именно:

1) Налоги на доходы отъ личныхъ профессій. Какую величину можетъ доставить этотъ налогъ—*a priori* опредѣлить трудно, такъ какъ эта величина могла бы быть заранѣе извѣстна лишь для доходовъ отъ постоянныхъ окладовъ, пенсій, жалованій и пр. Доходы же отъ либеральныхъ профессій—докторовъ, маклеровъ, адвокатовъ и пр.—подлежатъ спеціальному опредѣленію. Причемъ, какъ мы уже замѣтили, здѣсь всего правильнѣе было бы для казны освободить себя отъ непосредственнаго обложенія лицъ, а имѣть дѣло съ мѣстными группами лицъ этихъ профессій, т.-е. корпораціями докторовъ, маклеровъ, адвокатовъ и проч. По опредѣленіи государствомъ общихъ суммъ, которыя могутъ быть взяты съ такихъ отдѣльныхъ корпорацій, самое разложеніе этихъ суммъ по отдѣльнымъ плательщикамъ можно было бы предоставить самимъ корпораціямъ.

2) Налогъ съ частныхъ банкирскихъ и коммиссіонныхъ конторъ, который не вошелъ въ нашъ разсчетъ, но который войдетъ самъ собою при опредѣленіи на практикѣ дохода съ частныхъ промышленныхъ заведеній,—это опредѣленіе будетъ производиться для каждаго заведенія особо, какъ объ этомъ сказано выше.

Едва ли вѣроятно, чтобы оба эти налога будутъ недоста-

точны для покрытія 1,3 милл. окладного сбора съ мѣщанъ, непокрытаго предыдущимъ распредѣленіемъ.

Въ заключеніе повторимъ вкратцѣ сказанное.

Отправляясь отъ того предположенія, что налогъ не долженъ выходить изъ предѣловъ извѣстнаго процента съ чистаго дохода, мы должны были прежде всего разсмотрѣть отношенія къ этимъ доходамъ абсолютныхъ величинъ налоговъ въ различныхъ государствахъ Европы и у насъ. Мы это и выполнили, насколько это представлялось возможнымъ при недостаткѣ точныхъ данныхъ. Убѣдившись, что величина русскихъ налоговъ, хотя и выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ національный доходъ облагается въ другихъ мѣстахъ, мы пришли къ тому заключенію, что тягость русскихъ налоговъ заключается все-таки не столько въ ихъ абсолютной величинѣ, сколько въ нераціональномъ распредѣленіи. Вслѣдствіе этого мы и представили опытъ перераспредѣленія абсолютной ихъ суммы, не только оставляя въ сторонѣ сословныя различія, но распространяя обложеніе на всѣ виды имуществъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ.

Этотъ опытъ показалъ возможность изъ абсолютной суммы прямыхъ налоговъ, лежавшихъ до сихъ поръ исключительно на крестьянахъ, оставить на сельскихъ сословіяхъ или сельской недвижимой собственности менѣе $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ слишкомъ переложить на доходъ отъ имуществъ движимыхъ, промысловъ, мануфактуры, торговли и личныхъ профессій. При этомъ доходъ отъ земли предположенъ къ обложенію изъ 5%, доходъ отъ остальныхъ статей изъ 7%. Установленный въ этомъ видѣ налогъ можетъ быть введенъ въ видѣ основного налога, затѣмъ возвышеніе его, какое можетъ оказаться необходимымъ для избѣжанія дефицита, можетъ быть устанавливаемо ежегодно, смотря по состоянію росписи, черезъ простое увеличеніе вышеприведенныхъ процентовъ обложенія въ видѣ добавочнаго налога.

Во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ замѣтить еще, что опредѣленная выше сумма основного налога по всей вѣроятности ниже той, которая можетъ быть получена и даже получится въ дѣйствительности, такъ какъ нашъ разсчетъ не обнимаетъ всей величины національнаго дохода. Дѣйствительно, общая сумма національнаго дохода, которая будетъ обложена на приведенномъ основаніи, слѣдующая:

15,75 милл. налога съ земель, обложенныхъ изъ 5%,
соотвѣтствуютъ доходу съ земель въ . . . . . . 315 м.
34,6 милл. прочихъ налоговъ съ дохода, облагаемаго
изъ 7%, соотвѣтствуютъ доходу въ . . . . . . 494,3 м.
Итого . . . . . . 809,3 м. дох.

Раздѣлимъ эту сумму на населеніе европейской Россіи изъ 70 милл. душъ; окажется, что предполагаемая нами система налога представляетъ національный доходъ, не превышающій на душу $\frac{809,3}{70} = 11,56$ р.

(Правда, если не считать дохода отъ личныхъ профессій, частныхъ лѣсовъ и банкирскихъ и коммиссіонныхъ конторъ, которые не заключаются въ этой суммѣ и величину которыхъ нѣтъ возможности опредѣлить à priori). Если же къ приведенной суммѣ прибавить всю сумму косвенныхъ налоговъ, т.-е. 279 мил., то предположенное нами обложеніе будетъ отвѣчать національному доходу $\frac{1{,}088 \text{ милл.}}{70} = 15$ руб. на душу, а если присоединить къ нимъ 50 милл., не принятыхъ нами въ разсчетъ, особыхъ прямыхъ и государственныхъ земскихъ сборовъ, то $\frac{11,38}{70} = 16,25$ к. на душу. То-есть, въ итогѣ предполагаемый для обложенія національный доходъ во всякомъ случаѣ не достигаетъ еще вѣроятныхъ его размѣровъ. Такъ какъ этотъ доходъ, если и не достигаетъ размѣра 36 руб. на душу или 2,52 милліардовъ, какъ это мы допустили въ началѣ, то во всякомъ случаѣ выше 16 руб. 25 коп. на душу или 1,14 милліарда, которые предполагаютъ для обложенія. Поэтому же, допуская, что этотъ дѣйствительный доходъ достигаетъ только 20 руб. на душу, или 1,4 милліарда, можемъ думать, что разсчитанный нами выше налогъ могъ быть повозвышенъ еще по крайней мѣрѣ на 18,37 милл., которые получаются при обложеніи изъ 7% лишнихъ 3,75 р. дохода на душу при 70 милл. населенія. Часть этихъ 18 милл. дѣйствительно получится отъ обложенія личныхъ профессій и другихъ, не вошедшихъ въ нашъ разсчетъ, доходовъ; какая—это заранѣе опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ, не было бы ничего невозможнаго, если бы предполагаемая нами система обложенія на практикѣ доставила бы до 18 милл. лишняго налога противъ разсчитаннаго.

Ю. Жуковскій.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

X *).

СЕРАФИМЪ ЕЖИКОВЪ.

Стоялъ февраль.

Съ самаго Крещенья держалась ясная погода безъ вѣтровъ и мятелей, съ крѣпкими, сердитыми морозами. Глубокій снѣгъ, первоначально напавшій въ ту зиму еще до Введенія и обильно подновляемый во всѣ Филипповки, ни разу не сгонялся пáводками и теперь, скованный ноздреватымъ настомъ, мирно покоился на поляхъ. Благодаря отсутствію вѣтровъ, снѣгъ этотъ покрывалъ землю ровною, слегка волнистою пеленою; даже вокругъ жилищъ не было сугробовъ. Дороги, не заносимыя подземкою и не заметаемыя мятелью, были превосходны. Сани не ныряли по нимъ, какъ по волнамъ бушующаго моря, и даже ночью путникъ не могъ бы сбиться съ нихъ, ибо отчетливо чернѣлись на сѣромъ фонѣ зимней ночи правильные ряды соломенныхъ вѣшекъ, еще не разнесенныхъ бурею по степи и не поникшихъ подъ напоромъ бѣшеныхъ снѣговыхъ волнъ. Небо не завѣшивалось мглою и не закрывалось хмурыми тучами, но съ неутомимой яркостью синѣло и сверкало. Зори не погорали, зажигая небо зловѣщимъ багрянцемъ и, подобно пожару, пылая надъ пустынными снѣгами, но кротко и тихо сіяли, нѣжно окрашивая и степь и небо привѣтливымъ румянцемъ и предвѣщая все ту же постоянную погоду на завтра. Днемъ ослѣпительно блистало холодное солнце. По ночамъ высыпали безчис-

*) См. выше: 1880, ноябрь, стр. 35.

ленныя звѣзды, тускло мерцалъ млечный путь и свѣтила голубая луна, обливая молчаливыя поля меланхолически-сказочнымъ сіяніемъ.

Но постоянной погодѣ этой близился конецъ, и на Срѣтеніе, второго февраля, по небу забродили робкія тучки, а въ морозномъ воздухѣ повѣяло мягкостью. Вечеромъ, подавая самоваръ, Семенъ доложилъ мнѣ, что настъ ослабъ и не только человѣка, какъ прежде, но и собаки не сдерживаетъ—проваливается.

— Неужель оттепель будетъ?

— Безпремѣнно будетъ. Споконъ-вѣку вокругъ Срѣтенья отпускаетъ.

— Вѣрно ли это?

— Ужъ это будьте спокойны. Споконъ-вѣку примѣчено: «срѣтенскія оттепели»... какъ же!

На слѣдующій день пушистый иней покрылъ деревья и крыши, и хотя морозъ снова покрѣпчалъ и сурово знобилъ лицо, но тучи на небѣ сгущались, поднимался вѣтерокъ, а на рѣкѣ, безъ всякой причины, выступила изъ пролуби вода, желтоватымъ пятномъ расплывшаяся подъ снѣгомъ.

— Ну что, Семенъ, нѣтъ ли еще какихъ примѣтъ?—спросилъ я.

Семенъ донесъ мнѣ, что собаки цѣлое утро катались по снѣгу, пѣтухи кричали въ совершенно необычное для нихъ время и рамы въ кухнѣ заплакали.

— Быть погодѣ!—утвердительно заключилъ онъ и съ настойчивостью пригласилъ Михайлу дней на пять заготовить корму.

Четвертаго, въ день чудотворца Кирилла, съ самаго ранняго утра потянуло оттепелью. Влажный вѣтеръ медленно гналъ съ юга длинныя вереницы тяжелыхъ тучъ. Темная синева протянулась по кругозору и повисла надъ лѣсами и деревнями. Дороги и тропинки пожелтѣли. Снѣгъ уже не рѣзалъ глаза сверкающей бѣлизною, какъ то бываетъ въ яркій солнечный день, но отдавалъ мягкими, теплыми тонами.

Къ полуднямъ вѣтеръ усилился; теплое дыханіе его становилось рѣзкимъ и пронизывающимъ. Тучи сплотились въ какіе-то туманные клубы и все ниже и ниже опускались надъ полями. Синій цвѣтъ ихъ окраинъ сначала уступилъ мѣсто темносизому, почти черному, затѣмъ и этотъ цвѣтъ стушевался, и небо стало—одна сплошная, мутная мгла. Синева надъ горизонтомъ часъ отъ часу таяла и сливалась съ сѣрою мглою; лишь узкая, темноватая полоска, остатокъ этой синевы, упрямо обняла дáли и не сливалась съ тучами, не поддавалась имъ.

Лѣса и деревни какъ будто придвинулись къ хутору и получили какую-то невѣдомую въ морозный день явственность и теплоту колорита. Молодыя ракиты на плотинѣ, оттаявъ отъ снѣга и вчерашняго инея, сиротливо распростирали по вѣтру свои гибкія, красноватыя вѣтви. Камышъ, точно обмытый талымъ вѣтромъ, бурыми волнами разбѣгался по вершинѣ и съ какой-то непріятной сухостью шуршалъ своими безжизненными стеблями.

Семенъ и Михайло торопливо носили кормъ съ гумна и изъ риги на дворъ; Анна заботилась о топливѣ. Лошади шумно фыркали въ конюшнѣ. Воробьи съ суетливымъ визгомъ копошились подъ пеленою амбара. Галки безтолково перелетали по крышамъ, садились на трубы и хрипливо кричали, обращая открытые клювы въ упоръ вѣтру.

Непогода близилась.

Къ вечеру еще ниже свѣсились тучи надъ полями. Казалось, стоило бросить шапку къ верху, и она застряла бы въ тучахъ. Повалилъ мокрый, пухлый снѣгъ. Дали сначала завѣсились мятелью, какъ будто кисеею, затѣмъ потонули въ мутномъ, медленно зыблющемся морѣ, сквозь которое только смутно синѣли лѣса и чернѣлись поселки. Но скоро море это сгустилось и, споспѣшествуемое наступающей тьмою, покрыло непроницаемой завѣсой и дали, и лѣса, и деревни. Хуторъ остался лицомъ къ лицу съ снѣжною бездной, тихо, но неудержимо падающей съ неба.

Когда стемнѣло, вѣтеръ превратился въ бурю. Онъ загудѣлъ и заигралъ съ снѣжинками, закрутилъ ихъ вихремъ, понесъ подземкою. Мертвенно-тихое поле проснулось: заревѣло и застонало. Началась пурга.

— Нну-у, разгулялась погодка!—воскликнулъ Семенъ, черезъ силу добравшійся изъ кухни до дома, и долго кряхтѣлъ и отплевывался, протирая лицо, обивая сапоги и очищая одежду отъ липкаго снѣга.

Дѣйствительно, загуляла погода шальнымъ, безобразнымъ разгуломъ.

Семенъ напоилъ меня чаемъ, напился самъ и, накинувъ на плечи полушубокъ, отправился-было затворять ставни. Но буря воротила его, и ужъ натяпувъ полушубокъ на рукава, онъ снова отправился бороться съ нею. И долго онъ возился съ дверями и гремѣлъ желѣзными затворами ставень. Мнѣ слышно было, какъ вьюга буйно вырывала изъ его рукъ ставни, порывисто хлопая ими по стѣнѣ, и въ то время, когда онъ усиливался притворить ихъ, она, словно поспѣшая, ударяла въ стекла непрерывными

волнами звенящаго снѣга. Когда же, наконецъ, удалось Семену затворить ставни, звенящіе звуки превратились въ глухой и смутный, слегка завывающій шумъ, на который утлыя доски ставень отвѣчали жалобнѣйшимъ скрипомъ.

— Диво творится!—съ нѣкоторымъ даже ужасомъ объявилъ мнѣ Семенъ, тяжело отдуваясь и отряхаясь отъ снѣга.—Зги Божіей не видно въ полѣ!—добавилъ онъ, отдохнувши, и, влѣзая на лежанку, съ сокрушеніемъ произнесъ:—упаси Господи злого татарина...

Я сѣлъ за книгу, но читать мнѣ не хотѣлось. Я всталъ и сталъ ходить по комнатѣ. Что-то смутно волновало меня, повергая не то въ тоску, не то въ какую-то нервную тревогу. Слабое пламя свѣчи, печально бросавшее круглый отсвѣтъ на бѣлый потолокъ, трескъ половицъ подъ моими ногами, непрестанный лязгъ маятника и тѣнь, тихо двигающаяся за мною, смутный шумъ вьюги за стѣнами и легкое поскрипываніе ставень—все это уносило меня въ какой-то щемящій міръ мечтательныхъ грёзъ и сказочныхъ представленій...

...Я ходилъ и думалъ, и вслушивался въ дикіе стоны вьюги.

И казалось мнѣ, что «диво» воочію встаетъ предо мною, и бушующее поле открываетъ мнѣ свои тайны.

Мнѣ казалось—я вижу, какъ въ тихое море падающаго снѣга съ невѣдомыхъ высотъ ринулась буря и прихотливо закрутила это море исполинской спиралью... Снѣжинки сначала тихо и неувѣренно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, затолклись и заиграли въ круговоротѣ... Буря ширится, наполняя пространство дикимъ завываніемъ... Буря захватываетъ уже не версты и не десятки квадратныхъ верстъ, а цѣлыя области своею бѣшеной пляской и вмѣстѣ съ тѣмъ несется впередъ по безграничному степному простору, съ безобразной, одуряющей быстротою... Кажется, нѣтъ силы, способной противостать ей и бороться съ нею... Но есть эта сила. Сила эта—постоянный вѣтеръ, не утихающій въ нижнихъ слояхъ атмосферы. По мѣрѣ того, какъ буря свирѣпѣетъ—онъ усиливается. Буря кружитъ снѣжную бездну, вертитъ и буровитъ ее,—вѣтеръ мечетъ ее изъ стороны въ сторону, разрываетъ въ клочья и изъ правильнаго, бѣшено толкущагося круговорота превращаетъ въ какую-то воющую, безформенную мглу... Буря сердится, плачетъ, гудитъ... Буря борется съ вѣтромъ, страшно терзаетъ и крутитъ несчастныя снѣжныя волны... Пространство уподобляется исполинскому котлу, въ которомъ съ ужаснымъ гуломъ клокочетъ и съ неба летящій и вздымаемый отъ земли снѣгъ. И вой разъяренныхъ звѣрей чу-

дится въ томъ гулѣ и стоны озлобленные, и вопли человѣческіе, терзающіе душу... То—вихрь. То его буйно-унылыя пѣсни стоятъ надъ полемъ.

Иногда буря осиливаетъ и тогда и дико-ревущую мглу, и воющіе вихри—весь бѣшено зыблющійся, безграничный, безсмысленный просторъ крутитъ и вертитъ она въ одномъ исполинскомъ хороводѣ...

То жалобно, то буйно стонетъ и рыдаетъ поле...

...Стихла буря. Подобно клочьямъ разобранной овчины, повисли тучи надъ полемъ. Кое-гдѣ промежъ тучъ засвѣтились туманныя звѣзды въ глубокой синевѣ. Зарѣдѣли хлопья снѣга. Смолкла адская музыка пурги, словно отдыхая отъ разгула. Лишь подземка тихо, но безпрерывно скользя, наметая сугробы въ ложбинахъ, громоздя бугры вокругъ жилищъ, а на дорогѣ—ухабы, нарушаетъ тишину, вдругъ вставшую надъ полемъ.

А даль насылаетъ новыя тучи. Угрюмая тьма снова обнимаетъ небо, и снова снѣжное море потопляетъ степь, а буря, словно спохватившись, крутитъ это море, мечетъ его во всѣ стороны, рыдаетъ, стонетъ и голоситъ... Вотъ ворвалась она въ осиновый лѣсокъ... Тронула покрытые гололедицей сучья, зашатала корявыя деревья... Стонъ и шумъ поднялись по лѣсу... Словно вопль цѣлаго сонма грѣшниковъ вырвался оттуда,—вырвался, заклокоталъ надрывающими диссонансами и слился въ общемъ, безумномъ, хорѣ тоскующаго, буйно рыдающаго ада...

...И казалось мнѣ—я вижу, какъ ринулась буря на утлыя хаты поселка. Завертѣлась, закружилась она вокругъ бѣдныхъ хатъ. Взгромоздила сугробы по пелены, зазвенѣла въ маленькія, закоптѣлыя оконца оледенѣвшимъ снѣгомъ, растрепала крыши и понесла по бушующему простору охапки черной, прогнившей соломы... Ударила дерзкимъ порывомъ въ церковную колокольню и заворотила церковную желѣзную крышу. Крыша загрохотала подобно далекимъ раскатамъ грома, и печальнымъ похороннымъ перезвономъ звякнули колокола... Звякнули и замолкли, а буря пронеслась въ поле и заплясала, и заплакала тамъ пронзительнымъ плачемъ... «Бѣсова свадьба»,—говоритъ народъ про погоду и съ суевѣрнымъ ужасомъ внимаетъ ея пѣснямъ.

Все живое приникло въ страхѣ; звѣрь въ сугробахъ и лѣсахъ, человѣкъ въ жилищахъ, подобныхъ сугробамъ...

... Я ходилъ и думалъ, и вслушивался въ дикіе стоны вьюги, похожіе на рыданіе...

И вслушиваясь въ это тоскливое рыданіе, рыданіе то-и-дѣло переходящее во что-то тоже нестерпимо-мрачное и сосущее, но

вмѣстѣ съ тѣмъ и ухарское до бѣшенства, мнѣ стало казаться, что адъ этотъ, изъ вѣка въ вѣкъ бушующій надъ великой равниной русской, самую жизнь этой равнины уподобилъ ужасной безпричинности своей и вообще повліялъ на исторію русскую далеко не такъ мало, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда... О, далеко не такъ мало.

Подобно метелямъ и вьюгамъ, перемежающимъ глубокую, зимнюю тишину, мнѣ и Русь начинала представляться чѣмъ-то стихійнымъ, а пожалуй, даже и страшнымъ, ибо, какъ и всякая стихійная сила, загадочна до степени кровожаднаго сфинкса, съ легкимъ сердцемъ пожирающаго мудрецовъ... То, какъ мертвое, снѣжное поле лежитъ она, и печальная тишина властно царюетъ надъ ея сказочно-широкимъ просторомъ, по которому только тройки что̀ есть духу мчатся, нагло попирая дороги степныя и съ буйнымъ звономъ оповѣщая міру о своей легкомысленной отвагѣ,—а то, какъ звѣрь всколыхнется, подниметъ грозную силу вплоть до облака, замечетъ вихремъ бойкія тройки, засыплетъ сугробами торныя дороги свои, зальетъ дикими стонами и воплями весь живущій міръ... а на утро снова тихо уляжется подъ рѣзвыя ноги лихихъ бѣгуновъ до новой бури, до новаго разгула.

... Я вздрогнулъ и взглянулъ въ окно. Ставень распахнулась и хлопнула, и хрипло загремѣла на желѣзныхъ петляхъ. Вьюга, подобно косматому чудищу, лѣзла въ стекла и сердито лизала ихъ. Я взглянулъ на часы: стрѣлка приближалась къ двѣнадцати. Хлопнула съ визгомъ въ другой разъ ставень; затрещала непрочная рама. Буйно метнулся вѣтеръ въ трубу и заголосилъ тамъ, точно баба надъ покойникомъ.

Я подошелъ къ окну и прислонился къ стекламъ. Мутная бездна угрюмо глядѣла оттуда на меня.

Мнѣ почудился стукъ. Я прислушался: ничего, кромѣ Семенова храпа да завыванія вьюги. Но какое-то неопредѣленное безпокойство овладѣло мною. Я подошелъ къ передней и снова прислушался. Немного спустя стукъ раздался явственно и торопливо.

Я разбудилъ Семена и окликнулъ: «кто тамъ?» Въ отвѣтъ послышался какой-то крикъ, почти заглушенный вѣтромъ, и снова посыпались удары въ двери. Несомнѣнно за дверьми былъ человѣкъ. Семенъ отворилъ входъ въ сѣни, я распахнулъ дверь въ комнаты. Въ сѣняхъ завизжала ворвавшаяся буря, заскрипѣлъ снѣгъ подъ ногами Семена; въ комнаты сначала бросилась студеная струя, сильно заколебавшая пламя свѣчи, бывшей въ моихъ рукахъ, а затѣмъ ввалилось что-то бѣлое и холодное. Это *бѣлое*

шумно вздохнуло, испустило какой-то неопредѣленный возгласъ и стремительно бросилось на коникъ. Это *бѣлое* — былъ человѣкъ, укутанный въ нѣкоторое подобіе тулупа и съ громаднымъ треухомъ на головѣ. Съ ногъ до головы онъ былъ занесенъ снѣгомъ.

— Шабашъ!.. хоть издыхай!..—отрывисто произнесъ онъ и уставилъ на меня мутный взглядъ. — Говорю, хоть издыхай!— настоятельно повторилъ онъ и въ изнеможеніи закрылъ глаза.

— Ты чей?—спросилъ я.

— Лѣсковскій, — отвѣтилъ онъ, вяло поднимая вѣки, и съ какимъ-то удивленіемъ снова устремляя взглядъ свой на меня.

— Съ какихъ Лѣсковъ?

— Съ Малыхъ.

— Откуда ѣдешь?

— Съ города.

— Одинъ?

— Съ учителемъ.

Мужикъ съ лукавствомъ усмѣхнулся.

— Съ какимъ учителемъ? Гдѣ онъ?—вскрикнулъ я въ ужасѣ.

— Въ саняхъ.

Семенъ выскочилъ на дворъ.

— Чей учитель?

— Лѣсковскій. Серафимъ Миколаичъ.

— Что же онъ не слѣзаетъ?

Мужикъ захохоталъ.

— Нейдетъ!

— Что такъ?

— Сумлѣвается.

— Въ чемъ?

— На счетъ ночевки сумлѣвается.

— Какъ сомнѣвается?

— Такъ. Допрежъ, говоритъ, спросись поди...

Мужикъ опять захохоталъ, но вдругъ схватился за ногу и вскрикнулъ:

— Ой,—зазнобилъ, ой, ой... Ахъ, лѣшій те... а-ахъ!..

Я взглянулъ на его ноги, онѣ были въ худыхъ лаптяхъ и рваныхъ, холодныхъ онучахъ, обвязанныхъ пеньковыми обрывочками.

Дверь снова отворилась, и въ ней опять показалось что-то бѣлое.

— Извините, ради Бога... Необходимость... По необходи-

мости... Не обезпокою ли?..—говорило *оно.* Голосъ дрожалъ и прерывался.

Мужикъ опять захохоталъ. «Все сумлѣвается!»—подмигнулъ онъ мнѣ и преспокойно сталъ совлекать съ себя какое-то отрепье и взбираться на лежанку.

— Мнѣ хошь околѣвай теперь!—воскликнулъ онъ,—и меренъ пущай околѣваетъ, и ты... Околѣвайте всѣ — мнѣ теперь все едино!.. Я вотъ ногу ознобилъ...

И онъ стоналъ, прерывая стоны руганью, и въ то же время лукаво кивалъ мнѣ на учителя, смѣялся и хватался за ногу.

Семенъ побѣжалъ прибирать лошадь. Я принялся разоблачать учителя. Онъ весь дрожалъ отъ стужи, но стыдливо отстранялъ отъ себя мои руки.

— Вы ужъ, пожалуйста...—лепеталъ онъ,—пожалуйста, не безпокойтесь... Не нужно бы... право не нужно бы хлопотать... Я бы въ избу... Намъ бы въ избу съ нимъ... Выпилъ онъ немного... холодно... Простите... Я право не знаю... Мнѣ бы въ избу...

— Куда вамъ въ избу—здѣсь ночуете.

— Ахъ, право бы не надо... Зачѣмъ здѣсь!.. Мы здѣсь намараемъ... Безпокойство вамъ... Въ избу бы... Мы утречкомъ бы завтра... Не взыщите... Чѣмъ свѣтъ бы... Не хлопочите, сдѣлайте милость!..

— Нѣтъ, ужъ меня коломъ отселѣ не выпрешь! — заявилъ мужикъ.

Серафимъ Николаичъ съ какимъ-то усиліемъ засмѣялся и снова сконфузился, и смущенно залепеталъ:

— Право мнѣ совѣстно... Вы ужъ простите его... Архипъ Лукичъ, ты ужъ не дебоширь пожалуйста... Видите, выпилъ онъ... Согрѣваетъ оно, знаете ли... Есть научныя данныя... Алкоголь... Вамъ, вѣроятно, извѣстно?.. Холодно, знаете!.. Видите—одежда... рубище... Мнѣ вотъ можно не пить... Я одѣтъ...

И снова попытался засмѣяться, и снова переконфузился. Все это время онъ что-то начиналъ разстегивать, что-то развязывать, но руки его не дѣйствовали. Наконецъ, я убѣдилъ его не препятствовать мнѣ и началъ производить раздѣванье. Изъ покрововъ на немъ только и было солиднаго, что валенки; все остальное могло быть носимо только по необходимости. Ватное пальтишко, увязанное большимъ женскимъ платкомъ, достигало лишь до колѣнъ. (Колѣни эти страшно дрожали). Дешевая барашковая шапка была глубоко надвинута на лицо. Кромѣ шапки лицо

это скрывалось и поднятымъ воротникомъ, изъ-за котораго торчала, судорожно дрожавшая, бородка, сплошь забитая инеемъ.

Онъ все не переставалъ проситься въ избу и извиняться за безпокойство. На силу убѣдилъ я его, что никакого безпокойства онъ мнѣ не причинитъ и доставитъ лишь одно удовольствіе.

По совлеченіи платка, пальто и иныхъ верхнихъ одеждъ, учитель оказался маленькимъ, узкогрудымъ человѣчкомъ въ «твиновомъ» пиджачкѣ и въ ситцевой, достаточно уже позаношенной рубашкѣ. Отрекомендовался онъ мнѣ Серафимомъ Ежиковымъ. Лицо его было не безъ пріятности. Правда, лицо это не было красиво, и черты его скорѣй поражали безобразіемъ, чѣмъ правильностью, но отъ этого безобразія вѣяло глубокой симпатичностью. Въ разговорѣ онъ часто и внезапно краснѣлъ, причемъ лицо его получало выраженіе чрезвычайно пріятной застѣнчивости и какого-то совершенно дѣвичьяго цѣломудрія. Часто также пытался онъ предупредительно улыбаться и смѣяться какимъ-то, какъ-бы заискивающимъ, смѣхомъ, но только *пытался*, ибо ни улыбки какой слѣдуетъ, ни смѣха у него не выходило; его темные, глубокіе глаза при этихъ попыткахъ постоянно оставались серьёзными и даже грустными.

Впослѣдствіи замѣтилъ я, что стоило его оставить самому себѣ, то-есть, не занимать его разговоромъ, не угощать и вообще не утруждать галантностью обхожденія, — онъ весь преображался: лобъ его тогда мучительно стягивался морщинами, на всемъ лицѣ замирала тоскливая гримаса, и худые, прозрачные пальцы нервно щипали рѣденькую, русую бородку. Казалось, какая-то упорная мысль постоянно буровила его голову.

Пока вскипѣлъ самоваръ, Ежиковъ, едва только обогрѣвшись, все возился съ ногою Архипа. И снѣгомъ, и виномъ онъ растиралъ ее, и успокоился лишь тогда, когда убѣдился, что опасности нѣтъ ни малѣйшей. Архипъ вообще разыгрывалъ при этомъ нѣкотораго идола. Снисходительно посмѣиваясь, протягивалъ онъ ногу и все подмигивалъ мнѣ на учителя, какъ-бы приглашая полюбоваться на подобнаго чудака. Казалось, Архипъ дѣлаетъ Ежикову великое одолженіе, позволяя растирать свою ногу. Помимо высокомѣрной снисходительности и насмѣшливаго подмигиванія, лицо Архипа выражало полнѣйшее равнодушіе. Только разъ соблаговолилъ онъ изъявить нѣкоторое неудовольствіе: это — когда Ежиковъ началъ растирать ногу виномъ. — «Эхъ-ма! — воскликнулъ тогда Архипъ, тоскливо взглядывая на вино, — въ нутро бы мнѣ ее, водку-то!» и еще долго спустя послѣ растиранія съ негодованіемъ повторялъ: — «Экую прорву винища из-

вели зря!.. Вѣдь обдумаютъ канитель: божьимъ даромъ ноги поливать»...

Когда поданъ былъ самоваръ, мнѣ все-таки удалось внушить Ежикову нѣкоторую безцеремонность: онъ уже почти не отказывался отъ чая и съ замѣтнымъ удовольствіемъ выпилъ нѣсколько стакановъ.

— Зачѣмъ вы въ городъ-то ѣздили?—спросилъ я его за чаемъ.

— Знаете—увѣдомленіе было отъ управы...

— Это на счетъ чего же?

Онъ нѣсколько замялся.

— А видите ли: — наставникамъ нѣкоторое вознагражденіе полагается...

Слово «вознагражденіе» произнесъ онъ послѣ стыдливаго колебанья.

— А! такъ за жалованьемъ, значитъ, ѣздили?

— Да, да... Съ одной стороны это вѣрно... Невозможно, знаете... (Онъ какъ-бы оправдывался).

— Что же, получили?

— О, да!.. Оно, видите, не совсѣмъ получили... Я, напримѣръ, не получилъ... Но нѣкоторые получили... и даже многіе получили... Очень многіе! — добавилъ онъ поспѣшно, и такимъ тономъ, какъ-бы просилъ у меня извиненія за гг. раздавателей «вознагражденья».

— Какъ же это вы-то?

Ежиковъ покраснѣлъ.

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать... Впрочемъ, оно, пожалуй, и понятно... Даже очень понятно!.. Я, знаете ли, опоздалъ нѣсколько. Другіе успѣли, пріѣхали во время, ну, а я опоздалъ... Согласитесь сами, нельзя же ждать!

— Денегъ, стало быть, недостало въ управѣ?

— Да, но видите... Видите, это такое дѣло... такое... Нужда вездѣ... Какъ хотите—обременительно!.. Очень обременительно... Вы знаете, вѣдь на *нихъ* очень много наложено... А была засуха... Они называютъ это *недородъ* (онъ застѣнчиво улыбнулся)... Это, знаете ли, все нужно... обсудить бы нужно!.. Налоги тамъ... Вообще... — тяжело! — Онъ вдругъ заволновался и вскочилъ со стула, но тотчасъ же опять усѣлся, не преминувъ и на этотъ разъ покрыться стыдливымъ румянцемъ.

— Изъ города вы рано выѣхали?—перемѣнилъ я разговоръ.

— А нѣтъ, не очень рано... Да вотъ...—онъ задумался,— да, да, метель ужъ была и порядочная-таки была метель...

— Зачѣмъ же вы въ такую погоду выѣзжали?

— А какъ вамъ сказать... Это надо объяснить, видите... (Онъ окончательно переконфузился). Овесъ знаете, и притомъ опять пища... О пищѣ тоже необходимо объяснить... Ужасно неудобно въ городѣ!.. и такъ, знаете ли... ужасно все дорого!.. Да, очень дорого... Ну я, видите, не успѣлъ въ управу... Другіе успѣли... Очень многіе успѣли!.. Многіе ужасно нуждались... О, какъ нуждались!.. Знаете ли, Венчуткинъ есть, Михѣй Иванычъ... Онъ семинаристъ, изъ учительской семинаріи... Жена у него больная такая, слабая, дѣти... Очень маленькія дѣти!.. Ну, и ни копѣйки... а?.. О, ужасно нуждались Венчуткины!.. И вдругъ, что же?—пріѣзжаетъ, знаете ли, Михѣй Иванычъ,—онъ впрочемъ пѣшкомъ пришелъ, но это все равно...—и такъ является онъ, ему прямо за три мѣсяца... (Намъ за три мѣсяца не выдавали... но это не важно!..). И такъ за три мѣсяца, — это съ чѣмъ-то тридцать-шесть рублей... И вообразите прямо-таки тридцать-шесть рублей и получилъ!.. О, онъ ужасно теперь счастливъ... И все это очень удачно, знаете...—Глаза Серафима Николаича засвѣтились чисто-дѣтской радостью. Говорилъ онъ торопливо и часто задыхался отъ волненія, особенно сильно овладѣвавшаго имъ во время разговора о чьей-либо нуждѣ, или о какомъ-нибудь горѣ.

— Ну да, такъ вотъ видите... (я ровно ничего не видѣлъ и только смутно догадывался, что изъ города выжилъ Ежикова голодъ)... выѣхали мы, и вдругъ буря эта... Знаете ли, у Кольцова есть...—Какъ-то необычайно просіявъ, неожиданно воскликнулъ онъ и задыхающимся голосомъ продекламировалъ (голосъ его при напряженіи оказался какимъ-то нервно звенящимъ и какъ будто надтреснутымъ):

Выходи-жъ ты, туча,
Съ темною грозою—
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою...
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ,
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ...

Послѣ этого, для меня неожиданнаго порыва Серафимъ Николаичъ тотчасъ же смутился и низко нагнулся надъ стаканомъ, но не утерпѣлъ и, улыбнувшись дѣтски-восторженной улыбкой, снова заговорилъ:

— Неправда ли сила какая?.. Тутъ, знаете ли, есть что-то... Ужасно гордое что-то есть!.. И главное, могущественное... О,

это главное!.. Видите ли, это не Байронъ... Тамъ не мудрено, знаете: онъ на уровнѣ многихъ знаній стоялъ... Тамъ, видите ли, стонъ какой-то, озлобленіе этакое... А тутъ такое... такое непосредственное... и свѣжее... Чувство тутъ, а не сплинъ... Конечно, не сплинъ!.. Я, знаете ли, о чемъ... здѣсь вѣдь народъ выносилъ и... и это очень важно... Не правда ли?.. Именно, весь народъ, а не философія... не... не... ну, да не Система Натуры и не Руссо... Видите ли, я много думалъ...

Но что̀ думалъ Ежиковъ, осталось на этотъ разъ мнѣ неизвѣстнымъ, ибо онъ какъ-то взглянулъ на меня и окончательно переконфузился: я смотрѣлъ на него во всѣ глаза, недоумѣвая, гдѣ бы слышать сельскому учителю о Руссо и о Системѣ Натуры.

Съ этого момента Серафимъ Николаичъ какъ будто спохватился и ушелъ въ свою скорлупу. Получая неохотные и очень неопредѣленные отвѣты на всѣ мои выспрашиванія, я понялъ, наконецъ, что стѣсняю гостя, а потому безъ дальнихъ промедленій предложилъ ему спать. Спать онъ съ охотой согласился, но при укладываньи опять изъявилъ себя церемоннымъ человѣкомъ, ибо долго отказывался отъ подушекъ и одѣяла и долго увѣрялъ, что подушку ему замѣнитъ пальто (все еще мокрое), а вмѣсто одѣяла онъ «легко удовольствуется пиджачкомъ»...

Наконецъ, мы улеглись. Только что пробило три часа. Вьюга по прежнему мела и гудѣла, и завывала въ трубу.

На утро, когда я проснулся, до меня прежде всего донесся опять-таки шумъ вьюги. Погода не утихла. Изъ оконъ полузалѣпленныхъ снѣгомъ лился скудный, сумрачный свѣтъ.

Я взглянулъ на диванъ, гдѣ спалъ Ежиковъ—его тамъ не было. Въ печкѣ съ веселымъ трескомъ горѣли дрова; въ комнатѣ было свѣжо и легко. На столѣ уже кипѣлъ самоваръ. На дворѣ громоздились сугробы, и непроницаемымъ саваномъ кружилась метель.

Не успѣлъ я одѣться, какъ услышалъ изъ передней голосъ Ежикова.

— А? Право, какъ бы-нибудь... Я думаю, можно бы... Право, Архипъ Лукичъ...

— Не мудри,—кратко отозвался угрюмый Архиповъ голосъ.

— Помилуй же, какъ это можно: пріѣхали и будемъ объѣдать... Ты пойми, Лукичъ, нельзя же такъ... Ворвались и будемъ проживаться...

— Не мудри, сдѣлай милость.

— Ахъ какой ты, Лукичъ... Я, право, не знаю... У меня, знаешь... какъ бы тебѣ объяснить... У меня... вѣдь не успѣлъ я въ управу, знаешь...

— Успѣть-то ты успѣлъ!

— Какъ же успѣлъ... Что ты, Лукичъ!

— Успѣть-то ты успѣлъ,—невозмутимо повторилъ Архипъ,—а рóхля ты, вотъ что я тебѣ скажу...

— Чудакъ ты... Ахъ какой ты чудакъ!.. Ты видѣлъ: успѣли которые—получили...

— Ты въ управу ходилъ?—уже съ сердцемъ спросилъ Архипъ.

— Ну, ходилъ...

— Секлетаря видѣлъ?

— Ну что же—видѣлъ!..

— Секлетарь просилъ съ тебя три цѣлковыхъ?

— Ахъ, Лукичъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи:—просилъ?

— Ну, просилъ...

— Просилъ!—передразнилъ Архипъ и съ пренебреженіемъ добавилъ:—ну, рохля ты послѣ этого и есть!

— Ахъ, какъ ты не можешь понять!.. Пойми—нельзя такъ... Нельзя, и я не могъ... Ты какой-то чудной, Архипъ Лукичъ... Какъ же это такъ взятку... Это подло, вѣдь... Это ужасно подло, и я тебѣ сколько разъ говорилъ...

— Ну ладно, ладно—завелъ канитель...—снисходительно перебилъ Ежикова Архипъ.

Они помолчали немного.

— Такъ кàкъ, Лукичъ, право ѣхать бы намъ, а?—опять заговорилъ Ежиковъ.

— Чудакъ ты, пàря, погляжу я... Ты глянь за окно-то, видѣлъ?

— Несетъ немного...

— Несетъ?—Эхъ ты... Ты посмотрика-сь, избу-то видно ихнюю?..

— Что-жъ что избу... По вѣтру бы какъ...

Архипъ помедлилъ отвѣтомъ и, помедливъ, вдругъ воззвалъ, возвышая голосъ:

— Миколаичъ!

— Что?

— Ты въ теплѣ?

— Ну?

— Я въ теплѣ?

— Ну?

— Животъ въ приборѣ? (Подъ «животомъ» Архипъ вѣроятно подразумѣвалъ своего мерена).

— Ну?

— Хозяинъ малый пріятный?

— Ну?

— Ну, и не мудри.

Ежиковъ опять что-то сталъ возражать.

— Мы гдѣ?—опять спросилъ Архипъ.

— Ну, на Грязнушѣ...

— На Грязнушѣ?.. А Лѣски гдѣ?

— Что-жъ, по вѣтру, я думаю...

— Нѣтъ ты мнѣ скажи: Лѣски гдѣ?.. Сколько отъ ихъ верстъ, вотъ что, милый ты человѣкъ, мнѣ скажи...

— Пятнадцать, семнадцать...

— Хватай выше!

— Ну, двадцать, наконецъ...

— Хватай выше!

Наконецъ, помирились на двадцати-двухъ верстахъ.

— Ну, ты и молчи,—наставительно заключилъ Архипъ:— сдѣлай ты милость, помолчи!.. И я тебѣ прямо, Миколаичъ, скажу: вотъ видишь, сижу я на печкѣ, въ теплѣ, а Иванычъ, ихній работникъ, за кулешомъ пошелъ... И нахлѣбаюсь я этого самаго кулешу да опять на печку и залѣзу... И скажи ты мнѣ тогда: «Архипъ! вотъ тебѣ осыпучая деньга—ступай въ Лѣски».. Ну, и какъ ты полагаешь, какой мой отвѣтъ будетъ?.. (Архипъ немного помолчалъ) — А возьму я вотъ этакъ-то, милячекъ ты мой, да на другой бокъ и переналюсь...—(Послышалось нѣкоторое шуршаніе, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ Архипъ повернулся на печи)—вотъ тебѣ весь мой и отвѣтъ!

— Да какъ же, Архипъ, ты не хочешь понять,—умоляющимъ голосомъ возразилъ Серафимъ Николаичъ:—какъ ты не хочешь понять, что намъ придется... даромъ все это!.. Заплатить, знаешь ли надо...

— Что ты толкуешь, толкушка!—вдругъ горячо и убѣжденно воскликнулъ Архипъ;—нешто въ такомъ разѣ берутъ деньги... Чудачина ты... Тутъ—произволеніе!.. Мы не зря какъ... А еще ученый!.. Эхъ!.. Ты прямо такъ и такъ: Миколай, молъ, Василичъ, я ежели простою у васъ какую малость, вы считать ефтаго не могите, потому—планида и все такое...—И съ выраженіемъ полнѣйшаго презрѣнія добавилъ:—а еще учили вашего брата!

Ежиковъ стремительно выбѣжалъ изъ передней. Онъ былъ

сильно взволнованъ. Виски и щеки его пылали румянцемъ, и на лбу мелкими каплями выступилъ потъ.

Мнѣ нѣтъ нужды посвящать читателя въ тѣ переговоры, которые имѣлъ я съ Ежиковымъ по поводу его болѣзненной деликатности. Скажу только, что между нами было рѣшено пріѣхать мнѣ какъ-нибудь въ Лѣски и прогостить у него ровно столько же дней и ночей, сколько пробудетъ у меня онъ... На этомъ компромиссѣ Серафимъ Николаичъ успокоился.

Установивши наши отношенія, мы засѣли за чай. Архипъ, уже успѣвшій нахлебаться кулешу, тоже былъ приглашенъ. Онъ помѣстился у притолки и съ неутомимымъ усердіемъ истреблялъ чашку за чашкою. Но истребляя чай, онъ въ то же время не уставалъ вести разговоры. И я замѣтилъ, что эти разговоры его велись имъ съ ехидной цѣлью: сконфузить, пристыдить учителя и, пожалуй, позабавить меня, выставляя на видъ его особенности, уморительно смѣшныя и странныя, по мнѣнію Архипа. Онъ какъ-бы давалъ мнѣ представленіе. И, само собою, въ представленіи этомъ игралъ роль воплощеннаго благоразумія, неизмѣримаго по своему превосходству надъ «малодушіемъ» Серафима Николаича.

Такъ, между прочимъ, получилось слѣдующее представленіе.

— Миколаичъ!—воскликнулъ Архипъ, съ обычнымъ своимъ угрюмымъ лукавствомъ.

— Что тебѣ, Лукичъ?

— Стосковались, поди!

— Кто?

— А «братья»-то!

Ежиковъ моментально вспыхнулъ.

— Ты, баринъ, поди не знаешь братьевъ-то нашихъ?—обратился ко мнѣ Архипъ.

Я, разумѣется, изъявилъ недоумѣніе. Серафимъ Николаичъ пылко и невнятно запротестовалъ.

— Помолчи, Миколаичъ,—остановилъ его Архипъ и, многозначительно помедливъ, снова обратился ко мнѣ:—...А вотъ, къ примѣру, ежели мнѣ жрать нечего, скотина какая была—подохла, подани стали, и самый я что ни на есть отерханный мужичишка... И ежели я, къ примѣру, изобиженъ кѣмъ, аль опять вздерутъ меня въ волостномъ за какія ни на есть художества... Что, аль сказать?—спросилъ онъ Ежикова, съ уморительнымъ простодушіемъ стягивая къ верху свои лохматыя брови.

— Да полно тебѣ... Ахъ, Лукичъ... Ахъ, да не слушайте его... Онъ ужасный... Онъ ужасно все понимаетъ...

— Ты погоди ужахаться-то... Что, аль, стыдно передъ бариномъ?.. Нѣ-этъ, милачекъ, мнѣ эти «братья»-то вотъ гдѣ сидятъ!—онъ патетическимъ жестомъ указалъ на затылокъ:—«Архипъ, становь самоваръ!.. Архипъ, бѣги за водкой!.. Лукичъ! Лупи съ пальтецомъ къ цѣловальнику... Архипъ Лукичъ! Тащи къ яму часики подъ закладъ... У Ѳомки корова издохла!.. У Макарки кобылу увели... Митрошку за пóдань вписали...» Нѣ-этъ, они, братъ, браты-то эти...

Ежиковъ что-то снова торопливо и возбужденно заговорилъ.

— Остынь,—хладнокровно перебилъ его Архипъ,—остынь, Миколаичъ, не закипай понапрасно... Ты мнѣ вотъ что лучше скажи: ты кто? мужикъ? ай не мужикъ?.. У тебя родители изъ какихъ, а?

Ежиковъ смущенно и молчаливо глоталъ чай.

Архипъ обвелъ его высокомѣрнымъ взглядомъ и снова обратился ко мнѣ.

— Нѣтъ, вы спросите у него...—предложилъ онъ мнѣ и, многозначительно помолчавъ, произнесъ громко и торжественно (не безъ примѣси нѣкоторой гордости):—енаралъ у насъ родитель-тѳ, а родительница что ни на есть самая великатная енаральша!..

Прошло нѣсколько минутъ не совсѣмъ легкаго молчанія. Серафимъ Николаичъ съ упрекомъ поглядѣлъ-было на Архипа, но видя, что тотъ ровно ни малѣйшаго вниманія на него не обращаетъ, въ смущеніи обратился къ своему стакану. Я тоже чувствовалъ нѣкоторую неловкость. Только Архипъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тянулъ свой чай, отдувался и пыхтѣлъ, обливаясь чуть-ли не десятымъ потомъ. Онъ, кажется, даже и не замѣтилъ нашего конфуза.

Рѣчи свои Архипъ до сихъ поръ произносилъ (какъ я уже и сказалъ) съ какимъ-то угрюмымъ и, если можно такъ выразиться, важнымъ лукавствомъ. Но вдругъ онъ неожиданно поставилъ на полъ блюдечко съ чаемъ и разразился самымъ искреннимъ, самымъ подмывающимъ смѣхомъ. Мы тоже не могли не засмѣяться глядя на него и смѣялись съ добрую минуту. Наконецъ, съ трудомъ подавляя шумную веселость свою, Архипъ воскликиулъ:

— Миколаичъ!

Тотъ отозвался.

— Помнишь Миколу-то лѣтняго?

— Ахъ, оставь, оставь, пожалуйста, Лукичъ...—съ ужасомъ вскрикнулъ Ежиковъ и даже вскочилъ со стула. Но на Ар-

хипа это ни мало не подѣйствовало. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что саркастически замѣтилъ ему: «Что, ай не любишь?» и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, продолжалъ:

— Лѣтось на Миколу, сижу я въ избѣ—онъ у меня хватеру-то держитъ—(Архипъ кивнулъ на Серафима Николаича, который порывисто шагалъ по комнатѣ и отъ времени до времени пытался остановить некстати откровеннаго разсказчика)... Ну, сижу я, братецъ ты мой,—только хвать—алешка [1])...—«Господинъ Серафимъ Миколаичъ здѣсь?» спрашиваетъ...—Нѣтъ, нѣту здѣсь господина Серафима, говорю. — «Гдѣ-жъ они?»—Съ ребятишками на леваду пошли.—А ужъ дѣло къ вечеру.—Тебѣ на что, говорю, господина Серафима?—«А мамана ихняя пріѣхамши, енаральша...»—Какъ такъ!.. Я схватился съ коника, бѣжать!.. Бѣгу я, братецъ ты мой, вижу этакъ у задворка карета... Ахъ дуй-те горой!.. Я на леваду... Вбѣжалъ я на леваду и только вижу лежитъ этотъ самый господинъ Серафимъ на брюхѣ и съ ребятками канитель разводитъ...

— Ты чтожъ это, другъ любезный, говорю ему, мать твоя енаральша и все такое, а ты тутъ съ мужицкими ребятишками прохлаждаешься!.. Ты какъ же это, а?.. Ну, нечего сказать, потазалъ [2])-таки я его... Такъ чтожъ ты думаешь?—упирается... Скажи ты, говоритъ, маманѣ, выбылъ, молъ... Есть, говоритъ, такое мое желаніе, маману эту не видать... А?.. Штукарь, тоже... Нѣтъ, говорю, ужъ это ты не привередничай, милячекъ, а ступай-ка Варвара на расправу... Ну, дѣлать ему нечего—пошелъ. Только шелъ, шелъ я за нимъ да на задворокъ и забѣги. Забѣгъ я на задворокъ, глянулъ въ карету—пуста... Я въ избу. Только вошелъ я въ избу, глядь, самая эта его мамана-енаральша... въ родѣ какъ на карачкахъ!.. Алешка мечется вокругъ ей, въ мурло ей чего-то тычетъ, а она только, братецъ ты мой, лапками перебираетъ... Ну, думаю, оказія!..—Ты что—кричу на него (Архипъ опять кивнулъ на Ежикова),—аль ашарашилъ чѣмъ ее?—Промежъ насъ бываетъ это! иной разъ такъ-то сынокъ маменькѣ гвоздя отрубитъ, что любо-два (въ скобкахъ пояснилъ онъ)... Ну, нѣтъ, не видно, чтобъ ошарашилъ: ни шворня чтобъ, ни узды... А такъ, кулакомъ ежели—не способно ему: ишь онъ квелый какой! а мамана эта изъ себя баба хоть куда... Ядреная баба!..—Только малость годя очнулась... Очнулась она, и пошло у нихъ тутъ, я тебѣ скажу... И пошло,

---

[1]) Алешка—лакей. Слово это, кажется, свойственно всей крестьянской Россіи.
[2]) Распекъ.

и пошло!.. Онъ ей слово—она двадцать, онъ-то по нашински, она чортъ-те по каковскому норовитъ... Чесались, чесались... ахъ, пропасти на васъ нѣту!..—Миколаичъ!—воскликнулъ Архипъ послѣ краткаго молчанія и, не получивъ отвѣта, добавилъ:—серчаешь?—ну, пущай!..

— Ну, какой ты, Лукичъ!.. вовсе я не сержусь... Но я не знаю, какъ это... Я, вѣдь, помнишь, просилъ тебя... Это, право, же... да, это не... не...ловко!.. И мнѣ ужасно совѣстно... Вы непремѣнно меня извините, Николай Василичъ—и я не знаю, какой онъ... Это... это ужасная наивность... О, повѣрьте... и вы непремѣнно, непремѣнно, извините меня...

Всю эту тираду Ежиковъ произнесъ съ необычайной горячностью. Нужно замѣтить, что въ его рѣчи были нѣкоторыя слова, на которыя онъ напиралъ съ особенной настойчивостью, повторяя ихъ по нѣскольку разъ къ ряду и безпрестанно возвращаясь къ нимъ.

Пока Ежиковъ говорилъ, Архипъ степенно допилъ свой нѣсколько остывшій чай, а допивъ, съ таковой же степенностью попросилъ новую чашку и затѣмъ уже снова перебилъ Серафима Николаича.

— Нѣтъ, я объ чемъ, Миколаичъ... Скажи мнѣ въ ту пору эта самая твоя мамана: «Архипка! имѣешь ты къ сыну моему заблудящему подверженность?»—Имѣю, молъ. — «Ну, крути ты его, друга любезнаго, возжами и тащи ты его въ карету—есть такое мое намѣреніе къ енаральству его оборотить...»—И взяли бы мы тебя, сокола, съ ейнымъ алешкой подъ микитки...

— Вотъ, слушайте его!—вдругъ разсердился Ежиковъ,—вы не знаете, что такое... Ты не знаешь, что такое «енаральство»... Это вертепъ... Это... это ложь и развратъ... Ахъ, право, какъ это все...—онъ съ тоскою махнулъ рукой и ужъ исключительно обратился ко мнѣ:—видите! вотъ смотрите на него...—Годъ! цѣлый годъ живу съ нимъ... Говорю ему, читаю... И вдругъ является карета и онъ за эту карету мерзкую, за поганые эти гербы... О, вы не повѣрите, какъ это ужасно... Онъ знаетъ меня, знаетъ—не могу я «енаральствовать»... О, онъ знаетъ, что я живу имъ, Архипомъ, что я дышу Ѳомою, Макаромъ... Онъ знаетъ это, но является «енаральша» съ своимъ «алешкой», съ своей каретой, со всѣмъ своимъ подлымъ, чужеяднымъ престижемъ, и онъ готовъ силой водворить меня въ этотъ омутъ... Онъ, видите-ли, готовъ «возжами меня скрутить»... и скрутилъ бы... О, непремѣнно, непремѣнно бы скрутилъ... И вы не знаете, какъ это все ужасно...

— Вѣдь, онъ отъ любви...—возразилъ-было я.

— Ахъ, не это, не это...—съ тоскою воскликнулъ Ежиковъ и мучительно наморщилъ лобъ свой;—о, не это!.. Видите-ли, они... я не знаю... Но, они не понимаютъ... Именно—не понимаютъ... Вотъ что ужасно!.. (Тутъ опустивъ голосъ свой почти до шепота, онъ какъ-бы съ нѣкоторой болью повторилъ: «ужасно, ужасно»...) Я знаю, что «отъ любви»... Я знаю, *любя* онъ желалъ бы моего водворенія въ эту отравленную среду, гдѣ дармоѣдство—доблесть, а трудъ—позоръ... Знаю, ибо среда эта—идеалъ и Архипа, и Ѳомы, и Макара... И вы вдумайтесь въ это слово: *идеалъ* (слово это Ежиковъ произнесъ съ разстановкою)... и затѣмъ съ злобой добавилъ: О, дармоѣдство, возведенное въ кубъ, еще бы не идеалъ!..—Но я не объ этомъ... Но это пустяки... Главное—обойдутся они безъ меня!.. Вотъ что главное... И знаете-ли, это очень жалко... То-есть, вы понимаете, я не о себѣ говорю, я говорю: обойдутся они безъ интеллигенціи-то, и такъ обойдутся, что даже и пустоты-то не восчувствуютъ послѣ нея... Вы говорите: «любятъ»... Но, Боже мой, не любви надо, но нужно непремѣнно, чтобъ цѣнили они... цѣнили-бъ меня, но не любили... Безъ любви я обойдусь... да, я обойдусь безъ любви! (послѣднее Серафимъ Николаичъ повторилъ съ раздражительной настойчивостью и какъ-бы оспаривая кого-то)... Но безъ *цѣны*... Безъ цѣны я не могу жить, ибо она, цѣна эта, есть единственное мое raison d'être... О, единственный raison d'être!

Онъ внезапно замолчалъ и впалъ въ задумчивость, но вскорѣ снова воскликнулъ:

— Главное — обойдутся они безъ меня... Исчезни я изъ Лѣсковъ, и лѣсковцы пожалѣютъ меня, какъ *Миколаича*, но не пожалѣютъ въ немъ ничего, кромѣ «Миколаича»... О, это главное!.. Вы не повѣрите, какъ все это... Да, да, все это ужасно и тяжело... Вы спросите вотъ у него, что я въ деревнѣ?.. Ну, спросите-ка!.. Онъ вамъ и скажетъ: «душевный человѣкъ»...

Архипъ на мгновеніе оторвался отъ блюдечка съ чаемъ и насмѣшливо скривилъ лицо. Но Ежиковъ ничего не замѣчалъ: засунувъ руку за бортъ своего пиджачка, онъ другою съ нервическимъ безпокойствомъ пощипывалъ свою бородку и то присаживался на кончикъ стула, то нетерпѣливо вскакивалъ съ него и быстрыми шагами мѣрилъ комнату. Взглядъ его глубокихъ глазъ былъ тусклъ и разсѣянъ. И казалось, не на васъ онъ былъ устремленъ, а куда-то внутрь, гдѣ съ мучительнымъ упорствомъ слѣдилъ за развитіемъ какой-то тяжелой мысли.

Вьюга съ неутомимымъ постоянствомъ била въ окна, металась и шумѣла. Сугробы видимо возвышались. Самоваръ едва замѣтно звенѣлъ однообразнымъ, надоскучнымъ звономъ.

— О, поймите же,—продолжалъ Ежиковъ,—что мнѣ вовсе, совсѣмъ, не нужно это милое качество «душевнаго человѣка»... Что такое «душевный человѣкъ»?—Тряпка вашъ душевный человѣкъ... Ну, да, тряпка!.. Но допустимъ—я тряпка... пускай такъ... Это онъ вѣрно насчетъ «пальтеца»-то сказалъ, и этого бы по настоящему дѣлать не слѣдовало... Но есть же во мнѣ что-нибудь, кромѣ-то тряпки? Есть же!.. и притомъ нѣчто неизмѣримо важнѣйшее, чѣмъ всѣ мои тряпичныя свойства... О, неизмѣримо важнѣйшее!.. Деревня бѣдна, да?.. Голодуха, дифтеритъ и проч., и проч... О, да, деревня очень бѣдна!.. И это ужасно важно, необыкновенно важно... Да, важно. Но видите ли, тутъ возникаетъ вопросъ, что́ важнѣй—то ли, что у Макарки хлѣба нѣтъ, или Макаркина вѣра, что солнце «въ лунки» [1]) на ночь прячется, и что власть какая-то миѳическая завтра землю передѣлитъ, и къ нему, Макаркѣ, барскій яровой клинъ отойдетъ (можетъ быть, «завтра», а можетъ быть и не завтра, а черезъ недѣлю, черезъ годъ, черезъ десять, лѣтъ наконецъ!—въ скобкахъ замѣтилъ Ежиковъ,—и эту неопредѣленность времени, вы замѣтьте... Вы не забудьте, что мнѣ *не зачѣмъ* навозить мой десятинный надѣлъ, ибо завтра, сегодня даже, къ моимъ услугамъ цѣлый барскій «клинъ»... О, вы это замѣтьте и не забудьте!) Итакъ, что важнѣе?.. Человѣкъ-тряпка — (они называютъ это «душевный человѣкъ»)—заложитъ «пальтецо» и накормитъ Макарку, а Макарка набьетъ брюхо да опять насчетъ «лунокъ» мечтать примется... О, я знаю, что я подлость говорю, презирая Макаркино брюхо... Вы простите и извините меня... Непремѣнно извините... Но все это вздоръ... Вы понимаете меня?—О, конечно, понимаете!.. Макаркино брюхо очень важно, чрезвычайно важно... Но съ другой стороны оно — галиматья... Или не такъ: оно важно, видите, но въ сравненіи съ «лунками» оно ничтожно... Именно, ничтожно. — Ну, вотъ теперь и скажите. «Душевный человѣкъ» — будемъ называть, какъ *они* — кромѣ того, что Макарку накормитъ, положимъ, имѣетъ еще цѣлый запасъ всяческихъ знаній, для деревни просто драгоцѣнныхъ: и объ «лункахъ» и... о прочемъ. Все, до чего додумалась наука по части «лунокъ», все, что́ выработали самыя здравыя человѣческія отношенія (это по части барскаго ярового клина)

[1]) Ямки.

—онъ предлагаетъ деревнѣ... И не думайте, чтобы деревня пренебрегала этимъ запасомъ... О, нѣтъ, иначе я бы не жилъ... Но, Боже мой—въ концѣ-концовъ Макаркина сытость (временная, замѣтьте, — ибо «пальтецо» у меня одно) составляетъ мое реноме, а мнѣнія всѣхъ этихъ Коперниковъ, Галилеевъ и Ньютоновъ насчетъ «лунокъ»... О, за эти мнѣнія я прослываю «блаженнымъ», или нѣтъ, виноватъ, мужички благодушны... не «блаженнымъ», а блаженненькимъ» — (Серафимъ Николаичъ желчно разсмѣялся). — Знаете ли, какъ я думалъ о нихъ, объ ихъ бѣднотѣ... О, я не знаю... Я ночей не спалъ... Ахъ, помните «Мцыри» («юнкерскаго поэта»,—замѣтилъ онъ въ скобкахъ и опять желчно засмѣялся).

...Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской...
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу...

— Но это все вздоръ!—внезапно заключилъ онъ и внезапно же вспыхнулъ до корня волосъ,—и это не важно...—И вообразите! —съ новой силой воскликнулъ онъ, увлекаясь своею мыслью— все, къ чему я готовился, все, чѣмъ я запасался съ неутомимымъ рвеніемъ, все для чего я бросилъ гимназію съ ея Кикеронами, и Саллюстіями (у насъ почему-то произносили не Цицеронъ, а Кикеронъ), съ ея ранжиромъ и тупоумнѣйшимъ фарисействомъ—все это оказалось совершенно ненужнымъ... Всѣ эти тамъ физики, астрономіи, всѣ эти—замѣтьте *элементарныя*—понятія о Богѣ, о правдѣ, о свободѣ, все это, повторяю, оказалось самымъ чистосердечнѣйшимъ балластомъ... Впрочемъ, я ужъ говорилъ это... Знаете ли—я повторяюсь... Но это вздоръ и вы простите...—Ну, и что же? Ну, и не будь во мнѣ тряпичныхъ свойствъ (замѣтьте: чисто природныхъ), не таись во мнѣ качествъ душевнаго человѣка, и не сопровождайся эти качества ежемѣсячнымъ двѣнадцати-рублевымъ бюджетомъ (это въ морѣ-то, — что я говорю!—въ безднѣ-то народныхъ нуждъ...) деревня даже не узнала бы: другъ ли я ей, врагъ ли...—И вотъ, смотрите теперь: первѣйшій мой благопріятель, Архипъ Лукичъ, водворивъ меня посредствомъ возжей въ «енаральство», когда-нибудь за косушкой пожалѣлъ бы обо мнѣ, о «господинѣ Серафимѣ», (о, непремѣнно бы пожалѣлъ!), но никогда бы и не вспомнилъ о томъ запасѣ знанія, который исчезъ изъ деревни вмѣстѣ съ исчезновеніемъ господина Серафима... Знаете ли, это что-то такое... такое нелѣпое и такое даже ужасное, что я не знаю...

не знаю... Простите—я повторяюсь... Но... и извините, пожалуйста...

Ежиковъ вдругъ смутился и, какъ провинившійся школьникъ, опустился на стулъ.

Архипъ все время преспокойно тянулъ чай (Боже, сколько онъ опорожнилъ чашекъ!), отдувался и отиралъ платкомъ потъ, изрѣдка насмѣшливо покачивая своей огненно-рыжей головою. Послѣ того, какъ Серафимъ Николаичъ умолкъ, онъ шумно и наскоро высосалъ послѣднюю каплю чая съ блюдечка и произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— На счетъ луновъ—это онъ вѣрно. Народъ глупъ. Народъ сказываетъ, что за моремъ лунки накопаны, одна подлѣ другой, и на закатѣ и на восходѣ... Вотъ въ эти лунки солнце и хоронится на ночь. Знамо, брешутъ!

— Это вѣрно, что брешутъ—согласился я,—какъ же солнце можетъ прятаться въ лунки, коли оно на утро совсѣмъ съ другой стороны выходитъ?

— А ужъ это планида!—развелъ руками Архипъ.

— Что за слово такое!—съ негодованіемъ вскрикнулъ Ежиковъ и, какъ ужаленный, вскочилъ со стула, — ну, что это за планида, скажи, сдѣлай милость!

— Вона! извѣстно что—произволеніе!

На этотъ разъ развелъ руками Ежиковъ.

— Вы вѣдь что думаете,—обратился онъ ко мнѣ,—вѣдь онъ говоритъ теперь: «народъ глупъ»,—но знаете ли, я положительно увѣренъ, что самъ онъ въ эти «лунки» вѣритъ и ничѣмъ вы его съ нихъ не собьете... О, ни за что не собьете!.. И это, знаете, просто ужасно... Ужасно!..—Онъ опять скорыми и частыми шажками заходилъ по комнатѣ и порывисто задергалъ свою бородку.

Архипъ не сразу отвѣтилъ. Онъ сначала всталъ, степенно помолился, поблагодарилъ «за чай, за сахаръ» и, ужъ выходя изъ комнаты, небрежно проронилъ:

— Ужъ какъ ты тамъ хошь, Миколаичъ, а землѣ тоже вертѣться не приходится. Это ужъ прямо надо сказать. Это вѣдь, пàря, не веретено!..

Впрочемъ, Архипъ не придавалъ, повидимому, особаго значенія солнечной системѣ, ибо разговоръ о ней поддерживалъ вяло. Далеко не съ такимъ интересомъ, какъ вопросъ о «братьяхъ» и «енаральствѣ».

— Видите, видите!—возмущался Серафимъ Николаевичъ не-

уваженіемъ Архипа къ авторитету «Коперниковъ, Галилеевъ и Ньютоновъ».

По уходѣ Архипа и послѣ того, какъ Ежиковъ почти совершенно уже успокоился, я полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ же видитъ онъ raison d'être своего проживанія въ деревнѣ, если деревня эта остается совершенно чужда ему, какъ вмѣстилищу «драгоцѣнныхъ знаній».

— Какъ бы вамъ сказать..,—отвѣтилъ онъ,—какъ ни грустно признаться, но только роль капли долбящей камень даетъ мнѣ миръ съ моею совѣстью... Только роль капли. О, это не романтично, знаете, и отъ этой капли до бѣлой лошади красавца Лафайета и до красивыхъ шелковыхъ знаменъ очень далеко, но видите ли, вся суть-то пока въ этомъ... О, слова нѣтъ, это тяжело, ужасно тяжело, но это и единственный путь нашъ... И, знаете ли, у этого сухаго и какъ-бы невыразимо прозаичнаго пути есть своя подкладка, которая пожалуй что и любому поэту дала бы богатую тэму!.. (Ежиковъ оживился и заблестѣлъ)... Помирить народъ съ «дѣтьми бича», расширить его мысль, просвѣтить его разумъ, и, главное, снять повязку съ его глазъ, научить его различать враговъ отъ друзей своихъ... о, это, знаете ли, такая задача, такая... И задачу эту, именно, намъ, интеллигенціи, необходимо, неизбѣжно надо выполнить... И необходимо отъучить народъ судить о насъ либо какъ о барахъ, либо—о блаженныхъ шутахъ какихъ-то, о какихъ-то нѣмцахъ съ русской рѣчью—вотъ что необыкновенно важно!.. И этотъ путь—единственный путь нашъ... Это медленный путь, вы скажете?—О, несомѣнно медленный, я знаю, и это ужасно, но все-таки неизбѣжно... Я погорячился недавно и наговорилъ о *нихъ* много злыхъ вещей... Это, видите, опять-таки нельзя иначе,—это, знаете ли, плоть и кровь во мнѣ говоритъ, но не разумъ... О, нисколько не разумъ!.. Когда я злюсь на *нихъ*—во мнѣ говоритъ романтикъ, который скучаетъ иногда безъ шума развѣваемыхъ по вѣтру знаменъ и безъ видимаго разгрома враждебныхъ бастіоновъ... И это не важно... Пусть... пусть я не вижу слѣдовъ копотливой работы... И не увижу... Разумъ и совѣсть мои говорятъ мнѣ: да, капля долбитъ камень... И я долблю... И вы замѣчайте прогрессъ: нынче меня, какъ колебателя основъ, мужики крутятъ возжами и преподносятъ господину становому приставу (и не подумайте за что-либо «важное» крутятъ, о, нѣтъ,—просто за «лунки»... и скручиваніе за «лунки»-то я именно и подразумѣваю), а завтра уже не крутятъ, а зовутъ «блаженнымъ», послѣ завтра еще уступка—меня величаютъ «блаженненькимъ»... И придетъ день... О, не-

премѣнно придетъ! — (восторженно воскликнулъ Серафимъ Николаичъ)—и народъ сердцемъ своимъ широкимъ полюбитъ «кающагося дворянина». И полюбитъ не за «душевность» его — этакъ-то онъ иногда и помѣщиковъ своихъ любилъ и отъ этого избави Боже, — а именно за знаніе и за честность... За честность полюбитъ, и это главное!

Ежиковъ замолчалъ и долго разсматривалъ своими близорукими глазами пробу чайной ложечки, но вдругъ порывисто бросилъ эту ложечку и снова заговорилъ:

— Да и куда идти намъ, если не въ деревню?.. Чѣмъ лѣчить намъ нашу «больную совѣсть»—ибо, что ни говори, а совѣсть-то у насъ больная... Я не знаю, знаете ли... Ужели гнѣздышки сооружать, на подобіе Молотова? Или въ лямку къ кулаку идти — къ желѣзно-дорожнику, фабриканту, крупному землевладѣльцу?.. И я даже недоумѣваю... служить ли вы насъ по акцизу пошлете или толочь воду въ качествѣ «господина товарища прокурора?».. Или не земцемъ ли, скажете, подвизаться? (Ежиковъ иронически скривилъ губы)... на побѣгушкахъ у его превосходительства. Да и помимо побѣгушекъ — случалось ли вамъ бывать въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Случалось?—ну, не казалось ли вамъ, что собранія эти подобны столпотворенію вавилонскому: дворяне по-англійски «чешутъ» (какъ говоритъ Архипъ), купцы — по-китайскому, а мужики въ свою очередь по-зеландски норовятъ... Впрочемъ, мужички-то большею частью знаки вопрошенія изображаютъ... — Ну, да, такъ вотъ видите, и земцемъ какъ-то какъ будто совѣстно... О, я не говорю... я не гоню такъ-таки непремѣнно всѣхъ въ деревню... я только увѣряю, что нужнѣе-то всего мы именно въ деревнѣ, и тамъ, только тамъ, наше настоящее мѣсто! То-есть, оно видите, ступай, пожалуй, и въ земцы, но ужъ не ломай изъ себя Гамбеттъ микроскопическихъ, а смирись и приникни къ самой черной, къ самой, что ни на есть, низменной землѣ, и тогда, пожалуй, будетъ благо...

— А наука?—вставилъ я.

— Наука? — Иди, пожалуй, и науку воздѣлывать — хотя, знаете, и сомнительно, чтобъ на этомъ поприщѣ графъ Дмитрій Андреичъ тебѣ крылышки не подрѣзалъ...

— Все это такъ, милѣйшій Серафимъ Николаичъ, — возразилъ я, — и ваша подъяремная работа «капли» дѣйствительно заслуживаетъ всяческаго уваженія, но вотъ вопросъ: урядники-то?

— Что-жъ, урядники,—задумчиво произнесъ Ежиковъ,—вѣдь ежели по совѣсти-то говорить, основъ-то мы не колеблемъ... А

потому я, знаете ли, думаю: что-жъ, урядники...—Онъ замолчалъ и поникнулъ головою, но вдругъ взглянулъ на меня и разсмѣялся:—а ко мнѣ ужъ навѣдывался, знаете, какой-то отставной юнкеръ Палкинъ—сказалъ онъ—и даже Милля у меня проштудировалъ!.. Прямо такъ-таки во всей сбруѣ вломился и первымъ долгомъ за Милля... Боже, какихъ трудовъ стоило ему выговорить «*У-ти-ли-та-рiа-низмъ*»!

— Ну, и что-же?

— Заподозрилъ!—смѣясь, отвѣтилъ Ежиковъ.

— Ну, и подлежащимъ порядкомъ?

— О, да: къ господину становому приставу.

— А господинъ становой приставъ?

— Къ господину начальнику уѣзда.

— А господинъ начальникъ уѣзда?

— Оказался знающимъ грамоту.

— Стало быть, «ослобонили» Милля?

— О, нѣтъ—отобрали.

— Какъ же это?—удивился я.

— Нашли, видите, неумѣстнымъ сочиненiе «господина Милля» въ библiотекѣ сельскаго учителя и порекомендовали «вмѣсто неумѣстныхъ господъ Миллей» поревностнѣй штудировать «Золотую грамату» господина Ливанова.

— Какъ, эту... «Золотую грамату»?

— Эту... «Золотую грамату».

— Ну, а Палкину что?

— Ему за усердiе, знаете, три рубля..., — впрочемъ, безъ пропечатанiя въ губернскихъ вѣдомостяхъ. — Но, видите, надо оправдать ихъ—голое невѣжество, знаете... и притомъ ужасно изломаны они... О, ужасно изломаны! Впрочемъ, Палкинъ исчезъ-таки. Вздумалъ онъ, знаете, на престольномъ праздникѣ «уставъ о предупрежденiи и пресѣченiи» пропагандировать, ну, и само собою, во всеоружiи: съ шашкой и револьверомъ. Ну и, разумѣется, сломалъ голову.

— Тоже «безъ пропечатанiя»?—засмѣялся я.

— О, да, разумѣется!.. И вообразите, только «отставленъ»!.. Ну, что толковать объ этой мерзости!—все это, знаете, и смѣшно, и возмутительно... — Серафимъ Николаичъ съ пренебреженiемъ махнулъ рукой.

Но спустя четверть часа онъ снова возвратился къ этой тэмѣ и на этотъ разъ уже не съ смѣхомъ, а съ сокрушенiемъ.

— Да, это чрезвычайно важно,—сказалъ онъ,—и знаете ли, какая великая, непростительная ошибка будетъ все это...

— Что?—спросилъ я, не совсѣмъ понявъ Ежикова.

— Все это...,—разсѣянно отвѣтилъ онъ.—О, я не знаю, но сколько муки и горя натворитъ все *это*... Заслонить деревню отъ струи, которая въ сущности-то и неудержима, оградить деревню отъ простыхъ, добросовѣстныхъ работниковъ, о, это великая ошибка!.. И, знаете ли, куда бросится эта стремительная «живая» струя, если загородить ей доступъ въ деревню, если не дать ей возможности сослужить немудрую службу въ деревнѣ, службу въ качествѣ піонеровъ цивилизаціи, настоящей неподдѣльной цивилизаціи, и во всякомъ случаѣ не той, про которую говорилъ Потугинъ... О, я не знаю, но я мучительно чувствую эту новую дорогу... Мракъ и кровь, гибель и мука... Ужасно, ужасно!.. И что всего хуже—вѣдь и некуда больше... По совѣсти, некуда!.. Знаете, сказка есть такая, самая простая, мужицкая сказка... И вотъ, въ сказкѣ-то этой ѣдетъ по дорогѣ богатырь... Ѣдетъ онъ, видите ли, и достигаетъ перекрестка. На перекресткѣ столбъ и надпись: «Поѣдешь на право: тебѣ смерть, поѣдешь на лѣво—коню смерть»... А въ конѣ-то, между прочимъ, и вся суть!.. Такъ, знаете ли, вотъ, на подобіе богатыря этого, мнѣ и поколѣніе наше представляется...

Онъ оперся пылающимъ лбомъ на руку и съ печалью задумался.

— И вотъ еще вы замѣтьте, — вдругъ прервалъ онъ молчаніе и снова съ какой-то злобою разсмѣялся, — курьёзъ, замѣтьте: цѣлое поколѣніе насильно подѣлать романтиками, насильно поставить идеаломъ этому поколѣнію апоѳеозъ «марсельезы» (есть такая картинка романтика Дорэ), вытравлять урядникомъ скромный и сѣренькій идеалъ «капли, долбящей камень» — чѣмъ не курьёзъ и чѣмъ не смѣхъ... О, я не знаю, какъ все это...—Онъ внезапно остановился, помолчалъ и уже въ совершенно иномъ, бодромъ тонѣ добавилъ:—но будемъ надѣяться и не покладать рукъ!

— Будемъ долбить камень?—сказалъ я.

— Будемъ долбить камень, пока намъ позволятъ, — твердо отвѣтилъ Серафимъ Николаичъ.

— А не позволятъ?

— Тогда... тогда разобьемъ головы наши объ этотъ камень.

— Ради того, что съ Архипомъ спорить объ «лункахъ» стало невозможнымъ?

— Ради того *внутри* и ради «конечныхъ» идеаловъ снаружи.

— На что-же двойственность-то, это я не пойму?

— О, нѣтъ двойственности! Совсѣмъ нѣтъ... Но, видите ли, это *я* вамъ говорю такъ ясно и такъ... Ну, правдиво. Большинство этого вамъ не скажетъ... О, ни за что не скажетъ!.. Большинство поставитъ вамъ такую вѣху, до которой, пожалуй, что и въ тысячу лѣтъ не доберешься. Оно дорого цѣнитъ свои головы, и это понятно, — но въ душѣ, но сердцемъ своимъ, «нутромъ», какъ выразился бы Архипъ, — именно, о «лункахъ» оно только и хлопочетъ... И ничѣмъ вы меня не разувѣрите въ противномъ... О, ничѣмъ не разувѣрите!

Я допустилъ нескромность, спросилъ у Серафима Николаича, что, если его-то лично «вытравятъ» изъ деревни... Онъ долго не отвѣчалъ и, казалось, колебался, но когда отвѣтилъ, былъ блѣденъ и какъ-бы сконфуженъ тѣмъ, что̀ говорилъ. Вотъ, что̀ онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Видите ли, я не знаю... Чрезвычайно трудно, знаете ли... И я никогда не думалъ объ этомъ... О, никогда не думалъ!.. Но если... Если, вы думаете, будетъ это, я, мнѣ кажется... Не знаю, но я разбилъ бы себѣ черепъ... И вы не думайте (онъ подхватилъ это очень живо), и вы не подумайте, что я правъ... О, конечно, не правъ... Но знаете ли... я ужасно... ужасно... не люблю романтизма!

— Но вы сами романтикъ! — воскликнулъ я.

— О, да, это мнѣ многіе говорятъ... — застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ Ежиковъ, вспыхивая подобно не въ мѣру цѣломудренной невѣстѣ.

Мы въ тотъ день обѣдали, еще и еще пили чай, толковали о томъ о семъ и между прочимъ о литературѣ. Взгляды Ежикова на литературу были не безъ оригинальности. Ко всему въ литературномъ мірѣ онъ относился, памятуя деревенскіе интересы. Правда, интересы эти заставляли его иногда дѣлать и ошибки, и даже несправедливости. Это особенно случалось, когда онъ не могъ найти прямой и непосредственной связи извѣстнаго литературнаго произведенія съ деревней и ея интересами. Такъ, напримѣръ, не одобрялъ онъ антологію и, несмотря на присутствіе несомнѣнной эстетической жилки, не находилъ капли хорошаго въ Щербинѣ. Любимѣйшими его поэтами были Кольцовъ и Некрасовъ (впрочемъ, онъ не называлъ ихъ «лучшими» поэтами, а величалъ «симпатичнѣйшими»). Пушкина за Онѣгина, Капитанскую дочку и многія мелкія пьесы онъ боготворилъ, но пренебрежительно отзывался о его сказкахъ и называлъ красивой побрякушкой и «Цыганъ», и «Полтаву». Вообще, все то, въ чемъ цѣлостно отражался духъ народный, онъ почиталъ высоко.

Въ этомъ у него даже замѣчалось что-то какъ будто и славянофильское. Такъ, декламируя пьесу Пушкина «Зимній вечеръ» и до умиленія восторгаясь первыми двумя строфами, а особенно этимъ мѣстомъ:

...Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Онъ чрезвычайно смѣшно и пылко вознегодовалъ на послѣднія строфы пьесы и упорно доказывалъ, что выраженіе поэта:

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же *кружка?*

не свойственно народу русскому. «Это мѣсто пьесы—толковалъ онъ—прямо переноситъ меня куда-нибудь на берегъ Нѣмецкаго моря или въ Норвегію какую... Какъ выговоришь «гдѣ же кружка»? сейчасъ тебѣ пиво мерещится, а за пивомъ колбаса или ячменная лепешка»...

Иностранную литературу онъ понималъ и цѣнилъ, но какъ-то холодно, и только къ Шекспиру да Гётеву «Гёцу» питалъ большую склонность. Байрона ненавидѣлъ, не любилъ Гюго да и вообще французовъ, помимо Беранже, но высоко ставилъ Ауэрбаха и Бретъ-Гарта. Особенно Ауэрбаховскіе деревенскіе разсказы да первую половину романа «На высотѣ» любилъ онъ. Мнѣ кажется, то свѣжее и здоровое міросозерцаніе, которое разлито и въ лучшихъ вещахъ Ауэрбаха и въ разсказахъ Бретъ-Гарта, особенно привлекало Ежикова. Вѣроятно, по этой же причинѣ восхищался онъ скучнѣйшимъ романомъ Шпильгагена «Нѣмецкіе піонеры». Самая натура, какъ мнѣ казалось, тянула его къ свѣту и здоровью; все больное въ мысли и даже все мрачное, все пессимистическое просто какъ-бы пугало его, и онъ съ какимъ-то ужасомъ отъ всего этого отмахивался руками. Вслѣдствіе этой-то врожденной склонности своей, о многихъ произведеніяхъ литературы онъ не могъ говорить равнодушно, а говорилъ съ искренней злобой и даже дрожаніемъ въ голосѣ. Такое негодованіе возбуждали, напримѣръ, въ немъ произведенія извѣстнаго беллетриста-психіатра.—«Онъ, злодѣй, жилы изъ себя тянетъ,—говорилъ про него Ежиковъ,—съ медленнымъ наслажденіемъ наматываетъ ихъ на руку, да и разглядываетъ въ ми-

кроскопъ... Извольте-ка сопутствовать ему въ этой работѣ!»— Безъ нервной дрожи не читалъ онъ и Байроновской «Тьмы» и Эдгара Поэ такъ просто проклипалъ.

По философіи взгляды его были не особенно опредѣленны. Несомнѣнно, впрочемъ, то, что онъ не совсѣмъ сочувствовалъ позитивистамъ; мнѣ даже казалось иногда, что онъ не прочь и отъ Гартмана, но во всякомъ случаѣ, безъ Гартмановскихъ мрачныхъ выводовъ. Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, что по части философіи въ немъ была-таки путаница. Мнѣ думается даже, что и воззрѣнія деревни не остались безъ воздѣйствія на его философское міровоззрѣніе. Недаромъ, извѣстное переложеніе Пушкинымъ молитвы великопостной («Отцы-пустынники и жены непорочны») вызывало въ немъ какое-то, пожалуй даже, и наивное восхищеніе, и я увѣренъ, не одно только эстетическое наслажденіе заставляло проникаться его голосъ умилительной теплотою, когда онъ декламировалъ:

... Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи...

Вообще, въ немъ ничто не напоминало «нигилиста». Ни сапоги выше Шекспира, ни лягушку выше Пушкина онъ не ставилъ. Всему онъ отводилъ свое мѣсто: и Пушкину, и лягушкѣ, и Шекспиру, и сапогамъ. И даже мало, что Пушкину, онъ даже Фету удѣлялъ почетное мѣсто (а это ли не ересь!), и если былъ къ нему равнодушенъ, то только за космополитизмъ, который онъ опять-таки, вопреки Базарову, терпѣть не могъ.—«Сердцемъ я его не переношу,—жалился онъ мнѣ,—и это очень очень жаль, ибо послѣднее-то слово все-таки «космополитизмъ»!

Мало того — Фета не отрицалъ, онъ даже шелъ дальше... Онъ не отрицалъ, а любилъ и опять-таки удѣлялъ почетное мѣсто пейзажу—просто голому, безтенденціозному пейзажу съ полемъ на первомъ планѣ, съ ивой и озеромъ на второмъ. Онъ еще дальше шелъ: онъ восторгался «Діаной» Гудона, хотя и охуждалъ въ ней нѣкоторую аппетитность. (Впрочемъ, восторгался онъ въ статуѣ собственно не античной богиней, Діаной, а красотой безъ отношенія ко времени).

Но давая всему этому свое особое мѣсто, онъ въ то же время говорилъ: *этимъ* не время заниматься, *это* для насъ роскошь и

баловство, *это* отвлекаетъ отъ дѣла и т. д. Въ этомъ замѣчалась сознательная суровость къ себѣ, къ своимъ инстинктамъ цивилизованнаго человѣка, но отнюдь не отрицаніе и не злоба. Такъ, онъ съ какимъ-то комическимъ сокрушеніемъ признавался мнѣ, что не можетъ разстаться съ Пушкинымъ и продать копію съ пейзажа Мещерскаго; «хотя часто и часто слѣдовало бы продать»—добавлялъ онъ.

Вьюга во весь день не утихала. Сугробы до такой степени возвысились подъ окнами, что вечеромъ оказалось невозможнымъ закрыть ставни.

Вечеромъ разговоръ у насъ съ Ежиковымъ не возобновлялся. Онъ разыскалъ въ моей скудной библіотечкѣ какую-то, еще не читанную имъ, книгу и не отрывался отъ нея часовъ до четырехъ ночи, читая даже въ постели.

На утро я проснулся въ обычное время, но къ удивленію моему въ комнатѣ было еще темно. Я укрылся поплотнѣе и уже вознамѣривался снова заснуть, какъ вдругъ часы нежданно и и негаданно пробили восемь. Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на карманные: и на нихъ стрѣлка близилась къ восьми.

Въ комнатѣ царила какая-то подозрительная тишина. Эта тишина угнетала. Только въ трубѣ едва слышно гудѣла вьюга. Я оглядѣлся. Въ одно изъ оконъ проникала узкая полоса свѣта. По мѣрѣ того, какъ глаза мои привыкали къ полумраку—дѣло объяснялось. Насъ замело снѣгомъ! Снѣгъ голубоватой массой прилегъ къ стекламъ, не пропуская въ комнату ни шума вьюги, ни свѣта. Какъ я уже и сказалъ, только въ одно окно, какъ-бы украдкой, проникалъ день. Я подошелъ къ этому окну и долго, съ напряженіемъ, вглядывался въ кусочекъ стекла, не занесенный снѣгомъ: за этимъ стекломъ крутилась и вилась непроницаемая метель. Какое-то жуткое чувство обнимало меня, комната казалась мнѣ склепомъ. Мнѣ казалось, что еще мгновеніе, и я задохнусь въ этомъ склепѣ. Грудь моя какъ-то ныла и болѣла тоскующей болью. Среди глубокой тишины, прерываемой только безмятежнымъ дыханіемъ спящаго Ежикова, часы какъ-то особенно твердо и сухо отчеканивали тактъ.

И я вздохнулъ съ радостью, когда въ сѣняхъ послышался какой-то стукъ, и раздались голоса Архипа и Семена. Я наскоро одѣлся и вышелъ къ нимъ.

«Ну, оказія!» — встрѣтилъ меня Архипъ, а Семенъ немедленно подтвердилъ со вздохомъ: «Ужъ точно, что оказія».

Къ счастью, дверь на крыльцо отворялась внутрь. Когда мы отворили ее, передъ нами оказалась гладкая снѣжная стѣна.

Въ верхъ этой стѣны ударили лопатой: мягкая глыба грузно упала внизъ и разбилась мельчайшею пылью. Послѣ нѣсколькихъ такихъ ударовъ на насъ хлынулъ свѣтъ, и до слуха нашего донесся гулъ погоды. Снѣгъ, заслонявшій дверь намъ, стоявшимъ въ полумракѣ сѣней, казался голубымъ.

Черезъ часъ сообщеніе съ избою было возобновлено, и отъ оконъ отрыты сугробы; въ печахъ затрещали дрова, и ярко-мѣдный самоваръ весело заклокоталъ на столѣ.

Ежиковъ все еще спалъ. Такъ какъ о поѣздкѣ въ Лѣски нечего было и думать, ибо погода несла, кажется, еще пуще, чѣмъ вчера, — я и не сталъ будить его. Стали мы пить чай вдвоемъ съ Архипомъ.

— Ну, что Архипъ,—сказалъ я, желая навести разговоръ на вчерашнюю тэму,—какъ «браты-то» ждутъ васъ?

Архипъ усмѣхнулся, но къ удивленію моему, ироническаго отношенія къ учителю на этотъ разъ не выказалъ.

— Человѣкъ-душа,—сказалъ онъ,—миляга-парень!.. Небось, намъ не нажить такого, шалишь... Это такой... онъ, братъ, послѣднюю рубаху радъ съ себя спустить—абы на пользу.

— Ну, и любятъ его въ Лѣскахъ?—спросилъ я.

— Съ чего не любить, — любятъ. Только извѣстно, какой нашъ народъ,—народъ оголтѣлый. Гдѣ бы пожалѣть человѣка, а у насъ этого нѣту. У насъ этого нѣтъ, чтобъ по совѣсти. У насъ всякій норовитъ рубаху снять. Народъ безсовѣстный.

Мы нѣкоторое время пили чай въ молчаніи.

— Вотъ ономнясь было,—вымолвилъ Архипъ.—Есть у насъ мужикъ Вавилка. Вавилка Балабонъ. Ну, и помри, значитъ, у этого у Вавилки баба. Ну, чего тутъ толковать еще?—Померла, и шабашъ. Анъ-нѣтъ. То-то народъ-то у насъ, говорю, безсовѣстный. Пришелъ Вавилка къ Миколаичу, сидитъ да ноетъ. Миколаичъ книжку читаетъ, а онъ ноетъ! Ужъ онъ нылъ, нылъ... ахъ, пропасти на тебя нѣту... Ну, и что-жъ ты думаешь? Ничего этотъ Вавилка не проситъ, а только объ коровѣ... Ноетъ объ коровѣ, и шабашъ! Осталась отъ бабы-то дѣвчонка, отъ грудей, значитъ, ну, а коровы у Вавилки нѣту... Фу, будь ты проклятъ!.. Ну, нылъ онъ такъ-то, нылъ,—Миколаичъ взялъ часики да къ Архаилу (кабатчикъ)...—Архипъ помолчалъ и затѣмъ съ негодованіемъ воскликнулъ:—чтожъ ты думаешь, вѣдь купилъ Вавилѣ корову!

Онъ опять немного помолчалъ и, помолчавъ, съ жалостью добавилъ: «такъ и страдаетъ теперь безъ часиковъ».

— Вотъ на счетъ земли еще!—внезапно вспомнилъ Архипъ.

— Какой земли?

— А Куляевской. У Куляева у барина земля въ сдачу ходила. Ну и ходила она, братъ ты мой, въ разбродъ, въ рóзницу; все въ рóзницу ходила. Только, значитъ, Миколаичъ и говоритъ старикамъ: — «Старики, говоритъ, берите вы Куляевскую землю, чтобъ сообща, — я какъ ни-то обстараюсь».—Ну, порѣшили взять сообща. У Миколаича съ Куляевымъ бариномъ дружба, онъ и обстарался. Страсть хлопоталъ!..—Ну, сняли. Хорошо. И только, братъ ты мой, первый годъ посѣяли мы всѣмъ міромъ, въ одну запашку, какъ на барина, бывало, сѣвали. Посѣяли всѣмъ міромъ, все какъ слѣдъ, по совѣсти... Миколаичъ земли подъ ногами не чуетъ—радъ!.. Ну, только,—сказано народъ безсовѣстный,—какъ пришли, значитъ, подушныя Архаилка выкатилъ, выходитъ, десять ведеръ да зáдалъ деньгами, ему и отошла Куляевская земля.

— Какъ отошла?

— А такъ: права передали.

— Стало быть, изъ подушныхъ ужъ онъ васъ выручилъ?

— Изъ подушныхъ выручилъ, какъ же!

Архипъ опять немного помолчалъ, а затѣмъ продолжалъ:

— То-то народъ-то безсовѣстный. Миколаичъ что?—Миколаичъ человѣкъ расейскій. Онъ какъ хлопоталъ, а они замѣстъ того... Архаилу!

— Да вѣдь нельзя было иначе?

— Это насчетъ подушныхъ?

— Да.

Архипъ глубокомысленно подумалъ и, подумавши, отвѣчалъ:

— Можно бы. Можно бы такъ: взять съ Архаила съ этого за кабакъ, за приговоръ, да въ подушное и оборотить.

— Ну, и что же не сдѣлали такъ?

— Загвоздка вышла. У насъ съ испоконъ вѣку заведено: деньги за кабакъ—на пропивку. Какъ придетъ Покровъ, на Покровъ мы ихъ и порѣшаемъ.

— Стало быть, поэтому и передали землю?

— Ничего не подѣлаешь. Тоже надо и Бога помнить. Батюшка-Покровъ винцо любитъ.—Тутъ Архипъ какъ-бы спохватился и совсѣмъ неожиданно добавилъ:—оголтѣлый народъ.

— Такъ всѣ и согласились кабачныя деньги пропить, а землю на подушное?

— Ну, нѣтъ. Какіе не пьющіе, тѣ рукъ не давали. Тоже ловки...

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ оставилъ землю!

Архипъ изподлобья посмотрѣлъ на меня и съ горячностью отвѣтилъ:

— Я тебѣ говорю, народъ-то нашъ...—онъ загнулъ крѣпкое словцо.—Какъ сталъ Архаилка про землю: то да сё... Малый—пёсъ! Ну, и старики за нимъ: «какъ ты ее, то-ись, сообща будешь, ты пашешь на одрѣ, а я на меренѣ, ты косишь съ оттяжкой, а я по совѣсти, у те поясницу схватило, а я за тебя ворочай»... И такъ еще толковали:—«какъ будемъ аренду сбивать? Сосѣдъ завиляетъ—ты плати, сватъ запьётъ—у тебя голова съ похмѣлья»... Вотъ и расползлись.

— Ну, что же Серафимъ Николаичъ?

Архипъ съ сокрушеніемъ махнулъ рукою.

— Извелся! Я такъ и думалъ, въ запой войдетъ. Пуще всего Архаилка его убилъ... И чѣмъ вѣдь убилъ, пёсъ!—пустяковиной убилъ... Шла у насъ толковня на сходкѣ, про землю про эту. Только идетъ у насъ эта толковня, и вдругъ видимъ мы, началъ насъ Миколаичъ ругать. Ругательски почалъ ругать! И такъ онъ этимъ стариковъ пронялъ—старики даже застыдились... Застыдились они и, только видимъ мы, стали сбиваться... Дальше, больше... Глядь—Архаилка: «Аль вы ополоумѣли, старики,—говоритъ,—разуйте глаза-то!.. Кого вы слушаете!.. Ты лучше, Миколаичъ, чѣмъ про землю, про громъ да про молонью разскажи намъ дуракамъ, альбо про мѣсяцъ!..» Какъ тутъ, братъ ты мой, грохнемъ мы...—Извѣстно—глупъ народъ!

— Чему же вы засмѣялись?

— А смѣялись-то мы дѣлу. Миколаичъ гуторилъ какъ-то про грозу: тучи, говоритъ, въ родѣ какъ на манеръ ружья заряжены, и съ того громъ. Туча съ тучей столкнется—молонья.—Архипъ снисходительно и тихо засмѣялся.—Ну, и про мѣсяцъ опять... Да много кой-чего наплелъ!—Архипъ махнулъ рукою, какъ-бы обезсиленный наплывомъ смѣшныхъ воспоминаній.

— Ну, засмѣялись вы...—напомнилъ я.

— Ну, какъ грохнули мы съ дуру-то, онъ возьми и уйди со сходки. Такъ-такъ, братъ ты мой, его проняло—пришелъ я ко двору, а онъ безъ памяти. Насилу фершелокъ отходилъ!

— Долго ли человѣка обидѣть!—глубокомысленно добавилъ Архипъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Ежиковъ все еще спалъ, и въ ожиданіи его пробужденія самоваръ долили.

— А выживутъ!—внезапно произнесъ Архипъ.

— Кого выживутъ?

— А его, Миколаича.

— Откуда?

— Отъ насъ, изъ Лѣсковъ.

— Кто же его выживетъ?

— Архаилка выживетъ, — съ непоколебимой увѣренностью сказалъ Архипъ:—онъ ему ножъ вострый, Миколаичъ-то. Ну, онъ его и выживетъ. Человѣкъ — пёсъ!

— Ну, вотъ еще, — усумнился я: — какъ такъ ни зачто, ни про что выжить?

— Ни за что, ни про что? — пылко возразилъ Архипъ, повидимому задѣтый за живое моимъ недовѣріемъ:—нѣтъ, ты Архаилку не знаешь!.. Нѣтъ, Архаилка, братъ, подведетъ!.. Это ужъ не сумлѣвайся — не таковскій!

— Какъ же онъ подведетъ?

— Архаилка-то?—оченно просто, — и съ азартомъ олицетворяя гнѣвнаго и ехиднаго Архаила, Архипъ воскликнулъ: — Первымъ ты долгомъ мужика не внушай! Какъ ты такъ можешь мужика внушать!.. И опять — застойка!—Нешто это порядокъ, за мужика застаивать, а? Аль ежели молонью взять — развѣ это порядокъ? аль опять — передѣлу не бывать, внушаешь... Какъ это возможно?.. И какъ это возможно на счетъ передѣлу, а?—Архипъ побѣдоносно взглянулъ на меня и, нѣсколько успокоившись, добавилъ: — А ты говоришь, не выживетъ! Еще какъ выживетъ-то — единымъ духомъ... Архаилъ — онъ пёсъ!

Наконецъ проснулся Ежиковъ. Онъ живо одѣлся и сконфуженный вышелъ къ намъ.

— Батюшки, какъ я заспался,—восклицалъ онъ, — извините, сдѣлайте милость!.. Такая книга интересная, и такъ долго не засыпалъ я...

Мы ему разсказали эпизодъ съ сугробами. Онъ ужаснулся и заскучалъ. Его видимо тянуло въ Лѣски. Онъ не разъ подходилъ къ окнамъ и тоскливымъ взоромъ всматривался въ погоду. Но погода была такова, что онъ даже не рѣшался заговаривать съ Архипомъ о поѣздкѣ.

И во время чая, и послѣ чая, когда Архипъ удалился уже въ переднюю, Ежиковъ перекидывался съ нимъ краткими словами, для меня часто совершенно непонятными.—Что-то Андрейка теперь дѣлаетъ?—спроситъ Ежиковъ — «А что ему, небось лаптишки плететъ, либо книжку читаетъ»,—отвѣтитъ Архипъ, и мягкая улыбка освѣтитъ скучающее лицо Серафима Николаича, послѣ Архипова отвѣта... — Добылъ ли работы Ѳома? — съ живѣйшимъ безпокойствомъ проронитъ онъ немного спустя. — «У Журавлева добудетъ!» — успокоиваетъ Архипъ, и опять тянется мол-

чаніе, и опять за молчаніемъ слѣдуетъ отрывистый вопросъ:— Не то ожеребилась кобыла у Пахома?...—или:—починили ли полушубокъ Михейкѣ! — или: — ахъ, кто-то Федосѣю условіе съ Архаилкой напишетъ!..

День длился. Вьюга завывала. Часы стучали. Семенъ вздыхалъ, а Ежиковъ уже и окончательно затосковалъ. То-и-дѣло подходилъ онъ къ окнамъ и напряженно оглядывалъ мутное небо. Если о чемъ говорилъ онъ, то говорилъ разсѣянно и скучно, постоянно срываясь со стула и измѣряя комнату безпокойными шагами.

Во время вечерняго чая, Архипъ сердито кряхтѣлъ, исподлобья наблюдая за Ежиковымъ и, противъ обыкновенія, былъ неразговорчивъ.

На утро, чѣмъ свѣтъ, онъ разбудилъ Ежикова. Всталъ и я. Ежиковъ торопливо одѣвался при свѣтѣ сальной свѣчки, трепетно мигавшей тусклымъ огонькомъ своимъ въ рукахъ Семена. Погода утихла. Серафимъ Николаичъ упрямо отказался отъ чая, который могъ бы быть готовымъ черезъ часъ. Его какъ-бы подмывало что-то и гнало. Лицо его свѣтилось радостнымъ возбужденіемъ, и пальцы чаще, чѣмъ когда-нибудь, дергали бородку. Онъ дружески рас-цѣловался со мною, не отказался отъ шубы, предложенной ему на дорогу и убѣдительно просилъ меня пріѣхать къ нему.

Я вышелъ проводить его на крыльцо. На синемъ небѣ еще не погасли звѣзды. Съ востока наплывалъ желтоватый и какъ-бы холодный разсвѣтъ. Вокругъ хутора и далеко за нимъ безпорядочными волнами громоздились сугробы. Синеватые тоны облегали поле. Изъ избы курился дымъ, высокимъ столбомъ омрачавшій небеса. Морозило. Вѣтеръ затихъ. Дали хмурились.

Дороги не было и слѣда. Путники мои тронулись цѣликомъ. Шаршавый Архиповъ меренокъ, то утопая въ сугробахъ выше колѣнъ, то неувѣренно ступая по насту, медленно тянулъ грузныя сани, въ которыхъ сгорбившись сидѣлъ Ежиковъ и сердито нахохлившись Архипъ.

Я долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ. Я смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока и фигуры путниковъ, и меренокъ, и грузныя сани не слились въ одно общее черное пятно и не потонули въ угрюмой сумеречной дали.

Во слѣдъ имъ, болѣзненнымъ, блѣдно-янтарнымъ блескомъ загоралась заря.

Ал. Эртель.

НОВАЯ БІОГРАФІЯ БАЙРОНА

Byron, by John Nichol. English men of Letters. Ed. J. Morley. 1880.

Время, которому великій англійскій поэтъ завѣщалъ свою месть, дѣлаетъ свое дѣло. Имя Байрона, на время позабытое, появляется снова въ англійской печати; но вмѣсто слѣпой злобы, съ какой еще недавно относились къ Байрону въ Англіи, теперь преобладаетъ стремленіе къ безпристрастному суду надъ писателемъ и человѣкомъ. Приговоръ надъ личнымъ характеромъ поэта становится гораздо мягче прежняго; и если взглядъ на достоинство его главнѣйшихъ произведеній съ чисто художественной стороны приблизительно прежній, за то обращаютъ больше вниманія на ихъ направленіе. Такова и новая біографія лорда Байрона (сентябрь, 1880) профессора Николя, составленная по новѣйшимъ источникамъ, съ должнымъ вниманіемъ къ мнѣніямъ иностранцевъ. Его книжка, предназначенная для средняго уровня англійскихъ читателей, встрѣчена весьма сочувственно критическими журналами, хотя преобладающее настроеніе ея—симпатія къ личности поэта и къ тѣмъ именно произведеніямъ, которыя были прежде камнемъ преткновенія даже для его друзей и предметомъ ужаса и отвращенія для людей благочестивыхъ.

Въ началѣ книги Николь объясняетъ причины прежняго увлеченія поэтомъ въ первые годы его дѣятельности и затѣмъ поворота къ враждебному настроенію. Ссылаясь на извѣстный очеркъ Маколея [1]), онъ напоминаетъ, что конецъ XVIII и начало XIX сто-

[1]) Critical and historical essays: Moore's life of lord Byron. 1830.

лѣтій были въ Англіи періодомъ глубокаго упадка поэзіи. Общество сознало искусственность изящныхъ писателей царствованія Анны и скучало надъ безсодержательными и лживыми произведеніями ихъ подражателей. Оно обратилось къ писателямъ старымъ, но болѣе вѣрнымъ жизненной и художественной правдѣ, стало изучать Шекспира, отыскивать древнія баллады и народныя пѣсни, и относилось сочувственно даже къ плохимъ копіямъ этого жанра. То было время переворота, не только въ литературныхъ вкусахъ, но и въ понятіяхъ общества. Великія континентальныя событія не могли до извѣстной степени не поколебать и консервативную Англію. И тамъ проявилось броженіе, недовольство старымъ, порывы къ чему-то новому. Представители мирнаго литературнаго обновленія, тихаго обращенія къ природѣ, реализма идиллическаго и нравоучительнаго, не вполнѣ удовлетворяли общественное настроеніе. Требовалось нѣчто менѣе прѣсное, болѣе живое. Протестъ противъ заведеннаго порядка и свободное заявленіе правъ личности имѣли поэтому большіе шансы на успѣхъ,—но пока держались извѣстной границы.

Крупный поэтическій талантъ бываетъ обыкновенно выраженіемъ преобладающаго настроенія современниковъ—и Байронъ, какъ великій поэтъ, угадалъ и умѣлъ облечь въ слова то, что смутно волновало общество. Особенности его личнаго характера, аристократическое имя, красота, молодость, романическія приключенія усиливали обаяніе поэтическихъ произведеній, полныхъ оригинальности и неподдѣльной страсти. Его мрачные, тоскующіе, стремящіеся куда-то герои пришлись всѣмъ по душѣ. Его міросозерцаніе было какъ разъ впору либеральному большинству. Байронъ сдѣлался не только любимымъ поэтомъ, но всеобщимъ кумиромъ.

Но это первое увлеченіе было слишкомъ сильно, чтобы удержаться долго на одинаковой высотѣ или чтобы поклонники не обнаружили неразумной требовательности. Столкновенія и обоюдныя разочарованія были неизбѣжны. Во-первыхъ, поэтъ, по истинѣ великій, не можетъ быть простымъ отголоскомъ совершающагося; онъ опережаетъ свой вѣкъ, воспринимая болѣе тонкими органами разнообразныя вѣянія, еще недоступныя массѣ, и если зайдетъ много дальше средняго уровня, то ему этого, какъ слишкомъ хорошо извѣстно, не прощаютъ. Сверхъ того, человѣкъ, поставленный на пьедесталъ, не можетъ имѣть общечеловѣческихъ слабостей; ему навязываютъ особые законы и зорко слѣдятъ за ихъ исполненіемъ—задача не трудная, такъ какъ онъ у всѣхъ на виду.

Байронъ скоро переросъ свою среду и почувствовалъ тоску и отчужденіе; источники вдохновенія изсякали въ однообразной жизни; старыя пѣсни грозили прискучить публикѣ; кумиръ, при близкомъ разсматриваніи, оказывался человѣкомъ—а между тѣмъ обожаніе и восторги успѣли уже сдѣлаться для него привычкой и потребностью сердца. При столь напряженномъ положеніи вещей достаточно искры для взрыва. Такой искрой была размолвка Байрона съ женой—попранье законовъ своего общества, за которое пришлось поплатиться изгнаніемъ.

Съ этого времени начинается значеніе Байрона для Европы. При оцѣнкѣ послѣдняго англійскій біографъ опирается на компетентныхъ въ этихъ дѣлахъ нѣмцевъ, главнымъ образомъ на Эльце («Lord Byron», 1870), который, въ свою очередь, ссылается на извѣстнаго публициста Трейчке [1]) и критика Готшалля [2]). Всѣ они въ существенныхъ чертахъ одинаково опредѣляютъ это отношеніе Байрона къ Европѣ. Новыя впечатлѣнія, при жизненномъ опытѣ и послѣ пережитыхъ страданій, дали генію Байрона могучій толчокъ впередъ и открыли глаза англичанина, привыкшаго къ политическому интересу, на реальные животрепещущіе мотивы для скорби и протеста. Это тотчасъ же отозвалось на его произведеніяхъ. А новая аудиторія, по исключительнымъ обстоятельствамъ времени, была какъ нельзя болѣе подготовлена для воспринятія протестующихъ изліяній его поэзіи. Недовольство имѣло на континентѣ кровную почву, стремленія—осязательную цѣль, отстаиваніе человѣческихъ правъ—самый непосредственный смыслъ. Радикализмъ Байрона былъ выраженіемъ общаго чувства Европы. Его вліяніе отразилось на литературѣ всѣхъ главныхъ европейскихъ народовъ, всюду появились переводы и подражанія, и поэтъ снова увидалъ себя предметомъ общаго поклоненія. Восторги достигли апогея, когда онъ принялъ фактическое участіе въ борьбѣ за независимость Италіи и Греціи и скрѣпилъ свои симпатіи смертью.

Чѣмъ болѣе сживался Байронъ съ Европой, тѣмъ рѣзче уклонялся отъ англійской исключительности и англійскаго міросозерцанія. Долго кипѣла противъ него ненависть британцевъ, подстрекаемая не только его «ренегатствомъ» и радикализмомъ, но и постоянными стрѣлами, которыя онъ любилъ пускать въ личныхъ враговъ и неблагодарное, но близкое его сердцу отечество. Потомъ наступило забвеніе.

---

1) Historische und politische Aufsätze. „Lord Byron und der Radicalismus". 1867.
2) R. Gottschall, „Byron und die Gegenwart". Unsere Zeit 1866.

И Европа охладѣла къ своему любимцу, когда отъ словъ перешла къ дѣйствительной борьбѣ за свои интересы. Мятежный духъ героевъ Байрона пересталъ быть отголоскомъ духа времени. Люди нашли себѣ дѣло и успокоились. Періоды бурныхъ стремленій и завоеваній, духовныхъ и матеріальныхъ, смѣняются періодами покоя, мирной разработки пріобрѣтеннаго въ борьбѣ.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, и прогрессъ возможенъ только при условіи, что сегодняшнее хорошее будетъ неудовлетворительно завтра и замѣнится лучшимъ; и въ настроеніи умовъ снова произошла перемѣна. При всей практичности, люди, наконецъ, по выраженію Трейчке, «опьянѣли отъ трезвости» и опять заволновались. «Наше время представляетъ нѣчто сходное съ явленіями первой четверти столѣтія, съ его отрицаніемъ, недовольствомъ, бурными стремленіями», говоритъ Николь; «мы склонны сочувствовать нашимъ дѣдамъ больше, нежели отцамъ. Въ воздухѣ носятся тѣ же вѣянія».

При такихъ условіяхъ, естественно было вспомнить о Байронѣ—поэтѣ борьбы, поэтѣ міровой скорби—и вновь увлечься его поэтической автобіографіей.

Его личности, вѣроятно, никогда нельзя будетъ отдѣлить отъ его произведеній. При всемъ общечеловѣческомъ интересѣ, они до того субъективны, что для полнаго ихъ пониманія неизбѣжны постоянныя ссылки на то или другое крупное или мелкое событіе изъ жизни автора. Благодаря массѣ воспоминаній, писемъ и бесѣдъ, сохраненныхъ почитателями и врагами, матеріалы для біографіи Байрона становятся такъ обильны, что по нимъ не трудно прослѣдить развитіе характера, притомъ именно со стороны тѣхъ вліяній, на которыя теперь особенно и справедливо обращаютъ вниманіе—со стороны наслѣдственности и первоначальнаго воспитанія. Подобное изученіе пріобрѣтаетъ особый интересъ, когда дѣло идетъ о геніальной и до такой степени завлекательной личности.

Русская литература имѣла свои увлеченія Байрономъ. Вліяніе его оставило неизгладимые слѣды въ нашей поэзіи въ лицѣ Пушкина и Лермонтова. И если теперь въ литературахъ европейскихъ вновь заняты прежнимъ любимцемъ, то, вѣроятно, и намъ будетъ не безъинтересно бросить взглядъ на современную оцѣнку его біографіи и главнѣйшихъ произведеній.

Маколей, указывая на поразительную смѣсь свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ геніѣ, характерѣ и жизни Байрона, вспоми-

наетъ старую сказку о принцѣ, котораго волшебницы надѣлили при рожденіи чудными дарами, и который, тѣмъ не менѣе, не вышелъ ни добродѣтельнымъ, ни счастливымъ, потому что къ его колыбели явилась непрошенная злая колдунья и каждый даръ омрачила проклятьемъ. Лучшее сравненіе трудно придумать. Нужно только допустить одну маленькую поправку; именно, въ блестящихъ дарованіяхъ и въ недостаткахъ поэта нѣтъ внезапной и исключительной игры природы. Они представляютъ результатъ постепеннаго накопленія извѣстныхъ фамильныхъ свойствъ въ теченіи вѣковъ. Джоржъ Гордонъ Байронъ—истинный потомокъ своихъ предковъ и по отцу, и по матери. Въ предкахъ отца былъ цѣлый рядъ своеобразныхъ, смѣлыхъ, страстныхъ и безпокойныхъ натуръ. Добро и зло выражено въ нихъ рѣзкими чертами и то причудливо соединено въ одномъ человѣкѣ, то разграничено, напримѣръ, между родными братьями. Дурныя наклонности стоятъ рядомъ съ благороднѣйшими качествами, сумасбродство съ блестящими дарованіями, эгоизмъ съ самоотверженіемъ, нелюдимость съ общительностью, алчность или скупость съ безкорыстіемъ или мотовствомъ. Но всѣ Байроны люди болѣе или менѣе выдающіеся и родственно-сходные.

Между ними можно встрѣтить цѣлыя семьи, самоотверженно защищающія правое дѣло. Семеро братьевъ выходятъ въ поле подъ Эджгиллемъ за Стюартовъ «противъ измѣнниковъ». Четверо остаются на мѣстѣ. Остальные и ихъ потомки продолжаютъ стоятъ за короля и теряютъ все состояніе. «Trust Byron» остается на память въ фамильномъ гербѣ.

Рѣзко выдается пороками и сумасбродствами, безъ выкупающихъ достоинствъ, лордъ Уилльямъ (братъ дѣда). Его можно назвать случаемъ уклоненія отъ общаго уровня фамильныхъ свойствъ въ дурную сторону. Послѣ двусмысленнаго спасенія съ гибнущаго корабля—въ качествѣ капитана, онъ не долженъ былъ оставлять его—и еще болѣе сомнительной дуэли съ родственникомъ (одно только пэрство спасаетъ его отъ казни за убійство), презрѣніе общества побуждаетъ его удалиться въ родовое Ньюстедское аббатство. Здѣсь онъ дѣлается вскорѣ легендарнымъ «злымъ лордомъ». По общему убѣжденію, онъ знается съ нечистымъ. Всѣ его боятся. Онъ нелюдимъ и жестокъ; за ничтожную вину убиваетъ кучера; безъ всякой вины хочетъ утопить жену и т. п. Наконецъ, когда жена убѣгаетъ изъ дому, а смерть уноситъ сыновей и внука, старикъ остается одинъ въ громадномъ разоренномъ замкѣ. Чтобы разсѣять тоску, онъ приручаетъ сверчковъ, стрѣляетъ по цѣлымъ днямъ птицъ; строитъ уродливыя ба-

шенки на берегу озера, заводитъ здѣсь миніатюрную флотилію и разыгрываетъ морскія сраженія.

Совсѣмъ иной человѣкъ его братъ,—адмиралъ Байронъ, дѣдъ поэта. Онъ безстрашенъ, добръ и безкорыстенъ. Море—его страсть. Ни бури, на которыя онъ былъ особенно счастливъ, ни кораблекрушенія, со всѣми ужасами голода, мятежа команды и плѣна у дикарей не могли, до поздней старости, искоренить его страсти къ приключеніямъ. Адмиралъ пользовался большой популярностью между моряками. Матросы, къ которымъ онъ относился крайне гуманно, любили его, но плыть съ нимъ рѣшались лишь самые отважные [1]).

Замѣчательна и сестра этихъ двухъ Байроновъ, леди Изабелла Карлейль. Фамильная эксцентричность соединена въ ней съ умомъ, красотой и талантами. Она блистаетъ въ обществѣ, пишетъ стихи и колкія эпиграммы. Потомъ, безъ особенныхъ причинъ, и еще довольно молодою, удаляется отъ свѣта и живетъ, подобно старшему брату, угрюмой затворницей. Черты ея, но съ большей силой литературныхъ и другихъ дарованій, повторяются въ ея сынѣ (опекунѣ лорда Байрона).

Напротивъ, старшій сынъ адмирала (отецъ поэта), гвардейскій капитанъ, не имѣетъ ничего общаго съ почтеннымъ морякомъ. Страсть къ приключеніямъ проявляется, пожалуй, и въ немъ, но совсѣмъ въ иной сферѣ. «Шальной Джэкъ» кутила и мотъ на тогдашній французскій манеръ, и если не негодяй, то во всякомъ случаѣ человѣкъ свободный отъ нравственныхъ предразсудковъ [2]). Подобно большинству Байроновъ, онъ былъ очень хорошъ собой и не только умѣлъ сводить женщинъ съ ума, но и пользоваться своимъ обаяніемъ для практическихъ цѣлей. Отъ брака съ симпатичной маркизой Кармартенъ (въ жизни которой онъ игралъ весьма незавидную роль), у него осталась дочь Августа, сестра и другъ поэта. Второй женой его была миссъ Гордонъ, некрасивая и неумная, но очень богатая

---

[1]) Байронъ гордился своимъ дѣдомъ. Онъ пристрастился къ морю, читая въ дѣтствѣ описаніе приключеній адмирала, и любилъ намекать на „наслѣдство бурь и подводныхъ камней", доставшееся ему отъ дѣда, но только въ другой стихіи (станцы къ сестрѣ). Во II пѣсни Донъ-Жуана, въ описаніи бури, переложены въ стихи, почти дословно, нѣкоторыя мѣста дѣдовскихъ воспоминаній.

[2]) Байронъ не раздѣлялъ общаго предубѣжденія противъ отца (который умеръ, когда будущему поэту было съ небольшимъ три года) и всегда старался защищать его память. Возможно, что, несмотря на дурные поступки, это былъ скорѣе безразсудный и слабохарактерный, чѣмъ злой человѣкъ, и что увлеченіе женщинъ было основано не только на красотѣ, но и на симпатичныхъ свойствахъ его природы.

шотландка, происходившая по прямой линіи отъ Стюартовъ и безмѣрно чванившаяся этимъ обстоятельствомъ.

Между Гордонами тоже нѣтъ недостатка въ замѣчательныхъ людяхъ, но въ ближайшей роднѣ матери Байрона обнаруживается наклонность къ ипохондріи: отецъ кончилъ самоубійствомъ, дядя хотѣлъ отравиться. У миссъ Гордонъ наслѣдственное предрасположеніе выразилось, кромѣ хандры, раздражительнымъ, истерическимъ темпераментомъ и совершенной необузданностью въ поступкахъ.

Таковы элементы, изъ которыхъ долженъ былъ сложиться и сложился мудрёный характеръ Байрона (блестящее уклоненіе отъ уровня семьи въ положительную сторону). Всѣ фамильныя черты въ немъ на лицо. Но почему онѣ сгруппировались такъ счастливо, что онъ вышелъ геніальнымъ поэтомъ съ великой гуманной душой, и что пороки и недостатки предковъ отразились въ немъ только мелкими слабостями, остается, конечно, загадкой. Можно вспомнить о добрыхъ волшебницахъ; но нельзя отрицать и вліянія злой колдуньи, хотя бы въ томъ, что къ поразительной красотѣ ребенка былъ прибавленъ рѣзкій физическій недостатокъ, и что воспитаніе такой сложной природы было ввѣрено полоумной мистрисъ Байронъ.

Въ характерѣ Байрона, при необыкновенной впечатлительности, было множество задатковъ для добра и зла; множество, повидимому, несовмѣстимыхъ противорѣчій, требовавшихъ внимательнаго и разумнаго руководства съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Между тѣмъ, воспитательница была совершенно недоступна какой бы то ни было серьёзной мысли, и вся обстановка дѣтства именно такова, что дурные инстинкты находили себѣ пищу, а добрые, по возможности, подавлены. Своевольный отъ природы и избалованный мальчикъ могъ ходить на головѣ, когда мать была въ духѣ и долженъ былъ, часто безъ всякой вины, терпѣть брань и побои при другомъ настроеніи. Онъ видѣлъ кругомъ одинъ произволъ и минутная прихоть стала для него закономъ. Уваженія къ матери онъ чувствовать не могъ и относился къ ея запрещеніямъ или выговорамъ со злобой, и они только подстрекали буйную энергію. Ничѣмъ путнымъ не занимали его ума; напротивъ, природное самолюбіе и тщеславіе доводили до крайнихъ предѣловъ. Эти недостатки получили особенное значеніе въ жизни Байрона. Недоброжелатели сдѣлали изъ нихъ рычагъ всѣхъ его поступковъ безъ различія; и даже въ глазахъ друзей эти черты омрачали порой его характеръ, не менѣе отсутствія твердыхъ правилъ. Но при условіяхъ его воспитанія,

нужно удивляться не тому, что они удерживались въ такой силѣ при обширномъ и тонкомъ умѣ, а тому, что его слишкомъ податливая природа могла сохранить благородные инстинкты. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на слабости Байрона и совершенно исключительныя искушенія его жизни, онъ вышелъ изъ нея съ честью и въ сущности никому не сдѣлалъ зла.

Въ чемъ состояли домашнія вліянія? Дома идутъ вѣчные толки про Стюартовъ (для матери нѣтъ лучшаго утѣшенія въ скорбяхъ), и къ 9 годамъ мальчикъ не только привыкаетъ считать происхожденіе и титулъ высшимъ качествомъ человѣка, но и предается на этотъ счетъ самостоятельнымъ соображеніямъ. «Что́, видно у меня на лицѣ, что я теперь лордъ?» спрашиваетъ онъ конфиденціально мать, на другой день послѣ извѣстія о смерти лорда Уилльяма, вслѣдствіе которой этотъ титулъ перешелъ къ нему. Когда въ школѣ онъ въ первый разъ слышитъ новый титулъ передъ своимъ именемъ, волненіе заставляетъ его зарыдать (Байронъ былъ вообще крайне нервенъ съ дѣтства).

Послѣ Стюартовъ слѣдуютъ разсужденія о прежнемъ величіи и богатствѣ Гордоновъ и о позорѣ теперешней нищеты, за которую г-жа Байронъ, во всеуслышаніе, весьма винила сперва своего мужа (дѣйствительно промотавшаго состояніе обѣихъ женъ), а потомъ лорда Уилльяма. Самолюбіе мальчика страдало вдвойнѣ: онъ терпѣть не могъ, чтобы бранили отца или Байроновъ, и стыдился бѣдности.

Вообще, мать задѣвала его слабыя струны безъ всякой осторожности. Бѣшеныя вспышки смѣнялись у нея припадками ласки. Она то цѣловала его, восхищаясь его красотой и прелестью «отцовскихъ» глазъ, то била, называя «поганымъ щенкомъ» и «хромымъ уродомъ». Мысль о хромотѣ преслѣдовала Байрона, какъ извѣстно, всю жизнь, отражаясь печально и смѣшно на его характерѣ. Иначе и быть не могло: онъ много терпѣлъ изъ-за нея въ дѣтствѣ, и она же была связана съ жестокимъ ударомъ, поразившимъ его въ юношеской любви.

Уродливая нога сына была *idée fixe* г-жи Байронъ, предметомъ третьей категоріи ея сѣтованій и заботъ. Эту несчастную ногу вѣчно сопоставляли съ его милымъ личикомъ, и ребенокъ привыкъ обращать вниманіе на свою наружность и считать свою хромоту какимъ-то позоромъ. Кромѣ того, его сдавали съ рукъ на руки разнымъ шарлатанамъ, всячески истязавшимъ его. Къ физической боли онъ, впрочемъ, былъ очень терпѣливъ, но нравственныхъ страданій, даже легкихъ, не могъ выносить. Такимъ остался онъ на всю жизнь.

Кроткая нянька, накладывая бинты на ночь, послѣ манипуляцій костоправа, разсказываетъ маленькому Байрону сказки или поетъ псалмы. Ему очень больно, но онъ молчитъ и слушаетъ. «Что́ за красавчикъ», замѣчаетъ на прогулкѣ пріятельница няньки, «кабы не эта ножка»... «Не смѣй говорить!» злобно кричитъ мальчикъ, бросаясь на нее съ поднятымъ хлыстикомъ.—«Перестанемъ учиться,—говоритъ 10-лѣтнему мальчику добрый старикъ учитель (во время курса леченья шарлатана Лавендера),—я не могу видѣть вашихъ страданій въ этихъ колодкахъ!» «Нѣтъ, м-ръ Роджерсъ, пожалуйста, не уходите. Вы ничего не замѣтите, я не сморгну», отвѣчаетъ ученикъ.—За то виновника своихъ страданій, который, вдобавокъ, обращается съ нимъ свысока и осмѣливается послать за пивомъ, онъ ненавидитъ.

Въ безалаберномъ домашнемъ воспитаніи была, впрочемъ, одна въ своемъ родѣ хорошая сторона: его предоставляли самому себѣ, лишь бы онъ не мозолилъ глазъ. Учиться онъ не любилъ, за то увлекался чтеніемъ арабскихъ сказокъ, путешествій и разсказовъ изъ римской исторіи, въ часы, свободные отъ прогулокъ до которыхъ былъ страстный охотникъ. Живописная мѣстность Шотландіи и море, на берегахъ котораго онъ проводилъ много времени, врѣзались въ его воображеніи неизгладимыми чертами и служили тэмой для поэтическихъ воспоминаній въ первой молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ (лучшія мѣста «Часовъ Досуга»; IV пѣсня «Чайльдъ-Гарольда», X пѣсня «Донъ-Жуана»).

На 12-мъ году Байрона перевозятъ въ Лондонъ, въ школу д-ра Гленни. Здѣсь тоже было мало данныхъ для развитія ума и характера, много для болѣзненнаго развитія самолюбія. Сначала не обошлось безъ насмѣшекъ и нападокъ изъ-за ноги, тѣмъ болѣе, что ее опять вытягивали и правили. Но товарищи скоро забыли хромоту бойкаго мальчика (онъ казался еще задорнѣе, чѣмъ былъ, отъ желанія скрыть природную застѣнчивость и нервность), который умѣлъ дать сдачи, никого и ничего не боялся, былъ первымъ во всѣхъ шалостяхъ и, вдобавокъ, не уступалъ никому въ проворствѣ и ловкости въ играхъ. Слабыхъ и друзей своихъ онъ защищалъ съ невѣроятнымъ азартомъ—не останавливаясь ни передъ ростомъ, ни передъ числомъ противниковъ, и любилъ ссылаться на фамильный девизъ «Trust Byron». Но источниковъ для страданій самолюбія было достаточно. Во-первыхъ, бѣдность: скрыть ее было нельзя, и мальчики менѣе благородныхъ, но болѣе богатыхъ родителей, трунили надъ «старымъ барономъ», «бѣднымъ лордомъ» и т. д., выводя его этимъ изъ

себя. Во-вторыхъ, мать, дурно одѣтая, красная и толстая мистрисъ Байронъ, не хотѣвшая знать англійскихъ приличій, врывалась въ школу, дѣлая сцены учителямъ, или продолжая домашнія исторіи съ сыномъ на глазахъ у всѣхъ.

Очень вредно, какъ думаютъ, должна была отозваться на его характерѣ перемѣна положенія. Онъ сдѣлался *лордомъ*, въ то время, какъ мать оставалась просто *мистрисъ* Байронъ. Вѣроятно, это соображеніе падало на вѣсы при домашнихъ сценахъ. Равнодушнымъ къ матери онъ однако не былъ ни ребенкомъ, ни взрослымъ; они по-своему любили другъ друга, хотя жить вмѣстѣ не могли безъ постоянныхъ стычекъ.

Изъ разсказовъ о дѣтскихъ лѣтахъ Байрона очевидно, что онъ былъ впечатлителенъ донельзя и одинаково чутокъ къ хорошимъ, и дурнымъ вліяніямъ. Изъ любви онъ готовъ былъ все сдѣлать; силой отъ него нельзя было ничего добиться. Онъ охотно слушался няньки и въ то же время дѣлалъ все на зло матери — какъ впослѣдствіи слушался сестры, дѣлая все на зло женѣ. Дѣтскія привязанности его имѣли, обыкновенно, характеръ самоотверженія. Онъ былъ радъ отдать самую дорогую вещь любимому человѣку. Тотъ же оттѣнокъ сохранили и позднѣйшія привязанности Байрона: онъ помогалъ друзьямъ (а иногда и чужимъ) и дарилъ свои гонорары какъ разъ въ то время, когда самъ долженъ былъ занимать деньги за чудовищные проценты. Вообще, онъ отличался щедростью, но иногда на него находили вдругъ припадки скупости въ мелочахъ.

Какъ могло дѣйствовать разумное обращеніе на характеръ юнаго Байрона, видно всего рѣзче изъ отношеній его къ д-ру Друри, директору школы въ Гарроу, куда его помѣстили на 14-мъ году. Друри былъ замѣчательный педагогъ и искренно любилъ дѣтей. Желая ознакомиться съ характеромъ новичка, онъ приглашаетъ его къ себѣ и разспрашиваетъ объ играхъ, занятіяхъ, пріятеляхъ и т. д. Новичекъ не поддается. «Малый съ характеромъ», думаетъ учитель, но отъ его вниманія не ускользаютъ умные глаза мальчика. Подъ его умнымъ и осторожнымъ вліяніемъ мальчикъ, сильно отставшій, побѣждаетъ свою лѣнь и отвращеніе къ школьной премудрости и, дѣйствительно, вскорѣ сидитъ въ классѣ съ равными по познаніямъ и по годамъ. Вѣроятно, между учителемъ и ученикомъ было много подобныхъ случаевъ, вслѣдствіе которыхъ первый убѣдился, что «мальчика легко водить на шелковой ниточкѣ и нельзя стащить съ мѣста канатомъ», а второй проникся страстнымъ уваженіемъ и любовью къ наставнику. Въ дневникѣ, писанномъ въ Гарроу, мы читаемъ напр.:

«*Ноября 11, 1804.* Я преклоняюсь передъ д-ромъ Друри. Онъ никогда не выходитъ изъ себя, никогда не оскорбляетъ. Я боюсь навлечь на себя его неудовольствіе, но не изъ страха. Нѣтъ, я уважаю его, я несчастливъ, когда онъ недоволенъ мной».

Байронъ посвятилъ памяти Друри одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній въ «Часахъ Досуга» (Childish Recollections), а въ замѣткѣ къ IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», въ 1818 г. посвящаетъ ему самыя нѣжныя воспоминанія.

Къ школьнымъ занятіямъ Байронъ, однако, не пристрастился, даже подъ вліяніемъ Друри. Подвижная природа и отсутствіе всякой выдержки съ дѣтства дѣлали его неспособнымъ подчиниться школьной рутинѣ. Древніе языки ему не давались [1]), а онъ былъ способенъ только къ занятіямъ по душѣ (или къ судорожнымъ припадкамъ прилежанія надъ греческими и латинскими задачами). Онъ любилъ бродить и мечтать. Читалъ тоже очень много и съ большимъ увлеченіемъ, преимущественно, философовъ XVIII ст. и историческія сочиненія. Превосходная память и умѣнье декламировать доставляли ему легкіе успѣхи, чрезвычайно льстившіе его самолюбію, особенно, когда онъ замѣчалъ одобреніе или восхищеніе на лицѣ Друри. Замѣчательно, что Байронъ, любившій съ дѣтства все чудесное и величественное, выбиралъ для упражненій въ декламаціи самые потрясающіе монологи: рѣчь Занчи надъ трупомъ Алонзо, проклятіе Лира и т. д. Въ дополненіе къ одушевленію и превосходной дикціи у него былъ очень пріятный голосъ. Но поэта въ немъ не угадывалъ никто. Любовью товарищей онъ сначала не пользовался, но вскорѣ пріобрѣлъ друзей и вліяніе. Его школьныя отношенія служатъ положительнымъ доказательствомъ, что въ немъ было много добраго и симпатичнаго. Онъ очень развился въ Гарроу не только благодаря Друри и чтенію, но и обществу пріятелей, въ выборѣ которыхъ былъ особенно счастливъ. Здѣсь

---

1) По поводу возникшихъ въ Англіи споровъ о пользѣ классическаго образованія, проф. Николь считаетъ нелишнимъ привести мнѣніе Байрона на этотъ счетъ—замѣтку къ IV пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда. „Я хочу сказать, что намъ надоѣдаетъ разборъ словъ, прежде чѣмъ мы способны понять красоту; что мы вызубриваемъ, прежде чѣмъ выучиваемся; что свѣжесть впечатлѣнія теряется безвозвратно; что наслажденіе и польза въ будущемъ ослаблены или уничтожены въ такомъ возрастѣ, когда мы не въ состояніи ни чувствовать, ни понимать прелести произведеній, для оцѣнки которыхъ знаніе физики столь же необходимо, какъ и знаніе латинскаго или греческаго языка... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на континентѣ, молодежь учится по обыкновеннымъ книгамъ и не читаетъ лучшихъ классическихъ писателей до зрѣлыхъ лѣтъ“. Сопоставленіе этой замѣтки съ впечатлѣніями, вызвавшими ее, очень эффектно и поучительно для сторонниковъ *классическаго* образованія.

онъ научился понимать и цѣнить умственное и нравственное превосходство.

Выходъ любимаго наставника изъ заведенія опять печально отразился на юношѣ. Послѣдній годъ прошелъ не въ умственныхъ занятіяхъ, а въ физическихъ упражненіяхъ, въ которыхъ онъ всегда старался перещеголять «не хромыхъ», и въ постоянныхъ враждебныхъ демонстраціяхъ противъ новаго директора [1]). Байронъ былъ предводителемъ — второстепенныхъ ролей онъ не любилъ — и одумался только, когда потокъ страстей увлекъ его партію до смѣлой мысли сжечь столы и лавки въ классной. Напоминаніе вождя объ именахъ отцовъ, вырѣзанныхъ на этихъ столахъ и скамейкахъ, остановило мятежниковъ, и школьныя тетрадки вступили въ свои права—только не для Байрона.

Онъ былъ вскорѣ затѣмъ поглощенъ перипетіями страстной любви къ Мери Чэвортъ. Всякій, читавшій Байрона, знаетъ эту исторію, имѣвшую большое значеніе въ его жизни, изъ собственныхъ устъ поэта; повторять то, что́ разсказано въ «Снѣ» или другихъ стихотвореніяхъ, здѣсь не мѣсто. Есть однако въ этой исторіи эпизодъ, весьма характерный и оставившій глубокій слѣдъ въ душѣ Байрона, и о немъ надо упомянуть. Влюбленный юноша воображалъ, что любимъ взаимно, считалъ тайныя свиданія въ аллеяхъ сада признаніемъ со стороны Мери и мечталъ о бракѣ съ нею, какъ вдругъ, подходя однажды къ ея дому, услыхалъ слѣдующее. «И вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я влюблена въ хромого мальчишку!» — говорила, смѣясь, миссъ Чэвортъ своей довѣренной горничной. Не помня себя, «какъ раненый звѣрь», бросился онъ домой. Дѣло происходило въ каникулярное время; Ньюстедъ и имѣніе Чэвортовъ были почти смежны. Мери вскорѣ сдѣлалась невѣстой и въ 1805 г. вышла замужъ. «O had my fate been joined to thine», писалъ онъ ей два года спустя въ періодъ кэмбриджскихъ кутежей; «Well thou art happy» послѣ того, какъ видѣлъ ея маленькую дочь. Прощальные стансы въ 1809, посланіе къ другу въ 1811 и «Сонъ»,

---

[1]) Д-ръ Бётлеръ, при всемъ педантизмѣ, оказался не дурнымъ человѣкомъ и Б., сожалѣя о своихъ выходкахъ противъ него въ „Childish Recollections“, помирился съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Грецію и имѣлъ намѣреніе замѣнить обидныя для него строки другими при новомъ изданіи; онѣ были написаны, но почему-то не были включены. Другой примѣръ готовности Б. сознаваться въ своихъ ошибкахъ касается опекуна, лорда Карлейля, противъ котораго онъ позволилъ себѣ насмѣшки въ своей сатирѣ „English Bards“. Неизвѣстно, почему онѣ показались ему впослѣдствіи незаслуженными, и онъ принесъ публичное покаяніе въ III пѣсни Чайльдъ-Гарольда, въ сочувственныхъ словахъ къ его сыну, павшему при Ватерлоо.

который поэтъ писалъ, заливаясь слезами, въ горестный 1816 г., доказываютъ, какъ долго онъ помнилъ свой юношескій идеалъ. Хотя миссъ Ч. была далеко не идеальной дѣвицей, она такъ горько поплатилась за предпочтенье пошлаго супруга геніальному юношѣ, что ее можно оставить въ покоѣ. Любовь, обыкновенно, опредѣляется свойствами субъекта, а не объекта, и потому, какова бы ни была дѣвица, юношеская любовь страстнаго Байрона не могла быть иной. Оскорбленное чувство тоже не могло испариться у него безъ серьёзныхъ послѣдствій. Непосредственнымъ результатомъ была его университетская жизнь.

Три года, проведенные въ Кэмбриджѣ,—куда онъ вдобавокъ поступилъ противъ воли,—были годами праздности, кутежей и студенческихъ шалостей всякаго рода. Уязвленное самолюбіе «хромого мальчишки» находило удовлетвореніе во вниманіи женщинъ; онъ сталъ много думать о своей наружности, одѣваться эксцентрично, чтобы скрыть уродливую ногу и выставить эффектнѣе красоту лица. Эта складка не исчезла и послѣ. Страстный темпераментъ увлекалъ Байрона въ крайности, о которыхъ Николь говоритъ «лишь съ цѣлью напомнить, что онѣ никогда не переходили за черту, установленную свѣтомъ для понятія о чести». Только за болтливость подъ хмѣлькомъ онъ его не одобряетъ. Во всякомъ случаѣ, такая жизнь была въ разладѣ съ лучшими инстинктами его природы, пробужденными въ Гарроу, и порождала смутное чувство недовольства собой. Послѣднее, въ свою очередь, не могло принести хорошихъ плодовъ, при данныхъ его характера. Поступая, какъ будто на зло самому себѣ, онъ началъ, подобно многимъ юношамъ, бьющимъ на эффектъ, хвастаться своей испорченностью, нарочно расписывать себя самыми черными красками. Это было своего рода развлеченье: пугать однихъ, возбуждать зависть другихъ, вызывать осужденіе третьихъ. Ему нравилось, когда его сравнивали съ Руссо. Сверхъ того, исповѣдь облегчала его сообщительную душу, а сознаніе, что онъ все же не такъ дуренъ, какъ могутъ подумать, служило нѣкотораго рода успокоеніемъ. Въ это время онъ усвоилъ себѣ мрачное выраженіе лица и сдѣлался дѣйствительно очень нервенъ и раздражителенъ.

Свѣтлой стороной кэмбриджской жизни слѣдуетъ признать его дружескія отношенія съ нѣсколькими выдающимися и безупречными молодыми людьми, которые, очевидно, не полюбили бы товарища «не-джентльмена» по характеру. Да и, вообще, свойство Байрона юнаго и взрослаго сближаться съ тѣми, которыхъ онъ, справедливо или нѣтъ, считалъ лучше себя, представляетъ серьёз-

ный аргументъ въ пользу благородства его характера. Ни громадное самолюбіе, ни тщеславіе дѣйствительно «женское» не могли унизить его до мелочной зависти или слѣпотѣ къ достоинствамъ другихъ. Николь говоритъ, что Байронъ забывалъ сословные предразсудки, когда различіе было слишкомъ очевидно».

Выдающимся событіемъ студенческой жизни Байрона было приготовленіе къ печати его первыхъ стихотвореній «Hours of Idleness». Тутъ онъ не обнаружилъ авторскаго самолюбія, напротивъ, совѣтовался съ друзьями, исключая и урѣзывая безъ всякаго раздраженія цѣлыя стихотворенія или отдѣльныя мѣста, по ихъ указанію. Извѣстно, какъ жестоко отнеслось къ его книжкѣ «Эдинбургское обозрѣніе», и какъ подѣйствовали на автора безпощадныя насмѣшки: «это была ярость, страстная рѣшимость постоять за себя, отомстить; но не упадокъ духа, не отчаяніе. Злая критика — смерть для бездарнаго птенца. Меня она только на время сшибла съ ногъ»,—говорилъ Байронъ въ 1826 г. Въ день и часъ, когда онъ прочелъ статью, онъ не сказалъ ничего. «Лицо его имѣло такое выраженіе, точно онъ собирался вызвать кого-нибудь на поединокъ», замѣчаетъ одинъ пріятель. И, дѣйствительно, Байронъ обдумывалъ свою месть.

Цѣлый годъ работалъ онъ надъ сатирой «English bards and scotch reviewers», живя большею частью одинъ въ Ньюстедѣ. Настроеніе духа было у него самое мрачное. Даже на вершинѣ славы, онъ относился, какъ извѣстно, съ лихорадочнымъ безпокойствомъ къ своимъ литературнымъ удачамъ и неудачамъ; можно потому судить о силѣ перваго удара. Къ этой бѣдѣ присоединилось страшное денежное разстройство, хлопоты по имѣнію, процессъ, стычки съ матерью и полное душевное одиночество, послѣ пріятельскаго кружка, оживлявшаго Кэмбриджъ. Не малымъ огорченіемъ была, при такихъ условіяхъ, смерть любимой собаки [1]). Наступилъ день совершеннолѣтія, и

---

[1]) Байронъ, вообще, отличался необыкновенной любовью къ животнымъ и всегда имѣлъ дома и таскалъ за собой цѣлый звѣринецъ. (Этимъ свойствомъ онъ наградилъ и своего Донъ-Жуана). Когда любимый водолазъ умиралъ въ тихомъ бѣшенствѣ, онъ не отходилъ отъ него, вытирая пѣну съ его морды своимъ платкомъ. Три года спустя онъ еще выражалъ въ завѣщаніи желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ этимъ другомъ. Весьма характеренъ случай съ подстрѣленнымъ молодымъ орломъ въ первое путешествіе въ Грецію: „онъ былъ только раненъ, и я непремѣнно хотѣлъ спасти его—глаза были такіе чудные — но, промучившись нѣсколько дней, онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово, и держу его, не стрѣлять въ птицъ“, пишетъ Байронъ. Онъ былъ, какъ извѣстно, замѣчательный стрѣлокъ, но выбиралъ мишенью неодушевленные предметы. Ему была противна охота и даже рыбная ловля. Въ Швейцаріи онъ чуть не свалился въ пропасть, помогая козѣ перебраться черезъ заборъ.

онъ не могъ праздновать его, какъ другіе молодые лорды, а сидѣлъ въ Лондонѣ, занявъ денегъ для угощенія фермеровъ. Вступленіе въ парламентъ было тоже невеселое. Вопреки обычаю, опекунъ, всегда равнодушный къ его интересамъ и предубѣжденный противъ него, отказался ввести его. Байронъ былъ взволнованъ, держалъ себя неловко и потомъ досадовалъ. Онъ сѣлъ на сторону оппозиціи и объяснялъ свой натянутый поклонъ въ отвѣтъ на радушное привѣтствіе лорда-канцлера желаніемъ сразу открыть свои карты. Вообще, это былъ тяжелый годъ для молодого поэта, и въ немъ накипѣло много злобы и хандры. Онъ мечталъ только о томъ, какъ, занявъ мѣсто въ парламентѣ, бросить въ лицо врагамъ свою сатиру и уѣдетъ вонъ изъ Англіи. Въ февралѣ 1809 появилась, наконецъ, эта сатира, надѣлавшая столько шуму, а весной, послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ Ньюстедѣ съ друзьями, въ бесѣдахъ, чтеніи и забавахъ, порой весьма эксцентричныхъ («но далеко не столь преступныхъ, какъ то изображено въ вступительныхъ страницахъ Чайльдъ-Гарольда» — говорятъ его біографы), Байронъ сѣлъ на корабль съ своимъ другомъ Гобгоузомъ и отплылъ на востокъ, куда его тянуло съ дѣтства.

Первыя двѣ пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», независимо отъ ихъ поэтическихъ достоинствъ, любопытны какъ дневникъ, изъ котораго можно видѣть, что́, именно, занимало и увлекало Байрона на 22-мъ году. Разочарованность и мрачное настроеніе духа постепенно исчезаютъ подъ южнымъ солнцемъ, какъ туманъ, или же, отодвигаясь на дальній горизонтъ, составляютъ фонъ, на которомъ по контрасту рѣзче выступаютъ яркія картины и живыя впечатлѣнія. Его восхищаютъ красоты природы, ему кружатъ голову испанки, но внѣшній блескъ не отводитъ глазъ отъ золъ общественныхъ и политическихъ. Въ оцѣнкѣ дѣятельности соотечественниковъ въ Испаніи, онъ чуждъ всякаго пристрастія и казнитъ ихъ безпощадно. Даже «Галльскій коршунъ» кажется ему предпочтительнѣе англійскихъ хищниковъ. При видѣ свѣжихъ полей битвъ, онъ думаетъ только о безвинныхъ жертвахъ чужого произвола, о нравственномъ упадкѣ народовъ, не умѣющихъ найти выхода — «no step between submission and a grave».

Коза эта тронула его своимъ отчаяніемъ и привязанностью къ пастушенку, ушедшему отъ нея. Къ дѣтямъ, къ больнымъ, слабымъ и бѣднымъ Б. былъ сострадателенъ до-нельзя и всего болѣе къ тѣмъ, которые сами навлекли на себя бѣду. „У нихъ нѣтъ даже чистой совѣсти въ утѣшенье“, говаривалъ онъ. Къ слугамъ относился съ большой заботливостью и снисхожденіемъ и пользовался ихъ любовью.

Въ грубыхъ албанцахъ многое должно было, конечно, шокировать цивилизованнаго англичанина, но его поражаетъ человѣческое достоинство, проглядывающее сквозь лохмотья; въ ночной пѣснѣ разбойниковъ онъ слышитъ мотивы, которые заставляютъ и насъ восхищаться ея дикой энергіей. Его плѣняетъ выносливость, мужество, свободное развитіе личности въ этомъ народѣ.

Въ Греціи видъ дивной природы и классическихъ памятниковъ воскрешаетъ въ душѣ образъ прежняго величія страны [1]). Стансы, обращенные къ Греціи, вообще интересны, какъ выраженіе весьма прочной симпатіи поэта и какъ начало цѣлаго ряда твореній, воспроизводящихъ впечатлѣнія и картины, вынесенныя имъ изъ его перваго путешествія.

Вниманіе Байрона, во всѣхъ случаяхъ, останавливается на современныхъ интересахъ, а не на отжившихъ воспоминаніяхъ. Вездѣ поэтическое чутье улавливаетъ существенныя и живыя стороны явленій. Задатки будущаго радикализма очевидны. Онъ самъ сознавалъ, что путешествіе это значительно способствовало его развитію, когда писалъ матери, что слѣдуетъ обязать молодыхъ людей, особымъ закономъ, жить извѣстное число лѣтъ внѣ Англіи. Пользоваться этимъ благомъ болѣе двухъ лѣтъ ему, однако, не удалось. Дѣла по имѣнію и безденежье звали домой. Онъ возвращался очень неохотно. Дома его ожидали тяжелыя утраты (мать, четверо близкихъ друзей и кузина Тирза умерли въ нѣсколько мѣсяцевъ) и скучнѣйшія хлопоты. Онъ болѣзненно чувствовалъ свое одиночество и тосковалъ до того, что друзья боялись за его здоровье.

Байрона часто винили въ недостаткѣ критики относительно своихъ и чужихъ произведеній. Какъ ближайшій примѣръ приводятъ, обыкновенно, его сужденіе о «Чайльдъ-Гарольдѣ».

Друзья должны были долго уговаривать его напечатать эти стансы. Онъ ихъ считалъ «набросками», не стоющими вниманія, между тѣмъ, какъ именно благодаря имъ, по собственному выраженію, «проснулся въ одинъ прекрасный день знаменитымъ». Интересъ аристократическаго общества былъ уже ранѣе возбужденъ первой рѣчью Байрона въ парламентѣ (по поводу возмущенія ноттингемскихъ ткачей), весьма радикальной и превосходно сказанной. Вслѣдъ за нею вышло «Странствованіе Чайльдъ-Га-

---

[1]) Эльце, какъ настоящій нѣмецъ, упрекаетъ Байрона въ невниманіи къ классическимъ древностямъ и даже указываетъ мѣста, гдѣ ему непремѣнно слѣдовало побывать.

рольда» и произвело фуроръ. Успѣхъ объяснялся живой индивидуальностью произведенія, той полнотой и непосредственностью, съ какой заявляла о себѣ молодая и страстная личность, не останавливаясь передъ условными политическими, религіозными и соціальными понятіями; и нужно прибавить—степенью уклоненія отъ шаблона, которая не превзошла уровня образованнаго большинства. Прежде всего набросился на Чайльдъ-Гарольда туземный Парнасъ, задѣтый за живое послѣдней сатирой Байрона, но придраться было очень трудно. Лучшіе же представители англійской литературы поспѣшили протянуть ему руку. Байронъ остался за это на всю жизнь благодаренъ Вальтеру Скотту, Муру и Кольриджу [1]).

Все вдругъ перемѣнилось вокругъ Байрона, еще такъ недавно осиротѣлаго и одинокаго. Восторженныя похвалы, общее вниманіе, удивленіе мужчинъ, восхищеніе и любовь женщинъ— вотъ опьяняющая атмосфера, которой онъ дышалъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Каждое его новое произведеніе было событіемъ, всеобщимъ торжествомъ. Ему буквально поклонялись, его называли «новой радостью міра». Мудрено ли, что честолюбивая голова закружилась, что тщеславіе и молодая кровь пошли черезъ край, что онъ дѣлалъ много разныхъ безумствъ и привыкъ считать обожаніе общества своимъ правомъ. Нужны ли оправданія, приводимыя во второй строфѣ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда?» Кто бы устоялъ противъ подобныхъ соблазновъ въ 23 года, послѣ пройденной имъ съ дѣтства школы? И можно ли забыть, что даже въ это время и среди этой обстановки Байронъ не упускалъ изъ вида «высшихъ цѣлей». Политическія и общественныя событія, противорѣчія дѣйствительности съ идеаломъ, всякія нарушенія человѣческихъ правъ, борьба страсти и разума, лицемѣріе и безнравственность среды, въ которой онъ вращался, сознаніе, что надо быть полезнымъ членомъ общества, что для человѣка мало писать стихи—волновали его, и все глубже и чаще съ каждымъ годомъ, несмотря на то, что онъ проводилъ время въ пустыхъ забавахъ и «какъ женщина» заботился о своей наружности. Неразлучный спутникъ человѣческой мысли, болѣзнь, наростающая время отъ вре-

[1]) Вообще, по словамъ біографовъ, онъ никогда не забывалъ сдѣланнаго ему добра, и сердце у него было доброе и мягкое. Это признаетъ даже прозаическій Далласъ, говоря, что „только перо у него было ядовитое и безбожное, душа же полна снисхожденія и доброты“. Симпатія окружающихъ была потребностью этой души съ дѣтства и до послѣднихъ дней.

мени въ эпидемію, *Weltschmerz*, находилъ въ психической организаціи Байрона богатую почву.

Байрона обвиняли между прочимъ въ напускной разочарованности людьми и жизнью, и даже въ притворно-мрачномъ выраженіи лица. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ отчасти рисовался своей врожденной хандрой—успѣхъ стихотворныхъ жалобъ избаловалъ его и эффектъ мрачнаго выраженія на его блѣдномъ лицѣ, особенно среди оживленнаго разговора или вслѣдъ за припадками самой непосредственной, почти дѣтской веселости, былъ слишкомъ соблазнителенъ. Но, помимо этого, утомленіе и тоска могли быть совершенно естественной смѣной сильныхъ возбужденій въ организмѣ, до-нѣльзя нервномъ и ослабленномъ лихорадкой (которую онъ вывезъ изъ Греціи), и той страшной діэтой, которой онъ придерживался, чтобы не потолстѣть. Нервы его, дѣйствительно, не знали покоя. Вертясь, что называется въ свѣтскомъ омутѣ, онъ нерѣдко проводилъ остатки ночи послѣ баловъ, маскарадовъ и кутежей за усиленной работой. Писать Байронъ могъ только, когда былъ сильно возбужденъ и писалъ съ лихорадочной быстротой [1]). «Всѣ судороги кончаются у меня риѳмами»,—говорилъ онъ пріятелю. Наконецъ, у него было много разныхъ досадъ и заботъ, преимущественно, вслѣдствіе собственной неразсчетливости, и понятно, что онъ часто могъ быть просто не въ духѣ. А такъ какъ лицо его было столь же подвижно, какъ и настроеніе, то посторонніе могли видѣть его душевныя движенія, если онъ не старался скрыть ихъ, что тоже случалось. Простыхъ объясненій было, однако, недостаточно для добрыхъ людей. Перенося буквально характеръ его героевъ на него самаго, они великодушно выслѣживали воспоминанія страшнаго преступленія на голомъ челѣ. Мужчины останавливались на убійствѣ; добродѣтельныя лэди на крушеніи женскихъ существованій. Послѣднее предположеніе, какъ оно ни казалось правдоподобнымъ при разнообразныхъ (и преувеличенныхъ молвой) любовныхъ приключеніяхъ Байрона, было невѣрно. Совѣсть его могла оставаться покойной: «я не Іосифъ и не Сципіонъ, но по чести могу сказать, что не соблазнилъ ни одной женщины»,—говоритъ Байронъ; и Николь, вообще снисходительный къ «грѣхамъ молодости и красоты» поэта, замѣчаетъ, что «этотъ фактъ, быть можетъ, заслуживаетъ вниманія нравственныхъ почитателей Гёте и Бёрнса, которые приходятъ въ негодованіе при одномъ

[1]) Вальсъ, Гяуръ, Абидосская невѣста, Корсаръ, Лара, Еврейскія мелодіи и разныя мелкія стихотворенія были написаны въ два года.

имени Байрона». Тѣмъ не менѣе Немезида явилась, и не только въ формѣ скуки и пресыщенія. Такъ, возмездіе ходило одно время по его пятамъ въ образѣ ревнивой Каролины Лэмбъ, неотразимой, какъ рокъ, и вдобавокъ писательницы. Она проникала въ его комнату въ мужскомъ костюмѣ, чтобы обмануть сторожей, шла на всякій скандалъ (до покушеній на самоубійство среди бала), доводила его и себя до умоизступленія. Наконецъ, горечь ея сердца излилась въ романѣ «Гленарвонъ», гдѣ для портрета Байрона сидѣлъ чуть ли не самъ сатана. Не слѣдуетъ забывать, что если Байронъ и былъ мучителемъ женщинъ, то неумышленнымъ и въ той же мѣрѣ былъ ихъ мученикомъ. «Не могу ужиться съ ними, не могу жить безъ нихъ», жаловался онъ. «Въ основѣ почти всѣхъ его связей было увлеченіе, хоть мимолетное, но искреннее»,—заявляетъ Николь, указывая въ его романахъ иниціативу—женскую.

Красота и влюбчивость Байрона могутъ служить рѣшительнымъ аргументомъ противъ цинизма, въ которомъ обвиняли автора «Донъ-Жуана». Что касается его *презрительнаго* отношенія къ женщинамъ вообще, то можно возразить, что насмѣхаясь надъ лицемѣрками и синими чулками, онъ умѣлъ цѣнить умственное и нравственное превосходство всякій разъ, когда встрѣчалъ порядочныхъ женщинъ. Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка.

Для характеристики душевнаго состоянія Байрона, на вершинѣ славы и всякихъ успѣховъ, могутъ служить выдержки изъ дневника. «Въ 25 лѣтъ, когда пройдена лучшая половина жизни, нужно, чтобы человѣкъ былъ чѣмъ-нибудь. Что же я такое? Существо, которому 25 лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами и только. .... Уже довольно давно презираю я себя и людей, но ни разу не хватило силъ плюнуть въ лицо своему племени... Нѣтъ, я, должно быть, схожу съ ума»... Слѣдуютъ размышленія о смерти: «Мнѣ не страшенъ сонъ безъ видѣній, и я не могу себѣ представить такой формы существованія, которая бы въ концѣ-концовъ не надоѣла». Онъ не прочь хоть застрѣлиться, если бы не лѣнь, да не сестра, которая будетъ огорчена.

Въ такомъ-то расположеніи духа, ему пришло въ голову, что женитьба была бы отличпымъ средствомъ для нравственнаго успокоенія и перемѣны жизни, и именно женитьба на миссъ Мильбанкъ, которая ему нравилась и соединяла красоту и образованіе съ безмятежной ясностью духа и значительнымъ состояніемъ. Его дѣла были въ это время въ полномъ разстройствѣ, шла рѣчь о продажѣ Ньюстеда, всѣ совѣтовали жениться. Легкомысліе, съ которымъ былъ заключенъ этотъ бракъ, по мнѣ-

нію біографовъ можетъ быть объяснено только впечатлѣніями, почерпнутыми Байрономъ изъ высшаго англійскаго круга. Сознаніе важности этого шага пришло ему, впрочемъ, въ голову, когда онъ стоялъ передъ алтаремъ, путаясь въ отвѣтахъ и блѣдный, какъ смерть. Дѣйствительно, болѣе несчастнаго союза нельзя было придумать для обоихъ. Для Байрона же онъ имѣлъ столь роковыя послѣдствія, что нельзя не коснуться подробностей этого событія, хотя онѣ довольно извѣстны. Во-первыхъ, любви не было ни съ той, ни съ другой стороны. Ясность духа миссъ Мильбанкъ была личиной, за которой, кромѣ томительнаго однообразія ума, скрывалась узкая и упорная, холодная и злопамятная природа, вымуштрованная во всѣхъ тонкостяхъ англійскихъ приличій. Столкновенія между супругами начались вскорѣ послѣ «медоваго мѣсяца», постепенно учащаясь. Запутанныя дѣла Байрона и его долги, на которые ушла большая часть ея приданаго, вмѣстѣ съ разными нашептываніями, способствовали раздору. Онъ тщетно старался быть добрымъ мужемъ. Она, совершенно не понимая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, задалась цѣлью исправить его и выбирала къ этому способы, самые неподходящіе къ его нраву. Такъ, она систематически противопоставляла свое нравственное превосходство, спокойствіе и увѣщанія его запальчивости, вслѣдствіе чего пустыя вспышки, которыя могли кончиться смѣхомъ и мгновеннымъ примиреніемъ, превращались въ бѣшеные припадки (не даромъ былъ онъ сыномъ истерической матери): онъ рвалъ на себѣ волосы, ломалъ часы каминными щипцами и, конечно, не жалѣлъ словъ. Не въ характерѣ лэди Байронъ было простить обиду или оцѣнить искренность возврата взбалмошнаго, но, въ сущности, мягкаго и добраго человѣка, или великодушно угадать минуту раскаянія въ самолюбивомъ грѣшникѣ. Его поэтическое призваніе считала вздоромъ и желала, чтобы онъ отъ него отказался; шутокъ не понимала вовсе; къ его бравадамъ относилась, какъ къ совершеннымъ уже преступленіямъ. Вдобавокъ, не любя мужа, стала ревновать, когда во время приготовленія къ открытію Друриленскаго театра, онъ долженъ былъ наблюдать за разучиваніемъ своего пролога и бывать за кулисами. Она дѣлала ему сцены при постороннихъ и грозила уѣхать; рылась въ его бумагахъ и разсылала компрометтирующія письма къ тѣмъ, для кого они были тайной—производя скандалы въ семействахъ. Уступать силѣ Байронъ не привыкъ; онъ нарочно сердилъ и дразнилъ ее. «Всякая женщина могла дѣлать съ милордомъ, что̀ хотѣла, только не милэди», говорилъ его слуга Флечеръ. Умѣла ладить съ нимъ

и его сестра, м-ссъ Лей, относившаяся къ нему съ оттѣнкомъ материнской нѣжности и гордости, хотя разница лѣтъ была небольшая [1]). Она понимала его и вѣрила ему. Нелѣпыя выходки не пугали и не сердили ее, а казались ребячествомъ. То ласково браня его, то добродушно смѣясь надъ нимъ, она имѣла на него большое и благотворное вліяніе. Конечно, не такая женщина приняла бы за наличную монету слова Байрона, въ отвѣтъ на призывъ къ пути истинному, что ему не только добродѣтель, но и обыденные пороки пріѣлись, и что онъ, непремѣнно, выдумаетъ нѣчто совсѣмъ особенное.

Между супругами была однажды слѣдующая сцена. Жена грозила уѣхать, если онъ не исправится, и увѣряла, что свѣтъ будетъ винить за это не ее, а его. «Ну, нѣтъ,—возразилъ мужъ, —Байронъ славный малый («a glorious boy»), всѣ за него заступятся». Будь на мѣстѣ жены м-ссъ Лей, она врядъ-ли увидала бы тутъ непремѣнную рѣшимость прогнать и очернить ее въ глазахъ свѣта. Но въ душу лэди Байронъ подобныя вздорныя слова западали такъ глубоко, что она поставила ихъ въ число серьёзныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ мужа въ своихъ изліяніяхъ передъ г-жей Стоу, въ 1856 г. И кто знаетъ, не пробѣгаетъ-ли именно послѣдняя фраза красной ниточкой, въ формѣ избранной ею мести.

Никто не осуждаетъ лэди Байронъ за то, что она, чувствуя себя несчастливой съ такимъ мужемъ, оставила его и не уступила ни его просьбамъ, ни увѣщаніямъ друзей. Она, очевидно, не была въ состояніи понять свойствъ этой исключительной природы и, вѣроятно, не только выдавала, но и считала мужа сумасшедшимъ. Но англійскій и нѣмецкій біографъ не находятъ оправданія для коварства, съ которымъ она, взявъ съ собой маленькую Аду, уѣхала изъ дому подъ предлогомъ посѣщенія родныхъ: лэди Байронъ, какъ извѣстно, весело простилась съ мужемъ, писала ему съ дороги шутливо-нѣжныя письма, а по пріѣздѣ поручила отцу написать отъ своего имени, что возвращаться не намѣрена. Тѣмъ менѣе извиняютъ они ея ехидный способъ мести—рѣшимость молчать о причинахъ раздора. Ея молчаніе послужило поводомъ къ самымъ нелѣпымъ и оскорбительнымъ предположеніямъ насчетъ Байрона, и она не только не старалась подавить ихъ, а напротивъ искусно поддержи-

[1]) Августа родилась 1783, Байронъ въ 1788. Она воспитывалась у родныхъ своей матери. Дѣтьми они видались рѣдко и подружились только по возвращеніи Б. изъ Греціи.

вала разными намеками, не щадя репутаціи сестры — мнимаго предмета преступной любви Байрона — тогда уже тридцати-двухъ-лѣтней женщины и матери троихъ дѣтей. Между тѣмъ, съ этой, ничего не подозрѣвавшей сестрой, она не прерывала родственныхъ отношеній и въ нѣжныхъ письмахъ просила у нея поддержки и совѣтовъ «въ этихъ трудныхъ для нея обстоятельствахъ» [1]).

Жестокое сердце не смягчилось, когда, именно вслѣдствіе этой таинственности, негодующее англійское общество напало на Байрона съ яростью, соразмѣрной прежнему обожанію. Англичане, по замѣчанію Маколея, имѣютъ обыкновеніе разъ въ 6 или 7 лѣтъ ополчаться въ защиту попранной чистоты нравовъ и выбирать для закланія первую встрѣчную жертву. Въ данномъ случаѣ, такой жертвой могъ всего скорѣе сдѣлаться человѣкъ, бывшій у всѣхъ на виду.

И вотъ, на Байрона обрушилось общее негодованіе. Въ парламентѣ отъ него отворачивались; на улицѣ и въ театрѣ не давали прохода; чернь, глумясь, окружала его карету; передъ нимъ закрывались двери клубовъ и салоновъ. Газеты позорили его имя. Нужно было извѣстное мужество, чтобы заступаться за него или принимать его въ свой домъ, и Байронъ никогда не могъ забыть, какъ держали себя въ это время его друзья, между прочимъ Вальтеръ-Скоттъ и двѣ или три почтенныя женщины. Что касается сестры, то она оказалась вполнѣ достойной имени его друга и служила ему поддержкой и утѣшеніемъ. Въ томъ и другомъ онъ дѣйствительно нуждался. Легко, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ его отчаяніе и злобу, когда, послѣ обольстительнаго сна славы, онъ увидалъ себя предметомъ общаго презрѣнія, не сознавая за собой никакой серьёзной вины и не имѣя даже возможности оправдываться, потому что прямыхъ обвиненій противъ него не существовало, а были только глухіе намёки, на которые нельзя было отвѣчать изъ уваженія къ себѣ и сестрѣ. Но какъ ни страдало его самолюбіе, гнѣвъ его не падалъ на жену, къ которой онъ, съ свойственной ему непослѣдовательностью, почувствовалъ искреннюю нѣжность, когда пересталъ ее

---

[1]) О симпатичномъ и безупречномъ характерѣ м-ссъ Лей свидѣтельствуютъ не только письма и стихотворенія Байрона, но отзывы всѣхъ знавшихъ ее. Даже лэди Байронъ, разсуждая въ 1856 г. съ г-жей Стоу, говорила, что м-ссъ Лей, вѣроятно, раскаялась въ прежнихъ грѣхахъ, такъ какъ теперь она вполнѣ почтенная женщина. Сестра поэта не прерывала знакомства съ невѣсткой, сначала въ надеждѣ помирить супруговъ, а затѣмъ, чтобы извѣщать брата объ Адѣ. Послѣ смерти Байрона онѣ разошлись.

видѣть. Онъ винилъ одного себя въ ихъ размолвкахъ. Первое время онъ искалъ примиренія съ нею и, смиряя свою гордость, дѣлалъ для этого все, что могъ. Его письма и извѣстное стихотвореніе «Fare thee well» тронули бы всякую женщину, сохранившую хоть каплю любви къ нему или имѣвшую какую-нибудь серьёзную причину для негодованія. Но лэди Б., поддерживаемая своей маменькой, не дрогнула ни передъ чѣмъ. Непреклонность ея, кажется, всего яснѣе доказываетъ, что прощать Байрону было нечего, кромѣ тѣхъ мелкихъ слабостей, которыя могли быть невыносимы при совмѣстной жизни, но вообще не мѣшали друзьямъ и слугамъ любить его и оставаться ему вѣрными. Только самолюбіе и боязнь страшной кары общественнаго мнѣнія не позволяли отступить отъ разъ принятаго рѣшенія, ни при жизни поэта, ни послѣ его смерти. Въ самомъ дѣлѣ, разоблаченія, сдѣланныя ею, наконецъ, въ 1856 г. г-жѣ Стоу и жадно подхваченныя защитницей угнетенныхъ, въ книжкѣ «Lady Byron vindicated», хотя подняли сначала взрывъ негодованія противъ памяти поэта въ англійскомъ обществѣ, но кончились оправданіемъ обвиняемыхъ и посрамленіемъ обвинителей, благодаря бездоказательности и противорѣчивости обвиненій и нѣкоторымъ весьма компрометтирующимъ письмамъ лэди Байронъ, обнародованнымъ друзьями поэта въ 1869 и 1870 гг. Остается ожидать появленія въ печати фамильныхъ бумагъ для заключительнаго слова по этому частному дѣлу, сдѣлавшемуся, къ сожалѣнію, общественнымъ достояніемъ.

Итакъ, видя себя отвергнутымъ женой, несмотря на всѣ уступки съ своей стороны, Байронъ, наконецъ, не выдержалъ и перешелъ въ озлобленіе. Стихотвореніе «A. Sketch» представляетъ одинъ изъ печальныхъ памятниковъ такого настроенія. Его не можетъ извинить и то, что оно первоначально не предназначалось для печати (какъ и «Fare thee well») и сдѣлалось извѣстнымъ только благодаря нескромности пріятеля.

Такъ прошло три мѣсяца. Пересуды въ обществѣ и печати, а также семейныя дѣла (родные принуждали подписать разводъ черезъ адвокатовъ) измучили, наконецъ, Байрона до того, что онъ рѣшился уѣхать изъ Англіи—надолго, если не навсегда.

Англійскій біографъ говоритъ: «Еслибъ поэтическая дѣятельность лорда Байрона завершилась въ то время, какъ онъ покидалъ родину, о немъ помнило бы только одно поколѣніе, какъ объ авторѣ нѣсколькихъ музыкальныхъ лирическихъ стихотворе-

ній, остроумной сатиры, поэтическаго дневника, въ которомъ замѣтили проблески генія, и ряда интересныхъ поэмъ, много обѣщавшихъ и чрезвычайно популярныхъ. III и IV пѣсни Чайльдъ-Гарольда поставили его на иной пьедесталъ, рядомъ съ *Dii majores* англійской поэзіи. Эти пѣсни отдѣлены отъ первыхъ двухъ цѣлой пропастью».

Странствующій Байронъ опять на сценѣ, то въ образѣ Чайльдъ-Гарольда, то самъ по себѣ. Но время измѣнило его къ лучшему. Знаніе жизни и людей обогатило умъ; мысль созрѣла; міросозерцаніе стало спокойнѣе и шире; настроеніе духа яснѣе. Воспріимчивость, пониманіе природы, тонкость поэтическаго чутья остались прежнія. Въ дневникѣ путешествія по Рейну и Швейцаріи нѣтъ избитыхъ мѣстъ, хотя тэмы перебывали во многихъ рукахъ. Все своеобразно, потому что переходитъ въ плоть и кровь поэта.

Если въ періодъ нелѣпаго гоненія общества, Байрону приходило желаніе отмстить толпѣ, сравнивавшей его съ разными чудовищами язычества, то, конечно, трудно было придумать мщеніе болѣе жестокое, чѣмъ то нравственное величіе, въ которомъ онъ является въ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда». Озлобленію нѣтъ мѣста въ душѣ, пережившей страшное потрясеніе и познавшей тщету всего земного. Нельзя не обратить вниманія на нѣжное обращеніе къ дочери и сестрѣ. Послѣднюю онъ, очевидно, хочетъ защитить своимъ уваженіемъ и дружбой отъ злыхъ нареканій. По отношенію къ женѣ нѣтъ ни слова упрека; онъ не имѣлъ въ то время понятія о роли, которую она и ея родные играли въ городскихъ слухахъ. Поворотъ къ негодованію и злобнымъ выходкамъ противъ жены начинается съ осени, когда прибывшіе изъ Англіи друзья открыли ему глаза. Стихотвореніе «по поводу болѣзни лэди Байронъ» написано въ сентябрѣ. Но и позднѣе были у него возвраты добраго чувства, встрѣчавшіе всякій разъ сухой отпоръ.

Пребываніе въ Швейцаріи не разсѣяло его тяжелаго душевнаго настроенія, но было очень плодотворно въ литературномъ отношеніи. Изъ капитальныхъ вещей, кромѣ III пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», тамъ написаны: «Шильонскій узникъ», «Сонъ», «Манфредъ» (первыя два дѣйствія), «Прометей», «Станцы» и посланіе къ сестрѣ, «Мракъ» и пр.—все это въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ. Происхожденіе Манфреда связано съ именемъ Шелли, который познакомилъ Байрона съ «Фаустомъ» (оба поэта, жившіе по сосѣдству въ окрестностяхъ Женевы, понравились другъ другу съ перваго свиданія и быстро подружились). Альпійская природа,

Гётевская метафизика и собственный душевный мракъ чудеснымъ образомъ переплелись въ этомъ произведеніи [1]), которое Байронъ шутя рекомендовалъ своему издателю какъ, «a kind of poem in dialogue of a wild metaphysical and inexplicable kind». Гёте, читая «Манфреда», былъ пораженъ видоизмѣненіями, которымъ его основные мотивы подверглись въ душѣ поэта, и находилъ, что разборъ сходствъ и различій обоихъ произведеній можетъ представить большой интересъ.

Кромѣ дружескихъ отношеній съ семьей Шелли и красотъ природы, жизнь вблизи Женевы не представляла пріятности для Байрона. Клевета послѣдовала за нимъ, и хотя онъ велъ самую скромную жизнь, тѣмъ не менѣе слылъ въ англійской колоніи за изверга рода человѣческаго. Одна благочестивая дама упала въ обморокъ, при его неожиданномъ появленіи въ гостиной ея пріятельницы. Наконецъ терпѣніе его лопнуло, и онъ съ Гобгоузомъ уѣхалъ въ Италію.

Своей резиденціей Байронъ, какъ извѣстно, выбралъ Венецію—городъ наиболѣе отвѣчавшій его вкусамъ по своей оригинальности и близости къ морю. Притомъ, здѣсь можно было жить, какъ угодно. Общество не знало ни искреннихъ, ни лицемѣрныхъ строгостей. Политическій гнетъ не распространялся на частную жизнь; напротивъ, австрійцы были довольны, когда въ занимаемыхъ ими городахъ веселились и не думали о политикѣ.

Біографы не одобряютъ легкомысленнаго образа жизни Байрона въ Венеціи, но и не приходятъ въ ужасъ. Байронъ, при свойственной ему впечатлительности, могъ естественно увлечься обольщеніями своеобразнаго города и по временамъ веселился отъ души. Если въ великолѣпной IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» (написанной частью въ Венеціи, частью во время путешествія оттуда въ Римъ) онъ остается вѣренъ обычному настроенію и отдается весь серьёзнымъ впечатлѣніямъ, навѣяннымъ Италіей, зато въ «Беппо» и первыхъ четырехъ пѣсняхъ «Донъ-Жуана», рядомъ съ серьёзными мотивами, бьетъ ключемъ веселость, добродушная и неудержимая. Байронъ не принадлежалъ къ тѣмъ поэтамъ, которые, подобно Гейне, способны писать свои лучшія весеннія пѣсни, сидя зимой за печкой. Ему нужны были весна и солнце, чтобы пѣсни дышали весной. Нуженъ былъ венеціанскій карнавалъ, пестрая толкотня, взгляды и улыбки ве-

---

[1]) Манфредъ сильно интересовалъ публику, хотѣвшую непремѣнно отыскать въ немъ намёки на обстоятельства жизни Байрона. По словамъ Николя, каждую строчку терзали, какъ средневѣковую вѣдьму, чтобы вывѣдать тайну „страшнаго часа“ (all nameless hour) и придумывали невозможныя преступленія.

неціанскихъ красавицъ, забавныя приключенія, чтобы онъ могъ «неожиданно открыть въ себѣ новый элементъ—способность шутить и смѣяться». Справедливость этого обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что ему стоило большого труда окончить Манфреда, въ первую зиму въ Венеціи [1]).

Повторять разсказы о венеціанскихъ приключеніяхъ Байрона не будемъ: они не интересны, хотя и многочисленны. Тамъ было всего довольно. Были знакомства и романы въ большомъ свѣтѣ, были и романы самые демократическіе. Былъ и пестрый звѣринецъ. Хозяйство велось самое безпорядочное, и система управленія домомъ подвергалась рѣзкимъ колебаніямъ, переходя изъ рукъ «антилопы» Маріанны Сегати въ руки «тигрицы» Маргариты Коньи. Въ довершеніе неурядицы, въ домъ явилась въ одно прекрасное утро нянька, не понимавшая ни по-итальянски, ни по-англійски, съ маленькой побочной дочерью Байрона, Аллегрой, «упрямой, какъ мулъ, и хищной, какъ коршунъ»! Сюрпризъ былъ весьма не кстати, но хорошенькая дѣвочка ему понравилась и сдѣлалась предметомъ постоянныхъ и нѣжныхъ заботъ. Не мало времени уходило у Байрона на катанье верхомъ, на плаванье по морю и каналамъ. Много времени и силъ было отнято жестокой лихорадкой, разстроившей его здоровье. И тѣмъ не менѣе, онъ находилъ возможность не только много писать [2]), но и заниматься армянскимъ языкомъ и итальянской литературой.

Въ Венеціи его посѣщали друзья, между прочимъ, Шелли [3]),

---

[1]) Всѣ произведенія Байрона были написаны подъ впечатлѣніемъ минуты, и возвращаться къ пережитому настроенію онъ могъ съ трудомъ. Оттого-то онъ и сравнивалъ себя съ Пиѳіей, увѣряя, что во время сеанса не знаетъ, что̀ пишетъ, а потомъ—что̀ написалъ. При великолѣпной памяти, онъ своихъ стихотвореній не помнилъ наизусть.

[2]) Кромѣ упомянутаго выше, въ Венеціи были написаны: жалоба Тасса, Ода къ Венеціи, Мазепа и приготовленъ весь матеріалъ для драмы Марино Фальеро.

[3]) Шелли пишетъ о Байронѣ: „онъ человѣкъ вполнѣ геніальный и могъ бы извлечь родину изъ ея теперешняго униженія, если бы направилъ свои силы къ этой цѣли. Но, по несчастью, онъ слишкомъ гордъ. Изъ сравненія своего исключительнаго ума съ окружающей посредственностью онъ заключаетъ о ничтожествѣ человѣческой жизни. Силой страстей и дарованій, служащихъ другъ другу взаимной поддержкой, онъ превосходитъ другихъ людей“... „Но въ общежитіи нѣтъ человѣка болѣе добраго, снисходительнаго и безпритязательнаго. Онъ веселъ, откровененъ и остроуменъ. Серьёзная бесѣда съ нимъ—упоеніе. Онъ приковываетъ къ себѣ точно волшебствомъ“. Изъ сравненія различныхъ мнѣній о Байронѣ оказывается слѣдующее: люди пошлые видѣли въ немъ отталкивающіе недостатки и слабости; люди порядочные находили его симпатичнымъ; идеалистъ Шелли и джентльменъ В. Скоттъ были о немъ самаго высокаго мнѣнія.

съ которымъ онъ еще болѣе сблизился, Гобгоузъ, возбудившій опять вопросъ о примиреніи съ женой и Муръ [1]).

Разсѣянная жизнь никогда не могла удовлетворять Байрона. Пестрая и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразная Венеція подъ конецъ опротивѣла ему. Его томила тоска, и мысль о необходимости полезной дѣятельности стала приходить чаще прежняго. Друзья звали въ Англію, онъ колебался и былъ въ большомъ затрудненіи, когда знакомство съ графиней Терезой Гвиччіоли [2]) рѣшило его судьбу. Онъ остался въ Италіи, отдавъ беззавѣтно полюбившей его женщинѣ «все, что́ въ немъ оставалось сердца», по выраженію біографовъ.

Это была граціозная блондинка, черты которой увѣковѣчены въ образѣ Авроры Реби (въ XV пѣсни «Донъ-Жуана») и Мирры въ «Сарданапалѣ». Эту симпатичную женщину называютъ «геніемъ-хранителемъ поэта», «свѣтлой звѣздой на бурномъ горизонтѣ его жизни»: сравненія—гиперболическія, но одной заслуги ея по отношенію къ Байрону не должно забыть: она не стала поперегъ его дороги, не принизила его нравственнаго и умственнаго уровня. По своему образованію и характеру, могла понимать его и сочувствовать лучшимъ его стремленіямъ. Она была музыкантша и страстная поклонница Данта; читала по-англійски и по-французски. Не только счастье, но и слава любимаго человѣка были ей дороги. Четыре года ихъ совмѣстной жизни ознаменованы усиленной дѣятельностью Байрона въ литературномъ и политическомъ отношеніи [3]). Будучи горячей

---

[1]) Посѣщеніе Мура (осенью 1819) связано съ исторіей „Записокъ". Байронъ отдалъ ихъ ему въ полную собственность, съ условіемъ не печатать ранѣе его смерти и дать на просмотръ женѣ, чтобы она могла выбросить все для нея непріятное. Одновременно онъ написалъ объ этомъ къ лэди Байронъ. Отвѣтомъ служила сухая записка съ категорическимъ отказомъ отъ всякаго вмѣшательства. Но впослѣдствіи она не только потребовала „Мемуары" для цензуры, но разными происками добилась того, что издатель (купившій ихъ у Мура) сжегъ ихъ при свидѣтеляхъ отъ обѣихъ сторонъ. Предлогомъ ей служило то, что они бросаютъ тѣнь на память поэта. По изысканіямъ Эльце, лэди Байронъ обязалась возвратить Муру 2000 ф., которые онъ долженъ былъ уплатить издателю, и не возвратила.—Есть надежда, что копія съ „Записокъ" находится въ бумагахъ Гобгоуза, которыя будутъ напечатаны въ 1900 г. (по завѣщанію).

[2]) 16-ти-лѣтняя мечтательница, рожденная Гамба, выданная прямо изъ монастыря за богатаго старика, увидала Байрона на третій день послѣ свадьбы. Знакомство началось годомъ позже.

[3]) Въ эти четыре года написаны: „Марино Фальеро", „Фоскари", „Сарданапалъ", всѣ драмы и „Каинъ", V—XVI пѣсни „Донъ-Жуана", „Видѣніе суда", „Небо и Земля", переводы изъ Пульчи и Данта, Островъ.—Станцы къ По (1819) и „Пророчество Данта" (1820) связаны съ его отношеніями къ Гвиччіоли.

патріоткой, она переживала съ нимъ надежды и разочарованія Италіи и въ своей безкорыстной любви отпустила его въ Грецію безъ жалобъ и упрековъ.

Переселеніе Байрона въ Равенну, гдѣ жила графиня, повело къ сближенію съ ея отцомъ и братьями. При накипѣвшей въ немъ жаждѣ къ общественной и политической дѣятельности и невозможности принимать участіе въ дѣлахъ Англіи (по обстоятельствамъ и свойствамъ характера), онъ занялся судьбами страны, близкой его сердцу и ставшей для него вторымъ отечествомъ.

Равенна, какъ и вся Италія, находилась въ это время въ сильномъ броженіи. Съ паденіемъ Наполеоновскаго владычества, на сцену выступилъ «ничему не научившійся и ничего не позабывшій» легитимизмъ, и съ непонятнымъ ослѣпленіемъ началъ истреблять именно то, что̀ осталось хорошаго отъ прежняго режима, замѣняя полезныя реформы отжившими учрежденіями и произволомъ. Невыносимый гнетъ реакціи заставилъ итальянцевъ прибѣгнуть къ заговору, и общество карбонаріевъ стало съ каждымъ днемъ размножаться. Гамбы были въ числѣ ихъ и посвятили Байрона въ свои тайны. Онъ примкнулъ къ нимъ съ страстнымъ увлеченіемъ. Свободная Италія казалась ему не только великой цѣлью, для которой было все равно, кѣмъ и чѣмъ жертвовать, но и поэтической мечтой—«поэзіей политики». Ставши во главѣ фракціи «Американцевъ» (тогда бредили Америкой), Байронъ отдалъ свой домъ въ распоряженіе общества, покупалъ оружіе, тратилъ много денегъ, готовъ былъ рисковать головой и въ то же время съ мальчишескимъ задоромъ ругалъ австрійцевъ въ своихъ письмахъ, зная, что письма читаются и что его неприкосновенность въ качествѣ англійскаго пэра выводитъ полицію изъ себя.

Въ желаніи свергнуть иноземцевъ карбонаріи были единодушны, но на счетъ формы будущаго правленія у нихъ не выработалось общаго взгляда; не было согласія и въ планѣ дѣйствій, когда надо было дѣйствовать. Карбонаріи теряли время даромъ, торжествуя, если передъ носомъ австрійской полиціи и папскихъ шпіоновъ удавалось наклеить какую-нибудь афишу, въ родѣ: «да здравствуетъ республика», «смерть папѣ», «долой австрійцевъ». Между тѣмъ, гроза приближалась. Австрійцы неожиданно перешли По (7 февр. 1821 г.), и жители получили приказаніе выдать оружіе. Смущеніе и уныніе было всеобщее. Оставалась одна надежда—неаполитанцы, но они разбѣжались передъ австрійскими солдатами. Всѣ мечты рухнули. Абсолютизмъ водворился прочнѣе прежняго.

Въ спискѣ жертвъ этого выдворенія не могло стоять имя Байрона, но его надѣялись выжить косвеннымъ путемъ, черезъ ссылку Гамбовъ. Байронъ остался однако въ Равеннѣ до осени, частью на-зло властямъ, частью потому, что увлекся работой: «Сарданапалъ» [1]), «Фоскари», «Каинъ», «Небо и Земля» были написаны въ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, ему просто не хотѣлось покидать Равенны, съ которой онъ сжился. Его тамъ очень полюбили, а бѣдняки, которымъ онъ много помогалъ, обратились даже къ легату съ просьбой не выпускать его изъ города. Неудача на политической аренѣ произвела на Байрона тяжелое впечатлѣніе; изъ Англіи вѣсти были неутѣшительны для поэта: драма «Марино Фаліеро» провалилась, «Донъ-Жуанъ» производилъ скандалъ (издатель не рѣшился выпустить его въ свѣтъ подъ своей фирмой). Байронъ, стремившійся къ дѣятельности, задумывалъ журналъ либеральнаго направленія (съ цѣлью полезной пропаганды и ради возможности печатать свои произведенія безъ посредства издателя); думалъ о поѣздкѣ въ Грецію, — но, вообще, былъ мраченъ и не могъ ни на чемъ остановиться. Лихорадка заставила его ускорить отъѣздъ въ Пизу, гдѣ его ждала графиня Гвиччіоли, и гдѣ поселился Шелли съ семьей и пріятелями, цѣлой колоніей англичанъ.

Въ Пизѣ Байронъ испыталъ много тяжелыхъ впечатлѣній и работалъ менѣе дѣятельно [2]). Его волновалъ дурной пріемъ его послѣднихъ произведеній на родинѣ; и если общество друзей служило отрадой, за то заѣзжіе соотечественники заставили дорого поплатиться за сближеніе съ ними, наперекоръ предостереженіемъ инстинкта. Изъ числа посредственностей, окружившихъ его, глупый и наивный Таафе составляетъ еще только комическое явленіе, несмотря даже на его исторію съ драгуномъ, разсѣявшую всю колонію [3]). Медвинъ, выдавшій въ своихъ

---

[1]) „Сарданапалъ", гдѣ Байронъ изобразилъ себя и графиню Гвиччіоли, былъ задуманъ давно, но начатъ въ январѣ 1821, подъ впечатлѣніемъ политическихъ событій, и прерванъ ими же до мая. Драма эта представляетъ любопытный примѣръ вліянія обстановки на характеръ произведеній Байрона.

[2]) Въ Пизѣ были написаны VI—XI пѣсни „Донъ-Жуана" „Вернеръ", „Преображенный уродъ" и „Видѣніе Суда". Послѣднее стихотвореніе написано въ пику Соути, подъ вліяніемъ недостойныхъ нападковъ лавреата на „Донъ-Жуана" и его автора. Николь говоритъ, что Соути, вообще почтенный джентльменъ, по отношенію къ Байрону „объѣлся бѣлены".

[3]) Таафе былъ шутомъ цѣлаго кружка, за исключеніемъ Байрона, котораго трогало (но иной разъ очень забавляло) наивное увлеченіе этого человѣка своимъ произведеніемъ: „Комментаріи къ Данту". Таафе былъ несчастливъ и въ верховой ѣздѣ. Нечаянный толчокъ драгуна, повергнувшій его на землю и принятый за личное

«Бесѣдахъ» за чистую монету весь вздоръ, которымъ Байронъ любилъ смущать недалекаго слушателя, оказался уже болѣе вреднымъ. Знакомство съ Трелоуни [1]) тоже не было пріобрѣтеніемъ, но вѣнецъ составляетъ пошлый Гёнтъ, котораго Байронъ до извѣстной степени самъ навязалъ себѣ на шею, согласившись на его участіе въ задуманномъ журналѣ «The Liberal». Мало того, что журналъ, стоившій не мало денегъ, провалился къ великому огорченію Байрона, что Гёнты, въ числѣ 8 человѣкъ, не считая прислуги, жили и путешествовали на счетъ Байрона, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, что вульгарность и претензіи ихъ (вмѣстѣ съ неумѣлостью, обнаруженной главой семейства въ журнальномъ дѣлѣ) были источникомъ постояннаго неудовольствія для человѣка, уже и безъ того раздраженнаго разными неблагопріятными обстоятельствами,—нѣтъ, Гёнтъ послѣ смерти поэта издалъ еще свои воспоминанія о Байронѣ, полныя пошлой и злостной клеветы. Гёнтъ получилъ возмездіе отъ критиковъ; характеръ его воспроизведенъ Диккенсомъ въ м-рѣ Скимполѣ («Холодный Домъ»), а отличительныя черты его книги указаны Муромъ въ весьма ядовитомъ стихотвореніи. Но отъ клеветы всегда остается что-нибудь, и недоброжелатели поэта не пренебрегли воспоминаніями непризнаннаго журналиста.

Весной умерла Аллегра, къ искреннему огорченію Байрона. Лѣтомъ утонулъ Шелли. «Вотъ, исчезъ еще одинъ человѣкъ, относительно котораго свѣтъ злобно, глупо и грубо ошибался» пишетъ Байронъ Муру. «Быть можетъ, ему отдадутъ справедливость теперь, когда ему отъ этого ни тепло, ни холодно». Письмо кончается слѣдующими словами. «При такомъ положеніи вещей и съ такими людьми необходимо—при теперешнихъ столкновеніяхъ мысли и деспотизма — обнажить мечь. Знаю, что силы страшно неравны, но, тѣмъ не менѣе, надо идти въ бой».

Изъ окрестностей Пизы Байронъ вмѣстѣ съ Гамбами (высланными изъ предѣловъ Тосканскаго герцогства) переѣхалъ въ Генную (конецъ іюля 1822). Постоянныя преслѣдованія этой семьи возбудили вопросъ о томъ, гдѣ найти себѣ убѣжище: въ Аме-

---

оскорбленіе, повелъ къ стычкѣ, вслѣдствіе которой Гамбы были высланы, и вся колонія разсыпалась по окрестностямъ.

[1]) „Трелоуни, сопровождавшій Байрона въ Грецію и сообщившій подробности о послѣднихъ мѣсяцахъ его жизни, былъ склоненъ видѣть въ немъ однѣ слабыя стороны. Кромѣ слишкомъ исключительнаго поклоненія Шелли, не позволявшаго относиться безпристрастно къ человѣку съ характеромъ противоположнымъ, мы должны признать, что на его сужденіе вліяло соперничество въ физической ловкости и обнаружившееся вскорѣ различіе политическихъ взглядовъ“, пишетъ Николь.

рикѣ, Греціи, на какомъ-нибудь островѣ? Дѣло кончилось на первое время путешествіемъ по Швейцаріи и возвращеніемъ въ виллу Салуццо, близъ Генуи.

Въ Генуѣ Байронъ былъ осаждаемъ англичанами, но бѣгалъ отъ нихъ пуще прежняго и сблизился только съ семействомъ графа Блессингтона. Жена его, извѣстная писательница, оставила, какъ извѣстно, записки о своихъ «Разговорахъ съ Байрономъ». Біографы допускаютъ здѣсь тонкую наблюдательность рядомъ съ прибавками романистки. Кружокъ великосвѣтскихъ англичанъ перенесъ воображеніе поэта въ Англію, о которой много говорили, перебирая прежнихъ знакомыхъ.

И вотъ, Донъ-Жуанъ Байрона тоже ѣдетъ въ Англію. Пѣсни XI—XVI, написанныя въ Генуѣ, содержатъ рядъ портретовъ (миссъ Мильпондъ—лэди Байронъ, Аделина—лэди Блессингтонъ, Аврора Реби—графиня Гвиччіоли) и любопытныхъ фактовъ, серьёзныхъ и шутливыхъ, составлявшихъ тогдашнюю злобу дня. Лэди Блессингтонъ, съ свойственнымъ ея полу любопытствомъ, разспрашивала Байрона объ его отношеніяхъ къ женѣ и была поражена, сопоставляя его мягкіе и почтительные отзывы о ней съ злыми намеками и нападками въ его стихахъ. Онъ объяснялъ послѣдніе впечатлѣніями минуты, оскорбленнымъ чувствомъ и желаніемъ, въ свою очередь, посердить жену; о сестрѣ говорилъ съ величайшей нѣжностью; радовался, что Ада похожа на него.

Въ Генуѣ былъ написанъ «Островъ», очевидно, навѣянный разговорами о переселеніи въ вѣрное убѣжище послѣ всѣхъ пережитыхъ треволненій. Любовь къ морю, идеализація первобытнаго образа жизни и какое-то особенное ясное спокойствіе преобладаютъ въ этомъ поэтическомъ и послѣднемъ произведеніи Байрона. Вообще, онъ въ это время мало писалъ [1]). Его занимало не то. Накипавшая въ немъ съ давнихъ поръ рѣшимость покинуть Италію и посвятить себя политической дѣятельности, наконецъ, созрѣла и перешла въ дѣло.

Дѣла Греціи, возбуждавшія постоянный интересъ Байрона, приняли въ это время новый оборотъ. Послѣ блестящихъ результатовъ, завоеванныхъ въ нѣсколько мѣсяцевъ (къ концу 1822 г. Греція была недалеко отъ признанія независимымъ государствомъ) наступило затишье, не предвѣщавшее ничего добраго. Между вожаками начались несогласія, интриги подрывали патріотизмъ; энергія инсургентовъ начала падать передъ недостаткомъ средствъ

---

[1]) Небольшое стихотвореніе его къ лэди Блессингтонъ, излагающее причины, по которымъ вдохновеніе въ немъ изсякло, полно интереса по своей правдивости.

для продолженія борьбы. Филэллинскій комитетъ въ Лондонѣ, сознавая необходимость поддержать дѣло не только деньгами, но и блестящимъ именемъ, предложилъ Байрону, черезъ Гобгоуза (въ апрѣлѣ 1823), оказать инсургентамъ содѣйствіе. Байронъ сначала колебался и даже уѣзжая въ іюнѣ въ Занте, располагалъ сначала ближе присмотрѣться къ положенію дѣлъ и тогда уже высказаться опредѣленно насчетъ собственныхъ плановъ. Недоброжелатели, разбирая мотивы этого похода, выдвигаютъ самые низменные: «Байрону опротивѣла возня съ журналомъ и издателемъ; надоѣла любовница; онъ готовъ былъ идти куда угодно—отъ Китая до Перу—лишь бы найти новое поприще для своего честолюбія», говорятъ они. Новѣйшій біографъ энергически возстаетъ противъ подобныхъ толкованій: «Эти постоянныя полу-истины и укоренившаяся привычка искаженія каждаго поступка человѣка могутъ совершенно вывести изъ терпѣнія. Мы допустили въ Байронѣ тщеславный, властолюбивый и безпокойный характеръ, страсть выставлять себя на показъ и извѣстную долю безхарактерности, дѣлавшей его рабомъ обстоятельствъ. Еслибъ «Либералъ» оказался свѣточемъ для страны, а не краснымъ флагомъ, дразнившимъ Джонъ Булля, Байронъ, пожалуй, бросилъ бы якорь въ Генуѣ. Стоитъ только вникнуть въ общій смыслъ его произведеній и жизни, чтобы не отрицать въ немъ способности увлекаться великими идеями и стоять за правое дѣло, именно тогда, когда шансы этого дѣла были плохи. Нетрудно понять, что Гёнты могли опротивѣть. Намеки же на его отношенія къ графинѣ Гвиччіоли лишены основанія»... «Ея переписка и воспоминанія служатъ доказательствомъ, что она отнюдь не считала себя покинутой, несчастной или оскорбленной».— Правда или святая ложь, это во всякомъ случаѣ достойный финалъ для любви этой женщины.

При отъѣздѣ въ Грецію, Байронъ, какъ мы уже сказали, не могъ еще выяснить себѣ своей будущей роли, и настроеніе духа было у него, вообще, измѣнчивое. То онъ думалъ, что экспедиція продолжится не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то предавался суевѣрнымъ опасеніямъ. За недѣлю до отплытія, прощаясь съ лэди Блессингтонъ, онъ сказалъ: «у меня точно какое-то предчувствіе, что я не вернусь изъ Греціи»; и, спрятавъ лицо въ подушку дивана, разрыдался. Это была, впрочемъ, послѣдняя минута малодушія или нервности.

Онъ дѣятельно занялся приготовленіями къ экспедиціи, кото-

рая съ каждымъ днемъ его все болѣе поглощала. Ему были извѣстны пороки «наслѣдственныхъ рабовъ», и онъ сознавалъ, что только твердая рука можетъ привести ихъ къ желанной цѣли — свободѣ, въ то же время, единственному пути къ ихъ нравственному возрожденію.

14 іюля 1823 Байронъ, Трелóуни и Піетро Гамба (юный братъ Терезы и преданный другъ поэта) съ 50,000 испанскихъ долларовъ отплыли изъ Генуи [1]). Буря заставила ихъ, однако, вернуться, и они окончательно снялись съ якоря только 16-го. Ровно черезъ годъ тѣло поэта опустили въ могилу. Принесъ ли онъ существенную пользу дѣлу своимъ личнымъ участіемъ въ немъ—вопросъ, на который можно смѣло отвѣчать утвердительно; но онъ не имѣетъ отношенія къ чистотѣ намѣреній и даже образу дѣйствій, а, именно, съ этой стороны старались бросить тѣнь на Байрона, останавливаясь на совершенныхъ мелочахъ и оставляя безъ вниманія цѣлый рядъ крупныхъ фактовъ. Бывали и такіе случаи, гдѣ комментаторы, довольствуясь одними разсужденіями о завѣдомомъ честолюбіи и тщеславіи Байрона, — въ сущности, весьма нелестно для ихъ собственнаго характера, но того не сознавая, проявляли общечеловѣческую черту недовѣрія ко всему несвойственному собственной природѣ.

На этомъ стóитъ остановиться. Одинъ изъ людей, наиболѣе вредившихъ репутаціи Байрона—Трелóуни, такъ какъ всѣ знаютъ его за соучастника похода и не всѣмъ извѣстно, что онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, отдѣлился отъ Байрона [2]) и не видалъ его болѣе живымъ. Тотъ же Трелóуни, который сознается, что во время сборовъ и плаванья—почти единственнаго, чему онъ былъ очевидцемъ—«нельзя было найти товарища, болѣе пріятнаго и менѣе притязательнаго, чѣмъ Байронъ, и что жизнь на морѣ вѣрнѣйшій оселокъ для испытанія характера», не стыдится приводить въ доказательство суетности своего пріятеля самыя пустыя и даже смѣшныя обвиненія.

Всякій, ссылающійся на тщеславіе Байрона, найдетъ много данныхъ въ свою пользу. Этотъ недостатокъ очень извѣстенъ: онъ былъ врожденъ и взлелѣянъ съ дѣтскихъ лѣтъ и долженъ былъ прорываться при всякихъ обстоятельствахъ и настроеніяхъ. Мудре-

---

[1]) Въ тотъ же день графиня уѣзжала съ старикомъ отцомъ въ новое изгнаніе. Она, подобно Байрону, шла исполнять свой долгъ: отецъ нуждался въ ея помощи и жилъ на ея средства, потерявъ все состояніе въ политическихъ смутахъ.

[2]) Посланный въ Аѳины съ порученіемъ, Т. остался тамъ и примкнулъ къ партіи противника Маврокордато, Одиссея (хитроумнаго, какъ древній тезка, но болѣе честолюбиваго предводителя), женившись на его дочери.

но-ли, что Байронъ, котораго несомнѣнно увлекала поэтическая сторона дѣла, особенно издали, могъ, при своихъ художественныхъ и по-женски тщеславныхъ инстинктахъ, думать о шлемѣ съ любимымъ девизомъ и—не жалѣть своей жизни.

Присматриваясь къ его поступкамъ, оказывается, что честолюбіе не исчезло въ немъ, а, напротивъ, разрослось передъ новой избранной цѣлью. Оно, надо полагать, поднялось даже слишкомъ высоко, чтобы тотъ, кого всѣ знали за радикала и поборника свободы, желалъ кончить такъ вульгарно—надѣть на себя столько разъ осмѣянную корону, или носить ее на обычный манеръ. Эльце, допускающій преобладаніе личныхъ мотивовъ въ рѣшеніи Байрона ѣхать въ Грецію, свидѣтельствуетъ, однако, что онъ росъ нравственно вмѣстѣ съ обстоятельствами и что онъ былъ достоинъ своей задачи. Англійскій біографъ ставитъ послѣдующую дѣятельность Байрона очень высоко.

Успѣхъ дѣла сталъ теперь цѣлью честолюбія Байрона. Дѣло было на первомъ планѣ и, ради него, онъ былъ готовъ выносить даже доходившія до него обвиненія въ нерѣшительности и праздности. Считая извѣстный *decorum* необходимымъ для внушенія решпекта тому сброду, съ которымъ приходилось вести дѣло, наряжая своихъ суліотовъ и платя имъ по 4 долл. въ день, онъ самъ—ради закаленія самого себя, ради примѣра и экономіи—питался хуже поденщика и ничего не тратилъ лично на себя. Онъ берегъ деньги для военныхъ расходовъ, для помощи бѣднякамъ, и свое жалованье генеральнаго агента отдавалъ цѣликомъ въ греческую казну. Въ немъ проявлялась не только преданность дѣлу, но и умѣнье служить ему—умъ и таланты предводителя и чрезвычайно вѣрный политическій смыслъ. А роль его была весьма трудная, особенно въ началѣ. Получить точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи страны было ему тогда не отъ кого—на греческихъ предводителей было трудно полагаться—и ему, человѣку новому, нужно было руководиться собственными наблюденіями при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ.

Тотъ, кто склоненъ видѣть нерѣшительность или отсутствіе энергіи въ выжидательной политикѣ Байрона въ Кефалоніи (гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ), незнакомъ съ исторіей греческаго возстанія (говоритъ Николь) или забываетъ, что страна была въ эту пору жертвой партій — республиканской, монархической, аристократической—и что каждая изъ нихъ находилась въ рукахъ искателей приключеній, нерѣдко весьма сомнительнаго свойства, думавшихъ исключительно о личныхъ выгодахъ. Примкнувъ къ которой-нибудь изъ нихъ, Байронъ унизился бы до уровня

простого кондотьера и способствовалъ бы гибели дѣла. Его со всѣхъ сторонъ осаждали предложеніями. Желая служить греческому народу, а не партіи, онъ твердо сохранялъ самостоятельное положеніе, заявляя себя во всѣхъ случаяхъ практичностью и умѣлостью; стараясь мирить кандидатовъ (которые перебивали другъ у друга мѣста или доходы), не даваясь въ обманъ и не оскорбляя никого недовѣріемъ. За ходомъ войны онъ не переставалъ слѣдить [1]) и много способствовалъ успѣху дѣла, не только тѣмъ, что своимъ именемъ привлекалъ симпатіи Европы къ греческому вопросу, но и непосредственнымъ содѣйствіемъ заключенію греческаго займа въ такое время, когда деньги были все. Его письмо къ центральному правительству по этому предмету (30 ноября 1823) можетъ служить образчикомъ его взглядовъ. Выставляя бѣдствія грозящаго междоусобія, онъ доказываетъ, что, пока не будутъ возстановлены единство и порядокъ, надежды на заемъ осуществиться не могутъ. «Я желаю блага Греціи и ничего иного. Буду ему способствовать, насколько могу. Но ни въ какомъ случаѣ не соглашусь обманывать англійское общество на счетъ истиннаго положенія вещей. Вы вышли изъ битвы съ честью, поступайте же добросовѣстно относительно согражданъ и свѣта. Тогда перестанутъ повторять—то, что повторяли 2000 лѣтъ кряду, вслѣдъ за римскими историками, что Филопеменъ былъ послѣднимъ изъ грековъ».

Когда, по освобожденіи Миссолунги, турецкій флотъ и гарнизонъ удалились въ Лепантскій заливъ, а Маврокордато пригласилъ Байрона присоединиться къ нему, тотъ немедленно собрался ѣхать (конецъ декабря 23 ч.), хотя былъ боленъ, и врачи энергически протестовали. По пути, онъ спасся отъ плѣна только благодаря искусному маневру (судно провели между скалъ, куда турецкій фрегатъ не могъ слѣдовать за нимъ). Затѣмъ пришлось выдерживать страшную бурю. Въ обоихъ случаяхъ, Байронъ обнаружилъ не только полнѣйшее самообладаніе, но и большую находчивость.

Въ Миссолунги, куда Байронъ привезъ 4000 фунт. стерл. въ видѣ дара для издержекъ по флоту, ему были поручены приготовленія къ экспедиціи противъ Лепанта. Онъ нанялъ на свой счетъ 500 суліотовъ, матросовъ и солдатъ, и занялся приготов-

---

[1]) И тѣмъ не менѣе находилъ свободные вечера для посѣщенія религіозныхъ митинговъ д-ра Кеннеди, удивляя его знаніемъ писанія и то смущая, то утѣшая его своими вопросами и отвѣтами. Добродушный шотландецъ, чуждый всякаго чутья для ироніи и шутки, составилъ (по примѣру многихъ другихъ, соприкасавшихся съ Байрономъ) любопытную книгу „Бесѣдъ“.

леніями съ увлеченіемъ и знаніемъ дѣла. Между нимъ и полковникомъ Стенгопомъ (его помощникомъ), происходило не мало забавныхъ и серьёзныхъ столкновеній, вслѣдствіе различія взглядовъ. Поэтъ стоялъ за военныя мѣры, полковникъ за мирную и религіозную пропаганду. Для своихъ цѣлей онъ привезъ обращеннаго кузнеца Веслеянца, цѣлый грузъ библій, шрифта и бумаги и собирался издавать газету. Байронъ убѣждалъ его, что теперь не до того; что греки не умѣютъ читать; что методистская проповѣдь возбудитъ фанатизмъ духовенства; что политическая газета, держась тѣхъ или другихъ взглядовъ, будетъ раздувать вражду между партіями; что задуманныя обличенія порядковъ на Іоническихъ островахъ озлобятъ англичанъ — чѣмъ затруднится, съ одной стороны, признаніе независимости Греціи, а съ другой, сношенія съ островами, незамѣнимымъ источникомъ всякихъ запасовъ и продовольствія. Байронъ совѣтовалъ для скорѣйшаго преуспѣянія цивилизаціи превратить бумагу въ патроны, а шрифтъ въ пули. Стенгопъ не поддавался, сердился и бранилъ своего противника деспотомъ и туркомъ. Различіе взглядовъ не мѣшало имъ, однако, понимать и уважать другъ друга. «Англія лишилась своего величайшаго генія, Греція своего благороднѣйшаго друга», писалъ Стенгопъ, послѣ смерти поэта, выражая желаніе проводить его тѣло на родину.

Но пока они еще оба жили въ Миссолунги, и каждый дѣлалъ свое дѣло. Стенгопъ умудрился-таки издавать газету «Telegrafo greco» [1]), а Байронъ приготовлялся къ экспедиціи противъ Лепанта. Николь восхищается его политическимъ тактомъ и благоразуміемъ. Очень трудно было, въ самомъ дѣлѣ, управляться съ разнородными элементами, которые нужно было держать въ порядкѣ, чтобы на Греціи не повторилась печальная судьба итальянскаго революціоннаго движенія. Слѣдя за всѣми колебаніями дѣла, Байронъ убѣдился мало-по-малу, что вмѣшательство иноземныхъ державъ необходимо,—все равно удастся ли осуществить его идеалъ древне-греческаго союза съ выборнымъ президентомъ, или придется видѣть на греческомъ престолѣ иноземнаго принца — и открыто заявлялъ о перемѣнѣ своихъ взглядовъ [2]). Финансами онъ распоряжался необыкно-

[1]) Любопытно, что противникъ мирной пропаганды жертвовалъ много денегъ на газету — одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ непослѣдовательности или вѣрнѣе мягкости Байрона.

[2]) Эта перемѣна была, разумѣется, объясняема въ самую невыгодную для него сторону—мечтаній о верховной власти для себя. Между тѣмъ, его любимой мечтой

венно умно; наблюдалъ за укрѣпленіями и флотомъ, сдерживалъ распущенность солдатъ и старался ввести принципы гуманности въ систему веденія войны и отношенія къ побѣжденнымъ. Его домъ былъ центромъ, куда собирались иностранцы; всѣмъ онъ оказывалъ радушіе и гостепріимство.

Не до стиховъ было ему при такой дѣятельной жизни. Но 22 января 1824 г., въ день, когда ему минуло 36 лѣтъ, Байронъ прочелъ своимъ друзьямъ стихотвореніе, дорогое для его почитателей, какъ достойная заключительная пѣсня поэта, съ послѣдними стихами:

If thou regret'st thy youth,—*why live?* и проч.

„Если тебѣ жаль молодости—*зачѣмъ жить?* Здѣсь мѣсто для достойной смерти. Иди въ бой и тутъ отдай послѣднее дыханіе. Могила солдата,—которую находятъ чаще, чѣмъ ищутъ,—для тебя лучшая доля. Посмотри кругомъ, выбери мѣсто и сложи свою голову!"

Байронъ какъ-будто дѣйствительно желалъ смерти въ это время. По крайней мѣрѣ, въ предполагаемой экспедиціи онъ выбралъ для себя самый опасный постъ и надѣялся, что храбрость и энергія замѣнятъ ему военныя знанія при аттакѣ, гдѣ личный примѣръ дѣйствуетъ заразительно. Что же касается плана и стратегическихъ тонкостей, то для этого существовалъ генеральный штабъ изъ волонтеровъ-спеціалистовъ. Въ первыхъ числахъ февраля прибылъ, наконецъ, капитанъ Парри съ матеріаломъ для боевыхъ снарядовъ, и дѣятельность въ артиллерійской лабораторіи закипѣла. Но здоровье Байрона внушало опасенія. «Если насъ пощадитъ мечъ,—писалъ онъ въ Англію,—то навѣрное уложитъ лихорадка». На просьбы и увѣщанія уѣхать изъ Миссолунги и беречь себя, онъ отвѣчалъ: «Знаю, что мое здоровье плохо, но считаю нужнымъ оставаться. Лучше умереть за дѣломъ, чѣмъ безъ дѣла». И, страдая ревматизмомъ и лихорадкой, продолжалъ жить въ домѣ, стоявшемъ въ центрѣ испареній болотистаго ручья и придерживаться самой нецѣлесообразной діеты. Напряженное душевное состояніе, при нездоровьи, усиленныхъ трудахъ и постоянныхъ крупныхъ и мелкихъ неудачахъ и досадахъ, должно было выразиться усиленіемъ обычной раздражительности. Между тѣмъ, Байронъ поражалъ всѣхъ своимъ благодушіемъ, кротостью, невозмутимымъ терпѣніемъ, привѣтливостью. Всѣ черты, дѣлавшія его порой несноснымъ и

было ѣхать въ Америку, посломъ освобожденной Греціи, и достигнуть признанія ея независимости со стороны Соединенныхъ-Штатовъ, послѣ чего можно было ожидать признанія и со стороны Англіи.

вытекавшія изъ сплина, изъ непредвидѣнныхъ капризовъ причудливаго и упрямаго человѣка, исчезали, когда мысли были поглощены высшими интересами. Понятно, что это должно было иногда стоить ему большихъ усилій!

Но вотъ случилось нѣчто совсѣмъ особенное. Въ то самое время, какъ цѣль всѣхъ трудовъ была близка, и все готово для аттаки Лепанта, суліоты, поссорившись съ англійскими рабочими, напали на лабораторію Парри. Одинъ нѣмецкій офицеръ былъ при этомъ убитъ, а англійскіе рабочіе (уже и безъ того напуганные землетрясеніемъ и слухами о чумѣ) объявили, что ѣдутъ обратно въ Англію—въ самый разгаръ работы, когда замѣнить ихъ было невозможно. Суліоты-матросы продолжали бушевать (подстрекаемые эмиссарами Колокотрони, крупнаго разбойника, считавшаго себя соперникомъ Маврокордато) и тоже требовать разсчета и отпуска домой. Съ исчезновеніемъ техниковъ и матросовъ, экспедиція становилась невозможной или отодвигалась на неопредѣленное время. Этого удара Байронъ вынести не могъ: съ нимъ сдѣлались страшныя судороги. Доктора въ испугѣ поставили піявки къ вискамъ, но такъ неловко, что изъ артеріи брызнула кровь, и ее съ трудомъ могли унять. Едва паціентъ пришелъ въ себя отъ обморока, послѣдовавшаго за кровотеченіемъ, какъ въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, ворвалась пьяная вооруженная толпа, требуя денегъ. Байронъ опять показалъ удивительную силу характера. Чѣмъ неистовѣе кричали суліоты, тѣмъ спокойнѣе и разумнѣе держался онъ и успѣлъ одержать надъ ними верхъ. «Это была картина, поразительная по своему величію,—пишетъ объ этомъ Стенгопъ и прибавляетъ:—невозможно передать словами хладнокровія и великодушія Байрона въ минуты испытанія... Тутъ проявлялось все величіе его благородной души. Нѣтъ и не было человѣка болѣе твердаго въ виду опасности».

Между тѣмъ, дѣла Греціи приняли болѣе благопріятный оборотъ. Распри между предводителями улеглись; со всѣхъ сторонъ притекали иностранцы-волонтеры и деньги, надежды на заемъ были близки къ осуществленію (извѣстіе о заключеніи займа застало еще Байрона въ живыхъ). Байронъ оправился, хотя все еще чувствовалъ большую слабость.

9-го апрѣля, получивъ пріятныя извѣстія изъ Англіи, Байронъ поѣхалъ кататься, въ особенно веселомъ настроеніи. Послѣ жаркаго дня, полилъ вдругъ дождь; онъ промокъ и вдобавокъ захотѣлъ непремѣнно вернуться домой въ лодкѣ, чтобы не ѣхать вонючими улицами города. Почти тотчасъ по пріѣздѣ,

онъ почувствовалъ ознобъ и ломъ въ тѣлѣ. Съ недѣлю еще онъ перемогался, не переставая заниматься дѣлами, потомъ слегъ.

Надъ больнымъ совѣщаются неумѣлые врачи. «Пустить кровь», говоритъ итальянецъ; нѣмецъ вторитъ. Байронъ сопротивляется, насколько можетъ; отшучивается, проситъ, сердится—дѣлать нечего, онъ безсиленъ. Выпускаютъ 20 унцій крови, больной мечется и начинаетъ заговариваться. Значитъ, мало. На другой и третій день повторяютъ. Онъ все еще протестуетъ: «оставьте, не все ли равно умереть съ кровью или безъ крови въ жилахъ». Въ эти оба раза его доводятъ до обморока. Изнеможеніе чередуется съ бредомъ. Кругомъ вавилонское столпотвореніе языковъ и нарѣчій. На улицахъ шумъ и гамъ по случаю пасхи. Доктора теряютъ голову. Д-ръ Томасъ, за которымъ послано, не можетъ отплыть изъ Занте, по случаю бури. Приводятъ еще одного нѣмца и грека. По ихъ лицамъ, больной и близкіе догадываются, что надежды нѣтъ. Гамба и Флечеръ, рыдая, уходятъ изъ комнаты. «Позовите Парри», проситъ Байронъ. Парри человѣкъ испытанный, онъ одинъ способенъ не терять головы. Больной его не узнаетъ: «впередъ!» кричитъ онъ въ бреду, «впередъ, смѣлѣе, за мной!» Немного спустя, сознаніе возвращается. Зовутъ Флечера за послѣдними приказаніями. Тотъ хочетъ взять перо и чернила. «Не успѣете, Флечеръ, скорѣе. Слушайте... идите къ сестрѣ, скажите ей. Идите къ лэди Байронъ, скажите ей. Идите... (слѣдуютъ уже одни имена друзей, слугъ, Ады, сестры, все невнятнѣе и невнятнѣе). Ну, вотъ, теперь я все сказалъ», заключаетъ онъ, вздохнувъ. «Милордъ, я ничего не понялъ!» стонетъ Флечеръ. «Ничего не поняли?» повторяетъ Байронъ, пристально смотря на него. «Какъ жаль. Значитъ, все кончено». «Jo lascio qualche cosa di caro nel mondo»—были его послѣдними отчетливыми словами, по мнѣнію однихъ. По свидѣтельству другихъ, онъ сказалъ: «мнѣ не жаль жизни».

Послѣ сутокъ безсознательнаго состоянія, онъ умеръ 19-го февраля.

Какъ молнія, разнеслось извѣстіе о смерти Байрона. Миссолунги въ траурѣ. Пасхальныя увеселенія прекращены на три дня. Для Греціи эта смерть—утрата незамѣнимая [1]), да и горожанамъ его жаль лично: онъ дѣлалъ столько добра, былъ такъ привѣтливъ. О близкихъ и говорить нечего.

Но пока Байрона оплакиваютъ свои и чужіе, что̀ дѣлаетъ

[1]) И дѣйствительно, узнавъ о его смерти, многіе вернулись по домамъ, и присылка денегъ изсякла.

пріятель Трелóуни, пріѣхавшій изъ Аѳинъ и нашедшій, что слова: «Байронъ умеръ» гудѣли «какъ колоколъ, среди мрачной тишины»? Его давно интриговали ноги Байрона. Теперь случай можно сказать единственный! передъ нимъ безотвѣтное тѣло; блѣдное лицо не вспыхнетъ гнѣвомъ, ни даже стыдомъ за него. Онъ поднимаетъ покровъ и начинаетъ изслѣдованіе; разсматриваетъ кстати и обувь, причемъ оказывается... Въ его «воспоминаніяхъ» это указано подробно. Только зачѣмъ было высылать Флечера, подъ предлогомъ стакана воды? Развѣ онъ боялся его негодованія?

Послѣ этого случая, мало вѣрится, чтобы Трелóуни былъ компетентнымъ судьей сокровеннѣйшихъ и завѣтнѣйшихъ побужденій въ поступкахъ Байрона.

Греческіе города спорили о чести упокоить тѣло великаго поэта, но друзья нашли нужнымъ отправить его въ Англію, только сердце оставили въ Миссолунги, въ память былыхъ симпатій. Часть займа, стоившаго ему столько хлопотъ, была употреблена на снаряженіе корабля, для перевозки его гроба, который вызвались сопровождать Гамба и Стенгопъ.

Даже смерть Байрона не подѣйствовала примирительно на англійское общество [1]). Ни жены, ни дочери не было у его гроба и на его могилѣ [2]), въ приходской церкви Ньюстеда. Вестминстерское аббатство и соборъ Павла отказались принять его прахъ. Не дали этому праху покоя и инымъ образомъ. Всякія руки, больше нечистыя, нежели чистыя, сочли своимъ правомъ разбирать по частямъ его душу, переворачивать на всѣ лады каждый поступокъ, каждое слово, даже мысли—принижая все къ собственному уровню. Предубѣжденія противъ Байрона держались такъ упорно, что его статуя, оконченная въ 1835 г. Торвальдсеномъ (по заказу друзей), пролежала лѣтъ десять въ

---

[1]) Николь упоминаетъ объ этомъ вскользь, очевидно, стыдясь за соотечественниковъ; но Эльце говоритъ подробно.

[2]) Извѣстно, что лэди Байронъ, посвятившая себя показной филантропіи, не только отказалась проститься съ умершимъ, но и воспитала Аду въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ отца. Со временемъ, однако, если вѣрить графинѣ Гвиччіоли, случилось слѣдующее: Полковникъ Уильдманъ (новый владѣлецъ Ньюстеда и почитатель поэта), познакомившись случайно въ 1851 г. съ графиней Лёвлесъ, т.-е. Адой, пригласилъ ее къ себѣ. Здѣсь онъ прочелъ ей нѣсколько стихотвореній, отъ которыхъ она пришла въ восторгъ и, на вопросъ объ авторѣ, указалъ на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ, и назвалъ лорда Байрона. Ада была страшно потрясена, не выходила изъ комнаты, принадлежавшей отцу, прочла всѣ его произведенія и, по возвращеніи въ Лондонъ, завѣщала похоронить себя рядомъ съ отцомъ. Она умерла въ 1852. Потомство ея продолжаетъ стыдиться родства съ авторомъ „Донъ-Жуана“.

таможнѣ, между контрабандой, потому что духовныя и свѣтскія учрежденія (музеи, галлереи, соборы) отказывались дать ей мѣсто, пока, наконецъ, не смиловался Кэмбриджъ.

....«Author of Childe Harold's Pilgrimage», гласитъ надгробная плита Гёкнелльской церкви. Нѣжность сестры, конечно, не могла выбрать болѣе соотвѣтствующей надписи для увѣковѣченія имени брата. Но что касается безсмертія произведеній, то Байронъ и нѣкоторые изъ его соотечественниковъ справедливо считали «Каина» и «Донъ-Жуана» способными пережить всѣ остальныя [1]. Такое воззрѣніе преобладало на континентѣ; въ Англіи относились къ нимъ крайне враждебно; даже Маколей считалъ ихъ признаками упадка таланта. Нельзя поэтому не узнать руки времени въ похвалахъ и вниманіи, расточаемыхъ «Каину» и «Донъ-Жуану» въ совершенно популярной біографіи Байрона. Николь не только говоритъ, что въ «Каинѣ», въ отличіе отъ прочихъ драмъ [2], есть истинный драматизмъ и настоящіе характеры, а прямо называетъ эту мистерію перломъ метафизической поэзіи XIX столѣтія. Въ ней поэтъ, по его мнѣнію, борется съ противорѣчіями ученія, котораго не могъ ни окончательно отвергнуть, ни принять, и съ еще болѣе запутанными загадками жизни и смерти, добра и зла. Въ немъ нѣтъ открытаго антагонизма автора «Королевы Мабъ» (т.-е. Шелли), полнаго *иной*, но глубокой вѣры. Байронъ только скептикъ, не находящій и жаждущій отвѣта на мучительные вопросы, мѣняющій тонъ подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ настроеній своего подвижного темперамента. Что касается художественности, то Байронъ, по мнѣнію Николя, нигдѣ не поднимался до такой поэтической высоты, какъ во второмъ дѣйствіи «Каина»; нигдѣ не достигалъ такой глубины чувства и страсти, такого величія, такой силы скорби и отчаянія, какъ въ разныхъ мѣстахъ этой мистеріи (которыя и указаны). Пріемъ, сдѣланный «Каину» въ Англіи

---

[1] Мы не касаемся другихъ произведеній Байрона, такъ какъ разборъ его сочиненій не входитъ въ нашу программу, а интересуетъ, преимущественно, его направленіе, высказавшееся здѣсь всего рѣзче, и далѣе взглядъ на Байрона его современниковъ и нашихъ.

[2] Та же субъективность, которая плѣняла въ описаніяхъ Байрона, вредила драматическому достоинству его поэмъ и драмъ. При всей прелести лирическихъ вставокъ въ первыхъ, и монологовъ во вторыхъ, въ нихъ нѣтъ характеровъ. Типы мужскіе и женскіе поразительно однообразны и, точно, выведены съ спеціальной цѣлью излагать воззрѣнія и чувства автора. Въ лучшей изъ драмъ „Сарданапалѣ“ можно найти всего одно живое лицо и оно—портретъ поэта.

въ тѣ годы, Николь описываетъ слѣдующимъ образомъ: «у насъ переполошились такъ, какъ будто открыли литературнаго Гай-Фокса, готоваго взорвать всѣ церкви и половину соборовъ. Ярость британскаго правовѣрія соотвѣтствовала его безсилію. Гвалтъ былъ такой, что Байронъ, собираясь ѣхать на судъ, предложилъ издателю отказаться отъ всякой отвѣтственности и принять обратно гонораръ. Критики мелкіе впадали въ истерическіе вопли; критики высокаго полета, отдавая справедливость художественнымъ достоинствамъ, оплакивали гибельное направленіе; а нѣкто м-ръ Уаткинсъ, утративъ въ порывѣ чувствъ способность къ членораздѣльной рѣчи, бормоталъ что-то о клеймѣ Каина, съ которымъ Вальтеръ-Скоттъ долженъ перейти въ потомство за то, что принялъ посвященіе».

Такого единодушія не было замѣтно въ новыхъ воззрѣніяхъ англичанъ на «Донъ-Жуана»,— повѣствуетъ Николь,— напротивъ, критики раздѣлились на два лагеря: одни порицали, другіе восхищались. Между первыми были не только люди способные видѣть вездѣ одну грязь, но и люди совсѣмъ порядочные, которые, отдавая справедливость таланту, остроумію, поэтической прелести, искренно сожалѣли, что столько блестящихъ даровъ потрачено на недостойные сюжеты. Къ этой категоріи принадлежали Муръ и Джеффри.

Восхищались «Донъ-Жуаномъ» многіе, и не только за неподражаемое, единственное мастерство языка и стихотворной формы, остроуміе, блескъ и разнообразіе переходовъ и картинъ, но и за качества болѣе солидныя. «Донъ-Жуанъ — самое глубокое, самое искреннее, оригинальное и поэтическое, словомъ, самое лучшее произведеніе Байрона», говорили представители этого лагеря. Вальтеръ-Скоттъ находилъ въ Донъ-Жуанѣ «разнообразіе и глубину Шекспира». Шелли видѣлъ въ поэмѣ осуществленіе задачи, о которой онъ давно мечталъ для великаго поэта — задачи «создать что-нибудь совсѣмъ новое и современное и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ряду вонъ прекрасное». По мнѣнію Николя, «Донъ-Жуанъ» — популярнѣйшее изъ твореній Байрона, преимущественно потому, что, какъ произведеніе человѣка зрѣлаго, жившаго и знающаго свѣтъ, оно соотвѣтствуетъ вкусамъ и понятіямъ образованныхъ людей средняго возраста, которые уже не могутъ довольствоваться однимъ чувствомъ, но любятъ время отъ времени отдохнуть сердцемъ среди дѣлъ и заботъ, болѣе существенныхъ. Лирическій поэтъ для нихъ скученъ и подъчасъ смѣшонъ. Ихъ другъ — юмористъ, одаренный тонкимъ пониманіемъ противорѣчій жизни, видящій смѣшное въ печаль-

номъ и печальное въ смѣшномъ, или же поэтъ, подобный Байрону, у котораго добродушная или злая насмѣшка смягчается искреннимъ и теплымъ чувствомъ, который долженъ даже нерѣдко отгонять отъ себя навязчивую чувствительность и «смѣяться, чтобы не заплакать». Уклоненія отъ условныхъ приличій Николь объясняетъ избыткомъ силъ и жизни, веселой минутой, желаніемъ подурачиться, и вѣритъ въ этомъ отношеніи автору на слово [1]). Скабрёзности нѣкоторыхъ сценъ и выраженій онъ касается вскользь, замѣчая, что если имъ «Донъ-Жуанъ» обязанъ извѣстностью въ средѣ людей, неспособныхъ восхищаться ничѣмъ инымъ, и множествомъ плохихъ и жалкихъ подражаній, то симпатію порядочныхъ людей пріобрѣтаетъ, очевидно, благодаря достоинствамъ высшаго разряда. Нападокъ на англійскую церковь Николь не касается вовсе. По поводу обвиненій въ равнодушіи къ добру и злу и въ ниспроверженіи нравственныхъ началъ, напоминаетъ про свойственную поэту иронію и совѣтуетъ понимать многое въ обратномъ смыслѣ. «Не моя вина, если не хотятъ видѣть морали моего разсказа», говорилъ Байронъ, обѣщавшій тѣмъ не менѣе, для успокоенія добродѣтельныхъ душъ, примѣрно наказать своего героя: «сдѣлать его, на старости лѣтъ, членомъ общества для искорененія пороковъ, а если и этого мало, то подвергнуть смертной казни или женить самымъ несчастнымъ образомъ». Привычку автора намекать на свои семейныя дѣла, Николь называетъ «прискорбной»—въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться; заявляетъ, что пѣсни VII—X ниже прочихъ по достоинству—и затѣмъ, точно исполнивъ свой долгъ, радостно отдается непосредственному наслажденію «Донъ-Жуаномъ»: позабывъ про англійскую чопорность, онъ смотритъ въ волшебный калейдоскопъ, который вертятъ передъ нимъ «духи черные и бѣлые, духи красивые и сѣрые», показывая то плѣнительные образы, то злыя каррикатуры (прелестные эскизы изъ англійскаго быта), то трогательныя, то величественныя картины, то опять забавные рисунки, доходящіе до шутовства. Неожиданные и невѣроятные переходы изъ одной крайности въ другую; музыка стиховъ, игра словами, риѳмами, цитатами, неизсякаемый родникъ остроумія и веселости—этотъ избытокъ наслажденія до того увлекаетъ англійскаго критика, что серьёзная подкладка «комическаго эпоса» какъ-то ускользаетъ отъ него. За исключеніемъ цитатъ изъ пѣсни греческаго поэта на пиру

---

[1]) „But the fact is that I have nothing plann'd
Unless it mere to be a moment merry“.

у Гаиды нѣтъ ни слова о политическомъ смыслѣ и радикальномъ направленіи «Донъ-Жуана».

На континентѣ «Донъ-Жуанъ» пользовался нераздѣльными и неизмѣнными симпатіями. Начиная съ Гёте, который совѣтовалъ учиться англійскому языку для того только, чтобы прочесть «это великое твореніе, полное души, страстнаго негодованья и страстной нѣжности», всѣ лучшіе нѣмецкіе критики безусловно восхищаются «Донъ-Жуаномъ». Если для не-англичанъ неизбѣжно, и въ значительной степени, теряется своеобразное очарованіе языка и стиха, ѣдкость нѣкоторыхъ намековъ и насмѣшекъ, направленныхъ спеціально противъ англійскаго общества, то общечеловѣческіе мотивы и интересы, наравнѣ съ поэтическими картинами, сохраняютъ всю свою силу или, пожалуй, выступаютъ еще рѣзче. Такъ, Трейчке, отдавъ должную дань удивленія формѣ, видитъ въ «Донъ-Жуанѣ» цѣлое откровеніе радикализма, а въ авторѣ—свободнаго мыслителя, далеко оставившаго за собой всѣ торныя дороги, чтобы выйти въ бой противъ всякаго рода деспотизма; конечно, не демагога, а только человѣка съ душой и умомъ, которому было противно всякое притѣсненіе и безобразіе. Отъ гнета общественнаго мнѣнія и закрѣпленныхъ обычаемъ свѣтскихъ и духовныхъ историческихъ и политическихъ басенъ, съ ихъ надежной охраной лицемѣріемъ—всѣ виды насилія человѣческой мысли и личности находятъ въ Байронѣ энергическаго врага. Онъ «былъ рожденъ для оппозиціи», говоритъ Трейчке, но политическое міросозерцаніе его созрѣло въ Италіи, гдѣ онъ собственными глазами могъ видѣть хозяйничанье легитимизма, и судить о благахъ, подаренныхъ имъ Испаніи въ образѣ инквизиціи, Франціи въ образѣ іезуитовъ, Италіи въ формѣ австрійскихъ штыковъ. Онъ принялъ личное участіе въ переворотахъ, всколыхавшихъ югъ Европы, но его мысли осуществились только долго спустя по его смерти, при возникновеніи молодой Италіи, молодой Германіи и революціонной литературы южныхъ и восточныхъ государствъ. Увлекаясь вначалѣ Наполеономъ, Байронъ былъ подъ вліяніемъ французскихъ рекламъ и того обаянія, которое геній имѣетъ для всякаго юнаго и даровитаго человѣка. Но онъ не долго оставался ослѣпленнымъ: отвращеніе, внушаемое ему кровопролитіемъ, обрушилось на того, кто, проливая по своему произволу чужую кровь, самъ предпочелъ униженіе—смерти. Байронъ жилъ въ концѣ той эпохи, гдѣ милліоны жизней приносились въ жертву честолюбію единицъ, и предчувствовалъ близость болѣе разумнаго времени, преслѣдуя палачей *en gros* и осмѣивая арлекиновъ въ мундирѣ.

Не Наполеона, а человѣческое величіе имѣлъ онъ въ виду, сожалѣя о колоссѣ, поруганномъ пигмеями; не наполеоновскій режимъ хотѣлъ онъ защищать, а преслѣдовать своей сатирой реакцію въ образѣ легитимизма; не антинаціональное, а національное чувство оказывается въ его насмѣшкахъ надъ старыми пѣснями о величіи героевъ, князей, освобождающихъ народы—«слишкомъ старыми, чтобъ слушать ихъ терпѣливо», какъ разъ въ то время, когда Вѣнскій конгрессъ указывалъ, по произволу, границы и предѣлы отечествъ и народностей.

Байрона упрекали въ томъ, что при оцѣнкѣ мотивовъ всеобщаго ополченія во слѣдъ бѣгущему завоевателю, онъ слишкомъ легко или слишкомъ скептически относился къ патріотическому чувству. Но, замѣчаетъ Трейчке, среди общаго опьяненія славой и раздававшихся со всѣхъ сторонъ хвалебныхъ гимновъ разнымъ доблестямъ безсознательной и подневольной толпы, служившей орудіемъ для возстановленія старыхъ порядковъ, подъ видомъ изгнанія иноземцевъ,—отрезвляющее шиканье было очень умѣстно, и такія описанія, какъ взятіе Измаила, не лишено полезныхъ указаній. Односторонность въ обсужденіи мотивовъ и невыгодъ послѣднихъ войнъ можно вполнѣ извинить англичанину: его соотечественникамъ не приходилось выгонять завоевателей изъ родныхъ предѣловъ, а между тѣмъ, громъ побѣдъ и пролитая кровь не дала Англіи ничего кромѣ пролетаріата для низшихъ классовъ (съ Мальтусовымъ закономъ, въ назиданіе и утѣшеніе) и угнетенія свободы мирныхъ гражданъ цѣлымъ рядомъ безсмысленныхъ реакціонныхъ мѣръ. Словомъ, войны противъ Наполеона съ ихъ послѣдствіями для всей Европы могли не внушить симпатіи, и взглядъ Байрона былъ въ высшей степени вѣренъ; стрѣлы его сатиры имѣютъ свойство попадать прямо въ цѣль, смѣется-ли онъ надъ мелкими слабостями и грѣшками человѣческими или негодуетъ противъ крупныхъ преступленій.

Глубокое пониманіе видно, по мнѣнію Трейчке, и въ борьбѣ Байрона противъ злѣйшаго врага его родины—лицемѣрія, накидывающаго покровъ на всѣ язвы частной и общественной жизни, стѣсняя свободу мысли и дѣйствія, отнимая у голоса правды всякую силу. Обличеніе этого порока и національной заносчивости—существеннѣйшая услуга, оказанная имъ Англіи. Въ медленной и систематической работѣ, подготовлявшей тогда ея обновленіе, онъ, по своему пылкому характеру и свойствамъ ума, не могъ бы принимать участія. Его радикальныя воззрѣнія возмущали бы государственныхъ людей непрактичностью и крайностями, радикаламъ настоящимъ казались бы дилеттантизмомъ.

Сверхъ того, въ глазахъ соотечественниковъ вообще, Байронъ былъ ренегатъ, и ему никогда бы не простили сочувствія къ иноземцамъ и ихъ пользамъ. Но по этимъ именно причинамъ онъ, съ своей страстной пропагандой, могъ быть для Европы желаннымъ политическимъ борцомъ, въ эпоху общаго ропота и броженія. Гервинусъ, относящійся къ Байрону вообще крайне сурово, отдаетъ справедливость его политическому значенію. «Политика священнаго союза, — говоритъ онъ въ «Исторіи девятнадцатаго вѣка» [1]), — думала обузданіемъ Франціи положить долговѣчныя препоны заблужденіямъ революціоннаго духа. Между тѣмъ, англійскій поэтъ съумѣлъ отыскать конецъ нити, для разрыва которой были только-что принесены въ жертву милліоны солдатъ. Американскій республиканизмъ, германское свободомысліе, французская жажда переворотовъ, англо-саксонскій радикализмъ проснулись, казалось, разомъ въ лицѣ этого одного человѣка».

Заслуги, оказанныя Байрономъ континенту, неисчислимы, не говоря уже о Греціи, которая была обязана ему симпатіями Европы, и которой онъ помогалъ словомъ и дѣломъ. Онъ научилъ любить Италію, ея добродушно-легкіе нравы и ея поэтовъ серьёзныхъ и шутливыхъ, горячо сочувствуя въ то же время стремленіямъ итальянцевъ къ политической независимости. Онъ понялъ чувства угнетенныхъ и предвидѣлъ, что гнёту будетъ конецъ. Онъ указывалъ близорукимъ и честолюбивымъ вождямъ на Вашингтона, величайшаго изъ героевъ и людей. Не все ли равно, — говоритъ нѣмецкій публицистъ, — заключалъ ли его радикализмъ примѣсь дилеттантизма или нѣтъ; былъ ли онъ плодомъ холоднаго разсудка, или непосредственнымъ движеніемъ благородной и страстной природы. Не все ли равно, имѣлъ ли его скептицизмъ свойства непреклоннаго и сознательнаго отрицанія, или только мучительнаго сомнѣнія. Отъ поэта нельзя требовать строгой обдуманности и спокойствія политика, ни всесторонней логичности философа. Напротивъ, именно благодаря живой непосредственности отрицанія и ропота, и страстности радикальныхъ порывовъ, при вѣрности чутья относительно добра и зла, поэтическая проповѣдь пріобрѣтаетъ особое обаяніе, особую силу для большинства.

Байронъ успѣлъ сдѣлать то, къ чему стремился — «нѣчто лучшее писанья стиховъ». Значеніе его для развитія Европы, не только литературнаго, но и умственнаго, громадно и не мо-

---

[1]) Т. VIII, стр. 172.

жетъ исчезнуть съ вѣками. Скоро ли наступитъ время, когда потомки увидятъ остатки старыхъ порядковъ въ музеяхъ рядомъ съ мамонтовыми костями и вспомнятъ благодарнымъ словомъ поэта, предсказавшаго такой случай и не мало способствовавшаго его осуществленію—этого никто не знаетъ, и предаваться празднымъ гаданіямъ не стоитъ. Вѣрно одно: Байронъ не сдѣлался еще достояніемъ исторіи.

«Всѣ основные мотивы его творчества современны»,—говоритъ Готшалль.—«Его произведенія служатъ выраженіемъ великихъ задачъ XIX-го столѣтія. Все сказанное имъ въ эпоху реставраціи пригодно для нашихъ дней. Ни одной строки нельзя назвать устарѣлой».

Мы съ намѣреніемъ остановились на мнѣніяхъ нѣмецкой критики объ общественно-исторической сторонѣ твореній Байрона вообще и «Донъ-Жуана» въ частности, такъ какъ эта національность всего менѣе склонна обольщаться внѣшнимъ (и особливо чужимъ) блескомъ или увлекаться поверхностными достоинствами. Критики и читатели болѣе поверхностные и безпечные увлекались преимущественно внѣшней стороной и удерживали въ памяти болѣе легкіе мотивы, поэтическія или забавныя картины.

Что касается нашей литературы, то, кажется, и у насъ «Донъ-Жуанъ» извѣстенъ преимущественно со стороны шутливаго тона и романическихъ эпизодовъ, и что гораздо меньше извѣстно и оцѣняется широкое сатирическое значеніе этой знаменитой поэмы.

А. С.

МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА

ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ

X *).

Общій характеръ уличнаго движенія.

Народное польское движеніе, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, начавшее опредѣлять событія и выдвигать впередъ лица съ момента, до котораго доведенъ нашъ разсказъ, есть явленіе столь крупное и сложное, что оно, очевидно, выходитъ за предѣлы моей задачи, но я не могу обойтись безъ дачи если не обстоятельной оцѣнки, то, по крайней мѣрѣ, характеристики этого историческаго происшествія. Я уже указывалъ на многочисленность и развѣтвленіе корней его. Какъ всякое народное ненормальное революціонное движеніе, оно было непроизвольное, зародившееся по закону роковой необходимости, отъ неправильной постановки междунаціональнаго вопроса, и отъ запущенія этого вопроса въ теченіи весьма продолжительнаго времени, когда онъ былъ откладываемъ и еще откладываемъ, пока волненія и смуты не поставили его энергически на неправильно потерянную очередь. Волненія явились одновременно и повсемѣстно, первоначально безъ всякаго плана и организаціи, и возникновеніе ихъ никакъ

*) См. выше: 1880, ноябрь, ст. 241.

не можетъ быть относимо къ волѣ интеллигенціи общества, то-есть признанныхъ обществомъ его старшинъ и руководителей. Есть въ 3-й части «Дзядовъ» Мицкевича характерная сцена (7), гдѣ одинъ изъ молодыхъ, горячихъ людей жалуется на высшіе классы: посмотрите, друзья, какая дрянь стоитъ во главѣ народа?—Другой отвѣчаетъ: «не во главѣ, а на поверхности. Народъ нашъ точно лава, сверху холодная и твердая, сухая и плюгавая, но внутри огонь не выстынетъ во сто лѣтъ; плевать намъ на эту корку и—опускаться вглубь». Хотя это движеніе, по происхожденію своему, не было произвольное, но оно было всеобщее, сопровождаемое сочувственными пожеланіями всѣхъ классовъ и сословій безъ различія партій. Однихъ оно увлекало, обольщая несбыточными надеждами, другихъ, весьма трезво судящихъ, оно подкупало тѣмъ, что полагало конецъ безвыходному положенію и выводило изъ мертваго застоя на какую бы то ни было, хотя бы мелкую и трудную, но общественную работу. Послѣдствій его никто не могъ предвидѣть; являлось оно, какъ нѣчто ожидаемое и желаемое людьми одинаково любящими свой народъ, но діаметрально противоположными во всемъ остальномъ, напримѣръ, Замойскимъ и Велепольскимъ, изъ которыхъ первый усматривалъ въ немъ зарю воскресенія, а другой начало новаго бытія въ славянскомъ общемъ цѣломъ и подъ сѣнью русской державы. Эта неясность и неопредѣленность цѣлей движенія имѣла послѣдствіемъ, что на первыхъ порахъ русское общество не относилось къ польскому движенію враждебно, но скорѣе сочувственно, не находя пока ничего оскорбительнаго для русскаго патріотизма въ простыхъ, хотя и нелегальныхъ демонстраціяхъ противъ системы управленія, которая не была хороша, но держалась силою одной инерціи. Всѣ чувствовали, что ее надо замѣнить новою, въ особенности, при совершающемся обновленіи, посредствомъ реформъ, всего строя жизни русской. Безъ этого доброжелательства полякамъ въ русскомъ обществѣ, въ теченіи всего времени, пока польскій вопросъ не обострился и не перешелъ въ конфликтъ между двумя національностями съ роковымъ: быть или не быть,—нельзя и объяснить ни русской политики вплоть до начала 1863 г., ни той поддержки, которую нашли въ Петербургѣ планы Велепольскаго. Общественное мнѣніе въ Россіи, хотя и не относилось къ вопросу враждебно, но находило, однако, само движеніе несвоевременнымъ и потому неудобнымъ. По этому предмету можно замѣтить, что какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ, польскій вопросъ въ русской политикѣ и являлся доселѣ и, можетъ быть, будетъ

являться если не всегда, то еще долгое время некстати и несвоевременно въ силу нижеслѣдующихъ обстоятельствъ.

Есть у польскаго поэта Кондратовича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сырокомли, отрывокъ, изображающій неимовѣрныя трудности сближенія двухъ отдѣльныхъ народностей (Sejm lubelski III, 301): «каждый народъ ли, племя ли имѣетъ свой особый обычай отъ отцовъ, свои историческіе законы, иное сердцебіеніе. Многое нужно, ахъ, многое при сліяніи двухъ разныхъ племенъ, чтобы сравнить обычай, чтобы сердца забились въ одинъ тактъ. Двѣ рѣки соединятся водоворотомъ только тогда, когда проплывутъ чрезъ много утесовъ. Общая доля и недоля (несчастіе) связуютъ разныя племена». Двумя народностями, имѣвшими безконечно разныя формулы развитія, исторія распорядилась такъ, что она ихъ соединила на вѣчныя времена бракомъ неравнымъ (вспомнимъ извѣстную въ свое время балладу графини Ростопчиной «Насильственный бракъ»), но нерасторжимымъ, не допускающимъ развода, на общую долю такъ, что только сообща они могутъ жить и успѣвать, или страдать и гибнуть. Обѣ особи въ этой четѣ не сходятся темпераментами, настроены всегда на разные лады, если одна на веселье, то другая на печаль; когда одна на раздраженіе, то другая на спокойствіе; одна на порывы, другая на терпѣніе и легальность, и наоборотъ. Ритмъ движенія національныхъ жизней иной у каждой особи, и если бы изображать его графически, то пришлось бы чертить различной длины волны. Волна движенія русской жизни длиннѣе; давно уже замѣчено, что ростъ русскаго народа медленъ и мало замѣтенъ: весьма продолжительные періоды застоя и, какъ будто бы, сна перемежаются съ короткими эпохами преобразованій, когда организмъ какъ будто бы обновляется весь, когда въ одинъ мигъ пускается въ ходъ то, что въ теченіи десятилѣтій застоялось или было запущено и создаются учрежденія, точно платья подростающему юношѣ не по его росту, а на выростъ, съ тѣмъ что, когда онъ поплотнѣетъ, то ему онѣ прійдутся въ пору. За то, какая дѣятельность, когда настаетъ великая пора, одна иногда на нѣсколько поколѣній,—а бываетъ она, когда отойдутъ заботы о внѣшнихъ дѣлахъ, и общество всецѣло углубляется въ свои внутреннія задачи! Эти задачи такъ многочисленны, что онѣ толпятся, на первый планъ выступаютъ тѣ, которыя попроще, ближе къ сердцу и яснѣе; понятно, что польскій вопросъ не доходитъ до своей очереди, на него никакъ еще общество русское не пріучилось смотрѣть, какъ на чисто-внутренній, а какъ на какой-то внѣшне-внутренній, смѣшанный, какъ на вопросъ не объ уравненіи

племенъ, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, а объ укрощеніи вѣчныхъ враговъ и недоброжелателей, которые даже по собственному интересу, даже по чистому разсчету никакъ, будто бы, не могутъ быть съ Россіею въ обще-государственномъ дѣлѣ за-одно. Кромѣ этихъ старыхъ поминаній былого и привычекъ мышленія, есть еще и другая причина, затрудняющая сближеніе. Попытки сближенія если и дѣлались, то такимъ образомъ, что обѣ націи сходились такъ-сказать на флангахъ въ своихъ крайностяхъ, съ наименѣе привлекательныхъ своихъ сторонъ, наименѣе надежными своими элементами. Нити заговоровъ въ Польшѣ находили поддержку еще въ двадцатыхъ годахъ сего столѣтія въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ; русское крѣпостничество, по естественному сродству, якшалось съ польскимъ крѣпостничествомъ, между тѣмъ средними своими классами и либеральными, гуманными стремленіями оба общества меньше всего сближались одно съ другимъ. Ритмъ польской жизни быстрѣе, нежели русской, и волна, по формѣ своей, правильнѣе, съ болѣе равномѣрными по времени откосами акціи и реакціи. Съ раздѣловъ Польши совершены два полные оборота въ этой жизни, кончившіеся ужасными катастрофами послѣ явно неразумныхъ, но тѣмъ не менѣе общенародныхъ повстаній, одинъ съ 1794 по 1830, и второй отъ 1831 по 1863 г. Оба повстанія были обострившимися національными движеніями, которыя въ началѣ своемъ не имѣли явно враждебнаго для цѣлости и бытія Россіи характера. Оба движенія отразились въ жизни русской тѣмъ, что первое изъ нихъ, приключившееся въ періодъ начавшейся въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I реакціи, ускорило ее необычайно и подготовило выработку того строго милитарнаго режима, который просуществовалъ вплоть до начала нынѣшняго царствованія;—второе движеніе подошло въ самую блистательную эпоху преобразованій, всеобщаго одушевленія и умственнаго подъема русской націи; трудно себѣ представить болѣе благопріятный моментъ, потому что общее настроеніе было таково, что готово было широкими льготами покрыть старые счеты и сойтись съ заявляющею о своихъ потребностяхъ національностью на единственно пригодной къ тому почвѣ—гуманныхъ идей и либеральныхъ учрежденій, даруемыхъ не скупясь, щедрою рукою. Когда соглашеніе двухъ націй, котораго выраженіемъ былъ Велепольскій, не удалось, не состоялось, тогда эта неудача, показавъ, что гуманныя идеи не всемогущи, и выдвинувъ впередъ крутыхъ людей и крутыя мѣры, имѣла послѣдствіемъ значительное сокращеніе преобразовательной эпохи и быстрое наступленіе реакціи во внутренней политикѣ Россіи

при недоконченныхъ и далеко не выведенныхъ подъ крышу преобразованіяхъ. Эти вредныя послѣдствія польскаго движенія какъ для русскаго, такъ и для польскаго обществъ опредѣлились только впослѣдствіи, когда по ослѣпленію и по слабости консервативные элементы въ польскомъ обществѣ не могли совладать съ движеніемъ и затормазить его, вслѣдствіе чего оно и разыгралось, какъ неудержимая, разрушительная стихійная сила, которой не дано полезнаго употребленія. У самого своего источника въ 1859 и 1860 г., движеніе имѣло видъ неизвѣстно кѣмъ затѣваемыхъ демонстрацій и манифестацій, на которыя начинали откликаться все шире и шире разные круги и слои общества, по простому желанію дать волю придавленному національному чувству, заявить открыто, всенародно и во всеуслышаніе, въ глаза недолюбливаемой полиціи и во испытаніе ея долготерпѣнія, что нація еще не перестала существовать. Никакое общее національное движеніе не бываетъ подстроено и не является слѣдствіемъ заговора, но несомнѣнно, что, когда оно началось, то оно неизбѣжно должно получить извѣстную организацію; всегда и вездѣ существуютъ кружки, сожительства и знакомства; тѣ изъ нихъ, на которые распространилось движеніе, превратятся въ организаціонныя клѣточки, внутри ихъ обозначатся болѣе и менѣе дѣятельныя особи, руководители и руководимые. Первая демонстрація въ іюлѣ 1860 г., на похоронахъ вдовы генерала Совинскаго, павшаго въ 1831 г., при взятіи русскими штурмомъ предмѣстья Воли у повстанцевъ, происходила на реформатскомъ кладбищѣ [1]). Осенью того же 1860 г., въ срединѣ октября стараго стиля, произошелъ съѣздъ въ Варшавѣ трехъ монарховъ: русскаго, короля прусскаго Вильгельма и императора австрійскаго Франца-Іосифа, пожаловавшаго передъ тѣмъ $^{8}/_{20}$ октября свой федеративный октябрьскій дипломъ и поставившаго кабинетъ, съ первымъ министромъ графомъ Голуховскимъ во главѣ. Уличные мальчишки урѣзывали цвѣтныя дамскія платья ножницами и обливали ихъ сѣрной кислотой; въ большомъ театрѣ, во время балета раздавлены пузырьки съ вонючею жидкостью. $^{17}/_{29}$ ноября, въ день св. Сатурнина, въ годовщину повстанія 1830 г. было стеченіе народа на одной изъ дальнихъ улицъ Варшавы, Лешнѣ, передъ статуей Богоматери при церкви кармелитовъ, и началось пѣніе церковныхъ гимновъ (Boże coś Polskę), которое потомъ сошло на не церковные, а просто религіозно-патріотическіе мотивы (Z dymem

---

[1]) Записки Н. В. Берга. О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Москва, 1873. Стр. 167.

pożarów). Изъ Варшавы манифестаціи распространились на всѣ города царства польскаго, на села, на губерніи бывшія литовскія. Пишущій эти строки былъ лично свидѣтелемъ, какъ онѣ возникали въ Вильнѣ, въ маѣ и іюнѣ 1861 г.; онъ заключаетъ, что и въ царствѣ польскомъ демонстраціи затѣвались подобнымъ же образомъ. Серьёзные люди держались въ сторонѣ, считая дѣло просто ребячествомъ. Послѣ обѣдни или вечерни, передъ церковью собирались дамы, дѣти, распускаемы были зонтики, хотя и при ясной погодѣ, дабы труднѣе было распознать издали поющія лица, начиналось пѣніе хоромъ, число строфъ въ заурядныхъ манифестаціонныхъ гимнахъ возростало вслѣдствіе постепенныхъ вставокъ и прибавокъ, потомъ толпа расходилась, каждый возвращался къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Одна изъ этихъ пѣсней: Boże coś Polskę, сочинена въ двадцатыхъ годахъ Алоизіемъ Фелинскимъ, въ чувствахъ единенія съ русскими («Соедини узломъ свободы твои народы подъ одною державою ангела мира...») и благодарности императору Александру Павловичу за возстановленіе польскаго королевства («возврати, Боже, новой Польшѣ древній ея блескъ»). Вторая хоровая пѣсня, или хоралъ: Z dymem pożarów, была новая, сочиненная однимъ изъ талантливѣйшихъ польскихъ лириковъ Корнеліемъ Уѣйскимъ, галичаниномъ; христіанскаго ничего почти нѣтъ въ этомъ протяжномъ, могучемъ стонѣ въ духѣ Плача Іереміи, столь древне-библейскомъ, что я самъ въ 1861 г. слышалъ его и на площадяхъ, и въ церквахъ, и въ синагогахъ (на Данилевичовской улицѣ, гдѣ нынѣ малый театръ). Такъ, злобствуя, плакать и, плача, вѣрить умѣли только древніе пророки. («У насъ нѣтъ пѣсни безъ жалобы, терновый вѣнецъ впился въ чело; вѣчно, какъ памятникъ Твоего гнѣва, торчитъ поднятая длань молельщика»... Между тѣмъ врагъ одолѣваетъ и кидаетъ намъ точно камень насмѣшку: «гдѣ же вашъ отецъ? гдѣ же вашъ Богъ?»—Пѣснь кончается пророчествомъ. «Съ архангеломъ твоимъ во главѣ, мы отправимся на великій бой и на тѣлѣ сатаны водрузимъ побѣдный стягъ, раскроемъ сердца для заблудшей братьи, вину смоетъ свобода, тогда услышитъ богохулитель нашъ отвѣтъ: Богъ былъ и есть». — Переводъ обѣихъ пѣсней см. въ Библіотекѣ для Чтенія, 1864, февраль). Струя движенія имѣла у самаго своего источника религіозную окраску; она направлялась въ храмъ божій и наполняла его, послѣ чего уже изъ церкви она разливалась по улицамъ. Въ началѣ, всѣ безъ изъятія духовныя власти: духовенства римско-католическое, реформатское, еврейское сопротивлялись сильно такой профа-

націи религіи [1]), такому насилованію ея революціонерами, во всѣхъ отношеніяхъ предосудительному и чреватому самыми пагубными послѣдствіями, потому что оно соблазняло духовенство, въ особенности, римско-католическое, столь склонное оплакивать упадокъ вліянія церкви на дѣла мірскія, и открывало ему въ миражѣ чарующія перспективы дѣятельности, власти, господства надъ умами,—съ другой же стороны, дѣлая религію рабынею страстей народныхъ, соединяло церковь желѣзными цѣпями съ революціею, обрекало обѣ на одну и ту же участь, то-есть, при полной невѣроятности успѣха революціоннаго дѣла, на неизбѣжныя, жестокія и безпардонныя репрессаліи послѣ пораженія, котораго не могли не предвидѣть люди мало-мальски трезвые и разсудительные. Соблазнъ былъ силенъ, и въ концѣ-концовъ какъ ни крѣпилось сначала духовенство, оно стало въ большинствѣ своихъ представителей за-одно съ теченіемъ, причемъ все будущее церкви оно отдало въ жертву за нѣсколько моментовъ упоенія. Не отрицая вины, привожу, однако, сильно смягчающія ее обстоятельства. Однѣ изъ этихъ обстоятельствъ свойственны римско-католическому исповѣданію вообще, другія положенію его въ Россіи и особеннымъ отношеніемъ его къ русскому правительству. Старая церковь имѣетъ большія притязанія и не ладитъ ни съ духомъ вѣка, то-есть, съ новѣйшими успѣхами культуры, ни съ основами современнаго государства. Въ тѣхъ или другихъ формахъ возгоралась послѣ перемирій «культурная борьба», которая никогда еще не кончалась побѣдою государства, потому что легко религіозную совѣсть прижать, стѣснить, но гоненіе только удвоиваетъ силу гонимой церкви, и послѣ самыхъ торжественныхъ заявленій о томъ, что «мы не пойдемъ въ Каноссу», приходилось отправляться если не въ самую Каноссу, то въ мѣста къ ней близкія, т.-е. отказываться отъ строгостей и идти на мировую. Форма соглашенія, которое бы было безобидно для обѣихъ сторонъ, еще не найдена; ее должно искать не въ одной вѣротерпимости, но и въ *одинаковой* для всѣхъ вѣръ и убѣжденій религіозной свободѣ, которая бы не допустила ни одному изъ нихъ брать верхъ и притѣснять или вытѣснять другія. — Въ предѣлахъ Россіи, общій вопросъ осложнялся еще тѣмъ, что по конституціоннымъ преданіямъ, по хартіи 1815 г. и по ст. 5 органич. статута 1832 г., римскій католицизмъ претендовалъ на особенно привилегирован-

[1]) Я самъ былъ свидѣтелемъ панихиды, устроенной въ церкви св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ, въ мартѣ 1861 года, по убитыхъ на варшавской мостовой въ февралѣ. Присутствовало много русскихъ—доминиканцы не знали о томъ, по комъ панихида, и сопротивлялись. Пѣсня была спѣта помимо ихъ сопротивленія.

ное положеніе, между тѣмъ какъ въ Имперіи онъ сталкивался съ другимъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, которое преслѣдовало совращеніе, обязательно пріобщало къ себѣ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и совершило въ 1839 г. (соборный актъ въ Полоцкѣ 12 февр.) полное присоединеніе уніатовъ въ западныхъ губерніяхъ [1]). Статьи объ уніи, составленныя по подлиннымъ источникамъ о. Морошкинымъ, доказываютъ несомнѣнно, что присоединеніе произошло по почину людей, задумавшихъ его въ средѣ самой уніатской іерархіи, но доказываютъ также, что оно совершено при содѣйствіи свѣтской власти и послѣ сильнаго сопротивленія со стороны извѣстной части присоединяемыхъ. Присоединеніе не касалось уніатовъ въ ц. польскомъ, но фактъ былъ знаменателенъ, какъ прецедентъ. Суровая и деспотическая система управленія краемъ князя Паскевича отразилась и въ духовныхъ дѣлахъ, которыя отнесены къ вѣдомству коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Недостатокъ системы — держанія духовенства въ строгой субординаціи государству, заключается въ томъ, что, въ силу служащаго государству, права представленія папѣ на епископскія мѣста кандидатовъ, обходятся съ умысломъ при назначеніяхъ люди твердаго характера и самостоятельные, а должности эти занимаютъ лица безцвѣтныя, болѣе податливыя, которыхъ потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, теченіе народное уноситъ съ собою безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Что касается до низшаго духовенства, то его положеніе среди движенія было невыносимо тяжкое и почти незащитимое. Крѣпкій союзъ яркихъ воспоминаній и общихъ страданій соединялъ значительно сошедшую съ высотъ своего средневѣковаго величія, церковь и развѣнчанную, лишенную самобытности, національность. Духовенство польское было всегда сильно патріотично, въ патріотическихъ чувствахъ оно находило средства къ поддержанію благочестія, оно учило *sperare contra spem*, чаять чудеснаго, надѣяться на лучшее, вопреки всему происходящему. И вдругъ, появилось нѣчто похожее на чудо, зардѣлось пламя національно-религіознаго чувства; оно распространилось на необозримыя пространства, оно превратилось въ пожаръ. Есть нѣчто потрясающее въ согласованныхъ дѣйствіяхъ громадныхъ народныхъ массъ, хотя бы и ограничивающихся только тѣмъ, что онѣ поютъ религіозныя пѣсни, подставляя грудь вооруженной силѣ, не рѣшающейся стрѣлять въ молельщиковъ.—Прибавимъ, что по всей прошлой жизни и за-

---

[1]) Возсоединеніе уніи, статьи отца Морошкина въ „Вѣстникѣ Европы" 1872 г.

нятіямъ эти духовные и вѣрили и учили пренебреженію земными средствами и упованію въ сверхестественныя. Теперь имъ предстояло или тушить это пламя, отрекаясь отъ всей прежней жизни, въ теченіи коей они тщательно раздували его искры, и прослыть отступниками, или славить самъ пожаръ, какъ дѣло Провидѣнія, и стать во главѣ народныхъ массъ, потому что сама смерть вкупѣ и на людяхъ красна. Въ одной изъ своихъ поэмъ (Anhelli) Словацкій изображаетъ три типа польскаго революціонерства: графа Скира, который предлагаетъ весь народъ ошляхетчить, солдата Скартабеллу, который предлагаетъ всѣхъ обратить въ мужиковъ, и отца Бонифата, который совѣтуетъ спасать народъ только молитвой и приказывалъ всѣмъ идти и погибать не защищаясь, какъ дѣлаютъ мученики. Такихъ отцовъ Бонифатовъ было безъ счету и въ народѣ, между свѣтскими и между низшимъ духовенствомъ, которое и винить очень трудно, въ особенности, по сравненію ихъ съ старшею братьею, высшимъ духовенствомъ, въ нѣкоторое оправданіе коего можно бы привести только то, что во главѣ его, вслѣдствіе вліянія по особеннымъ разсчетамъ заправляющей духовными дѣлами свѣтской политики, стояли люди посредственные и по способностямъ, и по характеру.

Манифестаціи шли развиваясь, повторяясь, пріобрѣтая все болѣе и болѣе вызывающій характеръ. Народонаселеніе втягивалось въ эту забаву, пріучалось подчиняться дѣйствовавшимъ изподтишка малоизвѣстнымъ организаторамъ. Чувствовалась духота въ общественной атмосферѣ и накопленіе электричества. При такихъ условіяхъ, столкновеніе было неизбѣжно и оно случилось при похоронахъ какого-то малоизвѣстнаго человѣка 27-го февраля 1861 г., послѣ 2-хъ часовъ по-полудни, когда близъ дома (не существующаго теперь) Мальча съуживавшаго Краковское предмѣстье, генералъ Заболоцкій, съ ротой низовскаго полка, раздраженный тѣмъ, что изъ дома Мальча сыпались на него и на солдатъ камни и кирпичи, скомандовалъ: пли! Отъ этихъ выстрѣловъ пало въ густой толпѣ народа 5 человѣкъ: два помѣщика, два рабочіе съ фабрикъ, одинъ гимназистъ. Впечатлѣніе, вызванное смертью пяти жертвъ 15 (27) февраля, было колоссальное; взрывъ негодованія произошелъ всеобщій и озадачилъ намѣстника. Толчекъ былъ данъ и привелъ въ движеніе всѣ группы польскаго общества, которыя приняли потомъ участіе въ начавшемся и вступившемъ въ острый фазисъ революціонномъ движеніи. Намъ слѣдуетъ сдѣлать обзоръ этихъ группъ.

XI.

27 февраля 1861 г. Два адреса.

Общія или «вальныя» засѣданія Земледѣльческаго общества происходили въ февралѣ 1861 г., на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ такъ-называемомъ «дворцѣ намѣстника», передъ которымъ у входа на обширный дворъ расположились гранитные львы, а нѣсколько дальше ко дворцу высится бронзовая статуя Паскевича. Комитетъ общества изъ 16-ти человѣкъ собирался для подготовительныхъ работъ у предсѣдателя Андрея Замойскаго на Новомъ-Свѣтѣ въ его домѣ, теперь носящемъ надпись: домъ военнаго вѣдомства. «Моральное представительство страны», сильно соблазняемое и со всѣхъ сторонъ подговариваемое къ тому, чтобы оно взяло на себя активно починъ въ мѣрахъ, которыя бы отвратили неизбѣжный конфликтъ, грозящій обагрить кровью варшавскую мостовую, держался крѣпко въ предѣлахъ возложеннаго на него правительствомъ порученія по аграрному вопросу. Комитетъ съ Замойскимъ во главѣ давалъ на подобныя предложенія отрицательные или уклончивые отвѣты. Былъ процентъ горячихъ головъ въ средѣ собранія, но сравнительно малый. Засѣданія происходили въ присутствіи старательно посѣщавшаго ихъ и наблюдавшаго за рѣчами П. Муханова. Жара переживаемой минуты и серьёзность положенія сказались однако и здѣсь въ болѣе радикальномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, нежели того желали А. Замойскій и вожаки общества, то-есть, въ рѣшеніи его ($^{13}/_{25}$ февраля) на началахъ надѣленія крестьянъ землею и выкупа чиншей. Вслѣдствіе твердой рѣшимости Замойскаго и его штаба держаться въ предѣлахъ своего устава и порученій, полученныхъ отъ правительства, на строго-легальной почвѣ, Земледѣльческое общество не пользовалось вовсе популярностью на улицѣ. Обскурные агитаторы крайняго направленія, организовавшіе уличныя демонстраціи, пытались во что бы-то ни стало заманить общество на улицу, увлечь его и силою заставить принять участіе въ коллизіи народа съ правительствомъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей этой масти, Агатонъ Гиллеръ [1]) откровенно признается, что агитаторы замышляли «увлечь общество къ протесту противъ угнетенія и принудить его подать адресъ къ Царю

---

[1]) (A. G. Alexander hr. Wielopolski. Lwów. 1878. Przedruk z Gazety Narodowej).

съ требованіемъ политическихъ правъ и автономіи». Въ тотъ самый день, когда ($^{13}/_{25}$ февраля) состоялось постановленіе о крестьянскомъ надѣлѣ, уличныя событія прервали пренія общества, походъ съ крестами, устроенный отъ Лешна чрезъ Старе-Място мимо замка и намѣстниковскаго дворца къ церкви св. Александра, разогнанъ былъ казаками и пѣхотою, прикладами и нагайками безъ выстрѣловъ, и въ залу засѣданія введенъ весь окровавленный одинъ изъ пострадавшихъ въ этой свалкѣ-юноша, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ, какъ поэтъ и драматургъ Іосифъ Наржимскій. Замойскій послѣ этого сенсаціоннаго эпизода прекратилъ засѣданіе. — По требованію комитета Земледѣльческаго общества [1]), намѣстникъ отрядилъ для охраны общества солдатъ, которые расположились между львами и дворцомъ; 26-го же числа Мухановъ заявилъ при появленіи своемъ въ засѣданіе, что онъ пришелъ раздѣлять съ обществомъ опасность.

Обществу нечего было опасаться грубой силы уличной толпы; наибольшее, что могло бы произойти, была бы «кошачья музыка» или выбитіе стеколъ въ окнахъ въ пику умѣреннымъ панамъ-помѣщикамъ. Труднѣе было отражать давленіе съ другой стороны и возражать противъ весьма вѣскихъ резоновъ, которыми путемъ убѣжденія общество было подговариваемо къ изготовленію и подачѣ адреса монарху. Давленіе это исходило изъ двухъ совершенно разныхъ пунктовъ: отъ маркиза Велепольскаго и изъ, такъ-называемой, купеческой рессурсы. Маркизъ Велепольскій, въ теченіи всего 1860 года, обнаруживалъ признаки большого безпокойства: чутьемъ онъ предчувствовалъ приближеніе рѣшительной минуты, которую надобно было схватить, такъ сказать, на лету, дабы овладѣть положеніемъ, получить власть и осуществить задуманную въ уединеніи, въ теченіи многихъ лѣтъ и тысячу разъ передуманную программу. Гордый, неуживчивый человѣкъ, онъ отступалъ отъ своихъ привычекъ, желалъ имѣть точки опоры для своей политики, дѣлалъ авансы. Въ октябрѣ 1860 г. онъ отправился въ Парижъ искать себѣ сторонниковъ въ злѣйшемъ гнѣздѣ непримиримыхъ враговъ Россіи — между польскими эмигрантами. Само собою разумѣется, что видѣться онъ могъ не съ радикалами и не съ демократами, а только съ тою бѣлою аристократическою отраслью выходства, которая группировалась въ отелѣ Ламберъ и имѣла корифеемъ генерала Владислава Замойскаго. Разсчетъ маркиза былъ бы вѣрный, если бы во имя чувствъ патріотизма онъ ихъ заставилъ поменьше

[1]) Записки Н. Берга, 186.

возлагать надеждъ на звѣзду Наполеона и по крайней мѣрѣ повременить, пока будетъ сдѣланъ опытъ русско-польскаго сближенія на основаніяхъ начала: «Pologna fara dá se» безъ помощи запада. Тогда Велепольскій могъ бы считать, что онъ стоитъ твердою ногою на родной почвѣ, потому что, хотя Земледѣльческое общество и выдавало себя за моральное представительство страны, однако моральнымъ правительствомъ страны оно не было. Серьёзные люди, консерваторы признавали это значеніе только за выходствомъ и именно за тою частью его, которая держала въ рукахъ нити дипломатическаго дѣйствія; слѣдовательно, Велепольскій могъ думать, что если бы оно отнеслось къ нему только нейтрально и дало въ этомъ смыслѣ приказъ, то его приказа послушаются. Эта попытка, однако, неудалась съ перваго же разу. Одна сторона далека была отъ того, чтобы понять и оцѣнить планъ маркиза по существу, другая слишкомъ горда и чувствительна по личнымъ вопросамъ. Положимъ, это такъ, сказалъ одинъ изъ участвовавшихъ въ переговорахъ, въ кабинетѣ генерала Замойскаго, но объясните намъ сначала, зачѣмъ вы заставили сына поступить въ русскую армію?—Такъ я за благоразсудилъ (cela nous a paru convénable), отвѣчалъ сухо маркизъ [1]), и на этой фразѣ оборвалась бесѣда, послѣ чего уже рѣчи не было ни о чемъ серьёзномъ. Маркизъ возвратился въ Хробержъ, но ему тамъ не сидѣлось; 17 февраля онъ отправился въ Варшаву со своимъ проектомъ адреса, который, по идеѣ маркиза, должны бы подписать члены общества, не какъ землевладѣльцы, а какъ шляхта, и снести къ намѣстнику лично цѣлою массою, а не чрезъ делегатовъ [2]). Маркизъ и не обращался къ Андрею Замойскому, что̀ было, при отрицательномъ отношеніи сего послѣдняго къ какому бы то ни было адресу, совершенно безполезно. Но онъ видѣлся съ большею частью членовъ комитета, которые, спрашиваемые поодиночкѣ, хотя и входили въ виды маркиза и одобряли его намѣреніе, но когда пришлось дѣйствовать сообща, отказались отъ него, такъ что на сторонѣ его остался, послѣ недѣли безплодныхъ переговоровъ, одинъ-одинешенекъ шуринъ его, Ѳома Замойскій, тотъ самый радикальнѣйшій изъ членовъ Земледѣльческаго общества по крестьянскому вопросу, котораго мнѣніе рѣшило споръ о надѣленіи крестьянъ землею.

Гораздо настойчивѣе, чѣмъ Велепольскій, дѣйствовала въ томъ же направленіи, въ пользу энергическаго адреса, многочисленная

---

[1]) A. W., sa vie et son temps II, 115.

[2]) Польское изданіе A. W. 1,144.

группа людей, составлявшая цвѣтъ интеллигенціи города Варшавы, людей, имѣющихъ свой сборный пунктъ въ купеческомъ клубѣ или «рессурсѣ», близъ Рымарской улицы. Здѣсь преобладало бюргерство, мѣщанскій элементъ, люди средней руки, представители ума и капитала, низшіе чиновники, писатели, купцы, артисты, безъ различія происхожденія, потомки нѣмцевъ или евреевъ или ополячивающіеся евреи, которыми такъ богата Варшава, и которыхъ уравненіе съ христіанами защищалъ въ то время І. И. Крашевскій, принявшій редакторство въ органѣ «Gazeta Codzienna», превратившейся послѣ февральскихъ дней 1861 въ «Gazeta polska», принадлежавшей одному изъ финансовыхъ тузовъ Варшавы, Леопольду Кроненбергу. Эти элементы сплавляло въ одну массу горячее, сильное польское чувство патріотизма. Очутившись между двухъ огней, между адресомъ Велепольскаго и требованіями варшавскаго бюргерства, А. Замойскій, чтобы не отступать отъ своего правила: «мы не желаемъ просить, но не въ правѣ требовать», придумалъ слѣдующую комбинацію. Общество земледѣльческое должно избрать изъ своей среды восемь человѣкъ, пользующихся довѣріемъ, отъ восьми бывшихъ въ царствѣ польскомъ воеводствъ (mężowie zaufania), которые, соединившись съ именитыми людьми отъ интеллигенціи варшавской, составятъ въ послѣднихъ числахъ февраля или первыхъ числахъ марта всеподданнѣйшій адресъ о положеніи края. Эта медлительность сильно не понравилась, въ особенности послѣ того, какъ 25 февраля столкновенія народа съ войскомъ на улицахъ стали доходить до употребленія прикладовъ и нагаекъ. Тогда, 26 февраля состоялось между выдающимися лицами изъ умѣренныхъ варшавскихъ гражданъ рѣшеніе выбрать немедленно нѣсколько человѣкъ, которымъ бы и поручить составленіе самостоятельнаго адреса отъ города Варшавы, не обращая уже никакого вниманія на Земледѣльческое общество, которое пусть за оплошность и медлительность свою само и отвѣчаетъ. Сборище изъ нѣсколькихъ десятковъ людей состоялось 14 (26) февраля послѣ обѣда, въ угловой кофейнѣ Европейской гостинницы (кофейня Конти), въ комнатѣ за биліардною. Выкликали имена самыхъ популярныхъ людей въ Варшавѣ: докторъ Халубинскій, купецъ Шленкеръ, издатель ежедневной газеты Крашевскій, рядомъ съ нимъ Кёнигъ, отличившійся полемикою противъ евреевъ, генералъ Левинскій, священники Вышинскій и Стецкій, раввинъ Майзельсъ, сапожникъ Гишпанскій. Леопольдъ Кроненбергъ, къ которому обратились руководители собранія съ просьбою дать возможность делегатамъ собраться въ «рессурсѣ» для написанія адреса, охотно

согласился и принялъ участіе въ дѣлѣ. Составленіе адреса должно было послѣдовать 27 февраля, но въ этотъ день событія, происходившія на улицѣ, разстроили всѣ предположенія и измѣнили планы и задачи дѣйствующихъ лицъ.

Наименьшую пертурбацію внесла катастрофа 27 февраля въ занятія и отправленія Земледѣльческаго общества. Оно слушало, торопясь, послѣдніе доклады, которые должны были сойти въ послѣднемъ засѣданіи общества, такъ какъ въ тотъ же день предполагалось закрытіе собранія. Когда донеслась до засѣдающихъ пальба и сдѣлалось извѣстнымъ, что войско стрѣляетъ въ народъ, то Замойскій хотѣлъ продолжать занятія, но волненіе сдѣлалось всеобщимъ и множество голосовъ потребовало энергически и громко, чтобы общество въ полномъ составѣ отправилось въ зàмокъ къ намѣстнику требовать прекращенія кровопролитія. А. Замойскій подчинился требованію, но проходя съ цѣлымъ собраніемъ черезъ дворъ, одумался и у львовъ, то-есть, уже на Краковскомъ предмѣстьѣ, обратилъ вниманіе товарищей, что цѣлесообразнѣе будетъ разойтись, предоставивъ за общество дѣйствовать его комитету. На томъ и покончили члены общества и разошлись по домамъ. Поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, Замойскій поѣхалъ въ зàмокъ, бесѣдовалъ съ намѣстникомъ со своею почти британскою флегмою, но ни о чемъ опредѣленномъ не ходатайствовалъ и ничего не получилъ. Вслѣдъ затѣмъ побывали у намѣстника люди несравненно болѣе раздраженные и страстные: то были делегаты отъ города, которые предназначались для сочиненія адреса въ «рессурсѣ», но такъ какъ не до адреса было, то вмѣсто того, чтобы возиться съ перомъ и чернилами, они рѣшились дѣйствовать отъ имени города и отправились въ зàмокъ.

Делегаты добились пріема поздно вечеромъ; объясненія ихъ продолжались полтора часа за полночь и имѣли въ варшавскихъ событіяхъ значеніе рѣшающаго момента. Князь Горчаковъ принялъ ихъ въ малой пріемной, предъ кабинетомъ, имѣя при себѣ генерала Коцебу и Муханова. Намѣстникъ былъ, видимо, сбитъ съ толку, не рѣшался ни на что, колебался, отъ Замойскаго онъ получилъ совѣтъ «оставить страну» вмѣстѣ съ войскомъ и правительствомъ. Очутившись среди повально возбужденнаго населенія, не могъ же онъ въ этомъ состояніи дѣлъ запереться въ цитадель и бомбардировать Варшаву, истребляя городъ и разя и невинныхъ, и виновныхъ. И послѣдованіе совѣту Замойскаго и послѣднее предположеніе были бы одинаково безумны. Есть, однако, люди, которые ставятъ въ вину Горчакову, что онъ не рѣшился на

послѣднее, т.-е., что онъ не залилъ Варшаву потоками крови для сохраненія обаянія власти, какъ бы сдѣлалъ, по ихъ мнѣнію, на его мѣстѣ Паскевичъ (Записки Берга, 306). Подобныя сужденія грѣшатъ тѣмъ, что писаны послѣ событій, безъ соображенія съ обстоятельствами времени. Когда появляется общее народное движеніе, запущенное властью и не предупрежденное, то на первыхъ порахъ оно имѣетъ почти несокрушимую, стихійную силу, такъ что правительству приходится выжидать, выигрывать время, пока теченіе не раздѣлится по многимъ русламъ, пока партіи, участвующія въ движеніи, не станутъ себя поѣдать взаимно, пока онѣ не ослабнутъ во взаимныхъ раздорахъ, пока, наконецъ, можно будетъ по одиночкѣ однѣ изъ нихъ уничтожить, на другія наложить узду. Движеніе являлось какъ запоздалый рефлексъ, вызванный всею системою управленія князя Варшавскаго; разъ оно прорвалось—не осилилъ бы его въ эту минуту ни князь Варшавскій, ни М. Н. Муравьевъ, ни кто бы то ни было другой. Много разъ послѣ 27 февраля пришлось и употреблять силу, дѣйствуя оружіемъ, и перемѣнять правителей, но прочной пользы отъ того не получалось никакой, и нужны были два года выжиданія, пока въ гнойной ранѣ не завелись черви въ родѣ политическихъ убійствъ, кинжальщиковъ, вѣшателей, пока революція не сдѣлалась жертвою безумнѣйшихъ страстей, пока она не была вся покрыта кровью и грязью, пока, наконецъ, не былъ ощупанъ въ аграрномъ вопросѣ пунктъ опоры. Не только варшавскіе правители, но и петербургскіе государственные люди не рѣшались въ эти два года совѣтовать дѣйствовать грубою силою, не потому только, что имъ представлялся теперь наглядно во всей своей сложности забытый и запущенный вопросъ, который они прежде того готовы были считать вымысломъ досужихъ писателей, и не потому, чтобы можно было сомнѣваться въ полномъ и моментальномъ успѣхѣ всякаго укрощенія силою, но по полной неизвѣстности, что̀ будетъ дальше послѣ того, какъ само укрощеніе безоружныхъ скопищъ, защищающихся только каменьями съ мостовой, подольетъ еще болѣе масла къ пылающему уже повсюду огню. Всякій намѣстникъ былъ бы въ затрудненіи; всякій, вѣроятно, пошелъ бы на уступки и искалъ бы успокоить населеніе, но не всякій обнаружилъ бы передъ посторонним вполнѣ наглядно тайну своего смущенія и колебаній. Онъ то отказывалъ, то спорилъ, то вслѣдъ затѣмъ уступалъ и дѣйствовалъ, вообще, какъ человѣкъ, не знающій чего держаться. Делегаты города, люди покладистые и смирные, были сильно возбуждены событіями дня и настроены на тонъ откровенной рѣз-

кости, какъ будто бы предъ ними носился образъ ихъ предшественника, сапожника Яна Килинскаго, въ его переговорахъ съ Игельштромомъ. Они горько жаловались и многаго требовали (Шленкеръ, докторъ Халубинскій). Этотъ тонъ озадачилъ намѣстника, который и поступался имъ своими распоряженіями и выдавалъ имъ головою людей—агентовъ власти, и переговаривался съ ними не какъ со случайными выразителями чувствъ и желаній населенія, не имѣющими полномочій, но какъ съ настоящимъ, хотя и импровизованнымъ муниципалитетомъ. Курьёзную эту минуту записалъ одинъ изъ делегатовъ, фотографъ Карлъ Бейеръ слѣдующимъ образомъ (A. W., польское изданіе 1,145): «Всѣ вмѣстѣ и въ одиночку мы спорили какъ могли, ничего не смягчая. Никто изъ насъ мѣщанъ не говорилъ порядочно по-французски. Первый Шленкеръ началъ, какъ умѣлъ, но съ громадною энергіею; потомъ за нимъ мы всѣ гурьбою, какъ кто зналъ, по-польски, по-французски, по-нѣмецки.... Оказалось, что правительство вовсе не стоитъ за лица служащія, что оно жертвуетъ ими безъ милосердія, безъ сожалѣнія, даже безъ соображенія приличій». Намѣстникъ тутъ же согласился на увольненіе арестованныхъ въ день 27-го февраля лицъ, на торжественные похороны пяти убитыхъ при отсутствіи во время этихъ похоронъ войска и полиціи и съ возложеніемъ отвѣтственности за порядокъ при похоронахъ на признаваемую, такимъ образомъ, за нормальное учрежденіе делегацію, на уголовное слѣдствіе о приказавшемъ стрѣлять генералѣ Заболоцкомъ и на смѣщеніе оберъ-полиціймейстера, полковника Ѳ. Ѳ. Трепова. Только на слѣдующій день рѣшилось, кто будетъ его преемникомъ; и въ этомъ пунктѣ намѣстникъ уступилъ и назначилъ, по желанію делегаціи, стараго генералъ-маіора, добряка Паулуччи. Изъ пріемной намѣстника самозванные представители города вышли организованнымъ собирательнымъ лицомъ, снабженнымъ громадною властью, съ неопредѣленнымъ кругомъ вѣдомства,—учрежденіемъ, къ которому могли съ увѣренностью примкнуть консервативные классы населенія, заинтересованные въ томъ, чтобы не расклеились и не обратились въ ничто всѣ нити законнаго гражданскаго порядка. Намѣстника можно винить въ томъ, что онъ явилъ себя открыто слабымъ передъ населеніемъ, возбужденнымъ противъ русскихъ, что онъ не отстоялъ и выдалъ подчиненныхъ, но образованіе делегаціи и обращеніе ея въ учрежденіе была съ его стороны счастливая и умная мысль, которая потомъ и принесла плоды, такъ какъ матеріаломъ для делегаціи послужило здоровое ядро варшавскаго мѣщанства, такъ какъ составившіе ее люди были въ самомъ

дѣлѣ популярны и такъ какъ они запрягли себя усердно въ нелегкую работу установленія кое-какого порядка.

Въ числѣ предметовъ, о которыхъ шли въ за́мкѣ переговоры съ делегатами, было и отправленіе депутаціи съ адресомъ въ Петербургъ. Депутаціи не отправили. Намѣстникъ настоялъ на томъ, чтобы адресъ былъ отосланъ по почтѣ. Само составленіе его выпало на долю не делегаціи, а Земледѣльческаго общества, которое какъ ни артачилось подъ сдерживающимъ его вліяніемъ А. Замойскаго, но поняло, наконецъ, что отказываться дѣйствовать въ подобную минуту, значитъ отречься окончательно отъ сладкой роли «моральнаго представительства страны», на которое всегда въ Польшѣ претендовалъ помѣщичій элементъ. Адресъ надо было продискутировать окончательно, о немъ согласиться и составить его въ ту же ночь, начало коей ознаменовано было образованіемъ делегаціи. Адресъ этотъ еще не существовалъ до того времени, даже и въ проектѣ, а такъ какъ имѣлась въ этомъ родѣ уже готовая работа А. Велепольскаго, которую читали многіе члены комитета, то хотя она и была забракована, но являлись опять для нея шансы успѣха, и воскресала надежда, къ которой и прилѣпился энергически ея авторъ, надежда на то, что его проектъ, можетъ быть, и пройдетъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Проектъ маркиза былъ пространный, весьма подробный, осмысленный до мелочей, и содержалъ цѣлую программу. Съ одной стороны, онъ примыкалъ къ не поданному адресу 25-го мая 1856 г. и повторялъ дословно выраженіе сего послѣдняго о забвеніи прошлаго, объ открывающейся, при новомъ царствованіи, «новой эпохѣ милости, довѣрія и примиренія», о пламенномъ желаніи населенія откликнуться на зовъ монарха, когда оно будетъ призвано открыть свое мнѣніе «о нуждахъ и потребностяхъ края, неразрывно связанныхъ съ интересами службы королевской». Къ выраженной уже въ адресѣ 1856 г. благодарности за замѣщеніе епископскихъ вакансій, присоединялись новыя за медицинскую академію и за Земледѣльческое общество. Ново было въ проектѣ обращеніе къ монарху, съ особеннымъ натискомъ указывающее на слова, произнесенныя Государемъ 27-го мая 1856 г. въ Лазенковскомъ дворцѣ: en conservant ses droits et ses institutions telles qu'elles lui ont eté données par mon Père,—сопровождаемое жалобою на то, что власти царства польскаго не дали никакого осуществленія этимъ торжественнымъ словамъ монарха, вслѣдствіе чего грозитъ продлиться въ безконечность переходное состояніе, въ которомъ цѣлыя тридцать лѣтъ обрѣтается страна, по отношенію къ своему

публичному праву. Адресъ указывалъ, что нѣтъ нынѣ ни единаго óргана, посредствомъ коего подданные могли бы пользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ, безъ котораго монархическое устройство немыслимо,—ходатайствовать передъ монархомъ о своихъ правахъ и потребностяхъ. Предводители дворянства, недавно установленные, не могутъ считаться такимъ óрганомъ, такъ какъ они не выборные и представляютъ интересы одного только класса населенія. Въ виду сего отсутствія оффиціальнаго óргана, адресъ просилъ объ извиненіи за подачу коллективнаго прошенія въ закономъ неустановленной формѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдывалъ необычайность поступка тѣмъ, что и слова Государя 27-го мая произнесены были къ вѣрноподданнымъ царства польскаго in corpore и обращены были къ нимъ непосредственно.

Такъ какъ центральный пунктъ адреса составляли слова Государя «о правахъ и учрежденіяхъ, пожалованныхъ Родителемъ», то самымъ существеннымъ предметомъ являлось даваемое въ проектѣ этимъ словамъ толкованіе. Чтó разумѣть подъ этими словами? Императоръ Николай издалъ 14-го (26-го февраля) 1832 года органическій статутъ, долженствующій, по его идеѣ, замѣнить конституціонную хартію 1815 г., о которой послѣ повстанія 1830 г. не было и помину, но эта хартія предана забвенію только tacito consensu, безъ прямой ея отмѣны, а и статутъ самъ остался только на бумагѣ, безъ всякаго опыта осуществленія. Когда заходила рѣчь объ учрежденіяхъ, пожалованныхъ императоромъ Николаемъ, то прежде всего представлялся уму вопросъ объ органическомъ статутѣ 1832 г., и являлись предположенія о томъ, чтобы съ него начинать реформы въ царствѣ польскомъ. Проектъ Велепольскаго былъ и въ этомъ отношеніи своеобразенъ и смѣлъ. Рядами примѣровъ авторъ его пояснялъ, что всѣ почти постановленія статута были отмѣнены, другія же намѣренно не исполнялись, вслѣдствіе чего этотъ статутъ не могъ не потерять даже въ глазахъ создавшаго его монарха свою обязательную силу. Если устранить пустой призракъ этого какъ-бы закона, то единственнымъ законодательнымъ основаніемъ, способнымъ связать народъ съ монархомъ, являлась конституціонная хартія, всемилостивѣйше пожалованная Александромъ I, не отмѣненная формально, какъ не отмѣненъ былъ законъ объ учрежденіи Императорскаго Александровскаго Варшавскаго Университета. Основанныя на этой хартіи отношенія были, правда, омрачены печальными событіями 1830 г., но «съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ спокойной и терпѣливой покорности,

между тѣмъ, какъ повсюду кругомъ господствовали глубокія потрясенія. Въ теченіи этихъ 30-ти лѣтъ, новое поколѣніе выросло съ Вами, Государь, и возлѣ Васъ, поколѣніе, не отвѣчающее за дѣйствія отцовъ и созрѣвшее среди жестокихъ испытаній». Прося о прекращеніи переходнаго состоянія и указывая на хартію 1815 года, не какъ на нѣчто готовое и подлежащее немедленно осуществленію, но какъ на приблизительный образецъ и источникъ гарантій искомаго будущаго устройства, проектъ перечислилъ затѣмъ и тѣ частныя реформы, которыхъ потребность всего сильнѣе ощущается, и которыя должны быть пущены въ ходъ; таково прежде всего ускореніе очиншеванія крестьянъ. (Въ этомъ пунктѣ предложеніе Велепольскаго являлось уже отсталымъ по отношенію къ постановленіямъ Земледѣльческаго общества, но его можно было и выкинуть изъ адреса, въ виду того, что аграрный вопросъ былъ уже въ ходу). Затѣмъ шли просьбы объ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, изданныхъ вопреки постановленіямъ кодекса Наполеона—составляющаго нить, связующую національные польскіе интересы съ интересами европейской цивилизаціи; о возстановленіи въ Варшавѣ университета, вслѣдствіе отсутствія коего убываютъ люди солидно образованные, а государственныя должности занимаются незнающими ни законовъ, ни обычаевъ, ни нуждъ и воспоминаній края; объ усиленіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія польскаго языка и классицизма; объ отмѣнѣ предварительной цензуры, способствующей тому, что молодежь подвержена тайному вліянію анархическихъ и революціонныхъ теорій; объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ христіанами; наконецъ, объ участіи народнаго представительства въ установленіи податей и повинностей, а равно порядка, наилучшаго распредѣленія этихъ податей. Адресъ заключалъ въ просительномъ пунктѣ просьбу о томъ, чтобы на однихъ вѣсахъ были взвѣшены и интересы имперіи, съ которою царство польское неразрывно связано своимъ устройствомъ, и права и нужды польскаго народа.

Проектъ Велепольскаго не могъ не вооружить противъ себя двоякаго рода людей: во-первыхъ, робкихъ постепеновцевъ, которые скептически относились ко всякимъ болѣе крупнымъ требованіямъ, потому что по ихъ понятіямъ никогда въ Петербургѣ на нихъ не согласятся; во-вторыхъ, въ тѣхъ непримиримыхъ, которые считали всякую формулировку требованій измѣною польскому дѣлу, потому что заявлять желанія можно только прося, а просить, значитъ входить въ договорныя отношенія съ непрія-

телемъ и налагать извѣстныя узы на свою собственную совѣсть. Маркизъ желалъ, конечно, отстаивать свой проектъ адреса лично, но, при страшной его непопулярности, нельзя было и думать о томъ, чтобы ввести его въ какое-либо собраніе—оно бы, не сдѣлавъ ничего, разошлось. Защитникомъ адреса Велепольскаго явился Ѳома Потоцкій, который послалъ за адресомъ къ маркизу, между тѣмъ, какъ у него собрались упомянутые выше «мужи довѣрія», по одному отъ воеводствъ, въ ожиданіи того, что ихъ позовутъ въ комитетъ Земледѣльческаго общества, собиравшійся у А. Замойскаго.—На подробности, которыя я намѣренъ передать, у меня нѣтъ документовъ, но я ихъ слышалъ въ іюнѣ 1861 г. по свѣжей памяти, отъ одного изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей между варшавскими горожанами умѣренной партіи, Э. Юргенса, отъ котораго я заимствовалъ и объясненіе того, какъ образовалась делегація. Посланному за адресомъ сыну Потоцкаго, маркизъ отвѣчалъ отказомъ, присовокупивъ: «я и адресъ мой нераздѣлимы». Чрезъ четверть часа маркизъ позвонилъ однако къ Ѳомѣ Замойскому и былъ введенъ, но не въ тотъ кабинетъ, гдѣ происходило совѣщаніе съ выборными изъ воеводствъ. Ѳома Потоцкій могъ обмѣняться съ маркизомъ лишь нѣсколькими словами, потому что вскорѣ потомъ послѣдовало сообщеніе отъ комитета, приглашающее членовъ некомитетскихъ, собиравшихся у Потоцкаго, въ засѣданіе. Велепольскій остался у Потоцкаго ждать результатовъ совѣщанія и просидѣлъ въ этомъ безсонномъ и безпокойномъ ожиданіи до 4-хъ часовъ утра. Результатъ, какъ можно было предвидѣть, былъ отрицательный. «Я дѣлалъ, что могъ, защищалъ твой проектъ,—сказалъ Потоцкій, —но онъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ». Велепольскій не обнаружилъ никакихъ признаковъ досады и ушелъ съ видомъ равнодушія. Его адресъ, который знали уже нѣкоторые члены комитета, не былъ у Замойскаго даже и прочитанъ. Побѣду одержалъ другой проектъ, составленный однимъ изъ столповъ Земледѣльческаго общества, хорошимъ экономистомъ и публицистомъ, Эдмундомъ Ставискимъ. Проектъ Ставискаго избѣгалъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ требованій и былъ похожъ на одинъ незвукораздѣльный, безконечно протяжный стонъ страдающей національности - мученицы, которая протестуетъ противъ своей судьбы, но не выражаетъ, что̀ ей надо. Послѣ указанія на то, что не существуютъ законные пути для принесенія монарху жалобъ, вслѣдствіе чего польскій народъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ заявлять можетъ о себѣ только стономъ жертвъ, адресъ пояснялъ слѣдующее: «Въ душѣ

каждаго жителя этой страны хранится сильное чувство особенной и отличной отъ другихъ европейскихъ національности. Это чувство не могло быть ни сокрушено, ни даже ослаблено ни временемъ, ни событіями. Все, что̀ его оскорбляетъ или умаляетъ, глубоко потрясаетъ и волнуетъ умы. Видитъ край съ грустью, что, вслѣдствіе неудовлетворенія этой потребности, возникло отсутствіе довѣрія, необходимаго въ сношеніяхъ правителей съ управляемыми. Довѣріе не возродится, пока не прекратится употребленіе насильственныхъ, но безполезныхъ мѣръ укрощенія. Эта страна, стоявшая нѣкогда на одномъ уровнѣ образованія съ другими странами Европы, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣ начала, вытекающія изъ духа народа, изъ его преданій и исторіи, не будутъ осуществлены въ церкви, законодательствѣ, публичномъ воспитаніи и всей общественной организаціи. Желанія края тѣмъ горячѣе, что въ европейской семьѣ народовъ онъ нынѣ только одинъ лишенъ необдимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ прійти къ познанію цѣлей, ради которыхъ оно вызвано къ жизни Провидѣніемъ». (A. W., польское изданіе II, 38). Велепольскій отказался положить свою подпись на актѣ, котораго онъ не одобрялъ, и уѣхалъ въ Хробержъ, сказавъ: «адресъ большинства для меня слишкомъ узокъ, я въ немъ помѣститься не могу» (I, 148). Выраженіе было едва-ли точное: тѣснымъ можетъ быть то, что̀ ограничено, адресъ не былъ вовсе ограниченъ такъ, чтобы въ немъ не могла умѣститься даже грузная фигура маркиза; онъ просто былъ туманное пятно, онъ ровно ничего не опредѣлялъ, онъ былъ сплошная фраза, воздушный шаръ, наполненный мистическимъ смысломъ, при отсутствіи всякой ясной, политической идеи. Кто въ состояніи былъ бы формулировать, еслибъ его спросили тогда ли, теперь ли: что̀ такое начала, вытекающія изъ духа народа? цѣли, предопредѣленныя Провидѣніемъ? Не разрѣшили бы этихъ вопросовъ для поляковъ сами жрецы ихъ народной идеи, какъ не разрѣшили бы его для русскаго народа гг. Иванъ Аксаковъ и Достоевскій, если бы были вызваны въ качествѣ экспертовъ. Въ первомъ соприкосновеніи съ живою дѣйствительностью польскаго общества брала, такимъ образомъ, верхъ страна ультра-націоналистовъ и мечтателей, людей той масти, которой въ русскомъ обществѣ соотвѣтствуютъ славянофилы. Народное дѣло не поднималось въ ихъ рукахъ вверхъ но грозило соскользнуть внизъ по наклонной плоскости въ туманъ, въ неизвѣстное. Съ принятіемъ этого адреса, проиграна была польскою революціею первая ставка:

люди, признанные умственными вожаками народа, ступили на фальшивый путь; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ-подъ ногъ маркиза вывалился и скатился въ бездну одинъ изъ камней, на которые онъ разсчитывалъ стать. Завоевать вліятельное положеніе черезъ земляковъ ему не удалось; это его ни мало не обезкуражило, но для полученія власти единственный возможный путь пролегалъ теперь чрезъ зáмокъ и кабинетъ намѣстника. Маркизъ проникъ въ зáмокъ невидимкой, утвердился въ кабинетѣ, получилъ власть и сдѣлался министромъ, прежде чѣмъ варшавскимъ общественнымъ дѣятелямъ могла придти въ голову мысль о возможности такой комбинаціи, которая ихъ огорошила, какъ настоящій *coup de théâtre*.

XII.

Мартъ 1861.—Похороны убитыхъ.—Паденіе Муханова.

Катастрофа 27 февраля оставила городу Варшавѣ въ наслѣдіе двѣ важныя статьи: всеподданнѣйшій адресъ и похороны пяти случайныхъ жертвъ уличнаго конфликта. Адресъ былъ подписываемъ послѣ перевода его на французскій языкъ; на первомъ листѣ подписалось до 180 человѣкъ, затѣмъ, послѣ отправки его, продолжали собираться на отдѣльныхъ листахъ подписи, которыхъ число въ два дня дошло до 18,000. (Записки Берга, стр. 218). На первомъ листѣ сливались состоянія: шляхетское землевладѣніе съ купечествомъ и мѣщанствомъ, христіане съ евреями, и подъ подписью А. Замойскаго, данною почти по принужденію, чтобы только не отставать отъ всѣхъ своихъ товарищей, расписались римско-католическій епископъ Фіалковскій и тутъ же раввинъ Майзельсъ. Результаты движенія обнаруживались прежде всего въ томъ, что вѣковыя преграды исчезали вдругъ между людьми разной масти, и всѣ элементы общества сплавлялись въ одно національное цѣлое; всѣ элементы, замѣтимъ, но съ оговоркою: кромѣ того, который сказался въ концѣ-концовъ рѣшающимъ, то-есть, кромѣ крестьянъ. Похороны происходили съ необычайною торжественностью 2 марта изъ церкви св. Креста чрезъ Саксонскую площадь на кладбище Повонзки, при обстановкѣ, какую умѣетъ давать Варшава подобнымъ церемоніямъ, то-есть, при полномъ порядкѣ, среди половины, можетъ быть, населенія Варшавы, расположившагося на пути кортежа. Наканунѣ того дня, по улицамъ приклеенные плакаты делегаціи призывали жителей къ со-

храненію порядка, подъ страхомъ прослыть врагами отечества. На улицахъ, на пути кортежа, не было ни войска, ни полиціи, кромѣ одного только генерала Паулуччи, въ парадной формѣ, верхомъ. Распорядителями являлись члены делегаціи съ особыми траурными повязками на рукавахъ (въ полосы черныя съ бѣлымъ) и назначенные ими констебли изъ обывателей. Самыми исправными изъ этихъ констеблей оказывались гимназисты. Толпы народа повиновались распоряженію какого-нибудь ученика въ мундирѣ. Послѣ удачи своей на похоронахъ, делегація не разошлась, но получила отъ намѣстника слѣдующую организацію. Предсѣдателемъ въ ней назначенъ начальникъ, завѣдывающій полиціей Варшавы, генералъ Паулуччи, вице-предсѣдателемъ отставной генералъ бывшихъ польскихъ войскъ Левинскій, число членовъ съ 14, имѣвшихся первоначально, возрасло до 24; они засѣдали ежедневно, отбывая по два засѣданія въ день въ ратушѣ, и могли бы располагать громадною силою, потому что двѣ задачи, которыя возложены были на делегацію, временно, впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга на адресъ, а именно: сохраненіе порядка на улицѣ и успокоеніе умовъ въ городѣ,—имѣли первостепенную важность, по обстоятельствамъ времени, и что едва ли бы делегаціи могло быть отказано въ томъ, чего бы она настойчиво потребовала, грозя разойтись... Доказательствомъ того, какой вѣсъ имѣли ея требованія, служитъ удостовѣренное литографированными протоколами ея засѣданій сообщеніе ей намѣстникомъ списковъ всѣхъ лицъ, заключенныхъ въ цитадели по политическимъ обвиненіямъ, и уваженныя намѣстникомъ ея ходатайства о многихъ изъ этихъ арестантовъ. Само происхожденіе делегаціи исключало возможность думать, чтобы она могла стать серьёзно на сторонѣ правительства, въ случаѣ укрощенія силою безпорядковъ. Члены этой коммюны — добродушнѣйшіе консерваторы служили только каналомъ, доводящимъ до зáмка слухи и желанія населенія, могли, притомъ, личнымъ своимъ вліяніемъ располагать своихъ знакомыхъ и товарищей къ терпѣнію, что̀ и дѣлалось ими, по возможности, главнымъ образомъ, по выходѣ изъ ратуши, послѣ засѣданій, въ купеческой «ресурсѣ». Возобновляющіеся безпорядки обнаружили слабость делегаціи, неспособной ихъ обуздать. Делегація чувствовала, какъ подъ нею шатается почва, и желала бы къ чему-нибудь прислониться. Въ такомъ же точно положеніи очутилось и другое юридическое лицо, точно также на воздухѣ висящее, а именно комитетъ Земледѣльческаго общества; оно ощущало вокругъ себя образовавшуюся совершенную пустоту, прекращеніе своего вліянія на умы и дѣла. Образовалось взаимное

притяженіе между двумя безпочвенными установленіями: люди изъ Земледѣльческаго комитета вошли въ делегацію, люди отъ делегаціи стали принимать участіе въ совѣщаніяхъ Земледѣльческаго комитета; сложились будто бы двѣ палаты: коммонеровъ и пэровъ, а надъ ними носился, являя слабое подобіе конституціоннаго президента, популярный человѣкъ, графъ Андрей Замойскій съ сопровождающимъ его штабомъ комитетскихъ тузовъ (Курцы, Венгленскій, Ставискій, Гольцъ и др.). Его домъ и гостиную навѣщали часто высокопоставленные сановники судебнаго и административнаго міра въ царствѣ польскомъ, которые, какъ служащіе, имѣли обязанности по отношенію къ правительству, но, какъ лица польскаго происхожденія, не хотѣли становиться поперегъ движенія, понимали его неизбѣжность и готовы были, по первому слову графа и по внушенію его партіи, подать въ отставку (Ленскій, Воловскій, Энохъ, Карницкій). Графъ Андрей смотрѣлъ на дѣло пессимистически, не ожидалъ изъ Петербурга никакихъ уступокъ, ничего, кромѣ строгостей. Въ предвидѣніи такого именно исхода, онъ и его приближенные обдумывали, что̀ дѣлать, когда придетъ отказъ, и останавливались преимущественно на предположеніяхъ о способахъ легальной пассивной оппозиціи, къ каковымъ прибѣгали англичане въ XVII столѣтіи или итальянцы въ Ломбардо-Венеціи въ нынѣшнемъ, о неплатежѣ податей по всеобщему соглашенію, о выходѣ разомъ въ отставку всѣхъ служащихъ польскаго происхожденія. Весь интересъ историческаго момента заключался теперь только въ томъ, что̀ думаетъ дѣлать съ царствомъ польскимъ намѣстникъ, и какъ отнесется къ этимъ предложеніямъ намѣстника петербургское правительство. Глубокая тайна окружала эту переписку, о содержаніи ея знали точно не всѣ даже изъ самыхъ приближенныхъ къ намѣстнику лицъ; неизвѣстность продолжалась до конца марта, когда облако разсѣялось, и изъ него вышелъ во всеоружіи Велепольскій. Прежде чѣмъ это событіе наступило, Варшава торжествовала еще одну побѣду надъ ненавистною системою управленія — паденіе Муханова, значительно упростившее положеніе власти и сдѣлавшее возможнымъ переходъ ея на путь преобразованій. — До 27 февраля Мухановъ держалъ, можно сказать, въ своихъ не тонкихъ и не ловкихъ, но крѣпкихъ рукахъ все управленіе царствомъ; послѣ 27 онъ не хотѣлъ понять, что обстоятельства существенно измѣнились, и продолжалъ считать себя необходимымъ въ управленіи для постановки вновь сошедшаго съ рельсовъ бюрократической рутины поѣзда на эти же самые рельсы, между тѣмъ, какъ въ сущности онъ сдѣлался неудобнымъ чело-

вѣкомъ на своемъ посту и являлся сильнѣйшею помѣхою умиротворенію края и успокоенію умовъ. Ненависть и озлобленіе противъ системы переносились съ нея на человѣка, противъ котораго говорило все его прошедшее: весьма естественно выводимо было всѣми заключеніе, что никакого существеннаго облегченія въ положеніи края быть не можетъ, пока Мухановъ будетъ оставаться главнымъ лицомъ въ управленіи царствомъ, завѣдывающимъ хотя бы одною только изъ главныхъ вѣтвей управленія по гражданской части (внутреннія дѣла, или духовныя, или народное просвѣщеніе). Непопулярнаго человѣка никто не поддерживалъ, отъ него сторонились. Высшіе сановники царства, поляки никогда не долюбливали Муханова за его спѣсивое, національное высокомѣріе; они стояли тоже за автономію царства польскаго, но не въ смыслѣ усиленія деспотической власти намѣстника, а въ смыслѣ введенія совѣщательныхъ элементовъ изъ народонаселенія края въ управленіе. Самымъ способнымъ изъ этихъ дѣятелей былъ тонкій, гибкій и вкрадчивый человѣкъ, Юлій Энохъ, оберъ-прокуроръ варшавскихъ департаментовъ прав. сената, часто бывавшій у намѣстника и снискавшій расположеніе князя Горчакова своимъ отличнымъ знаніемъ французскаго языка и неистощимою веселостью и даже шутовствомъ. Военные люди, между которыми на первомъ планѣ стоялъ генералъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-губернаторъ) П. Е. Коцебу не имѣли точно также никакого основанія держать руку Муханова, въ виду того, что наступитъ либо нѣчто въ родѣ военной диктатуры, и тогда гражданское управленіе должно стушеваться совсѣмъ передъ военною властью, либо будутъ уступки, но для успѣшности этихъ уступокъ необходимо прежде всего, чтобы Мухановъ удалился со сцены дѣйствій.

При такихъ условіяхъ, малѣйшій случай былъ достаточенъ для того, чтобы подкопанный со всѣхъ сторонъ колоссъ свалился. Случай этотъ представился въ видѣ злополучнаго секретнаго циркуляра Муханова, какъ директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, къ гражданскимъ губернаторамъ царства отъ 6 (18) марта, № 70. Послѣ польскаго движенія въ Познаніи и Галиціи 1846 г., вошло въ обычай отъ времени до времени разсылать предержащимъ полицейскимъ властямъ, начиная съ губернаторовъ и кончая бургомистрами и войтами гминъ, предписанія, чтобы они слѣдили за безпаспортными, за проѣзжими, въ особенности за иностранцами. По одному изъ пунктовъ циркуляра, начальники обязывались «внушать крестьянамъ, что пекущееся о благѣ ихъ правительство ожидаетъ отъ нихъ не только, что они не послушаютъ подстрекательствъ къ безпорядкамъ, но для сохраненія

общаго порядка будутъ задерживать и доставлять къ ближайшимъ властямъ всякаго подговаривающаго къ возмущенію, который бы между ними явился» (A. W., польское изданіе II, 63). По словамъ г. Лисицкаго (тамъ же, I, 188), циркуляръ этотъ не былъ ни новъ, ни оригиналенъ. Онъ былъ теперь извлеченъ въ пятый разъ изъ архивной пыли и переданъ за подписью намѣстника для опубликованія коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, но безъ вѣдома, однако, совѣта управленія. Мухановъ поднесъ его намѣстнику для подписанія, намѣстникъ же подписалъ его, можетъ быть, не читая и во всякомъ случаѣ не приписывая ему особой важности, какъ простому подтвержденію прежнихъ распоряженій. Такъ какъ всѣ этого содержанія циркуляры были секретны, то они не оглашались, но послѣдній изъ нихъ, пущенный въ ходъ въ 1861 г., представился какъ нѣчто новое, какъ осуществленіе адскаго замысла поднять крестьянъ на помѣщиковъ, какъ подражаніе австрійской политикѣ въ Галиціи съ цѣлью произвести междоусобную рѣзню. Въ литографированныхъ протоколахъ делегаціи записано, что 8 (20) декабря купеческая «рессурса», въ присутствіи командированнаго для переговоровъ съ купцами и фабрикантами Шленкера, оглашалась непрекращающимися криками: «долой Муханова». Того же дня, въ видѣ отвѣта на циркуляръ Муханова, комитетъ Земледѣльческаго общества, входя въ роль власти и законодательнаго собранія, довелъ во всеобщее свѣдѣнія тоже циркуляромъ о состоявшемся «постановленіи» общества надѣлять крестьянъ землею на условіяхъ выкупа. Этотъ необдуманный циркуляръ, имѣвшій въ виду только то, чтобы присвоить всецѣло одному Земледѣльческому обществу, а не правительству, носящееся еще въ туманѣ будущаго, предполагаемое прекращеніе барщины, могъ сдѣлаться опаснымъ брандеромъ, и если не причиною крестьянскаго движенія, то сигналомъ къ немедленному прекращенію крестьянами отбыванія барщины на одну ту вѣсть, что ихъ постановлено надѣлить землею въ собственность. Въ совѣтѣ управленія заявлены были протесты противъ циркуляра и требованія о томъ, чтобы онъ былъ оффиціально отмѣненъ. При такихъ условіяхъ, намѣстникъ рѣшилъ не безъ колебаній и борьбы съ самимъ собою дать отставку Муханову, уступая настояніямъ, съ одной стороны, Коцебу, съ другой, Эноха. Въ субботу, 11 (23) марта еще эта отставка не была рѣшена, въ полдень телеграфировали въ С.-Петербургъ; около 2 часовъ получился отвѣтъ, въ 3 часа Мухановъ былъ приглашенъ къ намѣстнику и ему сообщено извѣстіе, которое поразило его какъ громомъ, потому что онъ былъ убѣжденъ, что

его въ сущности всѣ любятъ и что безъ него не обойдутся. Конечно, Мухановъ уже зналъ, что вслѣдствіе переговоровъ съ Велепольскимъ отъ него отойдутъ народное просвѣщеніе и духовныя дѣла, но коммиссію внутреннихъ дѣлъ онъ надѣялся сохранить. Съ Мухановымъ сдѣлалось дурно; онъ вернулся домой еще не думая о выѣздѣ изъ Варшавы, между тѣмъ какъ по неловкому приказу, отданному по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, велѣно приготовить для него экстренный поѣздъ въ 9 часовъ вечера, изъ Варшавы къ австрійской границѣ. При условіяхъ тогдашняго времени, такое распоряженіе было равносильно доведенію до свѣдѣнія варшавской публики объ отъѣздѣ ненавистнаго министра, а слѣдовательно, и вызову ея на самую недружелюбную демонстрацію. Мухановъ не готовился вовсе къ путешествію, когда въ 7 часовъ вечера за нимъ была прислана карета намѣстника, которая повезла его въ замокъ, гдѣ и произошло послѣднее ихъ свиданіе. Мухановъ вернулся домой сильно озлобленный, едва запасся наскоро деньгами и платьемъ и, сѣвъ съ женою въ нанятый экипажъ, отправился окольными путями, по страшной распутицѣ, не на вокзалъ желѣзной дороги въ Варшавѣ, на углу Іерусалимской и Маршалковской, но на первую станцію желѣзной дороги—Прушковъ. Распространившаяся съ необычайною быстротою вѣсть о его паденіи успѣла обогнать его. Не смотря на глубокую ночь, его уже ждалъ въ Прушковѣ шумный пріемъ съ кошачьею музыкою, что повторялось на каждой почти станціи вплоть до границы. Особенно отличилась станція въ горнозаводскомъ мѣстечкѣ Домбровѣ. Здѣсь бывшій министръ долженъ былъ въ теченіи цѣлаго часа выслушивать пронзительный свистъ двухъ нарочно подвезенныхъ локомотивовъ, при устремленныхъ на него взорахъ сбѣжавшихся толпами заводскихъ рабочихъ. Такъ исчезалъ, среди злорадостныхъ ликованій и свиста, человѣкъ, хотя и тяжелый, но солидный, толковый и во многихъ личныхъ отношеніяхъ не дурной, расплачиваясь за систему управленія, которая не имъ была создана, но которой онъ былъ самымъ виднымъ и крѣпкимъ представителемъ.

XIII.

Отвѣтъ изъ Петербурга.—Концессіи.—Велепольскій министромъ.

Съ отсылки адреса жителей Варшавы въ Петербургъ, движеніе пріостановилось въ ожиданіи того, какой послѣдуетъ отвѣтъ. Такъ какъ петербургское центральное правительство не могло имѣть ясныхъ понятій о происшествіяхъ варшавскихъ, но взвѣшивало и обсуждало только представленія намѣстника, то весь главный интересъ событій по русско-польскому вопросу сосредоточивался на перепискѣ и сообщеніяхъ между Петербургомъ и Варшавою, составляющихъ закулисную сторону дѣла, извѣстную весьма немногимъ. Политика центральнаго правительства имперіи по отношенію къ польскимъ событіямъ могла быть двоякая: либо укрощеніе силою, либо серьёзныя реформы. Князь Горчаковъ заключилъ совершенно основательно и резонно, что открытою силою нельзя дѣйствовать, имѣя противъ себя все населеніе; очень понятно, что онъ совѣтовалъ реформы. Онъ отправилъ ходатайствовать о реформахъ въ С.-Петербургъ статсъ-секретаря Карницкаго, котораго брошюра [1]) представляетъ собою наглядный примѣръ того, какъ неясны и неопредѣлительны были на этотъ счетъ понятія у самого князя Горчакова. Карницкій разсказываетъ, что въ самый день похоронъ убитыхъ, т.-е. 2-го марта, князь Горчаковъ позвалъ его къ себѣ и объяснилъ, что при невозможности передать всѣ подробности о варшавскихъ происшествіяхъ на письмѣ, ему, Карницкому, предстоитъ ѣхать доложить Государю о положеніи дѣлъ и о воззрѣніяхъ намѣстника, какъ бы поправить это положеніе. Къ вечеру Карницкій долженъ былъ получить инструкцію. Вмѣсто инструкцій, намѣстникъ продиктовалъ ему по пунктамъ кое-какія замѣтки и подробности о случившемся и о его причинахъ, а также о томъ, что необходимо дать странѣ новыя учрежденія и реформы, причемъ онъ не опредѣлилъ, однако, обстоятельно, въ чемъ должны состоять эти реформы. Карницкій уѣхалъ ночью со 2-го на 3-е марта, но прибылъ въ Петербургъ только 7-го марта (еще желѣзной дороги не было на бо́льшей половинѣ протяженія пути), имѣя при себѣ, такъ сказать, бѣлый листъ бумаги, на которомъ онъ долженъ былъ начертить по своему разумѣнію и соображеніямъ, что́ нужно цар-

---

[1]) *Suum cuique* издана безъимянно въ Дрезденѣ 1878 г. съ оговоркою: Bez wolności przedruku. Egzemplarz jako manuskrypt nie będący w handlu.

ству польскому. Карницкій былъ, какъ и всѣ поляки въ его положеніи, автономистъ, но робкій, осторожный; онъ и не считалъ возможнымъ ссылаться на хартію 1815 г., но взялъ за исходную точку залежавшійся 30 лѣтъ органическій статутъ 1832 г. и прибавилъ къ нему школьную реформу, особенно желательную вслѣдствіе отсутствія въ царствѣ польскомъ всякаго высшаго учебнаго заведенія. Предложенія Карницкаго нашли поддержку въ товарищѣ статсъ-секретаря по дѣламъ царства польскаго, Валеріанѣ Платоновѣ (самъ статсъ-секретарь Тымовскій былъ человѣкъ дряхлый и совершенно ничтожный) и въ предсѣдателѣ кодификаціонной коммиссіи царства польскаго Ромуальдѣ Губе. Въ самый день пріѣзда, Карницкій представлялся Государю, а такъ какъ на слѣдующій день должно было происходить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Государя, изъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, военнаго министра Сухозанета и шефа жандармовъ князя Долгорукова, въ которомъ Карницкій долженъ былъ докладывать свои заключенія при Тымовскомъ и Платоновѣ, то Карницкому пришлось побывать у каждаго изъ приглашенныхъ на совѣщаніе сановниковъ для ознакомленія ихъ съ существомъ подлежавшихъ обсужденію вопросовъ. Такъ какъ Тымовскому поручено на основаніяхъ, одобренныхъ при совѣщаніи, составить записку, и такъ какъ эта записка напечатана (A. W., польское изданіе 1878 г. II, 47—57), то можно точнымъ образомъ опредѣлить, въ чемъ состояли бы реформы по идеѣ Карницкаго или, лучше сказать, по понятіямъ чиновниковъ, помнившихъ еще конституціонный періодъ и затѣмъ прошедшихъ школу Паскевича. Записка усматриваетъ корень зла въ исключительности чистаго бюрократизма и требуетъ дать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія населенію. Она не затрогивала центральныхъ органовъ управленія—правительственныхъ коммиссій, не предлагала преобразованія судоустройства, она устраняла даже поименованные въ органическомъ статутѣ 1832 г. провинціальные штаты. Она предлагала выборныя установленія или *совѣты* (собственно собранія, изъ которыхъ еще не предполагалось выдѣлять, какъ у насъ въ земскихъ учрежденіяхъ, органы исполнительные, т.-е. управы): а) совѣты *городскіе*, къ категоріи которыхъ впослѣдствіи приурочены могутъ быть и гминные; б) совѣты *уѣздные* (о которыхъ не было и помину въ статутѣ); в) *совѣты губернскіе* (вмѣсто указанныхъ въ статутѣ воеводскихъ, такъ какъ страна дѣлилась уже теперь на губерніи, а не на воеводства). При выборахъ членовъ въ городскіе и уѣздные совѣты, записка предлагала устранить совсѣмъ дѣленіе населенія

на дворянъ и недворянъ, противное теперь и самому дворянству, и допустить въ избиратели всѣхъ землевладѣльцевъ. Губернскіе совѣты должны бы состоять изъ выборныхъ, отряжаемыхъ уѣздными совѣтами; въ число членовъ входилъ бы, какъ непремѣнный членъ ex officio — предсѣдатель совѣта губернскаго города. Предсѣдатели совѣтовъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ должны быть назначаемы изъ среды членовъ этихъ совѣтовъ намѣстникомъ. Всѣмъ этимъ выборнымъ органамъ земскаго самоуправленія поручалось хозяйство города, общины, уѣзда, губерніи, пути сообщенія, благотворительныя заведенія, распредѣленіе податей и повинностей, наконецъ, имъ предоставлялось ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ населенія. Я сказалъ, что провинціальные штаты были устранены, какъ напоминающіе слишкомъ непріятные по своимъ воспоминаніямъ сеймъ и конституцію. Вмѣсто нихъ центральнымъ пунктомъ и вѣнцомъ зданія являлся воскресающій вновь послѣ отмѣны его въ 1841 году особый Государственный Совѣтъ царства польскаго (Rada Stanu), долженствующій вступить въ отправленіе обязанностей, которыя лежали на департаментѣ дѣлъ царства польскаго въ государственномъ совѣтѣ имперіи и на особенно ненавистной для варшавскихъ автономистовъ кодификаціонной коммиссіи для царства польскаго при II отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи. Этому установленію должны были быть предоставлены функціи и нашего 1-го департамента сената, и государственнаго совѣта имперіи, то-есть, изготовленіе законопроектовъ, разсмотрѣніе бюджета, разсмотрѣніе всѣхъ отчетовъ директоровъ правительственныхъ коммиссій, наконецъ дача заключеній по ходатайствамъ мѣстныхъ уѣздныхъ, городскихъ и губернскихъ совѣтовъ о нуждахъ и потребностяхъ страны. Выборный элементъ не долженъ былъ проникать въ государственный совѣтъ и не участвовалъ въ его комплектованіи. Въ совѣтъ должны были входить либо высшіе сановники царства, либо именитые граждане—нотабли, по назначенію правительства, изъ числа выдающихся членовъ земскаго кредитнаго общества, предсѣдателей магистратовъ, предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ и проч. Во всей запискѣ ни разу не былъ затронутъ вопросъ о духовенствѣ. Она не касалась также народнаго воспитанія, такъ какъ особый школьный и университетскій уставъ поручено составить Ромуальду Губе, бывшему много лѣтъ профессоромъ с.-петербургскаго университета.

Всѣ эти одобренныя въ принципѣ и набросанныя въ общихъ чертахъ предположенія, требовали долгаго времени для

разработки, тѣмъ болѣе, что ихъ предполагали осуществлять обыкновеннымъ порядкомъ, т.-е., съ изготовленіемъ проектовъ, отсылкою таковыхъ къ намѣстнику, разсмотрѣніемъ ихъ въ Варшавѣ намѣстникомъ при участіи мѣстныхъ нотаблей, людей пользующихся довѣріемъ страны. Намѣстнику разрѣшено по телеграфу, не объявляя оффиціально о результатахъ совѣщанія, передать конфиденціально, кому слѣдуетъ, для успокоенія умовъ въ Варшавѣ, что вопросъ о реформахъ въ царствѣ въ ходу, что и было намѣстникомъ исполнено. Призвавъ къ себѣ Шленкера, Кроненберга, архіепископа Фіалковскаго и графовъ Андрея Замойскаго и Малаховскаго, князь Горчаковъ сообщилъ имъ 1-го (13-го) марта, что одобренные пункты предполагаемыхъ реформъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) государственный совѣтъ, въ составъ котораго войдутъ способные граждане — люди довѣрія (т.-е. пользующіеся уваженіемъ страны); 2) учрежденіе выборныхъ городскихъ совѣтовъ; 3) полное преобразованіе общественнаго воспитанія; 4) призывъ способныхъ гражданъ— людей довѣрія, къ совѣщаніямъ о потребностяхъ страны (литограф. протоколы делегаціи). Таковъ былъ, въ половинѣ марта новаго стиля, немаловажный результатъ поѣздки Карницкаго въ Петербургъ; но прежде, чѣмъ дописаны были сочиняемые въ Петербургѣ законопроекты, набѣжала изъ Варшавы новая волна требованій, смутныхъ извѣстій и предположеній. Волна эта исходила уже главнымъ образомъ отъ утвердившагося въ зáмкѣ Велепольскаго, къ которому мы и должны возвратиться.

Когда, кончая главу XI, я употребилъ слова: «маркизъ проникъ въ зáмокъ невидимкой», то эти слова надобно разумѣть въ переносномъ значеніи. Маркизъ отправился изъ Варшавы въ Хробержъ, но были люди, которые за него говорили и хлопотали въ зáмкѣ. Въ тотъ самый день, 2-го марта, который ознаменованъ и похоронами, и отправкою Карницкаго съ порученіями въ Петербургъ, князю намѣстнику поднесена работа, напечатанная теперь во 2-мъ томѣ польскаго сочиненія Лисицкаго (стр. 39—47) и озаглавленная такъ: меморіалъ оберъ-прокурора (naczelny prokurator) сената Эноха, изъ которой мы предложили читателямъ выдержки (въ ст. VII). Эта записка донынѣ есть лучшее и обстоятельнѣйшее изложеніе какъ причинъ, такъ и свойствъ польскаго движенія 1861—1864 года. По силѣ пера, по рельефности, по яркому колориту изложенія, она обличаетъ мастера (ex ungue leonem), выражающагося своеобразно и чуждаго всякихъ привычекъ канцелярскаго, оффиціальнаго слога или даже дипломатической шлифовки. Она вся можно сказать гране-

ная, врѣзывающаяся въ память. Я ее прямо приписываю Велепольскому не потому только, что въ ней сквозятъ тѣ начала, которыя составляли основу его проекта адреса и правила всей его позднѣйшей политики, но потому, что въ запискѣ уже намѣчено и то мѣсто, которое напередъ предположилъ занять Велепольскій, на случай, если его призовутъ умиротворять страну. Едва ли бы пришло въ голову Эноху, какъ не пришло оно въ голову Карницкому, сказать—какъ сказано въ запискѣ, что главная причина неудовольствій заключается въ томъ, что во главѣ управленія исповѣданіями поставленъ въ римско-католической странѣ не римскій католикъ, но православный (Мухановъ); едва ли бы предложили они вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть варшавскій округъ, все школьное дѣло поручить независимо отъ петербургскихъ министровъ возстановляемой коммиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, существовавшей въ хартіи 1815, но отмѣненной по статуту 1832 г. (ст. 35). Записка совѣтовала умѣренныя реформы, широкое примѣненіе избирательнаго начала на основаніяхъ имущественнаго ценза и двустепенныхъ выборовъ и предлагала, съ одной стороны, попускать возжи, съ другой, затягивать ихъ, карая строго за всякіе революціонныя затѣи. Записка произвела впечатлѣніе. Намѣстникъ усумнился, найдутся ли между поляками люди авторитетные и твердые, готовые идти противъ теченія. Энохъ рекомендовалъ двоихъ: Ѳому Потоцкаго и Велепольскаго и сообщилъ князю намѣстнику неизвѣстное ему произведеніе: Lettre d'un gentilhomme polonais. Тогда Горчаковъ предложилъ черезъ Эноха маркизу портфель просвѣщенія и исповѣданій, послѣ чего 6 марта произошло свиданіе въ замкѣ намѣстника съ пріѣхавшимъ, по вызову, маркизомъ. Маркизъ дѣйствовалъ теперь, какъ и потомъ, не навязывая себя, не заискивая, онъ только совѣтовалъ и брался за дѣло положительно и рѣшительно, но на весьма опредѣленныхъ условіяхъ. Тяжелый, неуклюжій и близорукій, а потому въ многочисленномъ обществѣ часто застѣнчивый, что принимаемо было мало знающими его лицами за высокомѣріе и спѣсь, маркизъ не задавалъ себѣ труда быть обходительнымъ съ людьми, которые его мало интересовали, но онъ успѣвалъ привлечь, кого надо было, на свою сторону и обворожить силою логики, могучею діалектикою, своеобразнымъ краснорѣчіемъ, не лишеннымъ пряной приправы ироніи и сарказма. Князя Горчакова онъ увлекъ и сталъ въ глазахъ князя l'homme d'état par excellence. Несмотря на всѣ свои усилія, Велепольскій успѣлъ внушить намѣстнику не всѣ свои идеи (ссылку на хартію 1815 г. Горчаковъ положительно

отвергъ), а только нѣкоторыя, а именно: обязательное очиншеваніе крестьянъ, уравненіе въ правахъ евреевъ съ христіанами, отмѣну учрежденія предводителей дворянства, отмѣну кодификаціонной коммиссіи въ Петербургѣ (въ чемъ Велепольскій сошелся съ Карницкимъ), уничтоженіе Земледѣльческаго общества, съ образованіемъ вмѣсто него сельско-хозяйственныхъ комицій или съѣздовъ, и образованіе самостоятельной коммиссіи просвѣщенія и вѣроисповѣданій съ порученіемъ ея Велепольскому. Выборъ поста могъ свидѣтельствовать не столько о честолюбіи, сколько о храбрости маркиза, а также о вѣрномъ пониманіи имъ того, что главная опасность заключается въ религіозномъ характерѣ движенія. Только римскій католикъ, неподозрѣваемый въ отступленіи отъ вѣры и уважающій церковные законы, могъ надѣяться, что онъ съ одной стороны избѣгнетъ конфликта съ церковью, а съ другой подавитъ церковныя манифестаціи. Университетъ предполагался въ Варшавѣ полный, съ пятью факультетами: по странному предубѣжденію намѣстника противъ слова: университетъ, его рѣшили назвать *Главною Школою.* Не имѣя возможности ссылаться на хартію, Велепольскій пытался, однако, какъ можно ближе къ ней подойти, возстановляя старинное дѣленіе царства на 8 воеводствъ и созидая цѣлую лѣстницу выборныхъ совѣтовъ по воеводствамъ, съ правомъ ходатайства о нуждахъ и потребностяхъ и съ замысловато устроеннымъ сенатомъ, который бы состоялъ изъ пожизненно назначаемыхъ воеводъ, каштеляновъ, епископовъ и членовъ изъ именитыхъ гражданъ. Этотъ сенатъ, усиленный пріобщеніемъ къ нему предсѣдателей воеводскихъ совѣтовъ, представителей земскаго кредитнаго общества, высшихъ судебныхъ сановниковъ, предсѣдателя муниципалитета варшавскаго и ректора университета, давалъ бы свои заключенія по ходатайствамъ воеводскихъ совѣтовъ, разсматривалъ бы предложенныя ему правительствомъ законопроекты, предлагалъ бы правительству свои соображенія объ усовершенствованіи законовъ и о реформахъ, словомъ, имѣлъ бы извѣстное участіе въ законодательной власти. Самоуправленіе городское предположено было для одной Варшавы. Въ дальнѣйшемъ развитіи реформы предполагаемо было преобразованіе варшавскихъ департаментовъ сената въ верховный судъ, учрежденіе коллегіальнаго государственнаго совѣта (rada stanu), какъ высшаго административнаго учрежденія, которому подчинялись бы министры; упраздненіе военно-судныхъ коммиссій за политическія преступленія и новая уголовная кодификація, вмѣсто кодекса 1847, дословно почти скопированнаго съ нашего уложенія 1845, которое сочинилъ Р. Губе, и отъ

котораго къ сожалѣнію мы и донынѣ не можемъ освободиться. Къ 17 марта соглашеніе о реформахъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его изложили, послѣдовало между кн. Горчаковымъ и Велепольскимъ; маркизъ опять вернулся въ Хробержъ, а представленія намѣстника отправлены въ Петербургъ съ чиновникомъ коммиссіи казны, Кретковскимъ, куда и прибыли 23 марта.

Петербургскіе составители законоположеній для царства Карницкій со своими пособниками нашлись въ величайшемъ затрудненіи, когда имъ пришлось передѣлывать свою, уже наполовину конченную работу, и когда понадобилось докладывать о совсѣмъ новыхъ планахъ преобразованія въ совѣтѣ изъ всѣхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ государя, 13 (25) марта 1861 г. Авторское самолюбіе Карницкаго было въ этомъ случаѣ не причемъ: Карницкій не могъ не радоваться, что предложенія намѣстника шли несравненно дальше его, Карницкаго, ожиданій, что автономія предлагалась полная, широкая, что реформы были сверхъ чаянія радикальныя. Съ другой стороны, столица и все русское общество находились въ упоеніи отъ совершившагося великаго дѣла обнародованія, за три недѣли предъ тѣмъ, положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. Либерализмъ достигъ наивысшаго діапазона. Царила безграничная увѣренность во всемогуществѣ и плодотворности свободы. При такихъ условіяхъ, уступки дѣлались легко и безъ долгихъ колебаній. Въ совѣщаніи 25 марта (брошюра Карницкаго) оба проекта Карницкаго и Велепольскаго слиты въ одно. Предположенія Велепольскаго о совѣтахъ воеводскихъ и о сенатѣ провалились, осталась система органовъ земскаго самоуправленія, по идеѣ Карницкаго, съ особымъ государственнымъ совѣтомъ, въ Варшавѣ, имѣющимъ только совѣщательный характеръ, безъ признаковъ представительства, и усиленнымъ включеніемъ въ составъ его епископовъ. Въ остальномъ предположенія Велепольскаго одобрены. Вся суть рѣшеній по польскому вопросу выражена въ пяти пунктахъ высочайшаго указа отъ 14 (26) марта, которые еще наканунѣ того дня, то-есть, 25 марта, были переданы намѣстнику по телеграфу и оглашены въ Варшавѣ. Эти пункты составляли програму будущаго, должны были быть разработаны въ Варшавѣ и присланы въ Петербургъ, въ видѣ готовыхъ законопроектовъ. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) Учрежденіе государственнаго совѣта, въ составъ котораго будутъ назначаемы мѣстные именитые люди и духовные сановники; совѣтъ будетъ разсматривать прошенія и жалобы.

2) Учрежденіе коммиссіи народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій «съ вашимъ кандидатомъ, какъ предсѣдателемъ (т.-е.

съ Велепольскимъ), и съ назначеніемъ его членомъ совѣта управленія».

3) Общее преобразованіе училищъ, разрѣшённое въ принципѣ.

4) Учрежденіе *высшихъ училищъ*, въ томъ числѣ училища правовѣдѣнія (въ этомъ пунктѣ нашли отголосокъ предубѣжденіе кн. Горчакова противъ слова: университетъ, и идеи не только Муханова, но и другихъ лицъ, озадаченныхъ студентскими волненіями и безпорядками во всей Россіи и предлагавшихъ разчленять университеты по факультетамъ и разсыпать ихъ по разнымъ мѣстечкамъ, вдали отъ крупныхъ центровъ населенія).

5) Учрежденіе губернскихъ и окружныхъ совѣтовъ.

27 марта 1861 г. Велепольскій уже былъ въ Варшавѣ, на своемъ посту и вступилъ оффиціально въ отправленіе своихъ обязанностей.

В. Спасовичъ.

ИЗЪ

ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА ПУШКИНА О «БОРИСѢ ГОДУНОВѢ».

Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана *Любопытная тяжба* П. В. Анненкова, свидѣтельствующая, какимъ тяжелымъ путемъ шла наша многострадальная литература. Одинъ изъ эпизодовъ этой неравной борьбы касается извѣстныхъ двухъ писемъ Пушкина о „Борисѣ Годуновѣ“. Онѣ напечатаны въ обоихъ изданіяхъ „Матеріаловъ“ г. Анненкова съ большими пропусками; начало перваго изъ этихъ писемъ приведено въ его же трудѣ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, гл. VIII [1]), а нѣсколько строкъ второго помѣщены въ запискѣ, поданной г. Анненковымъ въ главный цензурный комитетъ, и напечатанной въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 22—24). Но и въ запискѣ исключено нѣсколько мѣстъ, которыя могли возбудить подозрительность цензуры и повлечь совершенное запрещеніе писемъ. Между тѣмъ, пропуски, ослабляя общее впечатлѣніе и послѣдовательность мысли, весьма существенны, потому что въ мѣстахъ, исключенныхъ цензурою или издателемъ, выразились тонкій критическій умъ поэта, взглядъ его на требованія современной драмы и глубоко вѣрная оцѣнка характеровъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ. Такимъ образомъ, оба письма печатались въ разное время, въ разныхъ изданіяхъ, въ разрозненномъ и отрывочномъ видѣ, нарушающемъ ихъ связь и послѣдовательность, и потому текстъ ихъ требуетъ полнаго возстановленія.

---

[1]) Тамъ же напечатаны IV и V письма Пушкина къ Дельвигу, которыя въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 11 и 12) ошибочно названы неизданными.

Письма эти, находившіяся на Пушкинской выставкѣ („Каталогъ", стр. 49), предоставлены г. Анненковымъ въ наше распоряженіе. Дорожа каждою строкою великаго поэта, произведенія котораго составляютъ лучшее достояніе русской литературы, мы сообщаемъ оба письма вполнѣ, безъ всякихъ пропусковъ. Печатаніе вообще писемъ Пушкина тѣмъ болѣе своевременно, что готовится къ изданію его переписка, возстановленію которой въ надлежащей полнотѣ слѣдуетъ содѣйствовать общими силами.

Предлагаемыя письма, писанныя на французскомъ языкѣ, первое въ 1825, а второе въ 1829 г., вводятъ во внутренній міръ поэта и посвящаютъ въ тайны его творческой мысли. Если вспомнимъ, что эти откровенныя бесѣды вылились у Пушкина по поводу произведенія, которымъ онъ наиболѣе дорожилъ, то будетъ понятно важное ихъ значеніе. Оба письма представляютъ, по справедливому выраженію г. Анненкова, „драгоцѣнный примѣръ того, какъ исторія и ея главныя лица отражаются въ умѣ геніальнаго художника". За неоднократно указаннымъ г. Анненковымъ значеніемъ этихъ писемъ, намъ остается ограничиться лишь нѣкоторыми дополненіями къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ.

Письма, судя по началу перваго изъ нихъ, писаны къ Николаю Николаевичу Раевскому въ село Каменку, Кіевской губерніи, куда Пушкинъ пріѣзжалъ на нѣкоторое время, въ концѣ лѣта 1820 г., возвращаясь съ Кавказа, и въ февралѣ 1821 г., возвращаясь изъ Кіева въ Кишиневъ. Жизнь его въ Каменкѣ и дружба съ Раевскими описана въ сочиненіи г. Анненкова о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху (гл. V). Были ли отправлены эти письма по назначенію—неизвѣстно. Вѣроятнѣе, что Пушкинъ, долго не рѣшаясь издать „Комедію о царѣ Борисѣ", оставилъ ихъ у себя въ числѣ многихъ другихъ замѣтокъ и матеріаловъ. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что конецъ второго письма взятъ почти буквально изъ перваго, которое притомъ осталось безъ подписи.

Печатаемъ письма въ оригиналѣ, потому, что бо́льшая часть ихъ уже переведена г. Анненковымъ; притомъ въ переводѣ исчезла бы вся прелесть пушкинскаго языка. Мѣста пропущенныя или невѣрно напечатанныя отмѣчаемъ, для бо́льшей ясности, курсивомъ.

I.

Où êtes vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille *bonne* et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. *En l'écrivant j'ai reflechi sur la tragédie en général, c'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du tems etc. quel diable de vraisemblance y-a-t-il dans une salle coupée en deux moitié dont l'une est occupée par deux milles personnes, qui sont sensés n'être pas vu par ceux qui sont sur les planches; 2) la langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue grecque etc. Voyez les anciens, leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est-il pas une invraisemblance conventionnelle; 3) le tems, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédies ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle des 24 heures? soit et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondement frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et la dessus allonge le monologue et pense avoir fait une révolution dans le sîstème de la tragédie; quelle puérilité!*

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue —voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon ni Vega, mais quel homme que ce Sch!. je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron

qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère[1]) (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse, et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa melancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie.

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire même les choses les plus étranges en porte essentielement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un consp. dit donnez moi à boire en conspirateur et ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (ha pagato) cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gène et cette timidité de dialogue[2]). Lisez Sch. il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est elle une tragédie de caractère ou de costume. J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus—cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer.

Это письмо написано въ Михайловскомъ, въ сентябрѣ 1825 г. Въ хронологическомъ порядкѣ оно слѣдуетъ за третьимъ письмомъ Пушкина къ Дельвигу, напечатаннымъ въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 9). Въ обоихъ упоминается о ходатайствѣ матери поэта и объ отъѣздѣ сосѣдки—П. А. Осиповой. Разсужденія о трагедіи, напечатанныя курсивомъ, повторены съ небольшими измѣненіями во второмъ письмѣ, и потому исключены г. Анненковымъ изъ перваго. Мы оставляемъ ихъ однако въ обоихъ письмахъ, какъ вслѣдствіе разницы нѣкоторыхъ мѣстъ, такъ и съ цѣлью полнаго возстановленія этихъ двухъ важныхъ автобіографическихъ документовъ.

---

[1]) *Et c'est le sien*, напечатанное г. Анненковымъ, у Пушкина зачеркнуто.

[2]) Г. Анненковымъ напечатано: *Et là-dessus*, выраженіе зачеркнутое у Пушкина.

II.

Voici ma tragédie puisque vous *la* voulez absolument, mais avant que de la lire, j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est rempli de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'hist. de ce tems là, *comme nos sansoeuvres de Kiov et de Kamenka*. Il faut les comprendre, *sine qua non* (курсивъ въ подлинникѣ). A l'exemple de Schaks., je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique romanesque etc... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers—quand aux grosses indécences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, et disparaitra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passioné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drole de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier—partager tantôt le lit dégoutant d'un juif tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible esperance d'un throne qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte en même tems, traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne — et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle — mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. *Elle est horriblement polonaise comme le* (слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка).

Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, *homme de conspiration surtout*. C'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après je *l'ai* retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la defendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à coté de Козьма Minine, puis Voevode à Нижній, *puis parmi les députés*

qui couronnèrent Romanof [1]), puis ambassadeur. Il a été tout, *même incendiaire* comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище—*ville qu'il fit bruler pour la punir de je ne sais quoi à la mode des proconsuls de la convention nationale.*

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse, et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers Boyards à passer du coté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрій lui fait grace déjà sur l'échafaud, il l'exile et *avec cette générosité étourdie qui caractèrisait cet aimable aventurier* il le rappelle à sa cour; il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache *et le billot?* il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion—tout deux abjurant leurs foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ксенія—il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire [2]).

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job—*le patriarche il est vrai était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.*

En ecrivant *ma* Godounof j'ai refléchi sur la tragédie—et si je me melai de faire une préface, je ferai du scandale — c'est peut être le genre *le* plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du tems, des lieux etc. que diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches.

---

[1]) Объ этомъ же обстоятельствѣ упоминается въ концѣ второго письма Пушкина къ Дельвигу, напечатаннаго въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 8).

[2]) Это сравненіе Дмитрія съ Генрихомъ IV переведено г. Анненковымъ сокращенно въ его „Любопытной тяжбѣ“ (стр. 22), но подлинный текстъ не приведенъ.

2) *La langue.* (курс. въ подлин.) P. ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pirrhus: Helas, j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle des 24 h.! soit. Et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondement frappé du ridicule de l' *a parte* (курс. въ подлин.), il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez la, je vous prie car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface.

A. P.

1829
30 j.

Въ концѣ письма поставлено *S. P. b.*, и зачеркнуто. *30 j.*, по объясненію г. Анненкова, („Матеріалы" изд. 2-е, стр. 126), можно читать *juin* и *janvier*. Послѣднее правильнѣе: январь 1829 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ, вѣроятно, и написалъ это письмо; а въ мартѣ уже уѣхалъ на Кавказъ. („Матеріалы", стр. 209).

В. Гаевскій.

РУССКІЕ РАЦІОНАЛИСТЫ

Субботники, Духоборцы, Молокане, Штундисты.

Русскій расколъ старообрядства выросъ на чисто народной почвѣ, вытекъ изъ духа православія и путемъ генетическаго развитія отрицаній (въ церкви—догматовъ и обрядовъ, стѣсняющихъ свободное отношеніе къ вѣрѣ, въ государствѣ—порядковъ, несходныхъ съ требованіями народной жизни) представляетъ изъ себя результатъ нашего собственнаго массоваго движенія. Но наши государственность и образованность подвергались четырехвѣковому вліянію иноземцевъ: оно не могло не породить особаго духовнаго міровоззрѣнія въ народѣ, столь чуткаго и воспріимчиваго въ дѣлѣ вѣры и столь мало удовлетвореннаго домашними средствами духовнаго воспитанія. Ломка средневѣкового теократическаго быта на западѣ съ ея безпощадною критикою вѣры знаніемъ, съ ея увлеченіемъ въ два противуположные полюса сенсуализма и мистицизма, была перекинута къ намъ, и павъ на открытую почву обрядности, суевѣрій, апокрифовъ, должна была дать самостоятельный ростъ въ особомъ потокѣ ученій съ западнымъ отрицаніемъ. Съ юго-запада богомильство, съ запада аріанство, наконецъ, реформаціонное движеніе при посредствѣ ганзейской торговли Новгорода и Пскова, мало-по-малу, расшатывали духовное сознаніе народа и, мало-по-малу, вводили въ него зачатки раціонализма. Уже въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія, явились среди псковитянъ дьяконъ Никита и нѣкто Карпъ, по прозванію Стригольникъ, положившіе начало этого рода дви-

женія. Отрицая пастырей церкви, ихъ священнодѣйствія, они проповѣдывали народу, что не нужно принимать отъ священниковъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи; что каяться, можно безъ священника, припадая къ землѣ; что евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ, а что другія таинства вовсе для спасенія не нужны. Есть свидѣтельства, что нѣкоторые изъ поклонниковъ этого ученія доводили его до полнаго матеріализма, отвергая все — соборы, евангельскія и апостольскія писанія и даже самое воскресеніе мертвыхъ и загробную жизнь. Въ морали всѣ они придерживались аскетизма и отличались строгою жизнью и постничествомъ. Это подвижничество, сопряженное съ отчужденіемъ отъ общины, возстановило противъ стригольниковъ Новгородцевъ и Псковитянъ, которые признавали ихъ гордыми, неуживчивыми и, главное, — противниками строго соблюдаемыхъ ими общинныхъ обычаевъ. Не столько церковь, сколько самъ народъ положилъ конецъ этому сектаторству; но посѣянный имъ духъ отрицанія еще надолго сохранился въ Новгородской и Псковской областяхъ и послужилъ источникомъ новаго теченія раціоналистической мысли въ формѣ появившейся вслѣдъ за тѣмъ секты іудействующихъ.

Секта іудействующихъ сразу охватила значительное пространство и сразу привлекла къ своему ученію все образованное, книжное тогдашнее общество. Въ числѣ поклонниковъ своихъ, она нашла и лицъ царскаго рода, и лучшихъ бояръ, и даже самого митрополита Зосиму. Получивъ такую силу вначалѣ, секта эта не могла сойти со сцены исторической жизни, и если бы не наступившія времена переворотовъ, смутъ, новаго духовнаго протеста, затмившихъ это теченіе, быть можетъ, она получила бы еще большее значеніе, чѣмъ то, во что переродилась впослѣдствіи. Правда, народъ передѣлалъ это ученіе по-своему, внесъ въ него свои общинныя начала, отбросилъ стѣсняющія жизнь обрядности; тѣмъ не менѣе, значительная роль его заключается въ томъ, что изъ его началъ выродились новыя ученія — Субботниковъ, Духоборцевъ, Молоканъ, — секты, весьма долго смѣшиваемыя съ сектою іудействующихъ, и только изслѣдованія начала нынѣшняго столѣтія указали на одинаковость источника, но на разность характера этихъ ученій.

Польша и Литва съ давнихъ поръ служили ареною всевозможныхъ религіозныхъ броженій. Православіе борется съ католицизмомъ; протестантскія идеи служатъ помощью то той, то другой сторонѣ; іудейство, дохнувшее свободы, выдѣлило изъ себя передовыхъ протестантовъ, вооруженныхъ обширнымъ зна-

ніемъ церковной археологіи и освѣщенныхъ новыми раціоналистическими взглядами реформаціоннаго запада. Въ этой-то смѣси воззрѣній и вѣрованій и зародившагося на разнородныхъ почвахъ духа отрицанія, произошло единеніе передового іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ. Въ наши предѣлы, первоначально въ Новгородѣ, въ концѣ XV вѣка, явился представителемъ такого единенія знаменитый ученый того времени, еврей Схарія. Онъ началъ свою проповѣдь съ отрицанія, путемъ логическихъ доводовъ, догматовъ о Троицѣ, божествѣ Іисуса Христа и искупленіи, писаній отеческихъ, почитанія св. мощей и иконъ, церковной обрядности и таинствъ, а также отвергалъ монашество, какъ образъ жизни, противный природѣ. Давая работу разсудку, ему весьма скоро удалось привлечь на свою сторону поклонниковъ изъ числа лицъ болѣе образованныхъ, жаждавшихъ знаній, и умъ которыхъ требовалъ, помимо схоластики, новой, болѣе свѣжей пищи. Учениками Схаріи явились священники Діонисій и Алексѣй, потомъ софійскій протопопъ Гавріилъ, т.-е. самые образованные люди изъ новгородскихъ жителей. Вслѣдъ за ними, ученіе это понравилось и народу, такъ какъ Схарія съумѣлъ изъ многочисленныхъ правилъ талмуда составить весьма жизненный кодексъ духовно-нравственной морали, въ которомъ его послѣдователи могли найти отвѣтъ на обыденные запросы, и отвѣтъ простой, доступный и самый близкій къ народному пониманію. Въ 1480-мъ году, вел. князь московскій Іоаннъ III былъ въ Новгородѣ. Ему особенно понравились Діонисій и Алексѣй; онъ перевелъ ихъ въ Москву; одного сдѣлалъ протопопомъ архангельскаго собора, другого — успенскаго, и тѣмъ положилъ основаніе іудействующей секты въ самой столицѣ.

Уже въ то время, среди москвичей зарождалось недовольство церковными и государственными порядками, и уже тогда русскій народъ жаждалъ воспринять что-либо новое, болѣе возвышенное, глубже затрогивающее нравственную сторону жизни, чѣмъ тѣ полу-татарскіе, полу-византійскіе порядки, которые начали оплетать общественную и даже домашнюю жизнь русскаго человѣка. Діонисій и Алексѣй были жданные гости въ Москвѣ, и новое слово ихъ имѣло обширный успѣхъ. Послушать ученія ихъ шли къ нимъ всѣ — и симоновскій архимандритъ Зосима, и ученый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ, и невѣстка великаго князя, мать объявленнаго наслѣдника престола Дмитрія, Елена, и, наконецъ, толпы чернаго народа. Не прошло десяти лѣтъ, какъ секта іудействующихъ

охватила Москву, Новгородъ, Псковъ и всѣ сопредѣльныя съ ними области. Сектанты, имѣя силу при дворѣ, возведя въ санъ митрополита своего собрата Зосиму, въ состояніи были бы дать совершенно иное направленіе православной церкви, если бы въ самой церкви не возникло движеніе, вызвавшее въ ней живое слово на ратоборство и выведшее ее изъ той неподвижности, какую она начала-было принимать подъ окрѣпшимъ іерархическимъ началомъ. Первымъ изъ поборниковъ церкви противъ секты явился новгородскій владыка Геннадій, настоявшій на соборѣ 1490-го года, чтобы еретиковъ предавали проклятію. Въ Новгородѣ, онъ велѣлъ ихъ возить по улицамъ на клячахъ, лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ и въ вѣнцахъ изъ сѣна и соломы; онъ озаботился также заведеніемъ школъ, переводомъ и собраніемъ книгъ св. Писанія. Вмѣстѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ, онъ началъ разсылать посланія къ священникамъ, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ и доброй нравственности. По проискамъ, новгородскаго владыку лишили каѳедры, но положенное имъ начало нашло послѣдователя: ревностный поклонникъ его, Іосифъ добился, что на московскомъ соборѣ 1504 года, еретики были снова осуждены, главные сектаторы сожжены, а другіе разосланы по монастырямъ.

Пробѣгая далѣе страницы церковной исторіи, мы видимъ, что раціоналистическая мысль однако не пропадала и, при малѣйшемъ возбужденіи народнаго сознанія, проявлялась то въ той, то въ другой формѣ. Бывшій бояринъ, князь Патрикѣевъ, сторонникъ дворцовыхъ покровителей іудействующихъ, сдѣлавшись инокомъ, сталъ прямо противъ Іосифа и цѣлымъ рядомъ полемическихъ статей началъ возставать противъ развитія самодержавія, выставлялъ всѣ язвы современнаго монашества, указывалъ на роскошь властей, пристрастіе къ стяжаніямъ, на попрошайство, угодничество сильнымъ и богатымъ людямъ, на притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ тяжкими поборами, лихвою, истязаніями и проч. Не успѣли еще замолкнуть распри между іосифовцами и послѣдователями князя-инока, еще не утихло движеніе, возбужденное іудействующею сектою, какъ явился въ Москву албанскій грекъ Максимъ, получившій, какъ извѣстно, обширное образованіе въ Парижѣ, Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель Савонаролы. Началось новое движеніе, новая борьба между новымъ словомъ и старымъ дѣломъ, между стремленіемъ впередъ и пристрастіемъ къ старинѣ. Обличенія знаменитаго албанца, направленныя противъ общественной распри, придворныхъ смутъ, неправаго суда, противъ рабства, раз-

врата, пьянства, противъ внѣшней безжизненной набожности, прикрывавшей всю азіатскую безнравственность тогдашняго общества, неминуемо вызвали протестъ консерватизма, нашедшаго себѣ защиту и поддержку въ деспотической склонности стоявшихъ тогда во главѣ свѣтскаго и церковнаго правительства. Гибель Максима, за его исправленіе книгъ, стоглавый соборъ, укрѣпленіе царскаго престола, появленіе безжизненнаго, деревяннаго кодекса обыденной нравственности, какимъ явился «Домострой» Селиверста, были плохимъ знаменіемъ для будущаго развитія государственной и народной жизни. Все лучшее, обновляющее, оживляющее эту стоячую воду, могло идти только путемъ духовнаго протеста, т.-е., съ крайнимъ развитіемъ консервативнаго старообрядческаго направленія должны были явиться, и явились, люди, увлеченные въ другую крайность, въ крайность полнаго отрицанія: опираясь на бродившія еще въ обществѣ и народѣ начала іудействующей секты, а также на обличенія религіозныхъ нестроеній Максима, они начали снова проповѣдывать раціонализмъ, но раціонализмъ уже болѣе очищенный и болѣе приноровленный къ дѣйствительной жизни. Въ этомъ теченіи, бывшая іудействующая секта какъ-бы разложилась на двѣ стороны: въ одной, раціонализмъ сохранилъ элементъ іудейскій и послужилъ началомъ и источникомъ нынѣ существующей секты субботниковъ; въ другой, онъ почти очистился отъ ветхозавѣтныхъ примѣсей, подвергся переработкѣ западныхъ протестантскихъ мнѣній и проявился въ формѣ ученій Башкина и Косого, вѣрованій лекаря Дмитрія Тверитинова, служащихъ первоначаломъ нынѣ существующихъ сектъ — Духоборцевъ, Молоканъ, Штундистовъ и др.

1. Субботники.

Прослѣдить постепенный переходъ ученія прежнихъ іудействующихъ въ нынѣ существующее ученіе субботниковъ почти невозможно. Независимо отъ того, что на этотъ предметъ нѣтъ никакихъ прямыхъ источниковъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, самое ученіе какъ-бы затерялось въ массѣ новыхъ историческихъ явленій, быстро смѣнявшихся одно другимъ и имѣвшихъ громадное вліяніе на духовную, общественную и политическую жизнь русскаго народа. Грозный царь окончательно придавливаетъ гражданскую самобытность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, охотно слушаетъ лютеранина Бомелія и чуть не поддается вліянію другого протестанта. Обнаруживая проблески увлеченія своего при-

чудливаго характера, деспотъ-богословъ не задумывается, однако, пустить подъ ледъ на Двинѣ одного пастора, Ѳому, за проповѣдь протестантства во Псковѣ, а одного лифляндскаго пастора избить по головѣ палкою, когда тотъ вздумалъ сравнивать апостола Павла съ Лютеромъ. Оказывая то страхъ, то полное неуваженіе къ высшимъ іерархамъ, Іоаннъ Грозный, вмѣстѣ съ тѣмъ, не касался церковной независимости, и не мѣшалъ развиваться нетерпимости, укрѣпляться въ церкви старообрядческимъ стремленіямъ. Соборъ противъ еретиковъ, собранный въ 1554 году, обвинилъ, напримѣръ, ни въ чемъ неповиннаго троицкаго игумена Артемія за то только, что онъ не проклиналъ іудействующихъ и критически относился къ твореніямъ Іосифа Волоцкаго. Гнетъ деспотизма, нетерпимость церкви, какое-то дикое свободомысліе у царя и его опричины, по-неволѣ, принижали уровень просвѣщенія, и всѣ бывшіе зачатки прежняго духовнаго броженія, хотя и сохранялись, но влачили жалкую жизнь безъ внутренняго огня и безъ саморазвитія. Въ самомъ православіи стали проповѣдывать, что «всѣмъ страстямъ мати мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе», а князь Курбскій свидѣтельствуетъ, что сами учители народа, свѣтскіе и духовные прельщали юношей трудолюбивыхъ, желавшихъ навыкнуть св. писанію, говоря: «не читайте книгъ многихъ», и указывали, что «кто ума изступилъ, и онъ-сица въ книгахъ замялся, а онъ-сица въ ересь впалъ». При такихъ наставленіяхъ, при безобразіи и распущенности всего общества, духовная мысль окончательно заглохла и не шла ни въ сторону укрѣпленія въ православіи, ни въ сторону самостоятельнаго развитія по пути какихъ бы то ни было ученій.

Наступило смутное время. Общая забота о личной безопасности еще болѣе отвлекла народъ отъ церкви и религіозности. Разбои и грабежи, интриги и искательства, постоянныя клятвопреступленія довели народъ до полнаго упадка духовныхъ и нравственныхъ силъ. По свидѣтельству Маржерета, многіе русскіе люди, усвоивъ себѣ поверхностно вѣрованія лютеранскія, явно смѣялись надъ православными обрядами и оказывали полнѣйшее равнодушіе къ дѣламъ вѣры. Съ воцареніемъ Романовыхъ и съ приведеніемъ кое-какъ въ порядокъ земскихъ дѣлъ, начинается, правда, забота объ установленіи стараго благочестія; но русское общество уже было не то: оно было доведено до полнаго упадка нравственности и до сильнаго безвѣрія, а связанная іерархическимъ началомъ церковь явилась учрежденіемъ, но не источникомъ живого слова и теплой, задушевной проповѣди, спо-

собной поднять нравственный уровень упавшаго общества. Церковь предложила народу только обрядовое, сухое, безжизненное благочестіе; народу самому пришлось искать себѣ удовлетворенія въ своихъ духовныхъ потребностяхъ, и онъ нашелъ его въ сильномъ протестѣ старообрядства и въ неменѣе сильномъ подчиненіи вліянію протестантизма.

Гдѣ ютились въ это время зародившіяся на православной почвѣ раціоналистическія ученія вообще, и гдѣ, въ частности, скрывались и сохраняли свое вѣрованіе іудействующіе, повторяемъ, сказать трудно. Правда, что уже первые противураскольническіе писатели, какъ, напримѣръ, святитель Дмитрій Ростовскій, упоминаютъ о нѣкоторыхъ сектахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ старообрядческимъ движеніемъ; но эти упоминанія, сдѣланныя какъ-бы мимоходомъ, сами собою говорятъ, что въ то время и церковь и правительство были заняты болѣе серьёзнымъ старообрядческимъ движеніемъ, чѣмъ движеніемъ иного направленія. Такъ Дмитрій Ростовскій, говоря въ «Розыскѣ» о святыхъ иконахъ, усовѣщеваетъ раскольниковъ, что сами они не книжны, а только памятуя нѣкоторыя мѣста писанія, толкуютъ ихъ направо и налѣво, заимствуя свои мнѣнія отъ еретиковъ «лютерскихъ, кальвинскихъ, а также и жидовскихъ». Въ другомъ мѣстѣ, онъ упоминаетъ только, что есть субботники, «иже по жидовски субботы постятъ», и что они возобновили ученіе жидовствующихъ, появившихся въ Новгородѣ во времена Іоанна Васильевича. Называетъ онъ ихъ также щельниками, указывая на то, что они молятся въ щели по-жидовски. Не только въ XVII вѣкѣ, но почти за все время прошлаго столѣтія, ни свѣтское, ни духовное правительство не имѣли опредѣленнаго взгляда на эту секту. Когда въ 1722 году вышелъ указъ о принятіи священниками, при рукоположеніи, особой присяги, то въ этомъ указѣ упоминается о нѣскольких сектахъ, но о субботникахъ говорится въ числѣ прочихъ «множайшихъ». «Но всѣ раскольническія согласія, а именно: поповщину, ануфріевщину, софроньевщину, дьяконовщину, безпоповщину, иже суть перекрещеванцы, федосѣевщину, андреевщину, христовщину и прочая множайшая, елика гдѣ нынѣ суть» [1])—говоритъ указъ и обязываетъ каждаго священника не только не потворствовать помянутымъ сектамъ, но обнаруживать и доводить о нихъ до свѣдѣнія архіерея. Затѣмъ, ни въ царствованіе преемниковъ Петра, Анны, Елизаветы, ни при Екатеринѣ II-й, о сектахъ раціоналистическаго

[1]) См. указъ 17-го мая, 1722 г. Сборникъ пост. о расколѣ, т. I-й.

направленія не было и помину. Въ царствованіе Анны была обнаружена квакерская или христовщинская ересь. Жестокія, средневѣковыя гоненія, предпринятыя противъ раскольниковъ, въ первую половину прошлаго столѣтія, остановили раціоналистическую мысль; народъ бросился въ мистицизмъ, въ слѣпую вѣру въ сверхчувственное, и по-своему олицетворялъ его или въ разнаго рода причудливыхъ обрядностяхъ, какъ это мы видимъ въ крайнихъ, того времени, сектахъ безпоповщины, или въ человѣческомъ воплощеніи Бога, въ боготвореніи человѣка, какъ это обнаружилось въ христовщинѣ. Только наступившая съ Петра III относительная вѣротерпимость какъ-бы вывела на свѣтъ остатки древняго русскаго раціонализма, который послѣ того развивался уже самъ собою, находя себѣ поддержку какъ въ притонѣ свѣжихъ знаній, такъ, еще болѣе, въ близкомъ знакомствѣ народа съ иностранными выходцами и колонистами.

Что касается собственно субботниковъ, то усиленіе этой секты началось, по преимуществу, со времени Екатерины II. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ, императрица обнародовала дозволеніе переселяться изъ Вѣтковской слободы въ южныя и восточныя губерніи «съ раскольниками польскаго происхожденія, иноземцамъ и жидамъ, пріявшимъ крещеніе по старо-церковному содержанію» [1]). Новые выходцы, смѣшавшись съ остатками доморощенныхъ сектантовъ, уже въ екатерининское время успѣли расселиться по пустопорожнымъ землямъ и степямъ, по Волгѣ, Иргизу, въ губерніяхъ воронежской и тамбовской и въ другихъ мѣстахъ. Несмотря, однако, на подобнаго рода усиленіе, субботниковъ все еще продолжали смѣшивать съ другими сектами, не отличая существа ихъ ученія; они являлись у правительства, у церкви, и даже у того времени изслѣдователей подъ разнаго рода наименованіями: то иконоборствующихъ, то щелкуновъ, то подъ именемъ селезневщины, которымъ назвали субботниковъ, обнаруженныхъ около города Тулы. Въ первый разъ попадается въ оффиціальныхъ документахъ имя субботниковъ не ранѣе 1818 года, когда графъ Аракчеевъ препроводилъ къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ всеподданнѣйшую просьбу повѣренныхъ отъ однодворцевъ воронежской губерніи, павловскаго уѣзда, въ которой они жаловались на дѣлаемыя имъ притѣсненія за «исповѣданіе Моисеева закона». Изъ собранныхъ по этому поводу свѣдѣній обнаружилось, что секта эта получила уже значительное распространеніе и не въ одной только

[1]) Указъ 11 октября, 1764 г. Сборн. пост. о расколѣ.

воронежской, но и въ тамбовской, саратовской, екатеринославской, и въ другихъ губерніяхъ. Будь это въ началѣ царствованія, быть можетъ, къ сектантамъ и не отнеслись бы такъ строго, но это было время аракчеевскаго режима и шишковской нетерпимости. Указомъ 23-го іюня 1820 года, субботниковъ города Екатеринославля, всѣхъ, съ ихъ семействами, высылаютъ въ кавказскую губернію, а къ 1825-му году уже былъ готовъ уставъ самыхъ строгихъ мѣръ, направленныхъ противъ всѣхъ сектантовъ. Законоположеніе это остается до настоящаго времени. Въ царствованіе Николая I, оно примѣняемо было съ большими строгостями, въ нынѣшнее—допущено послабленіе; но законъ, какъ неотмѣненный, остается въ силѣ до сей поры. Тѣхъ, которые совершали въ сектѣ какіе-либо обряды,—говорилось въ уставѣ,—или занимали первое мѣсто въ богослуженіи, или давали наставленія, брать въ солдаты, а негодныхъ къ военной службѣ ссылать въ Сибирь. Запрещены были собранія изъ разныхъ домовъ въ одинъ, на молитву; запрещены обрѣзаніе, вѣнчаніе, погребеніе и всякіе обряды, не имѣющіе сходства съ христіанскими. Паспортовъ для отлучекъ выдавать было не велѣно, всякое сообщеніе съ христіанствомъ строго воспрещалось. Мало того, изъ уѣздовъ, гдѣ обнаружены сектанты, велѣно было выслать всѣхъ евреевъ безъ исключенія, гдѣ бы они ни находились и чѣмъ бы ни занимались. Затѣмъ говорилось: «какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, и что средство сіе употребляютъ какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и субботники въ отношеніи православной вѣры, то въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе субботниковъ, или придерживающихся Моисееву закону, не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство» [1]).

Примѣненіе этого закона началось тотчасъ же. Учителей секты забирали и отдавали въ солдаты или ссылали въ Сибирь; богослуженіе было запрещено вовсе, затѣмъ слѣдовали безконечныя притѣсненія и прижимки со стороны мѣстной полицейской и духовной власти. Сектанты рѣшили исповѣдывать свое ученіе тайно; многіе изъ нихъ заявили о присоединеніи къ православной церкви. Почти всѣ однодворцы павловскаго уѣзда и

---

[1]) Указъ 3 февраля, 1825 года. Сборн. пост. о расколѣ.

крестьяне имѣній графа Кушелева-Безбородко начали посѣщать православные храмы, ходить на исповѣдь и, видимо, старались показать себя православными; но перемѣна царствованія и ходившіе въ то время по деревнямъ разнаго рода слухи породили у субботниковъ надежду на лучшее будущее. Они снова начали собираться на свои молитвы и отступали отъ исполненія христіанскихъ обязанностей. Губернаторъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ. Но здѣсь уже рѣзкими чертами обозначилось направленіе новаго царствованія. Къ субботникамъ примѣненъ былъ законъ о духоборцахъ, т.-е., всѣхъ тѣхъ, кто послѣ присоединенія къ православію предался вновь ереси, велѣно было годныхъ отдавать въ солдаты, а негодныхъ и женщинъ ссылать въ Сибирь [1]), причемъ губернатору было предписано какъ можно строже примѣнить этотъ законъ. И дѣйствительно, цѣлыя селенія и поселки были разорены, опустошены. Многія изъ имѣній графа Кушелева-Безбородко совершенно обезлюдѣли, а когда владѣлецъ хотѣлъ-было вознаградить причиненный ему убытокъ зачетными квитанціями, за сосланныхъ и отданныхъ въ солдаты, то и въ этомъ ему отказали [2]).

Субботники причислены были къ сектамъ наиболѣе вреднымъ; александровскій законъ получилъ широкое примѣненіе, и въ отношеніи сектантовъ стали принимать самыя жестокія мѣры. Къ этому времени, на попеченіи правительства находилась разоренная и обезлюдѣвшая Грузія. Какъ прежде, при Екатеринѣ II, раскольники составляли одинъ изъ существенныхъ элементовъ заселенія Новороссійскаго края, такъ и теперь послѣдователи такъ-называемыхъ «особенно вредныхъ» сектъ—духоборцы, молокане, субботники послужили матеріаломъ для заселенія Закавказья. Желая избавиться отъ домашнихъ притѣсненій, отъ постояннаго страха быть отданнымъ за руководительство или оказаніе соблазновъ въ солдаты, сектанты сами просили высылать ихъ куда угодно, лишь бы уйти отъ такого несноснаго положенія. Въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, мы видимъ, что субботники заняли мѣста около Кизляра, Нухи, Шемахи, Куби, Шуши, Ленкорани, Нахичевани, Урдубати и пр. Здѣсь дозволено имъ было приписываться въ городскія общества. Чтобы еще болѣе усилить переселеніе въ Закавказье и не только изъ внутреннихъ губерній, но и изъ кавказскихъ областей, разрѣшено было, по представленію барона Розена, выдавать субботникамъ, поселявшимся въ

[1]) Указъ 18 декабря 1826 г. Сборн. пост. расколѣ, стр. 104.
[2]) Указъ 24 октября 1829 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 119.

Кизлярѣ и другихъ мѣстахъ кавказской области, паспорты для свободнаго передвиженія и торговли по всему Закавказью, оставляя запрещеніе для кавказской области и для всѣхъ центральныхъ губерній [1]). Такое относительное приволье, сравнительно слабый надзоръ, свобода передвиженія, затѣмъ предпріимчивость и трудолюбіе сектантовъ поставили ихъ чуть не передовыми двигателями торговой жизни Закавказья, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усилили ихъ пропаганду. Около города Александровска, на кавказской линіи, почти все населеніе и даже казаки поступили въ число ихъ прозелитовъ. Но военныя власти распорядились по-своему: всѣхъ жителей зачислили въ хоперскій казачій полкъ, учредили надъ ними военное управленіе и военною выправкою остановили распространеніе іудейства. На столько сильна была пропаганда субботниковъ на Кавказѣ, что императоръ Николай хотѣлъ-было вовсе прекратить переселеніе ихъ за Кавказъ. Одинъ изъ крестьянъ царицынскаго уѣзда, обратившійся въ православіе, просилъ за свое семейство, остававшееся въ сектѣ субботниковъ, переселить его за Кавказъ; но государь собственноручно написалъ на прошеніи: «ни подъ какимъ видомъ»; «жидовствующіе жили почти всѣ въ г. Александровскѣ, на кавказской линіи, со вредомъ и соблазномъ для сосѣднихъ; для того еще, въ недавнемъ времени, городъ сей и всѣ жидовствующіе зачислены въ хоперскій казачій полкъ, для постепеннаго уничтоженія сего раскола, и вновь посылать было бы противорѣчіе: должно приступить къ убѣжденію въ монастырѣ» [2]). Постоянныя донесенія барона Розена о пользѣ, доставляемой краю переселенцами-сектантами, а также убѣжденіе, что строгій надзоръ за ними можно водворить съ одинаковымъ удобствомъ и за Кавказомъ, побудили государя перемѣнить взглядъ. Съ другой стороны, кромѣ принудительныхъ высылокъ, въ министерство то-и-дѣло стали поступать просьбы о добровольномъ переселеніи. Чтобы дать какой-либо порядокъ, въ 1842 г. были выработаны болѣе подробныя правила о переселенцахъ-сектантахъ, по которымъ дозволено было выселяться за Кавказъ, но не иначе, какъ цѣлыми семействами, и когда всѣ члены его состоятъ въ ереси. Всѣ переселенцы направлялись сперва въ Ставрополь и оттуда, по переходѣ горъ, разселялись по назначеннымъ имъ мѣстамъ. Поселенцамъ отводилось отъ 3-хъ до 15-ти десятинъ на душу, или отъ 30-ти до 60-ти десятинъ на семейство; кромѣ того, дѣлалось

[1]) Указъ 1837 года, апрѣля 4. См. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 254.

[2]) Указъ 4 февраля 1838 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 274.

вспомоществованіе лѣсомъ, деньгами и даже рабочимъ скотомъ, сѣменами и хлѣбомъ. Субботниковъ приказано было селить вдали отъ православныхъ, учредить за ними самый строгій надзоръ и при выдачѣ паспортовъ для отлучекъ въ закавказскихъ провинціяхъ, указано было сообщать мѣстнымъ полиціямъ, куда они отправлялись, чтобы за ними и тамъ слѣдили, и чтобы, по миновaніи 8-ми-мѣсячнаго срока, ихъ высылали на мѣсто жительство. Облегченія при переселеніи и все-таки гораздо меньшій надзоръ, установленный закавказскими властями, побудили почти всѣхъ сектантовъ внутреннихъ губерній къ выселенію. Изъ Дубовки, изъ балашевскаго уѣзда, изъ всѣхъ внутреннихъ губерній, потянулись въ горы поселенцы-субботники искать лучшей доли, лучшаго счастья. Большинство ихъ заселилось въ ленкоранскомъ уѣздѣ, группируясь въ селеніяхъ Привольномъ, Пришибѣ, а также въ самомъ форштадтѣ города Ленкорани. Сколько извѣстно, въ центральныхъ губерніяхъ секты этой почти не осталось; въ поименованныхъ же мѣстахъ за Кавказомъ, она сохранилась во всей чистотѣ.

Замѣчательно, что секту субботниковъ знали, преслѣдовали, переселяли, но ни духовное, ни свѣтское правительство не дѣлали ей, въ своихъ законодательныхъ опредѣленіяхъ, никакой характеристики. Все, что́ высказано въ этомъ отношеніи, заключается въ указахъ 3-го октября 1835 и 9-го декабря 1842 года [1]). Въ первомъ изъ нихъ, секта іудействующихъ причислена къ особенно вреднымъ сектамъ, но не обозначено, въ чемъ заключается это ученіе; во второмъ только сказано: «іудействующая секта вреднѣйшая потому, что это хуже нежели ересь; это совершенное отпаденіе отъ христіанства и существенная вражда противъ христіанства». Понятно, что изъ такого рода опредѣленій нельзя вывести заключенія ни о существѣ ученія субботниковъ, ни о степени вреда, приносимаго ихъ вѣроученіемъ. Духовные и свѣтскіе писатели прошлаго столѣтія, да и большинство новѣйшихъ писателей смѣшивали эту секту съ другими, съ духоборцами, молоканами, или приписывали ей всецѣло ученіе Схаріи, отождествляя ее съ древнею новгородскою іудейскою сектою. Только въ послѣднее время, благодаря этнографическимъ работамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, можно составить себѣ понятіе о существѣ этого ученія и о томъ, насколько стоитъ оно особнякомъ, отличаясь и отъ своего новгородскаго прототипа, и отъ прочаго нашего раціонализма.

[1]) См. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 139 и 409.

Какъ древніе іудействующіе, такъ и нынѣшніе субботники отрицаютъ догматы о Троицѣ, о божествѣ Іисуса Христа и объ искупленіи; но затѣмъ, іудействующіе, выводя свои правила нравственности предпочтительно изъ ветхаго завѣта передъ новымъ, отрицали все внѣшнее и доводили свое вѣрованіе почти до раціонализма, тогда какъ субботники, наоборотъ, подвергаясь въ теченіи многихъ лѣтъ вліянію еврейства и притомъ, мало образованнаго, фанатически придерживающагося талмуда, начали держаться завѣтовъ чисто іудейскихъ и, въ этомъ отношеніи, въ ущербъ раціонализму, какъ-бы стали на одну доску съ еврействомъ. Такъ они придерживаются чувственнаго ожиданія Мессіи, какъ великаго пророка, который придетъ и уничтожитъ враговъ Израиля (по 3-й книгѣ Эздры). Они вѣруютъ, что, когда окончится седьмая тысяча лѣтъ (теперь у нихъ шестая), то наступитъ снова царство израилево и полное блаженство для поклонниковъ іудейства. Самою уважаемою изъ ветхозавѣтныхъ книгъ у субботниковъ почитается книга Іисуса сына Сирахова, которая сравнивается, по достоинству, съ притчами царя Соломона. Если чѣмъ отличаются они отъ еврейства, то меньшею нетерпимостью и сокращеніемъ въ своихъ ритуалахъ и общежитіи многихъ обрядностей, которыхъ держатся евреи. Впрочемъ, обрѣзаніе они совершаютъ также, какъ евреи, на 8-й день послѣ рожденія, отдѣляютъ женщину при новомѣсячіи, при похоронахъ и погребеніи совершаютъ еврейскіе обряды—сидятъ у гроба на полу, посыпанномъ землею, а по окончаніи погребенія, раздаютъ бѣднымъ милостыню. Мясо ѣдятъ они только отъ скотины, зарѣзанной своимъ рѣзакомъ; самымъ главнымъ праздникомъ считаютъ судный день въ сентябрѣ мѣсяцѣ, празднованіе котораго сопровождаютъ строгимъ постомъ и молитвою, а также пѣніемъ ветхозавѣтныхъ псалмовъ и слушаніемъ поученій раввина, называемаго у нихъ первосвященникомъ. Свадебный обрядъ схожъ съ еврейскимъ, заключается въ пѣніи подходящихъ псалмовъ и, затѣмъ, удостовѣреніемъ совершенія обряда, черезъ рукоприкладство 12-ти свидѣтелей. Женъ, по закону, допускается имѣть даже три; но почти всѣ сектанты ограничиваются одной. Разводы допускаются свободно.

Въ послѣднее время, уже на Кавказѣ, отъ субботниковъ выдѣлилась новая секта, подъ названіемъ геровъ,—секта еще ближе подходящая къ еврейству. Геры не столько стремятся сохранить обрядовую сторону, сколько проникнуться духомъ іудейства. Въ то время, какъ субботники совершаютъ свое молитвословіе на русскомъ языкѣ, платя значительныя деньги за пере-

воды еврейскихъ книгъ, геры молятся на еврейскомъ, а малограмотные заучиваютъ наизусть множество еврейскихъ молитвъ и ветхозавѣтныхъ таинствъ. У геровъ свой раввинъ,—природный, ученый еврей. Вообще, геры чуждаются субботниковъ и отдаютъ всѣ свои симпатіи чистому еврейству. Геры составляютъ только шестую часть всѣхъ субботниковъ; да и всѣхъ ихъ можно насчитать не болѣе пяти-шести тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, по свидѣтельству мѣстныхъ наблюдателей, Моисеевъ законъ, стремясь сдѣлать изъ субботниковъ и геровъ настоящихъ евреевъ, не могъ однако искоренить у нихъ русскіе нравы, выражающіеся въ пляскахъ, пѣсняхъ и костюмахъ. Субботники, въ сущности тѣже простые русскіе мужики, съ тѣми же слабостями и доблестями. Сосѣди говорятъ про нихъ, что они честные люди: «онъ тебя ни за что не обманетъ; и выпьетъ съ тобой послѣ сдѣлки, и закуситъ послѣ разсчета по-русски, по православному, настоящіе русскіе люди»—вотъ общій отзывъ объ нихъ [1].

Какъ мы говорили, секта субботниковъ почти прекратила свое существованіе въ центральныхъ губерніяхъ, и прекратила не столько отъ предпринимавшихся противъ нея правительственныхъ мѣръ, сколько потому, что раціонализмъ, не стѣсненный формами юдаизма, получилъ на народной почвѣ за послѣднее время болѣе широкое и болѣе свободное развитіе въ формѣ другихъ сектъ и даже въ сектахъ, вытекшихъ изъ православія—крайнихъ безпоповщинскихъ согласіяхъ. Чтобы быть самостоятельными и чтобы получить свое особое теченіе въ развитіи догмъ и обрядовъ, субботникамъ оставалось или примкнуть къ сектамъ духоборцевъ, т.-е. отойти отъ формъ и обрядности іудейства и идти по пути свободнаго развитія раціоналистическихъ идей, или, становясь особнякомъ, развивать свое ученіе по шаблону талмудической мудрости. Большинство придержалось перваго, меньшинство предпочло второе рѣшеніе и все ближе и ближе сливается съ іудействомъ. Мы полагаемъ, что секта эта не имѣетъ будущаго и, по всей вѣроятности, сама собою прекратитъ свое существованіе, такъ какъ новыхъ прозелитовъ у нея не бываетъ, и проповѣдь ея, вообще, не популярна. Замкнутые въ одномъ изъ непривѣтливыхъ уголковъ Закавказья, сектанты эти, если держатся до сихъ поръ, то, во-первыхъ, своимъ крѣпко-установленнымъ общежитіемъ, которое присуще имъ, какъ природнымъ русскимъ, и во-вторыхъ, тѣмъ, что для оживленія своего вѣрованія, они постоянно приглашаютъ изъ

---

[1]) См. Максимова, „За Кавказомъ“. Отеч. Зап. 1867.

наиболѣе ученыхъ еврейскихъ раввиновъ, для чего не жалѣютъ ни средствъ, ни стараній. И это, пожалуй, единственный путь къ самосохраненію. Самое выдѣленіе геровъ, уже почти примкнувшихъ къ іудейству, указываетъ, что секта субботниковъ, быть можетъ, со временемъ совсѣмъ сольется съ нимъ. Сектанты начнутъ говорить по-еврейски; общность, существующая нынѣ, перейдетъ въ еврейскую замкнутость, а затѣмъ возникнетъ еврейская нетерпимость противъ всего новозавѣтнаго, христіанскаго. Понятное дѣло, что еврейскія общины и раввины не мало приложатъ для этого труда и старанія и не будутъ дожидаться нашихъ миссіонеровъ, которымъ едва-ли и извѣстно современное положеніе сектантовъ, а, быть можетъ, и существованіе ихъ. Во всякомъ случаѣ, исторія такого превращенія, изъ чисто русскихъ людей въ евреевъ, превращенія, обусловленнаго однимъ только вѣрованіемъ, можетъ послужить богатымъ матеріаломъ для наблюденій этнографовъ и соціологовъ.

2. Духоборцы.

Въ южно-русской Украйнѣ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Харьковской и Екатеринославской, стало замѣтно, около 1740-хъ годовъ, особое броженіе раціоналистическихъ идей, изъ которыхъ образовалась потомъ секта духоборцевъ, весьма долго не обращавшая на себя вниманія. Какъ мѣсто, наполненное всякаго рода ссыльными и бѣглыми сектантами, Украйна обладала въ то время всѣми данными къ развитію всякаго рода отрицаній, какъ обрядовой стороны богослуженія, такъ равно и догмъ православія. Здѣсь были и выходцы изъ Польши, воспріявшіе реформатскіе взгляды и громившіе декоративную сторону католицизма; сюда убѣгали отъ гоненій наши раскольники и, не сдерживаясь старообрядствомъ, легко увлекавшіеся въ сторону отрицанія всякаго обряда; по сосѣдству жили переселенцы квакеры и меннониты, которые также оказывали не малое вліяніе на духовную мысль простого народа; наконецъ, не безъ того, что новое броженіе возникло подъ вліяніемъ еще сохранившихся въ народной памяти остатковъ народнаго раціонализма, преемственно проявлявшагося въ ересяхъ XVI вѣка, въ ученіяхъ московскихъ еретиковъ и въ ученіяхъ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ толковъ. Начавшееся съ Максима Грека движеніе духовной мысли, хотя слабо, но проглядывало въ теченіи XVI вѣка и затѣмъ, въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, выражалось въ теченіи XVII

и XVIII столѣтій. Съ крайнимъ развитіемъ старообрядческаго направленія, обозначившимся въ Стоглавомъ соборѣ, возникло и противуположное, еще сильнѣе вдавшееся въ крайность и еще безпощаднѣе начавшее ломать все церковное устройство и все тогдашнее религіозное нестроеніе. Явились послѣдователи Максима, но послѣдователи принявшіе и развившіе элементы изъ жидовствующей ереси и изъ самыхъ крайнихъ выводовъ западныхъ протестантскихъ мыслей. Однимъ изъ первыхъ такихъ послѣдователей, какъ извѣстно, былъ Башкинъ. Разъ, въ 1553 году, пришелъ на духъ къ попу Симеону, необычный сынъ духовный, Матвѣй Башкинъ. Исповѣдываясь, онъ началъ просить у духовнаго отца наставленія, предлагалъ вопросы, но на исповѣди не получилъ ни наставленій, ни разъясненій. Башкинъ отправился къ отцу Симеону на домъ. Здѣсь онъ началъ читать разныя мѣста изъ св. писанія и, не дождавшись объясненій, самъ ихъ объяснялъ, причемъ кромѣ другихъ своеобразныхъ толкованій, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что во имя христіанской любви отрицалъ рабство. Попъ Симеонъ былъ изъ неученыхъ, и всѣ вопросы Башкина показались ему «недоумѣнными». Показались они такими-же и Селиверсту. Доложили царю; еретика схватили и подвергли допросу. Онъ собственноручно написалъ сущность исповѣдуемаго имъ ученія. Послѣдователи нашего ученія, писалъ онъ, божество Сына и равенство Его съ Отцемъ не признаютъ, евхаристію считаютъ не таинствомъ; покаяніе, иконы и мощи не почитаютъ; отеческія писанія, житія св. отецъ и постановленія соборовъ называютъ «баснословіемъ»; наконецъ, всѣ мы называемъ церковь собраніемъ вѣрныхъ, а не человѣческимъ учрежденіемъ и, тѣмъ болѣе, не постройкой рукъ человѣческихъ. По допросу разузнали, что этого ученія держится большинство бѣлозерскихъ старцевъ, изъ которыхъ монахи Ѳеодосій Косой и Игнатій пошли въ отрицаніи еще далѣе Башкина. Соборомъ 1554 года еретики были осуждены и разосланы по дальнимъ монастырямъ. Для насъ важно то, что Ѳеодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, гдѣ продолжали проповѣдовать раціоналистическое ученіе, весьма близкое къ социніанству, состоящему въ отверженіи божества Іисуса Христа, всей церковной іерархіи, обрядовъ и, главное, въ отрицаніи повиновенія властямъ вообще, что, какъ извѣстно, положено въ основаніе ученія духоборцевъ. Проповѣдь Косого и Игнатія еще долго сохранялась въ литовскихъ предѣлахъ, и не безъ того, что могла имѣть вліяніе на нашихъ первыхъ раскольниковъ, скрывавшихся тамъ во времена преслѣдованій царевны Софіи и затѣмъ, по воз-

вращеніи ихъ на родину, они весьма легко могла положить начало ученіямъ, которыя впослѣдствіи приняли осязательныя формы раціонализма. Впрочемъ, помимо зарубежнаго вліянія, въ самой русской жизни создавались и развивались явленія, возбуждавшія раціоналистическую мысль. Извѣстно, что еще задолго до Петра завелись у насъ нѣмецкія поселенія, игравшія роль передовыхъ колоній запада для знакомства Россіи съ европейскимъ общежитіемъ, съ мастерствомъ и со всѣмъ, что было выработано тогдашнею европейскою цивилизаціею. Начиная съ Василія III, заселенія нѣмцевъ распространялись по всѣмъ городамъ, такъ что въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, по свидѣтельству Олеарія, въ одной Москвѣ жило болѣе 1000 семействъ лютеранскихъ и реформатскихъ, а къ концу вѣка, по свидѣтельству Рейтенфельса, всѣхъ нѣмцевъ, протестантовъ, жившихъ въ Россіи, въ Москвѣ и другихъ городахъ, было болѣе 18,000 человѣкъ. Вліяніе этой массы иноземцевъ было весьма значительное. Неподвижная, домостроевская Русь начала принимать отъ иноземцевъ обычай, одежду и разные порядки обыденной жизни. Еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, являлись такіе передовые люди, какъ князь Хворостининъ, для которыхъ тогдашняя жизнь московскаго общества казалась отвратительною. Позднѣе, при царѣ Алексѣѣ, сынъ боярина Ордина-Нащокина, въ свое время одинъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ Москвѣ, не могъ оставаться въ своей родинѣ и сперва бѣжалъ въ Польшу, а затѣмъ навсегда поселился въ Парижѣ. Волею-не-волею, самому правительству приходилось искать на Западѣ пособій въ тамошнихъ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и военномъ искуствѣ. Даже въ самомъ дворцѣ завелись нѣмецкая музыка, картины, часы, зеркала, кареты, наконецъ, явился театръ и придворная труппа комедіантовъ. Все это расшатывало старорусскую, обрядовую жизнь съ ея внѣшнимъ благочестіемъ и внутреннимъ безобразіемъ; все это приводило къ мысли объ исканіи другой, высшей истины, освобожденной отъ внѣшней формы. Если на верху, подъ вліяніемъ Запада, думали объ обновленіи, протестовали противъ старины, то внизу, въ массахъ, явился тоже протестъ противъ нововведеній, разрушающихъ древне-русское общинное начало, нововведеній, къ которымъ темный русскій народъ, защищая православіе, безсознательно причислялъ всякіе новые иноземные порядки, полагая въ нихъ какъ-бы символъ уничтоженія старой, болѣе свободной и самостоятельной, общинной жизни. Здѣсь два, съ виду противуположныя теченія, имѣли одну и ту же цѣль—достиженіе лучшихъ порядковъ,

большей свободы. Западники, лучшіе передовые люди на верху искали этого въ формахъ европейской жизни и въ вѣрованіи возвышали свободное человѣческое сознаніе надъ неподвижностью православія; новые старовѣры находили лучшее въ старыхъ общинныхъ порядкахъ, возставали противъ централизма, и въ вѣрованіи держались стараго обычая и старыхъ формъ богослуженія, доводя ихъ до ненарушимости буквы. Второе теченіе, какъ болѣе близкое къ пониманію массы, какъ осязательнѣе затрогивавшее ея интересы, тотчасъ-же охватило большую долю народа и выразилось затѣмъ въ страшной, упорной двухвѣковой борьбѣ и съ правительствомъ, и съ церковью. На развитіе и распространеніе теченія перваго рода потребовалось болѣе продолжительное время и болѣе сильныя вліянія, которыя, притомъ-же, шли сверху внизъ, а не наоборотъ, какъ это было въ старовѣріи и старообрядствѣ. Сильною поддержкою первому служили реформы Петра, чрезвычайный наплывъ иноземцевъ въ послѣ-петровское время, и то зародившееся стремленіе восполнить русскую религіозную исключительность мірскою образованностью Запада, впереди котораго стоялъ самъ Петръ. Если тогдашнее, сравнительно образованное, западное общество, переступило границы умѣренности въ критикѣ вѣрованій, то наша юная, недодѣланная образованность и подавно могла впасть въ другую крайность—въ полное пренебреженіе къ вѣрѣ. Оно въ дѣйствительности такъ и было. Не разъ приходилось Петру, человѣку, какъ извѣстно, мало вѣрующему, останавливать черезъ-чуръ вольныя замѣчанія относительно вѣры, высказываемыя его приближенными. Однажды, Татищеву пришлось больно отъ дубинки Петра за пущенную имъ какую-то ѣдкую насмѣшку на счетъ преданій церкви, причемъ Петръ приговаривалъ: «не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства. Это вредно для благоустройства общественнаго. Не для того я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви». Но такое настроеніе было у большинства тогдашняго передового общества: оно являлось какъ-бы модою, признакомъ хорошаго тона.

Совершенно безъ вѣры общество не можетъ быть. При упадкѣ оффиціальной вѣры и общественной нравственности, являются новыя ученія, новые потоки богословской мысли или, наконецъ, вѣра въ будущіе, въ недосягаемые, политическіе или соціальные идеалы. Не ушло отъ этого и Петровское время. Нѣкто Дмитрій Тверитиновъ, учившійся въ Нѣмецкой слободѣ медицинѣ, весьма скоро увлекся протестантскими идеями и сдѣлался ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Ученіе свое онъ из-

лагалъ въ особыхъ тетрадкахъ, которыя давалъ прочитывать вмѣстѣ съ переводомъ Лютерова катихизиса. Проповѣдью своею Тверитиновъ не стѣснялся: распространялъ ее гласно, заводилъ споры съ православнымъ духовенствомъ и, какъ свидѣтельствуютъ источники, былъ настолько силенъ въ діалектикѣ, что оспоривать его не могли даже ученые московской духовной академіи. «Нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру изберетъ, въ ту и вѣруетъ», говорилъ Тверитиновъ. Въ теченіи 10-ти лѣтъ, около него составился большой кружокъ послѣдователей, фанатически ему преданныхъ. Ученіе его почти то же, что Башкина: оно состояло въ отрицаніи таинствъ, евхаристіи, почитанія св. мощей и угодниковъ, поминанія умершихъ, наконецъ, въ отверженіи церковнаго преданія и самой церкви, какъ учрежденія. Въ 1713 году, сдѣланъ былъ доносъ и затѣмъ розыскъ духовнаго начальства. При содѣйствіи преображенскаго приказа, послѣдователи ученія были уличены показаніями нѣскольких священниковъ, монаховъ, а также московскаго вице-губернатора Ершова. Когда узналъ объ этомъ Петръ, онъ не хотѣлъ огласки, не желалъ суда. Довольствуясь отреченіемъ отъ ереси, онъ поручилъ Стефану Яворскому присоединить еретиковъ къ церкви и затѣмъ потушить дѣло. Но для Яворскаго это былъ пробный камень; онъ хотѣлъ опредѣлить свои отношенія къ Петру, хотѣлъ узнать, — есть ли еще надежда получить патріаршескій санъ и возможно ли бороться, чтобъ оградить церковь отъ наступавшей для нея подчиненности свѣтской власти. Яворскій собралъ новыя доказательства и улики. Здѣсь, какъ на грѣхъ, одинъ изъ еретиковъ, фанатикъ Ѳома Ивановъ, находясь въ Чудовомъ монастырѣ, до того раздраженъ былъ монастырскимъ заточеніемъ, что пришедши однажды въ церковь, разсѣкъ косыремъ образъ чудотворца Алексѣя. Все это заставило Яворскаго собрать, въ 1714 году, московскій соборъ, который предалъ еретиковъ проклятію и отдалъ ихъ гражданскому суду. Тверитинова и его послѣдователей разослали по монастырямъ, а Ѳома Ивановъ сожженъ на кострѣ. Во время казни, одинъ изъ поклонниковъ и почитателей фанатика говорилъ народу: «вотъ, какъ онъ страдаетъ; сожгли, и не перекрестился». Петръ былъ очень недоволенъ ревностью Стефана и даже сдѣлалъ ему обидный выговоръ черезъ сенатъ. И Петръ былъ правъ. Дѣло московскихъ еретиковъ только разожгло положенное Тверитиновымъ ученіе: оно стало переходить изъ устъ въ уста и послужило корнемъ развившихся впослѣдствіи сектъ духоборцевъ и молоканъ. Рости

этому ученію тѣмъ болѣе было возможно, что при преемникахъ Петра протестантскія идеи получили полное право гражданства. При Аннѣ Іоанновнѣ, напримѣръ, высылали за рубежъ польскихъ ксендзовъ, велѣли насильно обратить въ православіе княгиню Долгорукую, а князя Голицына сдѣлали, за принятіе католицизма, придворнымъ шутомъ и заставляли пѣть пѣтухомъ въ клѣтушкахъ; но за то нѣмцамъ была лафа: они свободно строили себѣ кирки, заводили особыя общества и проч. Все это бы еще ничего, но нѣмецкое вліяніе на тогдашнее общество было пагубно въ разныхъ отношеніяхъ. Сколько нибудь систематическій раціонализмъ былъ не по плечу обществу, и все дѣло ограничивалось безрелигіозностью и крайнею распущенностью. Да и сами тогдашніе всесильные нѣмцы были плохими представителями протестантскихъ вѣрованій. Биронъ, напримѣръ, ни разу не былъ въ киркѣ; Остерманъ перемѣнялъ столько разъ религію, что даже никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, роскошь двора, дорогіе костюмы, блестящіе балы, маскарады, обѣды шли своимъ чередомъ, столичное дворянство проматывалось, грабя и разоряя мужиковъ; дворъ то-и-дѣло настаивалъ на энергическомъ дѣйствіи «доимочной канцеляріи». Вся нравственная мораль обыденной жизни сводилась къ осуществленію «эпикурейскихъ мнѣній», и русская женщина, только что выведенная изъ заперти, изъ терема, сразу поняла всѣ тонкости европейскаго кокетства и съ увлеченіемъ приняла свою новую роль — сдѣлаться въ духѣ времени матеріаломъ для «эпикурейскихъ» удовольствій. Тѣмъ временемъ, масса народная жила своею темною, неприглядною, тяжелою жизнью. Гнетъ и страшные поборы сверху, неудовлетворенность духовныхъ стремленій со стороны грубаго, необразованнаго сельскаго духовенства, отовсюду несправедливости и притѣсненія; неопредѣленныя, въ большинствѣ случаевъ, разукрашенные и преувеличенные слухи о сатанинскомъ образѣ жизни Петербурга, — все это дѣлало народъ воспріимчивымъ ко всякаго рода живой проповѣди, ко всякой обращенной къ нему рѣчи. Росъ и крѣпъ расколъ, вспомнились и привились вновь старыя ученія, носившія въ себѣ элементы раціоналистической мысли.

Если коснуться теперь подробностей зарожденія духоборческой секты, то, къ сожалѣнію, мы будемъ обладать только самыми поверхностными свѣдѣніями и самыми отрывочными свидѣтельствами. Изъ слѣдственныхъ производствъ того времени оказывается, напримѣръ, что кто-то, одни показывали, отставной солдатъ или унтеръ-офицеръ, другіе—что будто бы иностранецъ,

и называлъ себя квакеромъ,—собиралъ въ селѣ Охочемъ, Харьковской губерніи, примѣрно около 1740 года, сходки, ходилъ изъ дома въ домъ и училъ св. писанію, схоже съ ученіемъ нынѣшнихъ духоборцевъ. Кто былъ этотъ первый проповѣдникъ, до сихъ поръ осталось загадкою; но ученіе его не потухло и пустило корни не только въ мѣстѣ первой проповѣди, но нашло отголосокъ въ смежной Екатеринославской губерніи. Дѣйствительно, спустя 10 лѣтъ, тѣ же мысли послышались въ селѣ Никольскомъ, отъ старика Силуана Колесникова, пользовавшагося уваженіемъ и безграничнымъ довѣріемъ своихъ односельчанъ, какъ человѣка благотворительнаго, щедраго, строгаго образа жизни и житейской опытности, вдобавокъ, грамотнаго и обладавшаго замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія. Послѣ Колесникова, дѣло проповѣди продолжали сыновья его Кириллъ и Петръ, которые, по всей вѣроятности, не ограничивались своими мѣстами, но бывали и въ Харьковской, и въ Тамбовской губерніяхъ, гдѣ уже раскинуты были сѣмена этого ученія еще первыми проповѣдниками. Подлинные акты говорятъ на этотъ счетъ, что въ 1768 году, многія изъ деревень Тамбовскаго уѣзда, въ особенности крестьяне села Лысыхъ-Горъ, отстоящаго отъ Тамбова всего на 20 верстъ, объявили начальству, что они рукотвореннымъ и написаннымъ на доскахъ образамъ не поклоняются, а потому храмовъ православныхъ не почитаютъ и ходить молиться въ нихъ не станутъ. «Мы поклоняемся,—говорили сектанты,—Христу неписанному въ изображеніяхъ, но Христу животворному». Нѣкоторые изъ фанатиковъ доходили до изступленія, кричали непристойныя слова во время всенощнаго бдѣнія, ругали священниковъ. Сектантовъ назвали тогда иконоборцами, не подозрѣвая, что это то же самое ученіе, что проповѣдывалось еще ранѣе въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ. Екатерина II, впрочемъ, весьма милостиво отнеслась къ нимъ: производившіе безчинство были наказаны, а остальные прощены, и все дѣло ограничилось тѣмъ, что въ деревни сектантовъ были поставлены на время небольшія воинскія команды [1]).

Не прошло двадцати лѣтъ, какъ въ 1786 году появилось снова духоборческое ученіе, къ сѣверу, въ 25-ти верстахъ отъ Тамбова, въ селѣ Горѣломъ, гдѣ проповѣдникомъ въ то время явился, получившій довольно громкую извѣстность между сектантами, Савва Поберихинъ. Въ ученіе свое этотъ проповѣдникъ внесъ много мистическаго, заимствованнаго имъ во время

---

[1]) См. указъ отъ 28-го августа 1868 г. Сб. распор. о расколѣ.

пребыванія въ Польшѣ, отъ тамошнихъ ммистиковъ. Быть можетъ, Поберихину и нуженъ былъ мистицизмъ для возвышенія своего проповѣдническаго авторитета: не обладая ни умомъ, ни талантомъ, ни даромъ слова, какіе были у Колесникова, Поберихинъ внесъ въ ученіе свое новый, нынѣ отвергнутый догматъ—преемственности воплощенія божественной силы въ лицѣ проповѣдниковъ, къ которымъ, разумѣется, причислилъ себя. Послѣ этого, слово Поберихина было законъ, исполненія его онъ требовалъ угрозами, и даже, какъ удостовѣряютъ нѣкоторые писатели о духоборцахъ, посредствомъ убійствъ чрезъ своихъ приверженцевъ, называемыхъ «ангелами смерти». Народъ весьма скоро примкнулъ къ его ученію и, будучи наэлектризованъ мистицизмомъ, сталъ дѣйствовать фанатически и противъ православія и противъ тѣхъ, кто измѣнялъ принятому ученію. Здѣсь хроника прошедшей жизни сектантовъ, не подтвержденная, впрочемъ, документными свидѣтельствами, говоритъ, что грубое отрицаніе всего, даже библіи, и этотъ деспотизмъ поберихинской проповѣди, породили оппозицію подобно тому, какъ аскетизмъ основателя секты анабаптистовъ, Матисона, породилъ оппозицію въ противную сторону, въ лицѣ Яна Бекельсона (Лейденскаго). Зять Поберихина, нѣкто деревенскій портной Уклеинъ, на одномъ изъ собраній, сильно поспорилъ съ тестемъ и, боясь преслѣдованій, основалъ новое, очищенное ученіе молоканское. Вслѣдъ за этимъ, начавшійся разладъ между послѣдователями двухъ ученій, а также смерть деспота-проповѣдника Поберихина, нѣсколько измѣнили ученіе духоборцевъ, и именно въ сторону преобладанія раціонализма. Способствовали этому отчасти внѣшнія обстоятельства—отношенія къ сектантамъ правительственной власти, отчасти, внутреннія—общинно-устроительное стремленіе въ ихъ жизни, которое само собою входило въ ихъ вѣрованіе и, такимъ образомъ, низводило духовную мысль съ безплотнаго мистицизма на почву самаго осязательнаго реализма. Произошло это, разумѣется, не сразу. Тридцать лѣтъ развивали и устроивали свое ученіе сектанты; тридцать лѣтъ прошло, пока водители духоборства успѣли распространить свое ученіе по всѣмъ направленіямъ,—къ сѣверу до Новгородской губерніи, къ востоку за Приволжье, наконецъ, въ самой Москвѣ. Замѣчательно, что все это время сектанты стояли какъ-бы въ сторонѣ отъ общихъ преслѣдованій и отъ правительственнаго давленія. Ихъ какъ-бы не замѣчали. Строгая исправность въ отбываніи всевозможныхъ повинностей, отсутствіе безпорядковъ и уголовщины въ селеніяхъ, немалыя подачки ближайшимъ мѣстнымъ началь-

никамъ дали возможность окрѣпнуть сектантамъ и явиться для послѣдующей борьбы съ правительствомъ, уже довольно сильнымъ и стойкимъ организмомъ.

Главною догмою духоборства является общее положеніе раціонализма, появившееся у насъ еще во времена стригольниковъ, это—полное отрицаніе всей религіозной внѣшности, во имя поклоненія Богу «духомъ и истиною». «Ты егда молишься, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолись Отцу твоему, въ тайнѣ, духомъ и истиной»—учатъ духоборцы. Отрицая соборы, отцовъ церкви, іерархію, св. писаніе, сектанты признають единственнымъ безусловнымъ источникомъ вѣры и спасенія слово Божіе внутреннее, живущее въ каждомъ человѣкѣ. Чтобы показать преемственность и неугасаемость духа истины въ человѣчествѣ, они считаютъ себя потомками невинно убіеннаго Авеля, и что ученіе ихъ получило начало отъ трехъ вавилонскихъ отроковъ, брошенныхъ въ пещь огненную и не сгорѣвшихъ тамъ. Очевидно, что эти черты мистицизма взяты отъ квакеровъ, но изложены и переработаны по-своему. Церковь для сектантовъ не болѣе, какъ духовное общество людей, соединенныхъ внутреннимъ словомъ и внимающихъ его глаголамъ. Вслѣдствіе этого, всѣ таинства сектанты объясняютъ въ духовномъ смыслѣ, и потому всѣ внѣшніе обряды — крестное знаменіе, посты, иконы, мощи, церковную іерархію, они отвергаютъ. Если, основываясь на словахъ Спасителя, представляютъ имъ о необходимости таинства крещенія и причащенія, то они отвѣчаютъ: «Мы крещаемся словомъ божіимъ и пріобщаемся хлѣбу животворному». Поставивъ основаніемъ своего ученія—внутреннее слово каждаго вѣрующаго, духоборство, хотя и вѣритъ въ историческаго Христа и признаетъ дѣло совершеннаго имъ искупленія, но въ то же время допускаетъ, что можно спастись и безъ вѣры въ него, съ одною вѣрою во внутреннее слово, которое одно и то же съ Сыномъ Божіимъ, и также духовно совершаетъ дѣло искупленія, также рождается, проповѣдуетъ, творитъ чудеса, страдаетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Каждый вѣрующій, по ихъ понятію, долженъ достигнуть верховнаго состоянія благодати, и каждый изъ нихъ, сдѣлавшись храмомъ Божіимъ, имѣетъ въ себѣ присутствіе св. Троицы. Богъ-Отецъ — память; Богъ-Сынъ—разумъ; Богъ-Духъ Святый — воля. Въ ученіи о грѣхопаденіи они тоже отступили отъ христіанскаго воззрѣнія и приняли положеніе, что всякій отвѣчаетъ за свой грѣхъ, что грѣхопаденіе Адама было его частное грѣхопаденіе, а общая порча природы человѣческой есть слѣдствіе паденія душъ еще

до созданія міра, въ одно время съ паденіемъ злыхъ духовъ. Послѣдовательно съ этимъ, сектанты не признавали и не признаютъ власти человѣка надъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе власти, «Богомъ постановленной», что́, какъ извѣстно, послужило главною причиною направленныхъ противъ нихъ преслѣдованій. Вообще, духоборцы принимаютъ священное писаніе постольку, поскольку оно подтверждаетъ ихъ догму—переселеніе благодати господней въ существо каждаго вѣрующаго.

Отвлеченная и даже философская догма подобнаго рода, разумѣется, не могла самостоятельно зародиться въ средѣ простого народа, и несомнѣнно была перенесена первыми проповѣдниками изъ разнаго рода ученій, съ примѣсью многихъ протестантскихъ мнѣній и другого рода раціоналистическихъ и мистическихъ воззрѣній. Одинаково несомнѣнно, что впослѣдствіи времени распространеніе секты шло путемъ отрицанія внѣшняго богослуженія и соблюденія только установленныхъ ритуаловъ, которые притомъ же были просты и удобоисполнимы при всѣхъ гоненіяхъ, какія испытывали сектанты. Догматика сама собою ускользала въ вѣроученіи духоборцевъ; она была высока и черезъ-чуръ отвлеченна для нихъ. Имъ нужна была вѣра практическая, удобоисполнимая въ собраніяхъ, а это само собою очищало духоборство отъ мистицизма и сближало его съ болѣе простымъ вѣроученіемъ—молоканствомъ. Весьма рѣдко кто изъ нынѣшнихъ сектантовъ хорошо знакомъ съ догматами своего ученія—развѣ только нѣкоторые изъ ихъ старѣйшихъ; а затѣмъ, всѣ твердо знаютъ и хорошо помнятъ только тѣ слова, изъ принятаго ими священнаго писанія, которыя служатъ отвѣтомъ на запросы обыденной нравственности [1]).

Тѣмъ не менѣе, принявъ при самомъ началѣ часть мистическихъ воззрѣній, и будучи фанатиками, какъ мистики, крайніе отрицатели, какъ послѣдователи крайнихъ выводовъ, духоборцы прежде молоканъ кинулись въ глаза правительству и прежде ихъ обратили на себя вниманіе мѣстной власти.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія, Екатерина болѣе заботилась о Европѣ, чѣмъ о Россіи, болѣе о дальнѣйшемъ расширеніи къ Босфору, чѣмъ о внутреннемъ устройствѣ государства въ провинціяхъ, коренныхъ и вновь пріобрѣтенныхъ. Все дѣло ограничивалось сборомъ податей и повинностей, и за-

[1]) Объ ученіи духоборцевъ см. Новицкаго „О духоборцахъ"; а также „О молоканахъ и другихъ сектахъ Тамбовской губерніи", Труды кіевской духовной академіи 1875 г., февраль.

тѣмъ губернія жила своею жизнію: крѣпостная зависимость достигла значенія рабства, управленіе казенными и удѣльными крестьянами уподоблялось крѣпостничеству, духовенство низведено было до полнѣйшаго безчинства, и какъ-бы въ насмѣшку, для внѣшняго прикрытія его внутренняго ничтожества, по табели о рангахъ санъ священника приравненъ былъ чину капитанъ-исправника. Взяточничество процвѣтало вездѣ и повсюду; о болѣе курьёзныхъ способахъ вымогательства чиновниковъ сохранилась память до сихъ поръ. Что касается до духоборцевъ, то они платили; съ нихъ брали и молчали объ нихъ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла, времена перемѣнились. Государь круто взялся подтянуть ту по-истинѣ безобразную распущенность, какая стала въ обыкновеніи за послѣдніе годы царствованія его матери. Почувствовали это и военные, и гражданскіе чины, и столичное общество. Вскорѣ прослышала объ этомъ и провинція. О духоборцахъ доносили государю, что эта секта, хотя и заключаетъ въ своемъ ученіи отпаденіе отъ православія, но что послѣдователи ея живутъ спокойно, повинности отбываютъ исправно и соблазновъ не оказываютъ. Павелъ не преслѣдовалъ ихъ и даже отклонялъ всѣ предлагаемыя въ отношеніи ихъ строгости; но, когда новороссійскій губернаторъ Селецкій донесъ о настоящемъ ученіи секты и, главное, о томъ, что ученіе ихъ не признаетъ Богомъ постановленныхъ властей на землѣ, императоръ Павелъ открылъ жестокое противъ нихъ преслѣдованіе. Въ указѣ сенату, отъ 28-го августа 1799 года, между прочимъ сказано: «по случаю открывшейся нынѣ въ Новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей, и противу коей, при началѣ царствованія нашего, слѣдуя человѣколюбію, употребили мы наикротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта возчувствуетъ наше отеческое къ ней снисхожденіе, и на путь истинный разсудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей пощады не достойны, повелѣваемъ: всѣхъ, изобличенныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 человѣкъ, отослать въ Екатеринбургъ, вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе высшую власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя, на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе». Такая небывалая строгость тотчасъ же отразилась на положеніи сектантовъ. Ихъ не

только перестали прикрывать, но стали преслѣдовать и открывать. Не прошло какихъ-нибудь пяти мѣсяцевъ, какъ обнаружились слѣды секты въ Новгородской губерніи, въ селеніи Чудовѣ и слободѣ Сосницкой, гдѣ, какъ это можно видѣть изъ актовъ того времени, къ удивленію и церкви, и правительства, разслѣдованіемъ обнаружено было, что сектанты отвергали церковь, таинства, святыхъ, не признавали государя и представителей власти, т.-е. совершенно подобны были сектантамъ Новороссіи, или тѣ же духоборцы. Вслѣдъ за этимъ, по связи захваченныхъ подсудимыхъ и по сознанію нѣкоторыхъ обратившихся въ православіе, открыто было, что ученіе духоборства пріютилось въ Москвѣ и въ числѣ своихъ послѣдователей имѣло даже наборщика Петра Тиханова, служившаго на московскомъ печатномъ дворѣ. Все это страхъ какъ ожесточило Павла. Именнымъ указомъ генералъ-прокурору Обольянинову, онъ приказалъ всѣхъ нераскаявшихся сослать въ вѣчную каторгу и примѣнять это наказаніе въ видѣ общаго правила для всѣхъ вновь обнаруживающихся сектантовъ. Касательно подсудимаго съ печатнаго двора, Тиханова, онъ сдѣлалъ чрезъ преосвященнаго с.-петербургскаго, Амвросія, выговоръ синоду, что «сколь не попечительно московское духовенство, когда на ихъ печатномъ дворѣ таковыя секты оказываются» [1]). Синоду это было, разумѣется, не по сердцу. Съ своей стороны онъ ссылался на то, что свѣтское начальство не принимаетъ мѣръ о взысканіи штрафа за небытіе православныхъ у исповѣди, что, по силѣ указа 1765 года, ему предписывалось, чтобы епархіальные архіереи, по раскольническимъ дѣламъ, своею властью ничего не принимали, что, наконецъ, самъ синодъ, вслѣдствіе постоянныхъ настояній сената, вынужденъ былъ предписать приходскимъ священникамъ, въ отвращеніе разглашаемыхъ на нихъ нареканій, чтобы они прекратили всякія сношенія съ раскольниками, и чтобы въ дома ихъ отнюдь не входили. Желая показать, что духоборцы вовсе не находятся въ вѣдѣніи духовенства, синодъ доказывалъ, что они «не иное суть, какъ выродившіеся изъ раскольниковъ, которые, по различнымъ своимъ заблужденіямъ или толкамъ, сами между собою раздѣлялись на многія секты, хотя всѣ отъ церкви и отъ ея ученія удалились, но нѣкоторые изъ нихъ заблужденія свои простерли такъ далеко, что и съ отпадшими первоначально отъ церкви, яко бы за обряды, расколь-

[1]) Высоч. указы 30 марта и 30 апрѣля 1800 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 783 789.

никами, никакого въ образѣ мыслей сходства не имѣютъ». То-есть, тогдашніе іерархи полагали, что духоборцы не болѣе, какъ крайняя вѣтвь раскола—старообрядства, и видимо не подозрѣвали самостоятельнаго развитія раціонализма на русской народной почвѣ.

Чѣмъ бы кончилось это пререканіе между сенатомъ и синодомъ, и какое направленіе приняло бы преслѣдованіе сектантовъ и охраненіе православія — сказать трудно, такъ какъ въ этомъ году императора Павла не стало. Молодой Александръ, еще живо помнившій наставленія женевца Лагарпа, и притомъ, будучи въ первое время подъ вліяніемъ столь же пылкихъ и столь же неопытныхъ молодыхъ друзей, разумѣется, не могъ продолжать принятую-было въ руководство систему Павла. Въ первый разъ познакомился онъ съ духоборцами изъ донесенія ревизовавшихъ въ то время слободско-украинскую губернію, сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго. Сенаторы старались какъ можно болѣе разузнать о сектантахъ, ѣздили по духоборческимъ селамъ, собирали свѣдѣнія о положеніи ихъ хозяйства, объ исполненіи ими повинностей и всѣхъ требованій начальствъ, о поведеніи ихъ, объ ихъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ. Правда, собранныя ими свѣдѣнія были подробны только въ отношеніи исправности отбыванія сектантами повинностей и весьма шатки въ отношеніи ихъ вѣрованій, что, разумѣется, произошло отъ того, что сами сектанты, какъ тогда, такъ и теперь, тщательно скрывали свое ученіе, а мѣстное начальство и сельское духовенство, привыкнувъ мѣрить всѣхъ сектантовъ по одному аршину расколо-старообрядства, передавали сенаторамъ крайне невѣрныя свѣдѣнія; но какъ бы то ни было, сенаторы засвидѣтельствовали передъ государемъ, что они были удивлены нравственностью и трудолюбіемъ духоборцевъ, что сектанты не только не достойны тѣхъ притѣсненій и притязаній, которыя къ нимъ предъявляетъ мѣстное начальство, но, напротивъ, заслуживаютъ полной защиты со стороны правительства. Донесеніе сенаторовъ имѣло громадное вліяніе на государя. Прежде всего, онъ велѣлъ вернуть изъ ссылки почти всѣхъ духоборцевъ и даже оказывалъ особую заботливость о положеніи возвращенныхъ. Въ одномъ изъ указовъ на имя гражданскаго губернатора слободско-украинской губерніи, онъ предписалъ ему, какъ можно строже, наблюдать за спокойствіемъ возвращенныхъ и постоянно оказывать имъ защиту отъ всѣхъ «притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію». Въ этомъ же указѣ замѣчательны слѣдующія слова Александра: «и разумомъ, и опытомъ, пишетъ государь,

давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями, въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться, и на немъ-то основано было и повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ, при возвращеніи ихъ во-свояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго, обряду ихъ, мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно привиться къ нимъ, изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю, и съ видомъ ненамѣренности, направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобы все сіе имѣло болѣе дѣйствія, и чтобы они лучше почувствовали свои обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется» [1]). Видимо, что первоначально Александръ, по крайней мѣрѣ, самъ лично стоялъ на пути полной вѣротерпимости. Въ томъ же указѣ, онъ приказалъ губернатору войти въ подробное разсмотрѣніе хозяйствъ возвращенныхъ изъ ссылки; обстроились ли они, вступили ли въ хлѣбопашество и, вообще, въ состояніи ли продолжать прежнее свое земледѣльческое положеніе, въ какомъ они находились до высылки. Къ сожалѣнію, заботы государя оказались совершенно напрасны. Возвращенные духоборцы не нашли на родинѣ, что́ называется, ни кола, ни двора, — все было разорено, расхищено, а земли ихъ сданы въ аренду или поступили другимъ въ собственность. Помѣстившись кое-какъ у своихъ единомышленниковъ, они обратились съ просьбою на высочайшее имя о переселеніи ихъ на болѣе свободныя мѣста и о соединеніи въ одно поселье. Какъ видно, духоборцы, а за ними и молокане предварительно сговорились объ этомъ, такъ какъ одновременно подобнаго рода просьбы поступили со всего юга Россіи — изъ слободско-украинской, екатеринославской и новороссійской губерній. Вопросъ, такимъ образомъ, сталъ общимъ и потому подвергся всестороннему обсужденію во многихъ инстанціяхъ. Рѣшили, что самое лучшее отвести для сектантовъ поля, лежащія по рѣкѣ Молочной, въ маріупольскомъ уѣздѣ, гдѣ они, будучи разобщены отъ православныхъ, уже не могутъ имѣть вліянія на нихъ, да и самое отдѣленіе послужило бы къ погашенію ихъ ереси. На основаніи этого, 25 января 1802 года, обнародованы были правила переселеній, причемъ

[1]) Указъ 27 ноября, 1801 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 21.

переселенцамъ предоставлено было множество льготъ въ отношеніи отбыванія разнаго рода повинностей, а также были выдаваемы пособія на подъемъ и устройство, по 100 руб. на дворъ. Земли отведено было на Молочныхъ-Водахъ по 15 десятинъ на душу, и самое переселеніе обставлено было всевозможными удобствами. Не прошло года, какъ духоборческое и молоканское населеніе юга, почти въ цѣломъ составѣ, поселилось на Молочныхъ водахъ и образовало тамъ богатыя колоніи. Здѣсь же, въ первый разъ, правительство замѣтило разницу между сектами духоборцевъ и молоканъ, такъ какъ послѣдніе просили отвести имъ отдѣльные участки отъ земель, назначенныхъ для духоборцевъ.

Такое движеніе на югѣ Россіи не могло не отразиться на природныхъ духоборцахъ тамбовской губерніи, у которыхъ начались сходки, совѣщанія, сборы. Мѣстное начальство увидѣло въ этомъ признаки бунта, неповиновенія, начало тѣснить сектантовъ, вымогать у нихъ еще бо́льшіе поборы. Посыпались жалобы со стороны сектантовъ, донесенія о непокорности со стороны губернатора. Государь снова подтверждаетъ тамбовскому губернатору, что «доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно, по единому смыслу ихъ ереси, судить и обвинять ихъ въ семъ преступленіи; но должно, оставляя ихъ спокойными во внутреннемъ исповѣданіи, воспрещать только явные соблазны, подвергая за то суду по законамъ, на нарушителей общаго благочинія направленныхъ» [1]). То же самое онъ высказываетъ въ указѣ вновь назначенному тамбовскому губернатору, Кошелеву, совѣтуя, по отношенію къ духоборцамъ, «различать терпимость отъ попущенія и невнимательность къ заблужденіямъ разума отъ послабленія». Но такая эластическая формула на практикѣ явилась полнымъ и еще бо́льшимъ притѣсненіемъ сектантовъ. Достаточно напомнить объ извѣстномъ дѣлѣ, какъ одинъ изъ духоборцевъ привезъ къ тамбовскому губернатору трупъ своего сына, засѣченнаго капитанъ-исправникомъ. Исправникъ фонъ-Меникъ сѣкъ крестьянъ села Красной-Дубравы за то только, что они духоборцы, а двухъ засѣкъ до смерти за то, что деревня не выплатила ему взятки въ 100 руб. Несмотря на гуманные съ виду указы императора Александра, это вопіющее дѣло получило все-таки печальный конецъ для духоборцевъ. Ихъ приняли за бунтовщиковъ, снова пересѣкли всю деревню плетьми, а крестья-

---

[1]) Указъ 21 августа 1803 г. Сборн. пост. о расколѣ, т. 2, стр. 27.

нина Мукосѣева за то, что привезъ къ губернатору трупъ сына, сослали въ Колу [1]).

Положеніе сектантовъ внутреннихъ губерній, по истинѣ, было невыносимо. Въ слѣдующемъ 1804 году, повѣренные отъ духоборцевъ воронежской и тамбовской губерній, жалуясь на притѣсненія чиновниковъ, просили, по примѣру слободско-украинскихъ и екатеринославскихъ духоборцевъ, переселить ихъ на Молочныя-Воды. На этотъ разъ дозволеніе послѣдовало на тѣхъ же основаніяхъ, какія допущены были прежде, исключая выдачи денежныхъ пособій. Послѣдовало также дозволеніе о переселеніи духоборцевъ изъ азовской крѣпости и форштата. Но въ то время отношеніе высшаго правительства къ сектантамъ уже во многомъ перемѣнилось къ худшему. Дозволяя переселеніе, оно въ то же время предписываетъ начальству таврической губерніи наблюденіе, чтобы духоборцы бѣглыхъ не принимали и въ секту свою никого не совращали, а когда херсонскій военный губернаторъ, дюкъ де-Ришельё сталъ хлопотать за духоборцевъ, чтобы ихъ избавили отъ рекрутской повинности, какъ несогласной съ ихъ ученіемъ, то въ ходатайствѣ этомъ отказали. Не уважена была также просьба о возвращеніи изъ Сибири оставшихся духоборцевъ, такъ какъ иркутскій губернаторъ засвидѣтельствовалъ, что за распространеніе ереси большинство изъ нихъ отданы въ солдаты, а частью разосланы на работы въ заводахъ. Впрочемъ, еще ранѣе, въ 1805 году, было сдѣлано распоряженіе, чтобъ сосланные въ Сибирь, по дальности разстоянія, не возвращались обратно, а были бы поселены на удобныхъ мѣстахъ, съ пользованіемъ тѣми льготами, какія предоставлены были поселенцамъ на Молочныхъ-Водахъ. Иркутское начальство, какъ показываетъ донесеніе губернатора, распорядилось по-своему и, вмѣсто поселенія, приложило къ сектантамъ самыя жестокія уголовныя кары.

Переселеніе большинства сектантовъ въ таврическую губернію не остановило, однако, распространенія духоборческой секты въ другихъ губерніяхъ. Тамбовскіе и воронежскіе сектаторы распространяли свое ученіе въ саратовской, пензенской, рязанской губерніяхъ и, въ особенности, на Дону. Въ городѣ Александровскѣ, купецъ Шутовъ до того увлекся новымъ ученіемъ, что, схвативъ образа въ полу, принесъ ихъ мѣстному протопопу и объявилъ, что въ церковь онъ ходить не будетъ и никакихъ требъ у него чтобы священники не исполняли, такъ какъ онъ «содержитъ законъ Моисеевъ по духоборческому обряду». Въ 1807 году,

[1]) См. „Истор. Вѣстникъ“, 1880, № 2-й.

обнаружено было, что цѣлая Филипповская станица состоитъ въ духоборческой ереси, занесенной туда сотникомъ и казакомъ Лазаревыми. На этотъ разъ, правительство со вновь совращенными поступило очень круто: жителей станицы, всѣхъ до 15-ти-лѣтняго возраста, разселили между крестьянами лютеранскаго исповѣданія сѣверо-западныхъ губерній; дѣтей же, — мальчиковъ разослали по гарнизоннымъ школамъ, дѣвочекъ по дѣвичьимъ монастырямъ. Духоборческое ученіе появилось также въ войскѣ, въ особенности въ казачьихъ полкахъ и, несмотря на самыя жестокія военныя мѣры [1]), появилось настолько сильно, что правительство вынуждено было въ 1811 году постановить общимъ правиломъ, чтобы распространителей, кто бы онъ ни былъ, ссылать въ архангельскую губернію, а совращенныхъ на Молочныя-Воды, исключая казаковъ, которыхъ велѣно было препровождать на кавказскую линію, для сторожевой службы. Даже въ мѣстахъ ссылки, на Молочныхъ-Водахъ, сектанты оказывали громадное вліяніе на православныя села, и многіе изъ православныхъ переходили въ духоборство. Въ сектаторскихъ селахъ находили, кромѣ того, пріютъ бѣглые, дезертиры, бѣжавшіе или отъ сильнаго гнета крѣпостного права, или отъ поселенскихъ порядковъ или, наконецъ, отъ военной службы и тѣмъ, въ значительной степени, увеличивали число послѣдователей секты.

Между тѣмъ, строгость, предпринятая-было противъ сектантовъ, къ концу царствованія Александра нѣсколько ослабѣла, благодаря нѣкоторымъ дѣламъ, обнаружившимъ, что сектанты далеко не такъ порочны, какъ объ нихъ доносили, отчасти благодаря личной склонности государя къ мистицизму. Однажды, двое бѣжавшихъ изъ духоборческихъ поселеній мелитопольскаго уѣзда донесли херсонскому военному губернатору, что они были свидѣтелями самоличной расправы общества съ лицами, не желавшими принять ихъ ученіе, и что кромѣ самоуправства, духоборцы составляютъ изъ себя притоны всякаго рода разбоевъ, воровства, мошенничества, и что въ ихъ колоніяхъ скрывается бездна бѣглыхъ. Не разслѣдовавъ хорошенько дѣла, а основываясь на заявленіяхъ доносчиковъ, на поимкѣ четырехъ бѣглыхъ въ духоборческихъ селахъ и на заявленіи мѣстнаго духовенства о вредѣ этой секты для православныхъ, военный губернаторъ сдѣлалъ представленіе о высылкѣ всѣхъ духоборцевъ изъ мелитопольскаго уѣзда. Духоборцы также прислали прошеніе, что

[1]) См. дѣло Прокудина и Артемьева. Сборн. пост. о раск. т. 2, стр. 55.

мѣстное начальство тѣснитъ ихъ, обложило страшными поборами и взводитъ на нихъ такія преступленія, которыхъ въ ихъ колоніяхъ никогда не было и не будетъ. Началось разслѣдованіе, и обнаружилось, что кромѣ притѣсненія мѣстныхъ чиновниковъ и вліянія духоборцевъ на сосѣднія православныя села, все остальное ложь и неправда и что, напротивъ, сектанты народъ трудолюбивый, честный и примѣрной нравственности. «Отпаденіе сихъ людей,—писалъ по этому поводу Александръ херсонскому военному губернатору,—отъ православной церкви есть, конечно, съ ихъ стороны, заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: ибо ревность божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ быть внушаемо насиліями и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра нарождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденія, поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами, въ продолженіи тридцати лѣтъ, до 1801 года, не только не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея» [1]). На этотъ разъ, касательно мелитопольскихъ духоборцевъ, дѣло ограничилось только тѣмъ, что поручено было синоду озаботиться назначеніемъ благонадежныхъ и доброй нравственности священниковъ въ православные приходы, смежные съ поселенцами. Еще болѣе породило у сектантовъ надежды на лучшее будущее, когда государь, въ 1818 году, лично посѣтилъ духоборческія колоніи и остался очень доволенъ внѣшнею опрятностью, довольствомъ и видимымъ трудолюбіемъ сектантовъ. Поселеній было столько, что отведенныхъ первоначально земель

[1]) Указъ 9-го декабря 1816 г. Сб. распор. о расколѣ, стр. 47—50. Здѣсь невольно остановишь вниманіе на этой, поражающей разноголосицѣ между словомъ и дѣломъ: въ то время, какъ государь учитъ высокимъ истинамъ военнаго губернатора, исправники засѣкаютъ до смерти сектантовъ за то, что тѣ не даютъ требуемой взятки! Впрочемъ, это отличительная черта царствованія Екатерины II и Александра I, — внѣшній либерализмъ, гуманность — на верху, и жестокій, грубый, азіатскій деспотизмъ—внизу, какъ наслѣдіе давнишнихъ татарско-византійскихъ порядковъ.

оказалось недостаточнымъ. По возвращеніи въ Петербургъ, государь приказалъ отвести еще $5^1/_2$ тысячъ десятинъ, раздѣлить ихъ на участки и отводить по мѣрѣ требованія новымъ поселенцамъ.

Это былъ послѣдній законъ Александра. Наступило царствованіе нерасходящагося слова съ дѣломъ, царствованіе императора Николая, въ которое приступлено было всѣми силами административнаго механизма подавлять расколъ, ереси и всякаго рода отступничества. Уже въ 1826 году, повелѣно было всѣхъ предавшихся духоборческой ереси изъ помѣщичьихъ крестьянъ отдавать съ зачетомъ въ рекруты, а неспособныхъ ссылать въ Сибирь. Въ томъ же году, было сдѣлано распоряженіе, чтобы мелитопольскимъ духоборцамъ плакатныхъ паспортовъ не выдавать и отлучки съ мѣста жительства воспретить. Въ 1830-мъ году былъ изданъ общій законъ, по которому добровольное, и по суду, выселеніе сектантовъ въ новороссійскій край прекращено; подстрекателей и распространителей секты велѣно было отдавать въ солдаты, а слабосильныхъ и женщинъ селить въ Закавказье, куда и направлять добровольныхъ переселенцевъ «сколько въ уваженіи заселенія края, столько и въ уваженіи пресѣченія способовъ распространенія ереси», говоритъ указъ. Въ отношеніи духоборцевъ тамбовской и воронежской губерній были приняты самыя строгія мѣры, а епархіальному начальству повелѣно было обратить особенное вниманіе на обращеніе ихъ въ нѣдра церкви. Вообще, правительство Николая, прежде прочихъ сектъ, всею силою обратилось на духоборцевъ. Мы не говоримъ о запрещеніи отлучекъ, о недозволеніи нанимать за себя рекрутовъ, о невыдачѣ женамъ сектантовъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, но даже вызваннымъ послѣ турецкой кампаніи, по приглашенію правительства, выходцамъ изъ Турціи, и тѣмъ не дозволено было поселиться иначе, какъ за Кавказомъ, несмотря на убѣдительныя просьбы направить ихъ къ единовѣрцамъ, на Молочныя-Воды [1]). Затѣмъ эти безконечные процессы, прижимки мѣстныхъ чиновниковъ и низшаго духовенства, постоянныя ссылки въ Сибирь, за Кавказъ,—все это дѣлало жизнь сектантовъ, во всѣхъ отношеніяхъ, несносною. Но ученіе это почему-то особенно нравилось забитому народу. Въ чистомъ или болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, оно появлялось повсюду, во всѣхъ губерніяхъ, что еще болѣе сердило государя, хорошо знавшаго, что въ соціальной основѣ духоборческой ереси лежитъ непризнаваніе

[1]) Указъ 29-го ноября 1845. Сборн. распор. о расколѣ, т. 2-й, стр. 417—430.

внѣшней власти. Даже въ мѣстахъ сибирскаго поселенія, на каторжныхъ работахъ, и тамъ привилось это ученіе и быстро распространялось между поселенцами и каторжниками. Генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Сулима, доносилъ государю въ 1835 году, что секта эта имѣетъ особое притягательное свойство, что, какъ только появится гдѣ сектантъ, то тотчасъ же начнутся уклоненія въ ересь, будь это на каторжныхъ работахъ, или въ мѣстахъ самыхъ нелюдимыхъ и глухихъ. Въ Сибири распространеніе духоборческой ереси приняло такіе большіе размѣры, что даже изданъ былъ особый законъ, по которому каторжниковъ-сектантовъ велѣно было назначать въ одинъ Нерчинскій заводъ, а поселенцевъ селить въ самыя отдаленныя мѣста, и притомъ не между православными, а инородцами.

Такимъ образомъ, главнымъ засельемъ сектантовъ «особенно вредныхъ сектъ» явился Кавказъ. Ссылки по суду и добровольныя переселенія шли съ такимъ успѣхомъ, что въ отмежеванныхъ казенныхъ земляхъ Грузіи и Имеретіи не было уже мѣста. Оставалась одна Мингрелія; но страна эта была не размежевана и, притомъ, оказалась вполнѣ разоренною, необработанною, хотя обладающею многими природными богатствами. Желая сохранить мѣстное мингрельское управленіе и нѣкоторую автономію бывшему царству, правительство не уничтожало старыхъ порядковъ; оно оставило мѣстные администрацію и суды, управленіе страною поручило бывшему правителю, князю Дадьяну, и только общій надзоръ предоставило гражданскому управленію кавказскаго намѣстника. Князь Дадьянъ, по примѣрамъ Грузіи и Имеретіи, хорошо видѣлъ всю ту пользу, какую принесли Закавказью русскіе поселенцы-сектанты, которыхъ, въ 1830—1845 годахъ, переселилось, по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, свыше 10 тысячъ человѣкъ одного мужескаго пола, изъ однихъ казенныхъ крестьянъ. Дѣйствительно, наши піонеры-сектанты во многомъ увеличили производительность края и не мало распространили тамъ неизвѣстныхъ до того времени отраслей хозяйства. Самъ князь Воронцовъ свидѣтельствовалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начали селиться въ закавказскомъ краѣ русскіе поселенцы, тамъ открылись промышленность, ремесла, съ которыми не были знакомы туземцы, явились извозчики для перевозки казенной и частной клади, плотники, каменьщики и другіе мастеровые; устранились затрудненія въ пріисканіи ямщиковъ для почтъ и проч. Этою-то колонизаторскою силою и хотѣлъ воспользоваться хитрый и умный князь Дадьянъ. Затрудненіе было въ томъ, что сектанты селились до

сей поры на казенной землѣ; примѣровъ же заселенія на земляхъ частныхъ владѣльцевъ не было, исключая нѣкоторыхъ сдѣлокъ, заключенныхъ между великороссійскими выходцами (тоже сектантами) и обществомъ «распространенія шелководства и торговой промышленности за Кавказомъ», на что общество еще въ въ 1842 году выхлопотало себѣ особое право. Ссылаясь на этотъ случай, мингрельскій князь сдѣлалъ предложеніе правительству дозволить ему поселять сектантовъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) что онъ надѣлитъ ихъ землею по 10 десятинъ на душу и снабдитъ лѣсомъ и скотомъ; 2) что поселенцы обязаны будутъ владѣльцу выставлять въ одинъ будничный день въ недѣлю одного работника и отдавать $^1/_{20}$ часть со всѣхъ произведеній земли, и 3) что для первоначальнаго обзаведенія, имъ будутъ предоставлены на извѣстный срокъ всевозможныя льготы и облегченія. Предложеніе это прошло кавказское намѣстничество, министерство, разсматривалось въ кавказскомъ комитетѣ, и вездѣ было одобрено. Въ средѣ тогдашнихъ государственныхъ людей ходило мнѣніе о барщинномъ устройствѣ въ цѣлой Россіи. Успѣхъ, съ которымъ введена была барщина графомъ Киселевымъ въ Молдавіи и Валахіи (за что, впрочемъ, не помянулъ его добрымъ словомъ Марксъ въ своемъ «Капиталѣ»), и эти ходившія предположенія о возможности замѣны крѣпостного права барщиною заставили обратить вниманіе на предложеніе князя Дадьяна. Притомъ же гнетъ и притѣсненія, которыя въ полной силѣ царили тогда во внутреннихъ губерніяхъ, вызывали постоянныя со стороны сектантовъ ходатайства о переселеніи ихъ за Кавказъ. По свѣдѣніямъ министерства, отъ однихъ казенныхъ крестьянъ поступило въ тотъ годъ такихъ просьбъ отъ семи тысячъ человѣкъ. Но казенныхъ земель за Кавказомъ уже не было, а земли Мингреліи были не размежеваны, и неизвѣстно было, какія отойдутъ казнѣ, какія останутся за частными владѣльцами. Все это привело къ тому, что, согласно предложенію правителя Мингреліи, въ 1845 году, были высочайше утверждены правила, по которымъ дозволялось сектантамъ селиться на земляхъ частныхъ владѣльцевъ Мингреліи, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій: 1) поселенцы должны были считаться государственными крестьянами и платить въ казну подать, по усмотрѣнію кавказскаго начальства; имъ предоставлено было имѣть самостоятельное сельское управленіе и своихъ выборныхъ старшинъ и старостъ; владѣлецъ обязанъ былъ, кромѣ 10 десятинъ надѣла, по прибытіи поселенцевъ на мѣсто, снабдить ихъ на семью въ три души мужескаго пола, по парѣ рабочихъ во-

ловъ, по двѣ коровы и по двѣ свиньи [1]). 2) Взамѣнъ этого, поселенцы обязаны были въ пользу владѣльца повинностями, какія обозначены были въ предложеніи Дадьяна, но при этомъ постановлено было, чтобы сдѣлки между владѣльцами и поселенцами не превышали 24 лѣтъ, послѣ чего поселенцамъ предоставлено было право или измѣнить условія, или водвориться на тѣхъ земляхъ Закавказья, гдѣ найдутъ для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ. Наконецъ, 3) поселенцамъ предоставлено было право свободнаго передвиженія за Кавказомъ, причемъ 8-ми-мѣсячный срокъ паспортамъ былъ отмѣненъ. Это былъ первый шагъ законнаго отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, на земляхъ которыхъ они были поселены. Въ примѣрѣ этомъ нельзя не видѣть зародыша будущаго акта освобожденія крестьянъ, хотя примѣненіе его послѣдовало — гдѣ-же? въ Мингреліи, и для кого же?—для сектантовъ «болѣе вредныхъ» сектъ! Историкъ русскаго крестьянства не можетъ пройти этого явленія, не можетъ не занести его предтечею послѣдовавшаго, черезъ шестнадцать лѣтъ, всеобщаго освобожденія отъ крѣпостного ярма.

Заселеніе Мингреліи шло быстрѣе, чѣмъ полагалъ правитель ея, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1839 году былъ изданъ для духоборцевъ ужасный законъ: повелѣно было всѣхъ до одного духоборца мелитопольскаго уѣзда, которыхъ считалось до 8-ми тысячъ человѣкъ мужескаго пола, если не пожелаютъ принять православія, переселить за Кавказъ, и только, въ видѣ снисхожденія, приказано было вознаградить ихъ по оцѣнкѣ за оставленныя недвижимыя имущества. Какой поводъ, и что̀ была за причина къ изданію такого драконовскаго закона, мы доискаться не могли. Достаточно сказать, что это второе переселеніе сектантовъ продолжалось въ теченіи шести лѣтъ, въ 1841—1846 годахъ, и сопровождалось самыми потрясающими сценами. Сектантовъ отправляли партіями, почти-что подъ конвоемъ, причемъ мелкое чиновничество удерживало кормовыя и другія слѣдующія сектантамъ деньги, произвольно грабя и разоряя ихъ. Этого мало. Намучившись въ теченіи долгаго и труднаго пути, придя на мѣсто, они къ великому своему горю и тамъ не находили свободныхъ мѣстъ для заселенія. Ни бережливость, ни скромность жизни не помогали сектантамъ: они окончательно разорялись и положительно нищенствовали, нищенствовали въ странѣ незнакомой, среди народа, не знавшаго ни ихъ языка, ни ихъ обычаевъ. Единственнымъ спасеніемъ этихъ несчастныхъ

---

[1]) Это какъ-бы насмѣшка, потому что духоборцы свинины не ѣдятъ.

явилось предложеніе князя Дадьяна, чѣмъ, разумѣется, они тотчасъ-же воспользовались. Другое обстоятельство, ускорившее заселеніе Мингреліи, было то, что въ это время одинъ за другимъ издавались законы, все строже и все стѣснительнѣе для духоборцевъ внутреннихъ губерній. Кромѣ прочихъ запрещеній, имъ воспрещено было пріобрѣтать землю далѣе 30 верстъ отъ мѣстожительства, т.-е., положенъ былъ предѣлъ увеличенія благосостоянія; воспрещено было нанимать за себя рекрутъ, приписываться къ городамъ и проч. Большинство безъ оглядки бросились на предложеніе Дадьяна, основательно разсчитывая, что имѣть дѣло съ частнымъ лицомъ выгоднѣе, чѣмъ съ казною; да притомъ, въ лицѣ князя, они ожидали встрѣтить защитника противъ притѣсненій русскихъ чиновниковъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, со времени изданія правилъ, Мингрелія покрылась значительнымъ числомъ сектаторскихъ поселеній, принесшихъ громадную пользу краю. Не прошло много времени, какъ примѣрное хозяйство, предпріимчивость, трудолюбіе и трезвость, съ одной стороны; азіатская лѣнь, безпечность, постоянные споры между сонаслѣдниками Дадьяна и поголовное безденежье всего мингрельскаго дворянства, съ другой,—привели къ тому, что всѣ наши піонеры-сектанты сдѣлались собственниками, обладаютъ достаткомъ и ведутъ въ настоящее время значительную торговлю служа главнымъ источникомъ оживленія ремеслъ и промышленности края. Положеніе закавказскихъ сектаторовъ настолько улучшилось, что еще въ 1856 году поступали усиленныя ходатайства изъ тамбовской губерніи о дозволеніи добровольнаго переселенія за Кавказъ. Впрочемъ, скоро наступили другія времена. Произволъ и насиліе мелкаго чиновничества, въ значительной степени, ослабъ. Сектанты внутреннихъ губерній—тамбовской, воронежской, харьковской, и вообще, гдѣ сохранились еще ихъ зародыши послѣ долгихъ лѣтъ мучительныхъ насилій, отдачъ въ солдаты и высылокъ,—вздохнули нѣсколько свободнѣе и перестали думать о переселеніи.

Если спросимъ, гдѣ-же въ настоящее время, послѣ долгихъ преслѣдованій и пересылокъ съ мѣста на мѣсто, осѣли духоборцы, то намъ прежде всего придется искать ихъ на далекихъ окраинахъ. Тамъ является ихъ главное средоточіе, и только тамъ ученіе ихъ почти-что сохранилось въ своей чистотѣ отъ первыхъ проповѣдниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мингрелія и мѣста за Кавказомъ, около Шемахи, въ деревнѣ Андреевкѣ, около необитаемой степи Мигуньи, деревня Новоселки, и пр.—вотъ главное сосредоточіе чистаго духоборства. Затѣмъ эта секта

заселила мѣста въ Сибири, по преимуществу, въ Приамурскомъ краѣ, куда ихъ переселили еще при Муравьевѣ, изъ дикихъ и безплодныхъ мѣстъ перваго заселенія, отведеннаго сибирскимъ начальствомъ въ царствованіе Николая. Гдѣ-бы можно было ожидать ихъ—на Молочныхъ-Водахъ, въ таврической губерніи, тамъ ихъ почти нѣтъ, такъ какъ послѣ высылки 1841—1846 г. въ Закавказье, они болѣе туда не селились, и это мѣсто сдѣлалось посельемъ исключительно молоканъ. Наконецъ, на самой родинѣ духоборцевъ,—въ воронежской, тамбовской, харьковской, екатеринославской губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, хотя сохранились сектанты, и называютъ свое ученіе духоборческимъ, но оно очень близко подходитъ къ молоканству и почти съ нимъ сливается. Оффиціальныя свѣдѣнія и многія частныя изслѣдованія признаютъ ихъ настоящими молоканами.

Духоборцевъ считали, и по настоящее время считаютъ, почему-то вреднѣе молоканъ, хотя правительство не ставитъ между ними никакой разницы. Когда, въ 1837 году, нѣсколько обществъ тамбовской губерніи, во время путешествія государя, подали ему прошеніе, чтобы на нихъ не распространялся законъ 1836 года, о недозволеніи держать у себя и наниматься у православныхъ, касающійся собственно молоканъ, а не ихъ, «духовныхъ христіанъ» или духоборцевъ, то отвѣтомъ на это послѣдовало повелѣніе примѣнять безразлично всѣ постановленія бывшія и будущія, будутъ-ли себя сектанты называть духовными христіанами, духоборцами или молоканами, такъ какъ они, «хотя-бы и различествовали между собою, но всѣ равно признаются вредными по духу ихъ ученія» [1]). Правда, что имѣя въ ученіи своемъ часть мистическихъ воззрѣній, духоборцы были болѣе фанатичны, рѣзче проявляли себя въ отношеніи властей, что̀ и могло служить, пожалуй, поводомъ, почему было велѣно только ихъ переселять съ Молочныхъ-Водъ, за Кавказъ, а молоканъ оставили на прежнихъ селищахъ; но это было прежде, когда еще дѣйствовала пропаганда; признавать же теперь за духоборцами болѣе вреда, чѣмъ за молоканами, не имѣется никакого основанія. Мистицизмъ, положенный въ ученіе духоборцевъ первоначальными проповѣдниками, самъ собою ослабѣвалъ подъ напоромъ заботъ и дневныхъ нуждъ во время гоненій, и въ особенности, во время переселеній при устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, гдѣ живая и кипучая дѣятельность по-неволѣ низводила воззрѣнія, блуждающія въ заоблачныхъ фантазіяхъ или отвлечен-

[1]) Указъ 4 апрѣля 1837 г. Сборн. постан. о расколѣ, стр. 255.

ныхъ предположеніяхъ, къ практическому примѣненію правилъ нравственности, т.-е. вводило въ это ученіе болѣе очищенный раціонализмъ, подогрѣтый утилитаризмомъ общинныхъ стремленій сектантовъ. Въ этомъ отношеніи, молокане только опередили духоборцевъ. Молоканство еще при первыхъ своихъ учителяхъ пошло на встрѣчу жизни, и еще тогда старалось отвѣтить завѣтнымъ, народнымъ идеаламъ, которые, благодаря горькой дѣйствительности, могли рождаться въ его понятіи не въ видѣ осязательнаго представленія, но только въ формѣ вѣрованія, завѣта или отдаленнаго будущаго. Кромѣ того, духоборство нашло себѣ почву среди казенныхъ крестьянъ; молоканство-же непосредственно осѣло на крѣпостномъ крестьянствѣ, отчего эта секта и называлась въ народѣ «мужиковскою». Съ духоборцами, какъ съ казенными крестьянами, правительство распорядилось свободно; мѣры противъ нихъ были круче, жестче; противъ молоканъ его стѣсняло крѣпостное право владѣльца, оно принимало мѣры нѣсколько слабѣе и, во всякомъ случаѣ, не такія прямыя и непосредственныя, какими являлись мѣры противъ духоборцевъ. Напоръ жизненныхъ потребностей, очистившій духоборство отъ мистицизма, и болѣе строгое отношеніе къ нему правительства привели эту секту къ тому, что въ настоящее время послѣдователей чистаго духоборства не много, и главное ядро нашего раціонализма составляютъ молокане. Число послѣдователей духоборческой секты не опредѣлено. Въ оффиціальныхъ таблицахъ фонъ-Бушена, изданныхъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1863 году, духоборцы показаны вмѣстѣ съ молоканами, и всѣхъ насчитано до 110,000 человѣкъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей приводятъ цифру отъ 15—20 тысячъ человѣкъ; но цифра эта чисто гадательная и намъ нигдѣ не пришлось провѣрить ее болѣе точными данными.

Высокое со стороны догматики, простое со стороны обрядности, ученіе духоборства само въ себѣ заключало всю силу первоначальной распространяемости. Темный, придавленный, духовно-неудовлетворенный народъ весьма легко отрѣшался отъ церкви и ея обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы перенести всѣ душевныя и сердечныя побужденія въ самого себя, во внутрь своей жизни, изъ которой не могли-бы отнять ихъ никакія гоненія, никакія мученія. Хотя русскій человѣкъ испоконъ-вѣку привыкъ къ обрядовому благочестію, но здѣсь, на такой высокой степени богословской мысли, онъ не могъ подобрать какихъ-либо сложныхъ, литургическихъ формъ, и все его богослуженіе явилось простымъ, безъискуственнымъ. Тамъ, гдѣ былъ недостатокъ въ

учителяхъ и проповѣдникахъ, тамъ устанавливаемая народомъ обрядность являлась иногда не только страннoю, но даже безобразною, какъ это было въ саратовской губерніи, гдѣ, по закрытіи иргизскихъ монастырей, начали развиваться крайнія безпоповщинскія согласія съ примѣсью духоборческаго ученія. Большинство же сектантовъ уже давно отрѣшилось отъ сложной и стѣсняющей обрядности. Въ этомъ смыслѣ молоканство, какъ говорили, есть та же переработка духоборческой догматики, подъ вліяніемъ жизненныхъ потребностей, національныхъ чертъ народа, и стремленія русскаго человѣка создать свою «мужиковскую вѣру». Въ итогѣ, духоборчество и молоканство, какъ въ отношеніи обрядности, такъ нравовъ и обычаевъ, совершенно тождественны. Отличительныя черты догматики, сохранившіяся въ весьма рѣдкихъ духоборческихъ собраніяхъ, и заключающіяся въ болѣе выдающихся чертахъ спиритуализма — вотъ единственные признаки, отличающія духоборцевъ отъ молоканъ. Два эти ученія слились теперь въ одно и будучи, хотя по источнику, западнаго происхожденія, но по передѣлкѣ онѣ сдѣлались вполнѣ національными.

Е. Р.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

(L'Ane, введеніе).

Но ты сгараешь, духъ! остерегись! Во мглѣ
Неблагодарнаго невѣжества сіяя
И собственнымъ огнемъ себя уничтожая,
Просуществуешь ты недолго на землѣ!
Ахъ, человѣчество ужъ много насчитало
Часовъ, имъ прожитыхъ, и на его глазахъ
Ночей таинственныхъ и свѣтлыхъ дней не мало, —
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтишь ты, — смѣнилось въ небесахъ!
Теченью времени противиться нѣтъ мочи —
И недалекъ твоей кончины скорбный часъ:
Ты истощаешься, свѣтя намъ дни и ночи...
Дарами лучшихъ благъ ты надѣляешь насъ —
Дарами истины божественной и вѣчной,
И мира, и любви, и кротости сердечной;
Но, создавая все, къ концу идешь ты самъ.
О! береги же свой родникъ огня живого! —
Но духъ невозмутимъ и отвѣчаетъ намъ:
— Я исполняю долгъ свѣтильника земного!..

В. Лихачевъ.

РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО

Романъ миссъ Брэддонъ

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *).

Глава VII. — Поцѣлуй.

Джасперъ Тревертонъ умеръ въ срединѣ зимы. Весна настала во всей своей красотѣ. Воздухъ былъ душистъ, погода въ полдень стояла такая жаркая, что напоминала лѣто; лѣсъ и поле пестрѣли разнообразнѣйшими цвѣтами; деревья, въ фруктовомъ саду, были покрыты бѣлымъ цвѣтомъ, съ мелькавшими на немъ, тамъ и сямъ, розовыми пятнышками; красота, полная прелести и свѣжести царила повсюду; то было время года, которое люди привѣтствуютъ, которымъ наслаждаются такъ, какъ никакимъ другимъ временемъ въ измѣнчивомъ году наслаждаться не могутъ; то былъ проблескъ рая на землѣ, въ промежуткѣ между мартовскими бурями и іюльскими грозами. Весна наполнила всѣ поля и всѣ ложбины, окружающія Газльгёрстъ, цвѣтомъ и ароматомъ, когда Джонъ Тревертонъ вновь появился въ деревенькѣ, такъ же неожиданно, какъ если бы онъ свалился съ неба.

Элиза Сампсонъ занималась уничтоженіемъ мошекъ, гнѣздившихся въ листвѣ любимаго ея розоваго куста, бережно снимала ихъ кончиками облечонныхъ въ перчатки пальцевъ, когда мистеръ Тревертонъ появился у маленькой желѣзной калитки, самъ неся

*) См. выше: январь, 236 стр.

свой чемоданчикъ,—онъ, наслѣдникъ имѣнія, приносящаго четырнадцать тысячъ фунтовъ ежегоднаго доходу.

— А!—воскликнула миссъ Сампсонъ,—мистеръ Тревертонъ, ка́къ могли вы! Мы бы послали мальчика на станцію.

— Ка́къ могъ я что́ сдѣлать?—спросилъ онъ, смѣясь надъ испуганнымъ выраженіемъ ея лица.

— Нести самимъ вашъ чемоданъ. Томъ такъ будетъ сердиться.

— То́му не зачѣмъ и знать объ этомъ, если это разсердитъ его. Чемоданчикъ очень легокъ, да и принесъ я его только отъ гостинницы, гдѣ меня оставилъ омнибусъ. Какъ видите, я поймалъ вашего брата на-словѣ, миссъ Сампсонъ, и пріѣхалъ къ вамъ на нѣсколько дней.

— Томъ будетъ въ восхищеніи,—сказала Элиза.

Она размышляла о томъ, какъ бы устроить, чтобы обѣдъ, который она заказала для Тома и себя, оказался пригоднымъ и для наслѣдника Газльгёрстскаго за́мка. То былъ одинъ изъ тѣхъ обѣдовъ, которые составляютъ предметъ гордости всякой бережливой хозяйки, такъ какъ очищаютъ кладовую отъ всѣхъ остатковъ и не оставляютъ даже косточки для голодной племянницы кухарки, или для обожателя горничной. Немножко супу, выжатаго какъ будто при помощи гидравлическаго пресса изъ голыхъ костей и остатковъ хрящей, блюдо рубленой баранины, окаймленное загородкой изъ поджареннаго хлѣба, говяжій пуддингъ, поданный въ чашкѣ величиной съ чайную. Это послѣднее вкусное блюдо должно было доставить удовольствіе То̀му, предубѣжденному противъ рубленой баранины и всегда увѣрявшему, что она ему вредна. Въ видѣ сладкихъ entremets предвидѣлось цѣлое блюдо варенаго рису, здоровое, простое и не убыточное кушанье. Обѣдъ этотъ дѣлалъ честь уму и сердцу миссъ Сампсонъ, но она чувствовала, что онъ недостаточно хорошъ для будущаго владѣльца Газльгёрста, джентльмена, изъ котораго братъ ея надѣялся, со временемъ, извлечь не мало денегъ.

— Я пойду, похлопочу насчетъ вашей комнаты, пока вы поболтаете съ Томомъ въ кабинетѣ,—сказала она, удаляясь легкой поступью и оставляя Джона Тревертона на лугу, разстилавшемся передъ окнами гостиной.

— Ради Бога, не безпокойтесь,—закричалъ онъ ей вслѣдъ,—я не избалованъ.

Элиза была въ кухнѣ прежде, чѣмъ онъ докончилъ свою фразу. Она углубилась въ совѣщаніе съ кухаркой; послѣдняя была бы недовольна неожиданнымъ пріѣздомъ любого обыкно-

веннаго гостя, но сознавала, что мистеръ Тревертонъ—человѣкъ, для котораго люди могутъ и побезпокоиться. При своемъ послѣднемъ посѣщеніи онъ щедро наградилъ прислугу; обстоятельство это сильно говорило въ его пользу.

— Надо достать рыбы, Мэри,—сказала Элиза,—и птицы. Въ это время года все это чрезвычайно дорого, и Тримпсонъ ужасно надуваетъ покупателей, а все же надо достать что̀ слѣдуетъ.—Тримпсонъ былъ единственный рыбный торговецъ и птичникъ въ Газльгёрстѣ, торговецъ, запасъ котораго состоялъ иногда изъ полутора фунтовъ семги и какой-нибудь тощей птицы, съ длинной шеей, висящей надъ прилавкомъ, на которомъ лежала и рыба, припекаемая полуденнымъ солнцемъ, озарявшимъ всѣми своими лучами лавку Тримпсона.

— Что-жъ, миссъ, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы подала парочку какихъ нибудь хорошенькихъ рыбокъ да утку, да говяжій пуддингъ,—посовѣтовала кухарка,—да, Господи, что-же разговаривать, придется подать, что̀ достанемъ. Только нынче утромъ я видѣла двухъ утокъ у Тримпсона въ окнѣ.

— Надѣнь шляпу, Мэри, и бѣги посмотрѣть, что̀ можно устроить, — сказала Элиза. А затѣмъ, когда Мэри убѣжала, не надѣвъ даже шляпы, миссъ Сампсонъ съ горничной пошли наверхъ и стали доставать надушенное бѣлье, и начали украшать запасную комнату, всякими подносиками для булавокъ, фарфоровыми подсвѣчниками, помадными банками, словомъ, предметами, скрывавшимися по шкапамъ, когда не было гостей.

— Онъ, конечно, пріѣхалъ сдѣлать ей предложеніе,—раздумывала Элиза, остававшаяся еще на верху съ цѣлью докончить уборку комнаты, послѣ того, какъ горничная уже сошла внизъ.

— Онъ выждалъ надлежащій срокъ по смерти стараго джентльмена и теперь пріѣхалъ просить ее быть его женой; я думаю, что они обвѣнчаются до конца лѣта. Ей несовсѣмъ-то будетъ ловко сразу снять такой глубокій трауръ, но она сама виновата: къ чему было носить крепъ, какъ будто мистеръ Тревертонъ ей настоящій отецъ? Я это приписываю гордости.

Миссъ Сампсонъ обладала способностью доискиваться причинъ всѣхъ дѣйствій своихъ знакомыхъ, и причины эти рѣдко бывали изъ лучшихъ. Болтовня Джона Тревертона съ мистеромъ Сампсономъ продолжалась не болѣе десяти минутъ, несмотря на дружескій и даже ласковый пріемъ со стороны стряпчаго.

— Я вижу, что вы заняты, — сказалъ Тревертонъ,—пойду, пройдусь по деревнѣ.

— Нѣтъ, честное слово, я только что собирался бросить работу. Я пойду съ вами, если хотите.

— Ни за-что; я знаю, что вы далеко не кончили. Обѣдъ, я полагаю, въ шесть часовъ, какъ обыкновенно? Я вернусь во-время, чтобы потолковать съ вами, прежде чѣмъ мы сядемъ за столъ.

Прежде чѣмъ мистеръ Сампсонъ могъ что-либо возразить, Джонъ Тревертонъ ушелъ. Ему хотѣлось видѣть, на что похожъ Газльгёрстскій за́мокъ при яркомъ, весеннемъ освѣщеніи, окруженный зеленью, разукрашенный всѣми цвѣтами, какіе только распускаются въ началѣ мая, оживляемый пѣньемъ сѣрыхъ и черныхъ дроздовъ и шумомъ, неразлучнымъ съ возвратомъ ласточекъ. Никогда не жаждалъ онъ, до такой степени, что-нибудь видѣть, какъ жаждалъ сегодня посмотрѣть на жилище своихъ предковъ, имѣющее, быть можетъ, стать и его жилищемъ.

Онъ быстро шелъ по деревенской улицѣ. Это была оригинальная улица: въ ней не было двухъ одинакихъ домовъ; здѣсь зданіе выдавалось впередъ, дальше домъ скромно виднѣлся въ глубинѣ небольшаго садика, еще дальше гостинница образовывала прямой уголъ съ большой дорогой, причемъ ко входной двери вела каменная лѣстница, съ покривившимися, отъ времени, ступенями. Великое было тутъ разнообразіе въ формѣ дымовыхъ трубъ, сложны были по своему устройству крыши, покатыя и остроконечныя, но повсюду блистала чистота, виднѣлись весенніе цвѣты, и воздухъ былъ гораздо чище того, какимъ, въ теченіи долгаго времени, дышалъ Джонъ Тревертонъ. Даже эта деревенская улица, съ ея дюжиной лавчонокъ и полдюжиной трактировъ, казалась красивой и симпатичной его утомленному городскимъ разнообразіемъ взгляду.

Пройдя улицу, онъ вступилъ на прекраснѣйшую дорогу, окаймленную съ обѣихъ сторонъ рядомъ великолѣпныхъ старыхъ вязовъ, превращавшихъ эту дорогу въ аллею, достойную служить въѣздомъ въ королевскую резиденцію. За этой дорогой виднѣлся за́мокъ, охраняемый высокими воротами изъ узорчатаго желѣза, сдѣланными въ Нидерландахъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Онъ остановился у воротъ, чтобы полюбоваться видомъ, и задумчиво глядѣлъ на него, какъ на нѣчто, къ дѣйствительности не принадлежащее, какъ на прекрасную, но преходящую картину, которая могла исчезнуть въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на нее.

Между воротами и домомъ почва была слегка волнистая; все это пространство было занято гладкимъ газономъ, слишкомъ незначительныхъ размѣровъ, чтобы на немъ можно было разбить паркъ, слишкомъ неправильной формы — чтобы его можно было

назвать лугомъ. Извилистая экипажная дорога, окаймленная прекрасными старыми деревьями, огибала зеленое пространство, которое украшалось разбросанными по немъ купами различныхъ растеній — рододендроновъ, лавровъ, кипарисовъ. Тѣнь отъ двухъ большихъ кедровъ падала на озаренную солнцемъ траву, а гигантскій букъ, изъ числа такъ-называемыхъ мѣдныхъ, только еще покрылся своими темно-коричневыми почками. Дальше стоялъ за́мокъ; высокій, широкій домъ изъ краснаго кирпича, съ украшеніями изъ бѣлаго камня надъ дверьми и окнами, и прекраснѣйшимъ карнизомъ; то былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, какіе строились въ царствованіе Карла II, настоящій домъ временъ сэра Христофора Рена, массивный и величавый въ своей строгой простотѣ. Джонъ Тревертонъ очнулся отъ своего сна на яву и дернулъ ручку колокольчика.

Изъ будки привратника вышла женщина, взглянула на него, очень низко присѣла, отворила ворота и впустила его, не сказавъ ни слова, точно какъ еслибъ онъ былъ хозяинъ. Въ ея глазахъ онъ и былъ хозяиномъ, хотя жалованье платили ей душеприказчики. Среди прислуги считалось дѣломъ рѣшеннымъ, что мистеръ Тревертонъ женится на миссъ Малькольмъ и воцарится въ Газльгёрстскомъ за́мкѣ.

Онъ медленно шелъ по гладкой, хорошо содержанной травѣ. Все кругомъ измѣнилось и улучшилось, съ наступленіемъ иного времени года. И домъ, и садъ казались ему незнакомыми. Онъ помнилъ цвѣточный садъ влѣво отъ дома, безотрадный садъ безъ единаго цвѣтка, въ которомъ прогуливался по холоднымъ зимнимъ утрамъ, куря свою сигару; помнилъ и разстилавшійся за нимъ фруктовый садъ, окруженный стѣною, въ который, на его глазахъ, былъ впущенъ, подъ покровомъ ночи, тотъ странный посѣтитель.

Воспоминаніе объ этой ночной сценѣ, происходившей зимою, смущало его даже сегодня, несмотря на кажущуюся откровенность, которой дышало объясненіе Лоры.

— Должно быть, въ каждой жизни есть тайна,—сказалъ онъ себѣ со вздохомъ:—да по правдѣ сказать, мнѣ-то какое дѣло?

Онъ ничего не слыхалъ о перемѣнѣ, происшедшей въ планахъ миссъ Малькольмъ, и предполагалъ, что домъ предоставленъ заботамъ прислуги. Онъ удивился, замѣтивъ, что окна гостиной растворены, на всѣхъ столахъ стоятъ цвѣты, и все вообще имѣетъ какой-то жилой видъ. Онъ миновалъ домъ и вошелъ въ цвѣточный садъ; то былъ садъ въ голландскомъ вкусѣ, чопорный и правильный, съ длинными прямыми дорожками, кустами мож-

жевельника, подстриженными въ видѣ обелисковъ, съ густой изгородью изъ тисоваго дерева, вышиной футовъ въ восемь, съ прорѣзанными въ ней арками, черезъ которыя можно было проходить въ фруктовый садъ. Цвѣточныя клумбы пестрѣли красными и желтыми тюльпанами, ярко выступавшими на зеленомъ фонѣ среди зелени коротко подстриженнаго дерна и на темномъ фонѣ дорожекъ; всѣ эти живыя краски напоминали разрисованныя окна какого-нибудь стариннаго собора. Джонъ Тревертонъ, не видавшій подобнаго сада въ теченіи многихъ лѣтъ, былъ почти ослѣпленъ его непритязательной красотой. Онъ тихо дошелъ до конца длинной дорожки, оглядываясь по сторонамъ съ мечтательнымъ удовольствіемъ. Чудный, мягкій воздухъ, солнечный свѣтъ, въ тотъ мирный полуденный часъ, когда лучи солнца начинаютъ принимать золотистый оттѣнокъ — свистъ черныхъ дроздовъ въ кустахъ, свѣжесть и красота всего окружающаго наполнили душу его новымъ очарованіемъ. За послѣднее время онъ жилъ въ городахъ, загороженныхъ отъ красоты матери-земли цѣлымъ рядомъ стѣнъ, причемъ и красоту небеснаго свода скрывалъ дымъ, а воздухъ былъ испорченъ людскимъ дыханіемъ. Этотъ мирный садъ былъ для него такой же новостью, какъ еслибъ онъ явился прямо со дна каменно-угольной копи.

Вскорѣ онъ остановился, какъ-бы пораженный новой мыслью, посмотрѣлъ прямо передъ собой и пробормоталъ сквозь стиснутыя зубы:

— Дуракъ я буду, если позволю этому выскользнуть изъ моихъ рукъ.

Подъ *этимъ* разумѣлся Газльгёрстскій зáмокъ, а также земли и владѣнія, неразрывно съ нимъ связанныя.

Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ тисовой изгороди; какъ разъ въ эту минуту, находившаяся противъ него зеленая арка превратилась въ рамку для живой и прелестной картины.

Лора Малькольмъ стояла подъ ней съ непокрытой головой, одѣтая въ черное, съ корзинкой цвѣтовъ на рукѣ, Лора, которую онъ и не помышлялъ здѣсь встрѣтить.

Западный край неба былъ позади ея, она стояла, эта высокая, тонкая фигура, задрапированная въ черную матерію, падавшую прямыми складками, на золотомъ фонѣ, какъ святая на какой-нибудь итальянской картинѣ стараго періода; лучъ солнца, падавшій на ея каштановые волосы, образовывалъ вокругъ головы ея нѣчто въ родѣ сіянія, лицо оставалось въ тѣни.

Она нѣсколько минутъ простояла неподвижно, очевидно, пораженная появленіемъ незнакомца, затѣмъ узнала посѣтителя,

подошла и протянула ему руку, какъ самому обыкновенному знакомому.

— Извините, пожалуйста, что я вошелъ безъ доклада,— сказалъ онъ,—я и не воображалъ, что застану васъ здѣсь. А между тѣмъ, вполнѣ естественно, что вы иногда приходите взглянуть на старый садъ.

— Я живу здѣсь,—отвѣчала Лора,—развѣ вы не знали?

— Конечно, нѣтъ. Никто не сообщилъ мнѣ о перемѣнѣ въ вашемъ образѣ жизни.

— Я такъ люблю милый старый домъ и садъ, съ этимъ мѣстомъ у меня связано столько воспоминаній, что меня легко было уговорить остаться, когда мистеръ Клеръ сказалъ мнѣ, что это будетъ лучше и для самаго дома. Я нѣчто въ родѣ домоправительницы, завѣдующей рѣшительно всѣмъ.

— Надѣюсь, что вы здѣсь останетесь всю жизнь, — быстро проговорилъ Тревертонъ и вспыхнулъ, точно сказалъ нѣчто ужасное.

Такой же яркій румянецъ залилъ блѣдныя щеки и лобъ Лоры. Оба стояли и смотрѣли въ землю, смущенные, какъ школьники, а въ кустахъ раздавался торжествующій свистъ дроздовъ, а въ фруктовомъ саду заливалась какая-то птица.

Лора первая овладѣла собой.

— Вы уже давно въ Газльгёрстѣ?—спокойно спросила она.

— Я пріѣхалъ съ часъ тому назадъ. Мой первый визитъ въ за́мокъ, хоть я ожидалъ найти пустой домъ.

Другая картина появилась въ зеленой рамкѣ; молодая дѣвушка съ изящной фигуркой, вздернутымъ носикомъ и пріятнымъ, живымъ личикомъ.

— Поди сюда, Селія,—позвала Лора,—и позволь представить тебѣ мистера Тревертона. Ты слыхала о немъ отъ отца. Мистеръ Тревертонъ, миссъ Клеръ.

Миссъ Клеръ поклонилась, улыбнулась и пробормотала что-то неопредѣленное.

— Бѣдный Эдуардъ,—размышляла она,—этотъ мистеръ Тревертонъ страшно красивъ.

— Вы вѣроятно остановились у Сампсоновъ?—сказала она; —мистеръ Сампсонъ постоянно говоритъ о васъ. Онъ называетъ васъ: *мой другъ Тревертонъ;* вамъ вѣроятно это все равно, но оно порядочная-таки непріятность.

— Я думаю, что я въ силахъ это вынести, — отвѣтилъ Джонъ, чувствовавшій благодарность къ этой молодой особѣ, явившейся на выручку къ нему въ такую минуту, когда онъ

ощущалъ странное смущеніе.—Мистеръ Сампсонъ былъ очень любезенъ ко мнѣ.

— Если вы можете выносить его, такъ онъ точно страшно любезный человѣчекъ,—проговорила миссъ Клеръ. Она, въ своихъ манерахъ и мнѣніяхъ подражала манерамъ и мнѣніямъ брата и была, почти во всемъ, женской копіей съ питомца оксфордскаго университета.—Но, ка́къ вы можете ладить съ его сестрой? она *ужасна*.

— Признаюсь, что общество этой особы не доставляетъ мнѣ невыразимаго наслажденія,—сказалъ Джонъ,—но я думаю, что и она—особа съ добрыми намѣреніями.

— Можетъ ли особа съ бѣлыми рѣсницами имѣть добрыя намѣренія?—съ философскимъ видомъ спросила Селія:—мнѣ думается, что Провидѣніе создало ее такою, въ видахъ предостереженія людей, точно также, какъ оно дало ядовитымъ змѣямъ плоскія головы.

— Вы слишкомъ серьёзно смотрите на вопросъ,—сказалъ Джонъ,—я не поклонникъ бѣлыхъ рѣсницъ, но я и не такъ предубѣжденъ противъ нихъ, чтобы считать ихъ признакомъ того или другого характера.

— А,—возразила Селія, съ многозначительнымъ видомъ,—со временемъ вы перемѣните свое мнѣніе.

Ей было только двадцать лѣтъ, но она говорила съ Джономъ Тревертономъ такимъ увѣреннымъ тономъ, словно она на цѣлые вѣка старше его, по своей мудрости и житейскому опыту.

— Какъ хорошъ садъ въ это время года,—сказалъ Тревертонъ, осматриваясь съ восхищеніемъ и обращая свое замѣчаніе къ Лорѣ.

— Ахъ, да, вы видѣли его только зимою,—отвѣтила она,—не желаете ли вы обойти фруктовый садъ?

— Очень бы желалъ.

— А потомъ мы вернемся въ домъ и напьемся чаю,—сказала Селія.—Вы, конечно, охотникъ до чаю, мистеръ Тревертонъ?

— Сознаюсь въ этой слабости.

— Мнѣ очень пріятно это слышать. Я ненавижу людей не любящихъ чай. Вотъ мой братецъ ничего не пьетъ, кромѣ крѣпкаго кофе безъ молока. Боюсь, что онъ дурно кончитъ.

— Я очень радъ, что вы почитаете склонность къ чаепитію добродѣтелью,—смѣясь замѣтилъ Джонъ.

Затѣмъ, они всѣ трое прошли черезъ арку, придѣланную въ тисовой изгороди, въ прелестнѣйшій изъ фруктовыхъ садовъ.

Садъ этотъ занималъ пространство въ семь или восемь акровъ, въ немъ уже лѣтъ полтораста росли и зрѣли груши, сливы, вишни, яблоки; тамъ и сямъ надъ прочими деревьями возвышался орѣшникъ, или мелькало старое чашковое дерево съ своей сѣроватой листвой; въ углу сада былъ устроенъ прудъ, надъ которымъ склонялись вѣтви двухъ старыхъ, лохматыхъ, квитовыхъ деревъ. Трава въ саду была мягкая, высокая, бархатистая, усѣянная бѣлой буквицей и блѣдно-синими цвѣтами шафрана; садъ заканчивался небольшимъ, покатымъ валомъ, на поверхности котораго папоротники только-что начинали развертывать свои сѣрые, змѣеобразные изгибы, причемъ обнаруживались молодые листочки нѣжнѣйшаго зеленаго цвѣта; за валомъ виднѣлась густая изгородь изъ боярышника, жимолости и шиповника.

Около полу-часу прогуливались мистеръ Тревертонъ и обѣ молодыя дѣвушки по травѣ, подъ сѣнью старыхъ деревъ съ изогнутыми стволами, наслаждаясь красотой и свѣжестью, разлитыми вокругъ нихъ, въ этотъ прелестнѣйшій часъ душистаго, весенняго дня. Селія говорила много, Джонъ Тревертонъ говорилъ мало, миссъ Малькольмъ почти все время оставалась безмолвной. А между тѣмъ Джонъ не находилъ ее ни-скучной, ни глупой.

Для него было достаточно одного взгляда на этотъ нѣжный, хотя твердо-очерченный профиль, на этотъ умный лобъ, на эти серьёзныя губы, на эти спокойные, темные глаза, чтобы убѣдиться, что у той, кого его родственникъ предназначилъ ему въ жены, великъ запасъ и ума, и доброты.

— Бѣдный старикъ!—думалъ онъ,—онъ надѣялся упрочить мое счастіе, не жертвуя ея благополучіемъ. Еслибъ онъ зналъ, еслибъ онъ зналъ только!

Они вернулись въ цвѣточный садъ съ другой стороны, осмотрѣли оранжереи, гдѣ розоватыя азаліи и камеліи образовывали цѣлыя пирамиды яркихъ красокъ; заглянули въ огородъ, съ его грядами спаржи и носящимся надъ нимъ рѣзкимъ запахомъ душистыхъ травъ.

— Я просто до смерти хочу выпить чашку чаю, — воскликнула Селія.—Неужели, Лора, ты не слыхала, что на церковныхъ часахъ пробило пять.

Джонъ вспомнилъ, что у Сампсоновъ обѣдъ въ шесть часовъ.

— Я, право, думаю, что долженъ буду отказать себѣ въ этой чашкѣ чаю, — сказалъ онъ. — Сампсоны обѣдаютъ въ шесть часовъ.

— Чтожъ изъ этого? — воскликнула Селія, никогда не вы-

пускавшая мужчину изъ своихъ лапокъ до тѣхъ поръ, пока суровая необходимость не вырветъ его у нея.—Отсюда до ихъ дачи не болѣе десяти минутъ ходьбы.

— Какой вы, должно быть, отличный ходокъ, миссъ Клеръ. Такъ и быть, я всѣмъ рискну изъ-за этой чашки чаю.

Они вошли въ хорошенькую комнату, выходившую прямо въ садъ, комнату съ двумя длинными окошками, вокругъ которыхъ вился ломоносъ съ его бѣлыми, звѣздообразными цвѣтами, тотъ видъ ломоноса (clematis montana), который цвѣтетъ весною. Комната эта была мала для библіотеки, а потому ее называли просто книжной комнатой; всѣ стѣны ея, отъ пола до потолка, были заставлены книгами, большую часть которыхъ собрала Лора. То была чисто дамская коллекція. Здѣсь были всѣ современные поэты, начиная отъ Вальтеръ-Скотта и Байрона; было много французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, были сочиненія Маколея, de-Quincey, Ламартина, Виктора Гюго, было много историческихъ книгъ, но не было вовсе ни политическихъ, ни научныхъ сочиненій, не было также путешествій. Комната была замѣчательно уютна: на каминной доскѣ и на столахъ виднѣлись цвѣты, повсюду разбросаны были тростниковыя кресла, подушки, украшенныя frivolité, прелестнѣйшіе столики, и на одномъ изъ нихъ стоялъ пунцовый японскій чайный подносъ съ оригинальнѣйшимъ стариннымъ, серебрянымъ чайникомъ, чашками и блюдцами, изображавшими ивовые листья и вывезенными прямо изъ Нанкина. Лора сѣла разливать чай, а Селія принялась уничтожать кусокъ за кускомъ горячаго пирога съ масломъ,—одинъ видъ пирога напоминалъ о дурномъ пищевареніи, но существуютъ слабые умы, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ бо́льшаго соблазна въ теплый, весенній день, какъ поѣсть горячаго хлѣба съ масломъ, запивая его крѣпкимъ чаемъ со сливками. Джонъ Тревертонъ сидѣлъ въ одномъ изъ низкихъ креселъ и пилъ чай съ такимъ удовольствіемъ, словно то былъ жизненный эликсиръ. Странное чувство испытывалъ онъ, сидя здѣсь на стулѣ у открытаго окна, глядя на клумбы, полныя тюльпановъ, надъ которыми шумно жужжали пчелы: ему казалось, что жизнь его только еще начинается, что онъ ребенокъ въ колыбели, смутно сознающій зарю своего существованія, что на совѣсти его не лежитъ никакого бремени, что нѣтъ у него ни связей, ни обузъ, что онъ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ, что позади у него — неизвѣстность, а впереди жизнь, счастіе, красота матери-земли, любовь, домашній очагъ, словомъ, все, что

судьба приберегаетъ для людей, рожденныхъ подъ счастливой звѣздой.

Этотъ сонъ, эта мечта были такъ пріятны, что онъ и не пытался отогнать ихъ, пока выпивалъ три чашки чаю, а Селія трещала о Газльгёрстѣ и его обитателяхъ, представляя ему, какъ она выражалась, *общественную картину страны*, могущую быть ему очень полезной, въ видѣ руководства, въ теченіи недѣли, которую онъ собирался провести въ ихъ краяхъ. Онъ очнулся только, когда церковные часы пробили три-четверти шестого, вскочилъ со стула, поставилъ чашку на столъ и простился съ Лорой.

— Мнѣ придется-таки пробѣжать это разстояніе въ десять минутъ, миссъ Клеръ,—сказалъ онъ, пожимая руку этой бойкой особы.

— Боюсь, что я немного обсчиталась,—возразила Селія,—но Сампсоны охотно подождутъ васъ, и я не думаю, чтобы это промедленіе испортило ихъ обѣдъ.

— Вамъ ближе будетъ пройти черезъ фруктовый садъ,—сказала Лора.

Джонъ Тревертонъ направился черезъ фруктовый садъ, въ концѣ котораго была калитка, выходившая на дорожку, ведущую на большую дорогу.

То была извѣстная ему дорожка, огибавшая стѣну фруктоваго сада, а въ этой стѣнѣ виднѣлась дверка, которую, на глазахъ Джона, такъ таинственно отворили въ ту памятную, зимнюю ночь. Видъ маленькой, деревянной двери заставилъ его задуматься.

— Никогда не повѣрю, чтобы въ этой тайнѣ заключалось что-нибудь похожее на вину,—сказалъ онъ себѣ.

— Нѣтъ, я заглянулъ въ ея чудные глаза и считаю ее неспособной питать недостойныя мысли. Вѣроятно, то былъ какой-нибудь бѣдный родственникъ, кутила, за котораго ей было бы совѣстно передъ прислугой, вслѣдствіе чего она и приняла его втайнѣ, конечно съ тѣмъ, чтобы помочь ему деньгами.

— Какая ты странная, необыкновенная дѣвушка, Лора,—сказала Селія, осушая чайникъ,—почему ты никогда не говорила мнѣ, что Джонъ Тревертонъ такъ хорошъ собой?

— Почемъ я знаю, милая Селія, какого ты понятія о красотѣ молодыхъ людей. Я сама слышала, какъ ты хвалила многихъ, совершенно не похожихъ другъ на друга. Я тебѣ сказала, что мистеръ Тревертонъ красивъ и смотритъ джентльменомъ.

— Красивъ!—воскликнула Селія,—онъ положительное совершенство. Наслажденіе было смотрѣть на него, когда онъ сидѣлъ

на этомъ стулѣ, пилъ чай и задумчиво глядѣлъ въ садъ своими дивными глазами! О—онъ прелесть! Ты знаешь, какого цвѣта у него глаза.

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Они зеленовато-сѣрые, цвѣтъ ихъ измѣняется ежеминутно; я такихъ глазъ никогда не видала. А цвѣтъ лица его—это очаровательная, матовая блѣдность. Носъ его слегка неправиленъ, не довольно прямъ, чтобы быть греческимъ, не довольно изогнутъ, чтобы быть орлинымъ, но ротъ у него прекрасный, твердо очерченный, выражающій рѣшимость, но по временамъ принимающій мечтательное выраженіе Замѣтила ты, какъ онъ предавался мечтамъ, Лора?

Миссъ Малькольмъ покраснѣла отъ негодованія, раздосадованная, вѣроятно, подобными глупостями.

— Право, Селія, ты смѣшна. Я не могу понять, какъ ты можешь предаваться такимъ нелѣпымъ восторгамъ, по поводу совершенно для тебя посторонняго человѣка.

— Почему же нѣтъ?—спросила Селія съ своей философской миной.—Почему нельзя говорить о совершенствахъ посторонняго человѣка? Можно восхищаться видомъ, можно восторгаться, сколько угодно, звѣздами, луной, моремъ, солнечнымъ закатомъ, даже послѣднимъ, надѣлавшимъ шуму романомъ. Почему же нельзя восхищаться мужчиной? Я не намѣрена привѣшивать замочекъ къ губамъ, чтобы потворствовать такому нелѣпому предразсудку. Что до тебя касается, Лора, то, конечно, очень похвально сидѣть и вышивать этотъ поблеклый листокъ,—ты, между прочимъ, замѣчу кстати, употребила на него слишкомъ много коричневой тѣни,—и смотрѣть олицетворенной скромностью. По моимъ понятіямъ, тебѣ можно позавидовать скорѣй, чѣмъ всякой другой дѣвушкѣ, о которой я когда-либо слыхала, за исключеніемъ спящей красавицы въ лѣсу.

— Въ чемъ мнѣ можно завидовать?

— Въ томъ, что ты получишь великолѣпное состояніе и будешь имѣть Джона Тревертона своимъ мужемъ.

— Селія, я была бы тебѣ очень благодарна, еслибъ ты согласилась молчать объ этомъ, предполагая, что ты можешь хоть о чемъ-нибудь помолчать.

— Я не могу,—откровенно созналась Селія.

— Далеко еще не рѣшено, что я выйду за мистера Тревертона.

— Неужели ты будешь такой совершенной идіоткой, что откажешь ему?

— Я не приму его предложенія, если не буду убѣждена, что, дѣйствительно, нравлюсь ему, нравлюсь болѣе всѣхъ другихъ, когда-либо видѣнныхъ, женщинъ.

— И, разумѣется, понравишься и уже теперь нравишься,— воскликнула Селія. — Знаешь-ли, я сама, лично, конечно бы, предпочла, чтобы ты вышла за бѣднаго Эдуарда, онъ обожаетъ землю, по которой ты ходишь и, конечно, обожаетъ тебя гораздо больше, чѣмъ эту землю. Но въ характерѣ Теда есть вялость, заставляющая меня опасаться, что ему никогда не проложить себѣ хорошей дороги. Онъ умный молодой человѣкъ и воображаетъ, что ему нѣтъ другого дѣла, какъ продолжать быть умнымъ и писать стихи для журналовъ, хотя и я, его сестра, должна сознаться, что эти произведенія—самое слабое подражаніе Суинбёрну; онъ думаетъ, что слава придетъ, возьметъ его за руку и поведетъ по ступенямъ, ведущимъ въ храмъ ея, и фортуна встрѣтитъ его подъ портикомъ съ огромнымъ мѣшкомъ золота въ рукахъ. Нѣтъ, Лора, какъ нѣжно я ни люблю Теда, мнѣ было-бы очень жаль, еслибъ ты пожертвовала великолѣпнымъ состояніемъ и отказала такому человѣку, какъ Джонъ Тревертонъ.

— Будетъ время обсудить этотъ вопросъ, когда мистеръ Тревертонъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе,—серьёзно замѣтила Лора.

— О, эта минута застанетъ тебя врасплохъ,—возразила Селія, —и меня не будетъ тутъ, чтобы помочь тебѣ. Тебѣ-бы слѣдовало заранѣе на что-нибудь рѣшиться.

— Я бы презирала мистера Тревертона, еслибъ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, прежде, чѣмъ не узнаетъ меня гораздо короче, чѣмъ знаетъ въ настоящую минуту. Но я запрещаю тебѣ толковать объ этомъ, Селія. А теперь намъ всего лучше погулять съ полчаса въ фруктовомъ саду, а то твоему желудку ни за что не переварить съѣденнаго пирога.

— Какъ жаль, что переваривается пища такъ трудно, тогда какъ поглощается такъ легко,—замѣтила Селія, а затѣмъ пустилась въ припрыжку по садовымъ дорожкамъ съ легкостью нимфы, не имѣющей и понятія о невареніи желудка.

Еще разъ объѣхалъ Джонъ Тревертонъ помѣстье своего покойнаго родственника и при этомъ вторичномъ обзорѣ, произведенномъ въ чудную весеннюю погоду, фермы и поселки, луга, на которыхъ изрѣдка уже мелькали, среди травы, золотые головки цвѣтовъ лютика, обширныя пространства воздѣланныхъ полей, на которыхъ поднималась молодая пшеница, показались ему во сто разъ прекраснѣе, чѣмъ казались зимою. Онъ сильнѣе сталъ желать—владѣть всѣмъ его окружавшимъ. Ему каза-

лось, что нѣтъ жизни пріятнѣе той, какую онъ могъ бы вести въ Газльгёрстскомъ зáмкѣ съ Лорой Малькольмъ въ качествѣ жены. Жизнь, которую онъ могъ бы вести, еслибъ... Чтó такое было это *если*, заграждавшее ему путь къ полному счастію?

«Препятствій много», мрачно говорилъ онъ себѣ, шагая однажды вечеромъ, передъ солнечнымъ закатомъ, по вязовой аллеѣ. Со дня пріѣзда его въ Газльгёрстъ прошло болѣе недѣли; въ теченіи этого времени онъ часто видалъ Лору.

Среди различныхъ затрудненій, ему представлялось и сомнѣніе въ симпатіи Лоры къ нему. Она, можетъ быть, и сочтетъ себя обязанной принять его предложеніе, изъ уваженія къ желанію, выраженному ея пріемнымъ отцомъ, но можетъ ли онъ быть увѣренъ, что она дѣйствительно любитъ его, что онъ единственный человѣкъ на землѣ, котораго она сама бы выбрала себѣ въ мужья?

Льстивый шопотъ, ласкавшій его слухъ, подобно тому, какъ лѣтній вѣтерокъ ласкаетъ щеки, напѣвалъ ему, что онъ этой милой дѣвушкѣ дороже, чѣмъ большинство людей; что ея прелестные глаза загораются и темнѣютъ при его появленіи, что въ минуту разставанія въ нихъ отражается печаль, что въ голосѣ ея слышатся нѣжныя, прерывистыя ноты, что на щекахъ появляется мимолетный румянецъ, что на губахъ мелькаетъ полуулыбка, что темныя рѣсницы неожиданно опускаются, и много, много иныхъ легкихъ признаковъ, говорившихъ о чемъ-то бóльшемъ, чѣмъ обыкновенная дружба, мелькало передъ его умственными очами. Вѣря этому, ему, казалось, только и остается что взять призъ.

Увы! между нимъ и всѣмъ, что есть въ жизни свѣтлаго и славнаго, стояла мрачная фигура съ завѣшаннымъ лицомъ и съ сурово протянутой впередъ рукою, преграждающей ему путь.

«Объ этомъ нечего и думать», сказалъ онъ себѣ. «Я слишкомъ ее уважаю; да, я слишкомъ искренно ее люблю. Помѣстье должно отойдти отъ насъ, а мы съ ней побредемъ по жизненной пустынѣ различными путями, чтобы, можетъ быть, случайно встрѣтиться черезъ полстолѣтія, когда состаримся и еле будемъ помнить другъ-друга».

То былъ его послѣдній вечеръ въ Газльгёрстѣ; онъ шелъ въ зáмокъ проститься съ Лорой и ея подругой.

Простая вѣжливость обязывала его къ тому, между тѣмъ онъ не торопился выполненіемъ своего намѣренія и медленно прохаживался взадъ и впередъ подъ вязами, куря сигару и предаваясь пріятнымъ мечтамъ.

Наконецъ, когда солнце скрылось за темной линіей виднѣвшагося вдали лѣса, Джонъ Тревертонъ рѣшилъ, что времени терять нечего, если онъ хочетъ въ этотъ вечеръ попасть въ замокъ. Онъ ускорилъ шаги, желая застать Лору въ саду, гдѣ она проводила бо́льшую часть времени въ эту чудную, весеннюю погоду. Онъ чувствовалъ себя какъ-то свободнѣе съ нею въ саду, чѣмъ когда они встрѣчались лицомъ къ лицу, въ четырехъ стѣнахъ. На открытомъ воздухѣ всегда бывало что-нибудь, что развлекало вниманіе или давало неожиданный оборотъ разговору, когда онъ дѣлается стѣснительнымъ для кого-нибудь изъ нихъ.

Здѣсь было легче уйти и отъ наблюдательныхъ взоровъ Селіи, такъ часто обращавшихся на нихъ въ комнатѣ, гдѣ ей представлялось мало развлеченій.

Онъ вошелъ, какъ всегда, совершенно свободно, безъ всякихъ разспросовъ.

Всѣ старые слуги согласились смотрѣть на него, какъ на будущаго владѣльца имѣнія. Они удивлялись его скромности, видя, что онъ приходитъ и уходитъ, словно онъ здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Дорога въ старый голландскій садъ была ему теперь хорошо извѣстна. Онъ бывалъ тамъ почти во всякій часъ дня, отъ золотистаго полдня и до сѣраго вечера.

Огибая домъ, онъ услыхалъ голоса, между ними мужской голосъ; звукъ этого мужского голоса былъ его уху непріятенъ. Весело звучалъ рѣзкій смѣхъ Селіи, слышался сочувственный лай собаки. Очевидно, имъ было очень весело въ голландскомъ саду, и Джонъ Тревертонъ почувствовалъ, что ихъ веселье есть оскорбленіе, наносимое ему.

Онъ обогнулъ уголъ дома и увидалъ группу, расположившуюся на маленькомъ лужку передъ окнами книжной комнаты. Лора и Селія сидѣли на садовыхъ стульяхъ, на травѣ у ногъ ихъ помѣщался молодой человѣкъ, собака прыгала вокругъ него. Джонъ Тревертонъ сразу угадалъ, что молодой человѣкъ тотъ самый Эдуардъ, или Тедъ, о которомъ онъ такъ часто слышалъ отъ Селіи Клеръ; тотъ Эдуардъ Клеръ, который, судя по словамъ миссъ Сампсонъ, влюбленъ въ Лору Малькольмъ.

Лора привстала, чтобы подать руку гостю. Ея лицо, по крайней мѣрѣ, было серьёзно. *Она* не смѣялась глупостямъ, возбуждавшимъ веселость Селіи. Джонъ Тревертонъ обрадовался этому.

— Мистеръ Клеръ, мистеръ Тревертонъ.

Эдуардъ Клеръ поднялъ голову и кивнулъ новому знакомому; Джонъ подумалъ, что кивокъ этотъ довольно дерзокъ, но онъ и

не ожидалъ особаго дружелюбія отъ сына викарія. Онъ отвѣсилъ молодому человѣку серьёзный поклонъ и остановился у стула Лоры.

— Надѣюсь, что вы извините мое позднее посѣщеніе, миссъ Малькольмъ,—сказалъ онъ,—я пришелъ проститься съ вами.

Она взглянула на него испуганнымъ взглядомъ, и онъ подумалъ,—да, онъ осмѣлился подумать,—что она опечалилась.

— Недолго прожили вы въ Газльгёрстѣ,—сказала она, послѣ замѣтной паузы.

— Точно кто-нибудь станетъ здѣсь жить, не будучи къ тому обязаннымъ,—воскликнула Селія.—Я такъ не могу себѣ представить, какъ мистеръ Тревертонъ выжилъ здѣсь цѣлую недѣлю.

— Увѣряю васъ, что я не тяготился своимъ существованіемъ,—сказалъ Джонъ, обращаясь къ Селіи:—я покину Газльгёрстъ съ глубочайшимъ сожалѣніемъ.

Въ его настоящемъ настроеніи, онъ бы ни за что въ мірѣ не могъ сказать того же Лорѣ.

— Значитъ, вы одно изъ двухъ,—рѣшила Селія.

— Что́ вы хотите сказать?

— Вы—или поэтъ, или страстно влюблены. Вотъ мой братецъ: ему, кажется, никогда не наскучитъ бродить по Газльгёрсту; такъ вѣдь онъ поэтъ и пишетъ стихи на тэму о первыхъ мартовскихъ фіалкахъ, о первыхъ листочкахъ на ивѣ, о возвратѣ ласточекъ. Онъ куритъ безъ конца, и читаетъ такъ много романовъ, что это становится положительно безнравственнымъ. Ужасно видѣть человѣка, умѣющаго прожить лишь съ помощью Мьюди [1],—воскликнула Селія, строя презрительную мину.

— Я не поэтъ, миссъ Клеръ,—спокойно замѣтилъ Джонъ Тревертонъ,—но признаюсь, что былъ въ Газльгёрстѣ очень счастливъ.

Онъ бросилъ взглядъ на Лору, чтобы видѣть, попалъ ли онъ въ цѣль. Она смотрѣла въ землю, ея милое, серьёзное, чистое и блѣдное лицо, при прозрачномъ вечернемъ освѣщеніи, казалось, выточеннымъ изъ слоновой кости.

— Съ вашей стороны очень вѣжливо, по отношенію къ обитателямъ нашего прихода, говорить то, что́ вы сейчасъ сказали,—замѣтилъ Эдуардъ съ скрытой насмѣшкой,—вы, по добротѣ своей, боитесь оскорбить наши чувства, какъ мѣстныхъ, коренныхъ жителей, но я увѣренъ, что вы страшно скучали. Въ Газльгёрстѣ положительно дѣлать нечего.

---

[1] Мьюди—извѣстная библіотека для чтенія въ Лондонѣ.

— Вѣроятно, поэтому-то тебѣ здѣсь и нравится, Тедъ?—невинно замѣтила миссъ Клеръ.

Разговоръ звучалъ какъ-то непріятно и не гармонировалъ вовсе съ мягкимъ вечернимъ небомъ, съ садомъ почти окутаннымъ тѣнью, въ которомъ цвѣты теряли свои яркія краски, по мѣрѣ того, какъ свѣтъ ослабѣвалъ. Джонъ Тревертонъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на человѣка, котораго зналъ за своего соперника.

Онъ увидалъ мужчину лѣтъ двадцати-шести, средняго роста, стройнаго, но съ довольно плотной фигурой, говорившей о дѣятельности, а, можетъ быть, и о силѣ. Сѣрые глаза, того оттѣнка, что́ впадаетъ въ голубой, длинныя рѣсницы, тонкія, словно нарисованныя, брови, нѣжный цвѣтъ лица, низкій, узкій лобъ, правильныя черты, свѣтло-каштановые усы, болѣе шелковистые, чѣмъ густые,—все это вмѣстѣ взятое составляло очень красивое лицо по понятіямъ многихъ, но было слишкомъ женоподобно. Такое лицо подходило-бы совершенно къ одеждѣ изъ бархата и парчи одного изъ любимцевъ французскаго Генриха, или къ кудрямъ и вышитому драгоцѣнными камнями костюму какого-нибудь изъ вкрадчивыхъ приближенныхъ Якова Стюарта.

Трудно было вообразить, чтобы человѣкъ съ такимъ лицомъ могъ совершить доброе или великое дѣло, оставить по себѣ слѣдъ, кромѣ какого-нибудь ничтожнаго эпизода, свидѣтельствующаго о его тщеславіи, испорченности и эгоизмѣ, и занесеннаго въ мемуары современнаго Сенъ-Симона.

— Есть что-нибудь новенькое въ вечернихъ газетахъ?—спросилъ мистеръ Клеръ, съ подавленнымъ зѣвкомъ.

Безучастный вопросъ послѣдовалъ за молчаніемъ, продолжавшимся слишкомъ долго, чтобы быть пріятнымъ.

— Самсонъ еще не получалъ своего «Глобуса», когда я ушелъ изъ дому,—отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ,—но при настоящемъ всеобщемъ застоѣ, какъ дома, такъ и заграницей, я, признаюсь, очень мало интересуюсь вечерними газетами.

— Я бы желала знать, умерла-ли эта несчастная танцовщица,—сказала Селія.

Джонъ Тревертонъ, стоявшій у стула Лоры и, казалось, погруженный въ сонъ на яву, быстро обернулся при этомъ замѣчаніи.

— Какая танцовщица? спросилъ онъ.

— Шико. Вы, безъ сомнѣнія, видѣли ее танцующей. Вы, счастливые лондонскіе жители, видите все, что́ только сто́итъ видѣть въ подлунномъ мірѣ. Она какое-то чудо, не правда-ли? А теперь я, вѣроятно, никогда не увижу ее.

— Она очень красивая женщина и прекрасная танцовщица, въ своемъ особенномъ родѣ,—отвѣтилъ Тревертонъ.—Но что вы сейчасъ хотѣли сказать, говоря о ея смерти? Она также жива, какъ мы съ вами, по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что имя ея красовалось на всѣхъ стѣнахъ, и она танцовала каждый вечеръ, когда я выѣхалъ изъ Лондона.

— Это было недѣлю тому назадъ,—сказала Селія.—Вы, конечно, видѣли отчетъ объ этомъ несчастномъ случаѣ въ сегодняшнемъ утреннемъ нумерѣ «Таймса»; онъ занимаетъ почти цѣлый столбецъ.

— Я не видѣлъ «Таймса». Мы съ мистеромъ Сампсономъ рано утромъ дѣлали большую поѣздку. Что это за случай?

— Ужасный,—воскликнула Селія.—У меня кровь стыла въ жилахъ, когда я читала описаніе. Бѣдняжка должна была подниматься на небо—что-ли, прицѣпленная къ какимъ-то движущимся, желѣзнымъ полосамъ; ну, знаете, машина такая.

— Да, да, знаю,—проговорилъ Тревертонъ.

— Ну, конечно, это было прелестно, покуда все шло благополучно. Она, должно быть, была очаровательна, взлетая вверхъ при озаряющемъ ее электрическомъ освѣщеніи, но затѣмъ, кажется, человѣкъ, управлявшій машиной, напился пьянъ, не зналъ, что онъ дѣлаетъ, не свинтилъ желѣзныя полосы, какъ слѣдуетъ, и въ ту самую минуту, какъ она уже почти поднялась, машина подалась, и она полетѣла головой внизъ.

— Но не убилась?—задыхаясь, спросилъ Джонъ Тревертонъ.

— Нѣтъ, не убилась на мѣстѣ, но сломала ногу; переломъ, говорятъ, сложный, она ушибла голову, и вообще, судя по газетамъ, находится въ очень опасномъ положеніи. А я замѣтила, что когда газета говоритъ, что человѣкъ въ опасномъ положеніи, то первое, что слышишь потомъ, это, что онъ умеръ; вотъ почему меня вовсе не удивитъ, если извѣстіе о смерти Шико напечатано въ вечернихъ газетахъ.

— Какая потеря для общества! усмѣхнулся Эдуардъ Клеръ. По-моему, ты самая смѣшная дѣвушка въ свѣтѣ, Селія, тѣмъ, что заботишься о людяхъ, которые также далеки отъ тебя, какъ еслибъ они жили на лунѣ.

— Homo sum,—сказала Селія, кичившаяся поверхностнымъ знаніемъ латинскаго языка, крупицами, падавшими со стола брата,—и всѣ виды рода человѣческаго занимаютъ меня. Я бы желала сама быть танцовщицей, еслибъ не была дочерью священника. Веселая должна быть жизнь.

— Прелестная, — воскликнулъ Эдуардъ, — особенно, когда неожиданно прекращается, благодаря небрежности пьянаго машиниста.

— Я долженъ пожелать вамъ покойной ночи и проститься съ вами, — сказалъ Джонъ Тревертонъ Лорѣ. — Мнѣ еще надо уложить мой чемоданъ, чтобы выѣхать завтра пораньше утромъ. Я-бы даже желалъ отправиться сегодня, съ вечернимъ поѣздомъ. Этимъ я выиграю полъ-дня.

— Поѣздъ отходитъ въ четверть одиннадцатаго. Вамъ придется торопиться, если вы хотите ѣхать съ нимъ, сказалъ Эдуардъ.

— Во всякомъ случаѣ, попытаюсь.

— Покойной ночи, мистеръ Тревертонъ, — сказала Лора, протягивая ему руку.

Веселая Селія не желала отпустить его съ такимъ холоднымъ прощаньемъ. Онъ былъ мужчина и въ качествѣ таковаго возбуждалъ въ ней живѣйшее участіе.

— Мы всѣ проводимъ васъ до воротъ, — объявила она: — это будетъ намъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ сидѣть здѣсь, зѣвать и слѣдить за летучими мышами, носящимися надъ цвѣточными клумбами. — Они всѣ отправились, и какъ-то случилось, къ восторгу Джона Тревертона, что они съ Лорой шли рядомъ, нѣсколько позади другой пары.

— Мнѣ очень жаль, что вы вынуждены ѣхать такъ скоро, — замѣтила Лора, которая желала сказать что-нибудь неопредѣленно-вѣжливое.

— Не съумѣю выразить, какимъ-бы я уѣхалъ счастливымъ, если-бъ думалъ, что мой отъѣздъ можетъ огорчить васъ.

— Я не придавала словамъ своимъ такого особеннаго смысла, — съ легкимъ смѣхомъ сказала она. — Мнѣ жаль васъ ради васъ самихъ, жаль, что вы покидаете деревню, когда здѣсь такъ хорошо, и возвращаетесь въ дымный Лондонъ.

— Если-бъ вы знали, какъ я ненавижу этотъ міръ дыма и всякихъ гадостей, вы бы пожалѣли меня, какъ только можетъ жалѣть ваше доброе сердце, — очень серьёзно отвѣтилъ онъ. — Я мѣняю все то, что̀ люблю, на всё, что̀ ненавижу; не знаю, сколько пройдетъ времени прежде, чѣмъ я вернусь, но если я буду имѣть возможность вскорѣ возвратиться, обѣщаете-ли вы ласково встрѣтить меня, Лора? Обѣщаете-ли столько-же обрадоваться моему возвращенію, сколько я сегодня огорченъ мыслью объ отъѣздѣ.

— Такого условія я заключить не могу, — тихо отвѣтила она, — такъ какъ не въ силахъ измѣрить вашу грусть. Вы, вообще, таинственная личность. Я васъ вовсе еще не понимаю. Но я

надѣюсь, что вы скоро вернетесь, когда наши розы будутъ въ цвѣту, когда наши соловьи будутъ пѣть, и если ихъ привѣта вамъ покажется недостаточно, я обѣщаю присоединить къ нему—свой.

Въ ея тонѣ звучала нѣжная шутливость, казавшаяся ему невыразимо сладкой. Они были совершенно одни, въ такой части экипажной дороги, гдѣ деревья росли особенно; густо ихъ окружала тѣнь, падавшая отъ листьевъ каштановъ, тихое дыханіе вечерняго вѣтерка долетало до ушей ихъ. То былъ часъ нѣжныхъ признаній, поэтическихъ настроеній.

Джонъ Тревертонъ взялъ руку Лоры и держалъ ее невозбранно.

— Скажите мнѣ, что вы не ненавидите память моего двоюроднаго брата Джаспера изъ-за этого нелѣпаго завѣщанія,—сказалъ онъ.

— Могу-ли я ненавидѣть память того, кто былъ такъ добръ ко мнѣ, единственнаго отца, какого я когда-либо знала?

— Такъ скажите, что вы не ненавидите меня изъ-за завѣщанія моего двоюроднаго брата.

— Было-бы не по-христіански ненавидѣть васъ за дѣло, въ которомъ вы совершенно неповинны.

— Безъ сомнѣнія, но я могу себѣ представить, что женщина, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ состояніи возненавидѣть человѣка. Вы отнимаете вашу руку. Да, я убѣжденъ, что вы терпѣть меня не можете.

— Я отняла свою руку потому, что подумала, что вы забыли ее оставить,—сказала Лора, твердо рѣшившаяся не быть слишкомъ серьёзной.—Примиритесь-ли вы съ собою, если я скажу вамъ, что отъ души прощаю моему пріемному отцу его завѣщаніе?

— Примирюсь.

— И что, несмотря на наше нелѣпое, по отношенію другъ къ другу, положеніе, я совсѣмъ не ненавижу васъ.

— Лора, вы дѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ людей.

— Я не сказала ничего особеннаго.

— Если-бъ вы знали, какъ много эти слова для меня значатъ. Мнѣ открывается міръ полный надеждъ, полный радостей, я чувствую стремленіе къ высокимъ мыслямъ, къ достойнымъ дѣламъ, я воскресаю тѣломъ и душой.

— Вы говорите безумныя вещи.

— Я обезумѣлъ отъ радости, Лора, моя голубка, мое сокровище!

— Подождите,—неожиданно проговорила она, поворачиваясь

къ нему вся блѣдная, съ задумчивымъ выраженіемъ въ глазахъ, теперь уже совсѣмъ серьёзная. — Любите-ли вы меня или помѣстье вашего двоюроднаго брата? Если вы думаете о состояніи, то пусть между нами не будетъ театральныхъ объясненій въ любви. Я готова повиноваться вашему двоюродному брату, какъ повиновалась бы ему живому, уважая и слушаясь его, какъ отца —но будемъ другъ съ другомъ искренни и честны. Станемъ честно и серьёзно смотрѣть на жизнь, не будемъ требовать отъ нея невозможнаго. Будемъ вѣрными друзьями и товарищами, но не будемъ притворными влюбленными.

— Лора, я люблю васъ ради васъ самихъ, единственно ради васъ. Придите ко мнѣ завтра безъ гроша, объявите мнѣ, что завѣщаніе Джаспера Тревертона оказалось подложнымъ, придите и скажите: — я также бѣдна, какъ вы, Джонъ, но я ваша,—вы увидите, съ какой радостью и лаской привѣтствую я васъ. Дорогая, я люблю тебя искренно, страстно. Мнѣ ничего не надо, кромѣ твоего прелестнаго личика, твоего нѣжнаго голоса, кромѣ тебя самой.

Онъ обнялъ ее за талью, привлекъ ее къ себѣ на грудь, поцѣловалъ ее. То былъ первый поцѣлуй любви, заставившій заалѣть ея щечку.

— Я рада вѣрить тебѣ,—тихо сказала она, радостно отдыхая въ его объятіяхъ. Таково было ихъ разставаніе.

Глава VIII.—Дни прошедшіе, сны минувшіе.

Въ Лейстеръ-скверѣ, въ улицѣ Сиберъ, этомъ драматическомъ, музыкальномъ и хореграфическомъ уголкѣ большого Лондонскаго лѣса чувствовалось большое волненіе. Шико едва избѣгла смерти. Въ первую минуту, казалось, что смерть неминуема. Ея ждали съ часу на часъ, въ теченіи ночи и дня, послѣдовавшихъ за катастрофой. По крайней мѣрѣ такъ говорили, толкуя между собой, обитатели улицы Сиберъ, причемъ разсказы ихъ были такъ наглядны, изобиловали такими подробностями, словно они только что отошли отъ изголовья Шико.

— Она ни разу не пошевельнулась съ тѣхъ поръ, какъ ее уложили въ постель,—говорила жена башмачника, стоя на порогѣ грязной лавчонки съ дамской обувью, черезъ два дома отъ жилища Шико;—лежитъ бѣдняжка, словно восковая кукла, каждыя пять минутъ ей смачиваютъ губы перомъ, обмокнутымъ въ

водку; иногда она говоритъ:—еще, еще,—такимъ слабымъ, жалостнымъ голосомъ!

— Такъ, значитъ, она, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи,— отвѣтила ея кумушка, отдававшая комнаты въ наемъ, на другомъ концѣ улицы.

— Не думаю, чтобы это было сознаніе, мистрисъ Биттерсъ, просто душа ея этого жаждетъ. Она такъ слаба, что водка облегчаетъ ее.

— Ногу-то ей ужъ вправили?

— Что́ вы, мистрисъ Биттерсъ, переломъ-то сложный, опухоль еще не начинала спадать. Взяли сидѣлку изъ госпиталя, она безпрерывно, день и ночь, прикладываетъ компрессы, чтобы ослабить воспаленіе. Докторъ отъ нея не выходилъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось.

— Это мистеръ Миворъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ новый, молодой человѣкъ, только что кончившій науки, но, говорятъ, очень искусный. Онъ былъ въ театрѣ принца Фредерика въ минуту происшествія, все видѣлъ, помогъ перенести ее домой, и еслибъ она была герцогиня, онъ не могъ бы усерднѣе ухаживать за ней.

— Гдѣ мужъ? спросила мистрисъ Биттерсъ.

— Въ деревнѣ, гдѣ, именно, никто не знаетъ, она-то безъ памяти, сказать не можетъ. Но, судя по словамъ мистрисъ Эвитъ, они никогда не были особенно счастливой парочкой.

— Ахъ! вздохнула мистрисъ Биттерсъ, — танцовщицамъ и имъ подобнымъ и замужъ-то выходить не слѣдуетъ. На что̀ имъ мужъ, когда всѣ за ними ухаживаютъ, всѣ за ними бѣгаютъ? Ни одного вечера дома не проводятъ, точно кошки. Какъ могутъ онѣ сдѣлать человѣка счастливымъ?

— Не могу сказать, чтобы мистеръ Шико́ когда-либо смотрѣлъ счастливымъ человѣкомъ,—согласилась жена башмачника. У него привычка ходить, засунувъ руки въ карманы, опустя глаза въ землю, точно и жизнь-то ему не мила.

На такой и на безчисленное множество иныхъ ладовъ, обсуждалась злосчастная участь Шико́ въ улицѣ Сиберъ и ея окрестностяхъ. Всѣ и каждый принимали участіе въ судьбѣ Шико́. Будь она какой-нибудь терпѣливой труженицей, преданной женой и матерью, участіе это было бы, относительно говоря, слабо; все происшествіе казалось бы безцвѣтнымъ и обыденнымъ. Но Шико́, имя которой красовалось на стѣнахъ, изображенное буквами вышиною въ три фута, смѣлое, веселое лицо которой улыбалось пѣшеходамъ на каждомъ перекресткѣ, Шико́ была особа

немаловажная, и вопросъ о томъ, суждено-ли ей, изъ таинственной урны судьбы, вынуть билетъ на жизнь или на смерть, становился вопросомъ общественнымъ.

Все случилось, какъ предсказалъ машинистъ. Она была пьяна, театральный плотникъ былъ пьянъ, результатомъ было несчастіе. Въ теченіи послѣдней недѣли, въ уборной Шикó не переводилось шампанское, благодаря щедрости неизвѣстнаго обожателя, приславшаго ящикъ въ три дюжины редерера, все полу-бутылками; красивенькія бутылочки, съ золотыми головками, казались такими невинными, точно цвѣты или бабочки. Шикó воображала, что полъ-бутылки шампанскаго никому вреда принести не можетъ. О цѣлой бутылкѣ она думала, какъ знаменитый объѣдало о гусѣ, что въ ней слишкомъ много на одного, и мало на двоихъ. Она естественно подозрѣвала, что таинственное шампанское явилось отъ неизвѣстнаго обожателя, поднесшаго ей браслетъ, но не намѣрена была, на этомъ основаніи, оставлять ящикъ не откупореннымъ. Было очень пріятно имѣть поклонника, дѣлавшаго такіе щедрые подарки и ничего не просившаго въ замѣнъ. Бѣдняга! будетъ время осадить его, когда онъ станетъ несноснымъ. Покамѣсть она принимала его приношенія также равнодушно, какъ принимала дары щедрой природы—солнце согрѣвавшее ее, вѣтерокъ освѣжавшій лицо, цвѣты возвѣщавшіе ей о наступленіи весны.

Но все же она была женщина, а потому понятно, что ея безъимянный обожатель возбуждалъ ея любопытство. Ея чудные глаза окидывали лица зрителей, особенно золотой молодежи, пока не остановились на худомъ лицѣ, которое, по мнѣнію Шикó, могло принадлежать тому, кого она искала. Лицо это слѣдило за ней съ серьёзнымъ вниманіемъ, какого она никогда не замѣчала на другихъ лицахъ, хотя всѣ были внимательны,— блѣдное лицо, еврейскаго типа, съ черными глазами, твердоочерченнымъ ртомъ, слишкомъ толстыми губами, черными, гладкими волосами.

— Вотъ онъ,—сказала себѣ Шикó,—и смотритъ онъ страшно богатымъ.

Часто послѣ этого поглядывала она на него украдкой и всегда замѣчала то же выраженіе на блѣдномъ лицѣ, выраженіе напряженное, какого никогда не примѣчала на другихъ лицахъ.

— Этотъ человѣкъ достигнетъ многаго,—сказала она себѣ,— будь онъ военный, онъ бы побѣдилъ міръ, какъ Наполеонъ.

Лицо это ее очаровало; оно заставило ее думать объ этомъ

человѣкѣ. Она стала пить его шампанское съ большимъ удовольствіемъ и въ первый же вечеръ, послѣ своего открытія, при необыкновенно знойной по сезону погодѣ, во время своего туалета, выпила двѣ бутылки.

Когда она сошла на сцену, сверкая серебряными блестками, одѣтая въ облако бѣлоснѣжнаго газа, она едва держалась на ногахъ. Но умѣнье танцовать было ея второй природой, и она ухитрилась исполнить свое соло безъ скандала. Въ ней проглядывало что-то дикое, слишкомъ смѣлое, чуть-чуть не больше, чѣмъ бы слѣдовало, того особеннаго качества, которое французы называютъ шикомъ, но публика театра принца Фредерика любила крайности и единодушно рукоплескала ей.

— Клянусь, она удивительная женщина,—воскликнулъ мистеръ Смолендо, слѣдившій за ней изъ суфлерской будки,—на нее смѣло можно разсчитывать еще на три сезона.

Десять минутъ спустя, послѣдовалъ полетъ въ коралловой бесѣдкѣ. Машина затрещала, застонала, задрожала и подалась. Раздался рѣзкій крикъ танцовщицы, крикъ ужаса людей, стоявшихъ у кулисъ, и Шико́ лежала посреди сцены, въ видѣ груды смятаго газа, безъ словъ, безъ сознанія, пока зеленая занавѣсь быстро опускалась, чтобы скрыть ее отъ глазъ зрителей.

Въ ночь второго дня послѣ несчастія, очень поздно, Джэкъ Шико́ вернулся домой. Онъ нашелъ жену лежащею въ забытьѣ, какъ описывали кумушки, причемъ жизнь поддерживалась частыми пріемами водки. Женщина эта была такъ близка къ смерти, какъ только могла быть, не будучи одѣта въ саванъ. У кровати, когда Джэкъ вошелъ въ комнату, сидѣлъ незнакомецъ, молодой человѣкъ, съ слишкомъ серьёзнымъ для своихъ лѣтъ выраженіемъ лица. Сидѣлка стояла по другую сторону кровати и прикладывала холодные компрессы къ пылающему лбу Шико.

Нога была успѣшно вправлена, въ этотъ же день, послѣ полудня, однимъ изъ лучшихъ лондонскихъ хирурговъ, была на вѣсу и покрыта легкимъ одѣяломъ.

Джэкъ подошелъ къ кровати, склонился надъ неподвижной фигурой, заглянулъ въ блѣдное лицо.

— Бѣдная моя Заира, плохо это,—пробормоталъ онъ,—а затѣмъ обратился къ незнакомцу, поднявшемуся съ мѣста и стоявшему рядомъ съ нимъ, и спросилъ:—Вы, вѣроятно, докторъ?

— Я, если вамъ угодно, сторожевая собака. Мистеръ Смолендо не пожелалъ довѣрить моей неопытности такую мудреную операцію, вправить сломанную ногу. Переломъ былъ ужасный и требовалъ величайшаго искусства. Онъ послалъ за сэ-

ромъ Джономъ Пельгамомъ, и все было сдѣлано хорошо и удачно. Но онъ позволилъ мнѣ здѣсь остаться, въ качествѣ дежурнаго врача. Положенiе вашей жены крайне опасно. Боюсь, что мозгъ поврежденъ. Я былъ въ театрѣ, когда это случилось. Случай этотъ для меня крайне интересенъ. Я недавно выдержалъ экзаменъ и имѣю право практиковать. Я буду очень радъ, если вы позволите мнѣ лечить вашу жену, подъ контролемъ Пельгама, конечно. Тутъ вопросъ не въ вознагражденiи, поспѣшно прибавилъ молодой человѣкъ—я прошу васъ потому, что, какъ докторъ, заинтересованъ въ выздоровленiи миссъ Шикó.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы жена моя пользовалась вашими великодушными попеченiями, но все же подъ условiемъ, что сэръ Джонъ Пельгамъ одобритъ ваше леченiе,— отвѣтилъ Шикò болѣе спокойнымъ тономъ, чѣмъ ожидалъ Джорджъ Джерардъ отъ человѣка, только что возвратившагося домой послѣ недѣльнаго отсутствiя и заставшаго жену въ смертельной опасности.—Какъ вы думаете, поправится она?—вопросъ этотъ былъ предложенъ рѣшительно. Джерардъ замѣтилъ, что глаза смотрѣвшiе на него искали отвѣта въ его глазахъ, словно ждали смертнаго приговора.

Этотъ взглядъ заставилъ доктора призадуматься надъ взаимными отношенiями мужа и жены. За минуту передъ тѣмъ онъ удивлялся холодности Шикó, его спокойствiю, почти переходившему въ равнодушiе. Теперь человѣкъ былъ весь напряженное вниманiе. Чтó означала эта перемѣна?

— Долженъ ли я говорить вамъ правду? спросилъ Джерардъ.

— Безъ сомнѣнiя.

— Помните, что я могу только высказать вамъ свое мнѣнiе. Случай неясный. Не легко опредѣлить степень поврежденiя, причиненнаго мозгу.

— Я и не жду отъ васъ ничего, кромѣ вашего мнѣнiя. Ради Бога, будьте откровенны.

— По моему мнѣнiю, всѣ вѣроятности противъ ея выздоровленiя.

Изъ груди Джэка Шикó вырвался долгiй, странный, прерывистый вздохъ, котораго докторъ, несмотря на весь свой умъ, объяснить себѣ не могъ.

— Бѣдняжка,—проговорилъ мужъ, послѣ короткагó молчанiя, глядя на ничего не выражавшее лицо больной.

— Три года тому назадъ, выходя изъ мэрiи, мы съ ней были счастливы и нѣжно любили другъ друга! Жаль, что все это такъ скоропреходяще.

Послѣднія слова были сказаны такъ тихо, что Джерардъ ихъ не слыхалъ. То былъ короткій вздохъ надъ умершей любовью.

— Разскажите мнѣ объ этомъ несчастномъ случаѣ,—сказалъ Джэкъ Шико, садясь на стулъ, съ котораго всталъ Джерардъ. —Вы говорите, что были въ театрѣ, значитъ, вы все видѣли.

— Видѣлъ, я и поднялъ вашу жену. Я тотчасъ бросился на сцену. Перепуганные негодяи боялись до нея дотронуться.— Джерардъ разсказалъ все, какъ было. Джэкъ Шико́ слушалъ съ неизмѣнявшимся лицомъ. Худшее было ему извѣстно. Подробности не составляли большой разницы.

— Я только-что сказалъ, что, по моему мнѣнію, всѣ вѣроятности противъ выздоровленія вашей жены,—горячо замѣтилъ Джерардъ,—но я не говорилъ, что положеніе ея безнадежно. Еслибъ я это думалъ, я бы не стремился взять на себя уходъ за вашей женою. Я прошу васъ позволить мнѣ слѣдить за нею, такъ какъ питаю надежду—въ настоящую минуту, признаюсь, слабую—вылечить ее.

Джэкъ Шико̀ слегка вздрогнулъ и какъ-то странно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Вы, должно быть, страшно влюблены въ свою профессію, что такъ заботитесь о женѣ другого? сказалъ онъ.

— Я влюбленъ въ свою профессію, иной любовницы у меня нѣтъ, да я другой и не желаю!

— Чтожъ, можете дѣлать все, что́ въ вашихъ силахъ, чтобы вырвать ее изъ когтей смерти,—сказалъ Шико̀.—Пусть и она, бѣдняжка, попытаетъ счастія. Это только справедливо. Бѣдная бабочка! Надняхъ была звѣздой театральной залы, центромъ всѣхъ взоровъ, теперь лежитъ здѣсь, какъ полѣно, живая, а между тѣмъ мертвая. Тяжело!—Онъ тихо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженный въ размышленія.

— Знаете ли вы, что я умолялъ ее отказаться отъ этого полета,—сказалъ онъ. — У меня было предчувствіе, что это добромъ не кончится.

— Вамъ бы слѣдовало запретить ей его,—сказалъ докторъ, щупая пульсъ паціентки.

— Запретить! вы не знаете моей жены.

— Будь у меня жена, она бы повиновалась мнѣ.

— Ахъ! это общее заблужденіе всѣхъ холостяковъ. Подождите, пока женитесь, тогда иначе заговорите.

— На ночь ее можно оставить,—сказалъ Джерардъ, взявшись за шляпу, но останавливаясь, чтобы бросить еще долгій и

пытливый взглядъ на блѣдное, лишенное всякаго выраженія, лицо, лежавшее на подушкѣ.

— Мистриссъ Мезонъ знаетъ все, что̀ ей нужно дѣлать. Я буду здѣсь завтра, въ шесть часовъ утра.

— Въ шесть! какъ вы рано встаете.

— Я много работаю. Одно немыслимо безъ другого. Покойной ночи, мистеръ Шико̀; позвольте васъ поздравить, у васъ удивительная способность спокойно относиться къ большому горю. Это лучшее доказательство крѣпости нервной системы.—Джэку показалось, что въ этомъ прощальномъ комплиментѣ звучала насмѣшка, но она не произвела на него почти никакого впечатлѣнія. Его недоумѣніе передъ жизненной задачей было такъ велико, что исключало всякую другую мысль.—Ложитесь, мистрисъ Мезонъ,—сказалъ онъ сидѣлкѣ.—Я посижу около жены.

— Извините меня, сэръ, я бы чувствовала, что не исполняю своей обязанности, еслибъ позволила себѣ проспать всю ночь, пока больная въ такомъ критическомъ положеніи; потомъ я съ удовольствіемъ усну часокъ.

— Думаете ли вы, чтобы m-me Шико̀ когда-нибудь поправилась?

Сидѣлка опустила глаза на свой бѣлый передникъ, тихо вздохнула и также тихо покачала головой.

— Мы всегда стараемся смотрѣть на болѣе свѣтлую сторону вопроса, сэръ,—отвѣтила она.

— Но въ данномъ случаѣ есть свѣтлая сторона?

— Это ужъ Провидѣніе рѣшитъ, сэръ. Случай очень трудный.

— Чтожъ,—сказалъ Джэкъ Шико̀,—будемъ терпѣливы.

Онъ сѣлъ на стулъ у изголовья и просидѣлъ на немъ всю ночь, не засыпая ни на минуту, почти не измѣняя позы, погруженный въ глубочайшія размышленія.

Наконецъ, насталъ день; вскорѣ послѣ разсвѣта пришелъ Джерардъ и не нашелъ въ паціенткѣ никакой перемѣны ни къ худшему, ни къ лучшему. Онъ не предписалъ никакого измѣненія въ леченіи.

— Сэръ Джонъ Пельгамъ долженъ быть здѣсь въ одиннадцать часовъ,—сказалъ онъ.—Я приду, чтобы видѣться съ нимъ.

Знаменитый докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную и сказалъ, что все идетъ хорошо.

— Мы ея ногу совсѣмъ починимъ,—сказалъ онъ,—я за нее не боюсь, желалъ бы питать такую же увѣренность относительно мозга.

— Неужели вы думаете, что мозгъ серьёзно поврежденъ? спросилъ Шико.

— Трудно сказать. Падая, она ударилась головой о желѣзо. Пролома въ черепѣ нѣтъ, но что-то не ладно, боюсь, что серьёзно не ладно. Многое будетъ, несомнѣнно, зависѣть отъ ухода. Вы счастливы, что вамъ попалась мистрисъ Мезонъ; я могу по совѣсти рекомендовать ее.

— Скажите откровенно, какъ вы думаете: поправится жена? спросилъ Шикó, разспрашивавшій сэра Джона Пельгама также усердно, какъ наканунѣ разспрашивалъ Джерарда.

— Дорогой сэръ, я надѣюсь на лучшее, но случай трудный.

— Значитъ безнадежный,—подумалъ Шикó, но только наклонилъ голову и послѣдовалъ за докторомъ до дверей, гдѣ онъ хотѣлъ-было сунуть ему въ руку плату.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой сэръ, мистеръ Смолендо позаботился объ этой бездѣлицѣ,—сказалъ докторъ, отказываясь отъ денегъ,—да это такъ и слѣдуетъ, жена ваша пострадала у него на службѣ.

— Я бы предпочелъ взять этотъ расходъ на себя,—отвѣтилъ Шикó,—хотя Богъ знаетъ, долго ли бы я былъ въ состояніи это дѣлать. Мы и въ обыкновенное время не особенно исправны въ платежахъ. Ахъ, да, кстати, чтó вы скажете объ этомъ молодомъ человѣкѣ, мистерѣ Джерардѣ? Одобряете ли вы его леченіе?

— Вполнѣ, замѣчательно искусный молодой человѣкъ. Онъ долженъ быстро проложить себѣ дорогу по своей спеціальности.

Сэръ Джонъ Пельгамъ, въ заключеніе своей рѣчи, испустилъ полный состраданія вздохъ, вспомнивъ, сколько онъ зналъ на своемъ вѣку молодыхъ людей, заслуживавшихъ успѣха, и какъ немногіе изъ нихъ дѣйствительно успѣли; онъ подумалъ также, какимъ умнымъ и вообще благонадежнымъ молодымъ человѣкомъ онъ самъ долженъ былъ быть, чтобы попасть въ число этихъ немногихъ. Послѣ этого разговора, Джэкъ Шикó позволилъ мистеру Джерарду прописывать женѣ лекарства, съ полнымъ довѣріемъ къ искусству молодого человѣка. Сэръ Джонъ Пельгамъ пріѣзжалъ разъ въ недѣлю, высказывалъ свое мнѣніе, иногда слегка измѣнялъ ходъ леченія. Болѣзнь была томительная, медленная, тяжелая для сидѣлки, мучительная и для тѣхъ, кто раздѣлялъ ея труды. Мужъ взялъ на себя обязанность ночной сидѣлки. Онъ наблюдалъ за больной и ухаживалъ за нею каждую ночь, пока мистриссъ Мезонъ спала въ теченіе четырехъ-пяти часовъ. Мистеръ Смолендо предложилъ имъ взять двухъ сидѣлокъ. Онъ былъ готовъ платить за все, чтò только могло улуч-

шить положеніе страдалицы, хотя катастрофа съ Шико́ почти погубила его сезонъ. Не легко было добыть новинку, могущую замѣнить ее.

— Нѣтъ,—сказалъ Джэкъ Шико́,—я хочу брать такъ мало вашихъ денегъ, какъ только возможно; могу же я и самъ что-нибудь сдѣлать для жены. И безъ того отъ меня толку немного.

Джэкъ продолжалъ рисовать каррикатуры для юмористическихъ изданій и работалъ по ночамъ у постели жены. Умъ ея такъ и не пробуждался, со дня несчастія. Она была теперь также безпомощна, какъ когда ее принесли домой изъ театра. Даже Джерардъ начиналъ терять энергію, хотя съ прежними усиліями добивался исцѣленія.

Днемъ Джэкъ предпринималъ длинныя прогулки, удалялся отъ душнаго и дымнаго Лейстеръ-сквера на такое разстояніе, какое могли только осилить его длинныя ноги. Онъ направлялся на сѣверъ и доходилъ до Гэмпстеда, Гендона, Гайгета, Барнета, Гарроу на югъ и добирался до Дульвича, Стритгама, Бекенгама. Онъ бродилъ по лѣсамъ, теплый тихій воздухъ которыхъ былъ насыщенъ ароматомъ сосенъ, взбирался на горы, у подножія которыхъ лежалъ Лондонъ, молчаливый городъ, окутанный, словно плащемъ, голубоватымъ туманомъ. Деревня имѣла для него, въ этотъ періодъ его жизни, невыразимую прелесть. Онъ не былъ спокоенъ, пока не отрясетъ лондонскую пыль съ ногъ своихъ. Онъ, который, годъ тому назадъ, въ Парижѣ, проводилъ половину дня въ игрѣ на бильярдѣ, на антресоляхъ кофейни бульвара Сенъ-Мишель, или бродилъ по бульварамъ отъ Мадлены до Шато-д'О, теперь одиноко прогуливался по подгороднымъ полямъ, выбирая преимущественно такія дорожки, которыя бы вели подальше отъ человѣческаго жилья.

— Васъ никогда дома нѣтъ, когда я захожу днемъ, мистеръ Шико́, — сказалъ Джерардъ однажды вечеромъ, когда зашелъ позже обыкновеннаго и засталъ пыльнаго, усталаго послѣ дневной прогулки, Джэка, дома.—Какъ вы полагаете: не тяжело это m-me Шико̀?

— Ей-то какое дѣло? Она не знаетъ, когда я здѣсь; она совершенно безъ сознанія.

— Я вовсе въ этомъ не увѣренъ. Кажется, будто она безъ сознанія, но подъ этой апатіей, можетъ быть, и пробивается пониманіе внѣшнихъ предметовъ. Я надѣюсь, что умъ ея цѣлъ, хотя его отъ насъ скрываетъ густой туманъ.

Борьба была долгая, томительная. Насталъ день, когда самимъ Джерардомъ овладѣло отчаяніе. Рана на ногѣ заживала

медленно, страданія ослабили паціентку. Несмотря на самый внимательный уходъ, силы ея страшно упали.

— Она очень слаба, не правда ли?—спросилъ Джэкъ, въ одинъ жаркій лѣтній день, въ концѣ іюня, когда душная лондонская улица напоминала пыльную печь, а слабый запахъ переспѣлой земляники и на половину сгнившихъ яблоковъ, наполнявшихъ телѣжку торговца фруктами, оставлялъ воздуху сладкій, болѣзненно дѣйствовавшій на нервы ароматъ.

— Она такъ слаба, какъ только можетъ быть слабъ живой человѣкъ,—отвѣтилъ Джерардъ.

— Ваша вѣра начинаетъ слабѣть?

— Я начинаю бояться.—При этихъ словахъ своихъ, онъ замѣтилъ, что въ глазахъ Джэка Шикó мелькнуло выраженіе неизъяснимаго облегченія; онъ поймалъ этотъ взглядъ; они стояли другъ противъ друга, причемъ одинъ изъ нихъ сознавалъ, что тайна его сердца обнаружена.

— Я боюсь,—рѣшительно проговорилъ врачъ,—но я не перестану пытаться спасти ее. Я намѣренъ спасти ея жизнь, если это только въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. Я душу свою положилъ на это.

— Дѣлайте, чтò только можете,—отвѣтилъ Шикó.

— Богъ надъ всѣми нами. Будетъ тò, чтó судьба велитъ.

— Вы, я полагаю, ее нѣкогда любили?—спросилъ Джерардъ, не спуская своихъ проницательныхъ глазъ съ лица собесѣдника.

— Я любилъ ее искренно.

— Когда и почему перестали вы любить ее?

— Почему вы знаете, что я разлюбилъ ее?—спросилъ Шикó, пораженный смѣлостью вопроса.

— Мнѣ это извѣстно также хорошо, какъ вамъ самимъ. Я—былъ бы жалкій докторъ для непонятной болѣзни мозга, еслибъ не съумѣлъ прочесть вашу тайну. Это бѣдное, лежащее предъ нами существо, уже нѣсколько времени какъ было для васъ бременемъ и источникомъ печали. Если Провидѣнію угодно будетъ взять ее, вы поблагодарите Провидѣніе. Вы не поднимете на нее руки, вы не откажете ей въ помощи, какую въ силахъ оказать ей, но смерть ея была бы для васъ невыразимымъ облегченіемъ. Чтожъ, я думаю, что желаніе ваше исполнится. Мнѣ кажется—она умретъ.

— Вы не имѣете права такъ говорить со мной,—сказалъ Шикó.

— Не имѣю? Отчего человѣку не говорить свободно съ другимъ, ему подобнымъ человѣкомъ, отчего не высказать истину

смѣло? Я не позволяю себѣ судить или осуждать васъ. Кто изъ насъ достаточно чистъ, чтобы обнажать грѣхъ брата своего? Но зачѣмъ мнѣ притворяться, что я не понимаю васъ? Зачѣмъ дѣлать видъ, что считаю васъ любящимъ и преданнымъ мужемъ? Гораздо лучше быть съ вами откровеннымъ. Да, мистеръ Шико̀, я полагаю, что дѣло это кончится по вашему, а не по моему.

Джэкъ стоялъ и мрачно смотрѣлъ въ открытое окно на грязную улицу, по которой медленно двигалась телѣжка съ земляникой, и слышался зычный голосъ продавца, кричавшій что-то́ на своемъ непонятномъ языкѣ. У него не нашлось ни слова въ отвѣтъ на откровенную рѣчь доктора. Обвиненіе было справедливо. Опровергать его онъ не могъ.

«Да, я нѣкогда любилъ ее», — говорилъ себѣ вскорѣ, сидя у постели жены, по уходѣ Джорджа Джерарда.—«Желалъ бы я знать, какого рода была эта любовь? Я сознавалъ, что вся жизнь моя—одна неудача, и отказался отъ надежды когда-либо возвратиться на избитую дорогу, по которой идутъ *порядочные люди;* мнѣ казалось совершенно безразличнымъ на что ни употребить свою жизнь, на какой женщинѣ ни жениться. Она была самой красивой женщиной, какую я когда-либо видѣлъ, и она любила меня. Почему бы мнѣ на ней не жениться? Вдвоемъ мы могли жить кое-какъ, изо дня въ день. Мы оба легко смотрѣли на жизнь. То были пріятные дни. А между тѣмъ теперь, оглядываясь назадъ, я удивляюсь тому, что могъ жить въ грязи, да еще радоваться этому. Какъ можетъ пасть даже джентльменъ, если разъ перестанетъ уважать себя! Когда я впервые почувствовалъ утомленіе? Когда возненавидѣлъ я ее? Не прежде, чѣмъ встрѣтилъ...—О, рай, видѣнный мною сквозь полуотверстыя врата, ужели я увижу твои лучезарныя поля, проникну въ твой садъ, дышащій весельемъ и радостью?»

Онъ просидѣлъ у кровати въ задумчивомъ молчаніи, пока сидѣлка не пришла смѣнить его; тогда онъ вышелъ на пыльныя улицы и пошелъ по направленію къ сѣверу искать воздуха. Онъ обѣщалъ сидѣлкѣ возвратиться къ десяти часамъ, чтобы она могла поужинать и лечь спать, оставивъ его у больной на ночь. Таковъ былъ заведенный порядокъ.

— Можетъ быть, когда я сегодня вечеромъ вернусь домой, все уже будетъ кончено,—сказалъ онъ себѣ, и ему начало казаться, что послѣдніе нѣсколько лѣтъ, протекшіе со дня его женитьбы, были смутнымъ сномъ.

Все это теперь миновало. Глупости и радости этого періода его жизни составляли достояніе прошлаго. Онъ теперь могъ

оглядываться назадъ и жалѣть жену свою и самого себя. Оба были глупы, оба заблуждались. Все это покончено. Они дошли до послѣдней страницы книги, которую вскорѣ закроютъ на вѣки. Онъ могъ прощать это глупое прошлое, могъ относиться къ нему съ состраданіемъ, теперь, когда оно больше не стѣсняло его будущаго.

Онъ далеко забрелъ въ этотъ день, онъ ступалъ легче, воздухъ въ окрестностяхъ Лондона былъ, или казался ему чище, прозрачнѣе обыкновеннаго. Онъ дошелъ до Гарроу, легъ на траву у памятника Байрона и задумчиво смотрѣлъ на смутно виднѣвшійся вдали Лондонъ.

Когда онъ возвратился въ улицу Сиберъ, былъ двѣнадцатый часъ. Таверна на углу улицы была заперта, самыя безсонныя изъ кумушекъ скрылись съ пороговъ своихъ домовъ. Онъ взглянулъ на окна перваго этажа. Кровать Шико была перенесена въ первую комнату, такъ какъ сидѣлка увѣряла, что ей тамъ веселѣе, но въ окно смотрѣла мистрисъ Мезонъ, а не Шико. Слабый, желтоватый свѣтъ виднѣлся сквозь грязную штору, какъ то бывало всегда, послѣ наступленія темноты. Ничто не указывало ни на какую перемѣну. Но безъ сомнѣнія все бы оставалось въ томъ же видѣ, еслибъ въ комнатѣ была—смерть.

Пока Джэкъ стоялъ на порогѣ и обшаривалъ свои карманы, ища въ нихъ ключа, дверь отворилась и Дероль, жилецъ изъ втораго этажа, вышелъ на улицу.

— Я хочу посмотрѣть, не достану ли каплю водки въ тавернѣ Короны и Скипетра,—сказалъ онъ въ видѣ объясненія,—у меня опять былъ прежній припадокъ.

Мистеръ Дероль страдалъ какою-то хронической болѣзнью, на которую намекалъ въ общихъ выраженіяхъ, но которая требовала частаго употребленія возбуждающихъ средствъ.

— Корона и Скипетръ заперта,—сказалъ Джэкъ.—У меня на верху есть водка, я вамъ отолью.

— Вы чрезвычайно добры,—сказалъ Дероль.—Я бы провелъ мучительную ночь, еслибъ не могъ достать гдѣ-нибудь немного водки. Какъ вы поздно возвращаетесь!

— Я зашелъ дальше обыкновеннаго. Вечеръ такой славный.

— Неужели? Здѣсь онъ казался скучнымъ, сѣрымъ. Я думалъ, что у насъ будетъ гроза. Это, вѣроятно, мѣстное явленіе. У меня для васъ есть добрыя вѣсти.

— Добрыя вѣсти для меня! Чтожъ, онѣ такъ рѣдки, что я, конечно, обрадуюсь имъ.

— Женѣ вашей лучше, положительно лучше, я заходилъ

освѣдомиться часа два тому назадъ. Сидѣлка думаетъ, что произошелъ переломъ. Мистеръ Джерардъ былъ здѣсь въ восемь часовъ; онъ того же мнѣнія. Просто чудеса! Она почувствовала облегченіе между тремя и пятью часами, покушала съ чѣмъ-то похожимъ на аппетитъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла. Мистрисъ Мезонъ въ восторгѣ. Удивительно, не правда ли?

— Чудеса! — воскликнулъ Джэкъ Шико. Трудно описать горечь, переполнившую его сердце, когда онъ отвернулся отъ сіявшаго передъ нимъ будущаго, сопровождавшаго его какъ видѣніе, въ теченіи цѣлаго вечера, и возвратился къ печальной дѣйствительности.

Онъ засталъ мистрисъ Мезонъ въ восхищеніи. Она никогда не видывала болѣе рѣзкой перемѣны къ лучшему.

— Она слаба, какъ новорожденное дитя, бѣдняжка,—говорила она о своей паціенткѣ,—но точно будто жизнь незамѣтно, медленно возвращается, вонъ какъ приливъ покрываетъ прибрежный песокъ, послѣ того, какъ вода, во время отлива, дошла до своего самаго низкаго уровня.

Улучшеніе, съ этого часа, не прерывалось. Мозгъ, такъ долго отуманенный, пробудился словно отъ сна. Къ Заирѣ возвратились ея силы, ея сознаніе, ея красота, и дерзость, и смѣлость.

До наступленія сентября она была уже прежней Шико, женщиной, портреты которой красовались на всѣхъ лондонскихъ стѣнахъ. Мистеръ Смолендо былъ въ восторгѣ. Сломанная нога была также здорова, какъ и прежде. Шико будетъ въ состояніи танцовать въ началѣ ноября. Статейка, возвѣщавшая объ этомъ фактѣ, уже обошла всѣ газеты.

Другая, отличавшаяся болѣе фамильярнымъ тономъ, сообщала всему городу, что красота г-жи Шико пріобрѣла новый блескъ, за время ея продолжительной болѣзни и сопряжоннаго съ нею, по необходимости, пребыванія въ уединеніи. Мистеръ Смолендо хорошо зналъ свою публику.

Глава IX.—Ты возвратился, ты мнѣ вѣренъ.

Былъ конецъ ноября, деревья въ саду Газльгёрстскаго зáмка стояли обнаженными. На старомъ домѣ, и подъ скучнымъ, сѣрымъ небомъ поздней осени, лежала печать серьёзнаго величія, но прелесть и краса мѣста исчезли; въ тишинѣ, царившей въ домѣ и въ саду, былъ оттѣнокъ меланхоліи. Все было тихо, и

на лугу передъ домомъ, надъ которымъ только грачи проносились черной тучей подъ вечеръ, съ крикомъ возвращаясь домой, въ свои гнѣзда, свитыя на высокихъ вязахъ по ту сторону дома.

Въ это печальное время года, Лора Малькольмъ жила въ за́мкѣ совершенно одна; Селія Клеръ получила приглашеніе провести мѣсяцъ у зажиточной тетушки въ Брайтонѣ, а Брайтонъ, во время зимняго сезона, представлялъ высшую степень земного блаженства, когда-либо извѣданнаго Селіей. Она смутно мечтала о Парижѣ, какъ о городѣ далеко превосходящемъ даже Брайтонъ относительно доставляемаго имъ своимъ жителямъ блаженства, но она не имѣла никакой надежды увидать Парижъ, развѣ когда выйдетъ замужъ, тогда она будетъ настаивать на томъ, чтобы мужъ повезъ ее туда провести медовый мѣсяцъ.

— Разумѣется, тогда онъ, бѣдненькій, дѣлалъ бы все, что̀ я только пожелаю,—говорила Селія,—послѣ дѣло иное. Я полагаю, что черезъ годъ послѣ свадьбы онъ бы сталъ пробовать топтать меня ногами.

— Я не могу себѣ представить, чтобы кто-нибудь вздумалъ топтать тебя ногами, Селія,—смѣясь замѣтила Лора.

— Я думаю, что съумѣла бы сдѣлать это для него довольно труднымъ. Но всѣ мужчины тираны. Посмотри, напримѣръ, на папа́; онъ лучшій изъ людей, у него золотое сердце, но сто̀итъ кухаркѣ сдѣлать ошибку, чтобы онъ весь обѣдъ бранился, какъ язычникъ. О! повѣрь мнѣ, они всѣ, сколько ихъ ни есть, принадлежатъ къ низшей породѣ. Хоть бы твой молодой человѣкъ, Лора, очень красивъ, очень изященъ, но совсѣмъ безхарактерный.

— Кого ты разумѣешь подъ моимъ молодымъ человѣкомъ? —спросила Лора.

— Ты знаешь, а то не краснѣла бы такъ сильно. Конечно, я говорю о Джонѣ Тревертонѣ, твоемъ будущемъ мужѣ. Ахъ, да, кстати, вы должны обвѣнчаться въ теченіи года, послѣ смерти стараго мистера Тревертона. Надѣюсь, что ты начала заказывать свое приданое.

— Я бы желала, чтобы ты не болтала такихъ пустяковъ, Селія. Тебѣ очень хорошо извѣстно, что я не невѣста мистера Тревертона. Я, можетъ быть, никогда и не буду невѣстой его.

— О чемъ же вы толковали въ тотъ вечеръ подъ каштанами, когда вы замѣшкались такъ далеко позади насъ?

— Мы не обручены. Это все, что̀ тебѣ нужно знать.

— Такъ если вы не обручены, вы должны обручиться. Вотъ все, что̀ я могу сказать. Смѣшно все откладывать до по-

слѣдней минуты, какъ бы вы тамъ ни были увѣрены другъ въ другѣ. Старый мистеръ Тревертонъ умеръ въ началѣ января, а теперь конецъ ноября. Мнѣ право непріятно уѣзжать и оставлять твои дѣла въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи.

Селія, это самое легкомысленное существо въ мірѣ, прикидывалась дѣловой и принимала относительно Лоры Малькольмъ видъ старшей сестры, забавный по своей нелѣпости.

— Тебѣ не къ чему безпокоиться, Селія. Я въ состояніи управиться съ своими дѣлами.

— Не думаю. Ты страшно умна и прочла больше книгъ, чѣмъ я видѣла обложекъ и переплетовъ во всю свою жизнь. Но ты ни мало не практична, не дѣловита. Ты, рискуя лишиться этого милаго, стараго дома и принадлежащаго къ нему помѣстья, остаешься совершенно хладнокровной, точно дѣло идетъ о настоящей бездѣлицѣ. Я начинаю опасаться, не питаешь ли ты, втайнѣ отъ самой себя, благосклонности къ моему недостойному брату.

— Тебѣ нечего этого бояться. Я расположена къ твоему брату ради нашего стариннаго знакомства, и потому, что думаю, что онъ любитъ меня.

— Настолько, насколько можетъ любить кого-нибудь, принимая во вниманіе небольшой остатокъ любви, имѣющейся у него за вычетомъ его искренней преданности къ самому себѣ,—презрительно прервала Селія.

— Я не питаю къ нему болѣе теплаго чувства, чѣмъ самая обыкновенная дружба, и никогда питать его не буду.

— Бѣдный Тедъ! Я очень объ этомъ сожалѣю за него, но очень рада за тебя.

Сіяющая Селія уѣхала въ Брайтонъ съ тремя сундуками и двумя ящиками для шляпъ, и зáмокъ тотчасъ погрузился въ молчаніе и мракъ. Маленькія дурачества Селіи часто бывали несносны, но ея веселый характеръ пріятно оживлялъ обширный, пустой домъ. Ея шутки были шутки школьническія, не болѣе, но онѣ были искренни и происходили отъ избытка жизненныхъ силъ и счастливаго характера. Селія трещала бы также весело за чашкой чая и селедкой на чердакѣ, за который бы платила по пяти шиллинговъ въ недѣлю, какъ болтала теперь среди изысканныхъ яствъ въ Газльгёрстскомъ зáмкѣ. Она была веселое, беззаботное, лѣнивое созданіе, одаренное тою безграничной любовью къ жизни, ради ея самой, которая дѣлаетъ счастливымъ неаполитанскаго нищаго, грѣющагося на солнцѣ, и дѣлаетъ довольнымъ цыгана, подъ низкимъ навѣсомъ его па-

латки, разбитой на пустопорожнемъ мѣстѣ у дороги, откуда онъ всякую минуту можетъ быть изгнанъ неумолимымъ полицейскимъ.

Селія уѣхала, и у Лоры было довольно времени для серьёзныхъ размышленій. На первыхъ порахъ, она была рада быть одной, чтобы на свободѣ передумать всѣ свои думы, не боясь встрѣтить пронзительный взглядъ проницательныхъ глазъ Селіи; ей пріятно было не видѣть этой птичьей головы, склоненной на одинъ бокъ, съ выраженьемъ невыносимой хитрости на лицѣ. Затѣмъ, нѣсколько времени спустя, глубокая меланхолія, горькое чувство разочарованія овладѣли ея душой, и изгнать ихъ она была не въ силахъ.

Она не забыла долгаго прощанія въ экипажной аллеѣ. Конечно, если что-нибудь могло равняться обрученью, то слова, сказанныя въ этотъ вечеръ, сорванный съ устъ ея поцѣлуй равнялись самому торжественному обрученью. А между тѣмъ съ того вечера прошло шесть мѣсяцевъ, и Джонъ Тревертонъ совсѣмъ пропалъ. За все это время образъ его рѣдко выходилъ у нея изъ головы. День за днемъ, часъ за часомъ она ожидала увидѣть его входящимъ въ садъ, безъ доклада, какъ увидѣла его тогда, изъ-подъ тесовой арки, когда онъ спокойно любовался весенними цвѣтами и точно улыбающимся и блестящимъ на солнцѣ лугомъ, по которому, точно живыя, мелькали тѣни отъ деревъ, надъ которымъ жужжали первыя пчелы, проносились первыя бабочки и летали надъ куртинами, полными красныхъ и желтыхъ тюльпановъ. Она видала его ежедневно въ теченіи его послѣдняго пребыванія въ домѣ Сампсоновъ, и эта недѣля дружескаго общенія чрезвычайно сблизила ихъ. За все это время онъ не сказалъ ни слова о странномъ положеніи, въ которомъ они находились по отношенію другъ къ другу; ее восхищала деликатность, которой она приписывала его сдержанность. Ей казалось, что нечего говорить, прежде чѣмъ не скажется то окончательное слово, которое исполнитъ желаніе Джаспера Тревертона и соединитъ ихъ двѣ судьбы на-вѣки. И Лора не видѣла причины, почему бы этому слову не быть произнесеннымъ въ урочный часъ. Ей думалось, что она нравится Джону Тревертону. Настроеніе его духа за эту недѣлю, составленную изъ солнечныхъ и дождливыхъ дней, было довольно перемѣнчиво, какъ погода. По временамъ онъ бывалъ чрезвычайно веселъ, встрѣчалъ самую безумно веселую шутку Селіи другой, еще болѣе веселой, а по временамъ становился мрачнымъ, что̀ заставляло Селію увѣрять, что онъ въ ранней молодости совершилъ

убійство и что теперь его преслѣдуетъ воспоминаніе о сдѣланномъ преступленіи.

— Точно Евгеній Арамъ [1],—сказала она;—положительно, Лора, онъ похожъ на Евгенія Арама, и я убѣждена, что чьи-нибудь кости лежатъ въ пещерѣ на-готовѣ, чтобы быть сложенными, вонъ какъ складываютъ кусочки дерева въ «китайской головоломкѣ», и послужить къ обличенію его въ указанную судьбою минуту. Не выходи за него замужъ, Лора. Я увѣрена, что на его совѣсти лежитъ страшное бремя.

Они были невыразимо и совершенно безъискусственно счастливы, счастливы неразмышляющей радостью дѣтей, чьи соображенія никогда не идутъ дальше настоящей минуты. Можетъ быть, этому способствовала восхитительная апрѣльская погода, набросившая на землю теплое и блестящее покрывало изъ золотистыхъ солнечныхъ лучей, погружавшая молодые листья въ это море яркаго свѣта, окрасившая небо въ темный, чисто-итальянскій голубой цвѣтъ, побуждавшая птичекъ начинать свое пѣніе за часъ до солнечнаго восхода и продолжать его цѣлый часъ послѣ солнечнаго заката. Этого одного было довольно для счастія. Кромѣ того была молодость, сокровище, которому никто изъ насъ не придаетъ надлежащей цѣны, пока не утратитъ его. Тогда мы оглядываемся назадъ, сожалѣемъ объ утраченномъ, можетъ быть также какъ сожалѣемъ о самыхъ дорогихъ изъ похороненныхъ нами друзей; не молодость ли дѣлала и друзей нашихъ такими дорогими для насъ?

Какова бы ни была причина, но трое, а въ особенности двое молодыхъ людей, были счастливы. И однако, послѣ этой недѣли невинной короткости, послѣ этого прощальнаго поцѣлуя, Джонъ Тревертонъ находился въ отсутствіи болѣе полугода и даже письменно не потрудился увѣрить Лору, что она еще занимаетъ мѣсто въ его сердцѣ и въ его памяти.

Теперь она, думая о немъ, горько упрекала себя. Она сердилась на себя за то, что позволила своему сердцу полюбить его, за то, что заключила безмолвный союзъ съ нимъ, принявъ его прощальный поцѣлуй.

«Въ концѣ-концовъ ясно, что ему нужно только состояніе,—говорила она себѣ;—послѣ моихъ глупостей въ тотъ вечеръ, онъ такъ увѣренъ во мнѣ, что воображаетъ, что можетъ оставаться въ Лондонѣ и наслаждаться жизнію по-своему, и затѣмъ пріѣхать и въ послѣднюю минуту просить моей руки, какъ

[1]) Романъ Бульвера, которому имя героя служитъ заглавіемъ.

разъ во-время, чтобы выполнить условія духовнаго завѣщанія его двоюроднаго брата. Онъ пользуется послѣднимъ годомъ своей свободы. Онъ не дастъ мнѣ бо̀льшаго мѣста въ своей жизни, чѣмъ его къ тому обяжетъ законъ. Годъ почти прошелъ, а онъ подарилъ ли меня своимъ обществомъ дольше одной недѣльки? Хладнокровный обожатель, нечего сказать. Кромѣ того лицемѣръ, такъ какъ въ его взглядахъ, въ звукахъ его голоса, казалось, выражалась самая глубокая, самая сильная любовь. Совершенно безцѣльное лицемѣріе,—продолжала Лора бичевать себя, возбуждая въ себѣ болѣе и болѣе сильное негодованіе,—такъ какъ я умоляла его быть откровеннымъ со мною. Я предлагала ему честный дружескій союзъ. Но онъ мужчина, а вѣроятно, въ природѣ мужчины быть лукавымъ. Онъ предпочелъ объявить себя моимъ обожателемъ, забывъ, что его поведеніе докажетъ всю лживость его словъ. Я никогда не прощу его. Я никогда не прощу себя за то, что меня такъ легко было обмануть. Помѣстье пойдетъ на устройство больницы. Явись онъ сюда завтра, стой передо мной на колѣняхъ, я откажу ему. Я знаю все вѣроломство его притворной любви. Во второй разъ ему меня не одурачить».

Никогда не тщеславилась она своей красотой. Благодаря уединенной жизни, которую она вела въ домѣ своего пріемнаго отца, она осталась простой во всѣхъ своихъ мысляхъ и привычкахъ, простой, какъ монахиня, не выходившая изъ своего монастыря. Эдуардъ Клеръ много разъ говорилъ ей, что она прекрасна, и восхвалялъ ея красоту въ своихъ стихахъ, со всей изысканностью и съ нѣкоторой долей вольности, свойственными новой школѣ поэтовъ, мало извѣстнымъ членомъ которой онъ состоялъ; но Лора всѣ подобныя похвалы принимала за произведенія поэтической фантазіи, а никакъ не за справедливую дань ея красотѣ. Съ душой полной гнѣва на Джона Тревертона, смотрѣлась она въ зеркало, въ одинъ зимній вечеръ, и спрашивала себя: дѣйствительно-ли она хороша?

Да, если женщина, изображенная на картинѣ Гвидо, въ нижней столовой, хороша; если черты, словно выведенныя рѣзцомъ, темно-каріе глаза, нѣжный цвѣтъ лица, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, вѣки, какъ у статуи, оттѣненныя длинными рѣсницами, полу-печальный, полу-насмѣшливый ротикъ, и ямочки, мгновенно появлявшіяся, какъ только губы складывались въ ироническую, говорившую о презрѣніи къ самой себѣ улыбку, —если все это, вмѣстѣ взятое, составляло красоту, то Лора Малькольмъ несомнѣнно была красива. Она была артистка въ

душѣ, а потому знала, что красота горько улыбалась ей въ темномъ зеркалѣ.

— Можетъ быть, я не въ его вкусѣ,—съ короткимъ смѣхомъ проговорила она. — Я слыхала, какъ Эдуардъ Клеръ говорилъ о дѣвушкахъ, которыхъ я хвалила:—Да, она ничего, но не въ моемъ вкусѣ;—точно будто Провидѣніе обязано было имѣть его въ виду всякій разъ, какъ создавало хорошенькую женщину.— Не въ моемъ вкусѣ, бывало вяло протянетъ Эдуардъ, какъ-бы желая сказать: а потому и никуда не годится.

Каждая мысль о Джонѣ Тревертонѣ, еще остававшаяся въ умѣ Лоры, была горькой мыслью. Она такъ была на него сердита, что не допускала въ немъ ни одного хорошаго чувства, не считала его способнымъ ни на какой порядочный поступокъ. Насколько ея великодушная душа могла ненавидѣть, она готова была впасть въ грѣхъ ненависти.

Таково было ея настроеніе однажды, въ началѣ декабря. Въ сущности таково было ея постоянное настроеніе за послѣдніе три мѣсяца, но на свободѣ, въ уединеніи, гнѣвъ ея усилился. Таково было ея настроеніе, когда она ходила по саду, подъ холодными лучами солнца, смотрѣла на блѣдныя головки увядающихъ цвѣтовъ златоцвѣта, на китайскія астры, которыя однѣ выдавались своимъ яркимъ цвѣтомъ, точно скрашивая конецъ умирающаго года; на темныя, позднія розы, кичившіяся своей болѣзненной красотой, точно свѣтскія красавицы, которыя не хотятъ преклонить голову передъ приговоромъ времени. Утро было необыкновенно тихое: заостренный конецъ старо-моднаго флюгера указывалъ на юго-западъ; вѣтеръ едва шевелилъ листья зимнихъ дубовъ; высокія шотландскія ели, со своими красными шероховатыми стволами и возвышавшимися надъ ними шапками темной листвы, рѣзко выдѣлялись на чистомъ, ясномъ небѣ.

Этотъ садъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ Лоры въ ея уединеніи.

Богъ наградилъ ее той глубокой, неизмѣнной любовью къ природѣ, которая, быть можетъ, составляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ его. Тотъ, кто обладаетъ этой любовью, никогда не можетъ быть вполнѣ безутѣшенъ.

Она болѣе часу ходила по цвѣточному и по фруктовому садамъ. Возвращаясь и проходя подъ старой аркой изъ тисовыхъ деревьевъ, она увидала Джона Тревертона, стоящаго какъразъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она увидѣла его болѣе полу-года тому назадъ.

Какая непрочная вещь—гнѣвъ женщины на человѣка, кото-

раго она любитъ! Первымъ чувствомъ Лоры, при видѣ Джона Тревертона, было негодованіе. Она готова была принять его съ подавляющей вѣжливостью, заморозить его своей холодной учтивостью, какъ вдругъ замѣтила, что онъ смотритъ больнымъ, измученнымъ и глядитъ на нее глазами, полными нѣжности. Въ одну минуту позабыла она всѣ свои оскорбленія, подошла къ нему, протянула ему руку и тихо проговорила:

— Гдѣ вы были, что дѣлали все это время?

— Скитался по Лондону, принося очень мало пользы себѣ и другимъ,—откровенно отвѣтилъ онъ.

Затѣмъ онъ, казалось, забылся, восхищенный тѣмъ, что былъ съ нею. Онъ шелъ рядомъ съ ней, не говоря ни слова, а только глядя на нее любящими, восторженными глазами, точно будто она неожиданно явилась ему, какъ откровеніе доселѣ ему невѣдомой красоты и радости.

Наконецъ, онъ заговорилъ, но не сказалъ ничего особенно блестящаго.

— Рады ли вы, хоть сколько-нибудь, снова видѣть меня?—спросилъ онъ.—Помните, вы обѣщали мнѣ ласковый привѣтъ.

— Вы не торопились требовать исполненія моего обѣщанія. Оно было дано болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ. За это время вы, безъ сомнѣнія, получали другіе привѣты и совершенно позабыли Газльгёрстскій за́мокъ.

— За́мокъ и обитательница его никогда не выходили изъ моихъ мыслей.

— Въ самомъ дѣлѣ? но вы такъ долго не возвращались. Это похоже на то, что вы забыли.

— Нѣтъ, я не забывалъ. Были причины, причины которыхъ я объяснить не могу.

— Онѣ болѣе не существуютъ?

— Нѣтъ,—онъ глубоко вздохнулъ,—теперь съ ними кончено.

— Вы, можетъ быть, были больны, — вслухъ соображала Лора, глядя на него съ заботливостью, которой она скрыть не умѣла.

— Я былъ далеко не здоровъ. Я работалъ усерднѣе обыкновеннаго. Вы знаете, Лора, я вѣдь долженъ заработывать хлѣбъ свой.

— Вы имѣете какую нибудь профессію, съ тѣхъ поръ, какъ оставили военную службу?—спросила Лора.

— Я оставилъ военную службу шесть лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я ухитрился жить собственнымъ трудомъ. Моя карьера не изъ удачныхъ. Я жилъ частью рисованьемъ, частью

литературой, но не составилъ себѣ имени ни тѣмъ, ни другимъ. Отчетъ не блестящій, неправда-ли? Его единственное достоинство —истина. Я—ничто. Ваше великодушіе и завѣщаніе моего двоюроднаго брата Джаспера, можетъ быть, и сдѣлаютъ меня кѣмъ-нибудь. Участь моя зависитъ отъ васъ.

Едва-ли то былъ тонъ влюбленнаго. Гордость Лоры возмутилась бы этимъ тономъ, еслибы не сознавала въ душѣ, что Джонъ Тревертонъ любитъ ее. Въ молчаливой любви есть тайная сила, болѣе могучая, чѣмъ все любовное краснорѣчіе. Рука, которая дрожитъ, касаясь другой руки, мимолетный взглядъ любящихъ глазъ, вздохъ, часто скажутъ больше, чѣмъ цѣлая рѣчь. Джонъ Тревертонъ былъ самымъ сдержаннымъ изъ любовниковъ, но его сдержанность не оскорбляла Лору.

Они вмѣстѣ вошли въ старый домъ, сѣли завтракать вдвоемъ, въ присутствіи Тримера, стараго дворецкаго, прожившаго болѣе тридцати лѣтъ въ домѣ Джаспера Тревертона и вынесшаго Лору на рукахъ изъ экипажа, когда господинъ его привезъ ее въ зáмокъ нѣжнымъ ребенкомъ, задумчиво оглядывавшимъ незнакомые предметы широко-раскрытыми глазами.

— Они всему свѣту показались бы мужемъ и женой, — сказалъ Тримеръ, возвратясь къ себѣ въ буфетную,—и я надѣюсь, что скоро оно такъ и будетъ. Изъ нихъ выйдетъ славная парочка, и я увѣренъ, что они и теперь уже любятъ другъ друга.

— Миссъ Лора не таковская, чтобы пойти за человѣка, не любя его: ни изъ-за какихъ состояній въ мірѣ она этого не сдѣлаетъ,—возразила мистрисъ Тримеръ, которая была въ домѣ кухаркой и экономкой почти также долго, какъ мужъ ея былъ дворецкимъ.

— Будь я молодой барышней, я бы почти за всякаго вышелъ замужъ скорѣй, чѣмъ лишился такого дома, каковъ Газльгёрстскій зáмокъ,—отвѣтилъ Тримеръ.—Я не жаденъ до денегъ, но хорошенькимъ уголкомъ своимъ шутить не слѣдуетъ. А коли они не женятся, и помѣстье пойдетъ на постройку больницы, что-жъ съ нами-то будетъ? Иные люди въ нашихъ условіяхъ такъ бы и рвались открыть трактиръ и нажить состояніе; но я какъ-то больше видѣлъ, что люди теряли, а не пріобрѣтали состояніе этимъ путемъ; я очень хорошо знаю, чтó мнѣ выгодно. Хорошее жалованье, аккуратно уплачиваемое, на всемъ готовомъ, больше мнѣ ничего не надо.

Послѣ завтрака, Лора и Джонъ пошли пройтись по саду. Общее желаніе привело ихъ на то мѣсто, на которомъ они

разстались въ тотъ апрѣльскій вечеръ. Извилистая дорога, обсаженная славными, старыми деревьями, была пріятнымъ мѣстомъ для прогулки, даже и въ это время года, когда на деревьяхъ не оставалось ни одного зеленаго листа, а истрепанныя вороньи гнѣзда чернѣли между нѣжными изгибами обнаженныхъ верхнихъ вѣтвей. Въ воздухѣ было еще тише, чѣмъ утромъ. Такая погода могла стоять въ полуденное время, въ началѣ октября. Джонъ Тревертонъ остановился передъ шероховатымъ стволомъ стараго каштана, подъ сѣнью котораго они съ Лорой разстались. Молодые листья въ тотъ вечеръ образовывали тѣнистый навѣсъ; теперь большія вѣтви оставались темными, обнаженными; на нихъ пятнами виднѣлся мохъ, замѣчались слѣды непогоды. Трава у подножія дерева была усѣяна зеленой шелухой, сломанными вѣточками, старыми листьями и блестящими, темно-коричневыми каштанами.

— Мнѣ кажется, что мы на этомъ мѣстѣ разстались,—сказалъ Джонъ.—Вы помните?

— Я смутно припоминаю, что это было гдѣ-то здѣсь,—небрежно отвѣтила Лора.

Она отлично знала это мѣсто, но не хотѣла въ этомъ сознаться.

Онъ взялъ ея руку и тихо положилъ ее въ свою, точно они отправлялись въ какое-нибудь дальнее странствованіе; потомъ наклонилъ голову и поцѣловалъ нѣжную, обнаженную ручку—прелестную, тонкую ручку, которая могла принадлежать только лэди, ручку, которая одна, сама по себѣ, могла приводить влюбленнаго въ восторгъ.

— Радость моя, когда мы обвѣнчаемся?—тихо, почти шопотомъ спросилъ онъ, словно имъ, въ эту критическую минуту, овладѣла неизъяснимая робость.

— Что за вопросъ, — воскликнула Лора, съ притворнымъ удивленіемъ. — Кто-же когда-нибудь говорилъ о свадьбѣ? Вы никогда не просили меня быть вашей женой.

— Какъ не просилъ? Да я же васъ спрашивалъ, не сердитесь ли вы на вашего пріемнаго отца за его завѣщаніе, и вы сказали: *нѣтъ*. Это равнялось тому, какъ еслибъ вы сказали, что согласны исполнить желаніе добраго старика. Мы иначе исполнить его не можемъ, какъ сдѣлавшись мужемъ и женою. Лора, я люблю васъ болѣе, чѣмъ когда-либо съумѣю это выразить, и любя тебя, такъ какъ я люблю, — хотя и сознаю свои многочисленные недостатки, знаю, что во многихъ отношеніяхъ недостоинъ быть твоимъ мужемъ, я, нищій, неудачникъ, безъ имени

и извѣстности, ничтожество; но все-таки, радость моя, я здѣсь у ногъ твоихъ, падаю передъ тобой на колѣни, я, который никогда прежде не преклонялъ колѣни передъ женщиной, и слишкомъ рѣдко преклонялъ его предъ Господомъ своимъ, и прошу руки твоей по всей forma pauperis. Можетъ быть, во всей Англіи нѣтъ человѣка, менѣе достойнаго стать твоимъ мужемъ, но за нимъ одно достоинство: онъ любитъ тебя всѣмъ сердцемъ, всей душой.

Онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, съ обнаженной головой, у подножія стараго каштана, среди шероховатыхъ корней, извивавшихся подъ травою. Лора поклонилась и коснулась губами его лба. То почти былъ поцѣлуй. Нѣжныя губки только на мгновеніе дотронулись до его лба. Прикосновеніе крыла бабочки не могло быть легче.

— Я беру тебя, дорогой мой,—тихо сказала она,—со всѣми твоими недостатками, какъ бы они многочислены ни были. Я чувствую, что могу довѣриться тебѣ, тѣмъ болѣе, можетъ-быть, что ты себя не хвалишь. Мы постараемся исполнить обязанности свои по отношенію другъ къ другу и къ нашему покойному благодѣтелю, и употребимъ его богатство для достиженія благородныхъ цѣлей. Не такъ-ли, Джонъ?

— Ты употребишь его на благородныя цѣли, радость моя; ты ничего неблагороднаго сдѣлать не можешь,—серьёзно отвѣтилъ онъ.

Онъ былъ блѣденъ, даже губы его побѣлѣли; въ его взорѣ, полномъ любви, не было вовсе радости.

Глава X.—Обрученные.

Джонъ Тревертонъ оставался въ замкѣ, пока совершенно не смерклось, вдвоемъ съ своей невѣстой и былъ счастливѣе, чѣмъ бывалъ когда-либо во всю свою жизнь. Да, онъ былъ счастливъ, хотя то было счастіе ребенка, рвущаго дикіе цвѣты на озаренномъ солнцемъ краю пропасти. Онъ долженъ былъ быть выше или ниже общечеловѣческаго уровня, чтобы не чувствовать себя сегодня счастливымъ, въ обществѣ Лоры Малькольмъ. Когда они въ сумерки сидѣли рядомъ у камина, причемъ голова ея покоилась на его плечѣ, его рука обнимала ея талію, ея темные глаза скрывались подъ опущенными вѣками и задумчиво глядѣли на тлѣвшія полѣнья. Комната была слабо освѣщена пламенемъ; уродливыя тѣни появлялись и исчезали на

стѣнѣ позади влюбленныхъ, точно призрачныя фигуры добрыхъ и злыхъ духовъ, витавшихъ вокругъ нихъ, пока они сидѣли лицомъ къ лицу съ судьбою, причемъ она не сознавала никакой опасности, а онъ, махнувъ на все рукой, бросалъ судьбѣ вызовъ. Теперь, когда слово было сказано, когда они были связаны до конца жизни, Лора безъ малѣйшей сдержанности раскрыла свое сердце передъ своимъ женихомъ. Она не боялась обнаружить передъ нимъ свою привязанность. Она не стремилась сдѣлать любовь свою болѣе драгоцѣнной для него, посредствомъ притворной холодности. Она отдалась ему всѣмъ сердцемъ, всей душой, отдалась, какъ Джульета—Ромео. Уста, никогда не произносившія ни одного слова любви, теперь нашептывали ему на ухо самыя сладкія слова; глаза, никогда доселѣ не глядѣвшіе въ глаза поклонника, теперь смотрѣли на него не отрываясь и погружались долгимъ взоромъ въ самую глубину его очей. Никогда не бывало жениха, котораго бы такъ невинно и открыто обожали. Будь онъ хвастливъ или навязчивъ, гордость Лоры тотчасъ-бы встрепенулась. Но его глубокое смиреніе и тѣнь грусти, лежавшая на немъ даже тогда, когда онъ казался счастливымъ, возбуждали въ ней жалость; а женщина никогда не бываетъ такъ довольна любимымъ человѣкомъ, какъ если онъ нуждается въ ея состраданіи.

— И ты, въ самомъ дѣлѣ, любишь меня, Лора? спросилъ онъ, склоняясь надъ прекрасной головкой, которой, казалось, такъ естественно было отдыхать на его плечѣ.—Еслибъ завѣщаніе моего двоюроднаго брата Джаспера не существовало, и мы бы съ тобой встрѣтились въ свѣтѣ, думаешь-ли ты, что сердце твое выбрало-бы меня?

— Это слишкомъ отвлеченный, чисто-метафизическій вопросъ, смѣясь отвѣтила она.—Я знаю только, что мое сердце выбрало тебя, и что завѣщаніе отца—я не могу не называть его старымъ именемъ—не повліяло на мой выборъ. Не думаешь-ли ты, что это все, что тебѣ нужно знать?

— Это все, что́ я желаю знать, моя радость. Нѣтъ, не совсѣмъ все. Я бы желалъ знать—такъ, чисто изъ празднаго любопытства—когда ты впервые начала находить меня не вполнѣ достойнымъ презрѣнія.

— Ты хочешь знать исторію этого дѣла съ самаго начала?

— Да, съ самаго начала съ первой минуты, когда твое сердце стало биться немного ласковѣе для меня, чѣмъ для остального человѣчества.

— Я скажу тебѣ *это*...

Она остановилась и заглянула ему въ глаза съ улыбкой невиннаго кокетства.

— Да, дорогая.

— Когда ты разскажешь мнѣ исторію твоей жизни, съ той минуты, когда я стала тебѣ дороже большинства женщинъ.

Его первый отвѣтъ былъ глубокій вздохъ.

— Ахъ, дорогая, я—другое дѣло. Я боролся противъ своей страсти.

— Почему?

— Потому что признавалъ себя недостойнымъ тебя.

— Это было глупо.

— Нѣтъ, милая, это было умно и основательно. Ты точно счастливый ребенокъ, Лора; твое прошлое—чистый листъ бѣлой бумаги, въ немъ нѣтъ мрачныхъ тайнъ.

Онъ почувствовалъ, что она задрожала, когда онъ это говорилъ. Неужели его слова напугали ее? Неужели она начала угадывать опасности, окружавшія его со всѣхъ сторонъ?

— Дорогая, я не хочу пугать тебя, но въ прошломъ человѣка моихъ лѣтъ почти всегда есть страница, которую онъ готовъ былъ бы уничтожить цѣною десяти лѣтъ своей жизни. Темная страница есть и въ моей жизни. О, голубка, голубка, еслибъ я чувствовалъ себя по истинѣ достойнымъ тебя, мое сердце едва ли бы могло вмѣстить мое счастіе. Оно бы разорвалось отъ слишкомъ большой радости. Мужскія сердца такъ разрывались... Когда я началъ любить тебя? Да въ ту ночь, когда я впервые вошелъ въ этотъ домъ, въ безотрадную зимнюю ночь, когда я пришелъ, какъ блудный сынъ, наскучивъ розысками, съ смутнымъ стремленіемъ къ лучшей жизни въ душѣ. Твои удивительные глаза, твоя серьёзная, милая улыбка, твой нѣжный голосъ явились мнѣ какъ откровеніе изъ новаго міра, въ которомъ съ понятіемъ о женщинѣ соединяется понятіе о добротѣ, чистотѣ и искренности. Я не былъ еще возбужденъ твоею красотой, моя душа поклонялась твоей добротѣ. Ты была отъ меня также далека въ то время, какъ картина, стоящая въ галлереѣ, но ты поразила мою душу, подобно тому, какъ и картина могла бы поразить ее; ты пробудила во мнѣ рядъ новыхъ мыслей, ты отворила мнѣ дверь на небо. Да, Лора, восхищеніе, поклоненіе, боготвореніе овладѣли мной въ первый вечеръ. Прежде чѣмъ я уѣхалъ изъ Газльгёрста, благоговѣйное обожаніе превратилось въ страстную любовь.

— А между тѣмъ, ты жилъ вдали отъ меня съ января по апрѣль.

— Все время отсутствія было занято долгой борьбой съ моей любовью.

— А съ апрѣля по декабрь послѣ того, какъ...

— Послѣ того, какъ ты раскрыла мнѣ твое сердце, радость моя, и я узналъ, что ты можешь быть моею? Эта послѣдняя разлука требовала еще болѣе отчаяннаго мужества. Но, какъ видишь, я воротился. Любовь пересилила благоразуміе.

— Почему намъ неблагоразумно любить другъ друга?

— Единственно по недостоинству моему.

— Такъ мы позабудемъ о твоемъ недостоинствѣ или, если это твоей скромности пріятнѣе, я буду любить тебя при всемъ твоемъ недостоинствѣ. Я вовсе не воображаю, чтобы ты былъ безукоризненнымъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, Джонъ. Папа́ говорилъ мнѣ, что ты моталъ и дѣлалъ глупости. Ты не станешь болѣе мотать и дурачиться, неправда-ли, милый, когда будешь солиднымъ, женатымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, голубка.

— И мы оба будемъ стремиться къ тому, чтобы изъ нашего большого состоянія дѣлать какъ можно больше добра?

— Ты будешь у насъ главной распорядительницей.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я ни за что не хочу. Ты долженъ быть господиномъ и хозяиномъ. Я надѣюсь, что ты превратишься въ идеальнаго деревенскаго сквайра, будешь солнцемъ, средоточіемъ нашего маленькаго мірка, общимъ благодѣтелемъ. Я, если тебѣ угодно, буду твоимъ первымъ министромъ и совѣтникомъ. Я знаю всѣхъ бѣдняковъ на десять миль въ окружности, на нашей и на чужой землѣ. Я знаю ихъ нужды и ихъ слабости. Да, Джонъ, я думаю, что могу помочь тебѣ во многихъ добрыхъ дѣлахъ, въ улучшеніяхъ, которыя, не разоряя тебя, сдѣлаютъ жизнь сельскаго трудящагося люда несравненно счастливѣе, чѣмъ она теперь.

— Повиноваться тебѣ будетъ для меня счастіемъ,—нѣжно проговорилъ Джонъ.

— Знаешь ли, что для меня будетъ большимъ счастіемъ не покидать за́мка,—вскорѣ сказала Лора. Ты не долженъ считать меня корыстолюбивой, думать, что я особенно высоко цѣню обширный домъ и большое состояніе. Это несправедливо, Джонъ. Я могла бы жить съ тобою въ сельскомъ домикѣ, на доходы съ завѣщаннаго мнѣ отцомъ капитала, и быть совершенно довольной, болѣе, чѣмъ довольной своей судьбой; но я люблю за́мокъ ради его самого. Я знаю каждое дерево въ саду, я слѣдила за ихъ ростомъ, я столько разъ срисовывала ихъ, что почти знаю форму

каждой вѣтки. Я такъ долго жила въ этихъ старыхъ комнатахъ, что не думаю, чтобы я, въ какихъ бы то ни было другихъ комнатахъ, чувствовала себя дома. Это—милый, старый домъ, неправда-ли, Джонъ? Ты, вѣроятно, возгордишься, когда станешь владѣльцемъ его.

— Я буду гордиться моей женою, когда мнѣ будетъ дозволено назвать ее своей. Этой гордости съ меня будетъ довольно,—отвѣтилъ Джонъ, привлекая ее къ себѣ на грудь.

— А теперь, я, пожалуй, долженъ отправиться къ Сампсону и сказать ему, что все окончательно рѣшено. Когда мы обвѣнчаемся, радость моя? Мой двоюродный братъ умеръ 20-го января. Мы не должны откладывать нашей свадьбы далѣе конца этого мѣсяца.

— Обвѣнчаемся въ послѣднiй день этого мѣсяца, сказала Лора.—Эго самый торжественный день въ цѣломъ году. Мы никогда не забудемъ дня нашей свадьбы, если она будетъ отпразднована въ этотъ день.

— Я бы не забылъ его ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ.

— Пусть свадьба будетъ въ этотъ день, радость моя. Конецъ года соединитъ меня съ тобою на всю жизнь. Я сегодня вечеромъ увижу мистера Клера и все устрою.

Они долго прощались, а въ самую послѣднюю минуту Джонъ Тревертонъ предложилъ, чтобы Лора надѣла шляпу и теплую кофточку и дошла съ нимъ до воротъ; первое прощанiе уже было не въ счетъ. Они долго шли до воротъ; ранняя зимняя ночь уже наступила; звѣзды сiяли на небѣ, когда они неохотно разстались. Лора пошла по аллеѣ такой-же легкой поступью, какой шла Джульета, направляясь въ келью монаха, чтобы тамъ обвѣнчаться; Джонъ Тревертонъ медленно пошелъ по дорогѣ въ деревню Газльгёрстъ, склонивъ голову на грудь. Радостное выраженiе исчезло съ лица его.

Мистеръ Сампсонъ и сестра его садились за столъ, когда онъ входилъ; оба восторженно привѣтствовали его.

— Клянусь, вы совершенно необыкновенный человѣкъ,—воскликнулъ стряпчiй, послѣ продолжительныхъ рукопожатiй.—Вы убѣгаете въ страшныхъ торопяхъ, обѣщая возвратиться черезъ недѣлю, самое позднее черезъ двѣ, и шесть мѣсяцевъ васъ не видно; вы даже не удостоиваете написать повѣренному вашего семейства строчку, чтобы сказать, почему вы не ѣдете. Немного людей въ Англiи, которые бы стали рисковать такими надеждами, какъ ваши. Вашъ двоюродный братъ, когда дѣлалъ это свое

необыкновенное завѣщаніе, говорилъ мнѣ, что вы всегда были необузданнымъ человѣкомъ, но подобной необузданности я не ожидалъ.

— Право, Томъ, — протестовала миссъ Сампсонъ, — ты не имѣешь никакого права такъ говорить съ мистеромъ Тревертономъ.

— Нѣтъ, имѣю, — возразилъ Сампсонъ, гордившійся своей откровенностью, — право это даетъ мнѣ то искреннее участіе, какое я принимаю въ дѣлахъ его, участіе скорѣй друга чѣмъ стряпчаго. Ты, надѣюсь, не думаешь, что я изъ-за денегъ такъ много беру на себя, Лиззи. Нѣтъ, я говорю это потому, что питаю искреннее расположеніе къ родственнику моего стараго кліента и безкорыстно забочусь о его благополучіи.

— Я думаю, что вы можете успокоиться на мой счетъ, — сказалъ Джонъ безъ малѣйшихъ признаковъ восторга; я намѣренъ вѣнчаться въ послѣдній день этого мѣсяца и желалъ-бы, чтобы вы заготовили брачный контрактъ.

— Браво! — воскликнулъ Томъ Сампсонъ, махая салфеткой, — я почти также радъ, какъ если-бъ бился за это объ закладъ и, проснувшись, узналъ, что выигралъ двадцать тысячъ фунтовъ. Поздравляю васъ, дорогой мой. Одно Газльгёрстское помѣстье приноситъ добрыхъ восемь тысячъ въ годъ. Затѣмъ три тысячи фунтовъ помѣщены въ Бичамптонѣ, въ поземельныхъ рентахъ; ваши дивиденды съ желѣзно-дорожныхъ и иныхъ акцій доведутъ вашъ доходъ до чистыхъ четырнадцати тысячъ фунтовъ.

— Будь миссъ Малькольмъ безъ гроша, я бы точно также гордился тѣмъ, что выборъ ея палъ на меня, какъ горжусь теперь, — серьёзно замѣтилъ Джонъ.

— Вы смотрите на вопросъ, какъ совершенный джентльменъ, — воскликнулъ стряпчій, какъ-бы желая сказать: «мы это все знаемъ, вы обязаны говорить такого рода вещи».

Миссъ Сампсонъ смотрѣла въ тарелку и чувствовала, что аппетитъ пропалъ на вѣки. Было, безъ сомнѣнія, глупо чувствовать такое огорченіе, но молодыя дѣвушки вообще склонны къ глупостямъ, а Элизѣ Сампсонъ еще не исполнилось тридцати лѣтъ. Она съ самаго начала знала, что Джонъ Тревертонъ женится на Лорѣ Малькольмъ, а между тѣмъ позволила себѣ втайнѣ поклоняться ему. Онъ былъ красивъ и привлекателенъ, а миссъ Сампсонъ видѣла такъ мало молодыхъ людей, обладавшихъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ качествъ, что ей можно простить, если она свою молодую, непочатую еще привязанность сосредоточила на первомъ изящномъ незнакомцѣ, проникшемъ въ узкую сферу ея безцвѣтной жизни.

Она жила съ нимъ подъ одной крышей, она подавала ему утромъ кофе, вечеромъ чай; какъ хлопотала она, чтобы въ его чашкѣ было довольно и сахару, и сливокъ! Она изучала его вкусы, заботилась о его продовольствіи съ неизмѣннымъ усердіемъ. Она, для услажденія его слуха, каждый вечеръ въ теченіи его двухъ посѣщеній, играла rêverie Розеллена. Она пѣла его любимыя баллады, и если голосъ иногда и измѣнялъ ей на высокихъ нотахъ, то она брала чувствомъ тамъ, гдѣ ей недоставало силы. Подобныя вещи нелегко забываются молодымъ умомъ, пищу котораго составляли трехъ-томные романы, и который къ тому-же отъ природы былъ нѣсколько сентименталенъ.

— Наша свадьба будетъ очень тихая,—вскорѣ сказалъ Джонъ Тревертонъ:—Лора этого желаетъ, и я съ ней согласенъ. Я былъ-бы очень радъ, если-бъ вы воздержались отъ разговоровъ о ней съ кѣмъ-бы то ни было, Сампсонъ, и вы также, миссъ Сампсонъ. Мы не желаемъ быть предметомъ общаго любопытства всей деревни.

— Я буду нѣмъ, какъ кусокъ пергамена,—отвѣтилъ стряпчій:—и знаю, что на скромность Элизы можно положиться.

Элиза робко взглянула на гостя, причемъ ея бѣлыя рѣсницы задрожали отъ волненія.

— Я должна-бы поздравить васъ, мистеръ Тревертонъ,—пролепетала она:—но все это такъ внезапно, такъ поразительно, что я просто не нахожу словъ.

— Дорогая миссъ Сампсонъ, мнѣ извѣстно ваше дружеское ко мнѣ расположеніе,—съ спокойнымъ добродушіемъ отвѣтилъ Джонъ.

О, какъ онъ былъ холоденъ, какъ жестоко равнодушенъ къ ея чувствамъ! А между тѣмъ онъ долженъ-бы былъ знать! Неужели rêverie Розеллена, съ прижатой лѣвой педалью, ничего ему не сказала?

Позже вечеромъ Джонъ Тревертонъ и его хозяинъ курили tête-à-tête въ кабинетѣ мистера Сампсона, у камелька, возлѣ котораго стряпчій предпочиталъ сидѣть, чѣмъ помѣщаться въ изящно разубранной гостиной сестры, среди накрахмаленныхъ антимакасаровъ, стульевъ, на которыхъ нельзя было сидѣть, и скамеечекъ, предназначавшихся для чего угодно, но никакъ не для отдохновенія человѣческихъ ногъ. Свою нелюбезную привычку проводить вечера вдали отъ семейнаго кружка, мистеръ Сампсонъ оправдывалъ занятіями.

Двое мужчинъ просидѣли нѣсколько времени другъ противъ друга, въ дружелюбномъ молчаніи, причемъ Джонъ Тревертонъ

былъ погруженъ въ серьёзныя размышленія, а мистеръ Сампсонъ находился въ пріятномъ настроеніи духа. Онъ поздравлялъ себя съ надеждой сохранить и на будущее время свое настоящее положеніе—агента по управленію Тревертонскимъ помѣстьемъ, каковаго выгоднаго управленія онъ долженъ-бы былъ лишиться, если-бъ Джонъ Тревертонъ былъ настолько безуменъ, что лишился бы права на наслѣдство, отказавшись подчиниться условіямъ завѣщанія своего родственника.

— Я желаю вполнѣ уяснить себѣ свое положеніе,—вскорѣ сказалъ Джонъ.—Могу-ли я, по своему усмотрѣнію, обезпечить мою будущую жену?

— Вы можете обезпечить ее тѣмъ, чѣмъ въ настоящую минуту владѣете,—отвѣтилъ стряпчій.

— Мои настоящія богатства не составляютъ и пяти фунтовъ.

— Въ такомъ случаѣ я думаю, что намъ нечего и толковать о брачномъ свадебномъ контрактѣ. На основаніи завѣщанія вашего двоюроднаго брата его помѣстье должно находиться на отвѣтственности душеприкащиковъ въ теченіи года. Если впродолженіи этого времени вы женитесь на миссъ Малькольмъ, помѣстье перейдетъ въ ваше владѣніе по истеченіи этого года. Тогда, послѣ свадьбы вы можете составить дарственную запись, въ томъ размѣрѣ, какъ вамъ будетъ угодно, но вы не можете отдавать того, чѣмъ сами не владѣете.

— Понимаю. Значитъ, эта запись, этотъ документъ долженъ быть составленъ послѣ свадьбы. Что-жъ, вы можете теперь-же получить мои инструкціи. Вы можете составить черновую, представить ее на обсужденіе, исполнить всѣ формальности, такъ чтобы документъ этотъ могъ имѣть законную силу въ тотъ-же день, когда я буду введенъ во владѣніе имѣніемъ.

— Вы страшно торопитесь,—замѣтилъ Сампсонъ, улыбаясь горячности своего клієнта.

— Жизнь полна ужасныхъ случайностей. Я хочу, чтобы благосостояніе любимой мною женщины было обезпечено, какая бы участь ни ожидала меня.

— Эта великодушная заботливость очень рѣдко встрѣчается у влюбленныхъ. Какъ бы страстно они ни любили въ настоящемъ, любовь ихъ рѣдко принимаетъ видъ заботливости о будущемъ любимаго существа. Отсюда цѣлый рядъ поколѣній нищихъ вдовъ и обездоленныхъ дѣтей. «Après moi le déluge»—любимая поговорка влюбленныхъ. Что-жъ, мистеръ Тревертонъ, чѣмъ вы намѣрены обезпечить жену вашу?

— Цѣлымъ помѣстьемъ, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, — спокойно отвѣтилъ Джонъ Тревертонъ. Мистеръ Сампсонъ выронилъ сигару и сидѣлъ пораженный, олицетворяя собой полунасмѣшливое удивленіе.

— Вы, должно быть, съ ума сошли,—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, я только благоразуменъ,—отвѣтилъ Тревертонъ.— Помѣстье было завѣщано мнѣ номинально, а Лорѣ Малькольмъ дѣйствительно. Чѣмъ я былъ для завѣщателя? Родственникомъ по крови, правда, но совершенно постороннимъ человѣкомъ. Въ то время, когда онъ составилъ это завѣщаніе, онъ никогда не видѣлъ лица моего; то немногое, что́ онъ когда-либо обо мнѣ слышалъ, не должно было говорить въ мою пользу, такъ какъ вся жизнь моя была одной долгой ошибкой, и я никому не давалъ повода воспѣвать мнѣ хвалы. Чѣмъ была для него Лора? Его пріемной дочерью, любимымъ и любящимъ товарищемъ его склоняющихся къ закату дней, его вѣрной нянькой, его безкорыстной рабой. Всю любовь, на какую онъ только былъ способенъ, онъ, конечно, сосредоточилъ на ней. Она выросла у его домашняго очага. Она усладила и оживила его одинокую жизнь. Онъ оставилъ мнѣ свое имѣніе, имѣя въ виду ее, съ тѣмъ, чтобы и клятвѣ своей остаться вѣрнымъ, и богатство свое оставить той, кому сердце его побуждало отдать его. Онъ нашелъ во мнѣ удобное орудіе для приведенія въ исполненіе его желаній; и я имѣю причину гордиться тѣмъ, что онъ пожелалъ оказать мнѣ подобное довѣріе, отдавъ мнѣ самое дорогое для него существо. Я все имѣніе отдамъ женѣ, Сампсонъ; я считаю, что честь меня къ тому обязываетъ.

Мистеръ Сампсонъ посмотрѣлъ на своего кліента долгимъ и испытующимъ взглядомъ, причемъ легкая улыбка заиграла на его солидной физіономіи.

— Не оскорбитесь моимъ вопросомъ, — сказалъ онъ. — Вы кругомъ въ долгу?

— Я не долженъ и шести пенсовъ. Я велъ, пожалуй, цыганскую жизнь, но не жилъ на чужія средства.

— Я очень радъ это слышать,—сказалъ Сампсонъ, выбирая свѣжую сигару изъ полнаго ящика,—потому что, если вы воображаете, что такой документъ, какой вы намѣреваетесь составить, поможетъ вамъ отдѣлаться отъ уплаты какихъ-либо нынѣ существующихъ долговъ, то вы очень ошибаетесь. Человѣкъ не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій, въ ущербъ своимъ кредиторамъ. Что же касается до будущихъ обязательствъ, то это дѣло иное; занимайся вы торговлей или спекуляціями, я бы понялъ

ваше желаніе сбросить имѣніе съ своихъ плечъ на плечи жены. Но въ вашихъ условіяхъ...

— Неужели вы не можете понять чего-нибудь не чисто коммерческаго?—воскликнулъ Джонъ Тревертонъ, начиная терять терпѣніе.—Неужели вы не понимаете, что я хочу сообразоваться съ духомъ, равно какъ съ буквой завѣщанія моего двоюроднаго брата Джаспера? Я хочу сдѣлать его пріемную дочь настоящей хозяйкой имѣнія, поставить ее въ то же положеніе, какое бы она совершенно естественно заняла, еслибъ онъ никогда не произносилъ этой глупой клятвы.

— Поступая такимъ образомъ, вы превращаетесь въ человѣка, зависящаго всецѣло отъ ея милостей.

— Пусть такъ, я очень радъ стать въ это положеніе. Полноте, любезный Сампсонъ, намъ нечего далѣе обсуждать этотъ вопросъ. Если вы не хотите составить документъ въ томъ именно видѣ, какой мнѣ нуженъ, я долженъ буду найти стряпчаго, который это выполнитъ.

— Дорогой мой сэръ,—живо воскликнулъ Томъ Сампсонъ:—когда мой кліентъ упорствуетъ въ желаніи одурачить себя, я никогда не отказываюсь отъ него. Ему лучше дурачиться подъ моимъ руководствомъ, чѣмъ подъ чьимъ-либо другимъ. Я, по крайней мѣрѣ, не страдаю отъ потери его практики и я къ тому же достаточно тщеславенъ, чтобы думать, что и онъ страдаетъ меньше, чѣмъ пострадалъ бы, еслибъ перенесъ свое дѣло въ какую-либо другую контору. Если вы окончательно рѣшились, то я готовъ набросать черновую такого документа, какой вамъ угодно будетъ мнѣ продиктовать; но я обязанъ предупредить васъ, что составленіе подобной дарственной записи даетъ право на помѣщеніе въ Бедламѣ [1]).

— Я и этого не испугаюсь. Никому нѣтъ надобности знать что-либо объ этомъ документѣ, кромѣ васъ, меня, и позже—жены моей. Я съ ней не буду говорить о немъ, пока онъ не будетъ совершенно готовъ.

Мистеръ Сампсонъ, удивленіе котораго уже стало хроническимъ, взялъ полъ-дести гладкой голубой бумаги и началъ писать сильно скрипѣвшимъ, гусинымъ перомъ, изводя значительное количество чернилъ. Какъ ни былъ простъ подарокъ, который Джонъ Тревертонъ желалъ сдѣлать женѣ, его требовалось обставить такимъ количествомъ юридической фразеологіи, что Томъ Сампсонъ извелъ свою полъ-десть бумаги, прежде чѣмъ дописалъ

---

[1]) Домъ для душевно-больныхъ.

запись до конца. Имѣнію должна была быть произведена опись, причемъ каждая деревушка, каждый домикъ, служившій жилищемъ земледѣльцу, описывались сначала въ величественныхъ, отвлеченныхъ фразахъ, потомъ назывались просто: то-то и то-то, извѣстное въ просторѣчіи подъ именемъ того-то и того-то, и такъ далѣе, съ повтореніями, могущими довести человѣка до сумасшествія. Джонъ Тревертонъ, курившій сигару и позволявшій мыслямъ своимъ залетать отъ времени до времени въ такія сферы, гдѣ далеко не все было пріятно, думалъ, что хозяинъ его никогда не перестанетъ водить это неумолимое перо — какъ разъ такое, которымъ можно было подписать, совершенно хладнокровно, смертный приговоръ, — по скользкой бумагѣ.

— Ну, наконецъ, — воскликнулъ Сампсонъ: — я думаю, что этимъ имѣніе крѣпко-на-крѣпко утверждено за вашей женой и дѣтьми ея, послѣ нея. Она можетъ проматывать доходы какъ ей будетъ угодно, но не можетъ и пальчикомъ дотронуться до капитала. А теперь вотъ остается только назначить двухъ отвѣтственныхъ лицъ хранителями документа.

— Я не знаю двухъ порядочныхъ людей на свѣтѣ, — откровенно сознался Джонъ.

— Нѣтъ, знаете. Вы знаете викарія здѣшняго прихода и знаете меня. Вашъ двоюродный братъ Джасперъ счелъ насъ достойными быть его душеприказчиками. Едва ли вы должны бояться довѣрить намъ храненіе вашей дарственной записи.

— Я ничего не имѣю противъ этого, и, конечно, не знаю лучшихъ людей.

— Значитъ, мы дѣло это будемъ считать рѣшеннымъ. Я отправлю документъ на обсужденіе, кому слѣдуетъ, съ завтрашней же почтой. Надѣюсь, вы вполнѣ уяснили себѣ, что эта запись превратитъ васъ въ нищаго, поставитъ въ полную зависимость отъ жены. Еслибъ вы обратились за помощью въ вашъ приходъ, ее бы обязали содержать васъ. А затѣмъ, она можетъ обращаться съ вами такъ дурно, какъ только пожелаетъ.

— Я ея худого обращенія не боюсь.

— Скажу по чести и по совѣсти, — размышлялъ Томасъ Сампсонъ, укладываясь спать въ этотъ вечеръ: — я думаю, что Джонъ Тревертонъ по уши влюбленъ въ миссъ Малькольмъ. Ничѣмъ, кромѣ любви или сумасшествія, не объяснить его поведенія. Которой же изъ двухъ причинъ приписать его? Чтожъ, можетъ быть, черта, отдѣляющая любовь отъ сумасшествія такъ незамѣтна, что тутъ дѣло уже идетъ о діалектическихъ тонкостяхъ.

Глава XI. — Никакого приданаго.

Лора была вполнѣ счастлива въ теченіи краткаго промежутка времени, отдѣлявшаго ея помолвку отъ ея свадьбы. Она подарила Джону свою любовь, свое довѣріе безъ всякихъ ограниченій, сознавая, что долгъ и любовь идутъ для нея рука объ руку. Слѣдуя влеченію своего сердца, она подчинялась завѣту своего благодѣтеля. Она очень любила Джаспера Тревертона, любила такъ искренно, какъ только можетъ дочь любить отца. Ей представлялось вполнѣ естественнымъ дѣломъ перенести любовь свою съ пріемнаго отца на его молодого родственника. Старикъ, лежащій въ могилѣ, служилъ звеномъ соединенія между молодой дѣвушкой и ея поклонникомъ.

— Какъ бы папа́ былъ радъ, еслибъ онъ могъ знать, что мы съ Джономъ такъ полюбимъ другъ друга, невинно говорила она себѣ.

Селія Клеръ поспѣшно возвратилась изъ Брайтона, такъ какъ жаждала помочь своей подругѣ—въ эту рѣшительную минуту ея жизни.

— Брайтонъ былъ прелестенъ,—говорила Селія,—но ни за какія блага не осталась бы я вдали отъ тебя въ такое время. Бѣдняжка, что́ бы ты дѣлала безъ меня?

— Милая Селія, ты знаешь, какъ я люблю тебя, но я, право, думаю, что съумѣла бы обвѣнчаться безъ твоей помощи.

— Обвѣнчаться! да, но какъ бы ты все устроила?—воскликнула Селія, причемъ глаза ея стали очень большими и совершенно круглыми.—Ты бы изъ всего этого заварила страшную кашу. Ну, чтожъ твое приданое? пари держу, что ты еще почти не думала о немъ.

— Ошибаешься. Я заказала два дорожныхъ платья и одно, очень роскошное, для обѣда.

— А твои воротнички, рукавчики, носовые платки, пенюары, ночныя кофточки,—проговорила Селія, перечисляя цѣлый реестръ вещей.

— Дорогое дитя, неужели ты воображаешь, что я всѣ эти годы прожила безъ воротничковъ, рукавчиковъ и носовыхъ платковъ?

— Лора, если у тебя не будетъ все новое, ты бы могла и не выходить вовсе замужъ.

— Ну, такъ можешь считать мою свадьбу не свадьбой, такъ какъ я вовсе не хлопочу о новыхъ вещахъ.

— Дай мнѣ полномочіе и предоставь мнѣ все. Къ чему же я пожертвовала Брайтономъ, какъ разъ въ то время, когда тамъ было такъ прелестно, если я не могу, хоть въ чемъ-нибудь, быть тебѣ полезной?

— Пожалуй, Селія, чтобы ты не чувствовала себя несчастной, я разрѣшаю тебѣ осмотрѣть мой гардеробъ, и если ты замѣтишь ужасающій недостатокъ въ воротничкахъ и носовыхъ платкахъ, я свожу тебя въ Бичамптонъ въ шарабанѣ, и ты закупишь все, что́ найдешь нужнымъ.

— Бичамптонъ до безобразія отсталъ отъ вѣка, до отвращенія не слѣдилъ за модой, а твои вещи должны быть сдѣланы по послѣднему фасону. Я просмотрю объявленія въ газетахъ и пошлю въ Лондонъ за рисунками и образцами. Не къ чему имѣть новыя вещи, если онѣ не по послѣдней модѣ. Никто не снашиваетъ своихъ воротничковъ и рукавчиковъ,—они выходятъ изъ моды.

— Я дамъ тебѣ полномочіе, дорогая, если это вознаградитъ тебя за Брайтонъ.

— Милая, ты знаешь, что я бы не покинула тебя, въ такую знаменательную минуту твоей жизни, изъ-за сорока Брайтоновъ,—воскликнула Селія, имѣвшая возвышенныя понятія о дружбѣ:—а чтожъ твое подвѣнечное платье? Это самый важный вопросъ.

— Оно заказано.

— Ты объ немъ до сихъ поръ ничего не говорила.

— Неужели? я буду вѣнчаться въ одномъ изъ платьевъ, заказанныхъ для путешествія; оно представляетъ смѣсь сѣраго шелка съ бархатомъ, кофточка обшита шеншилла. Я думаю, оно будетъ очень красиво.

Селія откинулась на спинку стула, словно собираясь упасть въ обморокъ.

— Безъ подвѣнечнаго платья!—воскликнула она:—безъ приданаго и безъ подвѣнечнаго платья! Правду говорятъ, что свадьба эта готовится при дурныхъ предзнаменованіяхъ; я не удивляюсь тому, что́ говоритъ бѣдный Эдуардъ.—Лора покраснѣла отъ негодованія при послѣдней фразѣ.

— Скажи, пожалуйста, что́ твой братъ говорилъ противъ моего брака?—надменно спросила она.

— Чтожъ, дорогая, ты не можешь отъ него требовать, чтобы онъ ему радовался, зная, какъ ты должна знать, какъ онъ любилъ тебя, какъ, вопреки всему, надѣялся въ теченіи послѣд-

нихъ трехъ лѣтъ. Я не хочу огорчать тебя, но должна сознаться, что Эдуардъ очень дурного мнѣнія о мистерѣ Тревертонѣ.

— Я полагаю, что мистеръ Тревертонъ съумѣетъ какъ-нибудь прожить и безъ добраго о немъ мнѣнія Эдуарда.

— Онъ думаетъ, что въ его поведеніи есть что-то очень таинственное, что для тебя заключается оскорбленіе уже въ томъ фактѣ, что онъ такъ долго держался вдали, а затѣмъ вернулся въ послѣднюю минуту, какъ разъ во-время, чтобы получить имѣніе!

— Я лучшій судья поведенія мистера Тревертона,—отвѣтила глубоко уязвленная Лора.—Если я довѣряю ему, то другіе могутъ избавить себя отъ труда обсуждать его побужденія.

— А ты довѣряешь ему?—тревожно спросила Селія.

— Всѣмъ сердцемъ, всей душой.

— Такъ закажи настоящее подвѣнечное платье,—воскликнула Селія, точно будто весь вопросъ о блаженствѣ или несчастіи заключался въ одной этой подробности.

При первой же встрѣчѣ миссъ Малькольмъ съ Эдуардомъ Клеръ, въ ея привѣтствіи сказалась холодность, которую молодой человѣкъ не могъ не замѣтить.

— Что́ я сдѣлалъ, чѣмъ оскорбилъ васъ, Лора?—жалобно спросилъ онъ.

— Меня оскорбляетъ всякій, кто сомнѣвается въ чести моего будущаго мужа,—отвѣтила она.

— Мнѣ очень жаль,—мрачно проговорилъ онъ.—Человѣкъ не воленъ въ своихъ мысляхъ.

— Во власти человѣка придержать свой языкъ,—сказала Лора.

— Хорошо, отнынѣ я буду молчать. Прощайте.

— Куда вы ѣдете?

— Куда-нибудь, куда-нибудь вонъ изъ этого міра, т.-е. изъ маленькаго Газльгёрстскаго мірка. Я думаю, что поѣду въ Лондонъ. Возьму квартиру поближе къ Британскому Музею и усердно займусь литературной работой. Пора мнѣ показать себя.

Лора была того же мнѣнія. Эдуардъ за послѣднія пять лѣтъ все толковалъ, что ему надо показать себя, однако, ничего почти для этого не дѣлалъ.

На другой день онъ уѣхалъ, и Лора свободнѣе вздохнула въ его отсутствіи.

Селія оставалась въ за́мкѣ все время передъ свадьбой. Она постоянно дежурила при влюбленныхъ, каталась съ ними, гуляла съ ними, сидѣла съ ними у камина въ сумерки, когда

таинственныя тѣни, напоминавшія ангеловъ-хранителей, появлялись и исчезали на стѣнахъ. Джонъ Тревертонъ, казалось, ничего не имѣлъ противъ общества Селіи: онъ скорѣй искалъ его. Селіи онъ не казался пылкимъ влюбленнымъ, а между тѣмъ трудно было сомнѣваться въ его глубокой любви. Никогда, съ того перваго вечера не покоилась голова Лоры на груди его, никогда, съ того же вечера, не выражалъ онъ словами своей страсти. Въ его обращеніи сказывалась привязанность, полная почтительности; точно будто онъ слишкомъ глубоко уважалъ свою невѣсту, чтобы быть черезъ-чуръ щедрымъ на выраженія болѣе теплыхъ чувствъ; точно будто она, въ его понятіяхъ, стояла настолько выше его, что любовь превращалась въ поклоненіе.

— Мнѣ кажется, я бы пожелала имѣть менѣе сдержаннаго обожателя, — проговорила Селія: — мистеръ Тревертонъ такъ страшно серьёзенъ.

— Теперь, когда ты его узнала покороче, Селія, неужели ты еще склонна думать, что онъ корыстолюбивъ; что онъ любитъ не меня, а помѣстье?—спросила Лора, нимало не боясь отвѣта.

— Нѣтъ, дорогая, я думаю, что онъ обожаетъ тебя, что онъ ужасно, страстно, почти отчаянно влюбленъ въ тебя,—очень серьёзно отвѣтила Селія,—но все же онъ женихъ не въ моемъ вкусѣ. Онъ слишкомъ грустенъ.

Лора не нашла отвѣта на это возраженіе. По мѣрѣ того, какъ приближался конецъ этого, полнаго событіями, года, настроеніе духа ея жениха вовсе не становилось веселѣе. Онъ былъ задумчивъ, порой до странности разсѣянъ. Она тоже, по сочувствію къ нему, стала серьёзной.

— Это такая торжественная минута въ нашей жизни,—думала она.—Иногда я чувствую, будто все это не дойдетъ благополучно до конца, будто что-то должно случиться, что̀ разлучитъ насъ, въ самую послѣднюю минуту, наканунѣ нашей свадьбы.

Канунъ свадьбы насталъ и не принесъ съ собой никакой катастрофы. Вечеръ прошелъ очень тихо. Женихъ и невѣста обѣдали вмѣстѣ въ викаріатѣ и затѣмъ возвратились пѣшкомъ въ за̀мокъ, вдвоемъ, чуть ли не въ первый разъ со дня ихъ обрученія. Все уже было устроено для предстоявшей на завтра свадьбы. Свадьба должна была быть самая тихая, никого не приглашали, кромѣ мистера Сампсона и его сестры. Жена викарія, разумѣется, должна была также присутствовать. Она имѣла до нѣкоторой степени изображать мать невѣсты. Селія должна была быть единственной дружкой. Ихъ должны были, съ особаго раз-

рѣшенія, вѣнчать безъ оглашеній, а потому никто во всей деревнѣ не имѣлъ понятія о приближавшемся событіи. Слугамъ зáмка лишь за два дня предъ тѣмъ объявили о днѣ свадьбы и, къ тому же, запретили толковать объ этомъ; а такъ какъ они всѣ были старые слуги, издавна привыкшіе не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ «семейства», которому служили, то нечего было опасаться, что они приказанія миссъ Малькольмъ не исполнятъ.

Домъ, всегда содержанный въ полномъ порядкѣ, съ особымъ стараніемъ вымели и прибрали для этого торжественнаго случая. Сняли ситцевые чахлы съ креселъ и дивановъ въ гостиной и обнаружили вышитые по канвѣ вѣнки и букеты цвѣтовъ, работы матери и тётокъ Джаспера Тревертона, работы, исполненной въ почти страшный, по своей отдаленности, періодъ времени. Экономка пекла свое добродушное, старое лицо передъ сильно пылавшимъ, въ кухнѣ, огнемъ, пока размѣшивала свои желе, наблюдала за своими пирогами и лепешками, переворачивала съ боку на бокъ паштеты. Ранній завтракъ имѣлъ быть достоинъ самой торжественной свадьбы, хотя миссъ Малькольмъ и говорила мистриссъ Тримеръ, что ей требуется самый простой.

— Вы не должны отказывать мнѣ въ удовольствіи показать свое искусство для этакого-то дня, — убѣждала ее вѣрная слуга, — я бы всю жизнь себя упрекала, кабы не постаралась. Мотовства не будетъ, миссъ, но хорошенькій завтракъ поставить на столъ я должна. Я такъ рада, что въ нынѣшнемъ году у насъ много барбарису: очень красиво гарнировать этими ягодами блюдо съ заливнымъ.

Мистрисъ Тримеръ жарилась сама и жарила свою птицу въ обширной старой кухнѣ, въ десять часовъ вечера, пока Джонъ и Лора возвращались изъ викаріата, рука объ руку, причемъ Лора радовалась, что онъ, хоть на полчаса, да принадлежитъ ей одной, а онъ, какъ на зло, молчалъ. Селія осталась въ зáмкѣ; она лежала у себя въ комнатѣ, съ головной болью и новымъ романомъ. Она отговорилась отъ обѣда, въ своемъ обычномъ развязномъ тонѣ.

— Кланяйся имъ всѣмъ и скажи, что мнѣ нездоровилось, потому и не пришла, — сказала она. — Отправляться на обѣдъ къ своимъ родителямъ, право, ужъ слишкомъ скучно. Я съ ними обѣдала въ Рождество, а первый день Рождества въ викаріатѣ всегда былъ квинт-эссенціей тоски. Ничему я такъ не удивлялась, достигнувъ совершеннолѣтія, какъ тому, что могла пережить двадцать-одинъ *нашъ* Рождественскій праздникъ.

И такъ они, по счастливой случайности, какъ думала Лора, были одни; но что же женихъ, завтрашній молодой, не говоритъ ни слова?

— Джонъ,—наконецъ тихо начала Лора, почти боясь прервать это мрачное молчаніе:—есть одинъ вопросъ, о которомъ ты ничего не говорилъ мнѣ, а между тѣмъ большая часть дѣвушекъ, въ моихъ условіяхъ, сочла бы его очень важнымъ.

— Какой вопросъ, дорогая?

— Ты не говорилъ мнѣ, гдѣ мы проведемъ нашъ медовый мѣсяцъ. Селія приставала ко мнѣ съ разспросами насчетъ нашихъ плановъ, и мнѣ было довольно трудно отдѣлаться отъ нея. Я не желала сознаться въ своемъ невѣдѣніи.

Это былъ безъ сомнѣнія простой и естественный вопросъ, а между тѣмъ Джонъ Тревертонъ вздрогнулъ, какъ отъ сильнѣйшаго удара, какой судьба нанести ему могла.

— Дорогая, голубка, я, право, не думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ онъ, запинаясь.—Поѣдемъ, куда ты захочешь. Рѣшимъ завтра, послѣ вѣнца.

— Но это, кажется, никогда такъ не дѣлается?—спросила Лора съ слабымъ смѣхомъ.

Ее нѣсколько оскорбило его равнодушіе относительно перваго періода ихъ совмѣстнаго странствованія по житейской дорогѣ. Она бы желала, чтобы у жениха ея было множество самыхъ дикихъ плановъ, чтобы онъ жаждалъ везти ее всюду, въ Энгадинскую долину, въ Шварцвальдъ, на Альпійскія озера, въ Килларней, всюду за-разъ.

— А развѣ всѣ обстоятельства, при которыхъ совершается нашъ бракъ, не необычайны?—серьёзно возразилъ онъ.—Одно вѣрно, одно дорого и свято во всемъ этомъ дѣлѣ—мы искренно и нѣжно любимъ другъ друга. Это вѣрно, не правда ли, Лора?

— Съ моей стороны совершенно вѣрно.

— А съ моей стороны также вѣрно, какъ то, что я живу и что я умру. Наша любовь глубока и непоколебима, не такъ ли, Лора? Ничему, никакому удару судьбы, даже самому времени не измѣнить ее.

— Никакому удару судьбы, даже самому времени не измѣнить любви моей къ тебѣ,—торжественно проговорила она.

— Это все, чего мнѣ надо. Эта увѣренность наполняетъ душу мою радостью и надеждой.

— Какимъ же другимъ чувствамъ и наполнять ее? Была ли когда на свѣтѣ болѣе счастливая пара, чѣмъ мы съ тобой? Мой милый пріемный отецъ умираетъ, оставивъ завѣщаніе, которое

могло бы сдѣлать насъ обоихъ несчастными, которое могло бы соблазнить тебя, заставивъ высказывать любовь, которой бы ты не чувствовалъ, которое могло бы соблазнить и меня, побудивъ меня отдаться человѣку, котораго бы я не могла любить. Вмѣсто всѣхъ этихъ несчастій, мы полюбили другъ друга, почти съ перваго взгляда, мы чувствуемъ, что Провидѣніе создало насъ другъ для друга, и что мы могли бы быть счастливы вмѣстѣ и въ глубочайшей бѣдности?

— Да,—задумчиво проговорилъ Джонъ,—странно, что мой двоюродный братъ Джасперъ былъ такъ увѣренъ, что мы сойдемся.

— Въ этихъ вещахъ видна рука Провидѣнія,—прошептала Лора.

— Еслибъ я могъ этому вѣрить,—проговорилъ ея женихъ, обращаясь скорѣй къ самому себѣ, чѣмъ къ ней.

Глава XII.—Свадьба съ дурными предзнаменованіями.

Въ чопорномъ, старомъ саду зáмка не видно было ни единаго цвѣтка, кромѣ одной печальной чайной розы, казавшейся бѣлой и поблеклой подъ унылымъ, сѣрымъ небомъ, и нѣсколькихъ блѣдныхъ цвѣтовъ златоцвѣта, съ растрепанными лепестками, смотрѣвшихъ крайне плачевно.

— Что за отвратительное утро!—воскликнула Селія, глядя изъ окна уборной Лоры на размокшій лугъ и на блестѣвшую отъ дождя изгородь изъ тисовыхъ деревьевъ, за которой тянулась печальная перспектива цѣлаго ряда обнаженныхъ яблонь, и виднѣлись высокіе, черные тополи, обозначавшіе границу домашняго пастбища, среди котораго хорошенькія сѣрыя коровы съ острова Джерси наслаждались жизнью весною и лѣтомъ.

Лора и ея подруга сидѣли за раннимъ завтракомъ—причемъ, ни та ни другая ѣсть ничего не могла—у камина, въ уборной. Обѣ молодыя женщины были сильно взволнованы, но въ то время, какъ одна изъ нихъ не могла усидѣть на мѣстѣ и безъ умолку болтала, другая сидѣла блѣдная и молчаливая, слишкомъ глубоко взволнованная, чтобы выказывать свое волненіе.

— Капъ, капъ, капъ,—капризно кричала Селія,—сегодня одинъ изъ этихъ отвратительныхъ чисто-шотландскихъ тумановъ, который точно также можетъ продолжаться недѣлю, какъ и часъ. Красивы мы будемъ со своими шлейфами послѣ того, какъ пройдемся по длинной дорожкѣ, идущей черезъ кладбище, подъ та-

кимъ дождемъ. Право, Лора, не сочти меня злой за то, что говорю это, но я всегда скажу, что твоя свадьба отпразднуется при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ.

— Будто?—сказала Лора съ слабой улыбкой.—Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, воображаешь, что для меня, для предстоящей мнѣ жизни, составитъ какую-нибудь разницу то, обвѣнчалась ли я въ дождливый день или въ ясный? А мнѣ такъ нравится мысль перейти отъ теперешней скуки прямо на солнышко, такъ какъ я знаю, что наша семейная жизнь будетъ полна солнечныхъ лучей.

— Какъ ты самонадѣянна,—съ удивленіемъ воскликнула Селія.

— Что мнѣ бояться? Мы нѣжно любимъ другъ друга. Какъ же намъ не быть счастливыми?

— Все это прекрасно, но у меня было бы легче на душѣ, еслибъ ты вѣнчалась въ настоящемъ подвѣнечномъ платьѣ. Подумай, какъ тебѣ со временемъ-то неловко будетъ, когда тебя станутъ приглашать на большіе обѣды. Въ качествѣ новобрачной, тебѣ бы слѣдовало являться на нихъ въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ померанцовыми цвѣтами въ волосахъ. Теперь люди съ трудомъ повѣрятъ, что ты молодая.

— А сколько большихъ обѣдовъ будетъ дано на разстояніи десяти миль отъ Газльгёрста, въ теченіи ближайшихъ шести мѣсяцевъ?—спросила Лора.

— Немного, конечно,—вздохнула Селія.—Въ этомъ отношеніи мы точно живемъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ поселеній Бенгалии. Разумѣется, папа́ и мама дадутъ вамъ обѣдъ, и миссъ Сампсонъ пригласитъ васъ на чашку чая. О! эти чаепитія миссъ Сампсонъ! Чай и кофе подаютъ гостямъ на подносѣ, посеребренномъ посредствомъ гальванизма, réverie Розелленa исполняется хозяйкой на старомъ, разбитомъ фортепьяно, за карточнымъ столомъ играютъ въ vingt-et-un, и въ заключеніе безумныхъ развлеченій, которыми изобиловалъ вечеръ, подаются тартинки съ анчоусами, бланъ-манже и желе. Затѣмъ существуютъ аристократическія фамиліи графства: съ восточной стороны онѣ кончаются сэромъ Джошуа Паркеромъ, съ сѣверной—вдовствующей лэди Баркеръ. Оба величаво посѣтятъ васъ. Лэди Баркеръ будетъ сожалѣть, что она уже не даетъ обѣдовъ съ кончины своего дорогого мужа, а лэди Паркеръ сведетъ съ вами счеты, приславъ вамъ пригласительный билетъ на свой лѣтній праздникъ, въ будущемъ іюлѣ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ половинѣ девятаго. Въ де-

сять часовъ обѣ молодыя дѣвушки были одѣты и совсѣмъ готовы, чтобы ѣхать въ церковь. Лора была прелестна въ своемъ сѣромъ шелковомъ, дорожномъ платьѣ и круглой сѣрой шляпѣ, съ падающимъ страусовымъ перомъ.

— Одно я могу сказать по чести, отъ глубины души,—воскликнула Селія, и Лора обернулась къ ней съ улыбкой, ожидая услыхать что-нибудь интересное,—у тебя самое великолѣпное перо, какое я когда-либо видѣла въ жизни. Ты можешь отказать мнѣ его въ твоемъ завѣщаніи, если пожелаешь; я-таки похлопотала, чтобы достать его, и ты должна мнѣ быть благодарна за то, что я такъ отлично подобрала шляпу подъ цвѣтъ платья.

Онѣ ѣхали по грязной дорогѣ, между двухъ рядовъ обнаженныхъ, темныхъ, облитыхъ дождемъ деревьевъ, подъ такимъ печальнымъ и безцвѣтнымъ небомъ, какое когда-либо висѣло надъ Газльгёрстомъ. Старая церковь съ ея оригинальными уголками и темными боковыми притворами, съ ея фамильными скамейками на галлереѣ противъ органа, напоминавшими отчасти театральныя ложи, скамейками, на которыхъ помѣщалась обыкновенно аристократія, въ привилегированномъ уединеніи, съ ея старомодной каѳедрой, гербами, полинялыми пунцовыми подушками и драпировками—церковь, которой никогда не касалась рука реставратора, надъ украшеніемъ которой не трудились и не хлопотали благочестивыя лэди, скучная, старинная, приходская церковь прошлаго столѣтія—въ этотъ день смотрѣла мрачнѣе и печальнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Даже присутствіе молодости и красоты не могло оживить ее.

Джонъ Тревертонъ и мистеръ Сампсонъ, служившій невѣстѣ посаженымъ отцомъ, пріѣхали послѣ всѣхъ. Женихъ былъ смертельно блѣденъ, и улыбка, съ которой онъ встрѣтилъ свою невѣсту, хотя дышала самой преданной любовью, не была радостна. Селія исполнила свои обязанности дружки съ дѣловымъ видомъ, достойнымъ величайшихъ похвалъ. Мистеръ Клеръ служилъ хорошо, блѣдный женихъ отвѣчалъ громко и ясно, когда наступила его очередь, тихій голосъ Лоры не дрогнулъ, когда она произносила слова, рѣшавшія ея судьбу. Свадебный завтракъ отличался мирной веселостью. Никого не удивляло, что женихъ былъ молчаливъ, а невѣста блѣдна и задумчива. Викарій и стряпчій находились въ отличнѣйшемъ расположеніи духа; бойкій язычекъ Селіи, при всякомъ удобномъ случаѣ, поддерживалъ заведенный ими разговоръ. Мистрисъ Клеръ была полна дружескихъ предчувствій относительно образа жизни молодой четы, когда она усядется на мѣстѣ. Печальное, сырое утро возбудило

аппетитъ гостей, и много похвалъ расточалось паштету и индѣйкѣ, начиненной трюфелями; а старыя вина, вынесенныя, въ покрытыхъ паутиною бутылкахъ, изъ самыхъ темныхъ угловъ погреба Джаспера Тревертона, были такъ хороши, что вызывали слабые проблески остроумія въ самыхъ лѣнивыхъ умахъ. Итакъ, свадебный завтракъ, имѣвшій характеръ небольшого, семейнаго собранія, прошелъ довольно пріятно.

Молодые должны были отправиться въ путь не ранѣе вечера. Они ѣхали по желѣзной дорогѣ, направляясь въ Дуврь.

Почти ничего не говорилось о медовомъ мѣсяцѣ. Гостямъ только въ общихъ выраженіяхъ намекнули, что Джонъ Тревертонъ и жена его ѣдутъ на югъ Франціи. Викарію пришлось, вскорѣ послѣ завтрака, поспѣшно удалиться, чтобы прочесть похоронныя молитвы надъ гробомъ почтеннаго прихожанина, а все остальное общество приняло его отъѣздъ за сигналъ къ разъѣзду. Ничто ихъ не удерживало. Эта свадьба не была похожа на другія свадьбы. Не предвидѣлось никакихъ вечернихъ увеселеній, не было и ослѣпительнаго ряда свадебныхъ подарковъ, на которые можно было бы поглазѣть, о которыхъ можно было бы потолковать. У Лоры было такъ мало друзей, что свои свадебные подарки она могла пересчитать по пальцамъ той маленькой, бѣленькой ручки, которая казалась ей незнакомой, удивительной, такъ какъ была украшена блестящимъ, новымъ кольцомъ, широкимъ и массивнымъ золотымъ обручемъ, такимъ прочнымъ, что она, конечно, проноситъ его до своей золотой свадьбы. Немногочисленные гости почувствовали, что имъ ничего болѣе не остается, какъ распроститься, повторивъ, не одинъ разъ, свои добрыя пожеланія и высказавъ радостныя предчувствія относительно празднествъ, имѣющихъ оживить старый домъ, по истеченіи медоваго мѣсяца.

Всѣ разъѣхались; короткій зимній день клонился къ концу, новый годъ приближался быстрыми шагами. Стараго года оставалось лишь нѣсколько часовъ. Какая тишина царила въ домѣ въ эти зимнія сумерки, тишина, почти напоминавшая смерть. Лора и Селія долго не могли разстаться: онѣ откладывали свое прощанье до послѣдней минуты и еще оставались вдвоемъ въ залѣ, послѣ отъѣзда остальныхъ гостей. Селіи нужно было сказать такъ много, дать столько наставленій относительно рукавчиковъ и воротничковъ, и времени дня и года, въ какое Лора должна носить свои различныя платья. Кромѣ того, были порывы ласкъ, объятія и прочее.

— Ты совсѣмъ разлюбишь меня теперь, когда у тебя мужъ,—прошептала Селія.

— Ты сама знаешь, что это неправда, глупая дѣвочка. Мое замужество нимало не измѣнитъ моихъ чувствъ.

— О, оно всегда измѣняетъ ихъ,—сказала Селія съ знающимъ видомъ.—Когда человѣкъ женится, то друзья его холостой жизни исчезаютъ со сцены, всякій это знаетъ; съ дѣвушкой происходитъ совершенно то же самое. Я такъ и жду, что ничего не буду для тебя значить.

Лора объявила, что она всегда останется вѣрна дружбѣ, и онѣ разстались. Селія побѣжала домой одна, запрятавъ свой нарядный, свадебный туалетъ подъ непромокаемый плащъ.

Дождь тѣмъ временемъ пересталъ, и на западѣ виднѣлось красное зарево зимняго заката.

Дверь залы шумно захлопнулась, звукъ этотъ отдался среди молчанія, наполнявшаго домъ, и Лора медленно направилась въ гостиную, нѣсколько удивляясь тому, что была одна-одинехонька въ день своей свадьбы. Все вообще такъ не подходило къ обычному представленію, какое составляется о свадьбѣ: это промедленіе съ отъѣздомъ, этотъ непріятный промежутокъ между свадебнымъ завтракомъ и свадебнымъ путешествіемъ.

Она нашла гостиную пустою. Полчаса тому назадъ, когда она пошла наверхъ, чтобы помочь Селіи закутаться въ ватерпруфъ, она оставила тамъ Джона Тревертона съ мистеромъ Сампсономъ; теперь оба исчезли. Обширная комната, отличавшаяся старомоднымъ великолѣпіемъ, была освѣщена лишь догоравшимъ въ каминѣ пламенемъ. Бѣлыя стѣны и старинныя зеркала смотрѣли непривѣтно, въ темные углы комнаты было страшно заглянуть.

— Можетъ быть, я найду его въ кабинетѣ, — сказала себѣ Лора, пора чай пить.

Она тихо засмѣялась сама надъ собой. Какъ ново, какъ странно покажется имъ сѣсть tête-à-tête за чайный столъ, мужемъ и женою, устроившимися на всю жизнь своимъ домомъ. Никакихъ сомнѣній ни другъ въ другѣ, ни въ своей судьбѣ уже не могло быть:—торгъ былъ заключенъ, узы наложены, слово дано, одна смерть могла освободить отъ этихъ обязательствъ.

Тихо подвигалась она, среди царившаго въ домѣ молчанія, къ комнатѣ, находящейся на концѣ корридора, къ маленькой книжной комнатѣ, выходившей окнами въ цвѣточный садъ. Она тихо отворила дверь, желая незамѣтно подкрасться и надѣясь застать мужа, погруженнаго въ пріятныя мечты, но уже на по-

рогѣ остановилась она въ ужасѣ, не будучи въ состояніи выговорить слова.

Онъ сидѣлъ въ позѣ, выражавшей глубочайшее уныніе, опустивъ голову на скрещенныя руки, лица его не было видно. Рыданія, такія рыданія, какія рѣдко вырываются изъ истерзанной души сильнаго мужчины, разрывали сердце Джона Тревертона. Онъ, очевидно, отдался тѣломъ и душою страстному, непобѣдимому отчаянію.

Лора подбѣжала къ нему, склонилась надъ нимъ, тихо обвила его шею рукой.

— Милый, что̀ съ тобою?—нѣжно, дрожащими устами спросила она.—Такое горе, и въ такой день, какъ нынѣшній! Что-нибудь ужасное должно было случиться. О, скажи мнѣ, голубчикъ, скажи мнѣ все!

— Я ничего не могу сказать тебѣ,—отвѣтилъ онъ охрипшимъ голосомъ, слегка отталкивая ея руку.—Оставь меня, Лора. Если тебѣ меня жаль, оставь меня наединѣ бороться съ самимъ собою. Это единственная услуга, какую ты мнѣ оказать можешь.

— Оставить тебя въ такомъ горѣ! Нѣтъ, Джонъ, я имѣю право раздѣлить твою скорбь. Я не уйду, пока ты не довѣришься мнѣ. Довѣрься мнѣ, милый, довѣрься мнѣ. Кому тебѣ и довѣриться, если не женѣ?

— Ты не знаешь,—съ судорожнымъ вздохомъ, почти сердито проговорилъ онъ.—Есть печали, которыхъ ты раздѣлить не можешь; есть терзанія столь глубокія, что тебѣ никогда не измѣрить глубины ихъ. Сохрани Богъ, чтобы твоя чистая, молодая душа когда-либо низошла въ эту черную пропасть. Лора, если ты любишь, если ты жалѣешь меня—а право, голубка, я нуждаюсь въ твоемъ сожалѣніи — оставь меня теперь на минуту, дай мнѣ наединѣ справиться съ моей борьбой. Эта борьба, Лора, самая сильная, черезъ какую когда-либо проходила моя слабая душа. Вернись черезъ часъ, милая, и тогда ты узнаешь — я объясню—хотя часть этой тайны. Черезъ часъ, черезъ часъ, — повторилъ онъ, съ возроставшимъ волненіемъ, указывая на дверь дрожащею рукой.

Лора постояла съ минуту въ нерѣшимости. Она была глубоко взволнована, ея женское достоинство, ея супружеская гордость были задѣты за живое. Затѣмъ, съ полу-печальной, полу-насмѣшливой улыбкой на устахъ, она тихо привела ему кроткую рѣчь самой кроткой изъ всѣхъ Шекспировскихъ героинь:

— Мнѣ отказать вамъ? Нѣтъ. Простите, повелитель мой;
Какъ бы вы со мной ни обращались, я повинуюсь.

И съ этими словами, она оставила его, съ душой переполненной тяжелымъ недоумѣніемъ.

Еслибъ она могла видѣть полный отчаянія взглядъ, который онъ обратилъ на нее, когда она уходила; еслибъ она могла видѣть, какъ онъ вздрогнулъ, когда дверь за нею затворилась, какъ онъ всталъ съ мѣста, кинулся къ двери, опустился на колѣни, прижался губами къ безчувственной половинкѣ, до которой коснулась ея рука, какъ онъ сталъ биться лбомъ о дерево въ припадкѣ отчаянія; еслибъ она могла видѣть все это, она бы вѣрнѣе оцѣнила силу его любви и горечь его печали.

Она прошла къ себѣ въ комнату и сидѣла тамъ въ безпомощномъ недоумѣніи отъ этого горя, отъ этой тайны, внезапно разразившейся надъ ея головой подобно громовой тучѣ, среди яркаго блеска ея новой жизни. Что все это значило? Неужели всѣ его увѣренія въ любви были лживы? Неужели онъ женился на ней ради состоянія его двоюроднаго брата, несмотря на всѣ свои увѣренія въ противномъ? Не любилъ ли онъ другую? Не существовало ли какой-нибудь старой, дорогой связи, дѣлавшей наложенныя имъ сегодня на себя узы невыносимыми для него? Какова бы ни была причина его раскаянія, Лорѣ было ясно, что человѣкъ, ставшій ея мужемъ нѣсколько часовъ тому назадъ, горько раскаявался въ томъ, что женился на ней. Никогда, конечно, не наносилось женщинѣ такого глубокаго оскорбленія.

Она сидѣла въ освѣщенной пламенемъ камина уборной, смотрѣла прямо передъ собой, оцѣпенѣлая и безпомощная въ своемъ горѣ, въ своемъ уничиженіи. Размышленіе не могло бросить новаго свѣта на поведеніе ея мужа. О чемъ могъ онъ горевать или сожалѣть, если любилъ ее? Никогда не улыбалась судьба ласковѣе мужу и женѣ, чѣмъ улыбалась имъ.

Она мысленно оглянулась на тѣ нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ они были женихомъ и невѣстой, и припомнила многое, что̀ подтверждало ея идею относительно того, что онъ никогда искренно не любилъ ея, а дѣйствовалъ лишь подъ вліяніемъ однихъ корыстолюбивыхъ побужденій. Она вспомнила, какимъ онъ былъ холоднымъ женихомъ, какъ рѣдко вызывалъ онъ ее на откровенный разговоръ, какъ мало говорилъ ей о своей собственной жизни, какъ всегда, повидимому, радъ былъ обществу Селіи, хотя бесѣда этой молодой особы бывала пуста и даже утомительна. Все это было слишкомъ ясно. Она одурачена этимъ человѣкомъ, которому такъ беззавѣтно отдала свое сердце, отъ котораго не требовала ничего, кромѣ искренности и прямодушія. Пережила она и этотъ часъ ожиданія. То былъ самый длинный часъ въ ея

жизни. Горничная пришла поправить огонь въ каминѣ, зажечь свѣчи на туалетномъ столѣ и промѣшкала немного, дѣлая видъ, что возится среди сундуковъ и дорожныхъ мѣшковъ; она ожидала, что барыня заговоритъ съ ней, но ничего не дождавшись, тихо вышла, возвратилась къ остальнымъ слугамъ, пировавшимъ въ комнатѣ экономки, гдѣ въ воздухѣ стоялъ запахъ чаю и поджареннаго хлѣба съ масломъ, и разсказала имъ, какъ скучна молодая, сидитъ, точно статуя, и слова не говоритъ.

— Кто это сейчасъ вышелъ изъ входной двери?—спросилъ старикъ дворецкій, поднимая голову отъ чашки чаю, на которую дулъ.—Я слышалъ, какъ она хлопнула.

— Должно быть, мистеръ Тревертонъ,—сказала Мэри, горничная Лоры.—Я его встрѣтила въ залѣ. Онъ, вѣрно, вышелъ выкурить сигару. Было слишкомъ темно, чтобы мнѣ видѣть лицо его, но походка его мнѣ не показалась такой легкой, какъ, по моимъ понятіямъ, должна быть походка джентльмена въ день его свадьбы.

— Не знаю,—замѣтилъ мистеръ Тримеръ, дворецкій.—Можетъ быть, день свадьбы и не есть самый пріятный день въ жизни человѣка. Слишкомъ много глазъ на него смотрятъ. Онъ чувствуетъ, что всѣ на него обращаютъ вниманіе, и если онъ человѣкъ не слишкомъ смѣлый, то это тяготитъ его. Я такъ отлично понимаю, что мистеру Тревертону сегодня не по себѣ. Къ тому же имѣніе ему досталось, можно сказать, чудомъ, оно еще у него не въ рукахъ, и онъ не будетъ чувствовать себя независимымъ, пока годъ не кончится, и имѣніе не будетъ ему предоставлено.

Часъ ожиданія прошелъ. Послѣднія двадцать минутъ Лора просидѣла съ часами въ рукахъ. Теперь она встала съ порывисто бившимся сердцемъ и быстро сошла съ широкой, старой лѣстницы, торопясь выслушать слова мужа, которыя должны были разъяснить ей его необычайное поведеніе. Онъ обѣщалъ ей все объяснить.

Не глупа ли она была, когда въ теченіи послѣдняго часа терзала себя тщетными попытками разгадать тайну?

Не была ли она еще глупѣе, когда приходила къ различнымъ заключеніямъ и безповоротно рѣшала въ умѣ своемъ, что Джонъ Тревертонъ не любитъ ее? Горе его могло имѣть двадцать другихъ причинъ, говорила она себѣ теперь, когда часъ ожиданія истекъ, и она готовилась выслушать его объясненіе.

Она дрожала, подходя къ двери, и чувствовала, что еще ми-

нута и она пошатнется и упадетъ въ обморокъ на порогѣ. Она приближалась къ самому критическому моменту своей жизни,—къ поворотной точкѣ своей судьбы. Все будетъ зависѣть отъ того, что̀ Джонъ Тревертонъ имѣетъ сообщить ей. Она отворила дверь и вошла, не дыша, не будучи въ силахъ говорить. Она чувствовала, что не въ состояніи предлагать ему вопросы, а можетъ только стоять передъ нимъ и слушать все, что̀ онъ ей скажетъ.

Комната была пуста, *это* Лора могла разглядѣть при колебавшемся свѣтѣ пламени; всмотрѣвшись, она увидала письмо, лежавшее на столѣ. Онъ написалъ ей. То, что̀ онъ имѣлъ сообщить, было слишкомъ ужасно, чтобы быть переданнымъ на словахъ, а потому онъ написалъ. Надежда и спокойствіе замерли въ душѣ ея при видѣ этого письма. Она поспѣшно возвратилась въ свою уборную, гдѣ оставила зажженныя свѣчи, заперлась, и здѣсь стоя, облокотившись о каминъ, ощущая слабость во всемъ тѣлѣ и продолжая дрожать, она разорвала конвертъ и прочла письмо мужа.

«Милая и вѣчно милая!—Когда письмо это будетъ въ твоихъ рукахъ, я уже оставлю тебя, по всѣмъ вѣроятностямъ на долго, а можетъ быть и навсегда. Я люблю тебя такъ нѣжно, такъ горячо, такъ страстно, какъ только можетъ мужчина любить женщину, и страданіе, какое я испытываю, покидая тебя, хуже страданія, причиняемаго приближеніемъ смерти. Жизнь мнѣ не такъ дорога, какъ ты. Въ этомъ мірѣ для меня нѣтъ другихъ радостей, кромѣ твоего дорогого общества, твоей небесной любви, а между тѣмъ я, несчастнѣйшій изъ людей, долженъ отъ нихъ отказаться.

«Милая, я совершилъ постыдное, а можетъ быть, и безумное дѣло. Я совершилъ преступленіе изъ желанія связать мою жизнь съ твоею, въ надеждѣ, что когда-нибудь связь эта станетъ законной и полной. Этимъ моимъ поступкомъ достигаются двѣ цѣли. Я отвоевалъ тебя у другихъ—у жены Джона Тревертона не будетъ жениха—и я утвердилъ за тобою владѣніе твоимъ старымъ домомъ и состояніемъ твоего пріемнаго отца. Его желаніе, по крайней мѣрѣ, исполнено посредствомъ нашей печальной свадьбы».

«Дорогая, радость, я долженъ оставить тебя; существуетъ старая связь, запрещающая мнѣ, какъ честному человѣку, стать для тебя чѣмъ-нибудь бо̀льшимъ, чѣмъ я теперь. Я твой мужъ—по имени, твой защитникъ, еслибъ въ томъ встрѣтилась надобность, передъ цѣлымъ міромъ, твой вѣрный рабъ, втайнѣ и въ

разлукѣ, до самаго дня смерти моей. Если судьба будетъ къ намъ милосерда, то связь, о которой я говорю, не продлится вѣчно. Цѣпи мои когда-нибудь спадутъ съ меня, и я вернусь къ тебѣ свободнымъ человѣкомъ. О, моя голубка, пожалѣй и прости меня, сохрани мнѣ навсегда мѣстечко въ твоемъ сердцѣ и повѣрь, что я дѣйствовалъ единственно подъ вліяніемъ любви. Я не дотронусь ни до единаго пенса изъ состоянія моего двоюроднаго брата до тѣхъ поръ, пока не вернусь къ тебѣ свободнымъ человѣкомъ и не получу богатства и счастія изъ твоихъ рукъ. До тѣхъ поръ ты будешь единственной владѣлицей Газльгёрстскаго за́мка и всего съ нимъ связаннаго состоянія. Мистеръ Сампсонъ скажетъ тебѣ, какую дарственную запись я составилъ, запись, которая будетъ мною подписана въ тотъ день, когда я сдѣлаюсь владѣльцемъ помѣстья моего двоюроднаго брата, Джаспера.

«Милая, больше я ничего сказать не могу. Если ты удостоишь когда-нибудь подумать о томъ, кто такъ жестоко обманулъ тебя, думай обо мнѣ съ состраданіемъ, какъ о самомъ несчастномъ изъ людей. Прости меня, если можешь; я даже осмѣливаюсь надѣяться на твое прощеніе, основываясь на свойственной тебѣ безпредѣльной добротѣ. Мнѣ, при всемъ моемъ горѣ, отрадно сознавать, что ты носишь мое имя, — что между нами существуетъ связь, которая никогда порвана быть не можетъ, даже если бы судьба была такъ жестока, что разлучила бы насъ на всю жизнь. Но я надѣюсь на лучшія времена, надѣюсь, что настанетъ день, когда я назову себя,—съ гордостью и радостью болѣе сильными, чѣмъ страданіе, какое ощущаю сегодня,— твоимъ любящимъ мужемъ.

«Джонъ Тревертонъ.»

Она простояла нѣсколько минутъ блѣдная, какъ мраморъ, съ письмомъ въ рукѣ, затѣмъ поднесла его къ губамъ и страстно поцѣловала.

— Онъ любитъ меня!—вскрикнула она невольно. — Благодарю за это Бога. Я все могу вынести теперь, когда увѣрена въ этомъ.

Она слѣпо повѣрила письму. Женщина, болѣе знакомая со зломъ царящимъ въ этомъ мірѣ, можетъ быть не увидала бы ничего кромѣ лжи въ этихъ необузданныхъ строкахъ Джона Тревертона; но въ глазахъ Лоры онѣ дышали истиной, и одной истиной. Онъ поступилъ очень дурно; но онъ любитъ ее. Онъ причинилъ ей чуть ли не величайшій вредъ, какой мужчина

можетъ причинить женщинѣ; но онъ любитъ ее. Онъ обманулъ, одурачилъ ее, сдѣлалъ ее смѣшною въ глазахъ ея друзей и знакомыхъ; но онъ любитъ ее. Эта одна его добродѣтель почти искупала всѣ его преступленія.

— Мнѣ рѣшительно не къ чему пытаться возненавидѣть его,—говорила она себѣ, въ жалобномъ самоуничиженіи,—такъ какъ я люблю его всѣмъ сердцемъ, всей душой. Мнѣ кажется, что я безхарактерная молодая женщина, несчастное, жалкое созданіе, такъ какъ не могу перестать любить его, несмотря на то, что онъ поступилъ со мной крайне жестоко и почти разбилъ мое сердце.

Она заперла письмо въ потайной ящикъ своей туалетной шкатулки, сѣла на низенькую скамеечку у камина и тихо заплакала надъ этимъ новымъ, страннымъ горемъ.

— Селія была права, — сказала она себѣ, нѣсколько времени спустя, съ горькой улыбкой. — То была свадьба съ дурными предзнаменованіями. Незачѣмъ ей было такъ хлопотать о моихъ воротничкахъ и рукавчикахъ.

Еще позже, она задумалась надъ затруднительностью, надъ нелѣпостью своего положенія.

— Жена и вдова,—думала она,—съ мужемъ, убѣжавшимъ отъ меня въ день моей свадьбы. Какъ мнѣ объяснить свѣту поведеніе его? Какимъ глупымъ, несчастнымъ существомъ покажусь я имъ всѣмъ!

Ей вдругъ пришло въ голову, что она не въ состояніи, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, объяснять поведеніе своего мужа постороннимъ, приводить причины, по которымъ онъ покинулъ ее. Все—легче этого. Она должна убѣжать куда-нибудь. Она должна предоставить времени всяческія объясненія. Ей будетъ легче написать своему старому другу викарію издалека.

Она готова была вынести все, что́ угодно, лишь бы не подвергаться перекрестному допросу Селіи, которая никогда не довѣряла Джону Тревертону, и могла быть втайнѣ обрадована тѣмъ, что онъ оказался обманщикомъ.

— Я должна уѣхать безотлагательно,—рѣшила она:—нынче же вечеромъ. Я должна провести свой медовый мѣсяцъ—одна.

Она позвонила, Мэри сейчасъ же явилась, вся раскраснѣвшаяся отъ чаю, поджареннаго хлѣба съ масломъ и смѣшливаго настроенія, господствовавшаго въ нижнемъ этажѣ.

— Къ какому времени заказанъ для насъ экипажъ, Мэри,—спросила мистрисъ Тревертонъ.

— Къ тремъ четвертямъ восьмого, сударыня. Поѣздъ отходитъ въ сорокъ минутъ девятаго.

— А теперь ровно половина седьмого. Мэри, какъ ты думаешь, можешь-ли ты собраться — ѣхать со мной — въ часъ съ четвертью?

Ранѣе предполагалось, — къ величайшему разочарованію Мэри, жаждавшей увидать иностранныя земли, — что Лора будетъ путешествовать съ мужемъ безъ горничной.

— Господи, сударыня, у меня ничего не уложено; но я бы очень желала ѣхать. Вы не изволите шутить?

— Я не шучу и буду очень тобой довольна, если ты успѣешь уложить свой сундукъ, чтобы ѣхать со мной.

— Я это сдѣлаю, сударыня,—съ восторгомъ воскликнула Мэри и помчалась съ лѣстницы, какъ сумасшедшая, чтобы объявить всѣмъ собравшимся въ комнатѣ экономки, что она ѣдетъ во Францію со своей барыней.

— Это внезапная перемѣна, — сказалъ дворецкій.—А гдѣ же мистеръ Тревертонъ все это время? Ему бы не слѣдовало оставаться на улицѣ въ потьмахъ и курить сигару вмѣсто того, чтобы посидѣть съ женою.

— Конечно, не слѣдовало,—съ негодованіемъ замѣтила Мэри, —онъ мужъ совсѣмъ не по моимъ мыслямъ: оставлять ее, бѣдняжку, тосковать въ одиночку въ день ея свадьбы! Я увѣрена, что она сейчасъ всѣ глаза свои выплакала, хотя была настолько хитра, что говорила со мною отвернувши отъ меня лицо. Я думаю, что она рѣшилась взять меня съ собою заграницу для компаніи, такъ какъ чувствуетъ, что ей будетъ скучно съ нимъ.

— Ты бы лучше пошла укладывать свой ящикъ,—сказала экономка,—чѣмъ стоять здѣсь и сплетничать. Чтó ты понимаешь въ обычаяхъ господъ, женатыхъ или холостыхъ, желàла бы я знать? Когда ты пробудешь въ услуженіи также долго, какъ пробыла я, тогда можешь толковать.

— Вотъ еще,—проговорила негодующая Мэри, и затѣмъ выразила надежду, что душа ея составляетъ ея собственность, даже въ Газльгёрстскомъ зáмкѣ.

Ранѣе половины восьмого, Мэри уложила свой ящикъ и отослала его въ залу. Сундуки и мѣшки мистрисъ Тревертонъ были также снесены внизъ. Въ три четверти восьмого, экипажъ подъѣхалъ къ дверямъ: то было старомодное ландо, въ которомъ Джасперъ Тревертонъ совершалъ свои ежедневныя прогулки; оно запряжено было парой рослыхъ лошадей, въ началѣ своей жизни ходившихъ подъ плугомъ. Съ той минуты, какъ лампы были зажжены, никто не видалъ молодого. Чайный приборъ былъ своевременно поданъ въ книжную комнату, самоваръ весь

выкипѣлъ, но никто не приходилъ туда дѣлать чай. Лора сошла внизъ только тогда, когда экипажъ стоялъ уже у дверей.

— Джо, сбѣгай, разыщи мистера Тревертона,—закричалъ дворецкій своему помощнику.

— Мистеръ Тревертонъ встрѣтитъ насъ на станціи,—поспѣшно проговорила Лора, затѣмъ сѣла въ экипажъ, и приказала Мэри слѣдовать за ней.

— Скажите кучеру, чтобъ ѣхалъ скорѣй на станцію,—сказала она дворецкому. Лишь хлопнулъ бичъ, откормленныя лошади быстро повернули громоздкій экипажъ, точно собираясь разрушить до основанія старый домъ, и полетѣли по аллеѣ съ страшнымъ шумомъ.

— Отъ роду этого не видывала!—воскликнула экономка.

— Подумай только, что онъ встрѣтитъ ее на станціи, а не поѣхали они вмѣстѣ, сидя рядышкомъ, какъ настоящіе молодые.

— Боюсь я, что здѣсь не больно много истинной любви-то, Марта,—сентенціозно проговорилъ ея мужъ, а затѣмъ, перейдя въ фамильярный тонъ, прибавилъ:—Марта, мы съ тобой женились, мы вѣдь не такъ распорядились, не правда-ли, дѣвочка моя?

Глава XIII.—Дарственная запись.

Со дня свадьбы Лоры прошло три недѣли и одинъ день—новому году исполнилось ровно три недѣли. То былъ очень болѣзненный и непривѣтный годъ въ этомъ младенческомъ фазисѣ своего существованія. Со дня его рожденія едва-ли былъ и одинъ день хорошей погоды: ничего, кромѣ дождя, грязи, сырого рѣзкаго холода, утреннихъ и вечернихъ тумановъ. То не была славная, откровенная, старомодная зима; такая, о какихъ мы читаемъ въ повѣстяхъ, и какой пользуемся, приблизительно, разъ въ десять лѣтъ. Стояла просто непріятная, дурная погода, которую трудно было отнести къ какому-либо опредѣленному времени года.

Наканунѣ описываемаго дня исполнился годъ кончинѣ Джаспера Тревертона, и Томъ Сампсонъ лѣниво и удобно размышлялъ о своемъ бывшемъ кліентѣ, сидя у камина въ кабинетѣ и прихлебывая чай, который приказалъ подать себѣ въ свою нору, такъ какъ онъ страшно занятъ. Онъ еще не обмакнулъ пера въ чернилы, а было уже половина десятаго; но Элизѣ Сампсонъ вовсе объ этомъ знать не слѣдовало. Она была совершенно убѣждена, что, когда братъ ея проводитъ вечеръ въ кабинетѣ,

онъ, значитъ, усиленно работаетъ. Если она заглядывала къ нему, то заставала его усиленно царапающимъ по бумагѣ скрипучимъ гусинымъ перомъ, летѣвшимъ съ такой быстротой, съ какой мчится экстренный поѣздъ мимо второстепенной станціи; ей не подобало вѣдать, что Томасъ схватилъ перо и сдѣлалъ видъ, что занимается только тогда, когда заслышалъ ея легкіе шаги у дверей. Домашняя жизнь вся состоитъ изъ такихъ маленькихъ тайнъ.

Въ описываемый вечеръ Томъ Сампсонъ находился въ особенно лѣнивомъ настроеніи. Онъ становился богатымъ человѣкомъ, не вслѣдствіе значительныхъ заработковъ, а вслѣдствіе незначительности расходовъ, и жизнь эта, въ глазахъ многихъ неразрѣшимая проблема, давалась ему также легко, какъ одна изъ девяти элементарныхъ аксіомъ «Эвклида», которыя, повидимому, такъ глупо-очевидны, что надъ ними не задумается самый маленькій школьникъ, какъ-то: — если двѣ равныя величины отнять отъ двухъ равныхъ величинъ, остатки будутъ равны, и т. п.

Томъ соображалъ, что пора ему подумывать о женитьбѣ.

Онъ не былъ влюбленъ и никогда не бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ обмѣнилъ курточку на сюртукъ; но онъ говорилъ себѣ, что настало время, когда онъ можетъ благоразумно позволить себѣ влюбиться. Онъ не хотѣлъ любить слишкомъ сильно, а только благоразумно.

«Лиззи хорошая дѣвушка и привычки мои знаетъ, — говорилъ онъ себѣ, — но она становится старой дѣвой, а этотъ недостатокъ все будетъ возрастать. Да, рѣшительно, пора мнѣ подумать о женитьбѣ. Только выборъ человѣка такъ чертовски ограниченъ въ подобной трущобѣ. Я не хочу жениться на дочери фермера, хотя могъ бы получить красивую, здоровую, молодую дѣвушку и хорошенькую сумму денегъ, еслибъ пожелалъ взять себѣ подругу изъ земледѣльческаго класса; но у Тома Сампсона свои недостатки, и гордость—одинъ изъ нихъ. Я бы желалъ, чтобы жена моя была повыше меня. Вотъ Селія Клеръ, напримѣръ. Она, пожалуй, въ томъ родѣ, какой мнѣ нравится, толстенькая, хорошенькая, съ милыми, живыми манерами. Бѣдная Лиззи слишкомъ ужъ угощала меня сентиментальностью. Да, не дурно было бы жениться на Селіи. И, мнѣ кажется, что я ей нравлюсь».

Здѣсь размышленія мистера Сампсона были прерваны звукомъ шаговъ, приближавшихся по садовой дорожкѣ, которая была тотчасъ за дверью кабинета. Кромѣ двери въ садъ, изъ

кабинета выходила дверь и въ переднюю; черезъ послѣднюю всегда оффиціально входили кліенты мистера Сампсона. Одни лишь короткіе знакомые приходили къ нему черезъ садовую дверь, и онъ никакъ не могъ себѣ представить, кто бы могъ быть его поздній посѣтитель.

«Десять часовъ,—говорилъ онъ себѣ.—Должно быть что-нибудь особенное. Можетъ быть, у старика Пульсби новый приступъ подагры въ желудкѣ, и онъ хочетъ измѣнить свое завѣщаніе. Онъ всегда измѣняетъ свое завѣщаніе, когда съ нимъ приключится сильный припадокъ. Страданіе дѣлаетъ его такимъ сердитымъ, что для него составляетъ облегченіе лишить кого-нибудь наслѣдства».

Таковы были соображенія мистера Сампсона, пока онъ отодвигалъ засовъ и отворялъ стеклянную садовую дверь. Человѣкъ, стоявшій передъ нимъ, не былъ посланнымъ отъ старика Пульсби; то былъ Джонъ Тревертонъ, одѣтый въ бѣлый макинтошъ, съ котораго вода стекала небольшими ручейками.

— Вы-ли это, или ваша тѣнь? спросилъ Сампсонъ, отступая, чтобы дать войдти своему кліенту.

Вопросъ имѣлъ нѣкоторое основаніе. Лицо Джона Тревертона было также бѣло, какъ его одежда, и общее впечатлѣніе, производимое блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ и длиннымъ бѣлымъ сюртукомъ, невольно напоминало привидѣніе.

— Я самый, съ кровью и плотью, увѣряю васъ, дорогой Сампсонъ,—хладнокровно отвѣтилъ тотъ, снимая свой макинтошъ и становясь передъ ярко-пылавшимъ въ каминѣ огнемъ,—только плоть-то промерзла до костей.

— Я думалъ, вы на югѣ Франціи.

— Все равно что бы вы ни думали; какъ видите, я здѣсь. Вчера я сдѣлался законнымъ владѣльцемъ помѣстья моего двоюроднаго брата. Я пріѣхалъ подписать дарственную запись. Все, разумѣется, готово?

— Готово, да; но я ни думалъ, чтобы вы такъ стали торопиться. Я полагалъ, что вы проведете тамъ вашъ медовый мѣсяцъ.

— Мой медовый мѣсяцъ очень мало значитъ сравнительно съ будущимъ благосостояніемъ моей жены. Ну, Сампсонъ, за дѣло. Кто засвидѣтельствуетъ мою подпись?

— Сестра моя и кто-нибудь изъ слугъ моихъ это сдѣлаетъ.

— Такъ зовите ихъ, я готовъ подписать.

— Не лучше-ли вамъ прежде перечесть документъ.

— Да, пожалуй, нельзя быть слишкомъ осторожнымъ. Вы, конечно, совѣтовались съ кѣмъ слѣдуетъ, документъ надежный?

— Вполнѣ надежный. Вашъ даръ такъ простъ, что относительно редакціи документа не могло представиться никакихъ затрудненій. Вы все отдаете женѣ своей. Я думаю, что вы безумецъ, то же подумалъ и тотъ, съ кѣмъ я совѣтовался; но, вѣдь, это разницы для васъ не составляетъ.

— Ни малѣйшей.

Джонъ Тревертонъ присѣлъ къ письменному столу и прочелъ дарственную запись отъ перваго слова до послѣдняго. Онъ въ ней отдавалъ своей дорогой женѣ, Лорѣ Тревертонъ, все имущество, движимое и недвижимое, какимъ только владѣлъ, отдавалъ ей его въ отдѣльное пользованіе. Было много юридической болтовни, но цѣль записи была достаточно ясна.

— Я готовъ,—сказалъ Джонъ.—Мистеръ Сампсонъ позвонилъ служанку и, отворивъ дверь въ переднюю, громко кликнулъ сестру. Элиза прибѣжала и, при видѣ блѣднаго лица Джона Тревертона, вскрикнула и, казалось, готовилась упасть въ обморокъ.

— Господи, мистеръ Тревертонъ,—простонала она,—я думала что насъ раздѣляютъ океаны. Ради Бога, что́ случилось?

— Ничего особенно страшнаго. Я только пріѣхалъ подписать свою дарственную запись, чего не имѣлъ возможности исполнить до вчерашняго дня.

— Какъ ужасно тяжело должно быть бѣдной мистрисъ Тревертонъ одной, на чужой сторонѣ!

Джонъ Тревертонъ не обратилъ вниманія на эту рѣчь. Онъ обмакнулъ перо въ чернила и подписалъ бумагу. Миссъ Сампсонъ и Софія, горничная, съ удивленіемъ смотрѣли на него.

— Софія, бѣгите, провѣтрите пару простынь да приготовьте запасную комнату,—закричала Элиза, какъ только обѣ выставили на документѣ свои свидѣтельскія подписи.—Вы, конечно, погостите у насъ, мистеръ Тревертонъ?

— Вы очень добры. Нѣтъ, я долженъ ѣхать сію-же минуту. Меня ждетъ экипажъ, который отвезетъ меня обратно на станцію. Ахъ, да, кстати, Сампсонъ насчетъ этихъ денегъ, которыя вы одолжили мнѣ. Вы ихъ должны какъ-нибудь получить съ имѣнія; я полагаю, вы это можете устроить?

— Да, я думаю, что могу это устроить,—скромно отвѣтилъ Сампсонъ.—Не надо-ли вамъ еще денегъ?

— Нѣтъ, теперь помѣстье принадлежитъ женѣ моей, я не долженъ вмѣшиваться въ ея дѣла.

— Что ея, то ваше, безъ сомнѣнія. Поздравляю васъ отъ всего сердца. Вы самый счастливый человѣкъ, какого я когда-

либо зналъ. Красавица жена и великолѣпное состояніе, чего еще можетъ человѣкъ требовать отъ судьбы?

— Немногаго, конечно,—сказалъ Джонъ Тревертонъ,—но я долженъ попасть на послѣдній поѣздъ. Покойной ночи.

— Вы возвращаетесь на югъ Франціи?

Джонъ Тревертонъ не далъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ поспѣшно пожалъ руку Элизѣ и выбѣжалъ въ садъ. Минуту спустя, мистеръ Сампсонъ и сестра его заслышали щелканіе бича и стукъ колесъ, катившихся по большой дорогѣ.

— Видала-ли ты когда-нибудь такого волканическаго индивидума?—воскликнулъ стряпчій, складывая дарственную запись.

— Я боюсь, что онъ несчастливъ,—вздохнула Элиза.

— А я боюсь, что онъ сумасшедшій,—замѣтилъ Томъ.

Глава XIV.—Скажи мнѣ слово.

Мистеръ Смолендо находился въ апогеѣ своей славы. По выраженію его друзей и послѣдователей *онъ ковалъ деньги*. Онъ былъ человѣкъ, за которымъ стоило ухаживать, котораго слѣдовало почитать; человѣкъ, для котораго ужины съ шампанскимъ или обѣды въ Ричмондѣ ровно ничего не значили; человѣкъ, которому было легче дать взаймы банковый билетъ въ пять фунтовъ, чѣмъ большинству бываетъ одолжить полъ-кроны. Льстецы окружали его, короткіе знакомые не разставались съ нимъ, съ трогательной настойчивостью напоминая ему, что они знали его двадцать лѣтъ тому назадъ, когда у него не было и пенса, точно будто знакомство съ его минувшими несчастьями составляло заслугу, давало имъ особенныя на него права. Нравственное равновѣсіе человѣка, не съ такимъ могучимъ умомъ, навѣрное поколебалось бы отъ всей этой лести. Мистеръ Смолендо былъ человѣкъ словно высѣченный изъ гранита и цѣнилъ лесть окружающихъ—по достоинству. Когда люди бывали съ нимъ особенно вѣжливы, онъ зналъ, что имъ отъ него что-нибудь нужно.

— Содержатель лондонскаго театра—человѣкъ, котораго надуть не легко,—говаривалъ онъ:—онъ видитъ человѣческую природу съ худшей ея стороны.

Рождество наступило и миновало, съ новаго года прошло уже шесть недѣль, а благосостояніе мистера Смолендо держалось на прежней высотѣ. Театръ каждый вечеръ бывалъ переполненъ. Каждую субботу давались утреннія представленія. На кресла и ложи записывались за мѣсяцъ впередъ.

— Шико — маленькій золотой рудникъ, — говорили приближенные мистера Смолендо.

Да, весь успѣхъ приписывали Шико. Мистеръ Смолендо поставилъ большую феерію, въ которой Шико была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Она въ ней появлялась въ различныхъ костюмахъ, одинаково оригинальныхъ, дорогихъ и смѣлыхъ. Она изображала рыбную торговку въ коротенькой атласной юбочкѣ, пунцовыхъ чулкахъ и высокомъ чепцѣ изъ роскошнѣйшихъ брюссельскихъ кружевъ; изображала баядерку, дебардера, лѣсную нимфу, одалиску. Танцовала она теперь хуже, чѣмъ до катастрофы, но была красивѣе, чѣмъ когда-либо, и чуть-чуть безстыднѣе прежняго. Она изучила англійскій языкъ настолько, что могла заучивать маленькія роли въ такихъ пьесахъ, которыя не ограничивались одними танцами, а акцентъ ея придавалъ ея рѣчи особую прелесть и своеобразность. Она пѣла комическія пѣсенки съ бо́льшимъ шикомъ, чѣмъ музыкальностью, и бывала награждаема единодушными рукоплесканіями. Критики говорили ей, что она поднялась на высшую, противъ прежняго, ступень въ драматическомъ искусствѣ. Шико говорила себѣ, что она величайшая женщина въ Лондонѣ, какъ и самая красивая. Она жила въ кружкѣ, которому служила центромъ. Окружность составляла — цѣпь обожателей. За предѣлами этого кружка для нея свѣтъ кончался.

Нѣчто подобное говорила она своему сосѣду, мистеру Деролю, въ одинъ сѣрый февральскій день послѣ обѣда, когда онъ зашелъ къ ней попросить стаканчикъ водки, долженствовавшій предупредить одинъ изъ тѣхъ припадковъ, о которыхъ онъ такъ часто толковалъ. Она всегда особенно дружески обращалась съ *жильцомъ второго этажа;* весь домъ такъ называлъ этого джентльмэна. Онъ льстилъ ей, забавлялъ ее, исполнялъ ея порученія, иногда составлялъ ей компанію, когда она бывала въ слишкомъ печальномъ настроеніи, чтобы пить въ одиночку.

— Дорогая моя, не слѣдуетъ вамъ жить въ такой трущобѣ, какъ эта, право, не слѣдуетъ, — съ покровительственнымъ видомъ говорилъ Дероль.

— Знаю, что не слѣдуетъ, — возразила Шико. — Въ Парижѣ нѣтъ ни одной актрисы, которая бы не назвала меня глупой совой. Чортъ возьми, я жертвую собой чести мужа, который смѣется надо мной, самъ гдѣ-то забавляется, а меня оставляетъ одну, предоставляя мнѣ право скучать и томиться. Это свыше силъ моихъ. Посмотрите, Дероль, вы, можетъ быть, думаете, что я хвастаюсь, когда говорю вамъ, что одинъ изъ самыхъ богатыхъ лю-

дей въ Лондонѣ по уши влюбленъ въ меня. Посмотрите, вотъ его письма. Прочтите ихъ, вы увидите, *отъ чего* я отказалась.

Она открыла рабочій ящикъ, стоявшій на столѣ, и вытащила, изъ-подъ безпорядочной груды катушекъ, тесемокъ, пуговицъ и проч., штукъ шесть писемъ, которыя перебросила Деролю черезъ столъ.

— Неужели вы оставляете ваши любовныя письма тамъ, гдѣ мужъ вашъ такъ легко могъ-бы найдти ихъ? — съ удивленіемъ спросилъ Дероль.

— А неужели вы воображаете, что онъ далъ-бы себѣ трудъ взглянуть на нихъ?—съ досадой воскликнула она.—Какъ-бы не такъ. Онъ самъ давнымъ-давно пересталъ обо мнѣ думать, а потому никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы кто-нибудь другой могъ въ меня влюбиться. Налейте-ка себѣ коньяку, мистеръ Дероль, это единственное безвредное питье въ вашемъ ужасномъ климатѣ, да подбросьте углей въ каминъ. Я промерзла до мозга костей.

Шико, желавшая подать собесѣднику добрый примѣръ, наполнила свой стаканчикъ и опорожнила его также спокойно, какъ если-бъ въ немъ, вмѣсто водки, заключалась сахарная вода.

Дероль просмотрѣлъ письма, которыя она передала ему. Во всѣхъ слышалась одна и та же пѣсня, говорилось, что Шико красавица, и что писавшій до безумія влюбленъ въ нее. Ей предлагали экипажъ, домъ, дарственную запись.

— Что же вы ему отвѣчали?—съ любопытствомъ спросилъ заинтересованный Дероль.

— Ничего. Я умѣю заставить цѣнить себя. Пусть его ждетъ отвѣта.

— Крѣпко долженъ быть человѣкъ задѣтъ, чтобы такъ писать,—проговорилъ джентльменъ.

Шико пожала плечами. Она была хороша даже въ своемъ болѣе чѣмъ небрежномъ туалетѣ. На ней былъ надѣтъ длинный широкій пенюаръ изъ пунцоваго кашемира, подпоясанный шнуркомъ съ кистями, который она завязывала, развязывала и вертѣла въ рукахъ отъ нечего дѣлать. Ея густые волосы были свернуты въ большой узелъ на затылкѣ и, казалось, каждую минуту готовы были выскользнуть изъ-подъ гребня и упасть ей на спину. Рѣдкая, чисто мраморная бѣлизна ея лица еще рѣзче выдавалась отъ пунцоваго платья, густые волосы, цвѣта воронова крыла, оттѣняли блѣдный лобъ и большіе блестящіе глаза.

— Такъ-ли онъ богатъ, какъ увѣряетъ?—спросила Шико,

задумчиво раскачивая тяжелую пунцовую кисть и лѣниво глядя на огонь.

— Мнѣ доподлинно извѣстно,—проговорилъ мистеръ Дероль, съ видомъ оракула, — что Іосифъ Лемуель одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Лондонѣ.

— Для меня это не составляетъ большой разницы,—задумчиво проговорила Шико. — Я люблю деньги, но разъ, что ихъ у меня достаточно, чтобы купить, что̀ захочу, мнѣ больше ничего не нужно, и этотъ еврей съ такимъ суровымъ видомъ мнѣ не нравится.

— Сравните домъ въ Мэйферъ съ этой норой,—настаивалъ Дероль.

— А гдѣ Мэйферъ?

Дероль описалъ мѣстность.

— Лабиринтъ скучныхъ улицъ,—съ пренебреженіемъ проговорила Шико. — Чѣмъ одна улица лучше другой? Я бы желала имѣть домъ въ Елисейскихъ поляхъ, домъ въ саду, весь бѣлый, въ цвѣтахъ, съ большими, сверкающими на солнцѣ, окнами и швейцарскимъ коровникомъ.

— Домъ, похожій на игрушку, — проговорилъ Дероль. — Чтожъ, Лемуель можетъ купить вамъ его также легко, какъ я бы купилъ вамъ пригоршню сливъ въ сахарѣ. Скажите только слово.

— Этого слова я никогда не скажу,—рѣшительно воскликнула Шико. — Я честная женщина и, кромѣ того, я слишкомъ горда.

Дероль съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, что̀ собственно, гордость-ли, добродѣтель или чистое упрямство заставляетъ Шико отвергать подобныя блистательныя предложенія. Не легко ему было повѣрить въ добродѣтель мужчины или женщины. Путь его не лежалъ черезъ тѣ дорожки, на которыхъ росли и цвѣли добродѣтели, съ пороками же онъ былъ коротко знакомъ. Со дня извѣстнаго свиданія съ мужемъ Шико, когда онъ обѣщалъ ему отечески наблюдать за этой дамой, мистеръ Дероль совершенно втерся въ довѣріе молодой женщины. Онъ былъ ей полезенъ и пріятенъ. Хотя она и держала своего богатаго поклонника на почтительномъ разстояніи, она любила говорить о немъ. Оранжерейные цвѣты, которые онъ присылалъ ей, украшали ея столъ и казались до странности неумѣстными въ заваленной всякою всячиной комнатѣ, въ которой вчерашняя пыль обыкновенно оставалась невыметенною до завтрашняго дня.

Однако, Шико не знала того—что мистеръ Дероль познако-

мился съ ея обожателемъ, и что Лемуель ему платитъ за его заступничество.

— Вы, повидимому, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде, другъ мой,—сказала она ему однажды.—Если я не ошибаюсь, это новый сюртукъ.

— Да,—не краснѣя отвѣтилъ свѣтскій человѣкъ.—Я немного игралъ на биржѣ, и мнѣ посчастливилось болѣе обыкновеннаго. Дероль помѣшивалъ уголья въ каминѣ и налилъ себѣ третій стаканъ коньяку.

— Точно ликеръ,—проговорилъ онъ, причмокивая губами.—Грѣшно было бы разводить водой этакую прелесть. Кстати, когда вы ожидаете вашего мужа?

— Я никогда не ожидаю его,—отвѣчала Шико.—Онъ уѣзжаетъ и возвращается когда ему угодно. Онъ точно вѣчный жидъ.

— Онъ, я полагаю, поѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ?

— По дѣламъ, или для удовольствія. Я не знаю и не желаю знать, для чего. Онъ заработываетъ себѣ средства къ жизни. Его смѣшныя картинки нравятся въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Посмотрите!

Она бросила ему смятую кипу юмористическихъ листковъ, англійскихъ и французскихъ. Имя ея мужа красовалось на всѣхъ, подписанное подъ самыми бойкими каррикатурами, подъ сценами изъ театральной жизни и изъ жизни богемы; всѣ эти наброски дышали жизнью и юморомъ.

— Судя по этому, можно было бы предполагать, что онъ веселый собесѣдникъ,—сказала Шико,—а между тѣмъ, онъ мрачнѣе всякихъ похоронъ.

— Онъ всю свою веселость тратитъ на свои произведенія,—промолвилъ Дероль.

За послѣднее время Джэкъ Шико превратился въ неутомимаго странника и проводилъ лишь весьма незначительную часть своего времени въ квартирѣ въ улицѣ Сиберъ. Между нимъ и его женою не было ничего общаго и не бывало со времени выздоровленія Шико. Они, по бóльшей части, были вѣжливы другъ съ другомъ, но бывали минуты, когда языкъ жены развязывался, и дурной ея характеръ обнаруживался также ясно, какъ ясно выдается на темномъ лѣтнемъ небѣ перерѣзывающая его тонкая, огненная нить извилистой молніи. Мужъ всегда былъ вѣжливъ.

— Ты меня слишкомъ ненавидишь, чтобы разсердиться на меня,—сказала она ему однажды въ присутствіи квартирной

хозяйки: — ты боишься дать себѣ волю. Еслибы ты, хоть на одну минуту, пересталъ себя сдерживать, ты бы могъ убить меня. Искушеніе было бы для тебя слишкомъ сильно.

Джэкъ Шико ни слова на это не сказалъ, онъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и улыбался ей горькой улыбкой.

Однажды она заставила-таки его заговорить.

— Ты влюбленъ въ другую женщину,—кричала она.—Я это знаю.

— Я видѣлъ женщину, не похожую на тебя,—со вздохомъ отвѣтилъ онъ.

— И ты влюбленъ въ нее.

— За то, что она на тебя не похожа! Это, конечно, имѣетъ свою прелесть.

— Ступай къ ней, ступай къ твоей...

Фраза заканчивалась грязнымъ эпитетомъ—однимъ изъ ядовитѣйшихъ цвѣтковъ парижскаго argot.

— Путь слишкомъ далекій,—сказалъ онъ.—Не легко изъ ада попасть въ рай.

Джэкъ Шико однажды посѣтилъ театръ принца Фредерика послѣ возвращенія жены своей на сцену. Онъ былъ на первомъ представленіи феерія, принесшей мистеру Смолендо столько денегъ. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ съ серьёзнымъ, не измѣнявшимъ своего выраженія лицомъ, тогда какъ окружавшіе его зрители восторженно смѣялись; а когда Шико пожелала узнать его мнѣніе о представленіи, онъ откровенно выразилъ свое полное отвращеніе.

— Неправда ли, мои костюмы великолѣпны? — спросила она.

— Да. Но я бы предпочелъ поменьше великолѣпія и побольше приличія.

Остальнымъ зрителямъ было легче угодить. Они не замѣчали никакого неприличія въ костюмахъ. Они, несомнѣнно, видѣли то, за содержаніе чего заплатили деньги, и были довольны.

Никогда не была женщина свободнѣе, чѣмъ была Шико послѣ своего чудодѣйственнаго выздоровленія. Она ѣздила, куда хотѣла, пила сколько заблагоразсудится, тратила каждый грошъ своего значительнаго жалованья на свои удовольствія и никому ни въ чемъ не давала отчета. Мужъ ея былъ мужемъ только по имени. Она чаще видѣла Дероля, чѣмъ Джэка Шико.

Былъ одинъ только человѣкъ, дерзавшій упрекать ее, пытавшійся разсуждать съ нею; это былъ человѣкъ, спасшій ей жизнь и не жалѣвшій для этого ни времени, ни заботъ. Джорджъ Дже-

рардъ изрѣдка заходилъ къ ней и говорилъ съ ней очень откровенно.

— Вы опять пили,—говаривалъ онъ, пожимая ей руку.

— Я ничего не пила со вчерашняго вечера, а за ужиномъ стаканъ шампанскаго выпила.

— Т.-е., бутылку; а сегодня утромъ полбутылки водки, чтобы уничтожить дѣйствіе шампанскаго.

Она уже болѣе не пыталась опровергать его обвиненія.

— Отчего же мнѣ и не пить?—съ вызывающимъ видомъ воскликнула она.—Кому забота, что̀ станетъ со мной?

— Мнѣ,—я спасъ вамъ жизнь, вы у меня за это въ долгу. Но я не могу спасти васъ, если вы твердо рѣшились опиться до смерти. Водка для женщины съ вашимъ темпераментомъ вѣрнѣйшій ядъ.

При этихъ словахъ Шико обливалась слезами. То было жалобное зрѣлище, поражавшее молодого медика въ самое сердце. Онъ бы такъ любилъ ее, такъ старался бы спасти ее, еслибъ это только было возможно. Онъ не зналъ, какъ она безсердечна, и приписывалъ всѣ ея заблужденія равнодушію мужа.

— Будь она моей женою, она бы могла быть совершенно другой женщиной,—говорилъ онъ себѣ, не вѣря въ природную развращенность такого, безусловно прекраснаго созданія, какимъ была Шико.

Онъ забывалъ, какъ прекрасны иныя ядовитыя растенія, какъ прелестны пунцовыя ягоды белладонны, на темномъ фонѣ осеннихъ изгородей.

Кромѣ Джерарда, никто этого вопроса не касался; пока Шико являлась на сцену трезвой, и мистеръ Смолендо молчалъ.

— Боюсь, что она бѣдняжка допьется до водяной,—говорилъ онъ однажды пріятелю, въ клубѣ.—Но надѣюсь, что при мнѣ она выдержитъ. Отъ женщины этого типа трудно ожидать, чтобы ея хватило болѣе, чѣмъ на три сезона, и Шико еще должна продержаться съ годъ или около того.

— А тамъ въ больницу?—сказалъ его другъ.

Мистеръ Смолендо пожалъ плечами.

— Я никогда не забочусь о дальнѣйшей карьерѣ моихъ артистовъ,—любезно и весело отвѣтилъ онъ.

ТЕОРІЯ ДОСТАТОЧНОСТИ

КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛОВЪ.

По поводу статьи Д. Ѳ. Самарина въ газетѣ „Русь".

Въ трехъ первыхъ нумерахъ новой московской газеты „Русь" помѣщена довольно рѣзкая полемическая статья г. Д. Самарина противъ извѣстнаго труда г. Янсона: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". Статья эта, впрочемъ, направлена не только противъ г. Янсона, но и вообще противъ мнѣнія о недостаточности существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, что придаетъ ей болѣе общій характеръ и вызываетъ необходимость критическихъ замѣчаній на нее. Вопросъ о достаточности или недостаточности крестьянскихъ надѣловъ принадлежитъ къ числу жгучихъ современныхъ вопросовъ русской жизни, притомъ же статья г. Самарина произвела въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе, слѣдовательно, проходить ее молчаніемъ никакъ не слѣдуетъ. Нынѣшнее состояніе крестьянскаго поземельнаго устройства и возникающіе изъ него вопросы требуютъ наибольшаго выясненія: въ вопросѣ о надѣлахъ необходимо, насколько можно, устранять всякія недоразумѣнія, и потому слѣдуетъ бороться противъ каждой попытки затемнить этотъ вопросъ, коль скоро эта попытка можетъ имѣть хоть какіе-нибудь шансы кредита.

Впечатлѣніе, оставленное статьею г. Самарина, объясняется не убѣдительностью ея для сколько-нибудь взыскательнаго читателя (это выяснится ниже), а главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она появилась въ газетѣ, предшественники которой служили хорошую службу крестьянскому дѣлу („Русь"—преемница „Дня" 1862—1865 годовъ), въ газетѣ, объявившей, что на знамени ея на-

писана „правда“ и борьба со всякою „ложью“, а также объявившей, что она будетъ говорить не только „во имя народа“, но и „съ народомъ“. Фактъ, что отъ имени народа и „съ народомъ“ отрицается или умаляется народное страданіе, происходящее отъ малости надѣловъ, во всякомъ случаѣ бросался въ глаза. Инымъ невольно должно было придти въ голову: ужъ не выдуманъ ли, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ? Конечно, было бы слишкомъ пріятно убѣдиться, что представленіе объ упомянутомъ страданіи не болѣе, какъ призракъ, какъ тяжелый кошмаръ, напрасно давившій грудь людей, во всякомъ случаѣ, искренно сочувствующихъ народу и отзывчивыхъ его болямъ. Но это-то самое обстоятельство и возвышаетъ требованія отъ г. Самарина со стороны серьёзнаго читателя, которому нужны не звуки только, но факты и основательныя мысли. Выступая „во имя народа“ съ отрицаніемъ важности значенія факта, который многими (и не наобумъ) признается однимъ изъ серьёзныхъ народныхъ золъ, г. Самаринъ тѣмъ самымъ принималъ на себя обязанность доказать основательность своего отрицанія, не довольствуясь голословными отзывами и не притязая на исключительный авторитетъ своего голоса.

Трудъ г. Янсона, противъ котораго ополчился г. Самаринъ, распадается, главнымъ образомъ, на двѣ части: на собраніе статистическаго матеріала о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ и — попытку объяснить происхожденіе того положенія, которое обрисовывается означеннымъ матеріаломъ; попытка эта имѣетъ видъ исторической справки о томъ, какія начала были установлены при произнесеніи перваго слова о крестьянской реформѣ, какія измѣненія потомъ претерпѣвали эти начала въ періодъ законодательныхъ работъ по устройству крестьянъ, и во что, наконецъ, переработались эти начала при практическомъ осуществленіи реформы. Противъ этой, исторической части труда г. Янсона направлена бо̀льшая часть стрѣлъ г. Самарина, который не соглашается съ г. Янсономъ даже въ основной цѣли реформы. Такъ, г. Янсонъ полагаетъ, придерживаясь буквальнаго текста государственныхъ актовъ, что надѣлъ долженъ былъ обезпечивать „бытъ крестьянъ и ихъ повинности“, а г. Самаринъ находитъ, что подобной цѣли у правительства никогда не было и не могло быть, и что подобною цѣлью даже вовсе не слѣдовало задаваться. Но мы, въ данномъ случаѣ, вовсе не будемъ касаться этой части полемики г. Самарина съ Янсономъ, и не потому, чтобы считали стрѣлы г. Самарина слишкомъ острыми, а просто потому, что насъ главнымъ образомъ интересуетъ другая сторона дѣла: существуетъ или не существуетъ *нынѣ* крестьянское малоземелье? дѣйствительно или выдумано причиняемое имъ народу зло, точно ли это зло

велико, или оно представляетъ, согласно мнѣнію г. Самарина, лишь ничтожныя исключенія, требующія самыхъ ограниченныхъ правительственныхъ мѣръ? Здѣсь корень интереса той полемики, о которой идетъ рѣчь.

Имѣло ли правительство цѣль обезпечить бытъ и повинности крестьянина или не имѣло ее (можетъ быть, и имѣло, а можетъ быть, и г. Самаринъ правъ), послѣдовательны или непослѣдовательны были основнымъ принципамъ редакціонныя коммиссіи, при выработкѣ „Положеній", отъ тѣхъ или отъ другихъ вліяній произошли неудовлетворительности крестьянскаго устройства—все это представляетъ теперь уже историческій интересъ, конечно, серьёзный, но не тотъ, какой мы имѣемъ въ виду, въ данномъ случаѣ. Для насъ теперь всего важнѣе—каково дѣйствительное нынѣшнее положеніе крестьянскаго устройства и какіе вопросы въ немъ заключаются? Историческіе факты поучительны, но теперь предъ нами стоитъ жгучій вопросъ, что слѣдуетъ *дѣлать* и слѣдуетъ ли что-нибудь дѣлать? надо ли спѣшить съ серьёзною помощью крестьянамъ или это дѣло третьестепенное, отложимое?

Вотъ, почему мы не станемъ вовсе касаться спора о характерѣ правительственныхъ принциповъ 1857—1861 годовъ, опустимъ также пререканія о правильности или неправильности дѣленій г. Янсономъ Россіи на мѣстности и полосы, о размѣрахъ надѣловъ, прописанныхъ *въ „Положеніи"* и т. д., а будемъ имѣть въ виду данныя о *фактическихъ* нынѣшнихъ надѣлахъ, о *фактическомъ* крестьянскомъ устройствѣ, отъ какихъ бы причинъ оно ни установилось. Пусть въ „Положеніяхъ" назначены крестьянамъ тѣ или другіе надѣлы—для насъ важнѣе знать, какіе надѣлы они имѣютъ на самомъ дѣлѣ? Если бы г. Самаринъ говорилъ о неясности представленной г. Янсономъ картины; если бы онъ доказывалъ неправильность пріемовъ его для утвержденія факта малоземелья—намъ бы не было повода выступать съ своимъ словомъ, и отозваться г. Самарину могъ бы только самъ г. Янсонъ. Но г. Самаринъ взялъ на себя отрицаніе самого факта, что недостаточность надѣловъ составляетъ огромное зло; онъ низводитъ малоземелье на степень незначительнаго исключенія,—и тутъ уже слѣдуетъ заговорить лицамъ постороннимъ полемикѣ. Тутъ надо посмотрѣть доказательства самого г. Самарина, тѣмъ болѣе, что онъ, укоряя своего противника въ „ненаучности" пріемовъ, тѣмъ самымъ вызываетъ обращеніе къ себѣ требованій „научности" въ доказательствахъ его собственныхъ положеній. Статью г. Самарина уже привѣтствовали тѣ самые органы, которые открываютъ объятія твореніямъ гг. Бланковъ, которые умѣли отрицать и голодъ, и чуму, и малоземелье, и вредъ „свободнаго"

выпуска кредитныхъ билетовъ, которые приписывали открытіе подобныхъ золъ чьимъ-то интригамъ; привѣтствовала эту статью и та петербургская еженедѣльная газетка, вдохновители которой въ свое время достаточно приложили властную руку для порчи крестьянскаго дѣла. Эти публицисты и „дѣятели" уже „взыграли радощами" услышавъ гласъ г. Самарина; встрѣчаются люди, полагающіе, что исполненная побѣдоносной внѣшности статья г. Самарина кого-то въ самомъ дѣлѣ разгромила, какую-то ложную идею обличила, что-то важное доказала, какое-то правильное понятіе утвердила. Посмотримъ же, что именно она доказала и утвердила?

О крестьянскомъ малоземельѣ г. Самаринъ выразился не двусмысленно; вотъ его слова:

„Итакъ, мы *отрицаемъ* теорію о *недостаточности надѣловъ*, какъ исходящую не изъ „великихъ", а изъ совершенно *ложныхъ* и *чуждыхъ нашему быту* принциповъ, какъ обобщающую, въ угоду этимъ принципамъ, *отдѣльныя явленія*, дѣйствительность коихъ мы не думаемъ отрицать, но которыхъ нѣтъ основанія огульно распространять на *всю* Россію и на *всѣ* разряды крестьянъ, не смотря на различіе въ мѣстныхъ условіяхъ, въ потребности въ землѣ и въ степени обезпеченія ею тѣхъ или другихъ крестьянъ". (Русь, № 3, стр. 11).

Отрицаніе того, что крестьянское малоземелье составляетъ очень „крупное" зло, взглядъ на фактъ этого малоземелья, какъ на незначительныя исключенія, выражается какъ въ приведенной цитатѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ статьи г. Самарина, а равно и въ ограниченности тѣхъ мѣръ, какія онъ предлагаетъ для содѣйствія увеличенію крестьянскаго землевладѣнія. Для большей полноты, чтобы видно было, что г. Самаринъ не случайно только обмолвился какимъ-нибудь двусмысленнымъ выраженіемъ, приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ его статьи:

„Настоящее состояніе крестьянъ и положеніе 19 февраля должны ожидать другой оцѣнки, съ другой точки зрѣнія и отъ лица болѣе безпристрастнаго и болѣе свѣдущаго въ этой области, чѣмъ оказался г. Янсонъ. Вопросы: въ *какихъ мѣстностяхъ* Россіи принципъ существующихъ надѣловъ оказался невыдержаннымъ, и отрѣзки отъ нихъ изъ исключенія превратились въ нормальное явленіе? Въ *какихъ мѣстностяхъ* и сколько сгубила народа, прельстивъ его полною и быстрою отмѣною барщины и оброка, *злосчастная 123 ст.* мѣст. положенія, создавшая особый разрядъ крестьянъ на такъ-называемомъ *„даровомъ или сиротскомъ" надѣлѣ?* Эти и многіе другіе вопросы, съ ними неразрывно связанные, еще ждутъ и, вѣроятно, еще долго будутъ ждать дѣльнаго изслѣдованія". („Русь", № 1, стр. 14).

„*Не можемъ мы*, — говоритъ далѣе г. Самаринъ („Русь“, № 3, стр. 12),—*признать*, чтобы всѣ крестьянскіе надѣлы или даже большинство ихъ *были недостаточны*, но съ нашей точки зрѣнія вполнѣ возможно допустить, что есть *мѣстности*, гдѣ надѣлы по своему размѣру мало приносятъ пользы крестьянамъ, только прикрѣпляя ихъ къ небольшому клочку земли, стѣсняя тѣмъ свободу ихъ передвиженія и мало содѣйствуя обезпеченію ихъ быта. Не можемъ мы поэтому согласиться и съ тѣмъ, будто представляется надобность въ расширеніи всѣхъ вообще или большинства крестьянскихъ надѣловъ... Мы не можемъ поэтому придавать недостаточности надѣловъ *не только общаго*, но и *основнаго и „преобладающаго значенія“* въ ряду причинъ неудовлетворительнаго въ экономическомъ отношеніи положенія крестьянъ; мы не можемъ признать, будто „безъ увеличенія надѣловъ безсильны всѣ другія мѣры для улучшенія крестьянскаго быта“...

„Другія мѣры должны имѣть болѣе общее значеніе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, чѣмъ содѣйствіе къ расширенію крестьянскихъ надѣловъ“. („Русь“, № 3, стр. 12).

Говоря о крестьянскихъ переселеніяхъ, какъ о средствѣ помощи малоземельнымъ крестьянамъ, г. Самаринъ высказываетъ:

„Мы разумѣемъ центральную часть черноземной полосы Россіи, губерніи: курскую, полтавскую и черноземные уѣзды тульской, рязанской, орловской, тамбовской и, частью, воронежской губерній. Совершенно вѣрнымъ представляется намъ мнѣніе, что заботы правительственныя по выселенію избытка народонаселенія должны быть *сосредоточены на этой мѣстности* и притомъ *на тѣхъ крестьянахъ*, которые либо уже превратились въ безземельныхъ, либо находятся въ плохомъ состояніи вслѣдствіе недостаточности ихъ надѣловъ“.

Обращаясь къ извѣстнымъ современнымъ проектамъ устройства земельныхъ банковъ для крестьянъ, г. Самаринъ отвергаетъ самую мысль о банкахъ и говоритъ:

„Мы находимъ крайне непрактичнымъ начинать дѣло съ учрежденія банковъ, и притомъ задумываемыхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, между тѣмъ, какъ *опытъ вовсе не подтверждаетъ* необходимости въ такихъ *крупныхъ* кредитныхъ учрежденіяхъ. По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ опыта тверского земства, которое съ 1876 г. выдаетъ ссуды крестьянскимъ обществамъ на покупку земель“!

Тверское земство, какъ извѣстно, ассигнуетъ для покупки земель крестьянамъ всего 10 тысячъ рублей въ годъ, и сама тверская губернская земская управа признается, что многіе крестьяне не просятъ

ссудъ потому, что не знаютъ объ ассигнованіи на то земствомъ средствъ.

А предлагая свои средства, г. Самаринъ высказываетъ:

„Необходимо принять мѣры для обезпеченія землею тѣхъ крестьянъ, которые въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ перешли на *четвертной надѣлъ* на основаніи 123 ст. мѣст. положенія. Мы увѣрены, что если не для всѣхъ, то для болѣе или менѣе значительной части такихъ крестьянъ есть еще возможность исправить дѣло, *предоставивъ землевладѣльцамъ входить съ ними въ добровольныя соглашенія о прирѣзкѣ земли къ ихъ даровому надѣлу* въ такомъ размѣрѣ, чтобы довести надѣлы до нормы высшаго надѣла, установленнаго положеніемъ. На подобныя сдѣлки необходимо распространить „положеніе о выкупѣ", т.-е., предоставить крестьянамъ право на полученіе выкупной ссуды для пріобрѣтенія прирѣзываемой къ ихъ надѣлу земли. Удобоисполнимость этой мѣры въ финансовомъ отношеніи очевидна изъ того, что число такихъ крестьянъ не превышаетъ 600,000 душъ".

Какое впечатлѣніе производитъ совокупность подобныхъ заявленій, кромѣ того, что недостаточность крестьянскихъ надѣловъ составляетъ только явленіе, свойственное немногимъ исключительнымъ *мѣстностямъ*, что она составляетъ третьестепенное неудобство, устраненіе котораго менѣе важно, чѣмъ „другія мѣры", что размѣры малоземелья настолько ограниченны, что противъ него достаточно бороться съ помощью какого-нибудь десятка тысячъ земскихъ рублей, и что почти все наше малоземелье представляется тѣми „четвертными" нищенскими надѣлами, число которыхъ въ цѣлой Россіи г. Самаринъ опредѣляетъ старою казенною цифрою въ 600.000? Нельзя всѣ подобныя мѣста статьи г. Самарина считать случайными, нечаянными обмолвками или недоговорками. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важенъ въ настоящую минуту, и всѣмъ извѣстно, что у насъ существуютъ не лишенные вліянія люди, вовсе не расположенные къ самостоятельному, хорошему крестьянскому устройству, которые готовы хвататься за всякій поводъ къ утвержденію, что недостаточность крестьянскаго землевладѣнія—дѣло выдуманное, искусственно „раздутый" вопросъ, а что крестьянскіе надѣлы, напротивъ, такъ велики, что, пожалуй, не мѣшало бы ихъ даже ограничить. При такихъ условіяхъ, нужна большая осторожность въ сужденіяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, необходимо устранять всякія недоразумѣнія; слѣдовательно, публицистъ, не отрицающій „важнаго" значенія существующей недостаточности надѣловъ и полемизирующій только противъ тѣхъ или другихъ *способовъ* опредѣленія крестьянскаго малоземелья, непремѣнно долженъ бы оговориться въ томъ смыслѣ, что малоземелье,

и по его мнѣнію,—крупное зло, но онъ только не соглашается въ тѣхъ или другихъ частностяхъ опредѣленія этого зла и въ способахъ его доказательства. Г. Самаринъ этого не сдѣлалъ, а противъ сторонниковъ мнѣнія о малоземельѣ, разразился рядомъ горячихъ обвиненій. Онъ ограничился тѣмъ, что „пустилъ въ обращеніе“ мысль о ложности крестьянскаго малоземелья, онъ выступилъ „отрицателемъ“ крупнаго размѣра малоземелья. Такъ его поняли тѣ, которые выразили ему сочувствіе, въ интересахъ которыхъ отрицать малоземелье. Нѣтъ и у насъ повода понять иначе его рѣчь.

Но для опроверженія важности значенія крестьянскаго малоземелья необходимо доказать или то, что существующіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ вовсе не таковы, какими выставляютъ ихъ сторонники мнѣнія о недостаточности крестьянскаго землевладѣнія, или—что хотя эти размѣры и согласны съ показаніями послѣднихъ, однако, при этомъ они достаточны для обезпеченія сноснаго существованія крестьянина. Надо доказать, что представители мнѣній о недостаточности надѣловъ или даютъ ложныя цифры, или требуютъ бо̀льшихъ нормъ надѣла, чѣмъ нужно. Нужно доказать то или другое, или же—и то и другое. Допустимъ, что г. Самаринъ признаетъ, напримѣръ, для чисто земледѣльческой, черноземной мѣстности опредѣленную норму „необходимаго“ надѣла, положимъ 3 десятины на душу; въ такомъ случаѣ, чтобы опровергнуть противника и не наобумъ выстрѣлить обвиненіемъ въ „ложности“ идеи, нужно доказать, что у крестьянъ точно есть по 3 десятины за самыми незначительными исключеніями; а если г. Самаринъ не считаетъ трехдесятиннаго надѣла „необходимымъ“, то онъ долженъ доказать, что и 2-хъ или $1\frac{1}{2}$ десятины совершенно достаточно, на такомъ-то и на такомъ основаніи. Запасся ли, однако, г. Самаринъ для своего похода подобнымъ оружіемъ?

Нѣтъ, онъ совершенно уклонился отъ опредѣленія—какой размѣръ необходимъ для крестьянина въ какой-бы то ни было мѣстности, хотя бы чисто земледѣльческой, черноземной, гдѣ условія быта и хозяйства наименѣе сложны. Первая статья его посвящена доказательствамъ, что правительство никогда не думало обезпечивать землею бытъ и повинности мужика, что самый принципъ такого обезпеченія „ложенъ“, и что нельзя обезземеливать помѣщиковъ „съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ“. Вторая статья занимается преимущественно полемикою по вопросу о границахъ разсматриваемыхъ г. Янсономъ „полосъ“ Россіи, о нормахъ надѣловъ „по положенію“ и о томъ—гдѣ и по какимъ именно соображеніямъ и обстоятельствамъ помѣщики преимущественно оставляли крестьянъ при да-

ровой четверти надѣла. Въ третьей статьѣ, съ больной головы на здоровую,—сторонникамъ идеи о недостаточности надѣловъ приписывается скрытое стремленіе къ обезземеленію части крестьянъ, и высказываются собственныя мнѣнія г. Самарина о томъ, какъ слѣдуетъ помогать крестьянамъ. Но какой размѣръ надѣла нуженъ, по его мнѣнію—никакихъ опредѣленныхъ указаній въ статьѣ г. Самарина читатель не найдетъ. Развѣ видѣть косвенное указаніе въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Посмотримъ же, дѣйствительно ли такъ много, какъ утверждаетъ г. Янсонъ, въ черноземной полосѣ Россіи губерній съ среднимъ надѣломъ въ 2 съ небольшимъ дес.? Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 45, оказывается, что такихъ губерній имѣется только двѣ: Полтавская (Малороссійская, состоящая на особомъ положеніи, съ участковымъ пользованіемъ землею), съ надѣломъ въ 1,9 дес. и Курская, съ надѣломъ въ 2,3 десятины. За исключеніемъ этихъ двухъ губерній, ни въ одной цифра средняго надѣла не спускается ниже 2,6 дес., а болѣе приближается къ 3 дес., въ восточныхъ же губерніяхъ она или подходитъ къ 4 дес., или превышаетъ эту цифру".—Можетъ быть, изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Самаринъ склоняется въ пользу необходимости 3-десятиннаго надѣла? Однако, такое заключеніе было-бы натяжкою, противъ которой легко могъ-бы возстать самъ г. Самаринъ, какъ противъ приписыванія ему мнѣнія, котораго онъ положительно не высказывалъ. Не видно даже, *что* именно, по мнѣнію г. Самарина, должно быть обезпечено у крестьянина землею: должно-ли быть обезпечено хоть „прокормленіе", безъ податей? Г. Самаринъ только высказываетъ, что крестьянинъ долженъ быть обезпеченъ *надѣломъ и промыслами въ совокупности*, а какая доля его потребностей должна быть обезпечена надѣломъ, и какая промыслами — этого онъ не считаетъ даже возможнымъ рѣшать. Все это,—говоритъ онъ—зависитъ „отъ мѣстныхъ условій; въ иномъ селѣ (торговомъ или промышленномъ) и 1 дес. на душу достаточно, и крестьяне живутъ хорошо; въ другомъ и 7 дес. мало, и крестьяне бѣдствуютъ".

Попробуемъ, однако, придать значеніе горячему опроверженію г. Самаринымъ того, что у насъ много надѣловъ „въ 2 съ небольшимъ десятины", и меньшихъ. Вѣдь, изъ-за чего нибудь же возстаетъ онъ противъ этой нормы (кстати, въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается, что признаетъ существенное значеніе за *размѣромъ* надѣла, только не говоритъ—какимъ). Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть основательный споръ о томъ, что даже въ черноземной полосѣ надѣлъ въ $2^1/_2$ десятины—недостаточенъ? Вѣдь, тутъ

мужику и хлѣбъ для семьи придется покупать на сторонѣ. Беремъ здѣсь черноземныя губерніи, потому что относительно ихъ дѣло выходитъ яснѣе. $2^1/_2$ десятины на ревизскую душу—это теперь означаетъ одну десятину на дѣйствительно существующую и требующую кормленія душу (мужскую или женскую), на которую одного хлѣба въ годъ понадобится 3 четверти. Итакъ, на ревизскую душу выходитъ: $2^1/_2$ десятины надѣла и потребность $7^1/_2$ четвертей хлѣба. Нашъ изслѣдователь сельскаго быта, г. Чаславскій, на основаніи тщательнаго мѣстнаго изслѣдованія вывелъ, что въ Курской губерніи *средній* урожай десятины—5 четвертей хлѣба, а Курская губернія у насъ одна изъ самыхъ плодородныхъ. Итакъ, если изъ $2^1/_2$ десятинъ отчислить на усадьбу, на какой-нибудь сѣнокосъ для нужнаго въ хозяйствѣ скота, да на выгонъ, то на пашню останется никакъ не болѣе $1^3/_4$ десятинъ, то-есть, при трехпольной системѣ, будетъ засѣваться не много болѣе полудесятины въ полѣ; стало быть, съ надѣла соберется никакъ не больше 6 четвертей озимаго и яроваго хлѣба. А этимъ, какъ показано выше, нельзя прокормить $2^1/_2$ дѣйствительныя души, если-бы даже ни крошки хлѣба не тратилось на домашнихъ животныхъ? Итакъ, едва-ли есть возможность добросовѣстно отрицать, что при „двухъ десятинахъ съ небольшимъ“ нѣтъ обезпеченія одного прокормленія, а если невозможно прокормленіе—есть-ли основаніе считать такой надѣлъ достаточнымъ? Для храбраго человѣка, конечно, все можно, можно довольствоваться и одною десятиною, и полудесятиною, но мы имѣемъ въ виду не такого храбраго читателя, а болѣе требовательнаго на счетъ основательности заключеній.

Г. Самаринъ утверждаетъ, что средній надѣлъ въ „2 съ небольшимъ десятины“ встрѣчается *только* у помѣщичьихъ крестьянъ Курской и Полтавской губерній (хорошо это *только*: цѣлыхъ двѣ губерніи съ недостаточными для прокормленія надѣлами!). Посмотримъ, вѣрно-ли это? Обратимся на первый разъ—ко всѣмъ извѣстнымъ вѣдомостямъ главнаго выкупного учрежденія. Изъ нихъ мы видимъ:

Въ Курской губерніи средній надѣлъ	2,3 дес.
— Полтавской	1,9 —
— Кіевской	2,5 —
— Подольской	2,4 —
— Тульской	2,7 —
— Воронежской.	2,6 —
— Орловской.	3,1 —
— Пензенской	2,8 —
— Рязанской.	2,7 —
— Тамбовской	2,6 —
— Харьковской	2,5 —

Вотъ цѣлый рядъ губерній, гдѣ въ среднемъ выводѣ около или

менѣе $2^1/_2$ десятинъ на душу. Въ Орловской надѣлъ доходитъ до 3 дес., но, вѣдь, извѣстно, что тамъ есть брянскія и сосѣднія мѣстности, значительно худшія по плодородію, гдѣ надѣлы больше, и за отчисленіемъ которыхъ послѣдуетъ уменьшеніе среднихъ выводовъ по остальнымъ.

Итакъ, самая легкая справка со всѣмъ доступными вѣдомостями главнаго выкупного учрежденія уже показываетъ, что недостаточные для прокормленія надѣлы у насъ вовсе не рѣдкія исключенія. Если плохъ средній выводъ, то ужъ ни какъ не можетъ получиться лучшій выводъ въ частности, для большинства.

Но,—можетъ сказать г. Самаринъ,—я вовсе не утверждаю, чтобы надѣлъ долженъ былъ обезпечивать и прокормленіе даже въ черноземныхъ, не промысловыхъ мѣстностяхъ. Да, онъ, дѣйствительно, этого не утверждаетъ, и съ этой стороны, можно сказать, въ извѣстномъ смыслѣ „неуязвимъ". Трудно возражать человѣку, когда онъ только побѣднымъ тономъ выпаливаетъ выводы, не приводя основаній, на которыя эти выводы опираются. Укажите ему на массу крестьянъ съ 2 только десятинами, онъ можетъ сказать, что и это ничего не доказываетъ, потому что и 2 десятины достаточно; укажите на 1-десятинныхъ — и одной десятины достаточно и т. д. Тутъ всякое толковое объясненіе становится невозможнымъ, и борьба мыслей замѣняется столкновеніемъ звуковъ.

Если же г. Самаринъ уклонился опредѣлить хотя приблизительный размѣръ необходимаго надѣла, если онъ не опровергъ цифроваго матеріала, доказывающаго многочисленность надѣловъ въ $2^1/_2$ десятины и меньшихъ, слѣдовательно, доказывающаго коренное экономическое зло сельскаго быта, то на какомъ же основаніи онъ такъ торжественно объявилъ „ложность" теоріи недостаточности надѣловъ? Да просто ни на какомъ: вѣрьте мнѣ—и баста; вѣрьте мнѣ, потому что я „правда", а они „ложь". Крайнее притязаніе на авторитетъ своего голоса—и ничего больше. Пусть серьёзный читатель внимательно перечтетъ статью г. Самарина и поищетъ въ ней, хоть съ помощью микроскопа, положительныхъ основаній для его отрицанія... Дѣйствительно, „замѣчательный" трудъ въ этомъ отношеніи представляетъ статья г. Самарина. Достаточно усвоить рѣчи побѣдный тонъ, выставить рѣшительный выводъ, для приправы „потравить либерала"—и баста: мысль о „ложности" крестьянскаго малоземелья въ обращеніе пущена...

Уклониться отъ опредѣленія размѣра необходимаго надѣла, отказаться отъ разбора цифроваго матеріала [1]) и заключить рѣшитель-

---

[1]) Отъ разбора цифроваго матеріала г. Самаринъ отдѣлался очень развязно: „Счи-

нымъ отрицаніемъ крупности зла малоземелья — что это значитъ? Это значитъ не доказать что-либо, а крайне „неловко" отдѣлаться отъ разсмотрѣнія вопроса по существу. Позволительно ли такъ отдѣлываться публицисту, вызывающему другихъ на бой, и притомъ укоряющему противниковъ въ ненаучности пріемовъ,—пусть судитъ серьёзный читатель. Вмѣсто обсужденія вопроса, г. Самаринъ счелъ за лучшее „упразднить" самую возможность вопроса: сколько нужно земли мужику — не говорю, цифирнаго матеріала знать не хочу, а говорю только то, что „все зависитъ отъ мѣстныхъ условій". Посредствомъ такого пріема, конечно, можно упразднять всякій вопросъ, можно отдѣлываться отъ разсмотрѣнія всякой нужды населенія. Скажутъ, напримѣръ, что народу тяжела податная система. Слѣдуя пріему г. Самарина, можно отвѣтить: а почему тяжела? податные оклады бываютъ разные, средства у плательщиковъ разныя, и „все зависитъ отъ мѣстныхъ условій": при однѣхъ условіяхъ подати тяжелы, а при другихъ вовсе не тяжелы. Стало быть, къ чему заводить рѣчь о податяхъ... Скажутъ, что нужна та или другая система продовольственной помощи; опять возраженіе: и вопросъ о помощи раздутъ напрасно; все зависитъ отъ разныхъ условій, однимъ помощь нужна, другимъ нѣтъ, стало быть, ставить общій вопросъ о помощи нѣтъ никакого основанія. Предъ нами просто „пріемъ устраненія" всякихъ нежелательныхъ вопросовъ. Вооружившись имъ, можно опровергать и самого г. Самарина, когда онъ говоритъ о злосчастныхъ четвертныхъ надѣлахъ: при иныхъ-де мѣстныхъ условіяхъ и четвертнаго надѣла за-глаза довольно, стало быть, о чемъ тутъ толковать?

Но мы говорили до сихъ поръ только о данныхъ главнаго выкупного учрежденія, которыя далеко не полны по своей огульности. Средніе выводы далеко не опредѣляютъ дѣйствительности, которая часто бываетъ хуже. Теперь же у насъ есть гораздо полнѣйшій, болѣе цѣнный источникъ въ изданной недавно центральнымъ статистическимъ комитетомъ „Статистикѣ поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ въ Россіи". Здѣсь уже не средніе выводы, а числовыя данныя о надѣлахъ каждаго размѣра. Сличимъ выводы г. Самарина еще съ данными этого источника, который хотя и касается покуда только восьми губерній, но очень краснорѣчивъ.

Посмотримъ, какая часть всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ владѣетъ надѣлами менѣе 2 десятинъ, менѣе $1\frac{1}{2}$ десятины и менѣе 1 десятины.

таемъ также совершенно излишнимъ подвергать разбору весь сырой матеріалъ, которымъ г. Янсонъ, безъ всякой критики, наполнилъ бо́льшую половину своего изслѣдованія".

Губерніи:	Всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.	Въ томъ числѣ имѣющихъ на душу: менѣе 2 д.	менѣе $1^1/_2$ д.	менѣе 1 д.
Тамбовская	338 тысячъ	95 тыс.	60 тыс.	41 тыс.
Тульская	365 "	46 "	14 "	5 "
Пензенская	248 "	77 "	64 "	47 "
Калужская	286 "	18 "	11 "	8 "
Воронежская	240 "	89 "	62 "	42 "
Орловская	321 "	30 "	14 "	8 "
Курская	293 "	93 "	58 "	26 "
Рязанская	365 "	65 "	36 "	23 "
Всего	2,457	513	319	200

Половина крестьянъ во всѣхъ этихъ 8 губерніяхъ (1,227 тысячъ изъ 2,457) имѣютъ отъ 2 до 3 десятинъ, т.-е., въ среднемъ выводѣ около $2^1/_2$ дес., а такой надѣлъ, какъ выше сказано, не обезпечиваетъ одного прокормленія. Для бо̀льшей полноты раздѣлимъ и упомянутую цифру, 1.227 тысячъ, на двѣ части: 359 тысячъ имѣютъ отъ 2 до $2^1/_2$ десятинъ, а 868 тысячъ — отъ $2^1/_2$ до 3 десятинъ. Болѣе пятой части крестьянъ имѣютъ *меньше двухъ десятинъ*, седьмая часть — *меньше* даже $1^1/_2$ десятины и, наконецъ, 200 тысячъ душъ—*меньше одной десятины!* Какъ сходится съ этимъ увѣреніе, что крестьянское малоземелье столь неважно, что для устраненія его достаточно десятка тысячъ рублей земской ссуды на губернію! Но и приведенные выводы сдѣланы на старое, ревизское число душъ, а теперь, послѣ двадцатилѣтняго прироста населенія, душевые надѣлы стали еще меньше. У кого было отъ $2^1/_2$ до 3 дес., у того теперь менѣе $2^1/_2$ дес., у кого менѣе 2 десятинъ, у того теперь менѣе $1^1/_2$ десятины, и въ такомъ положеніи оказывается пятая часть всего крестьянства. Средніе же выводы, на душу, по обслѣдованію статистическаго комитета, оказываются: въ тамбовской губерніи—2,5 дес., въ тульской —2,7 въ пензенской 2,5, въ калужской (гдѣ земли куда хуже) 3,9, въ воронежской 2,4, въ орловской (гдѣ тоже много худыхъ земель) 2,9, въ курской 2,2, а въ рязанской 2,8 дес. Между тѣмъ г. Самаринъ не безъ торжества спрашивалъ г. Янсона — гдѣ это онъ отыскалъ средніе надѣлы въ двѣ десятины съ небольшимъ?

Выше мы показали, что для прокормленія, даже въ земледѣльческой, плодороднѣйшей черноземной мѣстности, недостаточенъ $2^1/_2$-десятинный надѣлъ. А теперь выходитъ, что по нынѣшнему счету такого надѣла нѣтъ у половины крестьянъ; да если взять и старый ревизскій счетъ, то меньше $2^1/_2$ дес. имѣютъ 873 тысячи душъ, т.-е. болѣе трети всего бывшаго крѣпостного населенія.

Когда половина крестьянъ не обезпечена хлѣбомъ, а болѣе полумилліона ихъ въ восьми только губерніяхъ имѣютъ не болѣе $1^1/_2$

десятины—неужели это не широкіе размѣры крестьянскаго малоземелья? Если бы даже не половина, а треть или четверть крестьянъ была при плохихъ надѣлахъ — неужели это малое зло, о которомъ особенно хлопотать не стоитъ, и за указаніе котораго можно сердиться и обвинять? Припомнимъ еще, что разсмотрѣнные восемь губерній у насъ не худшія, а лучшія; куда хуже положеніе тѣхъ губерній, гдѣ государственные крестьяне составляютъ слабое меньшинство а бывшіе помѣщичьи большинство! Таковы, напримѣръ, условія въ Малороссіи и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ еще сотни тысячъ обезземеленныхъ крестьянъ изъ бывшихъ чиншевыхъ однодворцевъ. Ничего этого, однако, не хочетъ видѣть г. Самаринъ, онъ видитъ однихъ только „крестьянъ съ четвертнымъ надѣломъ", знаетъ старую казенную цифру ихъ—600 тысячъ и не обращаетъ вниманія на то, что если у мужика 1 десятина, то будетъ ли это четвертной, третной или надѣлъ какой угодно клички, все же это *одна десятина*, которая одинаково будетъ кормить мужика, какую бы кличку она ни носила. Г. Самаринъ слѣдитъ не за цифрою десятинъ, а за ея „формальнымъ названіемъ", и это въ то самое время, какъ укоряетъ своего противника въ ненаучности пріемовъ. Что же это такое? Игра въ слова или обдуманное отношеніе къ дѣйствительности? Гонясь за формальностью, онъ упираетъ на то, что четвертные надѣлы достались крестьянамъ почти исключительно въ восточныхъ и южныхъ степныхъ губерніяхъ, а во внутреннихъ такихъ надѣловъ почти не встрѣчается; онъ поставилъ въ укоръ г. Янсону признаніе значительнаго числа мелкихъ надѣловъ въ тамбовской, рязанской и курской губерніяхъ („Русь" № 2, стр. 12); откуда же оказываются въ тамбовской губерніи 41 тысяча, въ курской 26, а въ рязанской 23 тысячи душъ имѣющихъ меньше одной десятины? Конечно, часть такихъ надѣловъ не „четвертные", но развѣ отъ перемѣны названія владѣльцамъ ихъ легче? Вмѣсто 600 тысячъ обдѣленныхъ на всю Россію, вдругъ въ *восьми только и лучшихъ притомъ губерніяхъ* оказывается 200 тысячъ съ надѣломъ меньше десятины! Четвертные надѣлы и мелкіе надѣлы (меньше 1 дес.) вовсе не тождественны: четвертныхъ въ тамбовской губерніи г. Самаринъ въ казенныхъ спискахъ найдетъ 25 тысячъ, а тамъ надѣловъ меньше десятины оказывается 41 тысяча; въ курской четвертныхъ 2,600, а мелкихъ на самомъ дѣлѣ вдесятеро больше! Во всѣхъ восьми губерніяхъ найдется, судя по казеннымъ спискамъ, только 125 тысячъ четвертныхъ надѣловъ, а на самомъ дѣлѣ надѣловъ меньше 1 десятины оказывается 200 тысячъ, т.-е. почти вдвое. Какую же цѣну имѣетъ измѣреніе малоземелья числомъ однихъ четвертныхъ, по „научному" способу г. Самарина?

Содѣйствіе переселеніямъ крестьянъ, для ослабленія ихъ малоземелья, г. Самаринъ предлагаетъ сосредоточить только на курской, полтавской, да на нѣсколькихъ уѣздахъ тульской, рязанской, орловской, тамбовской и воронежской губерній. И здѣсь опять онъ поступилъ совершенно произвольно. Не входя въ подробности, замѣтимъ, напримѣръ, что онъ безъ всякаго основанія исключилъ кіевскую и подольскую губерніи, гдѣ малоземелье и безземелье усиливается и отъ тѣсноты, и отъ преобладанія участковаго владѣнія, и отъ существованія массы безземельныхъ чиншевыхъ крестьянъ изъ однодворцевъ. Сошлемся кстати и на собственный нашъ опытъ; въ 1870 и 1871 году мы въ одномъ уѣздѣ нарочно собирали свѣдѣнія о числѣ безземельныхъ по каждой волости, пользуясь ревизскими сказками, уставными грамотами и крестьянскими раскладками платежей; и вышло, что уже тогда, не считая однодворцевъ, около 20% крестьянъ оказывались безъ земли (объ этомъ см. нашу статью въ X книжкѣ „Бесѣды" 1872 года). Какъ же такъ легко вычеркивать цѣлыя губерніи изъ числа заслуживающихъ вниманія по малоземелью! Впрочемъ, гоняться за всѣми промахами статьи г. Самарина положительно неудобно. Тутъ embarras de richesse.

Конечно, трудно опредѣлить въ точности цифру страдающихъ отъ тѣсноты, но принявъ во вниманіе хоть приведенное выше (500 тысячъ душъ съ надѣломъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ дес. на душу въ *восьми только* центральныхъ губерніяхъ, 35%—50% крестьянъ имѣющихъ меньше $2\frac{1}{2}$ десятинъ, менѣе чѣмъ 2-десятинный средній выводъ на душу въ цѣлой полтавской губерніи, малоземелье и обезземеленье цѣлыхъ сословій въ западныхъ губерніяхъ, не-тождественность четвертныхъ и дѣйствительно мелкихъ надѣловъ и вообще частость „среднихъ выводовъ" въ 2 десятины съ небольшимъ на душу по большимъ мѣстностямъ), нельзя не видѣть съ полною ясностью, что число страдающихъ отъ малоземелья опредѣляется у насъ не сотнями тысячъ, а милліонами, то-есть, что здѣсь рѣчь идетъ о крупной экономической язвѣ, а не о „ложной" теоріи недостаточности надѣловъ, каковою она провозглашена положительно наобумъ. Задача публициста, добросовѣстно относящагося къ своему дѣлу—привлекать общее вниманіе къ подобнымъ печальнымъ явленіямъ народной жизни, а не отвлекать отъ нихъ это вниманіе, не содѣйствовать скрытію или умаленію существующаго зла, тѣмъ болѣе, что охотниковъ къ подобнымъ скрытіямъ и умаленіямъ у насъ всегда довольно. Много нужно любви къ повторенію избитой фразы объ избавленіи Россіи отъ западной язвы—„пролетаріатовъ", „аграрныхъ" и иныхъ вопросовъ, чтобы такъ храбро отрицать крупное и постоянно растущее зло крестьянскаго малоземелья.

„Статистика поземельной собственности“ познакомила насъ еще съ тѣмъ серьёзнымъ фактомъ, что у насъ чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ меньше приростъ населенія, то-есть, что лишенія отъ малости надѣла сопровождаются и увеличеніемъ смертности (подробнѣе мы говорили объ этомъ въ XI кн. „Вѣстн. Евр.“ 1880). И это, по мнѣнію г. Самарина, маленькое зло.

Можетъ быть, г. Самаринъ, составляя свою статью, не зналъ объ изданіи „Статистики поземельной собственности“ и потому только обошелъ ея краснорѣчивыя данныя, руководствуясь исключительно старыми казенными свѣдѣніями; однако, эта „Статистика“ появилась въ печати болѣе полугода тому назадъ, къ ней немедленно и внимательно отнеслась наша печать, и въ журналахъ уже были довольно подробные обзоры заключающагося въ ней матеріала. Г. Самаринъ, какъ человѣкъ „земскій“, литераторъ и интересующійся вообще крестьянскимъ дѣломъ, едва ли могъ быть неизвѣстенъ на счетъ выхода въ свѣтъ названной „Статистики“. Но если онъ и не имѣлъ случая воспользоваться послѣднею, то-есть, чувствовалъ недостатокъ свѣдѣній о распредѣленіи крестьянъ по нормамъ надѣла, то тѣмъ менѣе могъ имѣть право такъ рѣшительно отрицать крупную степень крестьянскаго малоземелья и такъ рѣшительно укорять сторонниковъ мнѣнія о недостаточности надѣловъ въ „ложности“ основаній. Не все то ложь, чтó называютъ ложью, и не все то правда, чтó выдаютъ за правду; а гдѣ въ данномъ случаѣ правда и ложь— пусть уже разбираетъ серьёзный читатель.

Перейдемъ теперь къ выводамъ. Доказалъ ли г. Самаринъ, что размѣры крестьянскихъ надѣловъ больше, чѣмъ показываютъ сторонники мнѣнія о недостаточности надѣловъ? Нѣтъ, онъ совсѣмъ уклонился отъ этого. Доказалъ ли онъ, что для обезпеченія крестьянъ достаточны $2\frac{1}{2}$-десятинныя и меньшія нормы, которыми владѣетъ большинство? Нѣтъ—и этого не доказалъ. Знаетъ ли онъ число мелкихъ надѣловъ? Нѣтъ, не знаетъ и въ опредѣленіи ихъ руководствуется старыми казенными свѣдѣніями о „четвертныхъ“ надѣлахъ, совсѣмъ игнорируя нечетвертные мелкіе надѣлы и обезземеленныя сельскія сословія. Что же въ такомъ случаѣ онъ доказалъ? Ничего, кромѣ того, что не всегда и храбрость города беретъ. Кого же онъ обличилъ? Только достоинство тѣхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ у насъ пускаютъ въ обращеніе мысль о достаточности крестьянскихъ надѣловъ и о выдуманности крупныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ нынѣшняго нашего поземельнаго устройства. На чемъ же основанъ эффектный выводъ г. Самарина о „ложности“ идеи недостаточности надѣловъ? Пусть на это отвѣтитъ уже читатель.

Разбирая статью г. Самарина, мы, разумѣется не претендуемъ на

переубѣжденіе его, но имѣемъ въ виду выяснить качества его доказательствъ предъ болѣе требовательною и добросовѣстною публикою, которой нужны не голые выводы, но и основанія ихъ. Къ дѣлу нынѣшнихъ крестьянскихъ нуждъ нельзя относиться невнимательно, равнодушно, почему и мнѣнія объ этихъ нуждахъ грѣшно оставлять безъ критики; печально было бы, еслибъ удавалось слишкомъ легко „пускать въ обращеніе“ всякія мнѣнія, въ родѣ того, о которомъ идетъ рѣчь; къ отдѣльнымъ же личнымъ мнѣніямъ можно относиться равнодушнѣе; что касается г. Самарина, то одно мѣсто его статьи показываетъ, что съ нимъ едва ли можно согласиться не только въ опредѣленіи фактовъ, но даже кое въ чемъ принципіальномъ; вотъ это мѣсто:

„Выкупная операція никогда не была и *не могла быть выкупомъ* собственно *земли*, а была *выкупомъ повинности*, ложившейся частью на землю, частью на лицо“. О принципѣ, по которому крестьяне должны были выкупать не одну землю, но отчасти и старую барщину, едва ли нужно распространяться; съ точки зрѣнія этого принципа, пожалуй, и лишенія крестьянъ отъ малоземелья могутъ быть понимаемы, какъ одна изъ формъ выкупа крѣпостного права.

Словомъ, полемика въ подобныхъ случаяхъ должна имѣть цѣлью не столько личное переубѣжденіе представителей противнаго мнѣнія, сколько *характеристику самыхъ источниковъ* этого мнѣнія. Важно выяснить—съ какимъ именно противникомъ мы имѣемъ дѣло, при какихъ пріемахъ и при какой точкѣ зрѣнія получаются проповѣдуемые противникомъ выводы? И мы видѣли, что выводъ о ложности мнѣнія о недостаточности надѣловъ теперь выступилъ: 1) *при уклоненіи* отъ разсмотрѣнія наиболѣе краснорѣчивыхъ статистическихъ данныхъ, 2) *при уклоненіи отъ приблизительнаго даже опредѣленія „необходимаго“ размѣра надѣла*, и 3) *при точкѣ зрѣнія, съ которой крестьяне должны были выкупать не землю, а старыя повинности.* Вотъ на чемъ зиждется отрицаніе недостаточности надѣловъ! Вотъ что должно быть принято къ свѣдѣнію.

Но г. Самаринъ, во всякомъ случаѣ, наиболѣе дѣльный сторонникъ идеи „достаточности“ надѣловъ. Другіе еще менѣе требовательны: для нихъ, вмѣсто всякой аргументаціи, достаточна голословная пальба и обвиненіе въ интригахъ. Если г. Самаринъ, послѣ трехлѣтняго обдумыванія трактующей о малоземельѣ книжки г. Янсона, могъ сдѣлать только такой холостой выстрѣлъ, какъ его статья въ газетѣ „Русь“, то одно это очень знаменательно для вопроса о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и о необходимости сильныхъ мѣръ къ устраненію или облегченію этого зла.

Отъ разбора основаній главнаго, интересующаго насъ вывода статьи г. Самарина перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ о мѣрахъ, какими слѣдуетъ теперь придти на помощь крестьянству.

Теперь въ ходу мысль о земельныхъ банкахъ съ выпусками земскихъ закладныхъ листовъ. Съ своей стороны, мы не видимъ въ такихъ банкахъ всеспасающаго средства (какъ это и высказано было нами въ „Вѣстникѣ Европы", октябрь 1880), но не можемъ, однако, и умалять ихъ значенія, полагая, что банки все-таки способны въ извѣстной степени ослабить малоземелье, если операціи ихъ не ограничатся слишкомъ узкимъ размѣромъ, и что такимъ средствомъ вообще „пренебрегать" не слѣдуетъ. Но г. Самаринъ полагаетъ, что операціи задуманныхъ банковъ слишкомъ широки, что надо ихъ съузить, что слѣдуетъ, недопуская выпуска закладныхъ листовъ, довольствоваться ограниченными отчисленіями, на ссуды крестьянамъ, изъ запасныхъ земскихъ капиталовъ, подобно тому, какъ дѣйствуетъ тверское земство, а „четвертнымъ" крестьянамъ можно пособить однимъ распространеніемъ на ихъ земельныя покупки „положенія о выкупѣ". Вотъ какія основанія тому приводятся:

„Первое условіе, которому долженъ удовлетворять поземельный кредитъ для того, чтобы имъ могли пользоваться общества по преимуществу бѣдныя, состоитъ въ томъ, чтобы кредитъ этотъ былъ дешевъ; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ либо вовсе недоступенъ обществамъ, либо разорителенъ для нихъ, и слѣдовательно, вмѣсто пользы, принесетъ вредъ. Между тѣмъ, никакой земскій банкъ, выдающій ссуду закладными листами, не въ состояніи дать кредита дешеваго; всѣ существующіе проекты банковъ расчитываютъ ссуды свои изъ 7 или $7^1/_2$ %, но въ дѣйствительности, не говоря уже объ единовременныхъ приплатахъ, ежегодные платежи должны быть еще значительнѣе, такъ какъ заемщикамъ придется платить $7^1/_2$ % съ нарицательной цѣны закладныхъ листовъ, а биржевая ихъ цѣна будетъ, конечно, ниже".

Говоря же о томъ, что другія мѣры должны имѣть болѣе общее значеніе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, чѣмъ „содѣйствіе къ расширенію надѣловъ", г. Самаринъ говоритъ: „какое бы мы ни прилагали стараніе для расширенія ихъ, все-таки мѣра эта могла бы имѣть примѣненіе сравнительно довольно рѣдкое; вѣдь нужно для этого, чтобы *земля была продажная*, и чтобы цѣна, за которую она предлагается, была подходящая".

Далѣе: „Необходимо разрѣшить крестьянамъ той же черноземной центральной полосы Россіи, имѣющимъ недостаточный поземельный надѣлъ, заключать, по добровольному соглашенію, договоры съ удѣломъ и съ частными землевладѣльцами южной степной полосы

Россіи и заволжскихъ губерній объ отводѣ имъ земли подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы земля предоставлялась имъ на выкупъ въ собственность, въ размѣрѣ установленнаго Положеніемъ 19-го февраля указнаго или высшаго надѣла; на такія сдѣлки необходимо распространить „Положеніе о выкупѣ“ по добровольному соглашенію, т.-е. предоставить крестьянамъ право получать выкупную ссуду и расплачиваться ею съ землевладѣльцемъ. Что подобныя сдѣлки были бы *возможны*, и что землевладѣльцы означенныхъ мѣстностей Россіи желали бы предоставить часть своихъ земель подъ поселеніе, очевидно изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ“.

Тутъ слѣдуетъ справка о томъ, что уфимское дворянство хлопотало о правилахъ для поселенія крестьянъ на дворянскихъ земляхъ, а екатеринославское земство тоже высказывалось за подобное поселеніе; только въ этой справкѣ ничего не говорится о цѣнѣ, требуемой отъ крестьянъ за помѣщичьи земли.

Итакъ, вы видите: когда идетъ дѣло о банкахъ—указывается, что земли могутъ быть непродажныя; а когда говорится о „Положеніи о выкупѣ“—возможность непродажности земель совсѣмъ забывается. Таковъ одинъ изъ небезхарактерныхъ пріемовъ подрыва идеи о банкахъ.

Что сдѣлки съ помѣщиками „возможны“, объ этомъ никто, конечно, спорить не станетъ; *возможно* многое: и сдѣлки, и подарки, и разныя проявленія великодушія и милости, только основывать такое крупное и такое крайне нужное дѣло, какъ поправки результатовъ крестьянской реформы, на однѣхъ *возможностяхъ* едва ли практично; подобныя предложенія смахиваютъ на маниловщину, тогда какъ теперь нужны мѣры дѣльныя и неотложныя; не споримъ, что распространеніе „Положенія о выкупѣ“ на добавочное пріобрѣтеніе крестьянами земель было бы полезно, но не видимъ только, почему подобная мысль приводится въ качествѣ *опроверженія* мысли о банкахъ; поправить крестьянскіе надѣлы—дѣло большое, трудное; средствъ для того потребуется много, и потому можно бы еще сказать, что распространеніе „Положенія о выкупѣ“ годилось бы въ *дополненіе* къ банкамъ, а не какъ поводъ для ихъ *устраненія*. Но г. Самаринъ указываетъ на „Положеніе о выкупѣ“ именно какъ на предлогъ для устраненія земельныхъ банковъ. Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ долго, мы поставимъ только одинъ вопросъ: какъ думаетъ г. Самаринъ, если распространить на добавочные выкупы малоземельными крестьянами земель упомянутое положеніе—отдастъ ли курскій помѣщикъ крестьянамъ свою вздорожавшую до 150 р. десятину за казенную выкупную 40-рублевую цѣну? А если не отдастъ, то объ чемъ же тутъ толковать? Кому отводить

подобною маниловщиною глаза отъ болѣе дѣльной мысли о банкахъ, которая, много ли, мало ли, но все-таки принесетъ что-нибудь существенное?

Дайте намъ лучше банковую синицу, чѣмъ маниловскій казенно-выкупной журавль. А то выходитъ: банки устранимъ подъ предлогомъ дороговизны, а о казенномъ выкупѣ только *поговоримъ;* но, вѣдь, кто не знаетъ, что соловья баснями не накормить. Синицы не дадимъ, якобы она недостаточна, а журавля не дадимъ, потому что онъ въ небесахъ. Конечно, могутъ найдтись великодушные помѣщики, которые и отдадутъ мужику вздорожавшую землю за старую цѣну; но, вѣдь, это будутъ исключенія, которыхъ ни одинъ дѣльный, разсчетливый человѣкъ не беретъ за основаніе своихъ проектовъ; да и къ чему же намъ такое серьёзное дѣло, какъ крестьянское устройство, ставить на почву возможной „барской милости"?

Посмотримъ еще—насколько дѣльна другая мысль г. Самарина, чтобы дѣло помощи крестьянамъ въ выкупѣ земель поведено было по примѣру тверского земства, т.-е. при помощи маленькихъ отчисленій изъ запаснаго земскаго капитала. Тутъ тоже долго толковать не приходится. Тверское земство даетъ 10 тысячъ рублей въ годъ, но возьмемъ даже вдвое,—20 тысячъ, и сдѣлаемъ примѣненіе опять-таки къ Курской же губерніи; тамъ земля стóитъ 150 руб. за десятину, но мы возьмемъ даже 100 рублей; крестьянъ, имѣющихъ менѣе 1 десятины на душу, въ названной губерніи, какъ выше показано, 26 тысячъ; чтобъ довести надѣлъ ихъ до нормальнаго нужно каждому прибавить 2 десятины, что̀ стòитъ 200 рублей; стало быть на все 20-тысячное земское отчисленіе можно помочь въ годъ *ста* душамъ, а такъ какъ крестьянъ съ самыми мелкими надѣлами въ губерніи 26 тысячъ, то помощь имъ однимъ только будетъ достигнута ровно въ 260 лѣтъ. Превосходная мысль! Что же это такое? Шутки въ серьёзномъ дѣлѣ? Кого это убѣдитъ подобная аргументація „во имя народа"? Прикиньте тотъ же разсчетъ къ другимъ губерніямъ, между прочимъ, къ степнымъ, гдѣ и по признанію г. Самарина очень много „четвертныхъ" надѣловъ, и гдѣ земли тоже вздорожали—что выйдетъ?

Отклоненіе возможнаго къ близкому осуществленію для того, чтобы о чемъ то „лучшемъ" лишь „поговорить"—впрочемъ встрѣчается у насъ часто, и пріемъ этотъ не новъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ слѣдующемъ мѣстѣ статьи г. Самарина: „улучшеніе крестьянскаго самоуправленія, устройство кратко-срочнаго движимаго кредита для противодѣйствія ростовщичеству, организація благотворительности для оказанія помощи крестьянамъ, когда ихъ постигаетъ какое-либо бѣдствіе или несчастіе,—всѣ эти и многія другія мѣры

должны имѣть болѣе общее значеніе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, чѣмъ содѣйствіе къ расширенію крестьянскихъ надѣловъ". Мы видимъ тутъ много „хорошихъ словъ", однако, все-таки это— слова, слова и слова. Знакомые съ нашею „практикою" хорошо знаютъ— много-ли выходитъ дѣла отъ повторенія такихъ общихъ мѣстъ, которыя часто и приводятся только для того, чтобы отдѣлаться отъ чего-нибудь конкретнаго и существеннаго. Одно отклонимъ, другимъ поманимъ, а въ результатѣ не дадимъ ни того, ни другого. Устраивайте если сможете всѣ эти блага, да надѣловъ-то не забывайте. Во всей приведенной тирадѣ реальное только и видно въ отклоненіи „расширенія" крестьянскаго землевладѣнія; эта цѣль въ Москвѣ и достигнута, а отъ обѣщаній перечисленныхъ выше благъ мы не видимъ самыхъ микроскопическихъ результатовъ. Прошлогоднее московское губернское земское собраніе, чтобъ отдѣлаться отъ пособія расширенію крестьянскихъ надѣловъ, предложило ввести у крестьянъ „улучшенные способы хозяйства" и для этого предоставило избранной коммиссіи, *не стѣсняясь никакимъ срокомъ*, продѣлывать всяческіе опыты на надѣлахъ тѣхъ крестьянъ, которые на это согласятся. И вотъ проектъ расширенія надѣловъ проваленъ, а объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства остались одни слова; о задуманныхъ же опытахъ ничего не слышно, не говоритъ о нихъ и самъ г. Самаринъ, хотя, кажется, онъ же и предложилъ земству эти опыты; и едва-ли мы много ошибемся, предсказавъ, что по истеченіи болѣе или менѣе значительнаго времени будетъ только возвѣщено, что или крестьяне не согласились на опыты, или что хотя при лучшемъ хозяйствѣ и получились лучшіе урожаи, но у крестьянъ все-таки нѣтъ средствъ ввести у себя лучшее хозяйство. Однако вѣдь мы и безъ того знали общее правило, что лучшее хозяйство даетъ лучшіе результаты, чѣмъ худшее —къ чему же намъ новое подтвержденіе этой истины? дѣло идетъ не объ отвлеченномъ рѣшеніи, а о практической помощи крестьянству.

Есть въ статьѣ г. Самарина еще такія мѣста, цѣль введенія которыхъ возбуждаетъ однѣ недоумѣнія. Такъ, нѣсколько разъ онъ повторяетъ опроверженіе мнѣнія, что всѣ крестьянскіе надѣлы недостаточны, упирая на слово *всѣ*, напечатанное даже курсивомъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ о *всѣхъ* надѣлахъ? кто отрицалъ, что есть у насъ и достаточные надѣлы? Развѣ предположить, что слово „всѣ" употреблено про запасъ: если докажутъ, что половина крестьянъ худо устроена, все-таки, можно будетъ сохранить смыслъ за опроверженіемъ, говоря: ну, половина же, а не *всѣ!* Если окажется хоть одинъ хорошій надѣлъ, и тогда можно будетъ опро-

вергать мнѣніе о *всѣхъ*, говоря: а все-таки не всѣ. Побѣдный тонъ статьи выражаетъ потребность кого-то разгромить—ну, и надо приписать противникамъ то, чего они не говорили, какъ приписано же имъ скрытое стремленіе обезземелить часть крестьянъ. Надо, чтобъ было кого поражать; если противники не говорятъ и не думаютъ того-то—то *должны* думать, чтобъ быть выставленными болѣе виноватыми. „Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать".—Не знаемъ, зачѣмъ еще говорится, что съ точки зрѣнія *государственныхъ интересовъ* не слѣдуетъ обезземеливать помѣщиковъ, когда этого обезземеленія никто не предлагалъ; развѣ для того, чтобъ дать кому-нибудь поводъ потрунить: когда идетъ-де рѣчь о сложномъ государственномъ вопросѣ — въ руководство предлагается одна „народная мудрость", съ устраненіемъ голоса „интеллигенціи"; а какъ только коснулось дѣло взглядовъ на помѣщичьи земли—прочь народная мудрость (на нее отчасти намекаетъ и г. Самаринъ: „Русь", № 2, стр. 11, средній столбецъ) и давай уже государственную мудрость!

Къ чему же давать поводъ къ такимъ пикантнымъ сопоставленіямъ, которыя напоминаютъ одно мѣсто въ повѣсти Квитки: изображается мачиха, которая ласково говоритъ падчерицамъ: вы, мои голубочки, принесите воды, да наколите дровъ, да сбѣгайте туда-то и туда-то; а на родную дочь грозно покрикиваетъ: что ты, поганая, сякая-такая, все возишься около печи да работаешь! Ступай, негодная, сядь, да поѣшь, да отдохни! — Скажутъ, что и тутъ выходитъ нѣчто подобное: ты, растлѣнная духомъ лжи дворянская интеллигенція—возьми себѣ землю; а ты, великій, исполненный мудрости, вѣры и лучшихъ идеаловъ, народъ, ты—можешь обойтись и безъ земельныхъ добавокъ!—Большая послѣдовательность принципамъ, конечно, предотвратила бы подобныя сопоставленія и шутки.

Убавилъ ли г. Самаринъ своею статьею хоть одну іоту изъ того, что говорилось въ доказательство крупнаго факта крестьянскаго малоземелья и въ пользу необходимости крѣпко побороться съ этой язвою, предоставимъ судить серьёзному читателю.

Отъ „Руси" мы ожидали иного отношенія къ вопросу о крестьянскомъ малоземельѣ. Мы думали, что она чутко отзовется этому народному злу, что это будетъ одинъ изъ первыхъ вопросовъ, выясненіемъ котораго она займется сочувственно, служа тѣмъ серьёзную службу народному дѣлу.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1881.

Государственный бюджетъ на 1881 годъ.—Общія соображенія.—Очеркъ нашихъ послѣднихъ финансовыхъ системъ.—Экономія, какъ основная черта новаго бюджета. — Предполагаемые доходы на 1881 г., и особенности въ ихъ вычисленіи.—Прямые налоги.—Подушная подать.—Поземельный налогъ.—Промысловый налогъ.—Питейный, табачный и сахарный акцизы. — Таможня. — Желѣзныя дороги.—Государственные расходы и долги.—Кредитные билеты.

Финансовыя затрудненія сдѣлались въ послѣднее время предметомъ особенныхъ заботъ, которыя могутъ только увеличиваться въ виду другихъ вопросовъ, какъ аграрный, хлѣбный, лѣсной, желѣзнодорожный и т. д. Всѣ начинаютъ понимать, что только благополучное разрѣшеніе этихъ вопросовъ поведетъ къ правильному построенію финансовъ. Съ другой стороны, нельзя не признать необходимости предварительныхъ финансовыхъ мѣръ для того, чтобы формы нашего землевладѣнія, кредита, сбыта и т. п. не возбуждали стольких жалобъ и сѣтованій какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Развѣ возможенъ правильный поземельный налогъ, когда землевладѣніе распредѣляется такъ неблагопріятно для главной производящей массы, когда условія крестьянскаго хозяйства годъ отъ году ухудшаются, когда условія сбыта земледѣльческихъ продуктовъ противорѣчатъ здравымъ экономическимъ требованіямъ. Такое взаимодѣйствіе финансоваго строя съ другими сторонами общественно-экономической жизни Россіи часто упускалось изъ виду при обсужденіи правительственныхъ мѣръ. При оцѣнкѣ нашего финансоваго положенія, чаще всего исходятъ изъ свойственнаго намъ и не лишеннаго, впрочемъ, основанія,—стремленія порицать свои собственныя формы и учрежденія; иногда выдвигаютъ иностранныя формы, какъ достойныя безусловнаго подражанія, иногда отрѣшаются отъ государственныхъ интересовъ и принимаютъ за критерій оцѣнки интересы сословные, профессіональные и т. п.

Между тѣмъ, всѣ финансовыя нововведенія должны не столько походить на лучшіе иностранные образцы, сколько сообразоваться съ коренными условіями русской жизни. Не слѣдуетъ забывать, что русская жизнь представляетъ крайне своеобразныя явленія, которыя ставятъ въ недоумѣніе даже людей, привыкшихъ къ научнымъ объясненіямъ каждаго факта. Укажемъ для примѣра на выдержку, подобные факты: 1) у насъ, во многихъ мѣстностяхъ, при вздорожаніи жизненныхъ припасовъ, заработная плата падаетъ, вмѣсто того, чтобы повышаться, согласно выводамъ экономической науки; 2) при большомъ урожаѣ, населеніе скорѣе проигрываетъ, чѣмъ выигрываетъ; 3) при неурожаѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе начинаетъ питаться лучше, чѣмъ во время урожая; 4) гужевая доставка товаровъ часто обходится дешевле и совершается быстрѣе, чѣмъ по усовершенствованной паровой дорогѣ; 5) на мѣстѣ производства многіе продукты обходятся дороже, чѣмъ на мѣстѣ сбыта за нѣсколько сотъ верстъ; 6) при равномъ числѣ рабочихъ силъ, крестьянскій дворъ можетъ получить земли и 3 десятины, и 15 десятинъ; 7) получающіе огромный чистый доходъ уплачиваютъ въ государственную кассу гораздо меньше, чѣмъ лица, не получающія никакого чистаго дохода, ведущія жизнь, совершенно несвойственную подданнымъ европейскаго государства, и чуждыя всякихъ привычекъ и потребностей культурнаго общества; 8) нѣкоторые виды русскаго сырья и фабричные матеріалы доброкачественнѣе заграничныхъ, между тѣмъ ихъ утилизируютъ заграницей и возвращаютъ намъ же *въ видѣ фабрикатовъ* за тройную цѣну. Это все—особенности отрицательныя, а есть особенности и болѣе положительнаго свойства, почти неизвѣстныя Западной Европѣ: всесильное кулачество; грандіозные долговые проценты; краткосрочные займы, превращающіе свободнаго земледѣльца въ раба; невѣроятные барыши крупныхъ торговцевъ; баснословная дешевизна мѣстныхъ кустарныхъ произведеній; изумительные порядки или безпорядки (синонимы) нашихъ желѣзныхъ дорогъ; налоги, извлекающіе 50% всего заработка; отсутствіе всякаго излишка у земледѣльцевъ и промысловыхъ работниковъ; нелѣпая роскошь высшихъ классовъ и чудовищная нищета низшихъ; масса внутреннихъ золъ, угрожающихъ экономическому и нравственному благосостоянію нашего народа и проч., и проч.,—все это должно быть взвѣшено при обсужденіи преобразовательныхъ попытокъ, одобренныхъ разными коммиссіями и государственными дѣятелями... Человѣкъ, знающій Россію,—а такихъ людей, къ сожалѣнію, немного между нашими дѣятелями,—сразу объяснитъ всѣ эти явленія. Вздорожаніе жизненныхъ припасовъ увеличиваетъ предложеніе наемнаго труда. При большомъ урожаѣ цѣны понижаются

до невозможнаго предѣла, а львиная доля достается крупнымъ скупщикамъ. При хлѣбномъ недородѣ населеніе иныхъ мѣстностей обращается къ мясной, болѣе питательной пищѣ. Вслѣдствіе климатическихъ условій, подвозъ грузовъ къ желѣзнымъ дорогамъ совершается въ теченіи короткаго періода времени, отъ чего, при недостаткѣ подвознаго состава и въ силу нерегулярности желѣзныхъ дорогъ, образуются залежи грузовъ, и товаръ доходитъ до мѣста назначенія чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; средняя скорость передвиженія грузовъ съ товарными поѣздами 20—30 верстъ въ сутки (считая остановки и ожиданія). Крупные производители везутъ свои продукты въ ближайшіе центры, гдѣ цѣна выше, а на мѣстѣ, вслѣдствіе неразвитости потребленія, оставляютъ очень мало, и это малое продаютъ по цѣнамъ высшимъ. Затѣмъ бываетъ, что крестьянскій дворъ, при 1 мужской рабочей силѣ и при 6 женскихъ, получаетъ только 1 душевой надѣлъ, тогда какъ при 5-ти мужскихъ и 1 женской—5 душевыхъ надѣловъ, между тѣмъ какъ въ крестьянствѣ, при полевыхъ работахъ, женская сила почти всегда отвѣчаетъ за мужскую. Всѣмъ извѣстно, что высшіе владѣющіе классы свободны отъ прямыхъ налоговъ и отъ повинностей, между тѣмъ низшіе обременены до-нельзя. Наконецъ, передача нашего сырья заграницу для переработки зависитъ отъ недостатка предпріимчивости и технической подготовки. Все это надо имѣть въ виду, чтобы въ будущемъ не пришлось мириться съ неудачными, несогласными съ строемъ нашей жизни, реформами, какъ бы быстро и аккуратно послѣднія ни проводились. Все это должно напоминать о необходимости всестороннихъ изслѣдованій на мѣстахъ, какъ основаній для удачнаго выполненія общихъ финансовыхъ мѣръ. Въ этихъ соображеніяхъ должно найти себѣ оправданіе и новое министерство финансовъ, которое обнаружило хорошее намѣреніе воздерживаться отъ поспѣшныхъ преобразованій, а держаться на первое время одной разумной экономіи. Въ этомъ оно, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ поддержку во всѣхъ остальныхъ вѣдомствахъ, которыя заинтересованы въ томъ, чтобы положеніе массы населенія не ухудшалось, тѣмъ болѣе, что обѣднѣніе и голоданіе народа не только прямо отразится невыгодно на лицахъ, выдѣлившихся изъ народа и руководящихъ имъ, но и косвенно,—такъ-какъ плачевныя проявленія общаго оскудѣнія дадутъ новую, обильную пищу для разныхъ преувеличенныхъ толкованій. На эти соображенія можно опираться, но нельзя на нихъ успокоиться; надо работать и работать для постепенной подготовки экономическихъ улучшеній.

Прежнія министерства финансовъ также воздерживались отъ поспѣшныхъ мѣропріятій и не проводили никакихъ финансовыхъ идей.

Министерство Рейтерна старалось не простирать своихъ финансовыхъ воздѣйствій далѣе поддержки существовавшаго хозяйственнаго строя и заботилось, главнымъ образомъ, о такъ-называемомъ „поднятіи уровня производительныхъ силъ Россіи“ — выраженіе, которое говоритъ очень много и вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало; именно—если распорядиться подобнымъ „поднятіемъ уровня“, напр., къ извѣстному сроку, съ помощію административныхъ мѣръ, то не выйдетъ ничего, а можетъ быть и хуже, чѣмъ было, такъ какъ историческій опытъ говоритъ, что прямое вмѣшательство государства въ промышленныя и земледѣльческія операціи нелогично; съ другой стороны, если это „поднятіе“ имѣть въ виду, при послѣдовательномъ проведеніи раціональныхъ отдѣльныхъ мѣръ, создающихъ новыя условія, болѣе благопріятныя для народнаго производства, тогда можно достигнуть очень многого. Министерство Рейтерна пыталось держаться послѣдняго, но проводимыя имъ общія мѣры были не всегда удачными и притомъ не были приведены въ связь съ финансовыми требованіями. Необходимость постепенныхъ финансовыхъ преобразованій не была признаваема съ должною силою; главное вниманіе было обращено на расширеніе банковаго кредита, желѣзно-дорожной сѣти, на акціонерныя компаніи и на разныя спекулятивныя предпріятія, которыя пользовались со стороны государственнаго казначейства большей поддержкою, чѣмъ какой заслуживали..

Въ послѣднее время въ обществѣ было возбуждено много напрасныхъ надеждъ и ожиданій на улучшеніе финансоваго строя. Возникла масса предположеній, часто довольно идеальныхъ; вдругъ признали необходимымъ, какъ можно скорѣе передѣлать подати и кредитныя формы, которымъ, какъ оказалось, мало помогли экономическія усовершенствованія предшествовавшаго министерства и спекулятивные подвиги вызванныхъ имъ къ жизни, новыхъ учрежденій. Нынѣшнему министерству финансовъ приходится разбираться въ этихъ вопросахъ, выбрать — какіе нужнѣе для разработки, и затѣмъ постепенно вводить новыя формы въ систему податей. Литература послѣдняго времени оказалась крайне отзывчивою на разные насущные вопросы. Газеты наши принялись разбирать самые сложные финансовые и экономическіе вопросы; сотрудникъ одной газеты, не обремененный никакими спеціальными познаніями, даже предложилъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ болѣе сотни новыхъ налоговъ, выказавши въ этомъ случаѣ чисто русскую изобрѣтательность и смѣлость; появились десятки невѣдомыхъ дотолѣ міру финансистовъ, которые, бывъ поощряемы благими намѣреніями генерала Грейга, требовали измѣнить чуть-ли не весь податной строй

за-разъ; другіе, напротивъ, оставляли въ сторонѣ всякіе финансовые эксперименты и упорно трактовали о необходимости немедленно (!) улучшить нашу валюту, хотя изъ нихъ далеко не всѣ имѣли ясное представленіе о валютѣ, о разныхъ курсахъ, о девольваціи и т. п. тонкостяхъ. Теперь остается избрать золотую средину между этими воззрѣніями и признать, что улучшеніе валюты, обновленіе податной системы, измѣненіе кредитнаго строя, исправленіе желѣзно-дорожной организаціи и др. мѣры—должны пойти рука объ руку.

На эти и подобныя имъ размышленія наводитъ насъ разсмотрѣніе новой смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1881 годъ. Смѣта эта во многихъ частяхъ представляетъ довольно выгодныя отличія отъ прежнихъ смѣтъ. Въ ней министерство финансовъ отказывается замаскировывать финансовые недостатки и старается выставить положеніе нашихъ финансовъ, какъ оно есть. Главное—утѣшительно то, что новая смѣта доказываетъ нѣкоторую рѣшимость вступить на путь разумной экономіи, какая возможна при теперешнемъ положеніи. Министерство финансовъ хорошо поняло, что такая экономія является первымъ неизбѣжнымъ условіемъ болѣе положительныхъ преобразованій; у него на глазахъ—краснорѣчивые факты, что въ прежнее время непредвидѣнные расходы и сверхсмѣтныя ассигновки ставили въ невозможность предпринять какое-либо существенное улучшеніе въ доходномъ бюджетѣ. Экономное настроеніе новаго министерства обнаружилось даже при составленіи самой смѣты. Именно—отдѣльныя министерства, представляя свои смѣты, не считаютъ себя призванными сокращать какіе-либо расходы, хотя бы это сокращеніе было не только необходимо, но и удобоисполнимо. Кромѣ того, въ этихъ смѣтахъ проскальзываетъ нѣкоторый оптимизмъ въ отношеніи ожидаемыхъ доходовъ. Между тѣмъ, въ настоящее время гораздо полезнѣе смотрѣть пессимистически, и отнюдь не слѣдуетъ утѣшать себя тѣмъ, что земля русская велика и обильна, что народъ русскій обладаетъ такими драгоцѣнными качествами, какъ терпѣніе и трудъ, которыя, какъ говорится, „все перетрутъ" (будто бы), и что, такимъ образомъ, тяжелыя цѣпи, временно сковывающія экономическую дѣятельность народа, отпадутъ сами собою. Такъ думаютъ не только славянофилы, но и такъ-называемые національ-либералы наши. Правительство такъ думать не можетъ; убѣждаемое горькимъ опытомъ, оно, конечно, хорошо понимаетъ, что дѣла нельзя предоставлять естественному ходу, что полагаться на инертную силу русскаго народа, по меньшей мѣрѣ, рискованно, что надо предпринять рядъ мѣръ, способныхъ облегчать понемногу теперешній финансовый гнётъ.

При разсмотрѣніи государственной смѣты на 1881 годъ, пра-

вильнѣе будетъ прослѣдить сперва доходный бюджетъ, затѣмъ—расходный, ихъ отношеніе и, наконецъ,—государственные долги.

По смѣтамъ отдѣльныхъ министерствъ и по дополнительнымъ къ нимъ исчисленіямъ доходъ на 1881 г. представленъ въ 686 мил. 541 т. руб. Затѣмъ, въ цифрѣ этой сдѣланы измѣненія, именно: уменьшено доходовъ 35 мил. 272 т., главнымъ образомъ, по министерствамъ—финансовъ и путей сообщенія; внесено лишнихъ доходовъ 15 мил. 836 т., такъ-что получилась цифра въ 667 мил. 105 т. или на 19 мил. 436 т. меньше противъ цифры, выведенной министерствами. Главныя надбавки дохода сдѣланы: въ девять милліоновъ рублей для пошлинъ съ товаровъ, ввозимыхъ по европейской границѣ, и чрезъ таможни—иркутскую и астраханскую; въ три съ половиною милліона рублей отъ добавочныхъ сборовъ съ торговыхъ документовъ; въ 724 тыс.—отъ продажи лѣса и лѣсныхъ издѣлій. Главнѣйшія убавки дохода—десять милліоновъ 980 т. отъ отмѣны соляного акциза; десять съ половиной милліоновъ отъ питейнаго акциза; восемь милліоновъ 865 тыс. отъ поступленій въ возвратѣ расходовъ, произведенныхъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда; одинъ милліонъ 146 т. отъ платежей по николаевской желѣзной дорогѣ; 801 т. р. отъ платежей по консолидированнымъ желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ, 500 т. отъ табачнаго акциза (!). Наконецъ, въ министерствѣ финансовъ окончательно выработана настоящая смѣта, въ которой государственный доходъ фигурируетъ уже въ цифрѣ 628 милліоновъ 362 т. рублей, да изъ желѣзно-дорожнаго фонда предположено вынуть 64 м. 139 т. р., считая въ томъ числѣ пятьдесятъ милліоновъ 357 т. на покрытіе дефицита. Въ виду нѣкоторыхъ особенностей доходнаго бюджета 1881 года, здѣсь интересно привести сравненіе государственныхъ доходовъ по смѣтнымъ росписямъ за пять лѣтъ.

(въ милліонахъ рублей).

Обыкновенные доходы:	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.
Косвенные налоги	301,0	301,6	354,6	381,2	376,6
Прямые налоги	133,6	133,3	133,3	133,4	138,0
Разные доходы.	43,3	45,8	47,6	49,8	44,9
Казенныя имущества.. . . .	29,9	27,9	27,9	28,6	33,9
Регаліи	22,5	22,5	24,3	25,5	26,3
Доходы Кавказа	7,4	7,2	7,9	9,0	8,0
	537,8	538,3	595,5	627,4	628,4
Экстренный доходъ.	—	27,5	—	—	—
Изъ желѣз.-дорожн. фонда .	10,1	12,2	9,4	13,1	64,1
Оборотные	22,9	22,4	24,1	26,0	25,0
	33	62,1	33,5	39,1	89,1
Всего.	570,8	600,4	629,0	666,5	717,0

Болѣе всего увеличились налоги косвенные, т.-е. сборы большею частію съ непроизводительнаго потребленія; затѣмъ тѣ доходы, которые собственно и не могутъ быть считаемы за правильные рессурсы государственнаго казначейства и отчасти вводятся съ цѣлію искусственнаго забалансированія смѣты; это собственно не доходъ, а переводъ денегъ изъ одной части въ другую.

Процентное отношеніе разныхъ частей дохода, за тѣ же пять лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.
Прямые налоги.	24,2	24,1	22,4	21,2	22,2
Косвенные налоги.	56,6	56,5	59,2	61,3	60,7
Отъ казен. имущ. и регалій..	9,7	9,4	8,7	8,2	10,0
Другіе доходы	9,5	10,0	9,7	9,83	7,1
			100		
% отнош. экстр. рессурсовъ къ обыкнов. доходамъ.	6,2	11,5	5,6	6,3	14,2

Такимъ образомъ, косвенные налоги за эти 5 лѣтъ заняли болѣе видное мѣсто въ бюджетѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ экстренные доходы вошли въ бюджетъ въ большей пропорціи. Оба эти явленія нельзя считать благопріятными.

Вообще доходный бюджетъ 1881 года больше бюджета на 1880 годъ почти на одинъ милліонъ рублей. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, главныя прибавки ожидаются: отъ налога за право торговли, таможенныхъ сборовъ, отъ пошлинъ, отъ казенныхъ имуществъ и др. Уменьшеніе предвидится по питейному сбору, по табачному и сахарному акцизамъ, по желѣзно-дорожнымъ полученіямъ, отъ отмѣны соляного акциза и др. Размѣръ и значеніе этихъ измѣненій лучше опредѣлится при отдѣльномъ разсмотрѣніи каждой статьи.

Прямые налоги ожидаются въ размѣрѣ 118 м. 752 т. р., на 118 т. менѣе противъ 1880 года, вслѣдствіе исключенія изъ оклада нѣкоторыхъ лицъ, главнымъ образомъ, инородцевъ. Прямые налоги, такимъ образомъ, остаются на той же величинѣ, вмѣсто того, чтобы повышаться, какъ это бываетъ при нормальномъ развитіи государства. Мало того—даже и предположенную цифру нельзя не признать высокою, въ виду дурного хозяйственнаго положенія Россіи, когда цѣлыя губерніи не только оказываются неоплатно-должными государственной казнѣ, но просятъ въ ссуду цѣлые милліоны рублей; возрастаніе недоимокъ—надо полагать—превзойдетъ скромныя ожиданія нашего министерства финансовъ. Притомъ, налоги эти признаны подлежащими скорѣйшей передѣлкѣ. Ихъ у насъ пять: подушный сборъ, поземельный налогъ, оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ, сборъ съ городскихъ недвижимостей и налогъ

лѣсной. Система эта представляется въ весьма грубомъ видѣ. Переработки требуютъ болѣе всего два первые вида прямыхъ податей. Правильно построенные окладные сборы берутся съ лицъ и имуществъ по извѣстной постоянной оцѣнкѣ ихъ доходовъ. При взиманіи этихъ налоговъ требуются особыя податныя или кадастровыя книги, куда вносятся: податной капиталъ или средній размѣръ податного источника (напр., стоимость земли, дома и т. п.), затѣмъ чистый доходъ и податная единица, т.-е. извѣстная часть дохода, подлежащая обложенію; податной окладъ, т.-е. сумма, слѣдующая съ каждаго плательщика, иногда добавляется податная доля, т.-е. размѣръ налога съ каждой податной единицы; такимъ образомъ, составляются окладные листы для каждаго лица и имущества. У насъ же еще ничего подобнаго не заведено.

Подушная подать всѣми, даже завзятыми консерваторами признана устарѣлою, варварской формою; отмѣна ея въ принципѣ предрѣшена давно, и съ 1879 года дѣйствуетъ особая высшая коммисія изъ 18 лицъ подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ для замѣны этой подати другими налогами, болѣе справедливыми и удобными. Коммисіи этой поставлены были на разрѣшеніе между прочими вопросами и такіе: a) какіе именно сборы взимаются по подушной системѣ; b) какова дѣйствительная цифра этихъ сборовъ; c) всѣ ли эти сборы должны быть отмѣнены, а если не всѣ, то какіе могутъ быть сохранены и какіе измѣнены; d) слѣдуетъ ли брать вновь проектированные, взамѣнъ отмѣненныхъ сборовъ, налоги только съ тѣхъ сословій, которыя теперь подлежатъ подушной подати, или же надо выработать новые прямые налоги и съ другихъ сословій; e) при установленіи новыхъ сборовъ въ крестьянскихъ обществахъ слѣдуетъ ли оставить круговую поруку; f) слѣдуетъ ли, кромѣ всего этого, войти въ обсужденіе степени состоятельности крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей и неудобства круговой поруки и паспортной системы, какъ послѣдствій взиманія тѣхъ сборовъ, какіе еще останутся на крестьянскомъ сословіи; g) опредѣлять ли наименьшій размѣръ дохода, подлежащаго обложенію, съ тѣмъ, чтобы доходы, не достигающіе этого минимума, освобождались отъ обложенія. Въ самыхъ этихъ вопросахъ сквозитъ желаніе уничтожить нелѣпую преграду, отдѣляющую податные классы населенія отъ неподатныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ построить новые налоги такимъ образомъ, чтобы они не вредили производительности отдѣльныхъ хозяйствъ, причемъ даже вводится совсѣмъ новое для Россіи понятіе о податномъ минимумѣ. Коммисія, одушевляемая, повидимому, самыми благими и вмѣстѣ съ тѣмъ передовыми стремленіями, признала подлежащими уничтоженію всѣ подушныя подати и взамѣнъ ихъ предложила налоги подоход-

ный и усадебный. Первый обнимаетъ три главныхъ объекта: 1) доходъ отъ денежныхъ капиталовъ или съ капитальной ренты, т.-е. съ дохода отъ облигацій, отъ выкупныхъ свидѣтельствъ, отъ банковыхъ билетовъ, вообще, отъ всевозможныхъ государственныхъ бумагъ и отъ всякихъ частныхъ цѣнныхъ и долговыхъ бумагъ, приносящихъ владѣльцу ихъ опредѣленные проценты; 2) чистый доходъ отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ операцій, которыя и нынѣ подлежатъ особой пошлинѣ; 3) доходъ отъ личнаго труда всякаго рода, превышающій извѣстный минимумъ.

Усадебный налогъ предполагается взимать со всѣхъ находящихся внѣ городскихъ поселеній усадебъ съ имѣющимися при нихъ хозяйствами и постройками.

Отъ подробнаго разбора этихъ проектовъ пока воздержимся; надо подождать того момента, когда осуществленіе ихъ станетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Теперь-же, какъ это часто бываетъ, можно ждать контръ-проектовъ, коренныхъ измѣненій и т. п. Но, къ слову, по поводу этихъ проектовъ, нельзя не вспомнить предшествовавшаго имъ финансоваго плана, который, къ счастію, такъ и остался въ области иллюзій. Планъ этотъ родился въ мысляхъ государственнаго дѣятеля, которымъ задумана была самая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ геніальная вещь, въ видѣ Колумбова яйца,—именно, замѣна всѣхъ окладныхъ сборовъ единымъ подоходнымъ налогомъ (impôt unique) во всей совокупности доходовъ лица, изъ какихъ-бы источниковъ эти доходы ни получались; надо замѣтить, что такой налогъ и въ новѣйшей финансовой литературѣ и въ современной финансовой практикѣ считается идеальнымъ, утопичнымъ; но это не остановило самобытный финансовый порывъ его изобрѣтателя, и для опредѣленія того, сколько даетъ такой налогъ, были произведены статистическія выкладки; наши статистики опредѣляютъ чистый доходъ всего русскаго народа въ 1.000—1.200 милліоновъ рублей, такъ что предполагаемые нашимъ финансистомъ 3% единаго налога дадутъ какихъ-нибудь тридцать, тридцать шесть милліоновъ рублей; относительная ничтожность этой цифры заставила его отказаться отъ своей идеи. Но выведенная по поводу этой идеи цифра чистаго дохода всѣхъ русскихъ гражданъ наводитъ на интересное соображеніе. Именно, положимъ, что, какъ бываетъ въ нашей статистикѣ, цифра эта меньше дѣйствительной, положимъ даже, что она меньше на 100%, или вдвое (что также случается),—тогда получимъ, исправивши погрѣшность, доходъ въ 2 — 2½ милліарда; считая налогъ, согласно послѣднимъ выводамъ финансовой науки и по лучшимъ образцамъ другихъ странъ, въ 10% чистаго дохода, получимъ только 200—250 милліоновъ рублей дохода; теперь же получается больше;

значитъ, часть государственнаго дохода, и притомъ весьма значительная, собирается въ ущербъ производительнымъ силамъ народа. Слѣдовательно, и правильныя прямыя подати, какъ лучшая форма обложенія, должны быть введены у насъ возможно скорѣе, а пока можно рекомендовать величайшую осторожность при взысканіи недоимокъ, дабы путемъ описи крестьянскаго скарба и хозяйственныхъ орудій не отнимать рессурсовъ, столь важныхъ въ это тяжелое время. Въ виду этого, бьетъ въ глаза своей странностью положеніе, усвоенное нашимъ законодательствомъ и принятое вышеупомянутою коммиссіею. Именно, при взысканіи недоимокъ полиціи предоставляется продавать тѣ *части движимаго имущества, которыя не составляютъ необходимости въ крестьянскомъ хозяйствѣ.* Интересно бы знать, какія это части; кажется, можно, безъ риска, назначить премію тому, кто укажетъ на составныя части крестьянскаго, притомъ бѣднаго обихода, составляющія для крестьянина предметъ роскоши; если тутъ и будутъ указаны предметы, то такіе, цѣнность которыхъ въ совокупности равняется ломанному грошу. Равнымъ образомъ, при составленіи окончательнаго плана подоходнаго налога надобно имѣть въ виду, чтобы оцѣнка доходовъ плательщиковъ не попала въ руки мѣстныхъ выборныхъ учрежденій: изъ опыта земскихъ учрежденій извѣстно, что преобладаніе владѣющаго класса въ земскихъ собраніяхъ повело въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ накопленію недоимокъ за землевладѣльцами. Такія недоимки составляютъ главную долю въ общей суммѣ земскихъ недоимокъ, и вотъ почему не такъ удобно предоставить лицамъ, запустившимъ земскія недоимки, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ даже съ самаго учрежденія земствъ, облагать самихъ себя и своихъ знакомыхъ подоходнымъ налогомъ.

Поземельный налогъ въ нашемъ такъ называемомъ земледѣльческомъ государствѣ, играетъ самую жалкую роль, притомъ происхожденія онъ очень недавняго; до 1875 г. налогъ этотъ представлялъ часть государственнаго земскаго сбора и платился съ двухъ категорій земли, съ крестьянской и владѣльческой; съ 1875 года налогъ этотъ получаетъ особую раскладку. Всѣ губерніи по платежнымъ силамъ земли раздѣлены на 11 разрядовъ (отъ 0,14 коп. до 9,8 коп. съ десят. средн.); хотя окладъ подати — весьма умѣренный, но владѣльческія земли могли бы платить гораздо болѣе въ виду того, что а) доходъ съ нихъ обезпеченнѣе; б) онѣ свободны отъ массы другихъ платежей, обременяющихъ крестьянскую землю. Теперь поземельный налогъ даетъ около восьми милліоновъ рублей, или около десяти копѣекъ съ десятины пахатной земли, что̀ съ перваго взгляда кажется весьма страннымъ для такой страны, какъ Россія. Неразвитость этого начала обусловливается прежде всего двумя обстоятельствами: 1-е—громад-

ное большинство населенія не получаетъ никакой поземельной ренты, т.-е. чистаго дохода, извлекаемаго съ земельнаго владѣнія, благодаря извѣстнымъ выгоднымъ условіямъ; 2-е — поземельному налогу недостаетъ у насъ твердой основы, которая состоитъ, какъ извѣстно, въ подробномъ финансовомъ измѣреніи земли, въ кадастраціи. Вопросъ о кадастраціи имѣетъ для Россіи большую важность; безъ тщательнаго изученія производительности разныхъ источниковъ дохода, безъ точной оцѣнки платежныхъ силъ на мѣстѣ не можетъ быть пропорціональнаго обложенія. У насъ до сихъ поръ нѣтъ и не было систематическаго изученія податныхъ объектовъ, не было выработано нормы для оцѣнки. Что касается земель, то онѣ не оцѣнены даже съ приблизительной точностью; попытки казенной земельной оцѣнки, бывшія у насъ въ новгородской и петербургской губ., равно какъ и болѣе обстоятельныя попытки земствъ въ рязанской, самарской, черниговской и др. губ. были только пародіями на кадастръ. Кадастръ, какъ извѣстно—вещь очень сложная и дорогая; кромѣ предварительныхъ осмотровъ и тріангуляціи, каждый участокъ оцѣнивается по совокупности признаковъ доходности, принимаются во вниманіе продажныя и арендныя цѣны для оцѣнки валового дохода, взвѣшивается множество побочныхъ обстоятельствъ для оцѣнки чистаго дохода. Болѣе подробныя правила земельной оцѣнки выработаны въ 1877 году псковскимъ уѣзднымъ земствомъ, но и тамъ дошли только до раздѣленія земель на разряды по качеству почвы, а на косвенныя условія не было обращено вниманія. Поземельный налогъ у насъ замѣняется подушнымъ; распредѣленіе послѣдняго самими крестьянами внутри общины по тягламъ отчасти придаетъ ему характеръ сбора поземельнаго. Въ связи съ этимъ, при обсужденіи вопроса о замѣнѣ подушнаго сбора подоходнымъ, предположено подоходный принципъ пріурочить и къ поземельному сбору, для чего и проектированъ налогъ съ дохода отъ земель и отъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ; если подобный сборъ будетъ введенъ, а не останется въ области благодѣтельныхъ пожеланій, тогда существующіе налоги—поземельный и съ городскихъ недвижимостей, а также оброчная подать, нынѣ исчисляемая прямо съ земли (по $1^1/_2$—9 коп. съ десят.), будутъ отмѣнены.

Говоря объ окладныхъ сборахъ и о земледѣльческомъ населеніи, нельзя пройдти молчаніемъ и выкупные платежи. Платежи эти считаются не налогами, а временнымъ обязательствомъ; но въ сознаніи плательщиковъ, это такой же налогъ, какъ и другіе, такъ какъ неуплата его ведетъ за собою реквизицію и проч.; притомъ, при уплатѣ разныхъ сборовъ, крестьяне не сортируютъ ихъ по финансовымъ разрядамъ, а отдаютъ гуртовую сумму „подань“, куда

входятъ также и выкупные платежи; они составляютъ значительную прибавочную тяжесть въ общей суммѣ податныхъ платежей; тяжесть и неравномѣрность выкупныхъ платежей весьма понятна: оцѣнка для опредѣленія стоимости надѣловъ была произведена неточно; затѣмъ, въ теченіи 20 лѣтъ экономическія условія настолько измѣнились, что совершенно исчезло правильное соотношеніе выкупныхъ платежей съ дѣйствительными продажными и арендными цѣнами. Это доказывается очевидными фактами; въ четырехъ губерніяхъ (три западныя и одна черноземная) продажныя цѣны вдвое выше ихъ выкупной стоимости, въ пяти губерніяхъ (четыре западныхъ и одна степная) на 50—100% выше, въ четырехъ губерніяхъ (черноземныхъ, центральныхъ) на 30—50% болѣе, потомъ въ шестнадцати губерніяхъ съ 2½ м. крестьянъ-собственниковъ и съ 1½ м. временно-обязанныхъ, выкупная стоимость земель превышаетъ ихъ продажную цѣну: въ шести губерніяхъ на 50% и болѣе, въ пяти—на 30 до 50%, въ пяти—на 10 до 30%; въ эту группу входятъ самыя малоплодородныя губерніи—новгородская, вологодская, смоленская, псковская и др.; стало быть, оцѣнка здѣсь оказалась слишкомъ высокою, и недоимки представляются вполнѣ естественными. Наконецъ, въ девяти губерніяхъ съ 1½ м. крестьянъ-собственниковъ и съ 900 т. временно-обязанныхъ, разница между выкупной стоимостью и продажною цѣною не превышаетъ 10%. Вообще, средній размѣръ выкупныхъ платежей составляетъ у насъ 1 р. 87 к. съ десятины—цифра большая, сравнительно съ производительностью земли. Теперь, кажется, настало время отсрочить ихъ въ виду тяжкихъ обстоятельствъ, а затѣмъ озаботиться—какъ бы облегчить ихъ на будущее время.

Налогъ промысловый на 1881 г. исчисленъ въ 19 м. 257 т., на 4 м. 758 т. болѣе противъ 1880 года, въ томъ числѣ 3½ м. на добавочные сборы съ торговыхъ документовъ, установленные съ 1 января 1881 года; такая надбавка вполнѣ справедлива для столь эластичнаго объекта, какъ наша торговля и промышленность. Извѣстно, что наши торговцы получаютъ такой высокій процентъ, какой не извѣстенъ въ западныхъ странахъ. Начать съ того, что цѣна на наши отечественныя издѣлія въ С.-Петербургѣ или другомъ центрѣ втрое — вчетверо превышаетъ первоначальную покупную цѣну на мѣстахъ производства; наши крестьяне и кустари продаютъ свои произведенія за безцѣнокъ, а скупщики наживаютъ нерѣдко сто на сто. Крупные фабриканты и заводчики получаютъ чистаго дохода: если переработывается сырье въ полуфабрикатъ и затѣмъ получается фабрикатъ — отъ 30 до 60%, а если прямо получается фабрикатъ (напр.: набивныя фабрики), то нѣсколько меньше, отъ 20 до 35%;

хлѣботорговцы наживаютъ до 40—50%; наглядный примѣръ этому петербургскіе торговцы, закупившіе осенью въ Рыбинскѣ рожь по 9—10 р. за четверть, и продающіе въ С.-Петербургѣ по 16—19 р. Вообще, наша торговля и промышленность въ послѣднее время развилась, что бы ни говорили наши пессимисты объ общемъ упадкѣ русскаго хозяйственнаго строя; строй этотъ, пошатнувшійся въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ другихъ болѣе окрѣпъ.

Теперешній промысловый налогъ не есть налогъ на промысловую ренту, на предпринимательскую прибыль, а есть родъ пошлины, опредѣленный, фиксированный взносъ за право вести торговлю и открывать лавки. Налогъ этотъ очень тяжелъ для мелкихъ промышленниковъ и очень легокъ для крупныхъ. Обложеніе промышленности—въ формѣ ли сбора съ издѣлій, въ формѣ ли класснаго сбора съ дохода торговцевъ и промышленниковъ и т. п. — должно поддержать нашъ финансовый строй и уравновѣсить общую податную тяжесть, вызвавъ соразмѣрное облегченіе земледѣльческаго класса. Такимъ образомъ, налогъ этотъ ожидаетъ своего преобразованія, настоящая форма—только переходная; цифра его ничтожна въ сравненіи съ торговыми и промышленными оборотами. Въ будущемъ этотъ сборъ долженъ быстро прогрессировать; производство будетъ развиваться успѣшнѣе, когда наши кредитныя учрежденія будутъ приведены въ европейскій видъ. Эти кредитныя учрежденія сами по себѣ могли бы служить хорошимъ источникомъ государственныхъ доходовъ, и реформа ихъ есть вопросъ довольно настоятельный.

Питейный акцизъ исчисленъ въ 222 м. 843 т., на 2 м. 469 т. меньше противъ 1880 года; министерство финансовъ объясняетъ это уменьшеніе тѣмъ, что въ послѣдніе 4 мѣсяца прошлаго года акцизный доходъ упалъ вслѣдствіе неурожаевъ, а такъ какъ эта причина будетъ дѣйствовать долго, то и въ первые мѣсяцы 1881 года надо ждать болѣе скудныхъ поступленій. При всемъ томъ, акцизъ этотъ, вопреки указаніямъ финансовой теоріи, составляетъ центръ тяжести нашей финансовой системы, и при лучшемъ контролѣ могъ бы давать еще больше; теперь же, какъ извѣстно, у насъ сильно распространена безпатентная торговля и тайное винокуреніе; послѣднее особенно развито въ западныхъ губерніяхъ; корчемство же процвѣтаетъ по всей землѣ русской; даже въ Москвѣ почти всѣ овощныя и нѣкоторыя табачныя лавки производятъ торгъ водкой и пивомъ. Такія явленія не встрѣчаютъ противодѣйствія въ самомъ обществѣ, а наблюдающія лица не проявляютъ особаго усердія.

Табачный акцизъ предположенъ въ 13 м. 0,52 т., т.-е. на 975 т. менѣе прошлаго года въ виду постепеннаго уменьшенія этого дохода за послѣднее время. Табакъ—хорошій предметъ для обложенія. По-

требленіе табаку въ нашемъ народѣ возрастаетъ; даже низшій классъ отстаетъ отъ пресловутой махорки и привыкаетъ къ болѣе дорогимъ сортамъ; акцизный же доходъ не только не увеличивается, но даже падаетъ. Не доказываетъ ли это, что податная доля перешла тотъ maximum, за которымъ начинается регрессъ доходности, какъ результатъ одного изъ двухъ обстоятельствъ: сокращенія потребленія или же тайной продажи; перваго обстоятельства нѣтъ, значитъ, надо пенять на второе. Всѣмъ и каждому извѣстно, что безбандерольныя табачныя издѣлія расходятся у насъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ оплаченныя акцизомъ, а сколько ввозится табаку контрабанднаго! Этотъ сбытъ, направленный къ явному ущербу казны, подходящій по своему юридическому характеру, подобно тайному провозу чрезъ границу пошлинныхъ товаровъ, къ понятію кражи,—этотъ-то сбытъ поощряется людьми, повидимому, образованными; значитъ, само общество въ нѣкоторыхъ случаяхъ реагируетъ противъ усилій государственнаго казначейства. Эти факты хорошо обрисовываютъ отношенія между казною и отдѣльными плательщиками. Вообще, табачный акцизъ у насъ плохо привился, бандерольный табакъ отличается у насъ своими дурными качествами. Тутъ невольно приходятъ на умъ слова извѣстнаго французскаго ученаго экономиста, П. Леруа Больё, что при высокой податной долѣ правительственная монополія въ табачномъ дѣлѣ является единственнымъ средствомъ, чтобы получать хорошій, здоровый, добросовѣстный продуктъ. Въ засѣданіяхъ германскаго парламента 1877 и 1878 гг., посвященныхъ вопросу о табачномъ налогѣ, г. Штауфенбергъ выразился; „мы, курильщики, сознаемъ только фактъ куренія, но не знаемъ, что̀ именно мы куримъ; подмѣсь разныхъ суррогатовъ настолько велика, что можно посвятить цѣлый урокъ ботаники объясненію растеній, входящихъ въ составъ нашего табаку и сигаръ; что же будетъ при возвышеніи налога!“ Между тѣмъ, во Франціи при высокомъ акцизѣ табакъ хорошаго качества, именно благодаря монополіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что и Россіи немедленно нужно обратиться къ подобной же системѣ. Правда, съ одной стороны, ограниченіе числа табачныхъ лавокъ и отдача ихъ, какъ во Франціи, отъ правительства въ содержаніе заслуженнымъ лицамъ, вмѣсто пособій, арендъ, земель и проч., можетъ быть, было бы лучше, но, съ другой стороны, такая система требуетъ вполнѣ централизованнаго и опытнаго персонала, а также иного рода табачной культуры.

Акцизъ съ сахара выведенъ въ 4 м. 096 т., на 1 м. 036 т. р. менѣе прошлаго года, по разсчету дѣйствительнаго поступленія этого дохода въ 1879 году и въ первой половинѣ 1880 года. Такое умень-

шеніе весьма печально, такъ какъ размѣръ потребленія сахара прямо пропорціоналенъ степени благосостоянія населенія.

Таможенный доходъ выведенъ въ 96 м. 024 т., или на 7 м. 980 т. болѣе прошлаго года; въ разсчетъ принято дѣйствительное поступленіе съ перваго октября 1879 года по первое октября 1880 года (94 м. 162 т.) съ прибавленіемъ четырехъ съ половиной милліоновъ рублей сбора, ожидаемаго съ машинъ и металловъ по новому тарифу, и 8.846,000 руб. отъ установляемаго съ нынѣшняго 1881 года 10% добавочнаго сбора съ таможенныхъ пошлинъ и усиленнаго сбора за складку иностранныхъ товаровъ въ казенныхъ таможенныхъ помѣщеніяхъ. Съ другой стороны, принято въ разсчетъ ожидаемое въ 1881 году уменьшеніе, какъ вслѣдствіе сокращенія дохода съ привозной иностранной соли (2 м. 756 т. р.), такъ и вслѣдствіе вѣроятнаго уменьшенія въ привозѣ товара, обусловленнаго неурожаемъ и меньшимъ сравнительно съ 1879 г. вывозомъ хлѣба, а также и установленіемъ упоминаемой выше 10% набавки, вслѣдствіе чего нѣкоторые товары будутъ очищены пошлиною въ нынѣшнемъ году. Таможенный сборъ въ послѣдніе годы постоянно возрасталъ, онъ составляетъ до 14% ввоза, но, на самомъ дѣлѣ, цифру эту слѣдуетъ увеличить, ибо показанныя въ обзорѣ внѣшней торговли цифры ввоза гораздо выше дѣйствительныхъ, что можно вывести изъ простой свѣрки съ показаніями иностраннаго экспорта въ Россіи. Высота этого сбора при растянутости границы вызвала у насъ усиленную контрабанду, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе внушительные размѣры. Настоящая 10% набавка, представляющая какъ-бы шагъ по пути протекціонизма, вызвана не столько покровительственными соображеніями, сколько необходимостью возмѣстить убыль казны отъ отмѣны соляного налога; но соляной налогъ вовсе не представлялъ собою замѣтной величины въ русскомъ бюджетѣ, и его значеніе было искусственно поднято печатью, обратившей на него, по многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, особое вниманіе; соляной вопросъ былъ въ теченіи 20 лѣтъ разсмотрѣнъ насквозь, и министерство финансовъ могло бы успокоиться на томъ, что потеря 1/70 государственнаго дохода вознаградится съ избыткомъ нѣкоторымъ улучшеніемъ здоровья населенія, скотоводства и другихъ сторонъ, давно уже взвѣшенныхъ и разобранныхъ въ административныхъ сферахъ и въ печати, такъ что, пожалуй, нѣтъ надобности изыскивать новые сборы для пополненія образовавшейся пустоты въ балансѣ. При установленіи таможенной надбавки, имѣлось, конечно, въ виду, что русское производство расширится, и праздныя рабочія руки найдутъ себѣ приложеніе, а это такъ важно въ настоящую трудную минуту. Ино-

странные товары, какъ болѣе дорогіе, будутъ менѣе требоваться и потому, что приходится болѣе удѣлять на жизненные припасы, но эта же причина затормазила и развитіе спроса на русскіе фабрикаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе вздорожанія нѣкоторыхъ матеріаловъ, основныя издержки въ нѣкоторыхъ фабричныхъ отрасляхъ должны возрасти, стало быть, вздорожаютъ и русскіе товары. Съ другой стороны, надо ждать усиленія тайнаго ввоза, что въ свою очередь окажетъ давленіе на русскіе рынки. Кромѣ того, эта покровительственная надбавка имѣетъ и другія невыгодныя стороны для Россіи вообще, именно: 1) наша фабричная промышленность не настолько снабжена капиталами и техническими знаніями, чтобы, при уменьшеніи ввоза заграничныхъ товаровъ, удовлетворять усиленному спросу со стороны внутреннихъ потребителей и для этой цѣли расширять производство; къ тому же для такого расширенія все равно пришлось бы обращаться за границу за машинами, техниками, сырьемъ; 2) наши фабрики никогда не страдали сильно отъ иностранной конкурренціи, такъ какъ производили и производятъ, главнымъ образомъ, дешевые, средніе и низшіе сорта товаровъ, которые (многіе изъ нихъ, впрочемъ, выдавались и выдаются за заграничные) предназначены для употребленія низшаго и средняго классовъ, и эти классы не въ состояніи пріобрѣтать дорогіе иностранные товары, вслѣдствіе существующей и безъ того высокой пошлины. Кромѣ того, стѣснится ввозъ необходимыхъ матеріаловъ для Россіи: желѣза, пряжи, красокъ и другихъ химическихъ продуктовъ, каменнаго угля и т. под., а это не выгодно для нашихъ фабрикъ. Сельское хозяйство также всегда испытываетъ на себѣ давленіе высокаго тарифа въ силу того, что стѣснится ввозъ продуктовъ скотоводства. Можно добавить еще одно: при возвышеніи пошлины многіе товары поступаютъ на русскій рынокъ раньше обыкновеннаго и должны долго дожидаться покупщиковъ: на этомъ основаніи, къ ихъ цѣнности, кромѣ курсовой переплаты, причисляются еще проценты за то время, которое они пролежали у продавца. Эта послѣдняя невыгода въ данное время нѣсколько смягчена тѣмъ, что объявленіе о надбавкѣ вышло довольно поздно, и иностранные импортеры не успѣли до новаго года доставить въ Россію желаемаго количества товаровъ.

Такимъ образомъ, косвенные налоги составляютъ главную, хотя и не очень надежную опору нашего финансоваго строя. Въ пользу ихъ можно сказать, во-1-хъ то, что они захватываютъ лишь немногіе предметы потребленія, притомъ потребленія не необходимаго; во-2-хъ— акцизы имѣютъ сходство и съ подоходными налогами, такъ какъ тутъ каждый платитъ изъ своего потребленія, изъ расхода, сообразно дохо-

ду и своему положенію, какое позволяетъ ему сдѣлать этотъ расходъ; наконецъ, акцизъ уплачивается добровольно, просто, незамѣтно. Съ другой стороны, въ исторіи русскихъ косвенныхъ налоговъ замѣчается упорное зло: повсемѣстныя уклоненія, обходы, тайный сбытъ, корчемство и т. п. явленія, которыя, къ сожалѣнію, находятъ себѣ сочувствіе и поддержку въ обществѣ. Въ виду такой реакціи, надо быть весьма осторожнымъ при этихъ сборахъ, а, главное, надо озаботиться улучшеніемъ контрольной части. Улучшеніе это возможно только тогда, когда на мѣста наблюдателей будутъ назначаться лица съ высшимъ образованіемъ, которые теперь часто не знаютъ, куда дѣться, и избираютъ профессіи, вовсе несоотвѣтствующія ихъ научной подготовкѣ.

Гербовый сборъ предположенъ въ 14 м. 175 т., на 1 м. 357 т. болѣе прошлаго года; кромѣ того, судебныя и канцелярскія пошлины —въ 8 м. 385 т., или на 1 м. 068 т. болѣе, въ виду возрастанія этихъ сборовъ въ послѣдніе годы. Хотя это возрастаніе и доказываетъ развитіе общественной дѣятельности, но, съ другой стороны, высокія пошлины сильно тормазятъ мелкія сдѣлки и разныя небольшія предпріятія, что въ свою очередь задерживаетъ обороты. Но и въ этой сферѣ изобрѣли способы обходить законъ, такъ-что подобныя возвышенія финансовыхъ нормъ для небольшихъ объектовъ имѣютъ отчасти деморализующее вліяніе. Область изъятій и льготъ постепенно съуживается, что и вызываетъ реакцію въ публикѣ. Правда, при спекулятивномъ настроеніи нашего рынка гербовые сборы должны увеличиться, несмотря на обходы. Но увеличеніе это идетъ не такъ быстро, какъ въ другихъ государствахъ, такъ-какъ у насъ и капиталы обращаются медленнѣе, и вексельный кредитъ не такъ устойчивъ.

Паспортный сборъ исчисленъ въ 3 м. 342 т., на 442 т. болѣе прошлаго года; на самомъ дѣлѣ, цифра эта гораздо выше, если причислить мѣстные паспортные поборы, не считая косвенныхъ убытковъ. Вообще сборъ имѣетъ характеръ поголовнаго налога; превратный по самому существу своему, для Россіи онъ особенно неудобенъ въ виду широкаго развитія отхожихъ промысловъ въ связи съ передвиженіемъ сотенъ тысячъ рабочаго люда. Казна получаетъ свои $3^1/_2$ м. р., вводя населеніе въ убытокъ вдесятеро большій. Выдача паспортовъ изъ сельскихъ обществъ сопряжена съ вопіющими поборами и притѣсненіями; изъ-за паспорта рабочій нерѣдко теряетъ $^1/_4$ всего годового заработка, что, разумѣется, невыгодно отражается на его податной способности, слѣдовательно, и на государственныхъ доходахъ. Люди, занятые вдали отъ своей родины, нерѣдко проживаются цѣлые мѣсяцы безъ работы въ ожиданіи высылки паспорта

изъ волости, которая не во всѣхъ случаяхъ можетъ похвалиться аккуратностью. Не говоримъ уже о томъ, что паспортная система даетъ поводъ къ массѣ ненужныхъ, мелочныхъ и обременительныхъ процессовъ, отвлекающихъ судъ и администрацію отъ болѣе существенныхъ обязанностей.

Сборъ съ желѣзно-дорожныхъ пассажировъ и съ багажа вычисленъ въ 8 м. 300 т., на 300 т. болѣе прошлаго года. Сборъ этотъ, самъ по себѣ неважный на ряду другихъ сборовъ, крайне неудобенъ для рабочаго класса при нашихъ разстояніяхъ, ибо поглощаетъ большую долю заработка; притомъ, благодаря этому сбору, и казна должна терять значительную долю того, что получаетъ; именно, желѣзно-дорожныя общества, указывая на вызванное этимъ налогомъ уменьшеніе числа пассажировъ, ergo и ихъ дохода, могутъ потребовать большей приплаты отъ казны по гарантіямъ; такой маневръ понятенъ тому, кто знаетъ, насколько вѣрны дѣйствительности наши желѣзно-дорожные отчеты. При теперешнихъ, ненормальныхъ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ къ государству, едва-ли можно оправдать существованіе этого налога.

Почтовый доходъ вычисленъ въ 14 м. 060 т., а телеграфный въ 7 м. 096 т.; первый на 684 т., а второй на 100 т. р. болѣе противъ прошлаго года, въ виду постояннаго въ послѣдніе годы возрастанія этихъ сборовъ, съ принятіемъ въ разсчетъ временнаго уменьшенія телеграфнаго дохода, вслѣдствіе пониженія въ текущемъ году телеграфной платы за депеши. Противъ правильности этого сбора ничего возразить нельзя. Наше правительство поступаетъ въ отношеніи почтъ весьма раціонально и даже приноситъ такія жертвы, какихъ не бываетъ въ другихъ странахъ: такъ, оно приплачиваетъ $6^1/_2$ м. р. въ годъ за содержаніе на станціяхъ лошадей для почтъ и проѣзжающихъ. Почтовый доходъ могъ бы быть еще больше, если бы не мѣшали: 1) недостаточное число почтовыхъ станцій; 2) затрудненія при пересылкѣ и полученіи мелкихъ суммъ денегъ, что подаетъ поводъ къ уклоненіямъ, довольно рискованнымъ (пересылка денегъ въ простыхъ и заказныхъ письмахъ); 3) наша почта еще не успѣла внушить публикѣ полнаго довѣрія, почему деньги и болѣе важныя письма зачастую посылаются съ оказіей; 4) неустройство путей и частыя задержки, особенно въ сношеніяхъ съ окраинами, что сильно вредитъ болѣе дѣятельному почтовому обмѣну. Доходъ телеграфнаго вѣдомства могъ бы быть еще выше, если бы не высота тарифа. Пора уже подумать о его пониженіи, чтобы телеграфы, какъ и почты, явились проводниками производительныхъ сношеній.

Что касается казенныхъ имуществъ, то они даютъ государству очень мало, несмотря на ихъ неизмѣримость; доходъ съ казенныхъ

земель и лѣсовъ малъ до смѣшного; раздача этихъ имуществъ въ даровой надѣлъ тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, которымъ приходится тѣсно, и которыя стремятся оставить свои родныя поля и идти въ землю обѣтованную—въ степи, на Амуръ, принесла бы казнѣ гораздо больше: этимъ путемъ она пріобрѣтетъ лишнихъ плательщиковъ; во-вторыхъ, земли, лежащія втунѣ, становятся культурными, производительными; вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть прекращено окончательно даровое пожалованіе и продажа за безцѣнокъ казенныхъ имуществъ разнымъ лицамъ. Горное дѣло приноситъ казнѣ также весьма мало. Обиліе минераловъ въ Россіи даетъ поводъ всѣмъ патріотамъ считать ее одной изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ; на эти богатства возлагаются большія надежды и публицистами, и коммерсантами, и чиновниками; на эти богатства, сокрытыя въ нѣдрахъ россійской земли, возлагалъ большія надежды бывшій министръ Грейгъ. Доходъ казны отъ горныхъ промысловъ, кромѣ сборовъ съ частныхъ заводовъ, получался, главнымъ образомъ, въ видѣ регаліи; теперь начало регальности пошатнулось, и казна постепенно передаетъ свои заводы въ частныя руки, тѣмъ болѣе, что казенный способъ неудобенъ и съ точки зрѣнія науки, и на практикѣ, ибо здѣсь не хватаетъ главнаго экономическаго стимула—собственнаго интереса. Казенные промыслы стали отдаваться частнымъ лицамъ для разработки по пониженной платѣ, безсрочно; съ усиленіемъ производительности они послужатъ источникомъ новыхъ прямыхъ налоговъ. Потому-то казна должна постепенно отчуждать свои имущества въ руки наиболѣе производительнаго класса населенія и создавать такимъ образомъ новые объекты государственныхъ доходовъ; подобная система принесла хорошіе плоды во Франціи. У насъ эта система должна быть соединена съ ограниченіемъ по отношенію къ лѣсамъ, въ виду ихъ общественной важности. Казна въ послѣднее время стала охотно продавать лѣса; продажа лѣсовъ оказалась убыточною для народнаго хозяйства, а это не могло не отразиться и на государственномъ хозяйствѣ. Скупаются казенные лѣса, по большей части, такими пріобрѣтателями, которые стараются какъ можно скорѣе вернуть капиталъ съ большими процентами, и въ результатѣ — обезлѣсеніе многихъ мѣстностей, обмеленіе рѣкъ, неправильное направленіе вѣтровъ, засухи, дороговизна топлива и другія напасти. Конечно, и расширеніе лѣсной регаліи не представляется особенно желательнымъ, тѣмъ болѣе, что казенное управленіе лѣсами не принесло пока ожидаемыхъ, обильныхъ результатовъ; но продажа лѣсовъ весьма удобно могла бы быть замѣнена долгосрочной и даже наслѣдственной арендою съ обязательствомъ поучастковой вырубки, въ связи съ правильными лѣсосѣками. Отдача въ аренду даже за самую дешевую цѣну все-

таки должна доставить казнѣ гораздо болѣе, чѣмъ теперь; если же продавать участками,—то только крестьянскимъ обществамъ, а не частнымъ промышленникамъ, притомъ уступать съ тѣмъ же обязательствомъ; такое постепенное снабженіе крестьянъ лѣсомъ подниметъ ихъ экономическій уровень, а чрезъ это и государство косвеннымъ образомъ получитъ больше, чѣмъ теперешнія жалкія 5 коп. съ десятины. Кромѣ того, казенные лѣса много терпятъ отъ множества сервитутовъ, которые требуютъ ограниченія.

Русскія желѣзныя дороги составляютъ одно изъ самыхъ жгучихъ, больныхъ мѣстъ въ нашемъ хозяйственномъ организмѣ. Онѣ, какъ показалъ опытъ многихъ лѣтъ, совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію; государство получаетъ съ нихъ около $1\frac{1}{2}$ м. р. чистаго дохода въ то время, какъ въ рукахъ его находится около 85% всѣхъ желѣзно-дорожныхъ бумагъ; желѣзно-дорожныя же общества получаютъ 60—65 м. р. и болѣе, имѣя въ своемъ владѣніи только 15% всего количества акцій и облигацій; это превратное, почти невѣроятное явленіе объясняется тѣмъ, что 1) въ рукахъ казны осталась масса бумагъ бездоходныхъ и убыточныхъ; 2) большая часть казенныхъ доходовъ должна идти на доплату по гарантіямъ, т.-к. сумма гарантированныхъ процентовъ составляетъ до 85% всей процентной суммы, гарантію же получали тѣ общества, которыя не могли разсчитывать на значительный доходъ отъ движенія. Притомъ, правленія этихъ обществъ часто стараются тормазить движеніе по ихъ линіи, чтобы послѣдняя дала какъ можно меньше дохода, и чтобы такимъ образомъ получить казенные проценты, особенно важные для учредительскихъ акцій. Такимъ образомъ, и правительственная приплата, и желѣзно-дорожный долгъ государству ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и его надо считать болѣе милліарда рублей серебромъ; по этому долгу казна получаетъ не болѣе 2%, что для Россіи очень мало. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ биржевая цѣна облигацій, и правительство теряетъ вдвойнѣ. На 1881 г. платежей по желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ ожидается на 7 м. 385 т. менѣе, главнымъ образомъ въ виду ослабленія товарнаго движенія вслѣдствіе неурожая, а поступленія въ возвратъ ссудъ на 1 м. 429 т. р. менѣе, преимущественно по статьѣ поступленій слѣдующихъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ счетъ гарантіи чистаго дохода, въ виду значительнаго упадка сборовъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего по нѣкоторымъ дорогамъ чистаго дохода вовсе не ожидается, а по другимъ, если таковой и будетъ, то онъ будетъ подлежать обращенію въ запасные капиталы обществъ. Въ связи съ этимъ надо ожидать усиленной доплаты по гарантіямъ, которая поглотитъ и чистый доходъ правительства, и прихватитъ если не весь, то часть пассажирскаго налога. Это будетъ

понятно, если посмотримъ на цифры эксплуатаціи въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ.

За послѣдніе 3 года послѣ войны, за періоды 1-го января—1-е ноября:

	Длина ж. д. №	Перевезено пассажировъ (безъ воинск. чиновъ).	Товаровъ.	Выручено всего.	На версту.
1878 . .	20,083	25,368 т.	1.670,737 т. п.	176,5 м. р.	8,982 р.
1879 . .	21,101	25,256	1.739,810	170,6	8,267
1880 . .	21,226	25,569	1.614,336	151,4	7,140

Такой упадокъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ явленіе довольно знаменательное; оно одно должно вызвать энергію въ проведеніи экономическихъ улучшеній.

Кромѣ того, въ нашъ доходный бюджетъ вносятся и такія статьи, которыя не составляютъ собственно дохода, а получаются казною отъ казенныхъ же мѣстъ; внесеніе ихъ оправдывается требованіями большей ясности смѣты.

Общая сумма государственныхъ доходовъ, почти не превышающая дохода 1880 г., со временемъ, по мѣрѣ проведенія указанныхъ здѣсь мѣропріятій, должна возрастать; пока можно ограничиваться экономіей какъ въ расходахъ, такъ и въ доходахъ, дабы не обременять платежныхъ силъ низшаго класса. Болѣе существенныя измѣненія—въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ. Съ 1-го января текущаго года министерство финансовъ разумно ограничилось слѣдующими мѣропріятіями: отмѣна соляного налога, взамѣнъ котораго постановлено: 1) взимать съ 1-го января 1881 г. дополнительный 10% сборъ съ каждаго рубля таможенныхъ пошлинъ, причитающихся съ товаровъ, 2) взимать въ двойномъ размѣрѣ платежи съ иностранныхъ товаровъ, поступающихъ въ казенныя при таможняхъ помѣщенія, и 3) ввести дополнительный сборъ съ торговыхъ документовъ.

Въ смѣтахъ отдѣльныхъ министерствъ государственные расходы на 1881 г. были исчислены довольно щедро; всего выходило 719 м. 887 т. р. Затѣмъ, было убавлено 32 м. 861 т., прибавлено вновь 26 м. 435 т., такъ что все уменьшеніе—6 м. 426 т., и расходный бюджетъ утвержденъ въ суммѣ 713 м. 462 т., не считая 4 м. р., назначенныхъ на недоборъ доходовъ.

Болѣе крупныя увеличенія расходовъ: 15 м.—на заготовку провіанта, морской и особой провизіи, $4^1/_2$ м. на проценты по вновь выпущеннымъ консолидированнымъ облигаціямъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, $5^1/_2$ м.—на платежи по государственнымъ займамъ. Болѣе замѣтныя уменьшенія расхода: до 9 м.—на изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей и на устройство портовъ; $8^1/_2$ м.—на военныя приго-

товленія; до $4^1/_2$ м.—на строительныя работы военно-инженернаго вѣдомства; затѣмъ до $4^1/_2$ м. на работы по водянымъ и шоссейнымъ сообщеніямъ и на пособіе желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи дохода.

Такъ какъ расходы государства выражаютъ его экономическое и политическое состояніе, притомъ у насъ къ этимъ расходамъ пріурочиваются и государственные доходы, то здѣсь интересно прослѣдить движеніе главныхъ статей расхода по смѣтнымъ росписямъ за послѣднія 5 лѣтъ:

	(Въ милл. рубл.).					Увелич. за 5 лѣтъ.	
Защита госуд-ва:	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	абсол.	относ.
Военн. и морск. силы	207,0	210,5	212,0	223,2	239,7	+ 32,7 м.	+ 15,9%
Госуд. хозяйство:							
Финансы и контроль.	91,2	95,8	96,5	99,1	105,9	+ 14,7 м.	+ 16,2%
Госуд. долгъ . . .	108,3	133,7	156,6	171,5	193,3	+ 85 м.	+ 78,7%
Пути сообщ. . . .	18,6	23,2	20,4	24,5	25,4	+ 6,8 м.	+ 36,6%
Гос. имущ. и конноз.	19,2	18,3	19,7	19,9	20,4	+ 1,2 м.	+ 6,3%
Внутр. администрація:							
Минист. внутр. дѣлъ.	53,2	54,1	56,9	57,5	59,7	+ 6,5 м.	+ 12,2%
Народн. образ. . .	15,7	16,0	16,3	16,8	17,4	+ 1,7 м.	+ 10,8%
Судъ	14,5	15,4	15,8	16,7	16,8	+ 2,3 м.	+ 15,9%
Духовное вѣдомство.	10,1	10,1	10,2	12,1	12,1	+ 2 м.	+ 20%
Высшія учрежденія.	11,0	11,2	11,6	11,6	10,9	—	—
Управл. кавказ. края	7,2	6,9	7,4	8,0	8,2	+ 1 м.	+ 13,8 м.
Внѣшнія сношенія.							
Иностр. дѣла . . .	3,0	3,1	3,4	3,4	3,6	+ 0,6 м.	+ 28%
	558,7	598,4	626,6	664,	713,5	+154,8 м.	+ 27,7%

Самое большое увеличеніе выпало на расходы менѣе желательные, на уплату процентовъ по долгамъ, на военные расходы, на постройку желѣзныхъ дорогъ; менѣе всего увеличились такіе производительные расходы, какъ на народное образованіе. Изъ всего бюджета 1881 г.—433 м. р. (60,7%) назначено на военное дѣло и на долговые платежи; 232 м. р. (32,5%) на администрацію (въ обширномъ смыслѣ), и до 50 м. р. (6,8%) на собственно-производительные предметы (училища, межевая и врачебная часть, содержаніе дорогъ, регулированіе рѣкъ, лѣсоустройство и т. п.).

Процентное отношеніе важнѣйшихъ статей за то же время таково:

	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.
Военно-мор. силы	37,1	34,8	33,8	33,6	33,6%
Государственный долгъ . .	19,4	22,0	25,0	25,8	27,1
Администрація и судъ . .	33,0	33,3	31,5	30,9	30,0
Пути сообщенія	3,6	3,8	3,3	3,7	3,5
Государствен. имущества .	3,7	3,0	3,2	3,0	2,9
Народное образованіе . . .	2,7	2,6	2,7	2,5	2,4
Иностранныя дѣла	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
			100		

Относительно преобладающее мѣсто занимаетъ болѣе и болѣе государственный долгъ. На военное дѣло и на долговыя выплаты назначено 69% доходнаго бюджета (433 м. р. изъ 628 м. р.), т.-е. изъ каждаго получаемаго рубля казна отдаетъ 69 к. на уплату долговъ и на охраненіе, 34 к. на управленіе и только 7 к. на производительные расходы, содѣйствующіе развитію государственной жизни. Въ бюджетѣ частнаго лица такая пропорція способна повергнуть въ уныніе и отчаяніе; государственное же хозяйство, какъ органическая совокупность частныхъ хозяйствъ, подчиняется тѣмъ же экономическимъ законамъ, какъ и эти послѣднія.

Надо замѣтить, что военные расходы входятъ также и въ смѣты другихъ невоенныхъ вѣдомствъ; такъ, въ смѣтѣ министерства финансовъ значится 2 мил. 745 тыс. на расходы по призыву и пріему на службу въ войска; въ смѣтѣ министерства государственныхъ имуществъ 3 мил. 401 т. на орудія, снаряды и металлы, приготовляемые на горныхъ заводахъ для министерствъ военнаго и морского; въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 1 мил. 650 т. на мѣстныя военныя потребности въ губерніяхъ царства польскаго; въ смѣтѣ оборотныхъ расходовъ 3 мил. 417 т.—на приготовленіе на казенныхъ горныхъ заводовъ металловъ и издѣлій, отпускаемыхъ вѣдомствамъ военному, морскому и путей сообщеній. Есть и другіе, болѣе мелкіе, расходы, которые косвенно относятся къ военному дѣлу, а попали въ смѣты не-военныя. Мало того—натуральная воинская повинность, помимо казенныхъ расходовъ, обходится народу очень дорого. Въ виду всего этого новое министерство финансовъ какъ нельзя болѣе кстати указало на необходимость сокращенія военныхъ расходовъ и поставило этотъ вопросъ на первую очередь. Сокращеніе это, если хорошо вникнуть въ дѣло, — весьма возможно; не говоримъ о томъ, насколько возможно распустить часть войскъ, стоящихъ на постоѣ, согласно Высочайше утвержденной нормальной дислокаціи, во внутреннихъ губерніяхъ,—объ этомъ лучше судить спеціалистамъ военнымъ и дипломатамъ,—но можно сдѣлать сокращеніе въ предѣлахъ существующихъ назначеній, напримѣръ—въ отопленіи, въ постройкѣ амуниціи и разныхъ вещей, въ продовольствіи и т. п.; можно для этого измѣнить подрядный способъ и отдавать работы по возможности въ первыя руки, а не барышникамъ.

Въ росписи 1881 г. по 14 статьямъ расходы увеличены противъ 1880 г. на 49 мил. 640 т., а по 4 статьямъ уменьшены на 134 т. р.

Самое большое увеличеніе—платежи по государственному долгу—на 21 мил. 801 т. р., съ одной стороны, отъ внесенія въ роспись $7^1/_2$ мил. на проценты по 2-му купону III восточнаго займа, 9 мил. 278 т. на платежи по 6-му выпуску консолидированныхъ желѣзно-

дорожныхъ облигацій, затѣмъ 3 мил. 908 т., вслѣдствіе исчисленія платежей по внѣшнимъ займамъ по курсу 25 пенс. вмѣсто 26-ти, а за округленіемъ по $1^1/_2$ р. кред. за рубль металлическій, набавлено $1^1/_2$ мил. на платежи по $4^0/_0$ металлическимъ билетамъ государственнаго банка; съ другой стороны—уменьшены, но немного, платежи по нѣкоторымъ займамъ: такимъ образомъ, придется выплатить до $5^1/_2$ мил. р. лишнихъ, благодаря удешевленію нашего кредитнаго рубля на 1 пенсъ.

По военному министерству все увеличеніе расходовъ—на 17 мил. 48 т. Прибавилось 18 м. 682 т. на провіантъ и приварокъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, которое выяснилось на торгахъ; 2 мил. 265 т. лишнихъ на денежное довольствіе войскъ, 997 т. на строительные расходы, 887 т. на помѣщенія, 1 мил. 340 т. на расходы по туркестанскому генералъ-губернаторству; уменьшились на 8 мил. 19 т. расходы по обмундированію и снаряженію вслѣдствіе зачета запасовъ, имѣющихся въ военномъ вѣдомствѣ. Весь расходъ на провіантъ и приварокъ разсчитанъ въ 55 мил. 653 т., а на фуражъ въ 19 мил. 800 т.; крупная цифра эта должна неопредѣленно возрастать, если не повысится денежный курсъ.

По министерству финансовъ увеличеніе на 7 мил. 202 т. преимущественно отъ увеличенія на 3 мил. 400 т. пособій желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи, на 243 т. пособій разнымъ вѣдомствамъ и акціонернымъ обществамъ, на 257 т. пенсій и пособій, на 502 т. расходовъ по заготовленію государственныхъ бумагъ, на 824 т. отъ внесенія въ роспись новаго расхода на изъятіе изъ обращенія мѣдной монеты стараго чекана, на 260 т. р. кормовыхъ денегъ и фуражнаго довольствія пограничной стражи, на 694 т. на приплату курсовой разницы при размѣнѣ денегъ на финскія марки.

Вообще, вслѣдствіе низкаго курса, почти всѣ государственные расходы, какъ производимые въ кредитной валютѣ, возрасли.

Весь расходъ—674 мил. 726 т. на 51 мил. 205 т. менѣе противъ прошлаго года; доходъ 1881 г. меньше расхода на 50 мил. 356 т. этотъ дефицитъ предположено покрыть изъ желѣзно-дорожнаго фонда. На недоборъ же доходовъ назначено 4 мил. р., что нельзя не признать довольно скромнымъ ожиданіемъ, такъ какъ результаты современныхъ тугихъ обстоятельствъ еще не всѣ выразились, а должны еще отозваться и въ 1881 году, который начался при подавленныхъ курсахъ, при пассивномъ положеніи торговли и промышленности и при множествѣ обычныхъ бѣдствій, посѣщающихъ Россію.

Сопоставленіе государственныхъ расходовъ и доходовъ за послѣднія 5 лѣтъ представляетъ слѣдующее:

(въ мил. рублей)

	Доходы.	Расходы.	Дефицитъ.	Излиш.
1877	538	559	—21	
1878	600	598	—	+2
1879	629	627	—	+2
1880	666	664	—	+2
1881	667	717	—50	

Если же присовокупить разные сверхсмѣтные и экстраординарные расходы, то дефицитъ придется считать не въ одну сотню милліоновъ. Странное повтореніе въ теченіи трехъ лѣтъ сподрядъ двух-милліоннаго излишка отчасти указываетъ на искусственное сведеніе государственнаго баланса.

Государственные долги Россіи растутъ, какъ снѣжный комъ, и въ нѣсколько разъ превышаютъ государственный доходъ. Что́ сказали бы о частномъ лицѣ, у котораго, положимъ, долговъ было бы въ 6 разъ болѣе, чѣмъ его ежегоднаго дохода. По государственной кредитной смѣтѣ къ 1 январю 1881 г. числится долговъ: — 82 мил. 495 т. гульденовъ, или, по теперешнему курсу 126 цент. за рубль— 64 мил. 346 т. р. кредит.; фунтовъ стерлинговъ—113 мил. 28 т., или по курсу 25 пенс.,—1078 мил. 217 т. р.; франковъ 563 мил. 204 т., или по курсу 264 сант. за рубль—214 мил. 246 т. р., и серебряныхъ рублей 1,905 мил. 522 т., или, считая серебряный рубль въ 151 коп. бумажныхъ, получимъ 2,877 мил. 338 т. р., а всего 4,234 мил. 177 т. бумажныхъ рублей; такимъ образомъ, въ отношеніи государственнаго кредита мы догоняемъ другія просвѣщенныя страны. Этотъ прогрессъ будетъ еще очевиднѣе, если къ означенной цифрѣ добавить другіе долги, не помѣщаемые въ смѣтѣ по государственному кредиту; таковы безпроцентный долгъ по государственнымъ кредитнымъ билетамъ, долгъ по выкупнымъ обязательствамъ, банковые билеты спеціальныхъ выпусковъ и долги государственнаго казначейства государственному банку по текущимъ расходамъ и по ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій. Вообще, перечень русскихъ государственныхъ долговъ занимаетъ длинную страницу. Къ 1881 г. главныя смѣтныя категоріи представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

	Гульд.	Фун. стер.	Фран.	Руб. сер.	Всего, мет. руб.	Всего, бум. руб.
Внѣшніе долги { срочные. . .	82,5	25,6	—	8,6	213,2	321,9
Внѣшніе долги { безсрочные.	—	19,0	—	124,2	244,1	368,8
Внутренніе	—	—	—	1622,7	1622,7	2450,2
Уплаты, подлежащ. возврату отъ общ. ж. дор.	—	68,4	563,8	150,0	723,9	1093,2
Итого	82,5	113,0	563,8	2905,5	2803,9	4234,1

Сопоставляя всѣ долги въ бумажной валютѣ, получимъ

1. Долги по смѣтѣ государственнаго кредита къ 1 январю 1881 г. 4234,1 мил. р.
2. Выкупныя бумаги . . . . 420,8 „ „
3. Государственные кредитные билеты къ 1 декабря 1880 г. . . 1132,5 „ „
4. 5% банковые билеты . . . . 182,7 „ „
5. Долги государственнаго казначейства государственному банку . 478,1 „ „

Категоріи 1 и 3 обезпечены общими средствами государства, а 2, 4 и 5—спеціальными, почему и могутъ быть названы долгами спеціальнаго обезпеченія.

Интересно прослѣдить исторически движеніе государственнаго долга въ серебр. рубляхъ по пятилѣтіямъ; при этомъ долги „спеціальнаго обезпеченія", не имѣющіе прямого отношенія къ бюджету, можно и не считать:

Къ 1 янв.	Въ милліардахъ рублей. Государств. займы.	Ассигн.	Кредитн. билет.	Всего.	Гос. доходъ по смѣтн. росписямъ.	Отнош. гос. долга къ доходу, какъ единицѣ.
1816	0,09	—	—	0,09	0,11	0,8
1821	0,13	0,64	—	0,77	0,11	6,4
1826	0,2	0,6	—	0,8	0,12	6,6
1831	0,21	0,6	—	0,81	0,12	6,7
1836	0,28	0,6	—	0,88	0,16	5,5
1841	0,29	0,6	—	0,89	0,18	4,9
1846	0,31	0,19	0,19	0,69	0,21	3,3
1851	0,47	—	0,3	0,77	0,22	3,5
1856	0,64	—	0,51	1,15	0,35	3,3
1861	0,79	—	0,71	1,5	0,41	3,6
1866	1,45	—	0,65	2,1	0,35	6,0
1871	1,47	—	0,75	2,22	0,51	4,4
1876	1,74	—	0,8	2,54	0,56	4,5
1881	2,8	—	1,13	3,93	0,63	6,3

Въ послѣднія 25 лѣтъ государственные займы возрасли въ 4½ раза, а выпуски кредитныхъ билетовъ въ 2¼ раза, отношеніе къ бюджету сдѣлалось менѣе благопріятнымъ.

Платежи по смѣтному государственному долгу опредѣлены въ 193 м. 337 т. р., что составляетъ 4,57% общей долговой суммы, остающейся къ 1 января 1881 года.

Русскіе займы не всегда, а въ послѣднее время рѣдко заключались на выгодныхъ условіяхъ. Правительство наше вынуждалось платить высокіе проценты и никогда не прибѣгало къ уменьшенію процентовъ (Zinsreduction), что допускается финансовою наукою, какъ логическое послѣдствіе общаго пониженія процентовъ въ странѣ съ развитіемъ ея экономическаго строя. Кромѣ того, такая подвижность процента полезна и для кредита, ибо, соразмѣряя процентъ

съ движеніемъ учета, можно, при недостаткѣ свободныхъ денегъ, задержать востребованіе вкладовъ, а черезъ это вкладная операція получитъ болѣе прочности относительно кредитныхъ билетовъ.

Невыгодность русскихъ займовъ усиливается еще тѣмъ, что большая часть ихъ помѣщена заграницей. Кромѣ того, Россія не могла ввести у себя рентныхъ займовъ, столь удобныхъ и выгодныхъ во Франціи. Такая вѣчная рента избавляетъ отъ необходимости погашать старые займы путемъ заключенія новыхъ въ неблагопріятное время, какъ это практикуется и у насъ, и въ Австріи. Правда—эта форма займа предполагаетъ твердый кредитъ, но отчего не попытаться и у насъ новые внутренніе займы заключать въ видѣ ренты.

Билеты государственнаго казначейства, или серіи представляютъ крупный текучій долгъ государства, въ 216 м. р. Долгъ этотъ неудобенъ какъ по своей цифрѣ, такъ и по условіямъ обмѣна и обращенія. По настоящему, серіи должны бы быть процентными бумагами для удобнаго помѣщенія и храненія денегъ, а онѣ уклонились отъ своего назначенія и обратились въ процентныя бумажныя деньги. Такимъ образомъ, долгъ этотъ требуетъ новой формы, болѣе удобной. Измѣненіе это надо дѣлать постепенно, такъ какъ публика привыкла къ серіямъ и охотно помѣщаетъ въ нихъ свои деньги. Вмѣсто нихъ можно выпускать мелкія процентныя бумаги, въ родѣ англійскихъ, съ болѣе короткимъ срокомъ обмѣна, притомъ на меньшую сумму, чѣмъ выпущено серій.

Къ государственнымъ долговымъ обязательствамъ слѣдуетъ причислить и долгъ правительства по выданнымъ имъ выкупнымъ бумагамъ: въ выкупномъ дѣлѣ государство производило правильную операцію земельнаго кредита. Долгъ этотъ слѣдовало бы для ясности показывать въ смѣтѣ, чтобы видно было отношеніе государственнаго казначейства къ крестьянскому вопросу, тѣмъ болѣе, что это—обязательства крупныя, принятыя государствомъ и покрываемыя изъ особыхъ окладныхъ сборовъ съ крестьянъ.

Наконецъ, правильнымъ представляется присоединить къ государственнымъ долгамъ и вклады государственнаго банка, какъ государственнаго учрежденія.

Казначейство наше, задолжавшее до пяти милліардовъ, имѣетъ и своихъ должниковъ; ему должны до милліарда желѣзн.-дорожн. общества. Для развитія желѣзно-дорожной сѣти правительство давало ссуды посредствомъ выпуска облигацій, а затѣмъ принимало за себя жел.-дор. бумаги, производило авансы и т. п. Долгъ этотъ все росъ; проценты по этимъ бумагамъ уплачивались неакуратно, и недоимки далеко превышали цифру ежегодныхъ полученій казначейства съ желѣзныхъ дорогъ, авансы не погашались, ссуды не возвра-

щались, и правительство оказалось фактическимъ владѣльцемъ бóльшей части желѣзныхъ дорогъ, хотя и не получаетъ съ нихъ почти ничего; это, такъ сказать—embarras de richesse. Притомъ желѣзнодорожныя операціи ускользаютъ отъ государственнаго контроля. Такое ненормальное отношеніе могло бы кончиться съ передачею желѣзныхъ дорогъ въ руки казны; эта операція признается за лучшую и въ теоріи, и въ практикѣ западныхъ государствъ, гдѣ есть выработанное желѣзно-дорожное законодательство, хорошо подготовленные служащіе и тщательный государственный контроль. Въ Россіи такая передача въ данный моментъ едва ли удобна; сперва надо подготовить почву, издать подробный гражданскій и уголовный кодексъ для желѣзныхъ дорогъ, подчинить ихъ строгому контролю и отвѣтственности, установить наблюденіе за ихъ расходами; этому отчасти можетъ помочь дѣйствующая подъ предсѣдательствомъ гр. Баранова высшая коммиссія, которая, между прочимъ, подняла много вопросовъ и раскрыла массу вопіющихъ злоупотребленій.

Говоря о финансахъ, нельзя обойти вопросы о кредитныхъ билетахъ и о валютѣ, столь волнующіе наше отечество.

Кредитные билеты—тяжелый долгъ правительства, хотя и безпроцентный—обходятся странѣ очень дорого. Начать съ того, что бумажное денежное хозяйство вызываетъ нѣкоторое неравновѣсіе въ положеніи отдѣльныхъ классовъ населенія и сильное колебаніе цѣнъ въ разныхъ частяхъ страны. Расходы казны и частныхъ лицъ возрастаютъ съ каждымъ крупнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ; деньги дешевѣютъ, а товары дорожаютъ. Правда — выпуски эти въ Россіи отчасти оправдываются тѣмъ, что при переходномъ общественномъ хозяйствѣ отъ натуральнаго къ денежному, при развитіи промышленности и торговли потребность въ деньгахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, но и потребность эта имѣетъ предѣлъ; между тѣмъ, у насъ, несмотря на печальный примѣръ американскихъ green-backs съ принудительнымъ курсомъ, похожихъ на наши кредитки, выпущено сверхъ потребности, и такіе чрезмѣрные выпуски оказали подавляющее вліяніе на нашъ рынокъ. При принудительномъ курсѣ, какъ у насъ, цѣна благородныхъ металловъ и товаровъ поднимается соотвѣтственно паденію: уголъ паденія равенъ углу отраженія; появился лажъ на золото и серебро; такое положеніе дѣлъ существуетъ, кромѣ Россіи, въ Австріи, въ Соединенныхъ-Штатахъ и даже во Франціи. При этомъ всякій новый выпускъ бумажныхъ денегъ наноситъ ущербъ владѣльцамъ прежнихъ билетовъ, роняя стоимость послѣднихъ. Здѣсь интересно прослѣдить выпуски нашихъ кредитныхъ билетовъ съ самаго ихъ начала до послѣдняго времени по пятилѣтіямъ:

	Среднее годовое количес. (въ милл. р.).	Средній трехмѣсячн. курсъ на Лондонъ.	Металлическ. фондъ.	Отношеніе % фонда къ бум. деньгамъ.
1844—50	209,2	?	146,0	69%
1851—55	342,0	34,5	147,2	43
1856—60	672,1	36,3	144,7	22
1861—65	674,7	33,9	86,9	13
1866—70	680,7	—	112,7	16
1870—75	760,3	—	192,6	25
1876—80	992,7	25	167,6	16

Очевидно—съ умноженіемъ билетовъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія металлическаго, обезпечивающаго размѣнъ ихъ фонда, падаетъ денежный курсъ; въ 25 лѣтъ паденіе—въ полтора раза. Притомъ наши выпуски предназначались не для развитія торговли и промысловъ, не въ силу выразившихся потребностей хозяйственнаго оборота, а, главнымъ образомъ, для финансовыхъ цѣлей, такъ что для этихъ билетовъ не было соотвѣтственнаго эквивалента въ хозяйствѣ страны; такимъ путемъ умѣрялись, но не вполнѣ устранялись временныя финансовыя затрудненія, зато создавались затрудненія постоянныя. Такія затрудненія стали особенно проявляться въ 1875 г.; до того времени бумажные выпуски покрывались въ достаточной степени и металлическимъ фондомъ, и металлическими государственными облигаціями; кризисъ 1875 г. обнаружилъ неудобства этихъ выпусковъ; изъ металлическаго банковаго фонда вынималось золото для вывоза за границу, причемъ государственный банкъ продавалъ на соотвѣтственную сумму тратты на иностранную валюту; это вызвало уменьшеніе свободныхъ капиталовъ, вздорожаніе кредита, упадокъ цѣнъ процентныхъ бумагъ и вялость въ экономической дѣятельности—что стало обычнымъ явленіемъ, которое прекратится только съ улучшеніемъ валюты; это улучшеніе стало вопросомъ дня съ тѣхъ поръ, какъ обезцѣненіе бумажныхъ рублей повлекло за собою всеобщее вздорожаніе. Исторія русской валюты доказала, что потребность въ орудіяхъ обращенія сообразуется съ размѣрами торговыхъ оборотовъ и съ наличными средствами компенсаціи (т.-е векселей, чековъ, свидѣтельствъ казначейства и т. п.),—и что сумма оборотовъ всегда нѣсколько менѣе суммы наличныхъ цѣнностей; такъ напр., изъ недвижимости въ оборотъ поступаетъ ежегодно болѣе 2—3%, товары покупаются—продаются нѣсколько разъ, особенно въ Россіи, прежде чѣмъ дойдутъ до потребителя, такъ что одна и та же сумма денегъ можетъ служить для цѣлаго ряда оборотовъ. Въ западныхъ государствахъ отношеніе средствъ об-

ращенія къ общей суммѣ оборотовъ не велико: въ Англіи около 5%, Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Бельгіи около 10%, во Франціи—до 15%, въ Россіи, если принять сумму годового производства—конечно гадательно—въ 7000 м. р., болѣе 15%. Правда, въ Англіи можно обойтись съ небольшимъ количествомъ денегъ, ибо тамъ состоятельныя лица имѣютъ текущіе счеты у банкировъ и свои платежи производятъ ассигновками на нихъ; кромѣ того, тамъ дѣйствуетъ извѣстный Clearing-House; въ Россіи этого нѣтъ, и сумма денегъ должна быть значительнѣе. Но равновѣсіе между этой суммой и размѣрами оборотовъ все-таки необходимо, иначе надо разсчитывать на одно изъ двухъ: или на умноженіе оборотовъ, или на сокращеніе средствъ обращенія; но на значительное умноженіе оборотовъ въ Россіи разсчитывать нельзя, значитъ, остается второе. Теперь финансовыя и экономическія силы страны напряжены до nec plus ultra, а наводненіе рынка бумажными деньгами выталкиваетъ золото и серебро за границы, поднимаетъ цѣны на товаръ, понижаетъ курсъ, производитъ необезпеченность въ торговыхъ сдѣлкахъ и т. п., все это должно вызывать въ правительствѣ крайнюю осторожность и предусмотрительность въ финансовыхъ дѣлахъ. Русскія деньги встрѣчаютъ противодѣйствіе въ своемъ собственномъ изобиліи; при низкомъ курсѣ и государственный бюджетъ представляется въ другомъ свѣтѣ, государственные расходы возрастаютъ, доходы кажутся выше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; въ 50-хъ годахъ, при курсѣ на Лондонъ въ 38, бюджетъ въ 300 м. р. равнялся теперешнему бюджету въ 456 м. р.

Въ послѣднее время ко всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединился еще усиленный вывозъ золота заграницу. За послѣднія 20 лѣтъ движеніе благородныхъ металловъ въ заграничной торговлѣ Россіи по пятилѣтіямъ было таково (въ мил. руб.):

Годы.	Привезено.	Вывезено.	Излиш. выв.
1861—1865	25,9	172,9	147,0
1866—1870	81,0	88,2	7,2
1871—1875	63,6	82,5	18,9
1876—1880	55,1	170,4	115,3
	225,6	514,0	288,4

Отливъ въ 20 лѣтъ 288 мил. р.; въ тотъ же періодъ добыто золота до 40 т. п. и серебра до 20 т. п., всего на сумму около 550 мил. р.; слѣдовательно, за границу утекла половина этой суммы. Въ послѣднее время монета унесена по двумъ каналамъ: 1) прямымъ вывозомъ и 2) благодаря усиленному ввозу иностранныхъ товаровъ. Если это явленіе продолжится, то кромѣ кризиса промышленнаго можно ожидать и кризиса банковаго. Дѣло въ томъ, что при недо-

статкѣ монеты для заграничныхъ расплатъ, кредиторы банковъ постараются извлечь изъ нихъ монету для платежей вмѣсто подешевѣвшихъ кредитныхъ орудій; такимъ образомъ, начнется истребованіе депозитовъ, и кассы банковъ, разсчитанныя на обыкновенныя обстоятельства, будутъ поставлены въ затрудненіе; если же банки не выполнятъ всѣхъ обязательствъ, то пріостановится и реализація обязательствъ ихъ кліентовъ передъ третьими лицами. Такой кризисъ тѣмъ болѣе возможенъ, что курсъ упорно падаетъ, не смотря на то, что турецкая война давно окончилась, и вызванные ею острые симптомы понемногу сглаживаются. Это заставило наше правительство принять рѣшительныя мѣры для сокращенія числа денежныхъ знаковъ. Недавно обнародовано рѣшеніе погашать эти знаки путемъ выпуска особыхъ долгосрочныхъ обязательствъ, что̀ равносильно обращенію безпроцентнаго государственнаго долга въ процентный. Такое превращеніе, съ одной стороны, невыгодно, такъ какъ требуетъ большой жертвы отъ правительства, но съ другой замѣняетъ теперешнія 60-копѣечные рубли болѣе солидными и устойчивыми оборотными цѣнностями. Кромѣ того, этимъ путемъ можно постепенно приближаться къ твердой металлической единицѣ; мѣры же болѣе рѣшительныя и поспѣшныя могутъ не только ускорить уже назрѣвшій кризисъ, но и вызвать новый: быстрое упраздненіе кредитной валюты поведетъ къ возвышенію процентовъ по займамъ, къ упадку публичныхъ фондовъ и цѣнъ на товары, отъ чего потерпятъ и торговля, и земледѣліе, и промышленность, и казна. Если ужъ допускать болѣзненный переходный процессъ, то надо сдѣлать его менѣе чувствительнымъ, что̀ особенно важно для теперешняго труднаго періода. Пока самая рѣшимость возвысить курсъ и постепенныя мѣры, хотя и нанесутъ убытокъ кое-кому, зато поведутъ къ постепенному возрастанію внѣшняго кредита. Нужно только, чтобы извлеченіе кредитныхъ билетовъ производилось въ связи съ регулированіемъ серій и вкладовъ. Извлеченіе удобнѣе начать съ крупныхъ билетовъ, т.-к. мелкіе нужнѣе и полезнѣе для обращенія; затѣмъ, по извлеченіи нужнаго количества, оставшіеся билеты должны быть объявлены размѣнными de facto, а не de jure только, какъ теперь, и притомъ этотъ размѣнъ долженъ имѣть мѣсто немедленно по предъявленіи; затѣмъ, когда бумажныя деньги достигнутъ al pari, тогда только можно выпускать и звонкую монету, раньше же она не удержится въ обращеніи. Для новыхъ размѣнныхъ билетовъ должно быть установлено банковое покрытіе металлическимъ фондомъ и внутренними векселями; притомъ, чтобы не держать напрасно большой металлическій запасъ, можно часть его помѣстить въ солидныя заграничныя бумаги и векселя. Но это въ будущемъ; теперь же было бы полезно

выпускать свидѣтельства государственнаго казначейства, приносящія проценты; мѣра эта, не нарушая порядка въ денежномъ обращеніи, повела бы къ постепенному устраненію лажа на золото и предохраняла вмѣстѣ съ тѣмъ отъ кризиса. Нѣкоторые предлагали девольвацію, но послѣдняя, не устраняя неизбѣжныхъ жертвъ, требуетъ для своего успѣха измѣренія дѣйствительной цѣнности и покупательной силы русскихъ бумажныхъ денегъ; да и можно ли при этомъ прослѣдить движеніе лажа и цѣнъ во времени и пространствѣ? Кромѣ того, собственность всякаго рода должна испытать потрясеніе на всемъ обширномъ пространствѣ имперіи. И способъ постепеннаго поднятія бумажныхъ денегъ до металлической валюты требуетъ жертвъ, но жертвы эти не такъ велики и могутъ быть сдѣланы ради будущаго экономическаго и финансоваго равновѣсія.

Улучшеніе валюты можетъ быть облегчено также преобразованіемъ нашихъ кредитныхъ учрежденій, начиная съ государственнаго банка. Извѣстно, что теперь большіе выпуски бумажныхъ денегъ вредно дѣйствовали на кредитъ тѣмъ, что текущіе счеты увеличивались, и банки должны были платить по нимъ проценты, тогда какъ учетно-ссудная операція вовсе не прогрессировала въ той же мѣрѣ; банки эти только тогда могутъ съ выгодою утилизировать лишнее количество бумажныхъ денегъ, когда они будутъ чисто-оборотными, подобно, напримѣръ, шотландскимъ банкамъ; но для этого необходимо измѣнить теперешнее положеніе государственнаго банка. Послѣ возстановленія денежной единицы банкъ удобно можетъ быть обращенъ въ частное учрежденіе. Вслѣдъ за нимъ, должны получить новый видъ и другія кредитныя учрежденія; ихъ теперешнія наличныя силы очень ничтожны по сравненію какъ съ ихъ оборотами, такъ и съ потребностями въ кредитѣ; это чувствуется тѣмъ сильнѣе, что нашъ коммерческій кредитъ все развертывается, не взирая на кризисъ, на недовѣріе публики, на множество слабыхъ сторонъ банковой системы и т. п.

Такимъ образомъ, наши финансовыя реформы требуютъ времени, осторожности и точныхъ свѣдѣній объ экономическомъ состояніи внутри Россіи. Теперь пока умѣстны только экономія въ расходахъ, постепенное переложеніе податной тяжести на привилегированные классы, улучшеніе денежной единицы. Извлеченіе изъ обращенія лишней части бумажныхъ денегъ упрочитъ нашу валюту, а это поведетъ за собою удешевленіе главнѣйшихъ расходныхъ статей и избавитъ въ будущемъ отъ хроническаго дефицита. Откровенное слово объ этомъ дефицитѣ должно подѣйствовать успокоительно и убѣдить въ серьёзныхъ намѣреніяхъ министерства финансовъ; кромѣ того, новая смѣта радуетъ тѣмъ, что въ ней выражается стремленіе воздер-

жаться на будущее время отъ сверхсмѣтныхъ расходовъ и прямо рекомендуется сокращеніе непроизводительныхъ военныхъ расходовъ. При этомъ можно надѣяться, что на будущее время не будетъ имѣть мѣста слишкомъ усердное пользованіе государственнымъ кредитомъ въ формѣ серій, временныхъ займовъ и т. п.; новое министерство финансовъ выразило несомнѣнную рѣшимость озаботиться изысканіемъ постоянныхъ доходовъ, а слѣдовательно, не будетъ покрывать дефициты заключеніемъ новыхъ займовъ, равносильнымъ установленію новыхъ налоговъ; затѣмъ, съ преобразованіемъ нашихъ банковъ и съ развитіемъ болѣе свободной банковой системы, у насъ понемногу водворится столь полезная для оборотовъ система банковыхъ билетовъ, чековъ и др. обезпеченныхъ оборотныхъ цѣнностей; самое движеніе этихъ цѣнностей будетъ свободнѣе съ улучшеніемъ денежной системы, съ перемѣною торговаго и банковаго законодательства, съ улучшеніемъ желѣзно-дорожнаго дѣла и пр.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 января, 1881.

Назадъ или впередъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ въ послѣдній разъ, прошло два мѣсяца, и за это время, повидимому, произошло очень мало новаго. Пренія въ палатѣ депутатовъ, прекратившіяся передъ Рождествомъ и возобновившіяся въ началѣ этого мѣсяца, не представляютъ почти никакого интереса,—по крайней мѣрѣ, для другихъ государствъ. Кажется, будто вся политическая кровь вытекла изъ жилъ собранія. Разумѣется, при обсужденіи бюджета, не обошлось безъ нѣсколькихъ оппозиціонныхъ рѣчей; да и теперь спорятъ еще о томъ, будетъ ли принято или нѣтъ предложеніе правительства объ уменьшеніи прямыхъ налоговъ на сумму около 15-ти милліоновъ; предложеніе, посредствомъ котораго правительство думаетъ исполнить, въ извѣстной мѣрѣ, свои прежнія обѣщанія, что податная реформа Бисмарка повлечетъ за собою только перераспредѣленія, а не увеличеніе налоговъ. Именно, возбуждаетъ сомнѣніе вопросъ о дефицитѣ въ бюджетѣ, и многіе депутаты, согласно своимъ взглядамъ на правильное народное хозяйство, считаютъ невозможнымъ допустить уменьшеніе налоговъ для одной части населенія и, такимъ образомъ, сдѣлать для нея подарокъ; тогда какъ для другой части придется или увеличить налоги, или сдѣлать новый заемъ. Но, какъ это часто случается, пренія потеряли свой острый характеръ еще прежде, чѣмъ вопросъ подвергся общему обсужденію. Не дѣлая прямого упрека правительству, можно, однако, сказать, что это предложеніе было политическою уверткой. Не будь его, правительство могло бы на ближайшихъ выборахъ навлечь на себя со стороны либеральной партіи обвиненіе въ неисполненіи своихъ обѣщаній и, такимъ образомъ, дать ей въ руки сильное оружіе противъ себя. Теперь же противники его очутились въ затруднительномъ положеніи; если они отклонятъ правительственное предложеніе, то это покажется съ ихъ стороны нежеланіемъ облегчить судьбу бѣднѣйшихъ классовъ. До сихъ поръ, какъ я уже сказалъ, переговоры по этому поводу между отдѣльными партіями, всегда предшествующіе общему обсужденію, не привели ни къ какому опредѣленному результату, и весьма возможно, что въ послѣднюю минуту будутъ жаркія пренія, такъ какъ на этихъ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента будетъ возбужденъ

важный вопросъ о ближайшихъ выборахъ, вопросъ, который уже теперь господствуетъ надъ всѣми остальными. Положеніе правительства по отношенію къ центру, къ ультрамонтанской партіи не измѣнилось существенно; если въ началѣ сессіи ультрамонтанская партія и выступила, по своему обыкновенію, довольно рьяно противъ правительства, то въ послѣднее время депутатъ Виндгорстъ старался избѣгать всего, что̀ могло повести къ столкновенію между его партіей и правительствомъ; теперь онъ выступилъ съ предложеніемъ, которое, повидимому, преслѣдуетъ мирную цѣль, но со стороны другихъ и можетъ быть правительственныхъ партій, будетъ, пожалуй, принято за желаніе эскамотировать, въ извѣстной степени, майскіе законы. А именно, Виндгорстъ предложилъ, чтобы церковные обряды —служеніе мессы и причащеніе — не подлежали уголовнымъ законамъ.

Безъ сомнѣнія, найдется много благомыслящихъ и благоразумныхъ людей, которые считаютъ возможнымъ предоставить полную свободу этимъ двумъ религіознымъ обрядамъ, такъ какъ ни одно постановленіе въ послѣднее время не производило на умы такого впечатлѣнія, какъ это стѣсненіе католиковъ въ ихъ религіозныхъ обрядахъ, обрядахъ, которыми они должны согласно своей вѣрѣ особенно дорожить, такъ какъ безъ нихъ не могутъ достигнуть райскаго блаженства. Напротивъ, съ другой стороны возражаютъ, что если духовенству, которое постоянно проповѣдуетъ сопротивленіе государственной власти, предоставлено будетъ право служить обѣдню и совершать таинства, то ему совсѣмъ не нужно подчиняться государственнымъ постановленіямъ и католическая церковь достигнетъ этимъ того, чего хотѣла достигнуть. Разумѣется, въ этомъ спорѣ будетъ играть роль удачное и важное соглашеніе русскаго правительства съ римской куріей, совершившееся недавно и, повидимому, произведшее здѣсь сильное впечатлѣніе. Конечно, условія Россіи и Германіи совершенно различны; отношеніе между обѣими религіями, государственной и католической, въ Россіи совершенно другое, чѣмъ здѣсь; тамъ католики составляютъ только незначительное меньшинство, тогда какъ въ Пруссіи и Германіи—добрую треть, даже почти половину населенія. Я еще возвращусь къ этому вопросу, такъ какъ онъ принимаетъ новый видъ, благодаря движенію, которое распространяется все глубже и глубже, возбуждаетъ удивленіе всего цивилизованнаго міра и все болѣе и болѣе овладѣваетъ умами; я говорю объ антисемитскомъ движеніи. Вы согласитесь, впрочемъ, что это очень щекотливый предметъ, и о немъ очень трудно говорить съ иностранцами, такъ какъ легко навлечь на себя упрекъ въ нелиберальномъ образѣ мыслей. Я очень хорошо понимаю, какое вне-

чатлѣніе должны вынести многіе русскіе читатели изъ этого дѣла, я понимаю, что они легко могутъ симпатизировать тѣмъ, чьи права стѣсняются, особенно, если стѣсняетъ ихъ не правительство, а взволнованная масса, ничѣмъ, повидимому, не вызванная на это, побуждаемая, какъ по крайней мѣрѣ думаютъ въ большинствѣ случаевъ, завистью и злобой. И однако, такой взглядъ совершенно не основателенъ и можетъ повести къ совершенно неправильной оцѣнкѣ событій. Я еще прежде указывалъ возможность ложныхъ толкованій этого движенія, и событія оправдываютъ мои указанія, такъ какъ движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ и, нѣкоторымъ образомъ, господствуетъ надъ политикой. Вернемся къ началу этого движенія. Я согласенъ, что быстрое усиленіе евреевъ возбудило нѣкоторую зависть и недоброжелательство; многихъ раздражаетъ огромное значеніе, пріобрѣтенное ими на биржѣ, ихъ вторженіе въ судейскую область, наконецъ, ихъ протекціи. Но теперешнее движеніе началось съ того момента, какъ придворный проповѣдникъ Штёкеръ основалъ свое христіанско-соціалистическое общество и сталъ говорить рѣчи противъ прогрессистовъ и евреевъ; эти восторженныя рѣчи нашли восторженное сочувствіе. Затѣя этого человѣка показалась въ Берлинѣ совершенно безцѣльной. До послѣдняго времени партія прогрессистовъ въ Берлинѣ не имѣла другихъ соперниковъ, кромѣ партіи соціаль-демократовъ, да и эти послѣдніе были вынуждены замолчать, хоть на время, благодаря законамъ 1878 г. и продленію осаднаго положенія. Это обстоятельство создало очень выгодное положеніе для партіи прогрессистовъ; она протестовала противъ этихъ законовъ, вотировала противъ нихъ, умыла руки въ знакъ своей невинности, не пожертвовавъ своими принципами. Законы противъ соціалистовъ были постановлены противъ ея воли и въ то же время были для нея очень полезны, такъ какъ раньше она часто терпѣла пораженія отъ соціаль-демократовъ на выборахъ, теперь же эта опасность совершенно устранялась. Проповѣдникъ Штёкеръ предпринялъ тотъ родъ христіанской реакціи, который особенно несимпатиченъ ясному и трезвому уму берлинцевъ. Старое поколѣніе этого большого города еще живо помнитъ періодъ реакціи въ началѣ царствованія короля Фридриха-Вильгельма IV, затѣмъ періодъ, слѣдовавшій за революціей 48 г. и, наконецъ, реакцію по случаю, такъ называемаго, столкновенія изъ-за военныхъ законовъ въ 1859 г. Именно, первые два случая ярче всего доказали наклонность церковнаго ума къ реакціонной политикѣ, такъ что съ этой стороны, казалось, нечего было опасаться. Это обстоятельство опредѣлило образъ дѣйствій прогрессистовъ и отдѣлившейся отъ нея либеральной партіи. Агитація Штёкера должна была быть подав-

лена всѣми орудіями ума; а къ этимъ орудіямъ, какъ извѣстно, относится и остроуміе; и вотъ *сатирическіе листки* партіи прежде всего выступили противъ Штёкера.

Какъ извѣстно, три такихъ листка занимаютъ въ Берлинѣ выдающееся положеніе. Первый изъ нихъ „Kladderadatsch", основанный въ 1848 г., листокъ замѣчательно остроумный, но нѣсколько устарѣвшій, такъ какъ съ 1848 г. онъ совершенно не обновлялся, да и редакторы его Домъ и Лёвенштейнъ, редактирующіе листокъ уже съ 1848 г., естественно, не помолодѣли за это время; третій редакторъ, извѣстный поэтъ—юмористъ Калишъ, можетъ быть, остроумнѣйшій изъ всѣхъ, уже давно умеръ. Редакторъ, или скорѣе редакторы этого листка, равно какъ и извѣстный рисовальщикъ Вильгельмъ Шольцъ— христіане; но листокъ всегда горячо стоялъ за евреевъ, и, можетъ быть, столько же на основаніи своихъ принциповъ, сколько по личнымъ отношеніямъ, высказывался за евреевъ при всякой справедливой или несправедливой жалобѣ съ ихъ стороны и всегда злѣйшимъ образомъ преслѣдовалъ строговѣрущую, евангелическую и католическую церковь, съ ея чудесами, святыми и проч. Такъ что, съ этой стороны, разумѣется, листку нечего было ждать симпатіи и дружбы. Но листокъ отличается остроуміемъ, а также изяществомъ и совершенствомъ стиховъ и стоитъ гораздо выше двухъ другихъ листковъ, къ которымъ я теперь перейду. Именно, второй листокъ, это „Die Wespen", юмористическое приложеніе къ „Трибунѣ", бывшему политическому органу національ-либераловъ, а теперь перешедшему къ отщепенцамъ. Этимъ листкомъ завѣдуетъ еврей, въ теченіи 20 лѣтъ подвизавшійся на литературномъ поприщѣ въ Гамбургѣ; тамъ онъ основалъ сатирическій листокъ „Hamburger Wespen", листокъ, который если и читался въ Гамбургѣ, то, конечно, былъ совершенно неизвѣстенъ за предѣлами этого города. Этотъ человѣкъ, по имени Штеттенгеймъ, пріѣхалъ въ Берлинъ, основалъ здѣсь свои „Wespen" и присоединился къ „Трибунѣ". Оба замѣчательно подходятъ другъ къ другу. Его листокъ отличается остроуміемъ; но политическіе взгляды крайне односторонни, и нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ значеніе для современной исторіи. Просматривая 31 или 32 томъ Кладдерадача, вы видите въ немъ отраженіе извѣстныхъ сторонъ современной исторіи; историкъ не долженъ презирать этого источника, онъ найдетъ въ немъ много, чего не встрѣтитъ въ сборникѣ актовъ и въ обыкновенныхъ газетахъ. Ничего подобнаго не представляютъ „Wespen"; это вообще листокъ очень либеральный и безпощадно осмѣивающій все нелиберальное или кажущееся таковымъ и, въ особенности какъ это принято въ Германіи, все, что́ можетъ быть заподозрѣно въ сочувствіи правительству. Перехожу теперь къ третьему листку; это „Ulk",

юмористическое прибавленіе къ „Berliner Tagblatt“, самой популярной въ настоящее время газетѣ въ Берлинѣ. Происхожденіе этого имени слѣдующее; уже давно въ одномъ изъ вестфальскихъ городовъ существовало такъ-называемое общество „Ulk“, которое отъ времени до времени посылало почетныя грамоты лицамъ, прославившимся чѣмъ-нибудь особенно смѣшнымъ или глупымъ. Многіе считали существованіе этого общества басней и подозрѣвали, что одинъ какой-нибудь человѣкъ забавляется, печатая эти почетныя грамоты. Издатели „Tagblatt“'а два весьма ловкіе еврея, нажившіе много денегъ посредствомъ справочнаго бюро, присоединили къ своему только-что основанному ὀргану юмористическое приложеніе и окрестили его уже хорошо извѣстнымъ именемъ. Редактировать его они поручили Сигмунду Габеру, литератору, который сначала былъ приказчикомъ, потомъ поставилъ на сцену маленькую и, дѣйствительно, прекрасную пьеску „Ein Stündchen auf dem Comptoir“, имѣвшую успѣхъ; затѣмъ потерпѣлъ пораженіе на сценѣ, пустился на счастье въ литературу и, наконецъ, нашелъ себѣ пристанище въ этомъ сатирическомъ листкѣ. Я долженъ прибавить, что всѣ три листка имѣютъ хорошихъ рисовальщиковъ, и что въ послѣднихъ двухъ они свѣжѣе, чѣмъ рисовальщикъ Кладдерадача, Вильгельмъ Шольцъ, который не ушелъ общей участи и состарился.

Эти три листка составляли и составляютъ до настоящаго времени огромную силу. Серьёзный человѣкъ безсиленъ противъ нихъ, такъ какъ насмѣшка сильнѣе серьёзности, и тотъ, кто имѣетъ на своей сторонѣ смѣхъ, всегда одержитъ побѣду надъ своими противниками. Можно сказать, что здѣсь выступаетъ на сцену всеобщая трусость; никто не рѣшается настойчиво защищать то, что̀ въ данную минуту эти листки преслѣдуютъ, изъ опасенія навлечь на себя массу насмѣшекъ и каррикатуръ; и случается, что они, сознавая свое всемогущество, не ограничиваются остротами, которыя, какъ бы онѣ ни были ядовиты, находятъ до извѣстной степени оправданіе въ самой своей формѣ и въ своемъ остроуміи, но переходятъ къ безусловнымъ грубостямъ, выдаваемымъ за остроты. Но всякій разъ, какъ проявляется такое всемогущество, въ какой бы-то ни было сферѣ, можно быть увѣреннымъ, что оно уже заключаетъ въ себѣ элементы разложенія и падетъ при первомъ толчкѣ, все равно, угрожаетъ ли Наполеонъ I завоевать весь міръ, или пара темныхъ сатирическихъ листковъ намѣревается поработить общественное мнѣніе. Я долженъ прибавить здѣсь, хотя это не относится къ моей задачѣ, что соединеніе сатирическихъ листковъ съ газетами—вещь чрезвычайно опасная; по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Берлинѣ, оно повлекло за собой крайне вредныя послѣдствія, развращая политическій духъ. Острота во

всемъ видитъ только смѣшныя стороны и очень рѣдко можетъ быть серьёзною, подвергаясь въ этомъ случаѣ опасности быть скучной. Я помню только очень немного случаевъ, когда подобный листокъ пытался быть серьёзнымъ, и еще меньше, когда это удавалось. Острота естественно стремится отыскать во всякомъ предметѣ такую сторону, которая бы могла дать ей пищу для насмѣшекъ; такимъ образомъ, существенною чертою остроты является легкомысліе. Возьмите любой такой листокъ и, можетъ быть, на первой же страницѣ вы встрѣтите такія грубыя противорѣчія, какія немыслимы въ газетѣ. Понятно, что это дурно вліяетъ на читателей, вообще предпочитающихъ шутку сухой политикѣ, пріучая ихъ относиться къ серьёзнымъ политическимъ стремленіямъ, какъ къ забавѣ; такъ что здѣсь, въ Берлинѣ, да и въ другихъ большихъ городахъ господствуетъ безграничное равнодушіе ко всякой серьёзной политической дѣятельности и особенно къ дѣятельности парламента. Я указываю на это только, какъ на одно изъ явленій здѣшней жизни, и вовсе не хочу думать, что оно должно существовать повсюду; но полагаю, что не лишнее уяснить себѣ его послѣдствія. Особенно политическіе писатели должны, по моему мнѣнію, остерегаться отъ этого смѣшенія юмора съ политикой, получившаго примѣненіе здѣсь въ Берлинѣ въ названныхъ выше газетахъ. Повторяю еще разъ, я не возстаю противъ остроты. Острота безсмертна; это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ дарованій человѣческаго ума; среди темной ночи политическаго рабства, въ періоды реакціи она точно молніей поражаетъ общество; ей безконечно много обязана свобода, такъ какъ она не боится никакой внѣшней силы и сама заставляетъ трепетать сильныхъ міра сего. Печально, по-моему, только смѣшеніе, о которомъ я упомянулъ выше, какъ и вообще чрезмѣрное изобиліе ремесленнаго остроумія, которое изъ года въ годъ подносится германской публикѣ.

Благодаря своему могуществу, три вышеупомянутые листка привыкли думать, что остроуміе неразрывно связано съ либерализмомъ, и что консерваторы и реакціонеры вообще неспособны къ остроумію. Это крайне нелѣпая претензія. Обратившись къ древности, мы сразу попадаемъ на Аристофана, принадлежавшаго къ партіи, которую мы назвали бы безусловно консервативной; его остроты направлены противъ демагоговъ, которые равнымъ образомъ могутъ быть названы либералами того времени. Далѣе, и въ новѣйшее время мы часто встрѣчаемъ „esprit“ и „Witz“ въ высшихъ слояхъ общества; часто остроты либерала становятся консервативными, когда онъ направляетъ ихъ на соціаль-демократовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1848 г., когда театръ еще далеко не пользовался такимъ могуществомъ, какъ теперь, появилась въ одномъ маленькомъ театрѣ пьеса, очень

ловко осмѣивавшая бывшія тогда въ ходу коммунистическія и соціалистическія стремленія и встрѣтила общее одобреніе, хотя въ ту пору ея остроты были чисто консервативны. Справедливо, однако, что въ новѣйшее время, именно въ теченіе 20 послѣднихъ лѣтъ, консерваторамъ никогда не удавалось основать сатирическій листокъ, несмотря на многочисленныя попытки, такъ что упрекъ въ неспособности на остроуміе можно, пожалуй, считать основательнымъ. Изслѣдуя безпристрастно причины этого явленія, можно найти ихъ двѣ; во-первыхъ, есть много вещей, относительно которыхъ консерваторы не желаютъ острить, тогда какъ для либераловъ эти самыя вещи служатъ богатѣйшимъ источникомъ насмѣшекъ; во-вторыхъ, консервативная партія въ Германіи вообще имѣетъ въ себѣ что-то тяжеловѣсное, серьёзное, боязливое, совершенно не вяжущееся съ остротой, которая требуетъ свободы и живости. Кому приходится бережно относиться къ чему бы то ни было, тотъ не можетъ легко шутить и смѣяться. Сказаннаго сейчасъ не слѣдуетъ между прочимъ упускать изъ виду, если желаешь понять анти-еврейскую агитацію въ Германіи, а въ особенности въ Берлинѣ.

Итакъ, на Штёкера напустились, если можно такъ выразиться, всѣ собаки, умѣющія лаять. Его выставляли обскурантомъ, инквизиторомъ; осыпали жестокими насмѣшками и карикатурами; при этомъ, разумѣется, приходилось плохо и христіанской религіи. Когда на человѣка нападаютъ, онъ защищается какимъ попало оружіемъ; и Штёкеръ съ друзьями, въ отвѣтъ на нападки со стороны печати, называли ее жидовскою, т.-е. прямо или косвенно руководимою жидами: какъ я выше сказалъ, это буквально справедливо только по отношенію къ „Wespen“ и „Ulk“, хотя, конечно, значительное число другихъ берлинскихъ газетъ тоже, на самомъ дѣлѣ, заправляются еврейскими писателями и издателями. Въ Австріи это развито въ еще бо́льшей степени. Этотъ аргументъ Штёкера и его друзей попалъ, дѣйствительно, на благодарную почву. Религія занимаетъ большое мѣсто въ жизни и сознаніи народовъ. Лишить народъ религіи невозможно; обратившись къ исторіи, мы видимъ, что за каждымъ періодомъ скептицизма и безвѣрія постоянно слѣдуетъ реакція, во время которой церковь снова завоевываетъ утраченную почву. Вся западная Европа, съ начала нынѣшняго столѣтія, даже вѣрнѣе сказать съ конца прошлаго, находится въ такомъ періодѣ реакціи, который начался, можно сказать, съ того момента, когда безвѣріе Франціи праздновало свой тріумфъ въ нечестивомъ актѣ низложенія Бога. Наполеонъ I до нѣкоторой степени возвратилъ религіи ея почетное мѣсто; извѣстна дальнѣйшая исторія католической реставраціи, начавшейся съ Испаніи, охватившей потомъ всю Европу и

достигшей своего апогея въ теперешней распрѣ съ церковью. Небольшіе періоды раціонализма и сомнѣнія, проскальзывающіе среди этой великой реакціи, незначительны по объему и времени и кажутся оазисами среди пустыни.

Короче сказать, всѣ тѣ, кого эти сатирическіе листки оскорбляли прежде открыто или явно, присоединялись къ людямъ, рѣшившимся выступить противъ нихъ и выказавшимъ, такимъ образомъ, большое мужество. Для человѣка, занимающаго такое высокое положеніе, какъ Штёкеръ, не бездѣлица—подвергнуть себя всевозможнымъ грубостямъ,—пусть читатели не забудутъ, что я вовсе не сторонникъ Штёкера и его агитаціи, но просто безпристрастный наблюдатель, желающій дать имъ вѣрную картину событій, все равно придутся ли онѣ по вкусу, или нѣтъ. Скоро оказалось, что хотя Штёкеръ въ глазахъ либераловъ въ высшей степени недостойный священникъ,—тѣмъ не менѣе, высоко даровитый и опасный человѣкъ. Впрочемъ, еще въ началѣ своей дѣятельности, онъ уже былъ избранъ въ палату депутатовъ и, благодаря своему краснорѣчію, добился извѣстнаго вліянія, хотя, какъ это часто случается съ проповѣдниками, переступилъ границы, которыхъ никогда не долженъ упускать изъ виду парламентскій ораторъ, и обнаружилъ свои слабыя стороны, которыми воспользовались потомъ его противники. Однако, несмотря на всѣ эти ошибки и промахи, онъ постоянно шелъ впередъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ слѣдующее обстоятельство: либеральная партія, сомнѣваясь въ силѣ своего оружія, потребовала противъ Штёкера насильственныхъ мѣръ, т.-е. удаленія его по крайней мѣрѣ отъ должности придворнаго проповѣдника. По наиболѣе вѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло, дѣйствительно, достигло до высшей инстанціи, т.-е. до короля, и весьма вѣроятно, что Штёкеру предложатъ на выборъ отказаться отъ должности придворнаго проповѣдника или прекратить свою политическую пропаганду. Пока слухи объ этомъ снова замолкли, и, говорятъ, по слѣдующей причинѣ: какъ разъ въ то время, когда дѣла Штёкера находились въ самомъ критическомъ положеніи, случилось замѣчательное происшествіе. Новое законодательство даетъ формулу присяги, не основанной спеціально на христіанской религіи, такъ что ее могутъ приносить одинаково и христіане и евреи. Между тѣмъ, случилось, что въ городѣ Виттенбергѣ какое-то евангелическое духовное лицо давало присягу передъ судомъ, и сдѣлало дополненіе къ присягѣ въ словахъ: „durch Jesum Christum“. Судья еврей объявилъ эту присягу незаконной; проповѣдникъ объявилъ, что не можетъ принести другой, и былъ подвергнутъ штрафу за непослушаніе. Случай обратилъ на себя всеобщее вниманіе, вся консервативная печать завопила о неполнотѣ присяги. Судъ этого города

поспѣшилъ исправить ошибку отдѣльнаго судьи, объявивъ принесенную присягу вполнѣ законной и избавивъ проповѣдника отъ штрафа; но впечатлѣніе отъ того не уменьшилось, и увѣряютъ, что самъ императоръ былъ пораженъ этимъ случаемъ. Справедливость послѣдняго обстоятельства подтверждается не только тѣмъ, что̀ извѣстно о характерѣ и религіозныхъ воззрѣніяхъ императора, но также и тѣмъ, что императоръ избѣгаетъ вмѣшиваться въ это движеніе, тогда какъ, напримѣръ, наслѣдный принцъ выказываетъ себя рѣшительнымъ противникомъ его и вовсе не дѣлаетъ тайны изъ своихъ убѣжденій. Консервативная партія и, если можно такъ выразиться, штёкеріанцы игнорируютъ эти факты, пользоваться которыми во всякомъ случаѣ не пристало либераламъ, всегда утверждавшимъ, что по основному пункту конституціональной политики монархъ и другія особы царствующаго дома не должны быть вовлекаемы въ парламентскіе и политическіе споры. Въ одно почти время съ агитаціей Штёкера появился консервативный, сатирическій листокъ, „Die Wahrheit", ставшій на сторону христіанъ и отчаянно напавшій на евреевъ и всё, что съ ними дружно. Я припоминаю, какъ нѣкогда, въ 1848 г. появилась „Крестовая газета". Какъ и теперь, она имѣла въ заголовкѣ крестъ, съ надписью вокругъ: „Mit Gott für König und Vaterland",—и демократы того времени смотрѣли на эту претензію редакціонной газеты, какъ на какой-то анахронизмъ и курьёзъ; никто не боялся этой газеты настолько, чтобы обратить на нее вниманіе. Тогдашняя „Крестовая газета" отличалась необыкновеннымъ упорствомъ; она не обращала вниманія на свою непопулярность, пускала въ ходъ противъ либераловъ всевозможныя, и не всегда красивыя средства и добилась-таки огромнаго успѣха, благодаря ненависти однихъ и сочувствію другихъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она превратилась въ о̀рганъ, вліянія котораго никто не могъ болѣе отрицать, и въ теченіи долгихъ лѣтъ оказывала рѣшающее и, конечно, самое печальное вліяніе на дѣла.

Когда появились первые нумера „Wahrheit", наполненные, какъ я сказалъ, почти исключительно каррикатурами и остротами противъ евреевъ—рисунки были удачны, но остроты крайне плохи—либералы точно упали съ облаковъ и тотчасъ же рѣшились употребить противъ листка насиліе. Въ какомъ бы ресторанѣ ни появлялся этотъ листокъ—какъ извѣстно, одно изъ важнѣйшихъ средствъ для распространенія газеты,—евреи и ихъ либеральные друзья объявляли, что они не будутъ посѣщать этотъ ресторанъ, если въ немъ будетъ получаться этотъ листокъ; съ другой стороны, экземпляры листка исчезали, уносимые какими-то неизвѣстными руками, продавцы этой газеты подвергались насмѣшкамъ и обидамъ; словомъ, противъ газеты

былъ открытъ формальный походъ. Слѣдствіемъ было то, что число подписчиковъ листка возрастало съ недѣли на недѣлю; и если онъ еще не можетъ конкуррировать со старыми сатирическими листками, то всё же пріобрѣлъ извѣстность. Разумѣется, причина успѣха была не въ эстетическомъ его достоинствѣ; каррикатуры и остроты „Wharheit" не отличаются ни изяществомъ, ни сдержанностью. Но при всякой серьёзной политической борьбѣ неизбѣжно приходится разстаться съ перчатками и розовой водой; выступаютъ на сцену всѣ самыя дурныя страсти, и въ концѣ-концовъ побѣдителемъ остается тотъ, кто всѣхъ умнѣе и грубѣе. Итакъ, въ то время, какъ собранія, на которыхъ говорилъ Штёкеръ, росли съ каждой недѣлей,—а это знаменательный фактъ, если глава реакціи въ прогрессивномъ Берлинѣ съумѣлъ собрать вокругъ себя сходки въ 3000 и болѣе человѣкъ, и притомъ по большей части рабочихъ, и заставить ихъ внимательно слушать свои христіанскія, религіозныя воззванія, въ то время, какъ „Wahrheit" одерживала свои первые успѣхи,—началось сильное движеніе среди студентовъ.

Я уже говорилъ о началѣ этого движенія. Либеральныя газеты сдѣлали, по-моему, крупную ошибку, обостривъ еще болѣе столкновеніе между либерализмомъ и молодежью; столкновеніе, котораго они сначала не замѣтили, а потомъ усилили тѣмъ, что превратились въ критиковъ молодежи и ея „испорченности и варварствѣ". Это была величайшая политическая глупость. Разумѣется, молодежь не должна вообще принимать активнаго участія въ политической жизни; объ этомъ мудро позаботились законы всѣхъ странъ, ограничивъ извѣстнымъ возрастомъ право быть избраннымъ въ парламентъ, даже право участія въ выборахъ. Однако, на основаніи этого мудраго ограниченія, еще не слѣдуетъ заключать, что молодежь, и именно академическая молодежь, не должна имѣть никакого отношенія къ политической жизни и не проникаться идеями, имѣющими весьма важное значеніе для политической жизни ближайшихъ поколѣній. Я сужу объ этомъ на основаніи собственнаго опыта, такъ какъ моя молодость относится еще ко времени до 1848 г., когда правительство старалось не допустить въ гимназіи и университеты никакого вѣянія политической жизни. Учебникъ исторіи, по которому мы учились въ высшемъ классѣ гимназіи, заканчивался 1815; и я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ зналъ что-нибудь, хотя приблизительно, изъ исторіи Германіи послѣ этого года. Печать существовала только въ большихъ городахъ. Такъ называемыя преслѣдованія демагоговъ навели страхъ на родителей, такъ что они сами старались уберечь дѣтей отъ всякой политики, которая „сама по себѣ представлялась чѣмъ-то необыкновенно опаснымъ; во всякомъ случаѣ она безусловно

мѣшала хорошей карьерѣ. Въ такихъ же точно условіяхъ, какъ я, стояли и всѣ мои сверстники; нѣсколько иначе шло дѣло въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и въ Южной Германіи, гдѣ была развита конституціонная жизнь и политическія традиціи передавались отъ отца къ сыну. О новыхъ языкахъ въ то время мало заботились, и такимъ образомъ англійская и французская печать составляли исключительную привилегію нѣкоторыхъ образованныхъ людей, и даже здѣсь, въ Берлинѣ, нерѣдко случалось, что въ одной изъ большихъ кондитерскихъ, которыя тогда замѣняли читальни, какой-нибудь человѣкъ, знакомый съ языками, читалъ иностранную газету и переводилъ её для остальныхъ посѣтителей (извѣстный, нынѣ покойный Людвигъ Шнейдеръ долгое время исправлялъ эту обязанность въ одной изъ знаменитѣйшихъ кондитерскихъ, сборномъ пунктѣ берлинскихъ остряковъ). Слѣдствіемъ такого воспитанія было то, что мы были пропитаны духомъ древности, т.-е. по отношенію къ политикѣ чисто-республиканскимъ духомъ. Наши почтенные учителя совершенно не понимали, что́ творили, расписывая самыми яркими красками героевъ древности и вселяя въ насъ ненависть къ тираннамъ, что̀ совершенно не вязалось съ вѣрноподданническими чувствами монархическаго пруссака. Вслѣдствіе этого воспитанія, юношество, которое въ 1848 г. находилось въ университетахъ или только недавно оставило университетъ, было вполнѣ республиканскимъ. Разумѣется, въ большихъ городахъ, какъ напр., въ Берлинѣ, оно находилось въ нѣсколько лучшемъ положеніи, такъ какъ здѣсь нельзя было совершенно закрыть для политическихъ вліяній доступъ въ среду молодежи. Хотя въ университетахъ еще существуютъ такъ называемыя корпораціи, вполнѣ въ старомъ стилѣ, однако, корпоративный духъ старыхъ студентовъ исчезъ въ эпоху революціи 1848 г. Послѣдствія этого односторонняго воспитанія были очень просты: большинство молодыхъ людей сдѣлались республиканцами. Странно было видѣть въ такомъ закоренѣло-монархическомъ государствѣ, какъ Пруссія, а также и въ остальной Германіи—сильнѣйшее республиканское движеніе, во главѣ котораго почти повсюду стояли студенты; извѣстно, что въ Вѣнѣ возстаніе произвели, собственно говоря, студенты; они же стояли во главѣ революціи до взятія Вѣны. Теперь совершенно забыли, что это республиканское направленіе было слѣдствіемъ всего воспитанія. Только тѣ, которые имѣли нѣкоторое понятіе о политической жизни, отдѣлились отъ своихъ неопытныхъ, жившихъ только идеалами, товарищей и стояли за конституцію, и это было тогда весьма рѣдкимъ случаемъ. Ибо, какъ я уже говорилъ выше, именно о конституціонной жизни не имѣли тогда почти никакого понятія, и правительство боялось этого направленія гораздо больше, чѣмъ

республиканскихъ идей древности, которыя, казалось, носились въ то время въ воздухѣ. Конституціонныя понятія составляли въ то время принадлежность сравнительно весьма немногихъ людей, какъ напр., тѣхъ, которые участвовали въ соединенномъ ландтагѣ 1847 г., людей, которые, занимая какое-нибудь выдающееся мѣсто, ознакомились съ великимъ европейскимъ движеніемъ по окончаніи войны за освобожденіе, изучили англійскую и французскую исторію, и учрежденія этихъ странъ желали перенести въ Германію и, въ частности, въ Пруссію. Съ теченіемъ времени о соединенномъ ландтагѣ почти совершенно забыли, а между тѣмъ онъ можетъ служить предметомъ для изученія на долгія времена; люди, которые играли выдающуюся роль въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій, дебютировали на этомъ ландтагѣ. Какъ извѣстно, къ числу этихъ людей принадлежитъ и князь Бисмаркъ, рѣчи котораго, произнесенныя въ этомъ собраніи, впервые были вновь напечатаны не такъ давно; въ нихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ видишь, что этотъ человѣкъ уже тогда, правда, въ несовсѣмъ удачной формѣ, излагалъ тѣ основныя положенія, которыя потомъ осуществилъ на дѣлѣ, находясь во главѣ прусскаго государства.

Люди, которые составляли либеральную оппозицію въ соединенномъ ландтагѣ, назывались обыкновенно не конституціоналистами, а старо-либералами; и эти старо-либералы еще разъ имѣли на своей сторонѣ большинство, именно непосредственно за вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго короля Вильгельма, когда во главѣ правленія стало министерство Шверинъ-Ауэрсвальда, и когда старо-либеральная партія составляла огромное большинство палаты. Конечно, это большинство разсѣялось чрезвычайно быстро при столкновеніи съ правительствомъ, благодаря важнымъ ошибкамъ своихъ вождей, которые не имѣли достаточно смѣлости, чтобы рѣшительно возстать противъ требованій правительства, и въ то же время не рѣшались признать необходимость увеличенія и реорганизаціи военныхъ силъ и, такимъ образомъ, согласиться на это требованіе. Такое колебаніе опаснѣе всего для парламентской партіи: благодаря ему, національ-либералы потерпѣли такое пораженіе въ послѣдніе годы. Тотчасъ по окончаніи революціи 1848 г., когда волны ея улеглись, явилось убѣжденіе, и по большей части среди самой молодежи, что не ея дѣло вмѣшиваться въ политическую жизнь націи, что это нужно предоставить старшимъ. Многіе отправились, т.-е. бѣжали, въ Америку, иные погибли при возстаніяхъ, многіе вытерпѣли тюремное заключеніе и надолго испортили свою карьеру. Такія вещи производятъ глубокое впечатлѣніе, и съ того времени сама молодежь воздерживалась отъ активнаго участія въ политической жизни. Это

понятно само собою, такъ что много говорить объ этомъ не нужно. Было бы, однако, ошибкой думать, что эта самая молодежь не принимаетъ участія, и притомъ живого участія, въ явленіяхъ этой жизни. Ничто не доказываетъ, чтобы молодежь не склонялась всѣмъ сердцемъ къ либерализму, который господствовалъ въ теченіе всей этой эпохи до 1878 г.; это было бы совершенно противоестественно; но молодые люди вездѣ одинаковы, они радостно и увѣренно смотрятъ въ будущее, и только горькій опытъ жизни заставляетъ ихъ признать безплодность многихъ своихъ идеаловъ, какъ говоритъ Шиллеръ:

«In den Ocean schifft mit tausend Masten der Jungling
«Still auf gerettetem Boot treibt in den Hafen der Greis.

Да, въ теченіе всей этой эпохи, молодежь раздѣляла либеральныя идеи своего времени. Вообще, трудно представить, чтобы въ какомъ-нибудь народѣ, по-крайней-мѣрѣ, въ образованномъ народѣ, молодежь могла стоять не на сторонѣ прогресса, и такъ какъ каждый знаетъ, что ей принадлежитъ будущность, то необходимо при всякихъ обстоятельствахъ считаться съ ней. Государство и церковь знаютъ это; это должны знать и партіи, и горе той партіи, которая потеряетъ симпатіи молодежи. Внимательное наблюденіе могло бы показать политическимъ партіямъ, и въ особенности либеральной партіи въ Германіи, что молодежь удаляется отъ нея, не потому, чтобы обчуждалась либерализма, но потому, что та форма, въ которую облекся либерализмъ въ государственной и экономической политикѣ, не соотвѣтствуетъ взглядамъ новыхъ поколѣній. Первымъ камнемъ преткновенія была экономическая политика. Извѣстно, что почти тотчасъ-же вслѣдъ за мартовской революціей 1848 г. въ Германію была пересажена изъ Англіи манчестерская школа. Образовался кружокъ даровитыхъ людей, которые съ чрезвычайнымъ талантомъ и огромнымъ успѣхомъ защищали принципы этой школы, и было такое время—трудно опредѣлить его съ точностью—когда принципъ свободной торговли до такой степени торжествовалъ въ Германіи, что отъ противуположныхъ партій остались только обломки, не пользовавшіеся никакимъ вліяніемъ и почти исчезавшіе подъ бременемъ насмѣшки. Но ничто не прочно въ мірѣ, и безусловное почитаніе манчестерскихъ принциповъ повсюду подверглось критикѣ. Яснѣе всего этотъ критическій элементъ выразился въ партіи такъ-называемыхъ „катедеръ-соціалистовъ". Въ университетахъ появились профессора политической экономіи, которые боролись противъ принциповъ манчестерской школы и распространяли свои воззрѣнія между учениками. Уже въ то время признали, что манчестерское ученіе, находившее самыхъ горячихъ защитниковъ въ представителяхъ круп-

ной торговли и крупныхъ финансовъ, весьма хромаетъ на полѣ чистой науки, и въ этомъ отношеніи ему трудно было бороться съ теоретиками каѳедры. Когда оба ученія сталкивались, побѣда всегда оставалась на сторонѣ „соціалистовъ каѳедры“, и чѣмъ болѣе это входило въ сознаніе другой стороны, тѣмъ жарче разгоралась вражда между манчестерцами и катедеръ-соціалистами; противуположное послѣднимъ ученіе есть, конечно, манчестерское ученіе въ самой чистой формѣ, абсолютная свобода для каждаго человѣка, насколько это допускаютъ уголовные законы. Въ самомъ дѣлѣ, такая программа чрезвычайно хороша, можно даже сказать, обольстительна; но противъ нея стоитъ другая программа, которая также оказываетъ могущественное вліяніе на умы. Неограниченная свобода, говоритъ катедеръ-соціализмъ, влечетъ за собою только порабощеніе слабаго сильнымъ, а потому государство должно вступиться за слабаго, и защитить его отъ сильнаго. Уже давно было извѣстно, что молодежь болѣе сочувствуетъ этой послѣдней программѣ; окончательный ударъ нанесъ гнусный и позорный періодъ спекуляцій (Gründer-und Schwindelperiode), послѣдовавшій въ первые годы послѣ войны, періодъ, который долженъ былъ произвести подавляющее впечатлѣніе на молодежь. Милліарды, о которыхъ такъ много толковали, такъ или иначе уплыли въ каналы биржи, наполнили карманы спекулянтовъ и биржевиковъ. Несомнѣнно, съ этого времени начинается упадокъ честнаго, медленнаго, основаннаго на трудѣ или торговой дѣятельности заработка, и торжествуетъ сравнительно легкая нажива всевозможными путями, которые только не ведутъ прямо на каторгу. Можно по собственному опыту знать, какое возмутительное впечатлѣніе производила повсюду наглость и грубость проходимцевъ того времени. Цѣны росли непомѣрно; чиновникъ, офицеръ, всѣ, кому приходится жить трудомъ и прилежаніемъ, были доведены почти до нищеты биржевиками, по большей части состоявшими изъ еврейской молодежи, и эта послѣдняя своимъ мотовствомъ и наглостью одинаково возмущала и возбуждала ненависть и зависть. Теперь легко говорить, что еврейскій вопросъ возбужденъ завистью и злобой. Если припомнить о тѣхъ временахъ, когда учитель или судья, можетъ быть, только послѣ долгой, долгой службы добивался оклада въ 2,000 и 3,000 марокъ, тогда какъ какой-нибудь невѣжественный конторщикъ, невѣжественный, по-крайней-мѣрѣ, сравнительно съ этими людьми, которымъ приходилось учиться и долгое время безплатно служить государству, пока удавалось получить мѣсто и содержаніе, сразу начиналъ ворочать тысячами и десятками тысячъ; если припомнить это, то легко понять, какія причины вызвали эту зависть и злобу. Разумѣется, теперь богаты только отдѣльныя лич-

ности, потому-что всѣ деньги попали въ руки биржевиковъ, а громадное большинство тѣхъ, которые пустились въ этотъ періодъ въ биржевыя операціи, потеряло и то, что̀ имѣло прежде.

Имущество знатнѣйшихъ дворянъ было секвестровано; все, что только можно было продать, давнымъ-давно распродано. Зависть и ненависть, если ужъ употреблять такія грубыя выраженія, не были первой причиной такъ-называемаго гоненія евреевъ; прежде всего выступило противъ спекуляцій судейское сословіе. Въ высшей степени замѣчательно, что первый человѣкъ, положившій основаніе всѣмъ этимъ событіямъ, на которыя мы смотримъ съ такимъ изумленіемъ, былъ еврей, тоже судья, Эдуардъ Ласкеръ, который, какъ извѣстно, первый возвысилъ голосъ въ прусской палатѣ депутатовъ противъ разорительныхъ и мошенническихъ спекуляцій. Никто въ то время не могъ и подумать о громадныхъ послѣдствіяхъ этого заявленія. Рѣчь Ласкера расходилась въ городѣ въ тысячахъ экземпляровъ; распространилась по всей странѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней или недѣль Ласкеръ былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ Германіи, и вотъ что замѣчательно: сама биржа и ея финансисты, которые должны, казалось-бы, понять, какъ опасно для нихъ это заявленіе Ласкера, въ первое время не рѣшились даже обнаружить, что они понимаютъ это, не рѣшились возражать ему. Это понятно: Ласкеръ былъ еврей, и его слава наполнила сердца евреевъ такою гордостью, что въ первую минуту они забыли обо всемъ остальномъ; забыли и думать, что ударъ, который Ласкеръ направилъ или хотѣлъ направить противъ немногихъ аристократовъ, принимавшихъ участіе въ спекуляціяхъ, обратился въ концѣ-концовъ противъ евреевъ и биржи.

Вотъ гдѣ начало того, что̀ мы видимъ теперь. Мало-по-малу Ласкеръ убѣдился, что его слова куплены дорогою цѣной, что онъ нанесъ тяжелый ударъ той партіи, къ которой самъ принадлежалъ, именно, манчестерской партіи. Онъ попытался отступить, умѣрить свои нападки, но цѣлая масса другихъ людей выступила противъ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ нападалъ. Судьи, которые повсюду видѣли и чувствовали наглость биржевого и финансоваго міра, оказались самыми горячими противниками всякихъ „предпринимателей". Начались процессы, сопровождаемые крайне строгими приговорами, которые—такъ какъ человѣкъ никогда не бываетъ безпристрастнымъ, и всегда дѣйствуетъ, до извѣстной степени, подъ вліяніемъ господствующихъ идей—объясняются только направленіемъ времени. Это враждебное направленіе противъ биржи или, если хотите, противъ капитала, проявилось и въ университетахъ и удержалось среди учащейся молодежи, когда правительство вздумало снова изгнать всякое

воспоминаніе объ этомъ. Соціализмъ также старъ, какъ міръ, и если теперь правительство, въ силу закона о соціалистахъ, почти ежедневно конфискуетъ какой-нибудь летучій листокъ, выпускаемый то тамъ, то здѣсь соціаль-демократами, то въ каждой газетѣ можно постоянно открыть цѣлую кучу соціалистическихъ теорій. Загляните въ любую газету, развѣ вы не найдете въ ней извѣстій о томъ, какъ суровый хозяинъ выгоняетъ несчастнаго жильца, какъ прилежный рабочій не можетъ найти работы и т. п. Это говоритъ и консерваторъ, и либералъ, и никто не подумаетъ, что въ сущности тутъ скрывается соціализмъ, такъ какъ если хозяинъ не получаетъ платы, онъ по закону имѣетъ право выгнать жильца, который ему не платитъ. Съ партіей прогрессистовъ случилось то же самое, что съ приверженцами свободной торговли и финансистами. Всѣ три партіи оказались въ прекрасномъ положеніи, когда ихъ принципы осуществились на практикѣ, и вообразили, что остальные люди должны себя чувствовать также хорошо. Прогрессивная партія уже давно заявила, что въ настоящее время она представляетъ собственно консервативную партію, такъ какъ Бисмаркъ и его приверженцы колеблятъ конституцію, хозяйственный организмъ и т. д.; она же все это защищаетъ. Это въ значительной степени справедливо. Но эта партія воображаетъ, что всѣ ея противники—реакціонеры, возстающіе не противъ нея, но противъ свободы; между тѣмъ, весьма сомнительно, чтобы та свобода, за которую ратуетъ эта партія, была дѣйствительною свободой; прогрессисты стоятъ еще до сихъ поръ на почвѣ 1848 г., но съ тѣхъ поръ Пруссія жила чрезвычайно богатою политическою жизнью, жизнью, полною борьбы и принявшею совершенно оригинальное направленіе. Въ теченіе этого времени сдѣланы несомнѣнно огромные успѣхи въ отношеніи политической свободы; не все, но многое, чего желала прогрессивная партія, осуществилось, хотя, конечно, въ большинствѣ случаевъ или даже почти всегда не тѣми путями, которые проложила или желала бы она проложить. Такъ бываетъ вездѣ. Англійскія вольности тоже не осуществились внезапно, на листѣ бумаги: но всѣ онѣ были достигнуты борьбою и должны были окрѣпнуть въ борьбѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я указалъ въ „В. Евр.“, какую борьбу должна была испытать Пруссія, пока не утвердилась окончательно свобода парламентскаго слова. Эта свобода была, повидимому, обезпечена еще конституціей 1848 г., но въ то время она существовала еще только на бумагѣ, и какъ только становилась слишкомъ непріятной, ее пытались ограничить. Такъ бываетъ со всякой свободой и со всякимъ политическимъ правомъ: лишь только написанное на бумагѣ право сталкивается съ интересами того, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ власть, начи-

нается борьба противъ буквы написаннаго на бумагѣ права. Дѣйствительно прочнымъ—насколько вообще можно назвать прочными дѣла рукъ человѣческихъ—становится право только тогда, когда оно окрѣпнетъ въ борьбѣ, когда одна сторона пойметъ дѣйствительную цѣну этого права, а другая мало-по-малу дойдетъ до правильной оцѣнки его и прежде всего убѣдится въ невозможности уничтожить это право. И теперь еще въ Англіи есть много людей, которымъ вовсе не нравятся прославленныя англійскія вольности, но эти люди убѣждены, что возставать противъ нихъ было бы предпріятіемъ Донъ-Кихота, и потому они мудро оставляютъ всякую мысль объ этомъ. Оставаясь на этой консервативной почвѣ, прогрессистская партія не замѣтила, что среди молодежи происходитъ переворотъ; она дѣлала ошибку за ошибкой и становилась все болѣе и болѣе безразсудной, по мѣрѣ того, какъ соціально-демократическая партія поднимала голову. Если бы она имѣла политическую проницательность, она должна была бы понять, что соціально-демократическая партія—это сила, которая со временемъ можетъ сдѣлаться опасной для прогрессивной партіи, даже можетъ вызвать ея погибель, такъ какъ прогрессистская партія имѣла на своей сторонѣ рабочихъ, а теперь соціально-демократическая партія именно на рабочихъ оказываетъ чарующее вліяніе. Прогрессисты смѣялись надъ правительствомъ, укоряя его въ томъ, что оно покровительствуетъ или дѣлаетъ видъ, что покровительствуетъ соціально-демократической партіи. Теперь рѣшительно все равно, такъ ли дѣйствовало правительство на самомъ дѣлѣ. Когда великая политическая партія въ минуты опасности и нужды не находитъ ничего лучшаго, какъ обвинять правительство во всемъ, чтó этой партіи непріятно,—она пускается въ плохую политику, неприличную для сильной и великой партіи. Постоянно жаловаться на Бисмарка за то, что онъ сказалъ пару словъ съ соціаль-демократомъ Лассалемъ, обвинять въ соціализмѣ Бухера, стариннаго наперсника Бисмарка,—все это, можетъ быть, очень забавно, но совершенно безплодно. Возростаніе соціально-демократической партіи отъ этого нисколько не уменьшилось, такъ что весною 1878 г. соціаль-демократы, какъ извѣстно, имѣли перевѣсъ надъ прогрессистской партіей и, повидимому, должны были привлечь на свою сторону рѣшительное большинство, если бы покушеніе и послѣдовавшія за нимъ репрессивныя мѣры не избавили прогрессистовъ отъ этого врага. Хотя они должны были понимать, что этимъ избавленіемъ обязаны не своимъ заслугамъ, однако, имѣли глупость, почувствовавъ себя въ безопасности, приняться за прежнюю политику. Далѣе, они видѣли, что широко распространяется анти-еврейское направленіе. Можно это хвалить, можно бранить—во всякомъ случаѣ фактъ су-

ществуетъ и существовалъ. Враждебное евреямъ направленіе существуетъ въ самой прогрессистской партіи, такъ же, какъ и въ другихъ партіяхъ, только здѣсь оно не заявляло себя такъ громко, такъ какъ дисциплина въ партіи еще достаточно сильна, чтобы сдерживать подобныя заявленія. Какъ же поступаетъ въ этомъ случаѣ прогрессистская партія? Вмѣсто того, чтобы умиротворять, она добивается кризиса. Возьмите вы, напримѣръ, слѣдующій фактъ: въ городскомъ депутатскомъ собраніи, при полной равноправности, должны бы засѣдать 4 еврея, пропорціонально отношенію еврейскаго населенія къ христіанскому; а прогрессистская партія не только содѣйствовала избранію этихъ четырехъ, но выбрала и пятаго, и шестого, и седьмого, даже десятаго и двѣнадцатаго,—все на основаніи равноправности. Такъ происходило повсюду, и, такимъ образомъ, чувство вражды противъ евреевъ разгоралось все сильнѣе и сильнѣе въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ оно уже существовало; такъ что не такъ-называемые гонители евреевъ своимъ подстрекательствомъ, но прогрессистская партія своею глупостью раздула пламя, для котораго было уже достаточно матеріала; и какъ прежде, когда ошибочная политика привела къ торжеству соціально-демократическаго движенія, прогрессистская партія взывала къ помощи, такъ и теперь она призываетъ полицію на помощь противъ анти-еврейскаго движенія и не стыдится даже просить эксплуатировать въ свою пользу дѣйствія кронпринца, какъ я уже сказалъ это выше. Трудно, конечно, судить о такихъ всеобщихъ явленіяхъ; однако, я думаю, что движеніе среди студенчества вовсе не направлено противъ свободы, но, главнымъ образомъ, противъ квіетизма, царящаго среди прогрессивной партіи, для которой довольство status quo играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ маленькія стычки съ правительствомъ; я думаю, что молодежь, по природѣ склонная къ движенію и дѣятельности, пойдетъ за каждой партіей, въ которой видитъ или думаетъ, что видитъ эти свойства. Если бы дѣйствительно молодежь была враждебна свободѣ, то это было бы самымъ тяжкимъ обвиненіемъ противъ либеральной партіи, такъ какъ эта молодежь, которую теперь либералы обвиняютъ въ реакціонныхъ стремленіяхъ, воспиталась въ атмосферѣ либерализма, среди полной свободы; укажите мнѣ въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ въ Германіи хоть одинъ случай стѣснительнаго постановленія противъ академической свободы, при которомъ бы какой-нибудь профессоръ подвергся изгнанію за свои мнѣнія. До какой степени студенты пользуются свободой, показываютъ ихъ сходки, созывать которыя они имѣютъ полное право, и противъ которыхъ мнимо-либеральная партія призываетъ полицію. Путкамеръ, котораго выставляютъ такимъ реакціонеромъ, не сдѣлалъ по отношенію къ высшимъ учебнымъ за-

веденіямъ ничего такого, что̀ не сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Фалькъ. Единственный пунктъ, въ которомъ онъ расходится, правда, очень незначительно, съ Фалькомъ,—это „Simultanschulen", т.-е. школы, въ которыхъ назначаются учителя обоихъ вѣроисповѣданій, и существуетъ совмѣстное преподаваніе закона божія. Путкаммеръ относится къ этимъ школамъ не такъ благосклонно, какъ Фалькъ, но вѣдь и этотъ послѣдній смотрѣлъ на нихъ, какъ на pis-aller. Но этотъ вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ высшему образованію, не имѣетъ ничего общаго съ свободой или не-свободой. Большинство теперешней молодежи воспиталось подъ управленіемъ либеральнаго д-ра Фалька. Я думаю, что эти разсужденія, за которыя читатель, вѣроятно, извинитъ меня, ни съ какой стороны, даже по отношенію къ евреямъ, не отмѣчены духомъ партіи; надѣюсь, что они помогутъ уясненію истинныхъ причинъ современнаго движенія, и кромѣ того—охотно сознаюсь, что мною отчасти руководитъ это желаніе—опровергнутъ распространенное заграницей мнѣніе, будто все это движеніе—только потокъ глупости, грубости, варварства, всевозможныхъ страстей, которыми сразу запятнала себя германская нація. Но эта нація вовсе не такъ дурна; будьте безпристрастны и вы увидите, что вся грубость этого движенія выразилась только въ двухъ-трехъ случаяхъ мелкаго безпорядка. Но сравните съ этимъ насилія, которыя дѣлались во время соціалистическаго движенія, и раньше, когда еще господствовала прогрессистская партія, причемъ все же обходились безъ воззваній къ полиціи. Я не хочу высказывать по этому поводу никакихъ предсказаній; во всякомъ движеніи могутъ найтись одинъ или нѣсколько человѣкъ, которые прибѣгнутъ къ насилію, но строго говоря, ничего такого до сихъ поръ еще не происходило, и партія, которая постоянно толкуетъ о свободѣ, проявила въ этомъ случаѣ такую безпредѣльную обидчивость и робость и такъ раздула дѣло, что весь свѣтъ сталъ пальцами указывать на Германію и, въ особенности, на Берлинъ. Въ болѣе спокойное время прогрессивная партія пойметъ, какихъ огромныхъ ошибокъ она надѣлала въ теченіе этого періода, отрекшись отъ своихъ принциповъ, и я не думаю, чтобы она сама, если бы только могла сдерживаться теперь и на ближайшихъ выборахъ, продолжала стоять за то положеніе, которое сама создала. Замѣчательную критику этой партіи далъ вышеупомянутый Бухеръ, въ своей книгѣ, „Der Parlamentarismus, wie er ist", которая теперь появилась вторымъ изданіемъ, съ предисловіемъ, написаннымъ имъ въ прошломъ году. Не высказывая этого прямо, Бухеръ, конечно, защищается въ этомъ предисловіи отъ упрека въ недостаточной твердости характера, упрека, который, по его мнѣнію, дѣлаютъ всякому,

кто не хочетъ до конца жизни оставаться вѣрнымъ одной опредѣленной суммѣ понятій; но лучше всего Бухеръ объясняетъ тогдашнюю цѣль его книги. Онъ направлялъ ее, такъ говоритъ предисловіе, противъ миѳологическихъ представленій объ англійскомъ государственномъ устройствѣ, которыя сначала составляли принадлежность старо-либеральной партіи, а съ 1850 г. перешли къ демократамъ, увлекавшимся въ 1848 г. французскими образцами. У нихъ эти представленія слились съ экономической теоріей, которая за нѣсколько лѣтъ до того времени господствовала между англійскими либералами и которая до того „свободна",—не забудьте, что я дословно цитирую Бухера,—что превосходно уживается со всякой политической системой, будь это бонапартизмъ или система „Крестовой Газеты". Дѣйствительно, это—неоспоримая истина. Наполеонъ III былъ величайшимъ приверженцемъ свободной торговли изъ всѣхъ правителей Франціи; можетъ быть, своимъ позорнымъ паденіемъ онъ обязанъ этому принципу, такъ какъ, хотя сельское населеніе было ему благодарно за огромныя выгоды, принесенныя сельскому хозяйству свободной торговлей, но города, промышленность и торговля, пользовавшіеся прежде привилегіями всякаго рода, никогда не могли ему простить его экономическую политику, и населеніе этихъ городовъ вызвало его паденіе и сдѣлало невозможнымъ его возвращеніе. Когда манчестерская партія впервые вступила въ палату депутатовъ, она выставляла особеннымъ достоинствомъ своей системы ея независимость отъ формы государства. „Крестовая Газета" и ея партія оказались съ самаго начала самыми крайними приверженцами абсолютной свободы торговли; а теперь приверженцы свободной торговли стали утверждать, что политическая свобода невозможна, даже вообще немыслима безъ экономической свободы, т.-е. безъ манчестерства, хотя передъ глазами у нихъ свободная Сѣверная Америка и самодержавная Россія придерживаются широкой покровительственной системы, и американскіе либералы вовсе не думаютъ оставить эту систему, которая такъ много содѣйствовала развитію промышленности въ ихъ странѣ. На послѣднихъ выборахъ въ Америкѣ самымъ тяжкимъ упрекомъ для кандидата было, когда его заподозривали въ желаніи поколебать эту систему. Далѣе Бухеръ упоминаетъ въ своемъ предисловіи, что когда онъ въ 1854 г. написалъ эту книгу, то направлялъ ее не только противъ слѣпыхъ приверженцевъ англійской правительственной системы, но и противъ нѣкоторыхъ изъ ихъ противниковъ, „такъ какъ въ это время Герлахъ хвастался, что солнце реакціи стоитъ высоко на небѣ". Бухеръ слишкомъ много вращался въ дипломатическихъ сферахъ, чтобы употребить такое выраженіе необдуманно и безъ умысла. Либералы думаютъ, что и

теперь солнце реакціи стоитъ высоко. Бухеръ былъ не только либераломъ, но даже рѣшительнымъ демократомъ и знаетъ, что̀ такое реакція. Герлахъ и Сталь не существуютъ болѣе, а еслибъ существовали, то крайняя правая сторона въ прусскомъ парламентѣ должна бы была отречься отъ нихъ, изъ опасенія быть скомпрометтированной. Такъ измѣнилось время и цѣли въ смыслѣ прогресса.

Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ суровыхъ словахъ Бухера выражается не только ненависть къ тому періоду реакціи, отъ котораго ему самому пришлось такъ солоно, но также увѣдомляются всѣ, кто захочетъ слушать, что онъ всегда относился къ реакціи враждебно и никогда не содѣйствовалъ ей. „Та публика, говоритъ далѣе Бухеръ,—къ которой я тогда (1854) обращался, тѣ требованія, которыя тогда были въ ходу, теперь не существуютъ болѣе. У насъ теперь есть парламентаризмъ, и многіе думаютъ, что его у насъ слишкомъ много. Каждое лѣто мы читаемъ извѣстія о поѣздкахъ съ парламентскими цѣлями; парламентскія партіи и фракціи устраиваютъ въ каникулярное время собранія въ различныхъ мѣстахъ;—этого не существуетъ и въ самой Англіи. Изъ демократіи, стоявшей въ 1862 г. противъ всеобщей подачи голосовъ, образовалась прогрессивная партія, которая, отказавшись отъ государственной идеи, до того развилась, что одни изъ ея членовъ сдѣлались ревностными партикуляристами, другіе исключительно приверженцами свободной торговли". Для тѣхъ, кто знакомъ съ положеніемъ нѣмецкихъ партій, понятно, что каждое изъ приведенныхъ словъ—настоящая стрѣла, притомъ съ отравленнымъ наконечникомъ. Слабая сторона прогрессивной партіи — ея нелюбовь къ всеобщему избирательному праву. Разумѣется, она не выступаетъ противъ него открыто. Всеобщее избирательное право послужитъ, можетъ быть, къ избранію реакціонеровъ, можетъ быть, радикаловъ, но только не тѣхъ людей, изъ которыхъ состоитъ прогрессивная партія, не тѣхъ людей, которые считаютъ истиннымъ источникомъ политической жизни свободу и громкую оппозицію противъ правительства, но при этомъ желаютъ покоя и порядка, чтобы пользоваться своей властью, и требуютъ отъ правительства, чтобы оно, въ случаѣ опасности, играло роль полиціи и обезпечивало для нихъ тишину и порядокъ. При каждыхъ выборахъ прямое избирательное право оказывается для прогрессивной партіи менѣе выгоднымъ, чѣмъ трехклассная избирательная система и непрямая избирательная система, которая имѣетъ мѣсто для прусской палаты депутатовъ. Такимъ образомъ, прогрессисты стараются поддержать эту послѣднюю систему вездѣ, гдѣ она существуетъ. Всеобщее избирательное право всего выгоднѣе для соціально-демократической партіи; поэтому она поставила своей задачей добиться примѣненія

этого права къ выборамъ въ палату и даже къ коммунальнымъ выборамъ. Прогрессивная партія молча борется противъ этихъ стремленій, а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ общей точки зрѣнія, прямое избирательное право болѣе соотвѣтствуетъ свободѣ, чѣмъ непрямое; неограниченное—болѣе, чѣмъ ограниченное; равноправное—болѣе, чѣмъ неравноправное, какимъ является прусская классная система: эту послѣднюю Бисмаркъ назвалъ самой скверной системой въ мірѣ. Не менѣе важны другіе два упрека, которые можно сдѣлать прогрессивной партіи, а именно, что она, во-первыхъ, отказалась отъ всякой государственной идеи и распалась на партикуляристовъ и на приверженцевъ свободы торговли. Какъ извѣстно, прогрессивная партія никогда не сочувствовала тѣмъ средствамъ, которыя Бисмаркъ употреблялъ для объединенія Германіи; сначала она самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалась отъ политики крови и желѣза, а потомъ, когда объединеніе Германіи совершилось, она, хотя и приняла его, но всегда утверждала, что оно также хорошо могло совершиться мирнымъ путемъ, безъ всякаго кровопролитія. Въ концѣ-концовъ она заявила, что сдѣлала только то, чего всегда желали либералы, желали даже тогда, когда правительство называло демагогіей стремленія къ объединенію Германіи и жестоко преслѣдовало ихъ; такимъ образомъ, они гораздо болѣе „національны", чѣмъ этотъ канцлеръ, который совершенно несправедливо ставитъ себѣ въ заслугу національную политику. Какъ извѣстно, въ послѣднее время они дошли до того, что думаютъ столкнуть канцлера. Національ-либералы также уже давно стоятъ въ оппозиціи съ внутренней политикой канцлера; но при этомъ они понимаютъ, что канцлеръ оказалъ такъ много заслугъ внѣшней политикѣ, и такъ часто пользовался довѣріемъ всей страны, что нечего и думать напасть на него съ этой стороны. Прогрессивная партія, и главнымъ образомъ Рихтеръ, сначала были того же мнѣнія, но мало-по-малу пришли къ убѣжденію, что борьба съ Бисмаркомъ только тогда будетъ успѣшна, когда онъ подвергнется нападенію со всѣхъ сторонъ, и когда цѣлью этой борьбы будетъ совершенное удаленіе Бисмарка съ политическаго, или, по крайней мѣрѣ, съ правительственнаго поприща (такъ какъ онъ, потерпѣвъ пораженіе, можетъ вступить въ ряды парламентской оппозиціи). Кажется, что отщепенцы и именно тѣ, которые отдѣлились отъ національ-либераловъ подъ предводительствомъ Бамбергера, чтобы ближе сойтись съ прогрессистами, принимаютъ эту программу. Такимъ образомъ, нападеніе, можно сказать, началось съ обоихъ фланговъ; съ одной стороны возстаютъ противъ внутренней политики, которая будто бы представляетъ изъ себя только сцѣпленіе противорѣчій, беззаконій и нелиберальныхъ мѣръ, съ другой—противъ внѣшней. Правда, говорятъ

прогрессивныя газеты, нельзя отрицать, что въ 1863, 1864, 1866 и 1870 гг. Бисмаркъ обнаружилъ нѣкоторый дипломатическій талантъ, который, впрочемъ, ужъ слишкомъ преувеличиваютъ, такъ какъ все сдѣлала армія; но съ 1871 г. онъ постарѣлъ, терпитъ постоянныя неудачи, и Берлинскій конгрессъ вполнѣ доказалъ его неспособность. На эту тэму почти ежедневно упражняются прогрессивные листки, съ различными варіаціями. Если нельзя ничего возразить противъ прямыхъ нападеній на Бисмарка, такъ какъ каждая политическая партія должна по совѣсти рѣшить, полезенъ ли тотъ или другой государственный человѣкъ или министръ государству, или нѣтъ; но въ одномъ пунктѣ у нихъ несомнѣнно страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ и патріотизмомъ. Весьма понятно, что во время борьбы каждая сторона считаетъ враговъ своего противника своими друзьями. Часто это, можетъ быть, правильно, но въ политикѣ такое правило имѣетъ рѣшительныя ограниченія. Прогрессивная партія не соблюдаетъ этихъ границъ; она считаетъ своими друзьями и союзниками всѣхъ враговъ Бисмарка, какъ заграницей, такъ и внутри страны. Я оставлю въ сторонѣ чужія страны; но, напримѣръ, внутри, Бисмаркъ считаетъ своими врагами всѣхъ партикуляристовъ; и вотъ въ послѣднее время прогрессивная партія становится прямо на сторону партикуляризма. Говоря, что Бисмаркъ считаетъ своими врагами всѣхъ партикуляристовъ, я очень хорошо знаю, что съ 1866 года и позднѣе, послѣ основанія германской имперіи, въ 1871 году, онъ вовсе не заявлялъ себя противникомъ отдѣльныхъ государствъ и строго держался буквы конституціи, никогда не пытался выступить противъ отдѣльныхъ государствъ, сохранившихъ свои права, и отнять у нихъ какое-нибудь изъ этихъ правъ или всѣ цѣликомъ. Отношенія канцлера къ отдѣльнымъ правительствамъ также всегда были хороши, такъ что они не имѣли повода жаловаться на него. Разумѣется, въ этомъ отношеніи онъ всегда дѣйствовалъ въ согласіи съ императоромъ, слово котораго было залогомъ независимости отдѣльныхъ государствъ, насколько эта независимость совмѣстима съ союзнымъ единствомъ. Несмотря на все это, отдѣльныя государства никогда не забывали—таково ужъ свойство человѣческой природы—что въ сущности говоря никто иной, какъ Бисмаркъ ограничилъ партикуляризмъ въ Германіи; понятно также, что тѣ, кого Пруссія заставила принести жертву, безусловно необходимую для утвержденія имперіи, смотрѣли съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на эту страну и на этого человѣка, такъ какъ думали, что оба при первомъ удобномъ случаѣ могутъ пойти дальше по проложенному уже пути. Отсюда явился еще и теперь существующій партикуляризмъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ за себя не малую силу, такъ

напримѣръ, представителями партикуляризма являются такъ называемые вельфы, приверженцы прежней ганноверской династіи; хотя число ихъ значительно сократилось, однако, они все еще не оставляютъ надежду на возстановленіе стариннаго престола, что, разумѣется, будетъ возможно только тогда, когда германская имперія распадется. Гдѣ только не проявляется партикуляристическое движеніе, прогрессивная партія тотчасъ высказывается за него и не стыдится даже обвинять канцлера въ беззаконныхъ замыслахъ противъ отдѣльныхъ государствъ. Бухеръ указалъ также и на это обстоятельство, и мнѣнія, высказанныя въ печати о его книгѣ, показываютъ, какъ мѣтко попалъ ударъ.

Вообще можно рекомендовать эту книгу всѣмъ тѣмъ, которые любятъ остроумное, ѣдкое изложеніе. Въ новомъ изданіи Бухеръ сдѣлалъ въ ней мало измѣненій. Поэтому понятно, что многія вещи въ ней не соотвѣтствуютъ теперешнему положенію Бухера, какъ важнаго лица въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но отъ этого они пріобрѣтаютъ еще бо́льшій интересъ; и во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что авторъ уже въ то время былъ на столько объективенъ, чтобы избавиться отъ тягостнаго чувства, которое преслѣдуетъ писателя, когда ему приходится съ теченіемъ времени раскаяваться въ томъ, что онъ написалъ раньше, и чего нельзя забыть. Я думаю, что это чувство не проглядываетъ ни въ одной строчкѣ въ книгѣ Лотара Бухера, написанной въ юношескихъ лѣтахъ, и думаю также, что читатель понимаетъ, почему въ ней не можетъ быть этого чувства. Серьёзность и правдивость вмѣстѣ съ ясностію мысли и уклоненіе отъ личностей всегда будутъ лучшими средствами избавиться отъ такого поздняго раскаянія.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

$^5/_{17}$ января, 1881.

Тѣ изъ англичанъ, которые не пропитались до мозга костей политикой партій, не могутъ безъ жгучаго стыда помышлять о взаимныхъ отношеніяхъ, установившихся между Англіей и Ирландіей, и въ особенности объ отчаянныхъ усиліяхъ послѣдней, за послѣдніе полвѣка, заявить о своихъ страданіяхъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что до появленія агитаціи земельной лиги, народъ англійскій мало зналъ и еще меньше интересовался положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи; за исключеніемъ государственныхъ людей, занимавшихся этимъ вопросомъ, кто еще думалъ о немъ, и можно ли сказать, что общественное мнѣніе было затронуто имъ? Напротивъ того: во всѣхъ классахъ общества замѣчалась странная неохота разсуждать объ ирландскихъ дѣлахъ, явное нетерпѣніе, когда объ нихъ заходила рѣчь, и неуклонное стремленіе считать ирландцевъ безнадежно лѣнивымъ и недовольнымъ народомъ, который отлично могъ бы жить и при существующей системѣ, да предпочитаетъ вносить безпорядокъ во внутреннее управленіе Англіи, благодаря своему нелѣпому и невыполнимому стремленію къ національной независимости. Умный иностранецъ, слѣдившій за ходомъ англійскихъ дѣлъ въ теченіе прошлаго года, долженъ былъ подивиться тому, что объ ирландскомъ вопросѣ говорится точно о какомъ-то совершенно новомъ элементѣ, неожиданно вторгнувшемся во внутреннюю политику Англіи, а не какъ о затрудненіи, существующемъ уже сотни лѣтъ, а за послѣднія пятьдесятъ назойливо напрашивавшемся на вниманіе и рѣшеніе парламента. Это обстоятельство всего сильнѣе раздражаетъ ирландцевъ, которые по своему положенію могутъ активно стремиться къ облегченію долгихъ и несправедливыхъ страданій своего отечества. Они чувствуютъ, что всякій разъ имъ приходится начинать борьбу съизнова, такъ какъ всѣ предыдущіе аргументы, воззванія, просьбы оказываются какъ-бы никогда не существовавшими. Это чувство выразилось въ рѣчи, сказанной Брайтомъ по поводу пріостановки дѣйствія „Habeas Corpus“ въ Ирландіи въ 1866 г. Онъ сказалъ, что „еслибы большинство ирландскаго народа захотѣло быть откровеннымъ и еслибы оно могло выполнить то, чего хочетъ, то оно бы сдвинуло свой островъ съ мѣста и отвело бы его, по крайней мѣрѣ, на 2000 миль далѣе къ западу“. Даже пренія объ аграрномъ законѣ, происходившія десять лѣтъ тому назадъ,

не могли вылечить эту апатію англичанъ; большинство недовольныхъ биллемъ черпали свое недовольство только въ томъ обстоятельствѣ, что Гладстонъ нашелъ нужнымъ его провести, между тѣмъ какъ въ числѣ приверженцевъ послѣдняго въ парламентѣ очень немногіе поддерживали билль не изъ однихъ видовъ партіи. И такое отношеніе тѣмъ менѣе извинительно, что за послѣднія тридцать лѣтъ не было недостатка въ матеріалѣ для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ ирландскихъ жалобахъ; коммиссія, назначенная правительствомъ, досконально изучила вопросъ и представила свои о немъ заключенія, но съ такимъ малымъ успѣхомъ, что въ настоящее время мы ждемъ отчета другой коммиссіи, хотя, конечно, она прибавитъ немного новаго къ тому, что́ уже извѣстно объ этомъ вопросѣ. Несомнѣнно, что апатія эта объясняется главнымъ образомъ тѣмъ фактомъ, что Англія никогда не извлекала никакой матеріальной выгоды отъ присоединенія Ирландіи и привыкла смотрѣть на нее, какъ на самую безпокойную и мало полезную часть Соединеннаго-Королевства. Національный эгоизмъ является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ политическихъ отношеніяхъ.

Но агитаторы земельной лиги могутъ, по крайней мѣрѣ, похвалиться одной патріотической заслугой: они пробудили въ умахъ англичанъ небывалый интересъ къ ирландскимъ дѣламъ. Со времени окончанія парламентской сессіи, Ирландія сосредоточивала на себѣ общественное вниманіе, и дѣла ея обсуждались со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія. Періодическая литература всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ была монополизирована этимъ вопросомъ и придумывала способы для его разрѣшенія.

При обсужденіи этого вопроса прежде всего надо отказаться отъ всякихъ аналогій съ Англіей. Положеніе дѣлъ въ обѣихъ странахъ до такой степени различно и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніи, что то средство, которое было бы хорошо для одной, совсѣмъ не годится для другой. Въ то время, какъ въ богатой, промышленной Англіи, земледѣльческія задачи занимаютъ, такъ сказать, второстепенное мѣсто, Ирландія почти исключительно земледѣльческая страна. Едва ли $1/7$ часть всѣхъ доходовъ Англіи является результатомъ земледѣльческой промышленности, тогда какъ $2/3$ ирландскихъ доходовъ извлекаются изъ земли. Дублинъ, Коркъ, Бельфастъ, Лиммерикъ, Уатерфордъ—вотъ единственные, сколько-нибудь значительные ирландскіе города. И такой порядокъ дѣлъ является результатомъ ограниченнаго себялюбія прошлыхъ поколѣній англичанъ, безъ зазрѣнія совѣсти освящавшихъ законодательство, которое прямо подрывало ирландскую торговлю и промышленность. Съ царствованіемъ Карла II начинается рядъ законовъ, слишкомъ успѣшно

достигшихъ своей цѣли. Прежде всего воспрещенъ былъ ввозъ въ Англію ирландскаго скота и молочныхъ продуктовъ, изъ боязни, какъ бы ирландцы не вытѣснили съ рынка англійскихъ фермеровъ. Затѣмъ, когда Ирландія завела обширную торговлю съ британскими колоніями, эта торговля была тоже запрещена. Наконецъ, когда открылось, что ирландцы принялись за фабрикацію шерсти, и весьма успѣшно, англичане поспѣшили издать законы, запрещавшіе вывозъ шерсти изъ Ирландіи. Итакъ, не трудно понять, почему всѣ рессурсы Ирландіи заключаются въ земледѣліи.

Каковы же послѣдствія такого положенія дѣлъ? Чтобы вполнѣ понять ихъ, мы должны припомнить другую, хорошо извѣстную главу въ исторіи Ирландіи, которая передаетъ намъ о томъ, какъ распредѣлялась эта земля между ничтожнымъ, сравнительно, числомъ англійскихъ владѣльцевъ, получавшихъ ее въ даръ отъ англійской короны. Это, конечно, дѣла давно минувшихъ дней, но названіе „англійскій гарнизонъ", употреблявшееся раздраженными ораторами настоящей агитаціи, въ примѣненіи къ англійскимъ землевладѣльцамъ, достаточно указываетъ, — если бы только мы нуждались въ этомъ указаніи,—какая горькая память живетъ въ ирландцахъ о старыхъ обидахъ. Мало того: прямымъ результатомъ этой старинной политики является все настоящее зло земледѣльческой системы въ Ирландіи. Позвольте мнѣ привести отрывокъ изъ рѣчи Брайта, сказанной въ Бирмингамѣ прошлаго ноября:—Число землевладѣльцевъ въ Ирландіи весьма ничтожно для такой большой страны. Я думаю, что всѣхъ землевладѣльцевъ въ Ирландіи не болѣе 12,000 или 14,000. Одна треть Ирландіи принадлежитъ 292 лицамъ, половиной Ирландіи владѣютъ 744 человѣка; двѣ трети Ирландіи находятся въ рукахъ 1,942 лицъ. Съ другой стороны, арендаторовъ тамъ слишкомъ 500,000 человѣкъ. Вотъ крупный фактъ: 500,000 семей, т.-е. отъ полутора до трехъ милліоновъ людей зависятъ отъ земли, борятся другъ съ другомъ за владѣніе фермой, не имѣя въ своемъ распоряженіи другихъ занятій, какъ въ Англіи, и имѣя передъ собою только одинъ путь выйти изъ осаждающихъ ихъ затрудненій,—путь бѣгства изъ страны. Изъ этихъ 500,000 арендаторовъ, около половины владѣютъ фермою въ 5—14 акровъ, одна пятая имѣетъ въ своемъ распоряженіи только 5 акровъ; во многихъ случаяхъ земля очень плоха, и самые компетентные люди утверждаютъ, что такое ничтожное количество земли не можетъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, доставить безбѣдное существованіе цѣлой семьѣ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать спеціальнаго способа ирландской аренды. Въ этой странѣ почти повсемѣстно въ обычаѣ отдавать въ аренду только землю, предоставляя самому арендатору выстроить

всѣ зданія, возвести изгороди, осушить и удобрить землю, словомъ, сдѣлать все то, что̀ требуется въ сельскомъ хозяйствѣ, тогда какъ въ Англіи обыкновенно всѣ вышеназванныя операціи производятся самимъ лэндлордомъ.

Очевидно, что въ земледѣльческой странѣ, гдѣ господствуетъ такая земельная система, благосостояніе должно въ сильной степени зависѣть отъ условій, на которыхъ фермеры арендуютъ свои земли. Корень ирландскаго вопроса, господствующаго въ Ирландіи недовольства, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что условія аренды явно невыгодны въ большинствѣ случаевъ и очень часто совсѣмъ нестерпимы. Арендаторы жалуются на то, что у нихъ нѣтъ никакого обезпеченія при арендованіи ими земли, что въ большинствѣ случаевъ владѣлецъ можетъ возвысить аренду, какъ ему угодно, и прогнать фермера, какъ скоро тотъ не въ состояніи ее выплатить. Правда, какъ мы увидимъ ниже, лэндлордъ не можетъ этого сдѣлать, не уплативъ нѣкотораго вознагражденія за убытки, но въ виду большой конкурренціи на арендованіе фермъ, это вознагражденіе далеко не покрываетъ убытковъ, претерпѣваемыхъ внезапно сгоняемымъ съ его земли фермеромъ. Въ Ирландіи только въ видѣ исключенія мелкія фермы сдаются на долгій срокъ; обыкновенно контрактъ заключается только на годъ, съ условіемъ, что фермеру каждую минуту можетъ быть отказано отъ аренды. Можетъ-ли, при такихъ условіяхъ, фермеръ не быть въ вѣчной тревогѣ и опасеніи? Неудивительно поэтому, что въ той части острова, гдѣ эта система давитъ всего сильнѣе, земледѣльцы мало-по-малу стали лѣнивы и непредусмотрительны? Компетентные люди утверждаютъ, что въ Ирландіи существуетъ не менѣе 94,000 хижинъ въ одну комнату, гдѣ помѣщается вся семья фермера, состоящая среднимъ числомъ изъ шести душъ. Весьма рѣдко въ этихъ жилищахъ бываютъ хоть какіе-нибудь слѣды комфорта; можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ Англіи скотъ помѣщенъ лучше, чѣмъ въ Ирландіи люди. Ирландія, и на этомъ слѣдуетъ настаивать, въ особенности въ отдаленныхъ южныхъ округахъ, гдѣ агитація ведется всего дѣятельнѣе, сильно отстала въ цивилизаціи отъ земледѣльческихъ округовъ Англіи. Въ сущности большинство ирландскихъ фермеровъ совсѣмъ не заслуживаютъ этого названія; это просто-на-просто земледѣльцы, не располагающіе никакимъ капиталомъ и обработывающіе свои нѣсколько акровъ земли, чтобы прокормиться съ семействомъ. Въ Ирландіи система владѣнія земли общинами существовала на цѣлую тысячу лѣтъ долѣе, чѣмъ въ Англіи; результатомъ этого является стремленіе крестьянъ считать арендуемую ими землю своею собственностью, за которую готовы отбывать нѣкоторыя повинности

своимъ лэндлордамъ. Послѣдніе же, будучи англичанами, смотрятъ на вещи съ совсѣмъ иной, чисто англійской точки зрѣнія, и такимъ образомъ, обѣ стороны рѣшительно не понимаютъ другъ друга. Такое ненормальное положеніе вещей еще усиливается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣйствіемъ „Encumbered Estates Court", установленнаго съ тѣмъ, чтобы облегчать продажу земельной собственности, и дѣйствующаго такимъ образомъ, что земля очень часто попадаетъ въ руки спекулянтовъ. Такимъ образомъ, толпы мелкихъ земледѣльцевъ быстро превращаются изъ фермеровъ въ простыхъ землепашцевъ или же бываютъ вынуждены эмигрировать.

Эти взаимныя недоразумѣнія между лэндлордами и фермерами сами собой выступаютъ въ каждомъ „ex-parte" воззваніи Ирландіи къ суду англійскаго общественнаго мнѣнія. Въ послѣдніе мѣсяцы лэндлорды принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи этого вопроса, и нѣкоторымъ безъ сомнѣнія удалось доказать, что они поступаютъ съ своими фермерами съ бо́льшей справедливостью, чѣмъ это вообще принято въ странѣ; другіе старались свалить на фермеровъ всю вину въ бѣдственномъ положеніи, отрицать котораго они не могли. Но ни одному лэндлорду не удалось доказать, что законы, опредѣляющіе ихъ отношенія съ фермерами, не негодны. Кромѣ того, существуетъ цѣлый классъ землевладѣльцевъ, уже нисколько не претендующихъ на то, чтобы исполнять свои обязанности относительно фермеровъ; это лорды—абсентеисты, довольствующіеся тѣмъ, что довѣряютъ управленіе своими помѣстьями какому-нибудь агенту и даже никогда не заглядывающіе въ страну, которой обязаны своимъ богатствомъ. Высчитано, что абсентеизмъ извлекаетъ изъ Ирландіи ежегодно около четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Отчетъ, напечатанный въ 1871 г., показывалъ, что въ то время въ Ирландіи насчитывалось 1,443 лэндлорда-абсентеиста, владѣвшихъ 16% всего пространства земли въ Ирландіи, и 4,496 землевладѣльцевъ, проживавшихъ въ Дублинѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ своихъ помѣстьяхъ, и располагавшихъ 20% всего пространства земли въ Ирландіи. Несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ абсентеизмъ долженъ былъ еще усилиться. Въ большинствѣ случаевъ, въ помѣстьѣ не живетъ даже отвѣтственный агентъ, а когда таковой и имѣется на лицо, то навлекаетъ на себя подозрѣніе въ томъ, что дѣйствуетъ исключительно въ виду личныхъ интересовъ. Въ разныхъ мѣстахъ можно видѣть результаты абсентеизма, въ особенности въ графствѣ Мейо; тамъ этотъ обычай былъ развитъ въ высшей степени, и въ настоящее время Мейо является однимъ изъ главныхъ центровъ безпорядка и волненія.

Тощая и плохо обработываемая земля, невѣрная аренда, безпеч-

ные и отсутствующіе лэндлорды—все это содѣйствовало тому, что бѣдность Ирландіи вошла въ пословицу. Положеніе дѣлъ тамъ, какъ нельзя лучше выражено однимъ ораторомъ земельной лиги, сказавшимъ на одномъ изъ митинговъ: „лэндлорды доводятъ Ирландію до голода въ каждомъ живущемъ поколѣніи, а затѣмъ ей приходится обращаться за помощью къ своимъ соотечественникамъ, выселившимся изъ отечества, чтобы спасти отъ смерти тѣхъ, что́ умираютъ съ голода на родинѣ.“ Вдобавокъ ко всѣмъ вышеизложеннымъ бѣдамъ, въ Ирландіи весьма неудовлетворительны законы попечительствъ о бѣдныхъ, и ни одинъ фермеръ не можетъ получить вспомоществованія, не отказавшись напередъ отъ арендуемой имъ земли, составляющей единственный источникъ пропитанія для него въ будущемъ.

Одна часть Ирландіи считалась исключительно благоденствующей и довольной. Это сѣверная провинція Ольстеръ. Тамъ издавна уже господствовалъ такъ называемый „tenant-right“, регулировавшій отношенія между лэндлордомъ и фермерами и извѣстный подъ названіемъ „ольстерскаго обычая“. „Tenant-right“ заключаетъ такія статьи: во-первыхъ, право фермера удерживать аренду за собой до тѣхъ поръ, пока исправно платитъ ренту и не нарушаетъ условій аренды; во-вторыхъ, преимущество продавать свой интересъ или „good-will“, какъ это называется, тому кто больше дастъ, при передачѣ аренды. Происхожденіе этого обычая темно, но несомнѣнно, что онъ ведетъ свое начало съ царствованія Іакова I, который подарилъ сравнительно небольшія помѣстья въ Ольстерѣ англійскимъ и шотландскимъ владѣльцамъ. Но въ настоящее время и въ Ольстерѣ господствуетъ недовольство, и на происходившемъ недавно митингѣ ольстерскихъ фермеровъ было постановлено, съ общаго согласія, что безъ *опредѣленной, умѣренной ренты* ольстерскій обычай нисколько не обезпечиваетъ фермеровъ. Протестъ, заявленный Ольстеромъ, оказалъ не малое вліяніе на направленіе англійскаго общественнаго мнѣнія.

Ольстерскій обычай, бывшій сначала простымъ традиціоннымъ обыкновеніемъ, возведенъ въ степень закона вездѣ, гдѣ онъ существовалъ, ирландскимъ земельнымъ биллемъ 1870 г., о которомъ мы должны вкратцѣ упомянуть, чтобы понять, на какомъ основаніи приходится нынѣ дѣйствовать нашимъ законодателямъ. Этотъ законъ преслѣдуетъ двѣ главныхъ цѣли: во-первыхъ, доставить фермерамъ гарантіи противъ своенравнаго отказа отъ аренды, во-вторыхъ, создать сословіе крестьянъ-собственниковъ въ Ирландіи. Та часть билля, которая преслѣдуетъ послѣднюю цѣль, называется по имени ея творца „Брайтовскими статьями“. Эти статьи опредѣляютъ, что если фермеру представится случай купить арендуемую имъ землю,

но онъ не въ состояніи будетъ заплатить всю требуемую за нее сумму, правительство ссудитъ ему двѣ трети суммы съ разсрочкой на извѣстное число лѣтъ.

Этотъ законъ дѣйствовалъ въ продолженіи десяти лѣтъ, но несмотря на возлагавшіяся на него надежды, оказался совсѣмъ неудачнымъ. Причины неудачи понятны: во-первыхъ, онъ предлагаетъ ирландскимъ фермерамъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ они просятъ; во-вторыхъ, такъ-называемыя „Брайтовскія статьи" мало примѣнимы на дѣлѣ, вслѣдствіе затруднительности всей предполагаемой операціи выкупа земли.

Разсудительные и предусмотрительные люди въ Ирландіи почти единодушны въ тѣхъ требованіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ ввести въ основаніе новаго земельнаго закона для того, чтобы онъ дѣйствительно устранилъ всѣ затрудненія между лэндлордами и ихъ фермерами. Въ ихъ программу внесены три пункта:—„Fixity of tenure" (право арендатора сохранять за собою аренду до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ свою ренту); „Free sale" (право арендатора продавать при передачѣ аренды свой интересъ, какъ это уже водится при ольстерскомъ обычаѣ), и „Fair Rent" (справедливая рента), причемъ одни полагаютъ, что размѣръ ея долженъ быть опредѣленъ правительствомъ разъ навсегда, а другіе думаютъ, что она должна періодически установляться властями, назначаемыми съ этою цѣлью. Кромѣ того, они желали бы расширить примѣненіе „Брайтовскихъ статей", а такъ какъ большинство фермъ на западѣ по общему приговору слишкомъ малы, чтобы пропитать цѣлую семью, то они желали бы также обработки пустошей. Количество пустошей въ Ирландіи оцѣнялось въ нѣсколько милліоновъ акровъ, но компетентные люди говорятъ, что только небольшое количество изъ нихъ можетъ подлежать обработкѣ, остальное же составляютъ безнадежно плохія земли и болота, которыя бы не окупили труда обработки. Съ этой программой большинство ирландскихъ лэндлордовъ готово примириться, а также и большинство фермеровъ были бы довольны, еслибы она осуществилась. Но кромѣ этой умѣренной партіи, тамъ приходится считаться съ двумя непримиримыми партіями: меньшинствомъ лэндлордовъ, противящихся всякой реформѣ, какъ нарушенію своихъ правъ и партіи земельной лиги, предводительствуемой Парнеллемъ, стремящейся къ абсолютной отмѣнѣ лэндлордства.

При той соціальной борьбѣ, какая идетъ въ Ирландіи, понятно, что многіе лэндлорды жестоко страдаютъ: нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе совершенной невозможности получить ренту, доведены до нищеты. Кромѣ того, несмотря на сравнительно малое число крова-

выхъ расправъ, подметныя письма угрожающаго характера и существующее безправіе заставляетъ ихъ обращаться къ властямъ за личной охраной, которая и даруется имъ въ формѣ вооруженныхъ полисменовъ. Въ началѣ нынѣшняго года 153 лица были снабжены такими тѣлохранителями; надъ 1149 учрежденъ полицейскій надзоръ для защиты ихъ отъ покушеній. Но, несмотря на негодующіе вопли англійскихъ консерваторовъ и ирландскихъ лэндлордовъ, правительство разумно порѣшило испытать сначала дѣйствительность обыкновенныхъ законовъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ разослалъ судебнымъ властямъ меморандумъ, напоминая имъ о спеціальныхъ мѣрахъ, какія они могутъ принимать противъ незаконныхъ сборищъ, попытокъ къ устрашенію и пр. Въ теоріи несомнѣнно законъ достаточно силенъ, но на практикѣ очень трудно приводить его въ исполненіе въ Ирландіи, главнымъ образомъ вслѣдствіе полной невозможности найти въ такихъ случаяхъ свидѣтелей. Кромѣ того, послѣднія событія ясно доказали справедливость замѣчанія Форстера, сдѣланнаго имъ на дняхъ въ палатѣ общинъ, что ирландскимъ властямъ не хватаетъ твердости и рѣшимости, требуемыхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, а это зависитъ главнымъ образомъ отъ привычки ожидать особенныхъ полномочій въ каждомъ экстренномъ случаѣ. Парламентскій отчетъ, только-что обнародованный, показываетъ семьсотъ покушеній, совершенныхъ въ періодъ отъ 1-го января до 30-го ноября 1880 г.; причемъ только 73 человѣка были уличены и осуждены. Но характеръ безпорядковъ, вызываемыхъ земельною лигою, въ порядкѣ вещей и таковъ, что законъ не можетъ успѣшно съ ними бороться; такъ, напримѣръ, совершенно невозможно принудить человѣка взять въ аренду ферму прогнаннаго арендатора или входить въ торговыя сдѣлки съ „байкоттированнымъ“ лэндлордомъ. Въ виду этого, правительство въ концѣ осени рѣшило для того, чтобы испытать законность агитаціи земельной лиги, отдать подъ судъ ея главнѣйшихъ вожаковъ; четырнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ пять членовъ парламента, подвергнуты судебному преслѣдованію. Эти государственные процессы начаты въ Дублинѣ 28 декабря. Просьба Парнелля отложить процессъ до половины января съ тѣмъ, чтобы ирландскіе члены могли присутствовать при открытіи парламента, была отвергнута; тѣмъ не менѣе, такъ какъ процедура въ Вестминстерѣ обѣщала быть гораздо важнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ Дублинѣ, то 6-го января всѣ пять членовъ оказались на лицо въ парламентѣ. Сущность обвиненій, взводимыхъ на нихъ, заключается въ томъ, что они составили заговоръ, съ цѣлью помѣшать уплатѣ ренты, въ нарушеніи законныхъ порядковъ въ арендо-

ваніи фермъ и въ устрашеніи подданныхъ королевы, путемъ террора. Процессъ нисколько не взволновалъ населеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ увѣрены, что уликъ не окажется. Тѣмъ временемъ военная сила въ Ирландіи увеличена и доходитъ теперь до 25,000. Митинги земельной лиги зачастую теперь воспрещаются, когда они угрожаютъ общественному спокойствію и когда созываются съ опредѣленной цѣлью доносовъ на извѣстныхъ лицъ, которые перечисляются по именамъ.

Что касается того, слѣдуетъ ли отдать предпочтеніе политикѣ принудительныхъ мѣръ, или нѣтъ, то на этотъ счетъ мнѣнія, разумѣется, весьма различны и демаркаціонной линіей, въ этомъ случаѣ, служитъ опять то же, что отдѣляетъ консерваторовъ отъ либераловъ. Тщетно Гладстонъ и Брайтъ взываютъ къ странѣ о томъ, чтобы она отдѣлила весьма серьёзный политическій вопросъ, предлагаемый ей на разрѣшеніе, отъ мотивовъ, двигающихъ политическими партіями. Самая серьёзность этого вопроса подаетъ поводъ къ яростной борьбѣ между давнишними партіями и подъ давленіемъ давнишнихъ предразсудковъ. Твердый отказъ правительства ускорить срокъ открытія парламента съ цѣлью провести принудительныя мѣры, даетъ отличный случай ораторамъ и писателямъ консервативной партіи возставать противъ того, что они называютъ преступной безпечностью. Самые крайніе изъ этихъ критиковъ, опираясь на „прецеденты" въ англійскомъ обычаѣ, который бы они желали примѣнить ко всякому фазису цивилизаціи въ подлунномъ царствѣ, никакъ не хотятъ терпѣливо обсуждать задачи реформы. „Свобода договоровъ" — вотъ что они требуютъ для Ирландіи, забывая, что при существующихъ обстоятельствахъ такая вещь невозможна между фермерами и лэндлордами, когда послѣдніе владѣютъ монополіей всей выгоды подобныхъ договоровъ. Что касается агитаціи, чувства ихъ выражены въ недавнемъ спичѣ лорда Кренбрука, сказавшаго, что принудительныя мѣры—вотъ что требуется для Ирландіи и ничего больше, и выразившаго сожалѣніе, что правительство не „подавило" агитацію въ самомъ зародышѣ. Но несмотря на вопли этихъ алармистовъ, страна въ общемъ все болѣе и болѣе высказывается за либеральную программу; пожалуй, пусть прибѣгаютъ и къ принудительнымъ мѣрамъ, если это необходимо, лишь бы онѣ были не очень жестоки, но пуще всего пусть дадутъ плодотворный земельный законъ. Небольшая радикальная партія безусловно противится принудительнымъ мѣрамъ и готова просить болѣе крайней реформы, нежели та, какую, повидимому, готовитъ премьеръ. Гладстонъ, къ несчастію, знаетъ, что хотя онъ и очень популяренъ между избирателями, но въ стѣнахъ парламента долженъ имѣть дѣло съ элемен-

тами раздора и, какъ „практическій“ государственный человѣкъ,—печальное слово,—долженъ пытаться ихъ примирить. Сознавая, что существуетъ сильное либеральное большинство въ палатѣ общинъ, достаточное, чтобы преодолѣть консервативную оппозицію, онъ поставитъ себѣ задачей провести такую мѣру, которая бы удовлетворила парламентское требованіе реформы, не задѣвая массу представителей земельныхъ интересовъ въ его собственной партіи. „Парнеллисты“ и самые себялюбивые изъ лэндлордовъ въ палатѣ, являются противуположными полюсами и одинаково непримиримыми врагами Гладстона. Что касается палаты лордовъ, то въ виду ихъ образа дѣйствій въ прошлую сессію и принимая во вниманіе ихъ естественное желаніе помѣшать осуществленію земельной реформы, можно ожидать худшаго. Въ виду теперешняго направленія общественнаго мнѣнія о томъ, что касается англійскихъ земельныхъ законовъ, англійскіе землевладѣльцы дѣйствуютъ подъ вліяніемъ опасенія, какъ бы рѣшеніе ирландскихъ затрудненій не послужило опаснымъ примѣромъ для такихъ же явленій и въ самой Англіи.

Наконецъ въ числѣ мотивовъ, предрасполагающихъ противъ уступокъ ирландской агитаціи, является и тотъ, что Парнелль ясно выразилъ, что считаетъ дѣятельность земельной лиги лишь первымъ шагомъ къ достиженію національной независимости. Излишне говорить, какое ничтожное число англійскихъ политиковъ допускаютъ мысль о самоуправленіи Ирландіи, и напротивъ громадное большинство готово попрать всѣ законы справедливости, лишь бы помѣшать ему. Да и приверженцамъ самоуправленія не достаетъ рѣшимости заявить о своей безусловной враждебности, какъ къ консерваторамъ, такъ и къ либераламъ. Правительство можетъ быть увѣрено въ ихъ оппозиціи, какъ всякимъ принудительнымъ мѣрамъ, такъ и земельному биллю, какой можетъ допустить палата общинъ.

Парламентъ собрался 6 января, цѣлымъ мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго срока, такъ какъ было объявлено, что неотложныя общественныя дѣла предстоятъ къ обсужденію. Само собою разумѣется, что тронную рѣчь ожидали съ большимъ интересомъ, и ея сдержанность одинаково разочаровала какъ тѣхъ, кто готовился ей рукоплескать, такъ и тѣхъ, кто готовился порицать ее. Будучи безпримѣрно длинной, тронная рѣчь тѣмъ не менѣе упоминаетъ только о главныхъ цѣляхъ предстоящаго законодательства, предоставляя обширное поле для догадокъ о томъ, каковы будутъ въ частности министерскія мѣры. Поговоривъ объ улучшеніи извѣстій, касающихся восточнаго вопроса, пожалѣвъ о необходимости враждебныхъ дѣйствій въ южной Африкѣ и возвѣстивъ о намѣреніи очистить Кандагаръ, тронная рѣчь начинаетъ соболѣзновать о томъ, что соціаль-

ное положеніе въ Ирландіи „принимаетъ тревожный характеръ“... При такихъ обстоятельствахъ ея величество „находитъ правильнымъ энергически обратиться къ дѣйствію существующихъ законовъ, прежде чѣмъ потребовать новыхъ“, но такъ какъ эти законы оказались недѣйствительными, то требуются другія, болѣе обширныя полномочія. Тѣмъ не менѣе дѣло законодательной реформы въ Ирландіи будетъ вестись далѣе. Земельный законъ 1870 г. оказалъ большія благодѣянія, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказался недостаточнымъ, и предлагается дальнѣйшее развитіе его принциповъ, какъ въ вопросѣ отношеній лэндлордовъ къ фермерамъ, такъ и касательно расширенія крестьянской земельной собственности. Въ дополненіе обѣщается, что будутъ предложены мѣры относительно учрежденія окружного управленія въ Ирландіи, которыя, надо надѣяться, „расширятъ привычку къ самоуправленію“. Упоминовеніемъ еще нѣсколькихъ мѣръ, въ числѣ коихъ самой важной является билль объ искорененіи подкуповъ на выборахъ, завершается программа.

Большинство либеральныхъ органовъ, въ особенности провинціальныхъ, высказало сильное разочарованіе по поводу объявленныхъ парламентскихъ проектовъ. Что правительство сознается, что вынуждено прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ въ Ирландіи, уже было извѣстно и объ этомъ до нѣкоторой степени печалились, ибо антипатія къ принудительнымъ мѣрамъ вообще весьма сильна во многихъ избирателяхъ, особенно на сѣверѣ Англіи, гдѣ либеральная партія всего сильнѣе. И то, что Гладстонъ ограничиваетъ свое законодательство предложеніемъ расширить старый земельный законъ, показалось очень неутѣшительнымъ тѣмъ, кто, радуясь присутствію радикальныхъ элементовъ въ кабинетѣ, довѣрчиво ждали самаго крайняго билля. Въ палатѣ общинъ, не теряя времени, приступили въ перестрѣлкѣ, и хотя парламентъ засѣдалъ немногимъ больше недѣли, мы получили достаточное указаніе того, какую обильную пищу доставятъ пренія тревожной публикѣ, на долгіе мѣсяцы впередъ. Форстеръ объявилъ о предполагаемыхъ принудительныхъ мѣрахъ, въ формѣ билля о болѣе дѣйствительной охранѣ личности и собственности въ Ирландіи и билля объ измѣненіи закона касательно права обладанія оружіемъ въ Ирландіи. Къ несчастію, рутинная процедура палаты допускаетъ большую потерю времени, прежде чѣмъ мѣры будутъ дѣйствительно примѣнены на дѣлѣ. Когда былъ внесенъ обычный отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, начались пренія, которыя грозили очень затянуться, благодаря тактикѣ крайней ирландской партіи, отчаянно бившей на то, чтобы по возможности отдалить примѣненіе ненавистныхъ принудительныхъ мѣръ. Парнелль возвѣстилъ о поправкѣ къ адресу въ формѣ пара-

графа, убѣждающаго ея величество, что спокойствіе не можетъ быть возстановлено въ Ирландіи путемъ отмѣны конституціонныхъ правъ ирландскаго народа; за этой поправкой послѣдовали двѣ другихъ, отъ ирландскихъ же членовъ; и наконецъ сэръ Уильфридъ Лоусонъ возвѣстилъ о своемъ намѣреніи тоже предложить поправку, въ которой просятъ ея величество положить конецъ войнѣ съ бассутами. Ораторы оппозиціи тоже не отставали отъ другихъ въ попыткахъ досаждать правительству, и сваливали на него главную вину въ настоящемъ положеніи дѣла въ Ирландіи, вызванномъ, будто бы, его нерѣшительной политикой и нелѣпыми надеждами, которыя оно поддерживало въ ирландцахъ. Возражая на эти обвиненія, Гладстонъ защищалъ своихъ собратовъ и себя отъ обвиненій въ неправильной отсрочкѣ созванія парламента, ссылаясь на необходимость предстать съ дѣломъ, яснымъ, какъ Божій день, такъ чтобы получить согласіе всѣхъ партій на предложенія, какія онъ имѣетъ сдѣлать, и въ концѣ этой рѣчи премьеръ повторилъ, но тоже почти не вдаваясь въ подробности, пункты, на которыхъ законъ 1870 г. оказался недостаточнымъ.

Во второе засѣданіе Парнелль внесъ свою поправку, сопровождая ее рѣчью, замѣчательно умѣренной, въ которой онъ анализировалъ статистику преступныхъ покушеній и утверждалъ, что они не оправдали бы обращенія къ принудительнымъ мѣрамъ. Онъ оправдывалъ земельную лигу, отрицая, чтобы она агитировала противъ всякой уплаты ренты, и утверждая, что она—противъ уплаты только несправедливой ренты. Послѣ этого возникли пренія (если только ихъ можно такъ назвать), длившіяся цѣлыхъ шесть засѣданій, и поправка была въ концѣ-концовъ отвергнута большинствомъ 435 голосовъ противъ 57, причемъ въ числѣ послѣднихъ восемь принадлежало англійскимъ радикаламъ. Оппозиція естественно приняла сторону правительства, а нѣкоторое число либеральныхъ членовъ воздержалось отъ подачи голосовъ, не желая компрометтировать себя до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ въ точности: въ чемъ заключаются два билля Форстера? Интереснымъ эпизодомъ въ этихъ преніяхъ было отпаденіе отъ послѣдователей Парнелля небольшой кучки болѣе умѣренныхъ „Home rulers“, которые съ тѣхъ поръ примкнули къ либераламъ Ольстера въ требованіи такого закона, какой бы, по ихъ мнѣнію, удовлетворилъ справедливымъ требованіямъ фермеровъ. 12 января депутація отъ этихъ членовъ явилась къ Гладстону съ тѣмъ, чтобы высказать ему свое убѣжденіе, что никакая мѣра, если только она не удовлетворитъ тремъ принципамъ: прочности аренды, справедливости ренты и свободѣ продажи, а равно и облегченію крестьянамъ пріобрѣтать землю въ собственность,—не устранитъ ирланд-

скихъ затрудненій. Но премьеръ не измѣнилъ своей политикѣ умолчанія и высказалъ только, что не возьметъ на себя отвѣтственности внести такой билль, какой считаетъ неудовлетворительнымъ. Къ несчастію, земельный билль, несмотря на всю настоятельную потребность въ немъ, будетъ отложенъ до тѣхъ поръ, пока палата не покончитъ съ принудительными мѣрами, а этого, несмотря на все раздраженіе большинства, нельзя ожидать до истеченія періода, болѣе или менѣе намѣренно затягивающихъ дѣло, преній. Что либераламъ приходится начинать сессію въ одномъ направленіи съ консерваторами и реакціонерами—перспектива далеко не изъ пріятныхъ, и во время этихъ долгихъ преній особенно ясно стало, что будущее правительства зависитъ отъ характера тѣхъ реформъ, какія оно предложило.

Кстати о тактикѣ, къ какой прибѣгаютъ парнеллисты, для оппозиціи правительству. На дняхъ только-что обнародованъ парламентскій документъ, содержащій отчеты—въ отвѣтъ на запросъ графа Гренвилля—о парламентской практикѣ въ иностранныхъ государствахъ, въ особенности въ томъ, что касается clôture. Въ настоящее время много толковалось о необходимости и вѣроятности введенія въ нижнюю палату какого-нибудь способа закрытія преній, и этотъ вопросъ получилъ особенное значеніе отъ пагубной дѣятельности такъ-называемой четвертой партіи въ прошлую сессію. Настоящій документъ доказываетъ склонность кабинета дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Каждый съ радостью привѣтствовалъ бы тотъ или другой способъ прекращать нескончаемую болтовню, которая уже успѣла проявиться съ необузданностью, не предвѣщающей ничего хорошаго; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ настоящемъ случаѣ власть затыкать ротъ отдѣльнымъ личностямъ или даже прекращать пренія была бы пущена въ ходъ противъ партіи, добросовѣстно сопротивляющейся несправедливымъ мѣрамъ. Рѣчь уже была о томъ: кому вручить эту власть, спикеру или большинству палаты? Намъ только-что сообщаютъ, что одинъ позабытый всѣми приказъ палаты, изданный въ эпоху отъ 1610—1670 гг., представлялъ спикеру безусловную власть въ этомъ дѣлѣ, и это обстоятельство, конечно, будетъ принято во вниманіе. Съ теченіемъ времени можетъ оказаться, что вопросъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ вообще кажется теперь.

Я упоминалъ, говоря о палатѣ лордовъ, о настоящемъ положеніи „аграрнаго вопроса“ въ Англіи, такъ какъ нельзя долѣе отрицать, что въ Англіи, точно такъ же, какъ и въ Ирландіи возникаетъ этотъ вопросъ. Не со вчерашняго дня начались нападки на нашъ законъ, касающійся перехода земельной собственности. Но въ настоящее время много обстоятельствъ способствуетъ тому, чтобы привлечь

къ этому вопросу вниманіе соціальныхъ и политическихъ реформаторовъ, и однимъ изъ главныхъ является все увеличивающаяся трудность для англійскихъ фермеровъ конкуррировать съ могучей земледѣльческой дѣятельностью Новаго-Свѣта. Это дѣло поставлено теперь въ Англіи такъ, что можно опасаться, что значительная часть земли перестанетъ обработываться, вслѣдствіе невыгодности такой обработки. Вниманіе было обращено на этотъ фактъ на нѣсколькихъ митингахъ земледѣльческихъ обществъ, въ концѣ прошлаго года; одинъ ораторъ на митингѣ союза фермеровъ, происходившемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, высказалъ даже мысль, что англійскіе фермеры хорошо бы сдѣлали, если бы послѣдовали примѣру ирландской земельной лиги и заявили тѣ же требованія, конечно, не прибѣгая къ тѣмъ же беззаконнымъ мѣрамъ. Рента, правда, уже была значительно уменьшена, но вышеупомянутое обстоятельство вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ плохихъ урожаевъ и общимъ увеличеніемъ платы землепашцамъ, благодаря ихъ постоянной эмиграціи,—все это вынуждаетъ фермеровъ требовать такихъ уступокъ, какія лэндлордамъ представляются немыслимыми. Въ центральныхъ графствахъ Англіи, къ западу и къ югу, уже теперь находятся тысячи акровъ пахотной земли, которыя не находятъ себѣ арендаторовъ. На дѣлѣ тройной союзъ, поддерживавшій до сихъ поръ англійское земледѣліе: лэндлорда, фермера и землепашца, грозитъ, повидимому, распасться. Многіе изъ лэндлордовъ, хотя и готовы улучшить землю для операцій своихъ фермеровъ, но не имѣютъ къ тому средствъ вслѣдствіе долговъ, которыми обременены ихъ помѣстья, а между тѣмъ, если они пожелаютъ продать свои земли людямъ съ бо́льшими денежными средствами, то зачастую не могутъ этого сдѣлать вслѣдствіе законовъ о наслѣдствѣ. Фамильная гордость, заставлявшая стремиться къ накопленію и передачѣ земельной собственности изъ рода въ родъ, въ былое время приводила къ успѣшнымъ результатамъ, потому что, при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ, фермерство въ обширныхъ размѣрахъ было выгоднымъ дѣломъ для англійскихъ земледѣльцевъ. Но въ настоящее время вопросъ стоитъ такъ: возможно ли фермерамъ и земледѣльцамъ извлекать изъ земли средства къ жизни?—и либеральные политики уже подумываютъ о томъ, какъ бы увеличить число землевладѣльцевъ въ Англіи. Врядъ ли можно разсчитывать, что парламентъ обратитъ теперь вниманіе на возникающій вопросъ, но несомнѣнно, что съ теченіемъ времени этотъ вопросъ будетъ все рости, пока не сдѣлается руководящимъ факторомъ въ политическомъ положеніи дѣлъ.

Покидая эти темныя точки въ экономическомъ порядкѣ страны, пріятно заняться рѣчью м-ра Фоусетта, главнаго почт-директора,

сказанною имъ 14 прошлаго декабря. Фоусетту посчастливилось на первыхъ же порахъ ввести счастливое нововведеніе въ управляемомъ имъ вѣдомствѣ, и оно обѣщаетъ дать немедленно хорошіе плоды для рабочихъ классовъ. Чтобы поощрить привычку къ бережливости среди бѣднѣйшаго населенія и помочь ему въ трудномъ дѣлѣ накопленія копѣечныхъ сбереженій, придумана система, посредствомъ которой сберегательныя кассы почтоваго вѣдомства будутъ принимать вклады въ формѣ почтовыхъ марокъ цѣною въ одинъ пенсъ. Изъ любой почтовой конторы можно получать, безъ оплаты почтовыхъ издержекъ, форму, на которой размѣчены мѣста для двѣнадцати марокъ, и эту форму можно наполнять по мѣрѣ возможности и затѣмъ подать въ банкъ, гдѣ будетъ открытъ счетъ на имя вкладчика. Такъ какъ много возраженій дѣлалось „a priori" противъ этого проекта, то рѣшено было ввести его первоначально только въ десяти графствахъ, но результатъ семинедѣльнаго опыта былъ такъ удовлетворителенъ, что его распространили на всю страну. Фоусеттъ сообщалъ о полученныхъ уже результатахъ. Несмотря на краткость срока примѣненія этой системы, уже слишкомъ на одинъ милліонъ этихъ марокъ было принято въ качествѣ вкладовъ и посредствомъ этихъ формъ открыто слишкомъ 58,000 счетовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Ни одной марки не пришлось возвратить потому, чтобы она была запачкана или разорвана, и это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, когда мы вспомнимъ, въ какихъ жилищахъ хранились эти марки. Что же касается увѣреній въ томъ, что новая система послужитъ прямымъ соблазномъ для почтальоновъ и другихъ почтовыхъ служащихъ, чтобы воровать марки, то м-ръ Фоусеттъ могъ доказать, что ни одного случая такой кражи не было замѣчено. „Я утверждаю,—продолжалъ почт-директоръ,—что такое вѣдомство, какъ почтовое, можетъ различными способами поощрять бережливость и энергично побуждать народъ освобождаться отъ путъ пауперизма и филантропіи. Въ доказательство этого могу привести, что хотя настоящее время года таково, когда особенно много вынимается вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ почтоваго вѣдомства, число новыхъ счетовъ, открытыхъ въ нихъ, увеличилось въ такой степени, какъ никогда доселѣ". На основаніи статистическихъ данныхъ ораторъ заключалъ, что черезъ годъ, обращаясь къ той же публикѣ, онъ будетъ имѣть возможность сообщить ей, что число вкладчиковъ въ сберегательныхъ кассахъ возросло, по меньшей мѣрѣ, на 500,000 человѣкъ.

Затѣмъ Фоусеттъ сообщалъ о другой мѣрѣ, посредствомъ которой его вѣдомство сдѣлалось центромъ мелкихъ финансовыхъ операцій. Въ прошедшую сессію парламента изданъ былъ законъ, дозволявшій

каждому, у кого имѣется 10 фунтовъ стерлинговъ, становиться владѣльцемъ акцій національнаго фонда. До сихъ поръ владѣльцевъ акцій фонда было сравнительно немного, такъ что семьсотъ милліоновъ національнаго долга распредѣлялись всего между 230,000 людей. Отнынѣ, уплачивая небольшую коммиссію, всякій можетъ помѣстить отъ 10 — 100 фунтовъ стерлинговъ въ бумаги фонда въ одной изъ 6,000 почтовыхъ конторъ, гдѣ имѣется сберегательная касса; проценты получаются конторою для вкладчика, безъ уплаты пошлинъ. Эту операцію не такъ легко привести въ исполненіе, какъ предыдущую, и она дѣйствовала еще слишкомъ короткій срокъ, чтобы можно было предсказать ея результаты; но,—говоритъ ораторъ,—„въ различныхъ частяхъ страны нѣсколько сотъ человѣкъ уже помѣстили свои деньги этимъ путемъ, и ни разу не было ни малѣйшаго намека даже на какое-нибудь затрудненіе“. Далѣе Фоусеттъ сообщалъ еще о нѣкоторыхъ реформахъ, какія онъ надѣется ввести въ своемъ вѣдомствѣ. Но двѣ вышеприведенныя самыя значительныя изъ всѣхъ.

По поводу недавняго заключенія въ тюрьму двухъ духовныхъ лицъ и отрѣшенія отъ должности третьяго за ихъ отказъ повиноваться закону въ дѣлѣ церковнаго ритуала, необходимо сказать о такъ-называемомъ „кризисѣ“ въ англиканской церкви. Вышеупомянутые джентльмены были признаны виновными въ неправильномъ способѣ совершать богослуженіе, и имъ обычнымъ порядкомъ внушено было измѣнить свой образъ дѣйствій. Но они не обратили никакого вниманія на это внушеніе и были отрѣшены, опять послѣ обычной процедуры, отъ своей должности. Эту мѣру они также оставили безъ вниманія и продолжали совершать богослуженіе тѣмъ же, признаннымъ за беззаконный, порядкомъ. Послѣ этого лордъ Пензенсъ, судья, разбирающій ритуалистическіе процессы, призналъ достопочтенныхъ джентльменовъ виновными въ тяжкомъ оскорбленіи суда. Двоихъ изъ нихъ: м-ра Деля и м-ра Энрота, посадили въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока они не объявятъ, что готовы подчиниться закону; третьяго м-ра де-ла-Биръ, котораго судили по другому парламентскому закону, отрѣшили отъ должности.

Эти процессы произвели не малую сенсацію въ публикѣ, и хотя эти духовныя лица насчитываютъ немного приверженцевъ, однако публика не можетъ не находить, что тотъ фактъ, что священниковъ засадили въ тюрьму за проступки, во всякомъ случаѣ, не оскорбляющіе нравственности, врядъ ли соотвѣтствуетъ настоящему состоянію нашей цивилизаціи. Сами ритуалисты не находятъ достаточно энергическихъ словъ, чтобы заклеймить это „преслѣдованіе“, а законъ и судъ, приводящій въ исполненіе этотъ законъ, они считаютъ орудіемъ величайшаго оскорбленія принциповъ гражданской и рели-

гіозной свободы. Общество, называемое „церковнымъ союзомъ“, имѣетъ спеціальной цѣлью поддерживать всѣхъ духовныхъ лицъ, которые подвергаются преслѣдованію ради своего ритуала; а другое общество, „церковная ассоссіація“, употребляетъ всѣ усилія, чтобы увеличить число преслѣдованій.

Ритуалистическое духовенство не скрываетъ, что въ основаніи ихъ разлада съ обычной церковной обрядностью лежитъ нѣкоторое пристрастіе къ извѣстному, нѣсколько неопредѣленному ученію объ евхаристіи, которое слишкомъ приближается къ ученію римской церкви, чтобы быть терпимымъ правовѣрными англиканами. Но объ этой сторонѣ вопроса толкуютъ пока мало; обвиненія, тяготѣющія надъ „мучениками“, заключаются въ упорной рѣшимости носить извѣстное одѣяніе, зажигать извѣстные свѣтильники, принимать извѣстныя позы, которыя парламентъ объявляетъ совершенно незаконными въ богослуженіи установленной церкви.

Съ 1874 г. дѣйствовалъ законъ, регулирующій общественное богослуженіе и имѣющій въ виду провести демаркаціонную линію между законнымъ и незаконнымъ отправленіемъ богослуженія и назначающій особаго судью для разбирательства спорныхъ казусовъ. На рѣшеніе этого судьи можно апеллировать въ судебную коммиссію государственнаго совѣта. На основаніи этого закона подвергнуты были преслѣдованію и отрѣшены отъ должности м-ръ Дель и м-ръ Энротъ; но то обстоятельство, что ихъ посадили въ тюрьму, обусловливается примѣненіемъ обыкновенныхъ законовъ, направленныхъ противъ лицъ, виновныхъ въ неповиновеніи суду.

Появленіе въ концѣ года новаго романа лорда Биконсфильда—событіе такой важности для недавней политической исторіи, что о немъ необходимо упомянуть въ заключеніе настоящаго письма. „Endymion“, собственно говоря, даетъ объясненіе всего хода англійской иностранной политики—внутренней тогда почти не существовало—за все злополучное время управленія лорда Биконсфильда. Если кто-нибудь еще питалъ иллюзію, что благородный лордъ, на склонѣ лѣтъ и покрытый почестями, управлявшій дѣлами великой имперіи, отличался во взглядахъ и стремленіяхъ отъ Бенджамина Дизраэли, умнаго и смѣлаго политическаго авантюриста,—того появленіе этой книги должно было совершенно разочаровать.

Русскіе читатели, конечно, уже хорошо знакомы съ книгой въ настоящее время, чтобы нужно было говорить объ ея содержаніи и героахъ [1]). Естественно было ожидать, относительно послѣднихъ, что

[1]) Въ собраніяхъ переводныхъ романовъ, дѣйствительно, появились уже два перевода романа Биконсфильда. *Ред.*

публика будетъ отыскивать ихъ прототиповъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ, среди выдающихся политиковъ нашего времени или же весьма недавняго прошлаго. Много комментаріевъ объ этомъ было уже напечатано, такъ что почти ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не осталось непріуроченнымъ къ кому-нибудь изъ нихъ, но можно сказать навѣрное, что многія изъ этихъ толкованій очень удивятъ автора. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя ошибаться; такъ напр., невозможно не принять лорда Рочамптона за лорда Пальмерстона; Джоба Торнберри за Ричарда Кобдена; можно узнать Луи-Наполеона, кардиналовъ Уайзмена и Маннинга, слитыхъ въ одно лицо; точно такъ нельзя, къ несчастію, сомнѣваться, что духъ литературнаго недоброжелательства побудилъ автора изобразить въ нелѣпой каррикатурѣ двухъ величайшихъ изъ англійскихъ романистовъ. Что касается второстепенныхъ лицъ, то попытки пріурочивать ихъ къ живымъ людямъ дѣлаются единственно лишь ради погони за скандаломъ, хотя, принимая во вниманіе слабость художественнаго дарованія лорда Биконсфильда и всѣмъ извѣстную склонность къ личностямъ въ своихъ произведеніяхъ, нельзя удивляться массѣ подробностей и характеристикъ, наводящихъ на догадки читающую публику.

Сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, что авторъ писалъ „Эндиміона" около десяти лѣтъ; такимъ образомъ, онъ писалъ его обдуманно и медленно, и можно безъ сомнѣнія искать въ немъ окончательныхъ взглядовъ автора на многіе вопросы политическіе и общественные. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, что государственный человѣкъ, удалившись отъ управленія общественными дѣлами, употребляетъ свой досугъ на то, чтобы предстать передъ міромъ въ качествѣ ничтожнаго и слабаго романиста; но явленіе это заслуживаетъ, какъ я уже сказалъ, большого вниманія, чтобы понять политическую дѣятельность прошлаго правительства и сильную реакцію, вызванную имъ въ концѣ-концовъ во всей странѣ. Лордъ Биконсфильдъ—фантазёръ-артистъ, которому дана была возможность разыгрывать свои любимыя роли на сценѣ дѣйствительной жизни. Англійская публика, надо отдать ей справедливость, всегда понимала это и нерѣдко выражала, что ошибочно было бы принимать главу консерваторовъ *au sérieux*. Критики съ этой точки зрѣнія и обсуждали его послѣднее произведеніе и очень снисходительно отнеслись къ нему, съ удивительнымъ юморомъ указывая на нравственное значеніе этой исторіи. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что романъ свидѣтельствуетъ въ пользу большой ловкости благороднаго лорда.

Во всѣхъ трехъ томахъ нельзя найти слѣда какихъ-нибудь благородныхъ чувствъ или возвышенныхъ стремленій. Атмосфера, господствующая въ этомъ произведеніи — атмосфера дипломатическая, какъ ее понимаетъ лордъ Биконсфильдъ, а герои, за рѣдкими исключеніями, отличаются неправдоподобностью и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ удивительно низкихъ побужденій. Главной цѣлью ихъ честолюбія, ихъ *idée fixe* является „*la haute politique*", которая характеризуется какъ „большая игра". Сами дипломаты удостоиваются спеціальной характеристики: одно время, говорятъ намъ, „Эндиміонъ" имѣлъ рѣдкій случай изучать этотъ странный классъ человѣческихъ существъ, которыя привыкли смотрѣть на государства и націи, какъ на лица, и спекулировать на ихъ ссоры и недоразумѣнія, и средства, которыми они пользуются, состоятъ въ особомъ спеціальномъ языкѣ, гдѣ каждое слово обозначаетъ діаметрально противуположное тому, что оно, повидимому, выражаетъ." И это отнюдь не сатира, а просто веселая шутка, такъ какъ авторъ не скрываетъ, что имъ принадлежатъ его симпатіи, хотя онъ и позволяетъ себѣ поглумиться надъ ними. Затѣмъ опять, когда герой подумываетъ о парламентской карьерѣ, одна вліятельная лэди краснорѣчиво учитъ его, что „финансы и торговля—всѣмъ доступные вопросы и особенно годятся для спичей тѣмъ людямъ, которые не говорятъ по-французски и не получили никакого воспитанія. Настоящая политика, это— имѣть власть и раздавать ее". Съ этимъ убѣжденіемъ благородный юноша становится мужемъ. Сестринская преданность героини представляется заслуживающей удивленія и хвалы, но какова цѣль этой преданности? когда ея братъ готовится стать первымъ министромъ и весь наполненъ мыслями о личной власти и славѣ, она объявляетъ, что всѣ ея высшія надежды осуществились. Эндиміонъ — министромъ, а сама она—королевой, что можетъ быть желаннѣе этого?

Романы лорда Биконсфильда будутъ читаться потомствомъ, но врядъ ли за ихъ литературныя достоинства. Англійскіе историки девятнадцатаго столѣтія найдутъ въ нихъ не мало свѣдѣній о любопытныхъ примѣрахъ политическаго честолюбія и успѣха и о странномъ періодѣ, когда политикой страны руководилъ такъ называемый „имперіализмъ".

G. R. G.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Политика и народъ.

По поводу ирландскаго вопроса.

Англія пожинаетъ теперь горькіе плоды давняго безпощаднаго завоеванія и обезземеленія цѣлаго народа. Въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ давно покоренная ею Ирландія представляетъ поразительное зрѣлище страны, въ которой народное и общественное недовольство и озлобленіе привело къ полной анархіи. Отъ одного конца Англіи до другого, во всѣхъ кружкахъ и слояхъ, консервативныхъ и либеральныхъ, раздаются жалобы на отсутствіе безопасности для лицъ и собственности въ странѣ, управляемой англійскими законами и состоящей болѣе трехъ столѣтій подъ англійскимъ владычествомъ. Всѣ кричатъ объ организованномъ заговорѣ противъ закона,—заговорѣ, въ которомъ участвуетъ цѣлая страна! Ранней осенью сельское населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Ирландіи стало громко высказывать, что „англійскому закону пришелъ конецъ", и теперь это убѣжденіе стало общимъ въ Конноутѣ и Мюнстерѣ, въ большей части Лейнстера и въ нѣкоторыхъ округахъ Ольстера. Народное убѣжденіе встрѣтилось съ дѣятельностью земельной лиги, принявшей къ сердцу интересы страны вообще и обездоленныхъ фермеровъ въ частности, и увлекло ее далеко за предѣлы мирной агитаціи. Дѣло дошло до попытокъ добиться угрозами и устрашеніемъ отмѣны существующихъ договоровъ между землевладѣльцами и фермерами, до открытаго насилія въ отношеніи къ тѣмъ, кто не подчинялся народнымъ требованіямъ. Ихъ „бойкотировали", т.-е. дѣлали съ ними то же, что съ землевладѣльцемъ Бойкотомъ, запрещая кому бы то ни было имѣть съ нимъ дѣло, работать въ его имѣніи, нанимать у него землю и т. п., разобщая землевладѣльца съ окружающимъ міромъ. Съ половины прошлаго года въ народѣ стало замѣтно горячее участіе къ людямъ, совершающимъ такъ-называемыя аграрные проступки и преступленія. Власти тщетно розыскивали виновныхъ. „Британскіе тигры"—вотъ имя, данное народомъ англичанамъ, т.-е. англійскимъ лэндлордамъ и властямъ. Ирландцы стекались на митинги съ знаменами, на которыхъ красовалась выразительная надпись: „Мы работаемъ, а чужеземецъ беретъ себѣ жатву". Народъ

угрожалъ смертью работникамъ, которые еще продолжали что-нибудь дѣлать для осужденнаго на безпомощность землевладѣльца; въ одномъ графствѣ была даже вырыта могила, и надъ нею поставлена надпись, которая предупреждала, что эту могилу наполнятъ собою тѣ, кто станетъ обработывать зачумленную ближайшую ферму. Землевладѣльцы получали письма, грозившія имъ также смертью, если они не понизятъ арендной платы за землю. Угрожающія письма получали, впрочемъ, не одни землевладѣльцы, возбудившіе своими дѣйствіями глубокое недовольство народа. Взаимное раздраженіе между землевладѣльцами и фермерами такъ сильно, что подобныя письма разсылались съ обѣихъ сторонъ. Вотъ, напр., письмо, полученное однимъ изъ вождей земельной лиги, Парнеллемъ: „15 декабря 1880. Чарльзу Стюарту Парнеллю. Приготовились ли вы отдать душу Богу? Если нѣтъ, то поспѣшите примириться съ нимъ, а то будетъ поздно. При судебномъ разбирательствѣ вашего дѣла, никакъ не позже, вамъ дастъ вкусить вѣчный покой человѣкъ, которому жребій предназначилъ отправить зараженнаго всякою скверной и проклятымъ коммунизмомъ передъ лицо карающаго божества. Тогда, только тогда, успокоится эта ослѣпленная страна, повергнутая въ нынѣшнее безнадежное положеніе вашими низкими происками. Самъ адъ и самъ дьяволъ, которымъ вы посланы, не защищатъ васъ отъ пули человѣка, готоваго принять жесточайшую кару обезсиленнаго вами закона, лишь бы только убить васъ“. Подобныя письма получали и другіе выдающіеся члены земельной лиги. Члены лиги, въ свою очередь, на митингахъ громко обвиняли во лжи тѣхъ судей, которые въ своихъ судебныхъ рѣчахъ приписывали подстрекательствамъ лиги всевозможныя преступленія и желаніе довести дѣло до избіенія всѣхъ землевладѣльцевъ. „Онъ лжетъ“, сказалъ членъ парламента и членъ лиги, Диллонъ, о лордѣ верховномъ судьѣ „онъ — презрѣнный лжецъ, потому что произнесъ это обвиненіе съ такого мѣста, которое ограждало его отъ послѣдствій той же лжи, еслибъ она была произнесена въ частномъ собраніи“. Всѣ эти факты, а ихъ можно было бы привести тысячи, достаточно характеризуютъ положеніе дѣлъ. Только глубокія причины, только сильно наболѣвшія общественныя язвы могутъ порождать такъ сильно обостренныя отношенія между двумя слоями населенія. И эти язвы сразу выясняются намъ, когда мы припомнимъ, что одинъ слой ирландскаго населенія, слой большею частью пришлый, англійскій, владѣетъ почти всею землей страны, а другой, вдесятеро болѣе многочисленный, принужденъ или тяжко работать, чтобы временно имѣть въ своемъ распоряженіи клочекъ земли, или вѣчно оставаться батракомъ.

Движенія, подобныя нынѣшнему, наполняютъ всю исторію Ир-

ландіи съ того самаго времени, какъ Кромвель прошелъ по ней съ огнемъ и мечомъ. Ея католицизмъ, ея приверженность къ Стюартамъ были ненавистны англійскимъ протестантамъ всѣхъ оттѣнковъ и конституціоналистамъ. Ирландскія возстанія издавна стали явленіемъ періодическимъ. Не углубляясь въ отдаленныя времена, вспомнимъ только то, чему мы всѣ были свидѣтелями двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Ирландія, какъ и теперь, была охвачена аграрнымъ и политическимъ движеніемъ, во главѣ котораго стояли такъ-называемые феніи. На нашей памяти Гладстону приходится теперь во второй разъ распутывать страшно затянутый историческій узелъ, который уже столько разъ принималось разрубать народное ожесточеніе ирландцевъ. Какъ теперь, онъ и тогда началъ внесеніемъ билля, пріостанавливавшаго конституціонныя гарантіи въ Ирландіи; какъ теперь, за этимъ биллемъ и тогда послѣдовалъ другой, аграрный билль, который, какъ надѣялись въ то время, удовлетворитъ ближайшія нужды ирландскаго народа. Этотъ многострадальный народъ, въ теченіе вѣковъ терпѣвшій всѣ бѣдствія обезземеленія, голода, вынужденныхъ переселеній изъ отечества, дѣйствительно успокоился, но только на десять лѣтъ—не больше. Аграрный билль, проведенный Гладстономъ въ 1870 году черезъ обѣ палаты парламента, и съ тѣхъ поръ регулирующій въ Ирландіи юридическія отношенія между землевладѣльцами и нанимающимъ у нихъ землю народомъ, нѣсколько ограничивалъ произволъ землевладѣльцевъ. Ихъ договоры съ нанимателями земли и крестьянами имѣли прежде законную силу лишь постольку, поскольку они того желали, и могли быть произвольно разрываемы ими. Билль узаконялъ эти договоры и обязывалъ землевладѣльцевъ, въ случаѣ произвольнаго изгнанія фермеровъ съ нанимаемой ими земли, выдавать имъ вознагражденіе, соразмѣрное съ ихъ прежней арендной платой. Всѣ споры между землевладѣльцами и крестьянами-нанимателями разрѣшались, въ силу тогдашняго билля, особыми третейскими судами. Билль дозволялъ фермерамъ отдавать въ наемъ употребляемымъ ими рабочимъ строенія и огороды на нанимаемой землѣ. Чтобы способствовать пріобрѣтенію земли въ собственность сельскимъ населеніемъ и образованію средняго слоя свободныхъ землевладѣльцевъ, билль уполномочивалъ правительство выдавать фермерамъ ссуды на умѣренныхъ условіяхъ.

Но всѣ эти мѣры были допущены биллемъ въ такихъ микроскопическихъ дозахъ, что практическіе его результаты оказались почти ничтожными. Нынѣшнія волненія ясно показали, что эти мѣры, которыми министерство Гладстона думало въ то время удовлетворить вопіющія нужды ирландскаго народа, были крайне несоразмѣрны съ

самыми нуждами. Очень можетъ быть, что въ 1870 году болѣе удовлетворительный билль и не могъ бы пройти въ палатѣ лордовъ. Англійскіе консерваторы, сами, большею частью, крупные землевладѣльцы, считали свои интересы солидарными съ интересами ирландскихъ лэндлордовъ и громко протестовали противъ мнимаго нарушенія биллемъ личной свободы гражданъ и священнаго права собственности. Но все-таки этотъ актъ государственнаго благоразумія не упразднилъ коренныхъ причинъ народнаго недовольства и озлобленія, а только на-время успокоилъ измученную экономическимъ безправіемъ и нуждою Ирландію.

Въ странѣ завоеванной, разобщенной съ своими завоевателями національностью, вѣрой и экономическимъ гнетомъ, аграрная агитація не могла не принять и политическаго характера. Ирландцы, выселявшіеся массами въ Соединенные-Штаты, гдѣ имъ открылась возможность достигнуть сравнительно большей степени благосостоянія, унесли съ собою въ свое новое отечество ненависть къ Англіи и дорогія національныя преданія о многочисленныхъ попыткахъ ихъ предковъ свергнуть съ себя англійское иго. Тысячи этихъ переселенцевъ принимали дѣятельное участіе въ междоусобной войнѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными, разумѣется, противъ южныхъ, которымъ изъ промышленныхъ соображеній сочувствовали англичане они научились въ этой войнѣ носить оружіе и драться. Раздраженіе сѣверныхъ штатовъ противъ Англіи дошло тогда до сильной степени, и обстоятельства казались ирландцамъ какъ нельзя болѣе благопріятными для освобожденія покинутой ими, обездоленной родины. Такъ возникло въ шестидесятыхъ годахъ знаменитое братство феніевъ, „партія физической силы“, отрицавшая пользу той мирной агитаціи, представителемъ которой былъ О'Коннелль. Братство было организовано и быстро перенесло свою дѣятельность въ Ирландію, поставивъ себѣ цѣлью освобожденіе Ирландіи и учрежденіе ирландской республики. У братства, благодаря денежной и нравственной помощи всѣхъ американскихъ ирландцевъ, формировалась армія, была своя казна, были свои запасы оружія. Но нити заговора были открыты англійской полиціей прежде, чѣмъ феніи открыто подняли знамя возстанія. Позднѣйшія попытки ихъ поднять Ирландію тоже не удались, обнаруживъ крайнюю ихъ непрактичность. Тѣмъ не менѣе, эти отчаянныя попытки обратили общее вниманіе на тяжелое и опасное положеніе страны. Онѣ привели сначала къ политико-церковной реформѣ, къ биллю 1869 года, упразднявшему привилегированное положеніе англиканской церкви въ католической Ирландіи, а потомъ и къ аграрному биллю 1870-го года. Этотъ послѣдній билль настолько успокоилъ Ирландію, что, годъ спустя, почти на всѣхъ

заключенныхъ феніевъ была распространена амнистія, обязывавшая ихъ, однако же, выѣхать изъ предѣловъ Соединеннаго-Королевства.

Горячихъ и неопытныхъ феніевъ смѣнили теперь болѣе зрѣлые и искусные политическіе люди; попытки къ открытому возстанію и взрывы уступили мѣсто другимъ, болѣе обдуманнымъ пріемамъ: правильнымъ митингамъ, ловкой парламентской тактикѣ и вниманію къ интересамъ того сельскаго населенія, которое всегда больше нуждается въ улучшеніи своихъ хозяйственныхъ условій и болѣе чувствительно къ нему, чѣмъ къ чисто-политическимъ задачамъ. Передъ господствующимъ, страшно наболѣвшимъ аграрнымъ вопросомъ, въ глазахъ народа стушовывались всѣ другія соображенія, не исключая и религіозныхъ. Парнелль и многіе другіе ирландскіе депутаты въ палатѣ общинъ—протестанты. Вопросъ политическій обратился только въ средство для достиженія аграрныхъ цѣлей. Прошло десять лѣтъ послѣ окончательнаго подавленія феніевъ и новаго аграрнаго билля, и Англія очутилась въ положеніи еще болѣе затруднительномъ, чѣмъ въ какомъ она была тогда. Въ то время были вспышки, больше навѣянныя извнѣ, изъ Америки; теперь весь островъ въ броженіи. Тогда феніи выставили сразу республиканское знамя; теперь такъ называемые home-rulers, бойцы за самоуправленіе Ирландіи, и знаменитое общество Land-Ligue, во главѣ котораго стоятъ искусные и опытные люди, и которая взяла въ свои руки интересы обезземеленнаго сельскаго населенія, систематически дѣйствуютъ въ пользу ирландской независимости, не выставляя заранѣе другого политическаго знамени.

Полное законодательное сліяніе Ирландіи съ Англіей состоялось, послѣ многихъ кровавыхъ возстаній, подавленныхъ съ чрезвычайною энергіей и жестокостью, въ 1800 году. Ирландія получила тогда право посылать 32 пэровъ въ палату лордовъ и 100 депутатовъ отъ графствъ въ палату общинъ. Ирландцамъ въ то же время были предоставлены всѣ политическія права, какими уже пользовались англичане. Но это сліяніе, эти права окончательно узаконяли прежнее положеніе дѣлъ, оставляя народъ, на законномъ основаніи, въ прежней нищетѣ и прежнемъ униженіи. Они юридически закрѣпляли привилегированное положеніе незначительнаго меньшинства англичанъ и безправіе всего ирландскаго народа. Обѣ страны дорого платятся теперь за эту страшную аномалію. Сліяніе стало въ глазахъ ирландцевъ осязательной причиной всѣхъ бѣдъ, съ тѣхъ поръ ими испытанныхъ. Но если народъ, не углубляясь въ политическія соображенія, стремился прежде всего къ облегченію своего матеріальнаго положенія, то ирландская интеллигенція, вкусившая англійскихъ идей и англійскихъ правъ, не переставала возвращаться

къ мысли о національной независимости своего отечества. Феніи были самыми крайними, самыми необузданными выразителями и представителями этой мысли. Наученная горькимъ опытомъ, нынѣшняя ирландская интеллигенція дѣйствуетъ иначе; но она воодушевлена тѣмъ же стремленіемъ и пользуется теперь бо́льшимъ сочувствіемъ въ народѣ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Въ минувшемъ декабрѣ, на большомъ банкетѣ въ Уатерфордѣ, когда провозглашенъ былъ тостъ за процвѣтаніе Ирландіи, Парнелль въ пространной рѣчи доказывалъ, что какъ ни велико могущество Англіи, оно все-таки не достаточно для того, чтобы сохранить за нею владычество надъ Ирландіей. Съ горькимъ чувствомъ сказалъ онъ въ этой рѣчи по вопросу о переселеніяхъ ирландцевъ въ Америку: „Я былъ въ Америкѣ и нигдѣ не встрѣчалъ тамъ такой хорошей земли для поселенія, какъ равнины нашей Ирландіи—роскошныя земли, состоящія во владѣніи людей, которые отдаютъ ихъ въ аренду подъ пастбища. Всего населенія Ирландіи мало для ихъ обработки. Въ Ирландіи около 500,000 человѣкъ, которыхъ интересы требуютъ сохраненія стараго порядка, но они не въ силахъ противостоять остальнымъ пяти милліонамъ душъ ирландскаго населенія. Въ наше время просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія совсѣмъ невозможно управлять страною противъ организованной силы массъ. Долгъ каждаго ирландца—способствовать освобожденію своей страны, когда онъ это можетъ. Мы будемъ работать конституціоннымъ путемъ, пока это намъ удобно. Мы не рѣшаемся подвергнуть родину ужасамъ междоусобія, пока это не нужно; но я спрашиваю каждаго изъ сидящихъ за этимъ столомъ, я спрашиваю всякаго истиннаго ирландца, будь онъ духовное или свѣтское лицо, не есть ли первый долгъ его — дѣлать все, чтобы дать своему отечеству возможность занять мѣсто между народами. Нашъ путь лежитъ пока въ границахъ конституціи. Англія дала намъ эту конституцію ради своихъ собственныхъ цѣлей; мы воспользуемся ею для нашихъ цѣлей; и если я, или кто-нибудь подъ моимъ вліяніемъ когда-нибудь призоветъ ирландскій народъ выйти за черту конституціи, то мы сдѣлаемъ это открыто, а не подъ какимъ-нибудь лживымъ предлогомъ“. Принимая на другой день депутацію города Уатерфорда, поднесшую ему адресъ и почетное гражданство, Парнелль повторилъ, что, по его мнѣнію, англійское владычество въ Ирландіи надломлено, и Ирландія несомнѣнно добьется своей законодательной независимости.

Въ этихъ словахъ одного изъ выдающихся вождей ирландской земельной лиги, конечно, есть извѣстная доля увлеченія и самонадѣянности. Открытая борьба съ Англіей совсѣмъ не по силамъ одному ирландскому народу безъ матеріальной помощи какого ни-

будь могущественнаго союзника. Но Парнелль, очевидно, разсчитываетъ не на военную борьбу, а на борьбу политическую и соціальную, на которую духъ времени и общественное мнѣніе самой Англіи не могутъ не оказывать сильнаго вліянія. Съ нравственной стороны авторитетъ англійскаго правительства, дѣйствительно, надломленъ, и надломленъ очень серьёзно. Въ странѣ, дѣйствительно, господствуетъ анархія, англійскій законъ и его исполнители безсильны противъ общаго народнаго настроенія, поддерживаемаго земельною лигой. Большой политическій процессъ, начатый англійскими властями въ Дублинѣ противъ вождей и участниковъ лиги, окончился полнымъ фіаско. Послѣ сильныхъ политическихъ рѣчей, произнесенныхъ защитниками подсудимыхъ и восторженно принятыхъ многочисленной публикой, дѣло окончилось тѣмъ, что изъ обычныхъ двѣнадцати присяжныхъ десять признали подсудимыхъ невиновными, и только двое были иного мнѣнія. Такъ какъ англійскій законъ требуетъ единогласнаго вердикта присяжныхъ, то приговоръ судей совсѣмъ не состоялся, и подсудимые могли спокойно разойтись по домамъ. На нравственномъ, политическомъ и соціальномъ полѣ Ирландія безспорно осталась побѣдительницей въ своей борьбѣ съ англійскимъ владычествомъ. Но дѣло получило бы, вѣроятно, другой оборотъ, еслибъ ирландцы вздумали помѣряться съ Англіей военными силами. Въ настоящее время въ Ирландіи уже сосредоточено болѣе 20,000 человѣкъ англійскаго войска; за берегами ея наблюдаютъ многочисленныя англійскія суда, и первый сигналъ къ открытому возстанію не замедлилъ бы вызвать самыя рѣшительныя военныя мѣры, противъ которыхъ не могли бы устоять ирландскіе охотники изъ фермеровъ и горожанъ. Такого столкновенія нельзя ни желать, ни ожидать. Люди, направляющіе теперь ирландскимъ движеніемъ,—уже не довѣрчивые юноши, не знающіе жизни: это люди политическіе, члены парламента, люди, пережившіе тяжелый опытъ шестидесятыхъ годовъ. Всего вѣроятнѣе, что они пока имѣютъ въ виду одну цѣль: показать англійскому правительству, какъ велико недовольство Ирландіи, и вынудить у него болѣе или менѣе крупныя уступки.

Скажемъ болѣе: нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что рано или поздно Ирландія должна получить отъ Англіи то относительно независимое положеніе, какимъ пользуются теперь многія англійскія колоніи: Канада, Австралія, Капская земля. Англійская политика постоянно идетъ въ этомъ направленіи и до сихъ поръ не имѣла причинъ сожалѣть о томъ. Если въ текущемъ году англійское правительство ограничится аграрной реформой, то ближайшей затѣмъ задачей ирландской интеллигенціи и ирландскаго народа станетъ именно вопросъ полнаго самоуправленія. Обсужденіе и

утвержденіе законовъ для Ирландіи англійскимъ парламентомъ сопряжено съ такими практическими неудобствами и проволочками, что рано или поздно Англія охотно допуститъ въ Ирландіи законодательное учрежденіе для чисто мѣстныхъ дѣлъ, сохраняя за собою положеніе верховной державы. Въ этомъ смыслѣ требованія ирландскихъ гомрулеровъ не представляютъ ничего утопическаго, а напротивъ являются хотя и отдаленною, но вполнѣ достижимою цѣлью, очень удобной и выгодной для обѣихъ сторонъ.

Либеральное министерство Гладстона поставлено настоящимъ ирландскимъ движеніемъ въ очень трудныя политическія и нравственныя условія: съ одной стороны, союзники и даже сочлены его — виги, заодно съ его противниками — консерваторами, сторонниками прежняго министерства лорда Биконсфильда, громко требуютъ самыхъ рѣшительныхъ репрессивныхъ мѣръ, а они, вмѣстѣ взятые, составляютъ большинство въ обѣихъ палатахъ; съ другой радикалы, тоже союзники и тоже сочлены министерства, хотятъ радикальныхъ перемѣнъ во всемъ строѣ ирландскаго землевладѣнія. Подавивъ ирландское движеніе одними военными и полицейскими мѣрами, англійское правительство достигло бы только чисто-внѣшнихъ, отрицательныхъ результатовъ, подъ ровною поверхностью которыхъ таилось бы сосредоточенное, сдержанное, но тѣмъ болѣе серьёзное и опасное недовольство. При нынѣшнемъ уровнѣ политическаго развитія англійскаго народа, никакое министерство, ни либеральное, ни консервативное, не дерзнуло бы поставить себя въ такое аттиловское или чингисханское положеніе. За военными и полицейскими мѣрами необходимо и быстро должны слѣдовать реформы, направленныя противъ коренныхъ причинъ недовольства и волненія. Но въ чемъ должны состоять эти реформы? Какъ далеко должны онѣ идти, чтобъ удовлетворить всѣ интересы, примирить, повидимому, непримиримое, и притомъ пройти черезъ двѣ палаты, изъ которыхъ одна считаетъ свои интересы солидарными съ интересами ирландскихъ землевладѣльцевъ?

Еще въ прошлую сессію министерствомъ была назначена коммиссія для изслѣдованія положенія аграрныхъ дѣлъ въ Ирландіи. Эта коммиссія окончила теперь свои занятія и представила министерству свой докладъ, который содержитъ богатый матеріалъ для предстоящихъ законодательныхъ работъ и парламентскихъ преній. Изъ пяти членовъ коммиссіи докладъ подписали четверо; пятый членъ, м-ръ Кевенагъ представилъ особый докладъ. Оба доклада составлены, однако-же, въ одномъ направленіи и различаются между собою только тѣмъ, что первый идетъ въ томъ же направленіи дальше послѣдняго. Четыре члена коммиссіи высказались за три

F, составляющихъ содержаніе самой умѣренной ирландской программы: за fixity ot tenure, fair rents, free sale (т.-е. за прочность аренды, за справедливую ренту, за вольное отчужденіе арендаторскихъ правъ), и, сверхъ того, за введеніе крестьянскаго землевладѣнія. М-ръ Кеве-нагъ, указывающій менѣе широкія реформы для удовлетворенія ирландскихъ фермеровъ, предлагаетъ мѣры, которыя на практикѣ должны привести къ тѣмъ же результатамъ. Это согласіе между всѣми членами коммиссіи въ главныхъ основаніяхъ придаетъ особенную цѣну ихъ соображеніямъ. Послѣднія основаны на практическихъ показаніяхъ семи-сотъ свидѣтелей въ разныхъ частяхъ Ирландіи, гдѣ коммиссія имѣла шестьдесятъ-одно засѣданіе. Опрошенные свидѣтели единогласно жаловались на такое произвольное и чрезмѣрное возвышеніе арендной платы землевладѣльцами, которое поглощаетъ все, что они только могутъ пріобрѣтать самымъ упорнымъ трудомъ. Земельный актъ 1870 года не оградилъ ихъ ни отъ этого произвола, ни отъ потерь, сопряженныхъ съ удаленіемъ ихъ съ нанимаемой земли. Подкрѣпленныя подлинными доказательствами, эти свѣдѣнія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ настоятельной неотложности земельной реформы, если хотятъ доставить арендаторамъ самую элементарную безопасность владѣнія. Коммиссія находитъ невозможнымъ ограничиться пересмотромъ и измѣненіемъ земельнаго акта 1870 года: нуженъ новый общій земельный актъ для всей Ирландіи, въ основу котораго должны быть положены три F; нужны мѣры для облегченія сельскому населенію доступа къ земельной собственности.

Насколько эти мѣры войдутъ въ тотъ билль, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ отъ Гладстона ирландцы и либеральная партія въ Англіи,—объ этомъ еще ничего неизвѣстно. Но полученные Англіей уроки такъ многочисленны и поучительны, ея прежнія мѣры въ Ирландіи такъ мало способствовали улучшенію экономическихъ условій этой страны, что она, казалось бы, не можетъ остановиться теперь на полдорогѣ. Правда, направленіе, въ которомъ ей приходится идти въ Ирландіи, совершенно ново для нея. Она знала до сихъ поръ однѣ только политическія реформы и въ этомъ направленіи достигла великихъ результатовъ, издавна ставъ въ завидное положеніе свободнѣйшей страны въ Европѣ. Но соціальныя реформы для нея очень крупная и очень непривычная новость. Робкій почин, сдѣланный Гладстономъ въ этомъ направленіи десять лѣтъ тому назадъ, оказался недѣйствительнымъ на практикѣ. Теперь приходится или серьёзно затронуть землевладѣльческія права собственности, какъ привыкли понимать ихъ англійскіе законодатели и ирландскіе лэндлорды, или совсѣмъ отступиться отъ Ирландіи, уже

пожертвовавъ миллионы ея населенія въ пользу Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ они стали отличными работниками и далеко опередили въ благосостояніи своихъ земляковъ, оставшихся на родинѣ. Многія политическія, національныя и церковныя уступки уже сдѣланы Ирландіи англійскимъ законодательствомъ; и если, несмотря на это, она еще остается въ бѣдственномъ положеніи, то коренная причина тому одна—соціальная, экономическая.

Ирландія—одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ мірѣ. По самымъ серьёзнымъ разсчетамъ, она можетъ прокормить до восьмнадцати милліоновъ людей, а въ ней бѣдствуетъ теперь пятимилліонное населеніе. И это населеніе постоянно уменьшается. Съ 1841 г., оно сократилось на два слишкомъ милліона, тогда какъ расходы на бѣдныхъ почти учетверились. Прежній изобильный вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ Ирландіи замѣнился теперь привозомъ этихъ продуктовъ въ Ирландію. Поверхность обработываемой земли уменьшилась съ сороковыхъ годовъ на тридцать процентовъ. По свѣдѣніямъ, представленнымъ парламенту въ 1870 году и съ тѣхъ поръ не замѣненнымъ новыми, больше чѣмъ пятая часть всей ирландской земли принадлежитъ всего 110 лицамъ, а цѣлая половина Ирландіи, считающей до 20 милл. акровъ,—всего 700 человѣкъ. На пять милліоновъ населенія приходилось только 5,919 человѣкъ, владѣющихъ менѣе чѣмъ сотней акровъ. Почти полное отсутствіе мелкаго землевладѣнія и цѣлый народъ, обращенный въ батрака,—вотъ единственная, коренная причина бѣдствій богато одаренной страны съ ея способнымъ населеніемъ. Между ирландцемъ и обработываемой имъ чужою землей до сихъ поръ не могло образоваться той постоянной, обезпеченной связи, которую даетъ только полное право свободно располагать ею по собственной волѣ и собственному усмотрѣнію. Ирландецъ лишенъ не только этого права, но и надежды пріобрѣсти его упорнѣйшимъ трудомъ. Его силы и способности заранѣе парализованы закономъ, осуждающимъ его безвозвратно на это положеніе паріи на родной его землѣ, во имя освященнаго конституціей права собственности чужеземцевъ. И это въ странѣ чисто-земледѣльческой, не имѣющей, какъ Англія, богатой промышленности, которая работаетъ на весь міръ! Народъ въ такомъ положеніи не можетъ быть консервативенъ. Ему нечего охранять, кромѣ ненавистнаго ему положенія, и онъ періодически возобновляетъ всевозможныя попытки выйти изъ этого положенія, найти себѣ лучшія условія жизни. Замѣчательно, что онъ ищетъ ихъ пока не въ личномъ правѣ собственности на землю, а въ возстановленіи той старой, средневѣковой системы землевладѣнія, которая допускала только

владѣніе пожизненное. Ирландцу до сихъ поръ, до конца девятнадцатаго вѣка, оставалось совсѣмъ чуждымъ право собственности на землю, которое присвоили себѣ англійскіе завоеватели.

Ясно, что при такихъ исключительныхъ, можно сказать, небывалыхъ соціальныхъ условіяхъ, робкія полумѣры не могутъ привести къ цѣли. За исключеніемъ торіевъ и консерваторовъ, общественное мнѣніе въ Англіи чутко прислушивается къ пульсу Ирландіи и готово поддержать Гладстона, если предложенная имъ аграрная реформа будетъ дѣйствительна и серьёзна. Но о содержаніи ея нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній, и передъ нашими глазами одно только удовольствіе, вызванное въ большинствѣ органовъ англійской печати другимъ биллемъ, который уже внесенъ министерствомъ Гладстона въ парламентъ и имѣетъ въ виду, на первый разъ, однѣ только репрессивныя мѣры. Потомъ уже, хотя и очень скоро, должны послѣдовать реформы.

Сомнительно, чтобы министерство Гладстона съ такимъ же удовольствіемъ предлагало репрессивныя мѣры, съ какимъ эти мѣры встрѣчены англійской печатью. Министерство, считающее въ числѣ своихъ членовъ людей, которые оказали своему отечеству большія услуги на поприщѣ не репрессій, а реформъ, должно сильно тяготиться своимъ настоящимъ положеніемъ. Талантливый и либеральный Форстеръ прямо заявилъ въ палатѣ общинъ, что никогда не принялъ бы своего нынѣшняго поста—министра ирландскихъ дѣлъ, еслибъ предвидѣлъ, что ему предстоитъ незавидная роль укротителя. Но, застигнутый бѣдою, онъ долженъ выполнить эту роль, какъ англичанинъ, какъ повѣренный своихъ избирателей, какъ министръ, желающій вскорѣ провести необходимыя для Ирландіи реформы. Предложенныя имъ репрессивныя мѣры не легки. Онѣ распадаются на двѣ части. Главную изъ нихъ можно назвать коротко и ясно отмѣной акта Habeas Corpus, ограждающаго личную свободу гражданъ. Министерство предлагаетъ предоставить вице-королю Ирландіи право арестовать и держать подъ арестомъ всякаго подозрительнаго человѣка до 30-го сентября будущаго года. Такъ какъ вице-королю не вмѣняется въ обязанность предавать арестованныхъ подозрительныхъ людей суду, то даруемое ему полномочіе было бы очень серьёзно, еслибъ не англійскіе конституціонные нравы. Но прежніе примѣры ручаются за то, что право ареста не будетъ имѣть жестокихъ послѣдствій для страны: десять лѣтъ тому назадъ, тоже при министерствѣ Гладстона, отмѣна акта Habeas Corpus въ Ирландіи сопровождалась лишь временнымъ арестомъ девятнадцати лицъ. Вторая мѣра, предложенная министерствомъ, ограничиваетъ продажу ору-

жія и его храненія. Примѣненіе этой мѣры встрѣтитъ большія трудности на практикѣ. По свѣдѣніямъ изъ Ирландіи, у рѣдкаго ирландца нѣтъ теперь своего ружья или хоть плохого пистолета. Кѣмъ именно они вооружены—неизвѣстно; обыкновенно все это приписывается земельной лигѣ; но въ эпохи сильныхъ народныхъ волненій всякаго рода оружіе обыкновенно точно выростаетъ изъ земли, хотя бы никто не раздавалъ его по заранѣе обдуманному плану.

Англія и Ирландія переживаютъ теперь серьёзную критическую пору разсчета за вѣка экономическаго и соціальнаго угнетенія. Исторія всегда казнитъ государства и народы тѣмъ, чѣмъ они погрѣшили, всегда даетъ имъ пожинать только то, что они посѣяли. Англіи предстоитъ теперь бросить новыя сѣмена въ плодородную почву Ирландіи. Чѣмъ честнѣе разсчитается она съ этой несчастной страной, тѣмъ лучшее будущее подготовитъ и самой себѣ. Въ этомъ смыслѣ уже раздаются англійскіе голоса, которымъ всюду вторитъ общественная совѣсть.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1881.

I.

— *Масоны.* Романъ въ пяти частяхъ *А. Ѳ. Писемскаго.* Иллюстрированный 60-ю рисунками художника К. Брожа. Спб. Изданіе Германа Гоппе. 1881 года. (Въ двухъ томахъ).

Слѣдующая далѣе замѣтка была уже отдана въ печать, когда пришло извѣстіе о смерти А. Ѳ. Писемскаго. Короткость времени не позволяетъ намъ дать теперь обзоръ его литературной дѣятельности; мы постараемся сдѣлать это позднѣе. Писемскій не стоялъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы; но это была все-таки крупная и оригинальная сила, съ своими большими заслугами въ новѣйшемъ развитіи нашей литературы,—для которой онъ много поработалъ въ послѣднія тридцать лѣтъ.

Историческій романъ въ такомъ ходу въ нашей литературѣ, какъ никогда прежде,—только время „Юрія Милославскаго" и его сверстниковъ было также обильно романическими изображеніями старины, конечно, во вкусѣ и по историческимъ понятіямъ той эпохи. Тогда и теперь это обиліе не было случайностью. Въ тридцатыхъ годахъ начинались не только въ высшемъ литературномъ слоѣ, но и въ кругахъ второстепенныхъ, стремленія къ историческому самосознанію, желаніе связать современную жизнь нитью историческаго развитія и преданія съ прошедшими вѣками. Высшимъ образцомъ этой исторической поэзіи были произведенія Пушкина (и позднѣе, частію, Гоголя); на второмъ планѣ—романы Лажечникова, на третьемъ—Загоскина и пр. Пушкинъ ограничился ближайшей эпохой, еще памятной по преданію, и создалъ произведенія, высоко замѣчательныя не только поэтическимъ достоинствомъ, но и исторической правдой. Другіе углубились въ XVII, XVI вѣкъ—главнымъ образомъ подъ руководствомъ Карамзина. Для живого изображенія тѣхъ эпохъ не могло

быть, конечно, преданія, не было ни достаточныхъ историческихъ свѣдѣній, ни первостепенныхъ талантовъ, и эта литература быстро отцвѣла: „Юрій Милославскій“ перешелъ къ той невзыскательной публикѣ, которая не считается въ литературныхъ вопросахъ; романы Лажечникова идутъ къ тому же. Болѣе строгая критика, развитіе историческихъ знаній подняли уровень требованій настолько, что историческій романъ почти совсѣмъ сошелъ съ литературной сцены.

Новое распространеніе его совпадаетъ съ особеннымъ расширеніемъ историческихъ изученій, ознаменовавшимъ послѣднія десятилѣтія. Съ тѣхъ поръ какъ реакція заявила себя самымъ недвусмысленнымъ образомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ литературѣ были подавлены идеалистическіе порывы,—которые столько разъ были потомъ осуждены и которые, однако, такъ были бы необходимы для общества, прогнивавшаго отъ застоя и безправія,—историческія изученія явились подспорьемъ для общественнаго интереса, который находилъ въ нихъ хотя бы ретроспективную пищу. Явилась масса историческихъ изданій, нѣсколько спеціальныхъ журналовъ; послѣдніе имѣли замѣчательный успѣхъ, который и объясняется указаннымъ обстоятельствомъ. Правда, эти изданія и журналы не давали особенно глубокаго историческаго пониманія; напротивъ, оно было, вообще говоря, очень мелкое,—иной разъ даже по необходимости мелкое и мало критическое, потому что приходилось подъ благочестивой или езоповской маской спасать историческій разсказъ отъ ценсуры, слѣдившей за тѣмъ, чтобы не было сказано чего-либо „неумѣстнаго“ и „несвоевременнаго“ не только о XVIII—XIX, но даже и о XVII столѣтіи. Историческая точка зрѣнія, здѣсь господствовавшая, былъ панегирикъ; тонъ — Плутарха для юношества; перспектива пропадала; исторія всего чаще сводилась на занимательное приключеніе и анекдотъ. Слабыя стороны этой исторіографіи отразились и въ романѣ, который сталъ почерпать въ ней свой матеріалъ... Но, какъ бы то ни было, хотя эта исторіографія мало разъяснила самыя основы историческаго развитія, она давала множество въ высокой степени важнаго матеріала для будущаго историка и для современной любознательности: являлись на свѣтъ литературныя произведенія стараго вѣка, исполненныя жизни и интереса (назовемъ записки священника Лукьянова, записки Добрынина, и пр., и пр.); выходили изъ-подъ спуда документы, оффиціальные и частные; освѣщались впервые событія, которыя при всей ихъ крупности прятались доселѣ отъ общества, какъ отъ малолѣтняго ребенка,—событія, какъ дворцовые перевороты прошлаго вѣка, напр. воцареніе Екатерины II, правленіе императора Павла, вступленіе на престолъ императора Александра I, дѣянія Аракчеева, Магницкаго

и компаніи, и проч.; собиралось, наконецъ, множество бытового матеріала, рисовавшаго жизнь общественную и частную, и нерѣдко какъ разъ такого, какого пожелалъ бы романистъ. Романисты и не замедлили.

Одни обратились къ изображенію недавняго прошедшаго; другіе (а иногда тѣ же) углубились въ сѣдую древность (были недавно романы изъ временъ Мамаева побоища). Что касается древности, то первыми начинателями такого романа были, въ наше время, г. Костомаровъ и гр. Алексѣй Толстой. Въ романѣ изъ новѣйшей исторіи, первое мѣсто и по литературному значенію, и по времени принадлежитъ гр. Л. Н. Толстому. „Война и миръ“ явились какъ нѣчто невиданное въ нашей литературѣ; высокій талантъ, приложенный къ изображенію прошедшаго, предварительно хорошо изученнаго, произвелъ такую оживленную, поражавшую правдой картину событій, нравовъ, такой рядъ бытовыхъ типовъ и историческихъ характеровъ, что романъ сдѣлался событіемъ: онъ несомнѣнно создалъ манеру, которая принята была другими (иногда до мелочей), и нѣкоторые изъ народившихся вскорѣ романистовъ именно отъ него только и ведутъ свое начало.

Нашъ историческій романъ никогда не проявлялъ такой смѣлости, какъ со времени „Войны и мира“. Онъ не задумываясь принялся изображать самыя крупныя историческія лица, къ которымъ едва ли бы подступился безъ помощи гр. Л. Н. Толстого; романисты подглядѣли его пріемъ—связывать историческій фактъ, документально извѣстный, съ его продолженіемъ или антецедентомъ, принадлежащимъ фантазіи, рисовать лица, полу-историческія или давать лицамъ, созданнымъ фантазіей романиста, историческія черты времени, наконецъ, его манеру легкой поддѣлки извѣстныхъ историческихъ именъ, и т. д. Смѣлость брала города. Явились на сцену и Никонъ патріархъ, и Петръ Великій, и Петръ III, и Екатерина II, и Потемкинъ, и Ломоносовъ, и пр. и пр., какъ въ ихъ рѣшительные историческіе моменты, такъ и запросто, въ домашнемъ быту, въ халатѣ и въ кофтѣ.

Романъ г. Писемскаго есть романъ историческій. Время дѣйствія его начинается съ половины 1830-хъ годовъ и доходитъ до 1848; время, правда, еще очень недалекое, но главныя лица, на которыхъ построено дѣйствіе романа, были тогда людьми уже стараго поколѣнія и старой формаціи; общественный элементъ, около котораго они сосредоточиваются, былъ элементъ старый, для насъ теперь совсѣмъ принадлежащій исторіи—масонство. Пріемы живописанія — нерѣдко тѣ самые, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Въ значительной степени авторъ, конечно, могъ прямо черпать въ собственныхъ воспоми-

наніяхъ—когда дѣло идетъ объ изображеніи помѣщичьихъ и провинціальныхъ нравовъ, или московскихъ нравовъ той эпохи; но въ другихъ случаяхъ, источники романа, очевидно, были чисто книжные.

Дѣйствіе романа вертится на судьбахъ одного кружка, хранившаго масонскія преданія, а иногда, въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, совершавшаго даже и масонскую практику, нѣчто въ родѣ собранія ложи. Какъ извѣстно, масонскія ложи были запрещены въ 1822 г., видимо потому, что ихъ сочли тогда политически неблагонадежными. Политическій элементъ, дѣйствительно, начиналъ проникать въ нихъ, когда послѣ войнъ „за освобожденіе", въ нѣкоторыхъ кружкахъ общества, и особливо военныхъ, началось извѣстное неопредѣленное броженіе въ либеральномъ смыслѣ. Но бо̀льшая доля масонскихъ ложъ была, кажется, очень далека отъ какихъ-нибудь политическихъ поползновеній, ограничивалась своимъ спеціально масонскимъ содержаніемъ, т.-е. религіозно-нравственнымъ мистицизмомъ и филантропіей. Эта доля тогдашняго масонства,—къ которой принадлежало не мало дѣйствительно порядочныхъ людей,—была, вѣроятно, очень огорчена закрытіемъ ложъ, которое должно было прекратить ея пропаганду; по своимъ правиламъ, она не могла позволить себѣ сопротивленія власти и покорилась, но въ глубинѣ души не могла не желать, чтобы дѣло, оффиціально запрещенное, не заглохло: въ этомъ дѣлѣ масоны видѣли средство къ нравственному улучшенію общества; это послѣднее и въ обыкновенномъ смыслѣ должно было быть цѣлью каждаго разумнаго и честнаго гражданина. Не нарушая запрещенія,—не только по боязни, но главнымъ образомъ потому, что само масонство предписывало покореніе властямъ, — они тѣмъ не менѣе—безъ строгихъ прежнихъ формъ своего общества, безъ совершенія обрядовъ, — старались сколько возможно сберегать свое ученіе, искали для него новыхъ адептовъ, поддерживали старыя связи, и т. д. Въ извѣстныхъ теперь печатно свѣдѣніяхъ о старомъ нашемъ масонствѣ, есть формальное постановленіе въ этомъ смыслѣ, принятое нашими масонами въ 1827, слѣдовательно, уже въ царствованіе императора Николая.

Таковы были условія, въ какихъ могли дѣйствовать „Масоны" г. Писемскаго. Онъ такъ и изображаетъ эти условія. Главное дѣйствующее лицо, къ которому сводятся нити нѣсколькихъ отдѣльныхъ исторій, разсказанныхъ въ романѣ, есть старый масонъ, человѣкъ убѣжденный въ истинѣ и священности своего ученія, старающійся подѣйствовать, гдѣ только можно, въ защиту справедливости и для помощи ближнимъ, религіозный мистикъ. По общественному положенію, онъ—богатый провинціальный помѣщикъ, по масонству—имѣющій связи съ крупными людьми въ Петербургѣ, прежними товарищами

въ „орденѣ“. Къ этому главному лицу примыкаетъ рядъ другихъ, также въ разной степени принадлежащихъ къ послѣдователямъ ученія, мужчинъ и женщинъ.

Мы затрудняемся судить о томъ, насколько разсказъ г. Писемскаго отвѣчаетъ дѣйствительности, т.-е. давала ли, въ самомъ дѣлѣ, наша жизнь тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ матеріалъ для такой, хотя бы и исключительной, картины. Какъ мы замѣтили выше, масоны александровскихъ временъ, если не всѣ, то болѣе усердные старались хранить преданіе; говорятъ, что оно и дѣйствительно сберегалось и имѣло даже новые отпрыски, такъ что масоны, старательно конечно скрывающіеся, есть и по настоящую минуту. Но мы не знаемъ, насколько разсказъ г. Писемскаго имѣетъ *фактическаго* основанія. Задача критики этимъ, очевидно, весьма затрудняется, потому что романъ г. Писемскаго есть именно что-называется „нравоописательный“, а между тѣмъ нѣтъ довольно данныхъ, чтобы судить о соотвѣтствіи картины съ дѣйствительностью. Можетъ быть, автору нужно было бы предпослать роману хоть небольшой разсказъ о томъ, что ему *практически* извѣстно объ описываемыхъ нравахъ,—иначе и читатель, какъ критика, можетъ придти въ недоумѣніе о томъ, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло — съ дѣйствительнымъ ли нравоописаніемъ, или съ немного произвольной романической разработкой въ сущности скудныхъ историческихъ данныхъ.

Въ разсказѣ можно, на манеръ гр. Толстого, узнавать дѣйствительныя лица. Не знаемъ, имѣлъ ли авторъ какой-нибудь дѣйствительный подлинникъ для своего главнаго героя, Марѳина; но не трудно узнать „Сергѣя Степановича“, „Ѳедора Ивановича“, отца и сына Углаковыхъ, лукаваго масона Батенева, музыканта Лябьева. Другія лица являются цѣликомъ изъ исторіи, какъ кн. Голицынъ, какъ Сперанскій, какъ (мимоходомъ) „министръ внутреннихъ дѣлъ“, какъ г-жа Татаринова, Мартынъ Пилецкій, изъ извѣстной секты Александровскихъ временъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, г. Писемскій не съумѣлъ воспользоваться историческими фактами такъ, чтобы они сливались съ его собственнымъ творчествомъ — какъ они сливаются, напр., у гр. Толстого; заимствованіе остается сырымъ, и впечатлѣніе бываетъ немного странное, когда читатель встрѣчаетъ въ романѣ страницы, знакомыя изъ „Архива“ или „Русской Старины“. Подобное неловкое впечатлѣніе оставляютъ длинные (по нѣскольку страницъ) тексты масонскихъ разсужденій, о которыхъ опять не знаемъ, написаны ли они г. Писемскимъ или взяты просто изъ масонскихъ рукописей: въ первомъ случаѣ, тексты (хотя все-таки черезъ мѣру длинные) свидѣтельствовали бы, что авторъ съумѣлъ очень искусно приладиться къ масонскому міровоззрѣнію; во второмъ

случаѣ (который вѣроподобнѣе), тексты, любопытные сами по себѣ исторически, въ художественномъ отношеніи были бы только внѣшней приставкой.

Пользуясь исторіей,—имъ читанной, но, можетъ быть, призабытой, или слышанной, но не провѣренной,—авторъ сдѣлалъ, повидимому, и одинъ, очень нескладный анахронизмъ. По его разсказу, въ концѣ тридцатыхъ или началѣ сороковыхъ годовъ, существовалъ въ Москвѣ „Еввинъ клубъ", гдѣ хозяйками были дамы, приглашавшія мужчинъ по усмотрѣнію, и гдѣ время проводилось въ увеселеніяхъ, *ничѣмъ* не стѣсненныхъ, т.-е. совсѣмъ необузданныхъ. Могло быть, пожалуй, что въ Москвѣ и дѣйствительно было тогда такое заведеніе; но вѣрнѣе, кажется, что авторъ отнесъ къ новѣйшимъ временамъ старинные разсказы объ Еввиномъ клубѣ, существовавшемъ, по преданію, въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Разсказъ о немъ находится въ старинномъ путешествіи, „Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe", 1796; затѣмъ описаніе этого клуба вошло въ романъ Нарѣжнаго „Россійскій Жилблазъ" (Спб. 1814), который былъ послѣ запрещенъ,—одной (если не единственной) изъ причинъ запрещенія была, вѣроятно, большая откровенность этого эпизода. Не отголосокъ ли этой старины помѣстилъ г. Писемскій въ сороковые года?

Есть мнѣніе, что историческій романъ (или историческая драма) вообще есть такой-же фальшивый родъ литературы, какъ была во времена псевдо-классицизма эпическая поэма въ античномъ стилѣ, какъ поэма дидактическая и т. п., потому что исторія и поэзія совершенно различны по существу, какъ наука и искусство, по пріемамъ своего осуществленія и дѣйствія историческій романъ соединяетъ такимъ образомъ вещи разнородныя, внося произволъ фантазіи въ исторію и стѣсняя поэзію обязательностью факта, или подрывая ея дѣйствіе исторической ошибкой. Это мнѣніе конечно есть крайность. Напротивъ, историческій романъ можетъ прямо считаться развитіемъ народной эпики, конечно, въ формахъ болѣе сложныхъ, какъ всякое позднѣйшее историческое явленіе. Если въ этомъ „фальшивомъ" родѣ литература европейская, а также и русская, могли создать замѣчательныя произведенія, оставлявшія сильное, именно художественное впечатлѣніе, то уже это одно показываетъ, что поэзія можетъ смѣло направить сюда свою творческую дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ, исторія есть та же человѣческая, личная и общественная жизнь, и разница только въ томъ, что для поэта (или романиста) въ обращеніи къ міру давно или недавно прошедшему необходимы иныя средства изученія и получается другая степень достовѣрности: но глубокая творческая фантазія можетъ также оживлять прошедшее, реставрированное историкомъ, какъ можетъ претворять на-

стоящее, окружающую насъ жизнь въ одушевленную картину, создать которую было бы недоступно для обыкновеннаго ума и мало воспріимчиваго чувства. Но сложность этой поэтической дѣятельности налагаетъ на писателя особыя условія: историческій романъ требуетъ возможно широкаго примѣненія тѣхъ средствъ изученія, которыя въ этой области необходимы, и освѣщенія результатовъ поэтической отгадкой времени и людей. Въ нашей литературѣ, послѣ повѣстей Пушкина, высшій образчикъ историческаго романа, широко построеннаго на этихъ основаніяхъ, далъ гр. Л. Н. Толстой. Другія, теперь уже многочисленныя произведенія этого рода представили не мало своихъ достоинствъ, хорошихъ частностей, иногда смѣлой исторической фантазіи, знанія описываемаго времени, но слишкомъ часто дѣйствовало тутъ не поэтическое возсозданіе, а болѣе или менѣе искусная внѣшняя комбинація, мозаичный сборъ подробностей, не истинное чутье старины, а копировка внѣшности и поддѣлка.

Понятное дѣло, что при этомъ послѣднемъ невозможно какое-нибудь особое художественное значеніе подобныхъ произведеній; да и напрасно было бы искать его. Истинная художественность достижима только для первостепенныхъ талантовъ; при талантахъ второго и третьяго порядка нечего и ставить это высокое требованіе. Ихъ роль—другая, нежели чистое художество. Они имѣютъ въ литературѣ свое мѣсто, если достигаютъ болѣе скромной цѣли—образовательной пользы, съ извѣстной долей поэтическаго содержанія. Таково у насъ множество произведеній, посвященныхъ какъ изображенію современнаго общественнаго или народнаго быта, такъ и изображенію бытовой старины. Было бы несправедливо, какъ это часто дѣлается, высокомѣрно отвергать ихъ съ точки зрѣнія якобы строго охраняемаго достоинства искусства; они дѣлаютъ свое полезное дѣло, знакомя общество съ разными сторонами нашей современности или исторіи и несомнѣнно помогая распространенію ихъ сознательнаго пониманія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ томъ и другомъ недостаетъ высокаго искусства, то положено не мало внимательнаго изученія, и результатъ его не остался безплоднымъ для читающей массы.

Въ этомъ ряду историческихъ романовъ станетъ и послѣднее произведеніе г. Писемскаго. Какъ мы замѣтили, историческая тэма его „Масоновъ" недостаточно выяснена; тѣмъ не менѣе, романъ даетъ любопытный эпизодъ изъ жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, эпизодъ, надъ изученіемъ котораго авторъ, видимо, работалъ, и который для большинства читателей будетъ очень новъ.—Разсказъ и вообще занимателенъ, хотя не отличается тонкой отдѣлкой,—какъ издавна не отличалась ею живопись г. Писемскаго.

— *Ю. Добрынинъ. Пейсъ-Паша* и его консорты. Мозаики, камеи и миніатюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трущобахъ Святой земли. Спб. 1881.

Книга странная и вызывающая на размышленія.

Авторъ, считающій свой жизненный путь „близкимъ къ концу", говоритъ на первыхъ страницахъ книги, что онъ дѣлалъ на своемъ вѣку много путешествій въ разныя страны, — такъ что изъ всѣхъ частей свѣта не знаетъ еще одной только Австраліи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, переплывая въ короткое время нѣсколько разъ изъ Смирны въ Александрію и обратно, онъ нашелъ возможность посѣтить „на двѣ недѣли" Святую землю. Какъ человѣкъ любознательный, онъ усердно собиралъ тогда и потомъ свѣдѣнія отъ людей всякихъ народностей, вѣръ и положеній, такъ что пріобрѣлъ наконецъ такія познанія о Палестинѣ, что „врядъ ли кто знаетъ здѣсь въ этомъ отношеніи болѣе его". Разсказъ, предпринятый авторомъ, по словамъ его,—„будетъ простъ, какъ истина и заключаться исключительно въ изложеніи событій, незнакомыхъ нашему обществу, но дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто среди *христіанскаго населенія священно-исторической страны*, которая издавна служитъ яблокомъ раздора и центромъ политическихъ мечтаній просвѣщенной части человѣческаго рода". Автора въ особенности заняла среда „почти-что равносильныхъ партій, постоянно имѣющихъ между собою непріятныя столкновенія—духовенства и представителей иностранныхъ правительствъ". Онъ не опредѣляетъ ни народности, ни времени дѣйствія своихъ героевъ, но даетъ имъ, однако, „русскія вымышленныя имена"—для бóльшей простоты, по его словамъ; и разсказывать онъ вознамѣрился совершенно свободно, между прочимъ о предметахъ „иногда весьма щекотливыхъ". Относительно выбора русскихъ именъ, авторъ замѣчаетъ: „предпочитаю сдѣлать это еще въ силу того, что мнѣ, незнакомому со многими иностранными языками (?), было бы слишкомъ затруднительно выставлять въ печати подлинныя имена и званія. Если же, прочитавъ мои сообщенія, многіе изъ слѣдящихъ отсюда за ходомъ главнѣйшихъ событій и выдающихся происшествій въ Палестинѣ, изумятся, что столь исключительные случаи до сихъ поръ оставались подъ спудомъ, я отвѣчу имъ, что, во-первыхъ, на обще-палестинскія дѣла описываемыя мною событія не имѣли *достаточно важнаго вліянія* (?), чтобы ихъ огласила русская печать (?), а затѣмъ, оффиціально сообщаются извѣстія далеко не въ томъ видѣ, какъ на самомъ дѣлѣ должны были бы передаваться, строго придерживаясь истины,—чтобы не срамиться предъ иностранцами (?), умалчиваютъ о *главномъ!*" (?)

Читатель, вѣроятно, раздѣлитъ съ нами недоумѣніе, какое воз-

буждаютъ эти разсужденія. Но, какъ бы то ни было, книжка изображаетъ исторію одного церковнаго представителя и дипломатическаго представителя неизвѣстной державы въ Палестинѣ, отца Августина и генерала Полѣнина. Ихъ русскія имена, — данныя имъ авторомъ „по незнанію многихъ иностранныхъ языковъ",—производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ были наши соотечественники; это впечатлѣніе усиливается и кажется читателю полной достовѣрностью, когда онъ узнаетъ, что духовная особа хотѣла „подражать во внѣшности митрополиту Филарету", когда въ его біографіи дѣлается ссылка на описаніе нѣкоторыхъ фактовъ въ герценовскомъ „Колоколѣ" и т. д.

Въ подробности книги мы входить не будемъ, предоставляя читателю самому съ ней ознакомиться. Довольно сказать, что біографія названныхъ двухъ дѣятелей (т.-е. церковнаго и дипломатическаго представителей неизвѣстной державы) и ихъ приспѣшниковъ и приспѣшницъ есть не просто скандальная, но скандальнѣйшая хроника,— написанная не безъ своего рода искусства и съ немалой ядовитостью. Это не просто памфлетъ, а настоящій „libel".

Если справедлива половина того, что разсказываетъ авторъ, то надо сожалѣть о состояніи общества, въ которомъ возможны оффиціальные дѣятели подобные о. Августину и генералу Полѣнину, дѣятели, стоящіе ниже всякой нравственно-общественной критики, компрометтирующіе „державу", которой служатъ представителями, безнаказанно хозяйничающіе по-своему въ теченіе многихъ лѣтъ въ такомъ важномъ международномъ пунктѣ, какъ Палестина. Повидимому, высшая власть „державы" не имѣла понятія о дѣяніяхъ своихъ представителей,—вслѣдствіе того, что ни общественное мнѣніе, ни печать не имѣли права голоса, не могли указать на совершавшіяся безобразія, которыхъ власть не въ состояніи была услѣдить по оффиціальнымъ бумагамъ.

Факты, разсказанные въ книжкѣ, далеко не безразличны для общаго политическаго интереса страны. „Держава", которая имѣетъ своихъ представителей въ Палестинѣ, очевидно, имѣетъ ихъ по важнымъ религіозно-политическимъ соображеніямъ. Безъ сомнѣнія, она думаетъ черезъ этихъ представителей заявлять свое значеніе и свои интересы въ Палестинѣ; пламенные патріоты этой державы несомнѣнно высоко цѣнятъ религіозно-политическое значеніе своей народности и своего государства, строятъ идеалистическіе планы развитія этого значенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, настоящіе представители этой церкви и этого государства не только обо всемъ этомъ не помышляютъ, занимаясь однимъ личнымъ интриганствомъ, но своимъ цинизмомъ грубо подрываютъ и интересы государства, и ожиданія

идеалистовъ. Раскрывается глубокій, коренной порокъ этихъ отношеній, который — вмѣстѣ съ многими подобными же недостатками въ самой внутренней жизни — требуетъ исправленія раньше, чѣмъ могутъ строиться волшебные планы будущаго.

Форма, къ которой прибѣгнулъ авторъ для своихъ историческихъ повѣствованій, не принадлежитъ къ лучшимъ литературнымъ формамъ. Памфлетъ есть нерѣдкое орудіе борьбы общественной, литературной, политической; бываютъ обстоятельства, гдѣ онъ исполняетъ правильно свою роль и даже бываетъ единственнымъ возможнымъ средствомъ. Но бываютъ случаи, гдѣ онъ становится очень дурнымъ оружіемъ. Намъ кажется, что и въ настоящемъ случаѣ памфлетъ поставленъ несовсѣмъ правильно. Во-первыхъ, по словамъ автора, его разсказъ относится ко временамъ минувшимъ, и главнаго героя, на которомъ сосредоточено его озлобленіе, уже нѣтъ въ живыхъ. Такъ это или нѣтъ, не знаемъ; но если авторъ заявляетъ это, то положительно непріятное впечатлѣніе оставляетъ памфлетъ, и притомъ порядочно циническій, противъ лица, уже не существующаго, которое не можетъ отвѣчать и которое авторъ даже въ могилу проводилъ названіемъ „пса“. Далѣе, безъимянный памфлетъ, какъ настоящій, имѣетъ ту отталкивающую сторону, что онъ лишаетъ обвиняемаго почти всякой возможности защиты: рѣчь идетъ о комъ-то, живущемъ гдѣ-то,—вольно-де (обвиняемому) принимать это на свой счетъ; а если онъ приметъ, то, значитъ, вѣрно изображенъ. А если обвиненіе невѣрно; если оно продиктовано однимъ озлобленіемъ и извращаетъ факты? Обвиняемый можетъ совсѣмъ не отозваться, а читатель, т.-е. общество оставляется въ недоумѣніи и вводится въ заблужденіе.

Авторъ книжки показалъ не мало литературной смѣлости; не было ли бы лучше, еслибъ онъ вмѣсто безъимяннаго, двусмысленнаго памфлета написалъ книжку, хотя менѣе пикантную, но болѣе открытую? Въ послѣднемъ случаѣ, не было бы, конечно, столько мѣста для ядовитыхъ эпизодовъ, но было бы больше настоящей пользы для общества.

Русскіе простонародные травники и лечебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія. Профессора В. М. *Флоринскаго.* Казань, 1880.

Въ старой русской литературѣ до сихъ поръ остается немало памятниковъ, до которыхъ почти еще не касалось изслѣдованіе, и которые извѣстны лишь небольшому кругу спеціалистовъ по рукописямъ. Въ числѣ этого неизданнаго матеріала доселѣ открываются иногда произведенія, имѣющія большую цѣнность литературную или чисто-историческую. Къ числу таковыхъ принадлежатъ и тѣ памят-

ники, которымъ г. Флоринскій посвятилъ свое изданіе. Это — такъ-называемые цѣлебники, лечебники, травники, зелейники и т. д., которыхъ много разсѣяно и въ общественныхъ библіотекахъ рукописей, и по частнымъ рукамъ.

Эти произведенія, въ которыхъ заключена древняя русская медицина, идутъ изъ разныхъ источниковъ и имѣютъ различный интересъ. Одни, по своему содержанію и языку, носятъ на себѣ печать, повидимому, чисто народнаго происхожденія; другія были очевидно переводныя. Первыя, составляя складъ народныхъ медицинскихъ свѣдѣній древней Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и замѣчательный складъ народныхъ преданій и повѣрій о растительной природѣ, такъ что получаютъ и значеніе любопытнаго этнографическаго и миѳологическаго матеріала. Вторыя, конечно, не могутъ имѣть этого послѣдняго значенія, но любопытны съ другой стороны, какъ матеріалъ для бытовой исторіи и для исторіи языка.

Г. Флоринскій въ такихъ общихъ чертахъ характеризуетъ содержаніе этихъ памятниковъ.

„... Первыя рукописныя сочиненія по русской медицинѣ, подъ именемъ травниковъ и зельниковъ (зелейниковъ), имѣютъ дѣло съ лекарствами почти исключительно изъ растительнаго царства и притомъ произрастающими на туземной почвѣ. При свойственномъ мало развитому народу суевѣріи, лекарствамъ обыкновенно приписывалось много чудесныхъ свойствъ. Поэтому первые, чисто народные травники и зельники должны были содержать въ себѣ значительную долю народныхъ предразсудковъ и вѣру въ чудесное дѣйствіе травъ (т.-е. просто: народной миѳологіи). Только такіе „травники“ и могутъ называться чисто народными, самобытными. Въ нихъ, какъ и въ народныхъ повѣрьяхъ, былинахъ, сказкахъ, предразсудкахъ, выражается доля народнаго творчества, не заимствованнаго отъ европейской науки, но скопившагося подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій жизни и склада нравственныхъ понятій даннаго народа.

„Съ теченіемъ времени, когда въ русскую жизнь стали проникать отъ цивилизованныхъ сосѣдей болѣе выработанныя медицинскія понятія, гдѣ медицина имѣла уже значеніе науки, лечебники должны были измѣнить свой характеръ и принять болѣе систематическую форму (т.-е. точнѣе: должны были явиться новыя, совсѣмъ иного характера произведенія). Въ это время явились сочиненія, переведенныя или передѣланныя съ иностранныхъ языковъ, носящія отпечатокъ медицинской школы—или греческо-римскаго періода, или періода арабскаго, нерѣдко со ссылками на авторитетъ, напр., Галена, Цельса, Авиценны и пр. Эти сочиненія представляютъ уже не лепетъ народной медицинской поэзіи, но стройную систему медицинскаго

ученія того времени. Такова, напр., весьма распространенная рукопись, подъ заглавіемъ „Прохладный Вертоградъ". Это сочиненіе (т.-е. этотъ *переводъ*), относящееся ко второй половинѣ XVII-го столѣтія, было очень распространено, такъ какъ до сихъ поръ списки его встрѣчаются чаще другихъ лечебниковъ. Изъ сопоставленій этихъ списковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ эпохамъ, можно видѣть, что древніе переводы или передѣлки медицинскихъ книгъ не оставались въ одномъ и томъ же видѣ. Съ теченіемъ времени они пополнялись, наростали въ объемѣ и обогащались содержаніемъ посредствомъ вставокъ и приписокъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ", и проч.

По тѣмъ рукописямъ, какія бывали въ рукахъ автора, и тѣмъ даннымъ, какія въ нихъ заключаются, г. Флоринскій дѣлитъ старыя лечебныя сочиненія на три категоріи: во-первыхъ, травники, составленные до XVI столѣтія; во-вторыхъ, лечебники (переводные) XVI и XVII столѣтія; въ-третьихъ, лечебники и медицинскія рукописныя сочиненія XVIII вѣка.

Авторъ въ своемъ предисловіи приводитъ историческія указанія о старинномъ русскомъ врачевствѣ, о проникшемъ позднѣе медицинскомъ знаніи западно-европейскомъ, сопоставляетъ съ этими свѣдѣніями сохранившіеся письменные памятники и въ общихъ чертахъ указываетъ интересъ этихъ памятниковъ относительно бытовой исторіи, медицинскаго русскаго языка, существующей донынѣ народной медицины. Затѣмъ, слѣдуетъ самое изданіе памятниковъ, въ которое вошли: „Травникъ"; книга глаголемая Прохладный Вѣртоградъ; о моровомъ повѣтріи; наука о знаменахъ, т.-е. о разпознаваніи болѣзней; о наукѣ врача Моисея египтянина; Филона нѣкоего сказаніе луннаго теченія; указъ Іоанна и Петра Алексѣевичей по поводу неисправностей въ аптекарской палатѣ; медицинскій экзаменъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича; „Реестръ изъ дохтурскихъ наукъ" Аѳанасія, ерхіепископа холмогорскаго.

Ученымъ медикамъ давно бы слѣдовало обратить вниманіе на эти памятники, которые и нельзя было бы удовлетворительно изслѣдовать безъ ихъ содѣйствія; до сихъ поръ этого не было, и потому особенно пріятно видѣть, что такой трудъ предпринялъ г. Флоринскій, въ прежнее время профессоръ медико-хирургической академіи и извѣстный практическій врачъ въ Петербургѣ, а нынѣ профессоръ въ Казани. Имъ руководило вѣрное пониманіе научной важности этихъ памятниковъ, и за его трудомъ останется заслуга перваго значительнаго изданія ихъ.

Но это—только начало. Для нѣсколько полнаго обслѣдованія предмета нужны еще многія работы, которыхъ не дѣлалъ г. Флоринскій. Нужно прежде всего составить инвентарь наличныхъ памятни-

ковъ этого рода, опредѣлить ихъ по времени и содержанію, разграничить памятники чисто переводные, заимствованные, отъ другихъ, которые можно считать самостоятельно народными (въ той или другой степени). Послѣдніе, конечно, именно и представляютъ главнѣйшій интересъ для историко-этнографическаго изученія, давая образчикъ народной натуралистической миѳологіи и преданій,—тогда какъ памятники чисто переводные (и принадлежащіе обыкновенно позднѣйшему періоду) любопытны уже только для исторіи новѣйшихъ нравовъ и также языка.

Изъ памятниковъ болѣе древняго періода г. Флоринскій напечаталъ только одинъ „Травникъ". Историки нашей старины и народности касались уже не разъ этого рода произведеній, было даже издано и нѣсколько текстовъ; на ихъ основаніи дѣлались уже и весьма знаменательные выводы о русской отдаленнѣйшей древности, —напримѣръ, у Аѳанасьева, г. Буслаева, г. Забѣлина (въ „Исторіи русской жизни"), писателей съ очень авторитетными именами. Между тѣмъ, эти памятники не были до сихъ поръ подвергнуты той предварительной критикѣ, безъ которой, собственно говоря, и невозможно строить на нихъ какіе-нибудь широкіе выводы о старинѣ. Во-первыхъ, неизвѣстны съ точностью самые тексты—мы знаемъ тексты только случайно или отрывками являвшіеся въ печати, и не знаемъ этихъ памятниковъ въ полномъ составѣ ихъ различныхъ редакцій. Содержаніе ни мало не изслѣдовано; оно очень охотно признается исконно-народнымъ,—на такое заключеніе легко наводитъ яркій народный языкъ этихъ сочиненій,—между тѣмъ, довольно взглянуть на номенклатуру разныхъ чудодѣйственныхъ растеній, описываемыхъ въ „травникахъ" и „зелейникахъ", чтобы увидѣть въ нихъ несомнѣнное присутствіе чужихъ свѣдѣній и преданій (напримѣръ, греческихъ). Самыя растенія также не опредѣлены: нѣкоторыя принадлежатъ, очевидно, извѣстной флорѣ и являются подъ ихъ обычными и донынѣ названіями; другія должны быть распознаны—не археологами, а ботаниками. Наконецъ, все содержаніе должно быть сличено съ натуралистическими преданьями древней и средневѣковой Европы и славянства (въ особенности именно южнаго). Только послѣ этой критической провѣрки содержанія памятниковъ и былъ бы возможенъ выводъ о значеніи заключающихся въ нихъ повѣрій и преданій.

Такая работа была бы не по силамъ простому филологу и историку литературы, но было бы необходимо и содѣйствіе ученаго медика и ботаника. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ почти примѣра такой совмѣстной работы ученыхъ разныхъ спеціальностей, но она была бы необходима не въ одномъ этомъ случаѣ. Такъ, именно медикамъ давно бы пора обратить вниманіе на старинные лечебники, — это

было очень полезно для разъясненія археологическаго вопроса для оцѣнки современной народной медицины. Трудъ г. Флоринскаго есть первый значительный трудъ въ этомъ направленіи и заслуживаетъ полнаго сочувствія.—А. А.

II.

Святе письмо Нового Завіту. Мовою русько-украінскою переклали вкупі *П. А. Куліш и др. И. Пулюй.* Печатано у Львові. 1880.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ во Львовѣ полный украинскій переводъ Новаго Завѣта; говоримъ: полный, такъ какъ четыре евангелія тѣхъ же переводчиковъ были изданы въ Вѣнѣ еще въ 1871 г., а два года спустя вышелъ въ Австріи же пробный выпускъ — евангеліе Луки, другого переводчика. Изданіе гг. Кулиша и Пулюя, которому, конечно, предстоитъ литературная будущность въ австрійской и русской Украйнѣ, — есть вовсе не первый опытъ не только рукописнаго, но и печатнаго перевода частей Библіи на украинскій, или малороссійскій языкъ. Наибольшее число подобныхъ опытовъ относится къ XVI и XVII вѣку, когда юго-западная Русь волновалась религіозно-литературнымъ движеніемъ, свойственнымъ Европѣ временъ Возрожденія и Реформаціи, и когда церковная, и школьная, и литературная жизнь въ этой странѣ находилась въ тѣсной связи съ жизнью общественной, допускавшей большой просторъ частной инціативѣ: корпорацій (цеховъ и братствъ) и личностей.

Вышеупомянутые переводы библіи далеко не всѣ теперь извѣстны и даже извѣстные рукописные не изданы,—но и то, что извѣстно о нихъ теперь, доказываетъ, что попытка, настойчиво проводимая въ послѣднее время извѣстнымъ кружкомъ „украйнофиловъ", не составляетъ чего-либо изолированнаго и искусственнаго, какъ говорятъ часто ихъ противники. Такъ, если даже не считать изданія доктора Франциска Скорины изъ Полоцка: „Библия Руска" (Прага, 1517—1519), которое можно относить столько же къ бѣлорусскому, сколько и къ украинскому языкамъ (оба языка, впрочемъ, почти не отличаются лексически),—то изъ старинныхъ украинскихъ переводовъ библіи особенно замѣчательны: печатное евангеліе, изданіе Василія Тяпинскаго (по Каратаеву, 1580 года) и рукописное такъ называемое „Пересопницкое Евангеліе", писанное въ 1556—1561 годахъ въ Пересопницѣ на Волыни на счетъ княгини Гольшанской [1]). Послѣ извѣст-

[1]) О другихъ переводахъ см. Житецкаго, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, приложенія; Пыпина, Исторія слав. литер., 2 изд., I, 326; Литер. Сборн., издав. галицко-русскою Матицею. 1872—1873, стр. 21; Каратаева, Опис. славяно-русскихъ книгъ, напечат. кирилловскими буквами 1491—1730, и др.

наго раздѣла Украйны въ концѣ XVII ст. между Польшею, Россіею и Турціею,—самостоятельная литературная дѣятельность на Украйнѣ постепенно затихаетъ: въ части страны, доставшейся Польшѣ, едва тянется традиція XVII в., подавляемая ультрамонтанскимъ католичествомъ; на востокѣ отъ Днѣпра въ началѣ XVIII в. установляется духовная цензура св. синода, безъ которой ничто духовное, а особенно переводъ св. писанія не можетъ быть напечатано.

Такимъ образомъ, если не считать отрывковъ и, такъ называемыхъ, „толковыхъ" изданій уніатскихъ, почаевскихъ и галицкихъ,—XVIII-й и большая часть XIX-го в., не исключая и времени увлеченія Россіи библейскими обществами, прошли безъ попытокъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видѣли въ XVI—XVII в.,—переложенія библіи „для ліпшого вырозумліньня люду посполітого, зъ языка болгарского на мову простую", „рускую", или „козако-рускую", какъ говорили тогда. Попытки эти начались только съ появленіемъ мѣстнаго вида славянскаго возрожденія, т.-е. украйнофильства: почти одновременно Квитка въ Харьковѣ и Маркіанъ Шашкевичъ въ Галиціи брались за извлеченія и переводы изъ библіи; извѣстны и другія попытки въ такомъ родѣ,—но въ печать онѣ не попали. Напечатаны были, и то позже, только переводы псалмовъ: Шашкевича, Шевченка и Максимовича. Въ началѣ 1860-хъ годовъ г. Костомаровъ объявилъ о намѣреніи издать, кромѣ серіи популярно-научныхъ книгъ, и украинскій переводъ библіи, для чего собиралъ, публичною подпискою, и деньги, которыми долженъ былъ распорядиться особый комитетъ изъ „выбранныхъ людей" (см. „Основу", 1862, серпень, 14). Новый Завѣтъ былъ уже готовъ въ 1863 г. и, одобренный академіей наукъ, представленъ былъ на цензуру въ св. синодъ. Но св. синодъ не только не допустилъ его къ печатанію, но даже воспретилъ духовнымъ цензорамъ допускать какія-бы то ни было украинскія книги духовнаго содержанія, а, нѣсколько времени спустя, и проповѣди на „простонародныхъ нарѣчіяхъ". Съ тѣхъ поръ даже и прежде разрѣшенные переводы изъ псалмовъ Шевченка и Максимовича не смѣли болѣе появляться въ печати въ Россіи. Въ 1875 успѣло-было проскочить въ Кіевѣ въ печать второе изданіе книжки: „Оповіданьня з св. писаньня" свящ. Опатовича, представляющее изложеніе книги Бытія, но въ слѣдующемъ году издано было новое, болѣе строгое запрещеніе всякой украинской печати, кромѣ поэзіи и беллетристики (и то не иначе, какъ съ разрѣшенія петербургской цензуры),—и затѣмъ даже въ 1880 году, г. Костомаровъ счелъ нужнымъ отказаться отъ всякой надежды издать въ Россіи задуманныя имъ въ 1862—63 украинскія книги, въ томъ числѣ и библію, и передалъ собранныя имъ

деньги академіи наукъ на премію за лучшій словарь „съ мало-русскаго нарѣчія на русскій языкъ [1])“.

Но дѣло изданія украинскаго перевода библіи на этомъ не остановилось. Въ 1869 году г. Кулишъ напечаталъ въ приложеніи къ львовской газетѣ „Правда“ переводъ „Пятикнижія“, сдѣланный, какъ сказано въ предисловіи, трудами многихъ украинскихъ писателей. Вслѣдъ затѣмъ онъ же издалъ въ Лейпцигѣ свой стихотворный переводъ Псалтыри, а въ 1871 г. въ Вѣнѣ четырехъ евангелистовъ. Переводы эти распространялись, конечно, преимущественно въ австрійской Украйнѣ, особенно въ Галиціи. Они возбудили противъ себя и уніатскихъ ультрамонтановъ, и ту партію, которую въ Галиціи называютъ „москвофильскою“ и которая, дѣйствительно, патронировалась московскими славянофилами и получала субсидіи не только отъ „славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ“, но и отъ уніатской канцеляріи при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ. Но и галицкимъ „рутенцамъ“ и „москвофиламъ“ пришлось считаться съ изданіями г. Кулиша, а потому первые попробовали противоставить имъ свой переводъ (евангеліе Луки), а вторые сами начали давать отрывки перевода библіи въ журналѣ о. Наумовича „Наука“, выходящемъ въ Коломіи. Теперь г. Кулишъ, вмѣстѣ съ г. Пулюемъ (доцентъ физики въ вѣнскомъ университетѣ, бывшій богословъ, знающій еврейскій языкъ, издатель перевода молитвенника на галицко-украинскій языкъ) оставили позади своихъ конкуррентовъ, издавши полный переводъ Новаго Завѣта на „русько-украіньску мову“.

Мы предоставляемъ оріенталистамъ-гебраистамъ судить о точности перевода гг. Кулиша и Пулюя и скажемъ нѣсколько словъ лишь о народности его. Изъ-подъ пера такого знатока украинскаго языка, каковъ г. Кулишъ, не могло выйти произведенія не народнаго по формѣ. Но видно, что послѣ изданія „Пятикнижія“ г. Кулишъ счелъ нужнымъ сдѣлать уступки тѣмъ, которые жаловались на слишкомъ „простонародный“ характеръ языка этого изданія: въ „Новомъ Завѣтѣ“ гораздо больше сохранено старо-болгарскихъ, церковно-славянскихъ реченій и формъ именъ (напр. *Іоан*,—хотя тутъ же *Юда*). Правописаніе — извѣстная *кулишевка*, т.-е. фонетическое, но не достаточно рѣшительное и потому не всегда логичное, сравнительно съ тѣмъ, которое теперь начинаетъ приниматься въ Австріи и даже

[1]) Въ 1875 г. въ кіевской губерніи былъ удаленъ отъ службы одинъ народный учитель за то, что перевелъ въ классѣ на украинскій языкъ двѣ фразы изъ евангелія Матѳея.

проникаетъ въ Россію [1]). Во всякомъ случаѣ, по языку, переводъ гг. Кулиша и Пулюя одинъ изъ самыхъ „простонародныхъ", т.-е. удобопонятнѣйшихъ переводовъ священнаго писанія, какіе только есть, и гораздо ближе къ народной украинской рѣчи, чѣмъ, напр., извѣстное синодское изданіе „Новаго Завѣта на русскомъ нарѣчіи" къ рѣчи великорусской.

Въ послѣднее время разныя газеты, отъ кіевской „Зари", „Русскаго Курьера" и до „Голоса" и „Церковно-общественнаго Вѣстника" заговорили противъ запрещенія украинской литературы, въ томъ числѣ и духовной. „Церковно-общественный Вѣстникъ" и за нимъ „Заря", даже усмотрѣли одну изъ причинъ распространенія *штунды* въ Украйнѣ, не знавшей прежде расколовъ (но знавшей, прибавимъ мы, въ XVI—XVII вѣкахъ протестантизмъ, даже въ формѣ социніанства), въ отсутствіи въ ней проповѣди и св. писанія на народномъ языкѣ. Не станемъ загадывать о томъ, остановитъ ли допущеніе проповѣди и библіи на украинскомъ языкѣ распространеніе раціоналистическихъ сектъ, въ родѣ штунды,—хотя примѣры западной Европы, въ которой протестантское движеніе шло объ руку съ популяризаціею библіи, заставляетъ ждать совсѣмъ противнаго. Замѣтимъ пока, что газетныя извѣстія сообщали, что напр. константиноградскіе и екатеринославскіе „люди божьи" (шалопуты) сами прибѣгаютъ въ своей пропагандѣ къ переводу церковно-славянскихъ и русскихъ (великорусскихъ) текстовъ на украинскій языкъ. Вообще же, вопросъ о свободѣ такого или иного языка и въ частности вопросъ о возможности изложенія на немъ всякаго рода предметовъ и въ томъ числѣ и перевода такого памятника, какъ Библія, есть вовсе не вѣроисповѣдный вопросъ,—а одинъ изъ вопросовъ общихъ гражданскихъ правъ. А потому примѣръ, какъ отнесется цензура въ Россіи къ изданію „русско-украинскаго" перевода Новаго Завѣта, сдѣланному за-границею однимъ изъ извѣстныхъ украинскихъ и русскихъ писателей,—будетъ очень интересенъ, между прочимъ, какъ испытаніе прочности нѣкоторыхъ изъ „новыхъ вѣяній".

Львовъ. В.

---

[1]) См. книгу профессора львовскаго университета Эм. Огоновскаго, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880, и М. Тулова, О малорусскомъ правописаніи. Воронежъ. 1879.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА

г. Исакова подъ редакціей П. Ефремова.

Письмо въ редакцію.

Начавъ просмотръ новаго изданія Пушкина, мы были удивлены, какъ и многіе другіе прежде насъ, тономъ ожесточенной полемики, какую г. редакторъ открылъ, съ первыхъ же страницъ своихъ примѣчаній къ стихотвореніямъ поэта, противъ стараго изданія сочиненій Пушкина 1855 года, вышедшаго подъ редакціей П. В. Анненкова. Чѣмъ дальше слѣдили мы за указаніями, толкованіями, выходками г. Ефремова, тѣмъ болѣе убѣждались, что вся эта работа униженія стараго изданія 1855 г. безъ мѣры и часто безъ всякой причины—не имѣетъ ничего общаго съ критическимъ изслѣдованіемъ его достоинствъ и недостатковъ, а направлена къ тому, чтобы особенно отрекомендовать новое предпріятіе въ томъ же родѣ, давно ожидаемое публикой. Всѣ усилія г. Ефремова клонятся къ тому, чтобы заставить забыть досадное старое изданіе, изгладить о немъ память въ литературѣ, умалить или вовсе удалить воспоминаніе о всемъ томъ, чтó оно *впервые дало* или *впервые изслѣдовало.* Отыскавъ правильную точку зрѣнія на библіографическія изысканія г. Ефремова, какъ на бойкую литературную рекламу, намъ уже легко становится признать ея достоинства. Реклама отличается замѣчательной ловкостію, изобрѣтательностію мотивовъ и неожиданностію заключеній, а если она не всегда отвѣчаетъ истинному положенію дѣла, то кто же станетъ требовать отъ рекламы правильной и добросовѣстной оцѣнки чужого труда? Но, признавая вполнѣ законность литературной рекламы и въ настоящемъ случаѣ искренно желая ей успѣха, если она поможетъ увеличить число читателей и поклонниковъ Пушкипа, мы должны, однако же, замѣтить, что есть предѣлы для рекламы, которые ей не слѣдовало бы переступать въ виду даже сохраненія своего обаянія. Чего только не наговорилъ г. Ефремовъ и на себя, и на предшественниковъ своихъ въ двухъ первыхъ томахъ новаго сборника на 70-ти и на 42-хъ страницахъ своихъ примѣчаній, къ нимъ приложенныхъ. Дѣло доходитъ у него до азарта и до курьёзовъ, способныхъ смутить самаго довѣрчиваго читателя. Онъ аттестуетъ, напр., прежняго издателя „Сочиненій Пушкина“ 1855 года, человѣкомъ, *крайне небрежно* пользовавшимся драгоцѣнными рукописями поэта, которыя находились въ его рукахъ

поверхностно, а не построчно сличавшимъ тексты, *безграмотно* прочитавшимъ нѣкоторые стихи, и проч. (Т. I, стр. 509). Поводы къ составленію подобнаго приговора дотого мелки, что разладъ между ними и непомѣрно-торжественными и суровыми заключеніями судьи могъ бы привесть въ недоумѣніе, если бы мы не знали источниковъ этого разлада. Большею частію поводы эти заключаются въ опискахъ и опечаткахъ, которыя въ первомъ систематическомъ изданіи сочиненій Пушкина, при разборѣ многочисленныхъ документовъ, до нихъ относящихся, были почти неизбѣжны. Впрочемъ, винить въ легкомысліи г. Ефремова нельзя: онъ зналъ, что дѣлалъ, когда рѣзкостію выраженія надѣялся отвести глаза читателя отъ ничтожества своихъ замѣтокъ и укрыть за ними собственные свои промахи, которые уже менѣе извинительны, чѣмъ погрѣшности первоначальнаго изданія 1855 г. Также точно нельзя вмѣнять ему въ преступленіе и хвастливое возглашеніе на весь читающій русскій міръ о каждой перемѣнѣ въ текстѣ, о каждой незначительной добавкѣ къ нему, какія онъ почелъ за нужное сдѣлать: обязанности редактора были бы очень тяжелы, если бы исполнять ихъ скромно, какъ призваніе. Гораздо менѣе извинительны нѣкоторыя сужденія и афоризмы г. Ефремова, похожія на странности. Такъ, одна мелкая добавка къ раннему лицейскому стихотворенію Пушкина (о лицейскихъ пьесахъ всего болѣе и хлопочетъ г. Ефремовъ) вызвало у него замѣчаніе: „Г. Анненковъ, хотя имѣлъ рукопись, исправленную Пушкинымъ для изданія 1826, но обратилъ вниманіе только на поправки поэта, а не прочелъ *всего* стихотворенія“ (Т. I, 516). По этому опредѣленію выходитъ, что г. Анненковъ открылъ секретъ вводить поправки въ стихотворенія поэта, не читая послѣднихъ вовсе. Эта удивительная мысль не просто сорвалась съ языка у г. Ефремова: онъ повторяетъ ее въ различныхъ варіантахъ на разныхъ пунктахъ своихъ примѣчаній: такъ она ему полюбилась. Рядомъ съ нею можно поставить слѣдующій отзывъ. Не находя въ одной пустой стихотворной записочкѣ Пушкина къ пріятелямъ (изъ 7-ми строкъ) послѣдняго стиха, вѣроятно, и не стоявшаго въ рукописи поэта, г. Ефремовъ пеняетъ г. Анненкову, впервые напечатавшему отрывочекъ, почему онъ не упомянулъ о недостающемъ стихѣ (Т. I, стр. 553). О чемъ же было упоминать, когда дѣло само по себѣ представлялось достаточно яснымъ, а надобности въ библіографической болтовнѣ для пущей важности совсѣмъ не требовалось. Правда, что и здѣсь встрѣчается оправданіе для г. Ефремова. Онъ не могъ подавить въ себѣ рвенія бросить еще одинъ лишній разъ злобный укоръ, хотя бы и маломотивированный, старому изданію 1855 г., которымъ онъ, однако-жъ, въ теченіи работы, пользовался весьма усердно: платить за услугу

оскорбленіемъ, когда рѣчь коснулась этого изданія, сдѣлалось потребностію его нравственной природы. Для удовлетворенія ея, онъ оказался способнымъ позабыть навремя даже и современную нашу исторію и вотъ что пишетъ по поводу пьесы Пушкина: „Пажъ, или 15-лѣтній король", въ которой „нашелъ пропуски, сдѣланныя посмертнымъ изданіемъ", прибавляя къ тому: „о чемъ г. Анненковъ, видѣвшій подлинную рукопись, вовсе не упомянулъ, а это при его обычаѣ постоянно указывать пропуски, сдѣланные самимъ поэтомъ или редакторами посмертнаго изданія и *постоянно же* умалчивать о цензурныхъ исключеніяхъ, даетъ поводъ полагать, что строфы эти не явились по особымъ причинамъ" и т. д. Можно подумать, что въ 1853—54 году, когда изготовлялось старое изданіе, молчаніе о цензурныхъ исключеніяхъ исходило просто изъ обычая, усвоеннаго редакторомъ и зависѣло отъ его доброй воли! Но стоило-ли думать о подобныхъ мелочахъ?

Критическій анализъ различныхъ редакцій пушкинскаго текста замѣчателенъ еще у г. Ефремова и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Ни у одного комментатора произведеній знаменитыхъ авторовъ нельзя найти столько игривости, такого расположенія къ шуткѣ и фельетонной шалости. Обширная сѣть цитатъ, выписокъ, поправокъ его, вся пропитана, за малыми исключеніями, блестками сомнительнаго остроумія, фальшивой ироніи. Онъ умѣетъ высказывать длинныя замѣчанія тономъ водевилиста и можетъ быть по справедливости названъ творцомъ новаго рода увеселительной библіографіи. Повидимому, пріемы эти ему были нужны въ видѣ вознагражденія читателя за пустоту многихъ его соображеній. Нужно-ли, напримѣръ, г. Ефремову указать на ошибку извѣстнаго библіографа В. П. Гаевскаго, полагавшаго, что одна эпиграмма дяди нашего поэта Вас. Льв. Пушкина имѣла въ виду знаменитаго его племянника Алекс. Серг. Пушкина, г. Ефремовъ дѣлаетъ свое указаніе въ слѣдующей формѣ: „*Сомнительно*, чтобы Вас. Льв. (Пушкинъ—дядя), могъ написать эпиграмму на неродившагося еще племянника, ибо она напечатана въ 3-й книгѣ Аонидъ на 1799, а поэтъ родился только въ маѣ этого года" (Томъ II, стр. 430). Это прелестное „сомнительно" окрашиваетъ простую замѣтку въ пріятный ругательный цвѣтъ. Въ другой разъ, по поводу шуточной пьесы Пушкина „Ода гр. Хвостову", редакторъ безъ всякой причины и какой-либо связи съ произведеніемъ, бросаетъ комокъ грязи въ г. Гербеля, издателя Шиллера и Шекспира въ русскихъ переводахъ (Т. I, стр. 569). И сколько такихъ юмористическихъ блестокъ разбросано г. Ефремо-

вымъ по всѣмъ частямъ и составамъ его труда. Зачѣмъ все это, и главное, у мѣста-ли въ изданіи классическаго писателя?

Роли редактора произведеній великаго отечественнаго дѣятеля г. Ефремовъ совсѣмъ не понимаетъ. Онъ перенесъ въ строгую область библіографическихъ и филологическихъ изслѣдованій говоръ пріятелей, личныя свои предрасположенія и проч., безцеремонно перемѣшавъ все это съ прямой своей задачей—возстановленія правильнаго чтенія Пушкинскихъ произведеній. Онъ точно обрадовался возможности показать себя въ качествѣ публициста, умѣющаго постоять за свои опредѣленія, хотя бы и подсказанныя капризомъ мысли. На почвѣ сравнительной критики текстовъ и подъ покровомъ великаго имени художника, идетъ у него мутная волна какихъ-то страстей и разсчетовъ. У подножія величаваго образа Пушкина, раздаются задорные крики, шумъ полемическихъ гиперболъ, неумѣренныхъ словъ, которыя возбуждаютъ невольно вопросъ: въ чемъ же состояла цѣль новаго изданія—въ добросовѣстномъ-ли поясненіи пушкинскихъ текстовъ, или въ доставленіи средствъ развернуться на просторѣ безцеремонному балагурству его редактора?

Въ числѣ пріемовъ, употребляемыхъ г. Ефремовымъ, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ упомянутомъ уже выше постоянномъ его обычаѣ возводить въ литературныя преступленія простые типографскіе недосмотры, явныя описки, иногда спорную разстановку запятыхъ (Т. I, стр. 515, 516). Разсчетъ вѣренъ: чѣмъ страшнѣе покажется вина, тѣмъ почетнѣе сдѣлается ея обличеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Ефремовъ встрѣчаетъ промахъ, часто требующій одной черты карандаша для полнаго исправленія своего, онъ торопится принять внушительную позу спасителя пушкинской мысли, мстителя за нанесенное ей оскорбленіе, хотя дѣло обыкновенно идетъ о словахъ, буквахъ, перестановкѣ фразъ и т. п. Ревность о чистотѣ текста служитъ тутъ предлогомъ для тщеславной потѣхи. Редакторъ устроиваетъ себѣ нѣчто подобное судейской каѳедрѣ, съ высоты ея судитъ весь литературный міръ и всѣ публикаціи о Пушкинѣ, за ихъ корректурныя, орѳографическія и издательскія прегрѣшенія. Но самая большая часть суровыхъ приговоровъ редактора опять-таки падаетъ на долю стараго изданія Пушкина 1855 г.; поэтому мы и осуждены поневолѣ, безпрестанно обращаться къ его толкованіямъ на изданіе 1855, такъ какъ въ нихъ-то именно заключаются наиболѣе крупные перлы его комментаторской дѣятельности.

Въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ 1855, г. Анненковъ приводитъ цитату въ *четыре* стиха изъ превосходнаго сти-

хотворенія „Наперсница волшебной старины“, имъ же и найденнаго и впервые опубликованнаго. Къ сожалѣнію, второй стихъ цитаты онъ, по недосмотру, написалъ такъ: „Мой юный умъ напѣвами плѣнила“, вмѣсто: „Мой юный *слухъ...*“, какъ слѣдовало бы и какъ значится дѣйствительно въ пьесѣ, цѣликомъ приводимой черезъ нѣсколько страницъ г. Анненковымъ въ тѣхъ же своихъ „Матеріалахъ“. Ошибка въ цитатѣ даетъ г. Ефремову случай показаться въ полномъ блескѣ библіографической эрудиціи своей и приступить къ довольно забавному слѣдственному процессу. Онъ задается вопросомъ—не было-ли двухъ списковъ стихотворенія и порѣшивъ его отрицательно, переходитъ къ главному пункту обвиненія: „Кромѣ того, г. Анненковъ, повидимому, плохо читалъ или плохо переписывалъ рукописи поэта для изданія, потому что нерѣдко одно и то же стихотвореніе воспроизводилось въ разныхъ мѣстахъ изданія въ разныхъ же видахъ“ (I, 509). И затѣмъ слѣдуетъ указаніе ошибки. Какимъ образомъ на примѣрѣ одной погрѣшности въ цитатѣ изъ 4 стиховъ, отъятой отъ пьесы, имѣющей ихъ 26, г. Ефремовъ могъ придти къ заключенію, что старое изданіе 1855 года печатало цѣльныя стихотворенія, съ одного и того же списка, разно въ различныхъ мѣстахъ—не надо спрашивать: все это только средство разыграть, подъ прикрытіемъ якобы серьёзнаго труда, комедію скандальнаго характера. Можно только пожалѣть, что она дается на страницахъ, посвященныхъ дѣятельности геніальнаго русскаго человѣка. Такихъ фальшъ-фейеровъ библіографической эрудиціи, освѣщающихъ пустоту — у г. Ефремова множество. Еслибы разобрать всю массу примѣчаній, собранныхъ имъ только въ двухъ первыхъ томахъ своего изданія, можно бы удивить читателя той долей натянутости толкованій, искусственныхъ выводовъ изъ самыхъ простыхъ данныхъ и посылокъ, какую они заключаютъ въ себѣ. Къ счастію его подобная, столь же обширная, сколько и безполезная работа не скоро найдетъ охотниковъ. Добраться въ указаніяхъ и замѣткахъ г. Ефремова до истиннаго значенія фактовъ, заняться извлеченіемъ изъ этой груды всякихъ существенныхъ и пустыхъ подробностей какого-либо серьёзнаго матеріала для исторіи нашей печати—представляется дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Кажется, что г. Ефремовъ даже и разсчитывалъ на эту трудность и на сопряженную съ ней относительную безотвѣтственность для себя.

Иногда преувеличенія его и непониманіе прямого смысла того, что онъ читаетъ—поистинѣ поразительны. Тотъ же составитель „Матеріаловъ для біографіи Пушкина“ касается въ одномъ позднѣйшемъ своемъ трудѣ извѣстнаго общества „Зеленой Лампы“, чле-

номъ котораго состоялъ одно время нашъ поэтъ, и опредѣляетъ общество это, какъ простое *оргіаческое*, не имѣвшее никакой политической окраски, занимавшееся преимущественно театральными дѣлами и устроивавши ее у себя пиры и зрѣлища, далеко не цѣломудреннаго характера. Опредѣленіе это не понравилось г. Ефремову и отразилось въ его умѣ и пониманіи слѣдующимъ образомъ: „...Анненковъ неосновательно свелъ (общ. Зел. Лампы) на степень *развратно-грязнаго и шутовскаго*, смѣшавъ его даже съ татариновской сектой (прим. 1, т. I, 539)". Ничего подобнаго не дѣлалъ г. Анненковъ, но что́ нужды? Надо же помѣстить напередъ изготовленное, крѣпкое слово на предназначенное ему заранѣе мѣсто. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по отсутствію документовъ и предлога къ употребленію такого слова—оно становится затруднительнымъ, г. Ефремовъ прибѣгаетъ къ восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ этомъ родѣ весьма замѣчательна пара знаковъ удивленія, пристегнутая имъ къ словамъ г. Анненкова о кишиневскомъ посланіи поэта 1821 г. В. Л. Давыдову. Одна часть посланія, имъ же г. Анненковымъ и найденнаго въ бумагахъ поэта, была приведена имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Вѣстн. Евр. 1874, № 1), а отъ сообщенія другой біографъ отказался, ограничившись передачей стиховъ, гдѣ поэтъ извѣщаетъ о своемъ говѣніи у Инзова, и замѣнилъ все слѣдовавшее затѣмъ словами: *„и такъ далѣе до послѣднихъ предѣловъ глумленія"*. Передавая эти строки г. Анненкова, г. Ефремовъ сопровождаетъ ихъ двумя знаками восклицанія въ скобкахъ (Т. I, стр. 553). Что́ означаютъ они, какому движенію мысли г. Ефремова призваны отвѣчать? Сомнѣвается-ли онъ въ томъ, что въ минуты страсти поэтъ могъ нисходить до глумленія надъ очень важными предметами,—на это есть свидѣтельства, которыя г. Ефремовъ лучше знаетъ, чѣмъ кто-либо другой,—или г. Ефремовъ негодуетъ на непочтительное обозначеніе словомъ „глумленіе" произведеній такого рода, какъ вышеупомянутое посланіе В. Л. Давыдову? Не легко понять редактора новаго изданія въ роли защитника, какъ и въ роли обвинителя. Но все это еще бездѣлица въ сравненіи съ тѣмъ, что является въ другихъ мѣстахъ подъ перомъ редактора новаго изданія.

Привычка подмѣнять мысли и намѣренія, встрѣчаемыя у авторовъ, тѣми, которыя приходятся болѣе по вкусу самого редактора, должна была довести его до неблагонадежныхъ заявленій. Примѣръ такого печальнаго результата библіографическихъ розысканій г. Ефремова, мы видимъ въ примѣчаніи, которымъ онъ сопровождаетъ два знаменитыхъ посланія Пушкина „къ цензору". Выписываемъ суще-

ственную его часть цѣликомъ: оно даетъ образчикъ всей манеры г. Ефремова относиться къ своей задачѣ редактора.

„Два посланія цензору,—говоритъ онъ,—...въ сокращенномъ видѣ явились въ VII т. изданія г. Анненкова, *который имѣлъ мужество заявить, что они подъ его рукою стали лучше, ибо очищены имъ:* „Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и „событій, они теряютъ всякій признакъ сатирическаго или полеми-„ческаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и „высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ слу-„женій“. Дѣйствительно, мы видѣли цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, *такъ что вся честь очистки принадлежитъ г. Анненкову*, который и заглавіе имъ далъ „Посланій къ Аристарху...“ (I, стр. 572).

Читатель уже догадывается, чего надо ожидать въ концѣ отъ позорнаго обвиненія. По справкѣ, наведенной нами въ VII томѣ изданія г. Анненкова, нѣтъ не только ничего похожаго на заявленіе, что оба великолѣпныя посланія сдѣлались еще лучше отъ выпусковъ, въ нихъ произведенныхъ, но нѣтъ еще и признака нити, которая давала бы возможность связать слова г. Анненкова съ тѣмъ толкованіемъ ихъ, которое представилъ г. Ефремовъ. Редакторъ стараго изданія 1855—57 очень сдержанно говорилъ въ своемъ примѣчаніи къ обоимъ посланіямъ Пушкина, которыя онъ первый и успѣлъ провести въ печать: „*Рѣшаемся* представить публикѣ эти два посланія, писанныя въ Михайловскомъ уединеніи 1824 и хорошо извѣстныя почитателямъ нашего поэта. Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ“... и такъ далѣе, какъ въ цитатѣ г. Ефремова. Тутъ, очевидно, выступаетъ намѣреніе успокоить враждебныя силы, мѣшавшія до того появленію стихотвореній въ печати и успокоивающія ихъ указаніемъ на выпуски; но гдѣ же хвастовство искаженіемъ текста, будто бы произведеннымъ редакторомъ съ цѣлію его улучшенія? Мужество, о которомъ говоритъ г. Ефремовъ, гораздо болѣе проявляется у него самого, когда онъ находитъ возможность приписать подобныя намѣренія г. Анненкову. Нельзя требовать, чтобы г. Ефремовъ помнилъ, съ какими условіями печати, теперь уже неизвѣстными современнымъ писателямъ, боролся прежній издатель, но одно обстоятельство могло бы, кажется, остановить его вниманіе. Въ томъ же VII томѣ стараго изданія потребовалось замѣщеніе полныхъ именъ гг. Булгарина и Греча одними иниціалами Б. и Г. въ памфлетѣ Пушкина „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б. и о прочемъ“, хотя ихъ полныя имена красовались уже на страницахъ журнала „Телескопъ“, гдѣ памфлетъ былъ впервые помѣщенъ.

Не скажетъ же г. Ефремовъ, что и это измѣненіе произошло по иниціативѣ и вслѣдствіе тайнаго предрасположенія издателя къ этимъ почетнымъ лицамъ прежней русской журналистики. Впрочемъ, почему бы ему и не сказать этого послѣ всего, что мы уже отъ него слышали?—Странно только, что литераторъ, хвастающійся знакомствомъ съ мельчайшими явленіями старой періодической нашей печати, не знаетъ исторіи ея за послѣднее, ближайшее къ намъ время. Сохрани онъ какое либо понятіе о ней, онъ, можетъ быть, не сталъ бы удивляться, что „посланія къ цензору" не могли предстать на судъ къ наслѣднику и преемнику того же самаго цензора, о которомъ въ нихъ говорится, подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ и потребовали его измѣненія въ „посланія къ Аристарху". Можетъ статься, онъ понялъ бы также, что произведенные выпуски изъ посланій сдѣланы по указаніямъ цензурной администраціи, видѣвшей въ этихъ образцовыхъ произведеніяхъ глубокомысленнаго, патріотическаго и *консервативнаго* характера, не болѣе какъ противоправительственную сатиру. Что касается до типографской тетрадки, съ которой печатался VII томъ стараго изданія, и въ которой г. Ефремовъ не нашелъ цензурныхъ помарокъ, то они и не могли тамъ встрѣтиться послѣ предварительнаго соглашенія съ вѣдомствомъ о печати на счетъ формы, какую слѣдовало придать обѣимъ пьесамъ для полученія права явиться на свѣтъ. Послѣ всего сказаннаго, спрашивается, имѣлъ ли г. Ефремовъ поводъ и основаніе къ дикому обвиненію... Оскорбительно и печально встрѣчаться съ подобными явленіями при разборѣ изданія сочиненій Пушкина.

Переходимъ къ самимъ этимъ сочиненіямъ, т.-е. къ плану, принятому г. Ефремовымъ для распредѣленія произведеній Пушкина въ изданіи. Въ видѣ нововведенія, онъ отбросилъ прежнюю общепринятую редакторскую систему расчленять громадный литературный матеріалъ, оставленный Пушкинымъ, на его естественные, такъ сказать очевидные безспорные отдѣлы, въ родѣ отдѣла стихотвореній, поэмъ и драмъ, и предпочелъ другую, состоящую въ печатаніи сплошь подъ однимъ годомъ, не разбирая формы произведеній, всего, что въ этотъ годъ было создано поэтомъ. Въ принципѣ строгая хронологическая послѣдовательность не можетъ встрѣтить возраженій, но она имѣетъ тоже свои границы. Редакторъ долженъ былъ подумать о послѣдствіяхъ и неудобствахъ, какія встрѣтятся при ея абсолютномъ приложеніи къ дѣлу. И старыя изданія, принявшія раздѣленіе произведеній Пушкина на большія группы, ни мало не нарушали хронологическаго порядка, принятаго ими за основу своихъ изданій, а только облегчали читателю способъ классифицировать огромную, многостороннюю

дѣятельность поэта и легче отдавать себѣ отчетъ въ ней. Здѣсь видимъ совсѣмъ другое. Прежде всего система редактора не выдержана вполнѣ, во всѣхъ частяхъ изданія, да и не могла быть выдержана. Для этого слѣдовало бы, руководясь однимъ хронологическимъ принципомъ, рѣшиться на помѣщеніе рядомъ съ стихотворными произведеніями Пушкина и произведеній его въ прозѣ, перерѣзать лирическія пьесы разсказами, повѣстями, трактатами, написанными въ одинъ годъ съ ними, а потомъ начинать снова, подъ слѣдующими годами, тотъ же пестрый полонезъ изъ всѣхъ произведеній, состоящихъ на очереди въ данный моментъ. Передъ этимъ результатомъ своей системы отступилъ и редакторъ, допустивъ особый отдѣлъ прозы Пушкина. Въ самомъ зачисленіи нѣкоторыхъ поэмъ въ ряды пьесъ одного, точно опредѣленнаго года, уже есть несообразность: многія изъ нихъ, какъ „Русланъ", „Евгеній Онѣгинъ", „Мѣдный Всадникъ", „Галубъ", писались авторомъ нѣсколько лѣтъ сряду, и объявлять ихъ ровесниками какихъ бы то ни было другихъ произведеній значитъ погрѣшать неточностію, которую такъ преслѣдуетъ редакторъ вездѣ, гдѣ ее находитъ или гдѣ ее предполагаетъ. Но главная ошибка этого плана заключается въ томъ, что, по милости его, смѣшеніе важнаго съ неважнымъ, высоко-художественнаго созданія съ шуткой и бездѣлкой, не позволяетъ читателю укрѣпиться въ одномъ художественномъ настроеніи. Для того, чтобы понять, какое противо-эстетическое впечатлѣніе производитъ это нагроможденіе пьесъ, различныхъ по формѣ, въ одну кучку и другъ на дружку, достаточно указать, что подъ 1825 г. хроника „Борисъ Годуновъ", начатая, какъ извѣстно, еще ранѣе, помѣщается рядомъ съ „Гр. Нулинымъ"; что тотчасъ же за „Полтавою" слѣдуетъ пародія: „Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье", что подъ 1829 г. поэма „Галубъ" красуется между двумя альбомными стишками и т. д. Какъ-бы для довершенія смуты и путаницы, редакторъ присоединилъ еще къ пушкинскому тексту новооткрытыя эпиграммы, памфлетныя выходки, частныя развязныя записочки и легкія импровизаціи поэта, которыя г. Ефремовъ, за неимѣніемъ никакого другаго новаго и серьёзнаго матеріала подъ рукой, выдаетъ за важныя пріобрѣтенія и помѣщаетъ въ сосѣдство со всѣми высокими проявленіями пушкинскаго генія. Послѣдствія этихъ распорядковъ отразились на изданіи тѣмъ, что оно пріобрѣло въ двухъ еще первыхъ своихъ частяхъ видъ какого-то огромнаго складочнаго магазина, какіе бываютъ у оптовыхъ торговцевъ, гдѣ до предметовъ первостепенной цѣнности надо добираться черезъ груду остатковъ, недодѣланныхъ или испорченныхъ вещей мастера.

Остановимся на этихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Если дурно-поня-

тый принципъ хронологическаго порядка въ изданіи привелъ редактора къ такому неудовлетворительному результату, то другой и тоже дурно-понятый принципъ достиженія наивозможно-большей полноты въ изданіи надѣлалъ ему пущихъ бѣдъ. Редакторъ не подумалъ, что полнота полнотѣ рознь и бываетъ не только не желательная, но и положительно вредная полнота для сборниковъ—та именно, которая способна помрачить установленный, всѣми признанный ликъ писателя или дать ему другое выраженіе, чѣмъ обыкновенно носимое имъ или приписываемое ему, развѣ только это измѣненіе нравственной физіономіи автора входитъ въ намѣренія самого издателя и составляетъ цѣль его сборника. Но безъ такого намѣренія перехватывать каждое слово, пущенное на вѣтеръ поэтомъ въ минуту искусственнаго воодушевленія и записанное его неразборчивыми друзьями, слѣдить за каждой его застольной импровизаціей, заниматься, какъ важнымъ дѣломъ, каждой минутной, нецеремонной его шуткой—все это уже представляется заблужденіемъ страстнаго библіографа, но не дѣломъ эстетическаго вкуса и пониманія. Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченія, порывы и уклоненія Пушкина отъ прямой своей дороги, въ которыхъ онъ такъ часто раскаявался при жизни, должны были найти себѣ мѣсто въ собраніи его сочиненій, но не иначе, какъ отдѣленные отъ цикла созданій, стяжавшихъ ему славное имя и не иначе какъ въ видѣ паразитовъ, открытыхъ на свѣтломъ фонѣ его поэзіи, и съ цѣлью поучительнаго примѣра. Здѣсь мы видимъ совсѣмъ другое. Благодаря необдуманному исканію полноты, редакторъ принялъ ихъ въ составъ изданія на одних правахъ съ самыми возвышенными произведеніями поэта, какъ-бы признавая въ этихъ случайныхъ ошибкахъ его генія одну изъ принадлежностей его творчества [1].

Какъ бы ужаснулся самъ Пушкинъ, если бы могъ предчувствовать при своей жизни, что наступитъ время, когда каждая строка, сбѣжавшая съ его пера и имъ позабытая, каждое слово, сорвавшееся съ языка и преданное имъ забвенію, предстанутъ снова на свѣтъ, безъ поясненій, часто даже обезображенныя поправками и притомъ въ видѣ добавки къ его жизненному подвигу!.. Извѣстно, что Пушкинъ самъ записалъ въ тетрадяхъ своихъ нѣкоторые, очень рѣзкіе и яркіе проблески своей пылкой, увлекающейся природы и записалъ, видимо, съ цѣлью сохранить передъ глазами для будущихъ лѣтъ

[1]) Старое изданіе 1855 поступило гораздо осторожнѣе, принявъ за правило относить къ концу года эпиграммы, записочки, шутки Пушкина, написанныя въ теченіи его.

всю прошлую свою жизнь во всей ея наготѣ. Впослѣдствіи онъ черпалъ изъ этой скорбной хроники потрясающіе мотивы для стихотвореній, въ которыхъ слышался вопль раскаянія, да, вѣроятно, при болѣе долгой жизни, разсказалъ бы по той же хроникѣ и всѣ болѣзни и страданія своей души, съ ея паденіями и возвращеніями къ свѣту въ поученіе современникамъ и потомству. Наша задача, какъ ближайшихъ его потомковъ, совсѣмъ другая; мы не можемъ слѣдовать примѣру Пушкина и приводить печальные документы его жизни, просто какъ документы, не освѣщая ихъ мыслію и оцѣнкой обстоятельствъ и среды, изъ которыхъ они выросли. Зная уже теперь вполнѣ нравственную сущность великаго человѣка, всѣ психическіе элементы, образовавшіе его личность, всѣ благородныя стремленія его души и непогрѣшимую чистоту всѣхъ его мыслей и поэтическихъ замысловъ, мы имѣемъ право и должны сказать, что тѣ низменныя проявленія раздраженнаго, буйнаго и скандалёзнаго творчества, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—Пушкину *не принадлежатъ* въ обширномъ смыслѣ слова, хотя бы отъ нихъ остались несомнѣнные автографы, хотя бы они были записаны собственно его рукой на страницахъ его тетрадей. Они не выражаютъ ни настоящей его природы, ни его развитія, ни даже подлиннаго его настроенія въ минуту, когда были писаны. Они ничѣмъ не связаны съ его дѣйствительной мыслью, не имѣютъ корней во внутреннемъ его мірѣ, не отвѣчаютъ никакой склонности его ума или сердца. Всѣ они суть дѣтища броженія и замашекъ его времени, должны считаться эхомъ того говора и шума толпы, которая слѣдила за нимъ по пятамъ всю жизнь, произведеніями таланта, невѣрнаго самому себѣ, совѣсти, измѣнившей собственнымъ своимъ началамъ. Почетъ, оказанный имъ новымъ редакторомъ, принявшимъ ихъ за серьёзныя произведенія пушкинской музы, есть одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ изданія.

А почетъ оказанъ, дѣйствительно, не малый. Г. Ефремовъ нашелъ возможнымъ ввести въ пантеонъ пушкинской поэзіи такія пьесы, какъ „Платонизмъ", „Еврейкѣ", „Сиротка", „Иной имѣлъ мою Аглаю", „Городъ Кишиневъ", присоединивъ къ нимъ шутки, эпиграммы, записочки въ родѣ „Съ позволенія сказать", „Отъ всенощной вечоръ идя домой", „Дѣдушка игуменъ", „Эпитафія духовнику", „Пародія", „Княжнѣ Хованской" и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ подвергъ исправленіямъ, которыя потомъ сдѣлались притчей у фельетонной нашей печати (и напрасно, скажемъ мы отъ себя: передѣлки эти, каковы бы ни были, все-таки свидѣтельствуютъ о сохранившихся еще остаткахъ уваженія къ публикѣ); а у другихъ замѣнилъ особенно

рѣзкія слова и стихи точками,—но поправленныя и оставленныя съ одними пропусками одинаково отдаютъ крѣпкимъ букетомъ литературнаго скандала. Перенося ихъ изъ рукописныхъ частныхъ сборниковъ и школьныхъ тетрадокъ добраго стараго времени прямо на страницы своего изданія, посвященныя пушкинскому тексту, редакторъ не подумалъ, что всѣ старанія его замаскировать ихъ содержаніе, тѣмъ или другимъ способомъ, только увеличиваютъ соблазнъ и силу ядовитыхъ ихъ намековъ. Разбирать смыслъ этихъ произведеній по чертамъ, какія они сохранили еще на себѣ, просто значитъ упражняться въ неблагопристойностяхъ. Но если уже дѣло сдѣлано, то возникаетъ другой вопросъ—почему не воспользовались гостепріимствомъ редактора всѣ другія пьесы Пушкина того же рода, которыя стоятъ еще за вышеприведенными и имѣютъ право завидовать своимъ собратамъ-близнецамъ, удостоеннымъ чести занять мѣсто въ собраніи избранныхъ пушкинскихъ стихотвореній?—билетъ на входъ тоже принадлежалъ имъ по праву и во имя великаго принципа *полноты*. Вѣдь, передѣлывать ихъ и приводить, насколько то возможно, въ порядочный видъ, требуемый печатью—было не труднѣе, чѣмъ при туалетѣ ихъ предшественниковъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ необъяснимой загадкой: загадки всегда являются въ дѣятельности человѣка, который лишенъ яснаго представленія цѣлей, къ которымъ идетъ. Отъ одной части этихъ пьесъ, оставленной за порогомъ изданія, редакторъ отдѣлывается голословнымъ и весьма спорнымъ валовымъ приговоромъ, по которому онѣ будто бы Пушкину не принадлежатъ. Знатоки русской потаенной литературы, видѣвшіе списокъ отверженныхъ имъ пьесъ, который приложенъ былъ въ „Русской Старинѣ“ къ самому объявленію о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія (!) (Русская Старина) 1880, т. XXVIII, іюль, с. 590) замѣтили, однако же, что приложить списокъ не значитъ еще приложить и доказательство, и что существуютъ сильные поводы сомнѣваться въ точности этого циническаго реестра. Какъ бы тамъ ни было, но исключивъ, по своему усмотрѣнію, недостовѣрныя циническія эпистолы и проч., редакторъ добродушно принялъ въ составъ изданія нѣкоторыя подобныя имъ и уже завѣдомо Пушкину не принадлежащія, въ чемъ и принужденъ былъ сознаться. Такъ-то обманчива, ненадежна и подвижна болотная почва секретныхъ литературныхъ грѣховъ, на которую съ легкимъ сердцемъ вступилъ нашъ библіографъ, думая отыскать на ней матеріалы для сообщенія сборнику сочиненій Пушкина еще небывалой у насъ полноты. Въ погонѣ за этимъ пустымъ призракомъ г. Ефремову удалось только представить зрѣлище, по истинѣ рѣдкое даже и въ лѣтописяхъ русскаго книгопечатанія,

прославившагося, какъ извѣстно, своимъ неряшествомъ. Словно по приговору какой-то Немезиды, является у г. Ефремова рядъ невольныхъ противорѣчій и промаховъ, покрупнѣе всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ посвятилъ въ своихъ примѣчаніяхъ самыя желчныя, грубыя слова, какія только у него находились въ распоряженіи. Приписавъ неосновательно Пушкину безобразную балладу „Тѣнь Баркова", онъ прибѣгаетъ къ вырѣзкѣ страницы, на которой красовалось это стихотвореніе, и забываетъ, къ удивленію, исключить въ примѣчаніи и въ алфавитѣ ссылку на него и на страницу, уже несуществующую, гдѣ оно было приведено (Т. I, с. 511 и 576). Въ другой разъ онъ публично предувѣдомляетъ читателей о точно такой же вырѣзкѣ и по тому же поводу произведенной имъ въ какомъ-то томѣ, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ перепутанные листы этого же тома съ прозаическомъ текстомъ Пушкина, обмѣнивать на другія болѣе правильныя, заготовленныя ad hoc („Новое Время", 1880). Но все это, повторяемъ, можетъ считаться еще мелочью въ сравненіи съ тѣмъ, что добытые съ такими жертвами и катастрофами блеклые цвѣты пушкинской секретной производительности, редакторъ вплелъ въ одинъ вѣнокъ съ самыми роскошными, чистыми, благоуханными цвѣтами неумирающей его поэзіи. Такъ—соблазнительныя пьесы: „Олинькѣ Масонъ" и „Платонизмъ" идутъ рука объ руку съ художественными антологическими: „Дорида", „Доридѣ", за непристойной „Къ Еврейкѣ" слѣдуетъ, черезъ одно стихотвореніе, „Наполеонъ"; вдохновенное „къ Овидію" соприкасается, поверхъ двухъ маленькихъ отрывковъ, съ цинической „Иной имѣлъ мою Аглаю", и вообще контрасты, рѣжущіе глаза, встрѣчаются безпрестанно въ изданіи и составляютъ его отличительный характеръ.

Могутъ сказать однако: такъ было и въ жизни поэта, полной контрастами, и редакторъ не виноватъ, когда по деспотическому указанію цифръ годовъ свелъ ихъ вмѣстѣ и поставилъ другъ противъ друга. Въ томъ и дѣло, что такъ не было въ жизни, что между Пушкинымъ, писавшимъ „Подражанія Корану" и тѣмъ же Пушкинымъ, чертившимъ „Дѣдушка игуменъ", лежитъ гораздо болѣе пространства и времени, хотя они и принадлежатъ къ одному году, чѣмъ показываетъ хронологическій сборникъ, гдѣ они раздѣлены одной секундой, нужной чтецу для перехода отъ произведенія къ произведенію, почему и кажутся какъ-бы слитными, да въ-добавокъ и написаны-то они двумя разными Пушкиными, не имѣющими ничего общаго между собою. Одинъ изъ нихъ, именно тотъ, котораго силится воскресить г. Ефремовъ, намъ вовсе чуждъ и носитъ извѣстную физіономію своего времени, общую его сверстникамъ, какъ вы-

дающимся изъ толпы, такъ и тѣмъ, которые ничѣмъ не отмѣтили своего существованія на землѣ. Только другой Пушкинъ, тотъ, который признанъ единогласно воспитателемъ русскаго общества, мощнымъ агентомъ его развитія и объяснителемъ духовныхъ силъ, присущихъ народу — только этотъ намъ и нуженъ, а о его двойникѣ намъ достаточно общей характеристики, нѣсколькихъ сохранившихся о немъ преданій, да отмѣтки тѣхъ нравственныхъ чертъ и особенностей, которыя составляли уже общее достояніе обоихъ видовъ Пушкина. Важное поученіе для современниковъ нашихъ, конечно, несетъ съ собой и этотъ второй, побочный, такъ сказать, типъ нашего поэта, если его изучить съ надлежащей политической и этической точки зрѣнія, но цѣнить его бесѣду наравнѣ съ той, которая исходила отъ настоящаго, великаго Пушкина—мы уже не можемъ, а потому и ставить ихъ рядомъ кажется намъ болѣе чѣмъ ошибкой. Кто же, кромѣ дѣтей, будетъ заниматься тѣнью, бросаемою человѣкомъ, когда передъ нимъ стоитъ самъ человѣкъ и притомъ какой! Въ предисловіи къ своему изданію, г. Ефремовъ выражаетъ сожалѣніе, что не имѣлъ въ рукахъ рукописей поэта, но мы готовы признать это обстоятельство за большое счастіе для русской публики и литературы. Чтó бы сталось съ нравственнымъ образомъ Пушкина, если бы всѣ откровенія, содержащіяся въ рукописяхъ, достигли до насъ въ комментаріяхъ г. Ефремова и черезъ посредство того способа относиться къ предметамъ изслѣдованія, который имъ усвоенъ; мы получили бы, конечно, не изображеніе Пушкина, а кое-что другое, подъ его именемъ...

Крайнее непониманіе поэта, за изданіе котораго онъ принялся, г. Ефремовъ обнаружилъ съ особой силой въ ужасѣ и негодованіи по случаю двойныхъ числовыхъ помѣтокъ, встрѣчающихся на рукописяхъ и стихотвореніяхъ Пушкина. Онъ пишетъ горячую діатрибу противъ стараго изданія 1855 г., указавшаго нѣсколько примѣровъ такихъ двойственныхъ помѣтокъ, и обвиняетъ за нихъ его редактора, недосмотрѣвшаго явныхъ противорѣчій въ ихъ цифрахъ. Не довольствуясь помѣщеніемъ діатрибы въ своемъ изданіи (т. I, с. 509), г. Ефремовъ пересылаетъ ее еще въ „Русскую Старину, гдѣ она любезно принимается составителемъ біографическаго очерка А. С. Пушкина, который отводитъ ей мѣсто въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, („Русская Старина“ 1880, іюнь, стр. 320). Но этотъ монологъ г. Ефремова, на обличительную силу котораго онъ такъ надѣялся, сослужилъ ему предательскую службу: онъ разоблачилъ его собственное непониманіе особенностей творческой производительности Пушкина и подтвердилъ съ непререкаемой очевидностію, что для настоящаго

пониманія мало одного собиранія и знанія библіографическихъ мелочей, ограниченныхъ, такъ сказать, произведеній русской словесности, примѣтъ и внѣшняго вида ея главныхъ памятниковъ и проч. Далѣе этого нейдетъ редакторъ новаго сборника. Не говоря уже о странности предположенія, что редакторъ стараго изданія 1855 могъ выдумать помѣтки Пушкина, имъ приводимыя, на что намекаютъ ироническія слова г. Ефремова: „въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ онъ *вычиталъ* разныя указанія“ („Русская Старина“, ib.); но какъ было не остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что этотъ редакторъ постоянно и съ необъяснимымъ упорствомъ проводитъ несходныя числовыя помѣтки Пушкина, которыя иногда расходятся между собою только двумя-тремя днями? Такъ, при „Полтавѣ“ свидѣтельствуется о двухъ пушкинскихъ помѣткахъ, 27 и 29 октября, при стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“ 2 и 5 августа, при пьесѣ „Разставаніе“ 5 и 8 октября и т. д.; чѣмъ же можетъ объясняться эта настойчивость въ показаніяхъ? Ошибаться сплошь, безпрерывно, врядъ ли возможно и самому вѣтреному человѣку. Можетъ статься, что г. Ефремовъ и не написалъ бы своей патетической діатрибы, если бы принялъ въ соображеніе общеизвѣстный, много разъ разслѣдованный и утвержденный фактъ, что Пушкинъ удостоивалъ числовыми помѣтками всѣ случаи и обстоятельства, сопровождавшіе какой-либо изъ его трудовъ. Онъ отмѣчалъ начало почти каждаго своего созданія и конецъ его, также какъ начало и конецъ его переписки на-бѣло, весьма часто и поправку, сдѣланную въ немъ, иногда даже время первой мысли о произведеніи. Поэтъ, видимо, имѣлъ намѣреніе сберечь про себя и для дальнѣйшихъ цѣлей своихъ память о малѣйшихъ подробностяхъ своей творческой дѣятельности, подобно тому, какъ для автобіографіи онъ записывалъ каждую свою мысль, безъ разбора, о чемъ уже было упомянуто. Знай это г. Ефремовъ, онъ не удивился бы, встрѣтивъ разныя числовыя помѣтки, которыя и не могли быть схожи, относясь къ различнымъ моментамъ и случаямъ производства стихотвореній, и не пришелъ бы въ забавное негодованіе? Гораздо болѣе правъ на удивленіе заслуживаетъ то, что г. Ефремовъ, пользовавшійся широко старымъ изданіемъ 1855 г. для существенной, объяснительной части своихъ примѣчаній, не пожелалъ на этотъ разъ обратиться къ нему за полученіемъ недостающихъ свѣдѣній о литературныхъ пріемахъ и привычкахъ Пушкина. Тамъ онъ нашелъ бы указаніе, что существуютъ еще и *загадочныя* числовыя помѣтки Пушкина, смыслъ которыхъ очень хорошо понималъ ихъ авторъ, но ключъ къ которымъ теперь потерянъ. Вмѣсто того, онъ указываетъ на два-три типографскихъ промаха стараго изданія, на двѣ-три *явныхъ* описки, что могло бы

заслужить еще благодарность читателей, если бы сдѣлано было не яростно и въ болѣе скромномъ тонѣ, который приличествовалъ человѣку, представившему и съ своей стороны образцы ошибокъ, вырѣзокъ и издательскихъ грѣховъ, весьма замѣчательные.

Не можемъ покинуть этого страннаго недоразумѣнія, не указавъ еще одной характерической черты въ полемикѣ, поднятой г. Ефремовымъ. Пересматривая его примѣчанія, мы набрели на курьёзъ между многими другими, который заслуживаетъ сохраненія. Оказывается, что г. Ефремовъ въ собственныхъ своихъ матеріалахъ, въ документахъ, находившихся у него подъ руками, уже встрѣтилъ различныя числовыя помѣтки Пушкина, нисколько его, однако же не успокоившія его полемики, и не только что встрѣтилъ, но и самъ засвидѣтельствовалъ. Такъ стихотвореніе Пушкина „Зачѣмъ безвременную скуку", онъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „явилось въ печати... только въ 1827, въ „Московскомъ Вѣстникѣ", № 2, и перепечатано въ изданіи 1829, гдѣ отнесено *самимъ авторомъ* къ 1821 году... Между тѣмъ, въ бывшую Чертковскую библіотеку поступилъ *собственноручный пушкинскій* оригиналъ этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ помѣткою: 1-го ноября 1826 г. Москва" (т. I, изд. Ис., стр. 557). Кажется, свидѣтельство достаточно ясное о томъ, что Пушкинъ дѣлалъ отмѣтки на стихотвореніяхъ, по соображеніямъ, конечно весьма важнымъ и основательнымъ для него, но уже темнымъ и необъяснимымъ для насъ. Можно было думать, что имѣя передъ глазами такой примѣръ, самъ г. Ефремовъ измѣнитъ свой взглядъ на явленіе, поминутно встрѣчаемое въ рукописяхъ поэта, и постарается вникнуть въ него, исправивъ прежнія ошибочныя заключенія. Вышло наоборотъ: заключенія остались нетронутыми, рядомъ съ фактами, ихъ опровергающими. Такъ, увидавъ, что старое изданіе перенесло извѣстную „Сцену изъ Фауста" въ 1826 годъ изъ 1825, подъ которымъ она стояла въ пушкинскомъ изданіи 1829 года, г. Ефремовъ дѣлаетъ строгое внушеніе редактору за этотъ переносъ, прибавляя: „не могъ же Пушкинъ въ началѣ 1829 года уже забыть: въ 1825 или въ 1826 году писалъ онъ эту сцену"? (I, с. 414). Очень хорошо, но какъ же объяснить послѣ того, что черезъ нѣсколько страницъ самъ же г. Ефремовъ указываетъ на примѣръ забывчивости Пушкина, который пьесу свою „Зачѣмъ безвременную скуку" (см. выше) отнесъ одинъ разъ къ 1821, а другой къ 1826 г. Всѣ подобныя несообразности имѣютъ одну исходную точку у г. Ефремова: онъ ведетъ кропотливые протоколы всему, что видитъ его глазъ, и уже не даетъ себѣ труда провѣрить видѣнное мыслію, понять общій смыслъ фактовъ и поискать общаго ихъ источника въ тѣхъ случаяхъ, когда

они выступаютъ, такъ сказать, толпой, и со всѣхъ сторонъ. При болѣе внимательномъ отношеніи къ своему предмету, г. Ефремовъ убѣдился бы, что о забывчивости Пушкина или невѣрности его переписчиковъ не можетъ быть тутъ и рѣчи, а что есть очень важный вопросъ для обсужденія. За разницей числовыхъ помѣтокъ поэта скрывается всегда дѣльная, серьёзная причина, а иногда загадочное число заключаетъ въ себѣ весьма любопытный творческій или біографическій секретъ, открытіе котораго именно и составляетъ прямую задачу настоящаго изслѣдователя [1])...

Извиняясь передъ читателями нашими за то, что принуждены были ввести его, такъ сказать, въ лабораторію г. Ефремова, гдѣ онъ занимается выплавкой и выковкой всѣхъ тѣхъ приговоровъ, догадокъ, заключеній и обвиненій, образцы которыхъ здѣсь представлены. Не легко было и самому руководителю пробираться въ этомъ хаотическомъ смѣшеніи дѣльнаго и недѣльнаго,—до истины, до настоящаго смысла и значенія разбираемыхъ предлоговъ. Много еще замѣчательныхъ въ своемъ родѣ проявленій редакторскаго самоуправства приходилось при этомъ оставить нетронутыми на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стоятъ.

Въ заключеніе скажемъ, что изданіе г. Исакова имѣетъ и весьма поучительную сторону: оно можетъ считаться своего рода знаменіемъ времени въ томъ смыслѣ, что вполнѣ обнаруживаетъ сущность направленія, принятаго одной и довольно значительною частію нашихъ дѣятелей на почвѣ исторической и біографической литературы. Это цвѣтокъ, выросшій въ школѣ тѣхъ археологовъ и изыскателей, которые, освободивъ себя отъ труда мышленія, замѣнили его трудомъ простого собиранія документовъ, сличенія разностей между текстами, перечёта отмѣтокъ, какія существуютъ на различныхъ актахъ, и тому подобными предварительными работами, считая ихъ за самую науку историческихъ и литературныхъ изслѣдованій и устраняя, какъ излишество, критику и оцѣнку пріобрѣтенныхъ фактовъ, *по существу*. Люди эти, сдѣлавшіе себѣ призваніе изъ подбора остат-

---

[1]) Поиски за одной точностію, не осмысленной идеею и преслѣдующей мелкіе факты, приводятъ г. Ефремова, по временамъ, къ комическимъ выходкамъ. Таково примѣчаніе къ лицейскому посланію Пушкина 1815 года „баронессѣ М. А. Дельвигъ", которой тогда было 8 лѣтъ: „Напечатано,—говоритъ онъ,—въ VII томѣ изданія г. Анненкова, и хотя подъ стихами написано время ихъ сочиненія, но вѣроятно или *поэтъ ошибся*, или годъ прочитанъ невѣрно, потому что въ первомъ же стихѣ говорится: „вамъ 8 лѣтъ, а мнѣ 17 било". Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. —слѣдовательно 17 лѣтъ ему пробило не раньше мая 1816 г." (т. I, с. 518). Совершенно справедливо—поэтъ ошибся, не справившись, когда писалъ пьесу, предварительно съ метрическимъ своимъ свидѣтельствомъ; но стоило ли вооружаться справками?

ковъ недавняго прошлаго нашего, изъ механической сортировки крупицъ, упавшихъ со стола общественныхъ нашихъ дѣятелей, конечно, имѣютъ право на уваженіе; но какъ бы измѣнилось достоинство ихъ трудовъ, если бы они не питали глубокаго презрѣнія ко всякимъ попыткамъ обобщать факты, извлекать изъ нихъ опредѣленіе, основываясь на внутреннемъ ихъ содержаніи, достигать положительныхъ выводовъ заключеній, опираясь на *мысль*, полученную изъ сущности и духа самихъ собранныхъ ими матеріаловъ. Отвращеніе, обнаруживаемое искателями этого рода ко всякому порядку идей и размышленій, непреодолимо. Оно преимущественно возникаетъ изъ того мелкаго резонерствующаго скептицизма, который признаетъ право на достовѣрность только за голымъ фактомъ, взятымъ одиноко, а права на званіе точнаго историческаго свидѣтельства только за подробнымъ описаніемъ формы явленія.

Изданіе сочиненій Пушкина, г. Исакова, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ замѣткахъ своего редактора есть самое вѣрное и пышное выраженіе качествъ и недостатковъ направленія, о которомъ идетъ рѣчь. При полномъ отсутствіи первыхъ, необходимѣйшихъ условій осмысленнаго издательскаго плана—оно отличается такимъ обиліемъ всяческихъ справокъ, указаній, свѣдѣній, что будущимъ издателямъ Пушкина, которые, полагать должно, не замедлятъ явиться, придется совѣщаться съ нимъ не одинъ разъ. Правда, что имъ будетъ предстоять нелегкій трудъ поправлять въ замѣткахъ г. Ефремова преднамѣренныя увлеченія и ошибки и пробиваться до зерна его указаній сквозь густой, удушливый, *полемическій* туманъ, въ который онъ облекъ свои комментаріи. Но самымъ труднымъ для новыхъ предпринимателей будетъ, конечно, необходимость возвратить сборнику сочиненій Пушкина приличный и серьёзный характеръ, потерянный имъ въ теперешнемъ изданіи. При соблюденіи этихъ условій замѣтки послѣдняго могутъ очень пригодиться и войти въ составъ дѣльной классической книги о Пушкинѣ, которая исполнитъ свое назначеніе служить одинаково какъ юношеству, такъ и возмужалымъ людямъ источникомъ чистыхъ впечатлѣній и невозмутимаго умственнаго и эстетическаго наслажденія.—N. N.

Къ этимъ послѣднимъ заключеніямъ считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку. Справедливо, что наша исторія и біографія новѣйшаго времени страдаетъ указанными недостатками, но не должно забыть и значительныхъ услугъ, оказанныхъ имъ новыми археографами и библіографами. Не всегда они такъ мелочны. Напротивъ,

они именно вывели на свѣтъ много фактовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ; они сдѣлали много для предварительной очистки текста писателей, собрали массу данныхъ для литературной біографіи, и т. п. Въ этомъ отношеніи несправедливо забыть и заслуги г. Ефремова: ему принадлежатъ цѣнныя работы надъ писателями XVIII вѣка (въ изданіи г. Глазунова), надъ Лермонтовымъ и Жуковскимъ (въ послѣднемъ изданіи). Назовемъ еще немногимъ извѣстный трудъ г. Ефремова: приготовленное имъ полное изданіе сочиненій Радищева, истребленное, въ качествѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Лонгиновымъ, извѣстнымъ библіографомъ—той школы, о которой говоритъ г. N. N.—*Ред.*

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ.

Въ дни празднованія открытія памятника Пушкину 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ другому геніальному писателю нашему Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова, передъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято Государемъ Императоромъ, и Его Величество 6-го августа 1880 года Всемилостивѣйше

соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе памятника Гоголю въ Москвѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, соорудивъ памятникъ первому своему любимцу А. С. Пушкину, воздвигнетъ такой же и другому столь же излюбленному ею писателю, другой ея славѣ, Н. В. Гоголю.

Пожертвованія на памятникъ принимаются въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ сдѣлано объявленіе о подпискѣ, по предложенію Общества, или высылаются въ пакетахъ на имя казначея Общества любителей Россійской Словесности Ѳедора Богдановича Миллера (Москва, Машковъ пер., собственный домъ).

Къ этому объявленію, доставленному намъ отъ московскаго Общества любителей Россійской Словесности, должно, къ сожалѣнію, прибавить извѣстіе о послѣдовавшей на этихъ днахъ смерти Ѳ. Б. Миллера, давно составившаго себѣ уважаемое имя стихотворными переводами изъ иностранныхъ литературъ, и въ Москвѣ очень извѣстнаго также своимъ небольшимъ журналомъ „Развлеченіе."—*Ред.*

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1881.

Книга первая.—Январь.

	СТР.
Изъ Пушкинской переписки.—Восемь писемъ Пушкина къ Дельвигу, 1823—1830 г.—Съ предисловіемъ и примѣчаніями.—В. П. ГАЕВСКАГО.	5
Любопытная тяжба.—П. В. АННЕНКОВА	16
Умереть—уснуть.—Разсказъ.—П. Д. БОБОРЫКИНА.	44
Ученіе о не-свободѣ воли, съ практической стороны.—И. М. СѢЧЕНОВА. .	78
Океаниды.—Изъ Анри Казалиса.—Стих. В. С. ЛИХАЧЕВА.	96
Бонапартизмъ при Макъ-Магонѣ. — Страница изъ исторіи современной Франціи. — Souvenirs de la présidence du maréchal de Mac-Mahon, par Ernest Daudet.—Е. Р.	97
Ѳедонька.—Очеркъ изъ южно-русскаго быта.—И. П.	145
Наука и литература въ современной Англіи. — Письмо тринадцатое. — А. РЕНЬЯРА	168
Спорный вопросъ нашего судоустройства.—I-III.—А. Ѳ. КОНИ	190
Раздвоенное копыто.—Романъ миссъ Брэддонъ.—Часть первая.—I-VI.—Съ англійскаго. — О. П.	236
Сатира Щедрина.—Очерки изъ современной литературы.—ЕВГ. УТИНА. . .	303
Хроника.—Наше городское самоуправленіе.—Изъ общественной жизни города Петербурга. — К. ОРД.	328
Кабинетная реформа уѣздныхъ училищъ.—Н. П—ЛОВА.	360
Внутреннее обозрѣніе.—Общій характеръ истекшаго года.—Преобладающая его черта—перемѣна въ личномъ составѣ министерста народнаго просвѣщенія.—Различіе между отрицаніемъ ломки и отказомъ отъ дѣятельности.—Послѣднія событія въ университетской жизни въ связи съ гимназическою „зрѣлостью".—Вліяніе ученическихъ „Правилъ" 1874 года на такую „зрѣлость".—Система „сообщеній" и „Правила о взысканіяхъ".—Обзоръ управленія государственными имуществами за послѣднія 25 лѣтъ, и различныя направленія вѣдомства въ теченіи всего этого времени.—Вопросъ о системѣ правильнаго употребленія казенныхъ земель. . . .	381
Малорусское слово.—Н. И. КОСТОМАРОВА	401
Малорусско-Галицкія отношенія.—А. Н. ПЫПИНА	407
Радищевскій музей А. П. Боголюбова.—А. Н. ПЫПИНА.	411
Иностранная политика.—Общее положеніе дѣлъ на Востокѣ.	422
Литературное обозрѣніе. — I. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. сочиненіе Ивана Соколова.—II. О воспитаніи съ гигіенической точки зрѣнія. Рѣчь доц. Ир. Скворцова.—III. Dizionario biografico degli scrittori contemporanei, ornato di oltre 300 ritratti, diritto da Angelo de Gubernatis. —IV. Русскія мелодіи.—Первый итальянскій переводъ съ русскимъ текстомъ Е. В. Фулька и Д. Чіамполи, съ предисловіемъ проф. Анджело де-Губернатисъ.	435
Извѣстія. — Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, предварительныя свѣдѣнія относительно третьяго Международнаго Географическаго конгресса въ Венеціи	450

Библіографическій листокъ.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV и V.—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ѳ. Корша, вып. VII. — Историческая христоматія по русской исторіи, составл. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.— Разсказы для дѣтей младшаго возраста, О, И. Шмидтъ. — Каинъ. Мистерія лорда Байрона. Сидъ. Драма (траги-комедія) Корнеля. Родогюна. Трагедія Корнеля. Пер. Е. Барышовъ.

Книга вторая.—Февраль.

	стр.
Пріемыши.—Очеркъ изъ жизни брошенныхъ дѣтей.—И. ПОЛОЦКАГО . . .	453
Прямые налоги въ Россіи.—Опытъ устройства ихъ на подоходномъ основаніи.— Ю. ЖУКОВСКАГО	485
Записки степняка.—X.—Серафимъ Ежиковъ.—А. И. ЭРТЕЛЯ.	526
Новая біографія Байрона.—Byron, by John Nichol.—А. С.	561
Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ.—X-XII.—В. Д. СПАСОВИЧА.	608
Изъ Пушкинской переписки.—Письма Пушкина о „Борисѣ Годуновѣ“.—Съ замѣчаніями В. П. ГАЕВСКАГО	643
Русскіе раціоналисты.—1. Субботники.—2. Духоборцы.—Е. Р. . . .	650
Изъ Виктора Гюго.—В. С. ЛИХАЧЕВА.	690
Раздвоенное копыто.—Романъ миссъ Брэддонъ.—Часть первая. VII—XIV.— Съ англійскаго.	691
Хроника.—Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ.—По поводу статьи Д. Ѳ. Самарина въ газетѣ „Русь“.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА.	773
Внутреннее Обозрѣніе.—Государственный бюджетъ на 1881 годъ.—Общія соображенія.—Очеркъ нашихъ послѣднихъ финансовыхъ системъ. — Экономія, какъ основная черта новаго бюджета.—Предполагаемые доходы на 1881 г., и особенности въ ихъ вычисленіи.—Прямые налоги.—Подушная подать.—Поземельный налогъ.—Промысловый налогъ.—Питейный, табачный и сахарный акцизы.—Таможня.—Желѣзныя дороги.—Государственные расходы и долги.—Кредитные билеты	794
Корреспонденція изъ Берлина.—Назадъ или впередъ.—К.	827
Корреспонденція изъ Лондона.—G. R. G.	851
Иностранная Политика.—Политика и народъ.—По поводу ирландскаго вопроса	870
Литературное Обозрѣніе.—I.—Масоны.—Ром. А. Ѳ. Писемскаго.—Ю. Добрынинъ, Пейсъ-Паша и его консорты.—Русскіе простонародныя травники и лечебники В. М. Флоринскаго. — II. — Святе письмо Нового Завіту. —П. А. Куліш и др. И. Пулюй, ...	882
Новое изданіе сочиненій Пушкина, г. Исакова подъ редакціей П. Ефремова.—N. N.	899
Извѣстія.—Отъ Общества любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ, объ открытіи подписки на памятникъ Гоголю.	917
Библіографическій Листокъ.—И. А. Гончарова, Четыре Очерка.—П. Огородниковъ. Страна Солнца. — Цицеронъ и его друзья. Соч. Гастона Буасье. Переводъ Маріи Корсакъ.—Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.—Основы гигіены. Сост. Я. Симоновичъ.	

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Гончаровъ. Четыре очерка.—Литературный вечеръ.—Мильонъ терзаній.—Замѣтки о личности Бѣлинскаго.—Лучше поздно чѣмъ никогда. Спб. 1881. 293 стр. Ц. 2 р.

Изъ этихъ четырехъ очерковъ первымъ былъ напечатанъ (въ „Вѣстникѣ Европѣ“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ) „Мильонъ терзаній“. Онъ не былъ тогда подписанъ полнымъ именемъ автора; такъ какъ это былъ первый случай критическаго этюда у г. Гончарова, то не всѣ тотчасъ узнали автора, но это не помѣшало очерку произвести сильное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, это—лучшее донынѣ опредѣленіе Чацкаго, и съ нимъ цѣлой комедіи Грибоѣдова, написанное и съ глубокимъ пониманіемъ историческихъ положеній мыслящаго человѣка въ русскомъ обществѣ, и съ великимъ мастерствомъ литературнымъ. Позднѣе, явились въ печати двѣ другія статьи, литературно-критическаго характера: одна „Лучше поздно чѣмъ никогда“—съ размышленіями и объясненіями автора о своей собственной литературной дѣятельности, и другая—„Литературный вечеръ“. Обѣ пьесы опять послужили предметомъ оживленныхъ толковъ въ печати. Наконецъ, въ первый разъ являются „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“,—изъ личныхъ воспоминаній г. Гончарова, психологическая характеристика, очень любопытная и послѣ всего того, что было писано о знаменитомъ критикѣ его современниками и біографами.—Мы надѣемся возвратиться къ книгѣ г. Гончарова.

П. Огородниковъ. Страна Солнца. Съ картою. Спб. 1881. V и 353 стр. Ц. 2 р.

Г. Огородниковъ—очень усердный путешественникъ и описыватель своихъ путешествій. Онъ издалъ книги: „Отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію“, „На пути въ Персію и Прикаспійскія провинціи ея“, наконецъ, „Очерки Персіи“. Нынѣшній разъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ онъ издалъ разсказъ о своемъ пребываніи на сѣверѣ Персіи и въ ея провинціи Хорасанѣ.—„Страна Солнца“ въ примѣненіи къ Хорасану есть, конечно, манерная фраза, потому что есть „страны солнца“ почище Хорасана. Въ пути своемъ авторъ видѣлъ немало интересныхъ образчиковъ самаго настоящаго азіатскаго быта; но къ сожалѣнію авторъ недостаточно позаботился о литературной отдѣлкѣ своихъ разсказовъ. Стиль его—отрывочный; описанія мѣстъ, обстановки, людей, хотя и не лишены рѣзкихъ чертъ и сильныхъ выраженій, тѣмъ не менѣе очень неопредѣленны и некартинны. Эта небрежность вредитъ разсказу самымъ серьёзнымъ образомъ, и надо желать, чтобы авторъ обратилъ вниманіе на эту сторону своихъ трудовъ, очень любопытныхъ по ихъ тэмѣ.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буасье. Переводъ со второго изданія Маріи Корсакъ. Москва, изданіе К. Т. Солдатенкова. 1880. 340 стр. Ц. 2 р.

Эта книга—полезное обогащеніе популярной исторической литературы. Кромѣ Цицерона, изображаемаго въ его общественной и частной жизни, здѣсь даются характеристики замѣчательнѣйшихъ лицъ его эпохи—Аттика, Целія, Цезаря, Брута, Октавія. Французская литература очень богата трудами по классической древности и нѣкогда считала почти ненужнымъ справляться, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ другихъ литературахъ, особливо нѣмецкой, которая, однако, не только ей не уступала, но даже превосходила ее своимъ богатствомъ въ этой области. Теперь Буассье на первыхъ же строкахъ указываетъ, что въ своемъ трудѣ онъ „много пользовался сочиненіями, изданными въ Германіи, и преимущественно прекрасной Римской исторіей Момсена, отличающейся въ одно и то же время и ученостью, и живостью... Въ настоящее время, Момсенъ—учитель всѣхъ, изучающихъ Римъ и его исторію“. Это—одинъ изъ любопытныхъ образчиковъ того поворота, который происходитъ въ литературныхъ мнѣніяхъ во Франціи.

Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова. Дешевое изданіе. Выпускъ 1-й. Изданіе М. П. и С. П. Савостьяновыхъ. 1881. Типографія Гагенъ въ Москвѣ. Цѣна за десять рисунковъ 1 р. 20 к.

Въ этомъ выпускѣ заключается девять рисунковъ къ поэмѣ „Морозъ красный носъ“ и одинъ рисунокъ къ стихотв. „Рыцарь на часъ“. Форматъ рисунковъ отвѣчаетъ большой восьмушкѣ, и издатели замѣчаютъ, что „по своему размѣру, рисунки могутъ быть вплетены въ книги сочиненій Некрасова, какъ послѣдняго, такъ и прежнихъ изданій“.—Замѣчаніе довольно излишнее. Вплетать *одни* эти десять рисунковъ нѣтъ, кажется, надобности; а если, въ *той же* пропорціи, выйдутъ остальные выпуски, то вплести рисунки будетъ почти невозможно. Къ сожалѣнію, издатели не дали никакого указанія о томъ, когда послѣдуютъ другіе выпуски. Какъ бы то ни было, однако, самые рисунки заслуживаютъ вниманія. Не всѣ они равнаго интереса,—похоронные сюжеты взяли слишкомъ много мѣста,—но нѣкоторые рисунки по истинѣ прекрасны.—Издатели не назвали и имени художника. Мы слышали, что рисовальщикъ есть деревенскій самоучка, котораго познакомили съ стихотвореніями Некрасова, и который по-своему выразилъ въ рисункахъ произведенное ими на него впечатлѣніе. Если это справедливо, то рисунки получаютъ еще особый интересъ.

Основы гигіены. Состав. Я. Симоновичъ. Спб. 1880. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Трудъ г. Симоновича, написанный на основаніи лучшихъ работъ по гигіенѣ въ Россіи и заграницей, обнимаетъ собою всѣ главныя условія жизни, начиная съ воздуха, который для многихъ вовсе не есть даръ природы, а результатъ тяжелой жизненной обстановки, и кончая пищею. Особенное вниманіе посвящено авторомъ дѣтству и школѣ, поглощающимъ отъ 1/4 до 1/3 жизни. Въ заключеніе, говорится подробно о трудѣ, условія котораго могутъ быть убійственны, о народныхъ повальныхъ болѣзняхъ и объ испытанныхъ мѣрахъ противъ нихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1881 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	5 р.
Съ доставкою . .	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою . .	16 »	8 »	4 » — »
Съ пересылкою . .	17 »	9 »	5 » — »
За-границей	25 »	13 »	7 » — »

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—1 р. 25 к.; съ доставкою—1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 75 к., за-границей—3 руб.

☞ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☜

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по журналу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногородныхъ въ городскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА“:
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

